

ISSN 2587-8123 (Print)
ISSN 2658-5995 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2020

Том 19. № 1

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

THE LOWER VOLGA
ARCHAEOLOGICAL BULLETIN

2020

Volume 19. No. 1

THE LOWER VOLGA ARCHAEOLOGICAL BULLETIN

2020. Vol. 19. No. 1

Academic Periodical

First published in 1998

2 issues a year

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФС77-68211** of December 27, 2016)

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

Editorial Staff:

A.S. Skripkin – Dr. Sc., Prof., Chief Editor (Volgograd);
M.V. Krivosheev – Cand. Sc., Executive Secretary (Volgograd);
K.S. Kovaleva – Assistant Editor (Volgograd);
V.I. Moiseev – Assistant Editor (Volgograd);
N.G. Glazkova – Cand. Sc., Assoc. Prof., Editor of English Texts (Volgograd);
M.A. Balabanova – Dr. Sc., Prof. (Volgograd);
V.M. Klepikov – Cand. Sc., Assoc. Prof. (Volgograd);
E.V. Pererva – Cand. Sc. (Volgograd);
A.N. Dyachenko (Volgograd)
N.M. Malov – Cand. Sc. (Saratov);
V.N. Myshkin – Cand. Sc. (Samara)

Editorial Board:

Dr. Sc., Prof. *A.I. Aybabin* (Simferopol); Dr. Sc. *A.Yu. Alekseev* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Acad. of RAS *Kh.A. Amirkhanov* (Moscow); Cand. Sc. *A.V. Borisov* (Pushchino); Dr. Sc., Acad. of RAS *A.P. Buzhilova* (Moscow); Dr. Sc., Prof. *M.S. Gadzhiev* (Makhachkala); Dr. Sc. *I.P. Zasetzkaya* (Saint Petersburg); Dr. Sc. *E.D. Zilivinskaya* (Moscow); Dr. Sc., Corr. Member of RAS *A.I. Ivanchik* (Moscow); Docteur habilité *M.M. Kazanskiy* (Paris, France); Dr. Sc. *A.G. Kozintsev* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *L.N. Koryakova* (Yekaterinburg); Dr. Sc., Ass. Prof. *V. Kulchar* (Szeged, Hungary); Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don); Cand. Sc. *V.Yu. Malashev* (Moscow); Dr. Sc., Prof. *S.Yu. Monakhov* (Saratov); Dr. Sc., Prof. *N.L. Morgunova* (Orenburg); Dr. Sc. *M.G. Moshkova* (Moscow); Dr. Sc., Prof. *L.F. Nedashkovsky* (Kazan); Dr. Sc. *A.M. Oblomskiy* (Moscow); Dr. Sc., Prof., Corr. Member of RAS *N.V. Polosmak* (Novosibirsk); Cand. Sc. *B.A. Raev* (Rostov-on-Don); Dr. Sc. *A.V. Simonenko* (Kiev, Ukraine); Dr. Sc. *M.Yu. Treister* (Bonn, Germany); Dr. Sc., Prof. *A.M. Khazanov* (Madison, USA); Dr. Sc., Prof. *I.N. Khrapunov* (Simferopol)

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova*,
N.M. Vishnyakova, *Yu.I. Nedelkina*
Making up and technical editing: *O.N. Yadykina*

Passed for printing March 20, 2020.

Date of publication June , 2020. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 27.6. Published pages 29.7.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–70).

Order 92. «C» 10.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St. 32, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-35. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: nav@volsu.ru

Journal Website: <https://nav.jvolsu.com>

English version of the Website:

<https://nav.jvolsu.com/index.php/en>

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2020. Т. 19. № 1

Научный журнал

Основан в 1998 году

Выходит 2 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-68211 от 27 декабря 2016 г.)

Журнал включен в базу **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**

Редакционная коллегия:

А.С. Скрипкин – д-р ист. наук, проф., главный редактор (г. Волгоград);

М.В. Кривошеев – канд. ист. наук, ответственный секретарь (г. Волгоград);

К.С. Ковалева – технический секретарь (г. Волгоград);

В.И. Моисеев – технический секретарь (г. Волгоград);

Н.Г. Глазкова – канд. ист. наук, доц., редактор текстов на английском языке (г. Волгоград);

М.А. Балабанова – д-р ист. наук, проф. (г. Волгоград);

В.М. Клепиков – канд. ист. наук, доц. (г. Волгоград);

Е.В. Перерва – канд. ист. наук (г. Волгоград);

А.Н. Дьяченко (г. Волгоград);

Н.М. Малов – канд. ист. наук (г. Саратов);

В.Н. Мышкин – канд. ист. наук (г. Самара)

Редакционный совет:

д-р ист. наук, проф. *А.И. Айбабин* (г. Симферополь);

д-р ист. наук *А.Ю. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);

д-р ист. наук, акад. РАН *Х.А. Амирханов* (г. Москва);

канд. биол. наук *А.В. Борисов* (г. Пушкино); д-р ист.

наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва); д-р ист.

наук, проф. *М.С. Гаджиев* (г. Махачкала); д-р ист.

наук *И.П. Засецкая* (г. Санкт-Петербург); д-р ист. наук

Э.Д. Зиливинская (г. Москва); д-р ист. наук, чл.-кор.

РАН *А.И. Иванчик* (г. Москва); д-р хаб. *М.М. Казан-*

ский (г. Париж, Франция); д-р ист. наук *А.Г. Козин-*

цев (г. Санкт-Петербург); д-р ист. наук, проф.

Л.Н. Корякова (г. Екатеринбург); канд. ист. наук, доц.

В. Кульчар (г. Сегед, Венгрия); д-р ист. наук *С.И. Лу-*

кьяшко (г. Ростов-на-Дону); канд. ист. наук *В.Ю. Ма-*

лашев (г. Москва); д-р ист. наук, проф. *С.Ю. Мона-*

хов (г. Саратов); д-р ист. наук, проф. *Н.Л. Моргуно-*

ва (г. Оренбург); д-р ист. наук *М.Г. Мошкова* (г. Мос-

ква); д-р ист. наук, проф. *Л.Ф. Недашковский*

(г. Казань); д-р ист. наук *А.М. Обломский*

(г. Москва); д-р ист. наук, проф., чл.-кор. РАН

Н.В. Полосьмак (г. Новосибирск); канд. ист. наук

Б.А. Раев (г. Ростов-на-Дону); д-р ист. наук *А.В. Си-*

моненко (г. Киев, Украина); д-р ист. наук *М.Ю. Трей-*

стер (г. Бонн, Германия); д-р ист. наук, проф.

А.М. Хазанов (г. Мэдисон, США); д-р ист. наук,

проф. *И.Н. Храпунов* (г. Симферополь)

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова,*

Н.М. Вишнякова, Ю.И. Неделькина

Редактор английских текстов *Ю.В. Чеметева*

Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 20.03 2020 г.

Дата выхода в свет .06 2020 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 27,6.

Уч.-изд. л. 29,7. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–70 экз.).

Заказ 92. «С» 10.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Издательство Волгоградского государственного университета.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет

Тел.: (8442) 40-55-35. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: nav@volsu.ru

Сайт журнала: <https://nav.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала:

<https://nav.jvolsu.com/index.php/en>

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Аникеева О.В., Колганова Г.Ю. Ювелирное изделие из погребения 2 кургана 1 могильника Филипповка 1: техника изготовления, назначение и семантика образов 6

Окорокон К.С., Певодчикова Е.В. Находки 2013 г. в контексте звериного стиля кургана 1 курганного могильника Филипповка 1 28

Кузнецова Т.М. К вопросу о так называемом савроматском зеркале из кургана «Огуз» 46

Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Тельнов Н.П., Лукасик С. Курган 11 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье и современное «мифотворчество» о скифских «амазонках» 64

Сиротин С.В. Дуговидные предметы (нахрапники) в составе конской сбруи ранних кочевников Южного Урала 102

Плеханова Л.Н., Каширская Н.Н., Сыроватко А.С. Активность целлюлозолитических микроорганизмов в грунтах кремнированных захоронений как индикатор деталей погребального обряда 116

Китов Е.П., Григорьев А.П. Палеоантропологическая характеристика раннесарматского населения бассейна реки Эмба по данным из могильника Мортък I 130

Савельев Н.С., Николаев С.Ю. Комплекс сарматских кинжалов из окрестностей с. Толбазы в Южном Приуралье 149

Ремизов С.О. Исследования памятников палеолита и мезолита в бассейне Дона на территории Волгоградской области 167

Хомутова Т.Э., Душанова К.С., Борисов А.В. Микробиологический подход к реконструкции исходного содержимого горшков из подкурганых захоронений 188

Яворская Л.В. Новые данные о роли Маджара в золотоордынской торговле в шкурно-кожевенной продукции: археозоологический аспект 202

Болдырева Е.М., Васильев Д.В., Зиливская Э.Д. Юртообразные жилища и постройки X–XII вв. на Самосдельском городище 211

ПУБЛИКАЦИИ

Очередной А.К., Ремизов С.О., Степанова К.Н., Ельцов М.В., Воскресенская Е.В., Вишняцкий Л.Б., Нехорошев П.Е., Блохин Е.К., Титов В.В., Колесник А.В. Среднепалеолитический памятник Сухая Мечётка: возобновление комплексных исследований 230

CONTENTS

ARTICLES

Anikeeva O.V., Kolganova G.Yu. Jewellery from Burial 2 Kurgan 1 Filippovka 1 Cemetery: Manufacturing Techniques, Purpose and Semantics of Images 6

Okorokov K.S., Perevodchikova E.V. The 2013 Finds in the Context of the Animal Style of the Kurgan 1 of the Necropolis Filippovka 1 28

Kuznetsova T.M. To the Question of the So Called Sauromatic Mirror from the Oguz Kurgan 46

Sinika V.S., Lysenko S.D., Razumov S.N., Telnov N.P., Lukasik S. Barrow 11 of the “Garden” Group in the Lower Dniester Region and Contemporary “Mythmaking” About Scythian “Amazons” 64

Sirotin S.V. Arched Objects (Noseband) as Part of a Horse Harness of the Early Nomads of the Southern Urals 102

Plehanova L.N., Kashirskaya N.N., Syrovatko A.S. Cellulosolitic Microorganisms Activity as an Indicator of Details Funeral Ceremony 116

Kitov E.P., Grigorev A.P. Paleoanthropological Characteristics of the Early Sarmatian Population of Emba Basin River According to the Data from Mortyk I Cemetery 130

Savelev N.S., Nikolaev S.Yu. Sarmatian Dagger Complex from the Surrounding Area the Village Tolbazy in the Southern Urals 149

Remizov S.O. Investigation of the Palaeolithic and Mesolithic Sites in the Don Basin on the Territory of Volgograd Region 167

Khomutova T.E., Dushchanova K.S., Borisov A.V. Microbiological Approach to Reconstruction of the Original Content of Pots from the Burials 188

Yavorskaya L.V. New Data on the Role of Madzhar in Golden Horde Trade of Skin and Leather Products Archeozoological Aspect 202

Boldyreva E.M., Vasilyev D.V., Zilivinskaya E.D. Yurta-Shaped Dwellings and Buildings of the X–XII Centuries in Samosdelka Hillfort 211

PUBLICATIONS

Otcherednoy A.K., Remizov S.O., Stepanova K.N., Eltsov M.V., Voskresenskaya E.V., Vishnyatsky L.B., Nехoroshеv P.E., Blochin E.K., Titov V.V., Kolesnik A.V. Middle Paleolithic Site Sukhaya Mechëtka: the Renewal of Complex Investigations 230

Нечвалода А.И. Краниологические материалы
эпохи поздней бронзы из Березовского V
курганного могильника в Зауралье 254

Бейсенов А.З., Шашенов Д.Т. Тасмолинские курганы
в урочище Айыртас в Центральном Казахстане 268

Ельцов М.В. Почвенно-археологические исследования
кургана Жайык-1 285

Nechvaloda A.I. Craniological Materials
of the Late Bronze Age from the Berezovsky V
Kurgan Cemetery in the Trans Urals 254

Beisenov A.Z., Shashenov D.T. Tasmola Kurgans
in Aiyrtas Valley in Central Kazakhstan 268

Eltsov M.V. Pedoarcheological Research
of the Zhayyk-1 Kurgan 285

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.1>

UDC 930.26(470+571):903.25
LBC 63.48(2)-417

Submitted: 24.02.2020
Accepted: 29.04.2020

**JEWELLERY FROM BURIAL 2 KURGAN 1 FILIPPOVKA 1 CEMETERY:
MANUFACTURING TECHNIQUES, PURPOSE AND SEMANTICS OF IMAGES**

Olga V. Anikeeva

State Research Institute for Restoration, Moscow, Russian Federation

Galina Yu. Kolganova

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
State Museum of Fine Arts named after A.S. Pushkin, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is dedicated to the publication of the unique jewelry which was found in the untouched noble female's grave-pit of the Early Sarmatian elite burial ground located at Southern Urals. It stands out with an unordinary complicated construction, polychrome style, a variety of materials and techniques used in its manufacture, central disc containing cloisonne artwork. Analysis of the item's burial context convincingly showed this item was not worn as a decoration in social life, but it was the precious relic used in religious ceremonies and ritual practices for short periods of time. A detailed study of manufacturing technology allows us to reconstruct the fastening ways and application methods for this jewelry. The search of analogies for images placed on the central medallion, made it possible to clarify its compositional semantics. Its central character is the sacred tree, guarded by the divine power of "khvarenah" deity. "Khvarenah" is presented by two guises - the winged sun disc and the sacred Veraghna birds. General meaning of the ritual reflects the idea of increasing fertility: ensuring the well-being and increasing offspring numbers, health, wealth and prosperity of the family. New Assyrian compositional scheme used in the medallion. It appeared at the beginning of the IX century BC and actively spread in Urartu and pre-Achaemenid Media since the VIII-VII centuries BC. This relic was found in the early nomadic burial site dating back to the IV century BC. All these show the significant continuity of ancient Iranian religious cults. They continue to exist in the satrapies of Achaemenid Iran, they are perceived by the elite of the Sarmatian tribes of the Southern Urals and they spread in a nomadic environment.

Key words: South Urals, early nomads, Filippovka 1 kurgan 1, disk-shaped jewelry, construction, fastening method, imagery composition, medallion plot.

Citation. Anikeeva O.V., Kolganova G. Yu., 2020. Jewellery from Burial 2 Kurgan 1 Filippovka 1 Cemetery: Manufacturing Techniques, Purpose and Semantics of Images. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, vol. 19, no. 1, pp. 6-27. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.1>

УДК 930.26(470+571):903.25
ББК 63.48(2)-417

Дата поступления статьи: 24.02.2020
Дата принятия статьи: 29.04.2020

**ЮВЕЛИРНОЕ ИЗДЕЛИЕ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ 2 КУРГАНА 1
МОГИЛЬНИКА ФИЛИППОВКА 1: ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ,
НАЗНАЧЕНИЕ И СЕМАНТИКА ОБРАЗОВ**

Ольга Викторовна Анিকেева

Государственный научно-исследовательский институт реставрации, г. Москва, Российская Федерация

Галина Юрьевна Колганова

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация;
Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена публикации уникального ювелирного изделия, найденного в не тронутым грабителями захоронении знатной женщины раннесарматского элитного могильника на Южном Урале. Его отличают неординарная сложная конструкция, полихромный стиль, разнообразие материалов и технических приемов изготовления, наличие композиции на центральном диске украшения, выполненной в технике перегородчатой инкрустации (cloisonné work). Анализ контекста предмета в погребении и выявленных особенностей его технологии изготовления и конструкции убедительно показал, что предмет не носился как украшение в повседневной / светской жизни, а служил драгоценной реликвией, которая могла использоваться только кратковременно в религиозных церемониях и ритуальных практиках. Детальное исследование технологии изготовления позволяет реконструировать способы крепления и использования предмета. Поиски аналогий образам, представленным на центральном медальоне, позволили уточнить их семантику и предложить смысловую нагрузку составленной композиции. Ее центральным персонажем является священное дерево, охраняемое божественной силой «khvagenah», представленной в двух ипостасях – крылатого солнечного диска и священных птиц Vegaghna. Общий смысл ритуалов отражает идею приумножения плодородия во всех его проявлениях: обеспечении благополучия и приумножения потомства, здоровья, богатства и преуспеяния рода. В медальоне применяется новоассирийская композиционная схема, которая появляется в начале IX в. до н.э. и широко распространяется в VIII–VII вв. до н.э. на территориях Урарту и доахеменидской Мидии. находка реликвии в раннекочевническом погребении IV в. до н.э. свидетельствует о широкой преемственности древнеиранских религиозных культов, которые продолжают существовать в сатрапиях ахеменидского Ирана, воспринимаются элитой сарматских племен Южного Приуралья и распространяются в кочевнической среде.

Ключевые слова: ранние кочевники Южного Приуралья, могильник Филипповка 1, дисковидное изделие, конструкция, способ крепления, композиция, сюжет медальона.

Цитирование. Аникеева О. В., Колганова Г. Ю., 2020. Ювелирное изделие из погребения 2 кургана 1 могильника Филипповка 1: техника изготовления, назначение и семантика образов // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 1. С. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.1>

Введение и археологический контекст находок. При исследовании в 2013 г. царского кургана 1 могильника Филипповка 1 Приуральской археологической экспедицией ИА РАН под руководством Л.Т. Яблонского было обнаружено не тронутое грабителями захоронение женщины, которая умерла в возрасте 35–40 лет [Яблонский, 2014, с. 6]. Оно располагалось под восточной полкой кургана вблизи края насыпи, имело прямоугольную в плане форму и общие размеры 3,6 × 2,6 м. Длинной осью могила была ориентирована в направлении края насыпи кургана в данном секторе. Глубина ямы составляла 3,7 м. На уровне погребенной почвы, вдоль южной стенки и в заполнении южного сектора могильной ямы были зафиксированы крупные остатки бревен деревянного перекрытия погребальной камеры. Погребенная лежала на спине, головой на юг, в вытянутом положении (рис. 1). По совокупности необычайно богатого и типологически разного сопровождающего инвентаря захороненная женщина обладала высо-

ким социальным статусом [Яблонский, 2014, с. 5–6; 2016б, с. 15].

Среди разнообразных украшений выделяется группа ювелирных изделий, основной функцией которых являлось их использование в религиозных церемониях и ритуальных практиках, а не в бытовой / светской жизни: дисковидное изделие (рис. 1, 1) с разнообразными подвесками [Яблонский, 2016а, с. 748–749; Yablonsky, Treister, 2019, p. 92–93], серебряное зеркало (рис. 1, 2) с трехчастной мифологической композицией, наборы для нанесения татуировок (рис. 1, 4), фрагменты кожаного пояса (рис. 1, 5) с разнообразными подвесками [Яблонский, 2014, с. 5; 2015, с. 98, 100; 2016б, с. 15–16], амулет-подвеска (рис. 1, 3) и бусина-пронызь (рис. 1, 6) [Яблонский, 2016а, с. 747; Аникеева, Яблонский, 2018, с. 65–67], каменные печати (рис. 1, 7).

Дисковидное изделие (рис. 1, 1), которому посвящена эта работа, находилось в пределах большого короба в изголовье слева от погребенной, так как сверху оно было пере-

крыто фрагментами органики, аналогичными по строению лубу нижней части короба, и лежало в характерном заполнении плотных комков коричневатого суглинка, как и другие многочисленные предметы из этого короба. Изделие лежало лицевой стороной диска вниз, все подвески на цепочках, обрамляющие края центрального диска, были аккуратно уложены на оборотную сторону диска [Яблонский, 2016а, с. 748–749; Анিকেева и др., 2018, с. 212–213; Yablonsky, Treister, 2019, p. 81].

Для определения функционального назначения предмета нужно провести детальное изучение технологии изготовления, конструкции и порядка сборки отдельных элементов¹, что позволит предложить вероятные способы его крепления и использования в ритуальных практиках.

Анализ иконографии образов, представленных на центральном медальоне, важен для определения семантики образов, смыслового значения его композиции и интерпретации осуществляемых при участии данного изделия культовых действий.

Наблюдения и измерения проводились на оптическом бинокляре МБС-10 при увеличениях 16-56X. Для замеров перегородок центральной части медальона использовался специально изготовленный щуп с зажимом. Фотофиксация и макросъемка выполнены цифровыми камерами Canon G11 и Nikon, микросъемка – цифровой камерой Nikon D50, установленной на оптический микроскоп МБС-10.

Изучение технологии изготовления. Центральная часть изделия представлена диском, который обрамлен радиально прикрепленными к нему простыми и сложными подвесками (рис. 2, 3). Основа, на которой укреплены элементы диска, представляет собой тонкую круглую пластину. При измерении толщины листового металла края пластины в местах, где отсутствовали заусенцы при обрезке и монтажный припой, она оказывалась близкой к 0,3 мм. Все открытые поверхности листового металла имеют гладкую неполированную поверхность, из чего следует, что листовые заготовки послековки были отшлифованы. Поверхность пластины по краю была обрезана ножом в виде фестонов. С лицевой стороны на пластину диска золотым припоем напаяны различные

декоративные элементы, описание которых дано от периферии к центру.

Ряд пирамидок из шариков зерни, по 4 шарика каждая (рис. 2,1). С лицевой стороны декорируют фестончатый край пластинчатой основы. Они напаяны на основу без излишка припоя, хотя его мениск хорошо виден. Диаметр шариков зерни колеблется в пределах от 1,9 до 2,5 мм. Спаянные элементы пирамидок часто оторваны друг от друга или имеют трещину по припою. Образование трещин могло произойти при деформации предмета и говорит о хрупкости припоя. В некоторых местах припой связывает не касающиеся друг друга шарики соседних пирамидок или заполняет разрыв между шариком и лежащим рядом кольцом для цепочек [Аникеева, Яблонский, 2019б, с. 26].

После напайки зерни край пластины был подрезан по контуру зерни зубцами. Подрезка выполнялась ножом или подобным ему инструментом, край реза получил загиб и заусенцы во многих местах, направленные вверх, в сторону зерни. Кроме этого, пластина основания загнута вверх на вершинах краевых зубцов, у внешних шариков зерни, на высоту до половины их диаметра. Эти загибы плотно охватили каждый шарик и оказались к ним припаянными. Это возможно либо, если край был загнут до укладки зерни по всему, тогда еще ровному, краю пластины. Потом разложена и пропаяна зернь, обрезан край. Либо загиб образовался при обрезке края после пайки, а припой затек между шариками и загнутым краем в процессе последующих паяк диска (например, припайки деталей оборотной стороны). Второй вариант кажется более вероятным.

Замкнутое кольцо (рис. 2,2) из гладкой, круглой в сечении «проволоки», на которой видны идущие по спирали линии стыка, образовавшиеся при ее изготовлении скатыванием из ленты. Диаметр колеблется в пределах 1,55–1,8 мм. Концы срезаны или запылены под углом и сведены так, что один конец накрывает другой. Подгонка не точная, припой недостаточно для заполнения шва.

Два кольца из шнура (рис. 2,3), свитого из двух гладких проволок: наружное кольцо свито против часовой стрелки, внутреннее – по часовой стрелке. Вместе они образуют по-

лоску елочного орнамента. «Проволока» шну- ров скручена из ленты металла и спаяна меж- ду собой. Диаметр проволоки около 0,9 мм. Общий диаметр каждого шнура 1,75 мм.

Кольцо из полосы для крепления цент- ральной части диска – медальона с инкру- стацией (синоним кольцо-каст). Концы полосы спаяны внахлест с последующим утоньшени- ем места пайки проковкой или опилровкой, коль- цо-каст припаяно к диску. Получившийся бор- тик имеет среднюю высоту 2,4 мм [Аникее- ва, Яблонский, 2019б, с. 28].

Примененный способ крепления медаль- она принципиально отличается от наиболее распространенной разновидности глухого ка- ста, когда к закрепляемой вставке прижима- ется или вся стенка каста, или ее верхняя часть, а торец каста становится наклонным и утоньшается. В нашем случае верхний торец кольца-каста обработан скользящим вдоль кольца движением давящим инструментом с образованием заусенца, направленного к ме- дальону с инкрустацией и нависающего над его краем. На торце видны следы инструмен- та, которым проводилось крепление. Види- мая толщина обработанного торца кольца- каста, перпендикулярного его стенке, дости- гает 0,55 мм. В нескольких местах из-за де- формации медальона бортик отошел от него и видна внешняя стенка медальона. При креплении медальона и его инкрустации, а также вставок в подвесках-кастах (см. ниже) край металла перегородок и кастов «нава- лен» на вставку и немного возвышается над ней. Эта разновидность закрепки известна с древнейших времен, например инкрустиро- ванные перстни из Эгины [Higgins, 1979]. Позднее в ювелирной технике применяется сходный прием для крепления плоских кам- ней, так называемая зеркальная оправка (что- бы верх камня и его оправка оказались в од- ной плоскости). В этом случае ребро камен- ной вставки должно быть «завалено» или иметь небольшую фаску.

В центре диска помещен *медальон с инкрустацией* диаметром 4,5 см (рис. 2, 4). Он изготовлен отдельно и вставлен в кольцо- каст основного диска после окончания работ, связанных с пайкой всех элементов диска из- делия (в том числе и деталей крепления обо- ротной стороны). Медальон удерживается

заусенцем на торце основного каста, как опи- сано выше. Утраты инкрустации медальона позволили провести измерения, уточняющие его конструкцию. Замер высоты кольца-кас- та с наружной стороны и расстояния от верха этого кольца до дна медальона показал, что медальон имеет собственное дно, к которому припаяны перегородки. Они изготовлены из полосок металла и включают: три концентри- ческих кольца (внешнее кольцо является гра- ницей вставного медальона, дно которого ниг- де не выступает за это кольцо); горизонталь- ную нижнюю границу полукольца крылатого диска; разной длины прямые и изогнутые пе- регородки, образующие орнамент внутри ко- лец и изображения крылатого диска в верх- ней части и дерева – в основной зоне медаль- она; овал основания и корней дерева.

Места стыков замкнутых перегородок не определяются из-за их точной подгонки и пайки. Верхние торцы перегородок после при- пайки сошлифованы в одну плоскость и так же, как на кольце крепления медальона, имеют многочисленные следы обработки давлением для обеспечения дополнитель- ного крепления инкрустации. Из-за этой обра- ботки торцов перегородок их толщина кажет- ся разной даже в пределах одного элемента. Таким образом, элементы инкрустации удер- живаются не только на мастике, но иногда и за счет специально образованных заусенцев на перегородках.

Рисунок полихромного медальона (рис. 4) выполнен в технике перегородчатой инкру- стации (клуазонне). Для вставок использовалось синее и красно-оранжевое прозрачное и бирюзовое непрозрачное стекло. Ячейки ин- крустации между внешним бортом диска и пер- вым кольцом четырехугольные, шаг их орна- мента определяется цветом вставок: синяя – бирюзовая – красная – бирюзовая. Форма яче- ек между первым и вторым кольцом треуголь- ная. Вставки в них по цвету стекла образуют два кольца: внешнее – с чередующимися си- ними и красными треугольниками, внутрен- нее – из бирюзовых треугольников.

Центральная композиция диаметром 2 см представлена двумя ярусами, разделен- ными горизонтальной перегородкой. В верх- нем ярусе на бирюзовом трапециевидном ос- новании помещено изображение крылатого

солнечного диска. Каждое крыло состоит из двух ячеек: верхней – со вставкой красного цвета и нижней – с бирюзовой вставкой. Диск изображен в форме сдвоенных окружностей, диаметр которых уменьшается к центру. В центре нижнего яруса расположено дерево с удлиненным в форме неправильного ромба стволом голубого цвета, окаймленным по периметру семью однотипными округлыми стилизованными листьями / ветвями бирюзового и красного цвета, последовательно чередующимися. Шесть расположены симметрично вдоль ствола, по три с каждой стороны, и один венчает вершину. Внизу ствол обрамляют два красных симметричных серповидных полукруга с опущенным вниз узким краем и широким основанием, поставленным на овальное основание голубого цвета. По бокам дерева помещены фигуры двух птиц, выполненные из плоских золотых пластин. На участке утраты стекла инкрустации просматривается вертикальная стенка. Следовательно, пластины опираются на скрытые под ними вертикальные стенки, а наружная поверхность пластин лежит в одной плоскости с верхними краями перегородок инкрустации. Толщина пластин близка толщине перегородок. Профильные изображения птиц симметричны: голова, крыло и хвост каждой птицы развернуты к краям диска, туловище изогнуто вдоль дерева, лапы опираются на серповидные полукружия. Головы птиц остроклювые, крылья имеют фестончатые края, загнутые вверх. Обрезанный по прямой линии конец хвоста наклонен вниз. На шее гравировкой выделены фрагменты оперения, на голове – округлые глаза. Гравировка нанесена инструментом с кольцевым отпечатком, причем при нанесении линий на шее инструмент ставился под углом для нанесения полуколец.

Ко дну основного диска припаяно 27 замкнутых проволочных петель (рис. 3,2), с лицевой стороны места их припоя декорированы пирамидками зерни (рис. 2,1). К 20 петлям крепятся два типа подвесок: простые (в форме глухого серповидного каста) и сложные, состоящие из цепочек и трех видов привесок, прикрепленных к звеньям цепочек. На верхних (относительно композиции медальона) 7 петлях присутствуют только подвески / цепочки

(рис. 2, 3), подвешенные отлично от остальных – оборотной стороной.

Простые серповидные подвески (рис. 2,4) в форме полумесяца представлены глухим кастом с дном. В касты на мастике закреплены вставки из фритты² красного и голубого цветов. Каст напаян на подложку такой же, как у него, формы, но большую по размеру, так что образована ступенька, на которую по периметру напаян сплошной ряд зерни. Диаметр зерни у кастов подвесок 0,6–0,8 мм. Обрезка края подложки, сделанной сначала с запасом, проведена после пайки зерни. Абсолютно идентичным по технологии приемом выполнено оформление зернью фестончатого края диска медальона. К оборотным сторонам подвесок припаяно по проволочной петле. Петли расположены в плоскости подложки кастов и выступают из-за них сверху так, что могут свободно двигаться по петлям диска. Острые концы подвесок направлены вниз. Серповидные подвески надеты на петли диска первыми, поэтому они оказываются на лицевой стороне наверх. По технике изготовления аналогичны подвескам в форме квадратного ромба в этом изделии, а также квадратным кастам, которые присутствуют в оформлении других ювелирных украшений этого погребения [Аникеева и др., 2018, рис. 1, 2; Аникеева, Яблонский, 2019а, с. 19, рис. 2,11,12; Yablonsky, Treister, 2019, p. 88, fig. 8,1,2]

Сложные подвески сделаны из цепочек, каждая из которых осложнена тремя различными привесками (рис. 3,3). Тип цепочек называется «звено в звено», использован его простейший вариант – одинарная (однорядная) цепь. Звенья такой цепи собираются последовательно в один ряд. Важна технология сборки. При изготовлении такой цепи сначала готовятся отдельные паяные звенья в виде колец, потом каждое изгибается в двух направлениях: первый изгиб дает сильно вытянутый овал, после второго образуется звено с двумя петлями (по одной сдвоенной с каждой стороны). Затем звенья собирают, продевая каждое новое в сдвоенную петлю предыдущего. Первое звено, с которого начинается сборка, можно сначала продеть в замкнутое кольцо какого-либо элемента украшения, после присоединения второго звена это уже не-

возможно. Петли последнего звена собранной цепи необходимо надеть на какое-либо разомкнутое кольцо и свести его, иначе звено отделиться. В нашем случае первые звенья каждой цепочки вставлены в петли, припаянные к четырехлопастным подвескам, а последние – вложены в разомкнутые петли крепления оборотной стороны диска.

Важное следствие этого типа сборки: если составления цепочки начато с надевания на замкнутый элемент (петли четырехлопастных концевых подвесок – рис. 3,4), то снять любое звено, кроме последнего, без его разрезания или разделить цепь по длине на части можно только разбирая ее по одному звену, начиная с противоположного конца. Цепочки надеты на петли диска после серповидных подвесок (там, где они есть) и оказываются за ними.

Длина цепочек меняется (1,5–4 см), что обусловлено различным количеством звеньев (рис. 2, 3)³. К верхней кромке диска (если ориентироваться на изображение в центре) прикреплены 7 коротких цепочек: шесть из них имеют 5 звеньев, одна – 3 звена (рис. 2,5). Нижний край окаймляют 10 коротких цепочек в 6 звеньев. Между ними расположены 10 боковых цепочек (по 5 с каждой стороны), длина которых уменьшается сверху вниз. Боковые цепочки в центре (по 3 с каждой стороны) симметричны, и количество петель в них последовательно уменьшается на одно звено сверху вниз (11, 10 и 9 звеньев). В верхних и нижних цепочках количество звеньев отличается на одно звено, но в сумме имеет одинаковое значение – 20 звеньев: с правой стороны они имеют 13 и 7 звеньев, с левой – 12 и 8 звеньев. Число боковых (10 шт.) и нижних (10 шт.) цепочек с подвесками – одинаково и составляет в сумме 20. Они ориентированы к диску лицевой стороной привесок, и поверх них привешены 20 серповидных подвесок, которые отсутствуют на 7 верхних цепочках [Аникеева, Яблонский, 2019б, с. 29].

В верхней трети цепочек расположены *привески в форме квадратного ромба* (рис. 2,6) с глухим кастом (0,5 × 0,5 см), в котором находились вставки из рудных минералов (большинство их разрушено; определение рудного минерала в сохранившихся фрагментах показало, что они были сделаны из пирита).

Способ их изготовления идентичен технике простых серповидных подвесок. Касты окаймлены по внешнему бортику рядом зерни и имеют пирамидку из трех шариков зерни в нижнем углу ромба. Средний диаметр зерни – 0,6–0,8 мм. К обороту кастов в верхних углах припаяны проволочные петли для крепления к цепочкам.

Техника их исполнения близка открытым кастам с аналогичными вставками на звеньях расшивки рукавов платья, каменные вставки в которых сохранились значительно лучше [Аникеева, Яблонский, 2019а, с. 19, рис. 2,11,12]. Минералого-петрографическое определение материала вставок из ромбических кастов звеньев расшивки показало, что среди них преобладают рудные минералы олова (касситерит), цинка (сфалерит), в нескольких кастах присутствуют вставки из пирита.

Привески из проволочных стерженьков (рис. 3,5). Каждая сделана из отрезка проволоки, к расплюсненному концу которой припаяна пирамидка из четырех шариков зерни диаметром 1,6–2,5 мм. При сборке на проволоку до упора в пирамидку надевалась бусина (цилиндрическая или округлая из глухого стекла голубого и белого цвета, сохранилось 3 шт.), затем проволока пропусклась в сдвоенное звено цепочки, сгибалась в петлю и обвивалась вокруг собственной оси в виде спирали, фиксируя бусину и притягивая элемент к цепочке. Первоначально эти и ромбические привески располагались под прямым углом к цепочке. Идентичными подвесками украшены цепочки на височных кольцах из этого погребения [Аникеева и др., 2018, рис. 3, 4; Yablonsky, Treister, 2019, p. 88, fig. 8,1,2].

Все цепочки заканчиваются *четырёхлопастными удлинёнными привесками* длиной 2,5 см (рис. 3,6). Каждая состоит из двух согнутых под прямым углом тонких овальных пластинок, спаянных между собой по ребрам сгиба. Снизу припаяны пирамидки из пяти шариков зерни. В трех ребрах сгиба размещены ряды шариков зерни, в четвертом (во всех случаях со швом пайки) – зернь отсутствует. Очевидно, ребро без зерни фиксирует обратную сторону привески, что отчетливо видно на 7 верхних коротких цепочках, подвешенных оборотной стороной (рис. 2,7). Размер зерни в основном – 1,1–1,2 мм. К верх-

ним концам, в углубления между верхними шариками зерни и стенкой пластин, припаяны «проволочные» петли для крепления.

Эти привески и привески в форме стерженьков с бусинами были широко распространены в кочевнической среде, поскольку встречаются как в украшениях других погребений могильника Филипповка 1, так и в ювелирных изделиях из одновременных могильников Южного Урала [Трейстер, Яблонский, 2012, с. 376, 390].

Ближайшей и пока единственной аналогией предмету по конструкции и технике изготовления (медальон в технике перегородчатой инкрустации, вставленный в диск, обрамленный радиально расходящимися цепочками с подвесками) является находка ювелирного изделия из погребения 1 кургана 17 могильника Филипповка 1 [Трейстер, Яблонский, 2012, с. 145]. Объединяет их одинаковая конструкция: центральный диск, идентично декорированный, вставленный в него медальон с изображением в технике «клуазоне», наличие идентичных цепочек-подвесок разной длины и подвесок на них (концевые четырехлопастные, подвески из проволочек с бусинами), устройство крепления (см. ниже). Однако символика инкрустации на диске иная и представлена восьмилучевой звездой с кругом в центре.

Отметим, что большинство аналогий композиционным элементам медальона с перегородчатой инкрустацией (фризы из треугольников, пальметты, крылатый диск) происходят преимущественно из находок с территории Кавказа и Передней Азии [Рябкова, 2014, с. 165, рис. 1, 7, 8, 10; Yablonsky, Treister, 2019, p. 125–126]. Изображения шестилучевых звезд с окружностью в центре, выполненные в технике перегородчатой инкрустации, распространены в уздечных бляхах из памятников Закавказья, датированных VIII–VII вв. до н.э. [Рябкова, 2014, с. 165, рис. 1, 1–5]. Вопрос об истоках техники *cloisonné work* неоднозначен: в Месопотамии и Иране такие изделия появляются во второй половине II тыс. до н.э., и их появление, вероятно, было обусловлено египетским влиянием, где эта техника широко используется в украшениях начиная с III тыс. до н.э. [Maxwell-Hislop, 1974, p. 167–168]. Э. Порада предполагает, что находки в Хасанлу и Зивийе, датируемые IX–VII вв. до н.э.,

не дают достаточно оснований для утверждения об иранском происхождении этой техники, и возможно, что она возникла к северу от Ирана [Porada, 1965, p. 118]. Т.В. Рябкова, анализируя происхождение и распространение изделий с перегородчатой инкрустацией в предскифских и раннескифских памятниках, приходит к выводу, что украшения с перегородчатой инкрустацией получают широкое распространение в элитных курганах Нагорного Карабаха начиная с XII в. до н.э., что может свидетельствовать о зарождении этой техники в Закавказье [Рябкова, 2014, с. 167].

Другой, не столь однозначной, аналогией является подвеска, происходящая также из могильника Филипповка 1. Ее контекст не определен. Она найдена в 150 м к северо-северо-востоку от кургана 1 [Яблонский, 2013, с. 220, кат. 3113]. М.Ю. Трейстер относит ее к височным подвескам [Трейстер, Яблонский, 2012, Т. I, с. 144, 393, рис. 74, с. 531–532, табл. 97–98]. Конструкция ее нижней части аналогична основанию представленного изделия: овальный лист, с оборотной стороны которого, вдоль края листа, припаяны идентичные по строению незамкнутые петли для однорядных цепочек, осложненных боковыми привесками (среди которых есть четырехлопастные и подвески из проволочных стерженьков) и заканчивающихся овальными привесками с двусторонними изображениями морд хищных зверей. Есть ли крепление в центре оборотной стороны овала – не видно. С лицевой стороны овала укреплен литая фигурка стоящего кабана (4,0 × 2,5 × 1,2 см), на спине которого припаяно небольшое кольцо для подвешивания (d = 1,1–1,2 см).

В ранних статьях при анализе конструкции изделия предполагалось, что оно было собрано по принципу последовательной сборки [Аникеева и др., 2018, с. 212, 214] с использованием уже готовых элементов разнообразного декора. Исследование технических приемов изготовления позволило выделить детали, важные для установления способов его использования. Основной «трудозатратной» операцией являлось изготовление основы (пластина с диском), крепления самого изделия и петель для подвешивания подвесок с последующим декорированием как петель, так и диска с лицевой стороны. Затем в конструк-

цию вставлялся готовый медальон с инкрустацией и подвешивались разные подвески. Цепочки с привесками собирались снизу вверх один раз, после сборки изменить конструкцию сложно – надо последовательно разомкнуть каждое звено цепочки сверху вниз. Легко можно только добавить или убрать одну петлю сверху. Важно, что менять позицию цепочки вокруг диска довольно просто, так как 27 петель на диске незамкнуты. Трасология поверхности петель и участков пластины под ними показывает, что это неоднократно проводилось.

Таким образом, при использовании изделия проводилось осознанное, а не хаотическое изменение взаиморасположения цепочек разной длины вокруг диска, связанное с функциональным назначением предмета. Это показывает, что положение верхних 7 цепочек, подвешенных оборотной стороной (рис. 2, 3), симметричное расположение боковых цепочек, равных по количеству нижним коротким 10 цепочкам, не случайно, а несло смысловую нагрузку.

Конструкция и способы крепления изделия (рис. 3, 1). В центре оборотной стороны диска припаяны четыре крепежные скобы из золотой полосы (1,3 × 0,3 см), образующие каре, которые в центральной части профиля имеют отступ в форме арки для крепления. Под двумя скобами, расположенными по вертикали относительно изображения на медальоне, видны царапины и потертости одного направления, которые отсутствуют на двух боковых скобах. Трасология царапин, проведенная М.В. Нацким, показывает, что они были сделаны заостренным предметом типа «швейной» иглы. Тогда пришивание изделия проводилось преимущественно за две дужки, фиксирующие вертикальное расположение медальона.

По мнению М.В. Нацкого⁴, с точки зрения традиционной ювелирной техники единственным рациональным положением предмета являлось его *стационарное* горизонтальное крепление к верхнему торцу вертикального стержня за четыре скобы оборотной стороны диска. Конструкция крепежных петель допускает пришивание, притягивание ремешками, использование штифтов и т. п., поэтому и сам стержень мог быть из плотной ткани, кожи,

дерева, металла. Это оправдывает большой диаметр петель диска, позволяющий элементам свободно раскачиваться. Вертикальное положение он считает неэстетичным, так как при креплении на перпендикулярном диску стержне элементы, оказавшиеся сверху, при откидывании назад становятся не видны. Если перекинуть их вперед, нижние привески цепочек закроют изображение медальона; цепочки в *стационарном* положении будут тереться об элементы диска (что по трасологии не установлено); привески с кастами и бусинами будут хаотически свешиваться и перепутываться, цепочки не могут *стабильно* удерживаться на лицевой стороне из-за конструкции петель.

М.Ю. Трейстер также предполагает горизонтальное крепление украшения, так как форма его скоб подразумевает крепление предмета к мягкой основе. Он считает маловероятным, что украшение являлось навершием жезла, так как в этом случае способ его крепления к жесткой основе (камень, дерево, металл) был бы иным (не уточняя, каким). На этом основании он определил предмет как навершие, украшавшее головной убор [Yablonsky, Treister, 2019, p. 123].

Отметим, что М.В. Нацкий и М.Ю. Трейстер однозначно считают: предмет использовался в *стабильном* (зафиксированном в определенной позиции) положении и служил навершием для украшения вертикального стержня / посоха или головного убора.

Мы считаем, что предмет в повседневной жизни не употреблялся, а использовался кратковременно при отправлении ритуалов, то есть в постоянном движении. Тогда важной функцией предмета являлись разнообразные положения диска в движении, цель которого заключалась во взаимодействии подвижных цепочек / подвесок с персонажами композиции медальона: они могли скрывать и полностью открывать изображение либо частично перекрывать определенный элемент композиции в зависимости от производимых движений. Важно, что в ходе церемонии позиция диска изменялась.

Привески на 7 коротких цепочках сверху, прикрепленных оборотной стороной, «играют», только если они перекинуты на лицевую сторону медальона, при этом они закрывают изображение крылатого солнечного диска в верх-

нем ярусе медальона, акцентируя внимание на дереве и двух птицах в центре. Изменение бокового угла наклона позволяет длинным боковым цепочкам перекрывать фигуру одной из птиц. Это возможно при наклонно/вертикальном положении диска. Кратковременность использования объясняет отсутствие потертостей, которые появились бы на диске при трении цепочек о диск при постоянном вертикальном положении предмета. Большой диаметр крепежных петель диска позволяет цепочкам свободно перемещаться при движении и согласуется с результатами трасологического анализа поверхностей крепления изделия, показывающими, что пришивание изделия неоднократно проводилось за две дужки, фиксирующие вертикальное расположение медальона.

Семантика образов и композиции медальона (рис. 4). Медальон состоит из 2 ярусов, разделенных горизонтальной перегородкой. В верхнем ярусе ($\frac{1}{3}$ объема) помещен крылатый солнечный диск. Диск изображен с помощью трех кольцевидных перегородок, диаметр которых уменьшается к центру. В центре нижнего яруса помещено священное дерево. По бокам в едином поле с деревом даны симметричные изображения двух птиц.

М.Ю. Трейстер, анализируя сюжет композиции, однозначно связывает изображение крылатого диска с символикой верховного ахеменидского бога Ахура Мазды и на этом основании относит композицию к ахеменидским религиозным сюжетам. Упомянув изображение пальметты при описании, он опускает семантику изображения (что объяснимо, так как в ахеменидских сюжетах подобная иконография пальметты / дерева не известна, а ее иные изображения являются вторичными элементами композиции, разделяющими центральные сцены). Проводя параллели сюжету среди вещей ахеменидского круга, он приводит изображение на верхнем фризе из пекторали, найденной предположительно в районе Ардебиль на северо-западе Ирана и датирующейся первой третью IV в. до н.э., где симметричные фигуры птиц изображены по бокам фигуры Ахура Мазды, а крылатый диск отсутствует [Yablonsky, Treister, 2019, p. 125–126].

Л.Т. Яблонский считал, что «в центре украшения изображено мировое дерево с ох-

раняющими его крону мифологическими птицами симургами, частично покрытыми рыбьей чешуей. Корни дерева уходят в подземный мир. Венчает композицию распростершая крылья главная птица симург – охранительница» [Яблонский, 2014, с. 5].

Образ «мирового (космического) дерева» («дерева жизни», «дерева плодородия») появляется в глиптике северной Месопотамии в III тыс. до н.э. и распространяется в странах Восточного Средиземноморья во II тыс. до н.э. [Michaux-Colombot, 2008, p. 349, pl. I, 1, 2, 8, 10, 17, 20, p. 350, pl. II, 28, fig. 14, A-E]. О семантике и иконографии стилизованного дерева в искусстве Месопотамии написано много (укажем лишь: [Giovino, 2007]). С его помощью пространство членилось на 3 зоны: небо, земля и подземное царство. Смысл ритуалов с «древом жизни» подразумевал получение благополучия, плодородия, потомства, богатства. Троищность «мирового дерева» по вертикали подчеркивалась соотношением с каждой его частью определенного класса животных: с верхней – птицы (часто две симметрично или одна на вершине, нередко это орел); со средней – копытные, реже пчелы; с нижней – рыбы, земноводные (лягушки, жабы), пресмыкающиеся (змеи), иногда медведь. Таким образом, все три яруса дерева (вершина, ствол и корни) и связанные с ними 3 класса животных подчеркивают идею зачатия и плодородия.

Образ священного дерева зафиксирован практически повсеместно в Ассирии и Урарту. Примененная схема – дерево, фланкируемое фигурами (в данном случае хищных птиц), с крылатым солнечным диском в изголовье – типично новоассирийская. Ее истоки уходят в начало II тыс. до н.э., что для нас в данный момент не так важно, как то, что такая композиционная схема вошла в моду с первой половины IX в. до н.э. [Пиотровский, 1959, с. 228, 238–240, 248–254; Giovino, 2007, fig. 1, 13–16, 22, 37–38, 56; Batmaz, 2013, p. 71–83, fig. 11–15, 17–19, 25, 26, 28, 38]. Она активно тиражировалась в VIII–VII вв. до н.э. благодаря глиптике и тканям, композиции вышивок на которых сохранили для нас новоассирийские рельефы. Например, изображение священного дерева, фланкированное профильными фигурами стоящих хищных птиц, головами обращенных к дереву, на фрагментах одежд из

дворца Ашшурнасирпала II в Калахе [Giovino, 2007, fig. 56]. Территория Урарту, видимо, являлась плацдармом для распространения ассирийской изобразительной схемы со стилизованным (священным) деревом. Разработанная ассирийскими мастерами схема активно использовалась в настенных росписях дворцов урартских царей. Замечательным примером мелкой пластики служит найденная на Кармир-Блуре круглая стеатитовая шкатулка. На ее плоской крышке изображено священное дерево, фланкированное фигурами крылатых гениев с птичьими головами. Над деревом помещен крылатый солнечный диск, а по краю шкатулки – орнамент из переплетающихся окружностей с точкой в центре [Пиотровский, 1959, с. 188; Пиотровский, 1970, ил. 98].

Иконография «древа жизни» в Ассирии и Урарту близка, можно выделить два крайних характерных типа. Стилизованное изображение пальмы (ствол, венчающийся классической пальметтой, или ствол с симметричными горизонтальными ветвями, с остроугольными листьями / плодами на концах) [Giovino, 2007, fig. 4, 43–45] и сложное кружевное сооружение удлиненно-округлой формы (внутри заполненное переплетающимися тонкими ветвями с характерными остроугольными листьями на концах). Часто по периметру присутствует кайма из мелких пальметт, иногда вписанных в круг [Giovino, 2007, fig. 1–4, 14–16]. Между этими типами существует целый ряд промежуточных разновидностей. Иконография дерева на филипповском медальоне совершенно иная, сильно стилизованная (см. выше), что очевидно отражает процесс активного тиражирования образа на поздней стадии. Аналогий ему среди ассирийских или урартских изображений не найдено. Наиболее близкой аналогией является дерево с девятью ветвями на серебряной чаше, происходящей, по данным А. Судава, из западного Ирана и датированной поздним VII в. до н.э. [Soudavar, 2018, p. 26, fig. 22]. Очевидно, количество ветвей на дереве было обусловлено символикой проводимого ритуала. Преобладает изображение деревьев с девятью ветвями, деревья с семью ветвями встречаются реже [Michaux-Colombot, 2008, p. 350, pl. I, 17; Batmaz, 2013, p. 71, 73, 77, fig. 11, 17, 19, 28,a].

На филипповском медальоне изображение крылатого солнечного диска связано, безусловно, не с ахеменидской символикой Ахура Мазды, так как диск изображен в форме трех окружностей с уменьшающимися к центру диаметрами. Это символ абстрактного божества Хварна (Хварно, Фарр), обозначаемый «khvarenah (khvarnah)» и являющийся символом божественной силы (обеспечивающей фортуны), «дарующей сияние (славу), божественную благодать великому (правителю, герою) и сопровождающей его, пока он справедлив (беспристрастен)» [Kia, 2016, p. 211]. Его популярность была высока у иранских племен доахеменидского периода на территории Мидии и стран Восточного Средиземноморья. Согласно древнеиранской легенде [Soudavar, 2005, p. 123–125; 2018, p. 28, fig. 29,a, 29,b, 30], «khvarenah» рождается и растет в глубине моря / океана в образе жемчужины (символ «двойной круг» идентичен филипповскому изображению), появляется на поверхности в куче цветущего лотоса и восходит на небо как цветок подсолнуха (символ «розетта»). Другой символ «khvarenah» – крылатый диск, в центре которого отчетливое изображение двойного круга, например на фризе восточных ворот Ападаны в Персеполе. По бокам его – крылатые фигуры сфинксов, символизирующие вечность и незыблемость власти этого божества [Soudavar, 2005, p. 122, fig. 12,3]. Несмотря на полную ассимиляцию указанного символа в религиозной символике правящей верхушки Ахеменидов, власть этого божества остается могущественна и популярна в ее сатрапиях, что находит отражение в цветном панно из глазурованных кирпичей в Персеполе [Soudavar, 2005, p. 126, fig. 12.7].

Это объясняется толерантностью религиозной политики, которую проводили персидские цари. Они не только разрешали свободно проводить ритуальные церемонии, посвященные богам других религий, но и оказывали финансовую поддержку при возведении или восстановлении храмов иных религий. Более того, в сатрапиях священные места других религий находились под защитой и покровительством ахеменидских правителей. Геродот и Страбон упоминают традиционные религиозные различия между персидскими и мидийскими жрецами. Они сообщают, что у иран-

цев не было храмов или святынь и они молились на открытом воздухе или на вершине горы. Этот ритуал отражен в иконографии Ахеменидов, например на рельефе из Даскалиона в Малой Азии, где в сцене жертвоприношения изображены два иранских жреца в характерных головных приборах, прикрывающих рты. Они держат в руках ритуальные стержни, называемые «barsom» [Curtus, Tallis, 2005, p. 152, fig. 57, p. 153]. Персидский царь Дарий I, определивший религиозные представления правящей верхушки Ахеменидов, использует символ, возвеличивая статус Ахура Мазды, вначале komponуя его над фигурой и подчеркивая, что этот бог обладает властью «khvarenah», а затем и вводя его изображение в центр крылатого диска [Curtus, Tallis, 2005, p. 150; Soudavar, 2005, p. 121–123, 131–133].

Интерпретируя символику и назначение птиц, изображенных по бокам сакрального дерева, мы обратились к источникам, где упоминается священная птица. В арийской традиции отчетлива корреляция «мировой горы» и «мирового древа», а Шьена/Сазна-Симург помещался на вершине «мировой горы», что позволяет связать его образ с тем или иным вариантом «мирового древа» в верованиях индийцев и иранцев. Действительно, в «Ригведе» [I, 164, 20, 22] упоминаются два орла, обхвативших одно и то же дерево: один из них ест сладкую винную ягоду. На филипповском медальоне обе птицы отвернулись от дерева, контуры их ног и спины параллельны стволу дерева, мощные лапы стоят на корнях дерева, отогнутые в сторону хвосты внизу замыкаются на внешнем бортике медальона, а макушки голов смыкаются с концами крыльев крылатого диска. Таким образом, ствол и листья дерева вписаны в замкнутое пространство, сверху закрытое размахом крыльев солнечного диска, с боков ограниченное замкнутыми контурами птичьих фигур. Не исключено, что они несут смысловую нагрузку, связанную с изображением крылатого диска, но совершенно отчетливо проявляется их основная функция – охранительная.

В иконографии птиц надо отметить определенную форму крыльев с загнутыми вверх концами, мощные когтистые лапы и характерную форму обрубленного по горизонтали хвоста. На квадратной табличке из зала

32 колонн в Персеполе изображена птица семейства соколиных с идентичной иконографией [Soudavar, 2005, p. 127, fig. 12,8], но в другом контексте: с распростертыми крыльями и расставленными лапами с тройственным изображением сферы «khvarenah» – две в расставленных лапах и одна в изголовье. Изображение по периметру окантовано двумя рядами треугольников – рисунок, идентичный орнаменту, обрамляющему внутреннее кольцо филипповского медальона. По восстановленной цветовой гамме персепольского изображения [Curtus, Tallis, 2005, p. 95, cat. 77] идентично и распределение цветов. Внешний ряд – двуцветный с чередующимися по цвету треугольниками, один из которых красный, внутренний – одноцветный, бирюзового цвета. Согласно легенде, отраженной в Авесте, птица из семейства соколиных по имени Veraghna являлась, с одной стороны, хранительницей святыни, с другой – только она могла как приносить сияние «khvarenah», так и забрать его. Таким образом, Veraghna в авестийской интерпретации сама олицетворяет божественное сияние «khvarenah», а двухрядный орнамент треугольников символизирует лучи / сияние святыни [Soudavar, 2005, p. 123–124; 2018, p. 27, fig. 29,a].

Подводя итог проведенному исследованию, надо сказать, что анализ контекста представленного ювелирного изделия в погребении и выявленных особенностей его технологии изготовления и конструкции убедительно показал: предмет не носился как украшение в повседневной / светской жизни, а служил драгоценной реликвией, которая могла использоваться только кратковременно в религиозных церемониях и ритуальных практиках. Остальное время она бережно хранилась аккуратно сложенной среди других сакральных предметов в коробе. Конструкция предмета – круглый диск, обрамленный радиально расходящимися вертикальными подвесками, представляет символику древнеиранского солярного культа, а сам предмет олицетворял солнце. Наиболее близкие к диску подвески в форме месяца, вероятно, относятся к лунной символике. Примечательно, что они надеты только поверх 20 цепочек из 27 и отсутствуют поверх 7 коротких цепочек в верхнем секторе диска. Более того, эти 7 цепочек прикреплены к дис-

ку оборотной стороной украшающих их подвесок. И они «играют», только если цепочки перекинуты на лицевую сторону медальона, закрывая изображение крылатого солнечного диска. Не исключено, что в расположении цепочек заложен цифровой код, связанный с символической лунной символикой (27 цепочек + диск = 28) и времени / периодичности проведения ритуалов (20 цепочек с лунной символикой и 7 цепочек без них).

Поиски аналогий образам на центральном медальоне позволили уточнить их семантику и предложить смысловую нагрузку составленной композиции. В центре изображено «древо жизни», помещенное в замкнутое пространство: его ствол и боковые ветви защищены фигурами, клювами и крыльями двух стоящих птиц, корни прикрыты их мощными когтистыми лапами, сверху отведенные в стороны головы птиц смыкаются с окончаниями распростертых крыльев крылатого диска. Иконография крылатого диска характерна для абстрактного древнеиранского божества Хварна (*khvarenah* / *khvarnah*), дарующего сияние благодати и фортуны стоящему под ним. Отмеченные черты иконографии птиц характерны для священной птицы *Veraghna*, которая являлась, с одной стороны, хранительницей божественного сияния Хварна, с другой – могла переносить божество. Определенная композиция персонажей в филипповском медальоне показывает, что ее центральным персонажем является священное дерево, охраняемое божественной силой Хварны, представленного в двух ипостасях – крылатого диска и священных птиц *Veraghna*. Мы можем определить общий смысл ритуалов, в которых участвует священное дерево, отражающих идею приумножения плодородия во всех его проявлениях: обеспечении благополучия и приумножении потомства, здоровья, богатства и преуспевании рода.

Использованная в медальоне композиционная схема – новоассирийская – появилась в начале IX в. до н.э. и активно тиражировалась начиная с VIII–VII вв. до н.э. в Урарту и, вероятно, в доахеменидской Мидии. находка этой уникальной реликвии в раннекочевническом погребении, датирующемся в пределах IV в. до н.э., свидетельствует не только о широкой преемственнос-

ти религиозных постулатов, продолжающих существовать в сатрапиях ахеменидского Ирана, но и о распространении их в кочевнической среде и восприятии элитой сарматских племен Южного Приуралья.

Наиболее близкие аналогии изученной подвеске найдены также в филипповском могильнике. Все предметы имеют аналогичную конструкцию основания и радиально расположенных подвесок-цепочек. Первые две подвески (из кургана 1 погребение 2, из кургана 17 погребение 1) являются практически полными аналогами. Инкрустация медальона последней – восьмилучевая звезда с кругом в центре – подчеркивает солярную символику конструкции обеих подвесок. При этом фигурные привески на лучах-цепочках, вероятно, изображают разнообразные плоды, отражая изобилие и благоденствие. Изображения шестилучевых звезд с окружностью в центре, выполненные в технике перегородчатой инкрустации, и восьмилучевых звезд распространены в уздечных бляхах из памятников Закавказья, датированных VIII–VII вв. до н.э. [Рябкова, 2014, с. 165, рис. 1, 1–5, 9].

Назначение и семантику третьей подвески (межкурганное пространство кургана 1) определить сложнее. Композиционным центром подвески является объемная фигурка стоящего кабана, но цепочки с фигурными привесками, также изображающие разнообразные плоды, заканчиваются концевыми овальными привесками с двусторонним изображением голов фантастических зверей.

Образы кабанов редко встречаются в зверином стиле Южного Урала и представлены исключительно материалами Филипповки 1 [Переводчикова, Таиров, 2009, с. 93]. В мотивах преобладает стоящая в полный рост фигура животного с опущенной головой: 4 однотипные накладки на деревянные сосуды [Пшеничнюк, 2012, с. 78, рис. 14, 4], 3 одинаковые оковки деревянных чаш [Пшеничнюк, 2012, с. 83, рис. 14, 3], фигуры на литом перекрестии меча и инкрустации по клинку меча [Яблонский, 2013, с. 86–87, кат. 296], объемные фигурки на дроте гривны [Яблонский, 2013, с. 221, кат. 3118]. Изображения головы вепря единичны: подвеска-цепочка, заканчивающаяся литой головой животного [Пшеничнюк, 2012, с. 74, рис. 45]; колчанный крюк с голо-

вами ушастого грифона и кабана [Яблонский, 2013, с. 80, кат. 114].

В середине – второй половине I тыс. до н.э. разнообразная иконография образа представлена в петроглифах и оленных камнях Центральной Азии, Южной Сибири, Восточного Казахстана, в прикладном искусстве раннесакских комплексов, тагарской и пазырыкской культур [Черемисин, 2008, с. 28–33; Самашев, 1992, с. 160, рис. 173; Членова, 1967, с. 273, табл. 23]. Характерные черты иконографии (острые зубы и язык в раскрытой пасти, изображения когтей наряду с копытами на ногах), очевидно, определялись представлениями о кабане, бытовавшими в среде ранних кочевников: являясь копытным животным, кабан был очень опасен для человека и поэтому ассоциировался с хищными животными.

В изобразительной системе звериного стиля существовал ряд признаков, общих для кабанов и хищников, отличный от изображений других копытных. Таким образом, место кабана определялось как промежуточное между хищными и копытными, скорее приближаясь к плотоядным. Являясь копытным, кабан был опаснее многих хищников, что отражено в иконографии образа, где кабан противопоставляется кошачьим хищникам как равноценный противник, а не объект терзания. Его изображения использовались для декоративной отделки оружия, конской упряжи и служили оберегами / амулетами (как и подвески из кабаньих клыков) для людей и коней [Смирнов, 1964, с. 29]. Характерной особенностью иконографии образа в восточных районах (Южная Сибирь, Южное Приуралье, Нижнее Поволжье) является полная стоящая фигурка кабана. В западных областях (Европейская Скифия, Сарды, Эфес, Луристан, Малая Азия) вепри чаще изображались с подогнутыми ногами, в позе припавшего к земле хищного животного [Переводчикова, 1994, с. 46–48; Королькова, 2006, с. 45–46, 178, табл. 9–10].

Для всей степной Евразии образ кабана у древних индоиранцев являлся сакральным символом, олицетворяя прародителя, идею плодородия и воинственности, он объединялся с образами хищников и ассоциировался с войной, охотой, смертью и потусторонним ми-

ром [Королькова, 2006, с. 114–117; Черемисин, 2008, с. 30–31]. Существует мнение, что кабан являлся проводником между средним и нижним мирами в третичной мифологической модели космоса у кочевников [Переводчикова, 1994, с. 46–48; Королькова, 2006, с. 117–119]. Согласно Авесте, кабан (вепрь) являлся пятым и наиболее распространенным воплощением божества войны и победы Веретрагны [Вертиенко, 2014, с. 272], бесстрашным зверем, разящим и терзающим врагов [Черемисин, 2008, с. 33]. В древнеиранской мифологии в образе кабана акцентирована семантическая линия кабан-герой-воин для обозначения различных видов героизма, отваги и доблести [Вертиенко, 2014, с. 275]. Кроме того, вепрь был косвенно связан с понятием Хварна и подчеркивал высокий социальный статус владельца в воинской иерархии, носители таких изображений воспринимались как обладатели Хварна – счастья – счастливой судьбы [Вертиенко, 2014, с. 276–278].

Строение филипповской подвески подразумевает, что она подвешивалась за верхнюю петлю. Центром ее композиции, безусловно, является фигура кабана, лоб которого украшен ромбическим кастом, окантованным зернью. Этот символ встречен в оформлении фигуры животного впервые, в отличие от аналогично оформленных кастов в форме «запятой» на бедрах, которые часты в декорации фигур разных животных в предметах ахеменидского круга на Южном Урале. Практически половину объема фигуры занимает массивная голова с рельефным изображением клыков и ушей. В ее облике акцентированы не агрессивные черты, а героические (мощь, доблесть, сила). На наш взгляд, иконография подвески обуславливает смысловую нагрузку образа кабана – как воина-хранителя изобилия, плодородия, благоденствия (цепочки с подвесками, изображающими различные плоды), что подчеркивается наличием привесок с изображением морд фантастических животных на концах цепочек. Учитывая косвенную связь кабана с понятием Хварна, нельзя исключить и сакральную символику божественной силы, обеспечивающей фортуна, процветание и счастье носителю / хранителю этой реликвии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Авторы выражают глубокую благодарность реставратору высшей категории М.В. Нацкому (ГОСНИИР, г. Москва), который исследовал технологию изготовления и под руководством которого написан этот раздел.

² Термин «фритта» (итал. *fritta*, англ. *frit*) здесь и далее используется для обозначения богатой кремнеземом стекловидной пасты, обожженной на малом огне до спекания (но не сплавления) массы. Это обуславливает совершенно иной, отличный от классического стекла рисунок поверхности под бинокуляром. Для него характерны неоднородная разнотекстурная структура, присутствие пор и вкраплен-

ных в стекловидные гранулы органических частиц и почвенных микроагрегатов.

³ Мы подробно рассмотрели систему взаиморасположения цепочек и количество звеньев в них, поскольку специалисты по семантике образов основной композиции медальона считают, что в логике расположения может содержаться цифровой код Авесты, расшифровка которого даст дополнительную информацию о смысле / содержании культовых действий, в которых изделие использовалось.

⁴ Данное мнение М.В. Нацким было сформулировано в процессе исследования технологии изготовления подвески и высказано в ходе личной беседы с авторами статьи.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рис. 1. Могильник Филипповка 1, курган 1, погребение 2 (фото О.В. Аникеевой):

План: 1 – дисковидное изделие; 2 – зеркало; 3 – амулет Глаз Хора; 4 – палитры; 5 – фрагменты кожаного пояса;
6 – сферическая пронизь; 7 – каменные печати

Fig. 1. Filippovka 1 cemetery. Kurgan 1, Burial 2 (Photograph by O. V. Anikeeva):

Plan: 1 – disk-shaped jewellery; 2 – mirror; 3 – amulet “The Eye of Horus”; 4 – palettes; 5 – leather belt;
6 – spherical bead; 7 – stone stamp seals

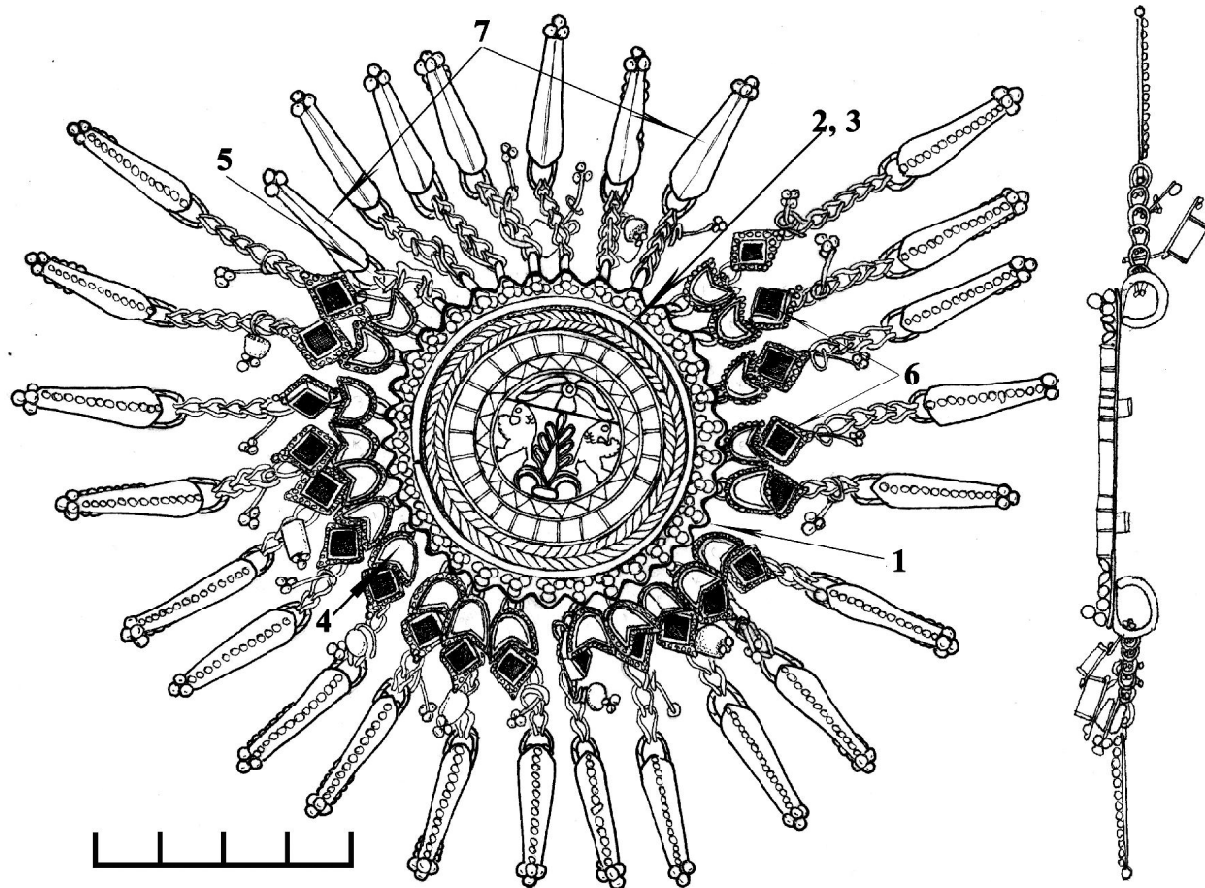

Рис. 2. Могильник Филипповка 1 курган 1, погребение 2. Ювелирное изделие – подвеска, лицевая сторона (рис. К.С. Огорокова):

1–7 – элементы конструкции изделия (см. разделы статьи «Изучение технологии изготовления», «Конструкция и способы крепления изделия»). ОГИКМ КП 20283/4

Fig. 2. Filippovka 1 cemetery. Kurgan 1, Burial 2. Pendant, front side (Drawing by K.S. Okorokov):

1–7 – design elements (see the sections of the paper “Study of manufacturing technology”, “Design and mounting methods”). ОГИКМ КП 20283/4

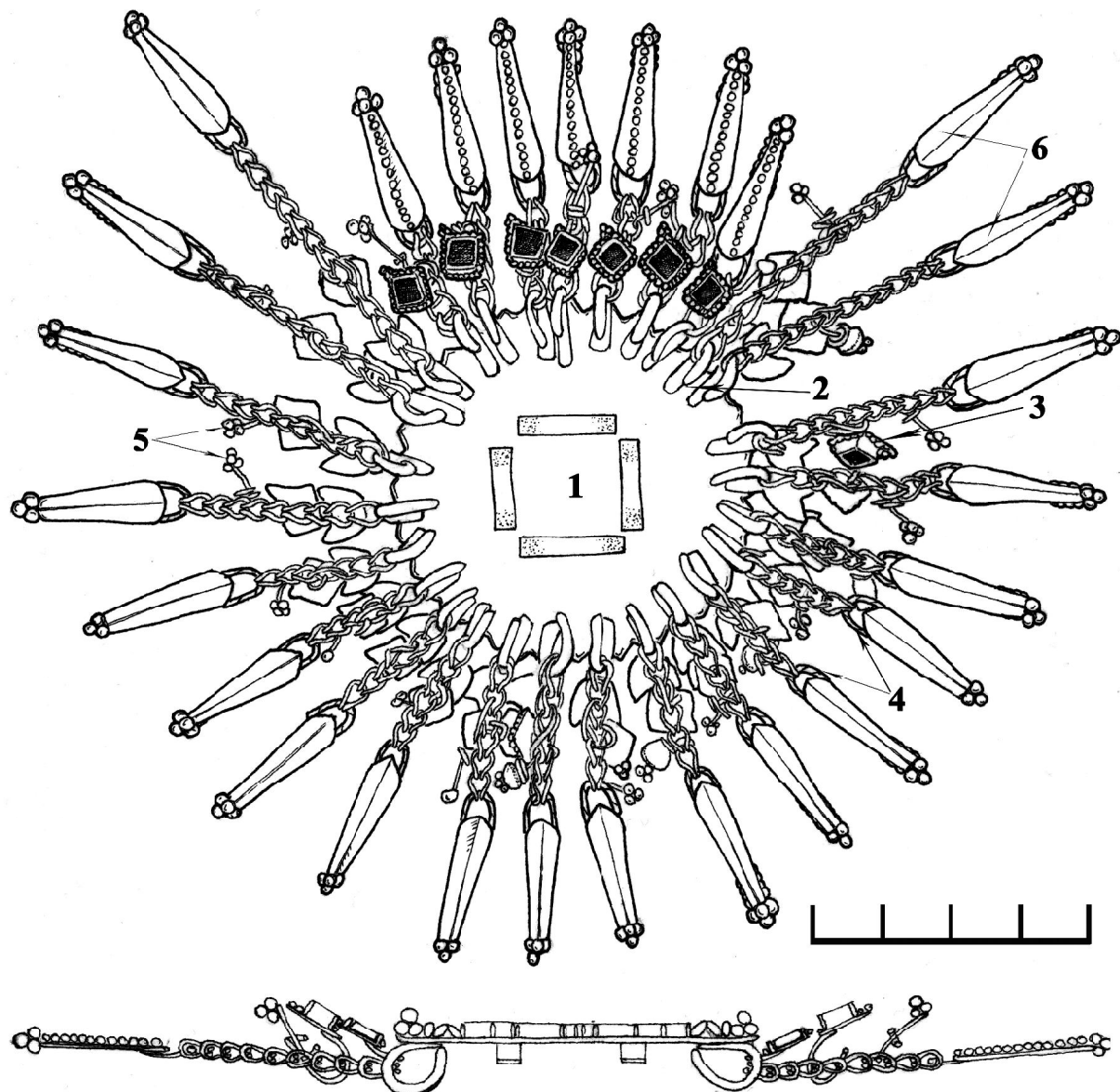

Рис. 3. Могильник Филипповка 1, курган 1, погребение 2.

Ювелирное изделие – подвеска, оборотная сторона (рис. К.С. Окороква):

1–6 – элементы конструкции изделия (см. разделы статьи «Изучение технологии изготовления», «Конструкция и способы крепления изделия»). ОГИМК КП 20283/4

Fig. 3. Filippovka 1 cemetery. Kurgan 1, Burial 2. Pendant, flip side (Drawing by K.S. Okorokov):

1–6 – design elements (see the sections of the paper “Study of manufacturing technology”, “Design and mounting methods”). ОГИМК КП 20283/4

Рис. 4. Центральный медальон ювелирного изделия. Фото О.В. Аникеевой
Fig. 4. Central medallion of jewellery. Photo by O. V. Anikeeva

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникеева О. В., Яблонский Л. Т., 2018. Амулеты «Глаз Хора» из курганов ранних кочевников на Южном Урале // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 23, № 3. С. 63–81. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.3.6>.
- Аникеева О. В., Яблонский Л. Т., 2019а. Элементы погребального костюма жрицы из филипповских курганов: материалы к реконструкции // Археология евразийских степей. № 1. С. 12–32.
- Аникеева О. В., Яблонский Л. Т., 2019б. Техника изготовления ювелирных украшений из погребения 2 кургана 1 могильника Филипповка 1 и вероятные центры изготовления // Уфимский археологический вестник. Вып. 19. С. 25–38.
- Аникеева О. В., Нацкий М. В., Шемаханская М. С., Яблонский Л. Т., 2018. Ювелирные украшения из погребения знатной женщины (могильник Филипповка 1, курган 1, погребение 2) // Духовная модернизация и археологическое наследие : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Маргулановские чтения – 2018». Алматы ; Актобе : Институт археологии им. А.Х. Маргулана. С. 211–219.
- Вертиенко А. В., 2014. Образ вепря в иранской традиции – нарратив и визуализация // *Stratum plus*. № 3. С. 271–280.
- Королькова Е. Ф., 2006. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб. : Петербургское востоковедение. 272 с.
- Переводчикова Е. М., 1994. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М. : Восточная литература. 204 с.
- Переводчикова Е. М., Таиров А. Д., 2009. Звериный стиль Филипповского кургана 1 в контексте искусства кочевников Южного Урала // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы IV регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ. С. 92–94.
- Пиотровский Б. Б., 1959. Ванское царство (Урарту). М. : Восточная литература. 283 с.
- Пиотровский Б. Б., 1970. Кармир-блур II. Результаты раскопок 1949–1950. Л. : Аврора. 129 с.
- Пшеничнюк А. Х., 2012. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. 277 с.
- Рябкова Т. В., 2014. Изделия с перегородчатой инкрустацией в предскифских и раннескифских памятниках // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. Казань : Отечество. С. 163–168.
- Самашев З. С., 1992. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата : Гылым. 288 с.
- Смирнов К. Ф., 1964. Сарматы. Ранняя история и культура сарматов. М. : Наука. 377 с.
- Трейстер М. Ю., Яблонский Л. Т., 2012. Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.) : в 2 т. М. : ТАУС. Т. I – 671 с.; Т. II – 468 с.
- Черемисин Д. В., 2008. Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры. Семантика звериных образов в контексте погребального обряда. Новосибирск : ИАЭ СО РАН. 136 с.
- Членова Н. Л., 1967. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М. : Наука. 300 с.
- Яблонский Л. Т., 2013. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Кн. 1. М. : ИА РАН. 231 с.
- Яблонский Л. Т., 2014. Новые находки в «царском» кургане 1 могильника Филипповка 1 (предварительное сообщение) // Краткие сообщения института археологии. Вып. 232. С. 3–7.
- Яблонский Л. Т., 2015. Новые необыкновенные находки из кургана могильника Филипповка 1 // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 43, № 2. С. 97–108.
- Яблонский Л. Т., 2016а. Новые археологические данные об ахеменидских влияниях на Южном Урале // Вестник древней истории. Т. 76, № 3. С. 744–766.
- Яблонский Л. Т., 2016б. Об одном аспекте социальной роли женщины в раннекочевом сообществе Южного Приуралья (по материалам могильника Филипповка 1) // Кадырбаевские чтения-2016 : материалы V Междунар. науч. конф. Актобе : Институт археологии им. А.Х. Маргулана. С. 15–19.
- Batmaz A., 2013. A New Ceremonial Practice at Ayanis Fortress: The Urartian Sacred Tree Ritual on the Eastern Shore of Lake Van // *Journal of Near Eastern Studies*. Vol. 72, № 1. P. 65–83.

- Curtus J., Tallis N., 2005. *Forgotten Empires. The World of Ancient Persia*. London : The British Museum press. 272 p.
- Giovino M., 2007. *The Assyrian Sacred Tree: A History of Interpretation*. Fribourg : Academic Press. 243 p.
- Higgins R., 1979. *The Aegina Treasure. An Archaeological Mystery*. London : British Museum Publications. 72 p.
- Kia M., 2016. *The Persian Empire: A Historical Encyclopedia. Empires of the World. Vol. I. Santa-Barbara : ABC-CLIO. 397 p.*
- Michaux-Colombot D., 2008. The Royal Hittite Title ‘My Sun’ and the Winged Sun Disk // 38. ICANAS. Religion. Vol. 1. International Congress of Asian and North African Studies. Ankara. P. 329-353.
- Maxwell-Hislop K.R., 1974. *Western Asiatic Jewellery c. 3000-612 B.C.* London : Methen&Co Ltd. 275 p.
- Porada E. 1965. *The Art of Ancient Iran*. New York : Crown Publishers. 279 p.
- Soudavar A., 2005. The Formation of Achaemenid Imperial Ideology and Its Impact on Avesta // *The World of Achaemenid Persia*. London ; New York : I.B. Taurisp. P. 111–138.
- Soudavar A., 2018. *Iranian Complexities: A Study in Achaemenid, Avestian, and Sasanian Controversies*. Houston. 234 p.
- Yablonsky L.T., Treister M. Yu., 2019. New Archaeological Data on Achaemenid Influences in the Southern Urals // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. Vol. 25. P. 79-161

REFERENCES

- Anikeeva O.V., Yablonsky L.T., 2018. Amulety «Glaz Hora» iz kurganov rannih kochevnikov na Yuzhnom Urале [Amulets Depicting the Eye of Horus from Burial Mounds of Early Nomads in the Southern Urals]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 23, no. 3, pp. 63-81. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.3.6>.
- Anikeeva O.V., Yablonsky L.T., 2019a. Elementy pogrebal'nogo kostyuma zhricy iz filippovskih kurganov: materialy k rekonstrukcii [Elements of Priestess Funeral Dress from Filippovka I Burial Ground: Materials to Reconstruction]. *Arheologiya evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppe], no. 1, pp. 12-32.
- Anikeeva O.V., Yablonskiy L.T., 2019b. Tehnika izgotovleniya yuvelirnykh ukrasheniy iz pogrebeniya 2 kurgana 1 mogil'nika Filippovka 1 i veroyatnye centry izgotovleniya [Technique of Manufacturing Jewelry from the Burial 2 Barrow 1 from Filippovka-1 and Probable Centers of Manufacturing]. *Ufimskiy arheologicheskii vestnik* [Ufa Archaeological Herald], vol. 19, pp. 25-38.
- Anikeeva O.V., Natskiy M.V., Shemahanskaya M.S., Yablonskiy L.T., 2018. Yuvelirnye ukrasheniya iz pogrebeniya znatnoy zhenshchiny (mogil'nik Filippovka 1, kurgan 1, pogrebenie 2) [Jewelry from the Burial of a Noble Woman (Filippovka 1 kurgan cemetery, Kurgan 1 Burial 2)]. *Duhovnaya modernizatsiya i arheologicheskoe nasledie: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Margulanovskie chteniya – 2018»* [Proceedings of the International Scientific-Practical Conference “Margulanov Readings – 2018”]. Almaty; Aktobe, Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, pp. 211-219.
- Vertienko A.V., 2014. Obraz veprya v iranskoj tradicii – narrativ i vizualizatsiya [The Image of the Boar in the Iranian Tradition – Narrative and Visualization]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 271-280.
- Korol'kova E.F., 2006. *Zverinyi stil' Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya v skifskuyu epohu (VII-IV vv. do n. je.). Problemy stilya i etnokul'turnoj prinaldlezhnosti* [The Animal Style of Eurasia. Art of the Lower Volga and South Urals Tribes in Scythian Epoch (VII–IV centuries BX). Problems of Style and Ethnocultural Affiliation]. Saint Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ. 272 p.
- Perevodchikova E.M., 1994. *Yazyk zverinykh obrazov. Ocherki iskusstva evraziyskikh stepey skifskoy epohi* [The Language of Animal Images. Essays on the Art of the Eurasian Steppes of the Scythian Epoch]. Moscow, Vostochnaya literature Publ. 204 p.
- Perevodchikova E.M., Tairov A.D., 2009. Zverinyi stil' Filippovskogo kurgana 1 v kontekste iskusstva kochevnikov Yuzhnogo Urала [The Animal Style of the Filippovka Kurgan 1 in the Context of Nomad Art in the Southern Urals]. *Yetnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urале: materialy IV region. (s mezhdunar. uchastiem) nauch.-prakt. konf.* [Ethnic Interactions in the Southern Urals. Proceedings of the 4th Regional (with International Participation) Scientific Conference]. Chelyabinsk, Southern Urals State University, pp. 92-94.

- Piotrovskiy B.B., 1959. *Vanskoe Tsarstvo (Urartu)* [The Kingdom of Van (Urartu)]. Moscow, Vostochnaya literature Publ. 283 p.
- Piotrovskiy B.B., 1970. *Karmir-blur II. Rezul'taty raskopok 1949-1950.* [Karmir-blur II. The Results of Excavations]. Leningrad, Avrora Publ. 129 p.
- Pshenichnyuk A.H., 2012. *Filippovka. Nekropol' kochevoy znati IV v. do n.e. na Yuzhnom Urale* [Filippovka. The Necropolis of Nomadic Nobility in the Southern Urals (IV century BC)]. Ufa, IHLL USC RAS. 277 p.
- Ryabkova T.V., 2014. Izdeliya s peregorodchatoy inkrustatsiey v predskifskikh i ranneskifskikh pamyatnikah [Items with Cloisonne Inlay in the Prescythian and Early Scythian Monuments]. *Trudy IV(XX) Vserossiyskogo arheologicheskogo s'ezda* [Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Congress], vol. II. Kazan', Otechestvo Publ., pp. 163-168.
- Samashev Z.S., 1992. *Naskal'nye izobrazheniya Verhnego Priirtysh'ya* [The Rock Paintings of the Upper Irtysh]. Alma-Ata, Gylim Publ. 288 p.
- Smirnov K.F., 1964. *Savromaty. Ranniyaya istoriya i kul'tura sarmatov* [Sauromats. The Early Sarmatians History and Culture]. Moscow, Nauka Publ. 377 p.
- Treister M. Yu., Yablonsky L.T., 2012. *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V-III vv. do n.e.): v 2 t.* [Influences of the Achaemenid Culture in the Southern Urals (V-III centuries BC). In 2 vols.]. Moscow, TAUS Publ. Vol. I. 671 p.; vol. II. 468 p.
- Cheremisin D.V., 2008. *Iskusstvo zverinogo stilya v pogrebal'nykh kompleksakh ryadovogo naseleniya pazyrykskoy kul'tury. Semantika zverinykh obrazov v kontekste pogrebal'nogo obryada* [Animal Style art in the Burial Complexes of the Ordinary Population of the Pazyryk Culture. The Semantics of Animal Images in the Context of a Funeral Rite]. Novosibirsk, IAE SB RAS. 136 p.
- Chlenova N.L., 1967. *Proishozhdenie i ranniyaya istoriya plemyon tagarskoy kul'tury* [The Origin and Early History of the Tagar Culture Tribes]. Moscow, Nauka Publ. 300 p.
- Yablonskiy L.T., 2013. *Zoloto sarmatskikh vozhdov. Yelitniy nekropol' Filippovka 1 (po materialam raskopok 2004-2009 gg.). Katalog kollektsii* [Gold of the Sarmatian Leaders. The Elite Necropolis Filippovka 1 (based on the 2004-2009 excavations)]. Book 1. Moscow, IA RAS. 231 p.
- Yablonskiy L.T., 2014. *Novye nahodki v «tsarskom» kurgane 1 mogil'nika Filippovka 1 (predvaritel'noe soobshchenie)* [New Finds in the "Royal" Burial-Mound 1 in the Filippovka 1 Cemetery (Preliminary Report)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta Arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 232, pp. 3-7.
- Yablonsky L.T., 2015. *Novye neobyknoennyye nahodki iz kurgana mogil'nika Filippovka 1* [Unusual New Findings at Filippovka-1 Burial Mound 1, Southern Urals]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], vol. 43, no. 2, pp. 97-108.
- Yablonsky L.T., 2016a. *Novye arheologicheskie dannye ob akhemenidskikh vliyaniyakh na Yuzhnom Urale* [New Archaeological Data on the Achaemenid Influence in the Southern Ural Area]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], vol. 76, no. 3, pp. 744-766.
- Yablonsky L.T., 2016b. *Ob odnom aspekte social'noy roli zhenshchiny v rannekochevom soobshchestve Yuzhnogo Priural'ya (po materialam mogil'nika Filippovka 1)* [About One Aspect of the Social Role of Women in the Early Nomadic Community of the South Urals (Based on the Materials of the Filippovka 1 Kurgan Cemetery)]. *Kadyrbaevskie chteniya-2016: materialy V Mezhdunar. nauch. conf.* [Kadyrbaevskie Readings-2016. Proceedings of the 5th International Conference]. Aktobe, Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan, pp. 15-19.
- Batmaz A., 2013. *A New Ceremonial Practice at Ayanis Fortress: The Urartian Sacred Tree Ritual on the Eastern Shore of Lake Van.* *Journal of Near Eastern Studies*, vol. 72, no. 1, pp. 65-83.
- Curtis J., Tallis N., 2005. *Forgotten Empires. The World of Ancient Persia.* London, The British Museum press. 272 p.
- Giovino M., 2007. *The Assyrian Sacred Tree: A History of Interpretation.* Fribourg, Academic Press. 243 p.
- Higgins R., 1979. *The Aegina Treasure. An Archaeological Mystery.* London, British Museum Publications. 72 p.
- Kia M., 2016. *The Persian Empire: A Historical Encyclopedia. Empires of the World.* Vol. I. Santa-Barbara, ABC-CLIO. 397 p.
- Michaux-Colombot D., 2008. *The Royal Hittite Title 'My Sun' and the Winged Sun Disk.* *ICANAS. Religion. Vol. 1. International Congress of Asian and North African Studies.* Ankara, pp. 329-353.

- Maxwell-Hislop K.R., 1974. *Western Asiatic Jewellery c. 3000-612 BC*. London, Methen&Co Ltd. 275 p.
- Porada E. 1965. *The Art of Ancient Iran*. New York, Crown Publishers. 279 p.
- Soudavar A., 2005. The Formation of Achaemenid Imperial Ideology and its Impact on Avesta. *The World of Achaemenid Persia*. London, New York, I.B. Taurisp, pp. 111-138.
- Soudavar A., 2018. *Iranian Complexities: a Study in Achaemenid, Avestian, and Sasanian Controversies*. Houston. 234 p.
- Yablonsky L.T., Treister M.Yu., 2019. New Archaeological Data on Achaemenid Influences in the Southern Urals. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, vol. 25, pp. 79-161.

Information About the Authors

Olga V. Anikeeva, Candidate of Sciences (Geology & Mineralogy), Leading Researcher, Department of Monumental Sculpture, State Research Institute for Restoration, Gastello St., 44/1, 107014 Moscow, Russian Federation, olganikeeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8725-4171>

Galina Yu. Kolganova, Researcher, Department of History and Culture of the Ancient East, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Rozhdestvenskaya St., 12, 107031 Moscow, Russian Federation; Senior Researcher, Department of the Ancient East, State Museum of Fine Arts named after A.S. Pushkin, Volhonka St., 12, Moscow, Russian Federation, kolganova_gy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6886-728X>

Информация об авторах

Ольга Викторовна Аникеева, кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник отдела реставрации монументальной скульптуры, Государственный научно-исследовательский институт реставрации, ул. Гастелло, 44, стр. 1, 107014 г. Москва, Российская Федерация, olganikeeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8725-4171>

Галина Юрьевна Колганова, научный сотрудник отдела истории и культуры Древнего Востока, Институт востоковедения РАН, ул. Рождественская, 12, 107031 г. Москва, Российская Федерация; старший научный сотрудник отдела Древнего Востока, Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, ул. Волхонка, 12, г. Москва, Российская Федерация, kolganova_gy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6886-728X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.2>

UDC 930.26(470+571):903.2
LBC 63.48(2)-414

Submitted: 09.03.2019
Accepted: 29.04.2019

THE 2013 FINDS IN THE CONTEXT OF THE ANIMAL STYLE OF THE KURGAN 1 OF THE NECROPOLIS FILIPPOVKA 1

Konstantin S. Okorokov

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Elena V. Perevodchikova

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article deals with the specimens of Scythian Animal Style found in 2013 during supplementary excavation of the kurgan 1 of the necropolis Filippovka 1 (previously it was called the 1st Filippovka kurgan) in 2013. The specimens of the Scythian Animal Style analyzed were found in a new excavated burial 2. There were found golden plaques of wooden vessels with zoomorphic handles, silver mirror with gilded handle. There are images of animals on the golden plaques for a dress, some pendants and finger rings. The works of Art described show many stylistic parallels with the specimens of the Animal Style previously found in the mound. Comparing the items we have found some specific features of Scythian Animal Style of the 1st Filippovka kurgan. Among new finds we see also unique ones. In recent years the figures of deer embroidered on sleeves of the dress were found by V.E. Tregubov and K.S. Okorokov. We present the first publication of the research results by K.S. Okorokov reconstructed these figures of deer. These figures also find stylistic parallels with the works of Art of the 1st Filippovka kurgan. Some works of Achaemenid Art contain elements of Scythian Animal Style. The Style of these items also shows some characteristics specific for Scythian Animal Style of the kurgan 1 of the necropolis Filippovka 1. Basing on this we can suggest they were made by Achaemenid craftsmen by order from Filippovka nomads. Our work confirms the thesis of stylistic unity of the works of Art found in the 1st Filippovka kurgan.

Key words: Scythian Animal Style, 1st Filippovka kurgan, kurgan 1 of the necropolis Filippovka 1, reconstruction of a dress, specific features of Animal Style of the 1st Filippovka kurgan, Achaemenid craftsmen work for nomads.

Citation. Okorokov K.S., Perevodchikova E.V., 2020. The 2013 Finds in the Context of the Animal Style of the Kurgan 1 of the Necropolis Filippovka 1. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, vol. 19, no. 1, pp. 28-45. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.2>

УДК 930.26(470+571):903.2
ББК 63.48(2)-414

Дата поступления статьи: 09.03.2019
Дата принятия статьи: 29.04.2019

НАХОДКИ 2013 г. В КОНТЕКСТЕ ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ КУРГАНА 1 КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ФИЛИППОВКА 1

Константин Сергеевич Окорок

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Елена Владимировна Переводчикова

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье идет речь о произведениях скифского звериного стиля, найденных при исследовании кургана 1 курганного могильника Филипповка 1 (ранее он назывался «1-й Филипповский курган») в 2013 году. Анализируемые предметы в скифском зверином стиле происходят из вновь раскопанного погребения 2. Здесь найдены золотые оковки деревянных сосудов с зооморфными ручками, к одному из которых относилась роговая крышка с ручкой в форме птичьей головы, серебряное зеркало с позолоченной ручкой,

оформленной в зверином стиле. Зооморфные изображения присутствуют и на золотых нашивках на одежду погребенной, золотых височных подвесках, золотых перстнях и на некоторых привесках к одному из браслетов. Описанные произведения искусства находят много стилистических параллелей с предметами, обнаруженными в кургане прежде. Сравнивая предметы, мы выявили некоторые специфические черты звериного стиля кургана 1 курганного могильника Филипповка 1. Среди новых находок есть и уникальные. В недавнее время на рукавах одежды В.Е. Трегубовым и К.С. Огороковым были обнаружены фигуры оленей. В статье впервые публикуются результаты исследования К.С. Огорокова, реконструировавшего эти фигуры. Они также находят стилистические параллели с произведениями искусства из кургана 1 курганного могильника Филипповка 1. В составе некоторых предметов ахеменидского производства имеются элементы, выполненные в скифском зверином стиле, а также прослеживаются специфические черты звериного стиля Филипповки. Поэтому мы можем предположить, что они сделаны ахеменидскими мастерами по заказу кочевников Филипповки. Наша работа подтверждает тезис о стилистическом единстве произведений искусства из 1-го Филипповского кургана.

Ключевые слова: скифский звериный стиль, 1-й Филипповский курган, курган 1 курганного могильника Филипповка 1, реконструкция костюма, специфика звериного стиля 1-го Филипповского кургана, работа ахеменидских мастеров для кочевников.

Цитирование. Огороков К. С., Переводчикова Е. В., 2020. Находки 2013 г. в контексте звериного стиля кургана 1 курганного могильника Филипповка 1 // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 1. С. 28–45. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.2>

Знаменитый курган 1 курганного могильника Филипповка 1 (ранее он назывался «1-й Филипповский курган»¹), раскопанный в 1988 г. экспедицией под руководством А.Х. Пшеничного, в 2013 г. был доследован Южноуральской экспедицией ИА РАН под руководством Л.Т. Яблонского. Под восточной полкой кургана было раскопано не тронутое грабителями богатейшее погребение 2, а также захоронения лошадей и жертвенные комплексы [Яблонский, 2014а, с. 4–7].

Среди находок присутствует серия вещей, оформленных в скифском зверином стиле. Подавляющее их большинство происходит из погребения 2. Здесь найдены золотые оковки деревянных сосудов с зооморфными ручками [Яблонский, 2014а, рис. II,1; 2014в, с. 25–26; 2014г, рис. 77–78, 149–151], к одному из которых относилась роговая крышка с ручкой в форме птичьей головы [Яблонский, 2014г, рис. 75, 76], серебряное зеркало с позолоченной ручкой, оформленной в зверином стиле [Яблонский, 2014а, рис. II,3]. На расшитых бисером рукавах одежды погребенной недавно удалось выявить фигуры оленей. Зооморфные изображения присутствуют и на золотых нашивках на одежду погребенной, золотых височных подвесках, золотых перстнях [Яблонский, 2014а, рис. III; 2014в, рис. 186–188] и на некоторых привесках к одному из браслетов [Яблонский, 2014г, рис. 192–193]. В зверином стиле оформлены также две кос-

тяные ложечки [Яблонский, 2014г, рис. 100–101, 132; Аникеева, Яблонский, 2018, рис. 2,45] и предметы конской узды [Яблонский, 2014г, рис. 161–163]. В подземном ходе был найден котел с зооморфными ручками [Яблонский, 2014а, с. 4; 2014в, рис. 54–57].

Наша задача – рассмотреть эти предметы в контексте уже известных произведений скифского звериного стиля из 1-го Филипповского кургана.

К сожалению, Л.Т. Яблонский не успел подробно опубликовать материалы раскопок 2013 года. Имеется лишь краткое изложение результатов работ [Яблонский, 2014а, 2014б] и статьи о некоторых интересующих нас предметах ахеменидского происхождения [Яблонский, 2016; Аникеева и др., 2017; 2018]. Однако в этих кратких публикациях представлена достаточно выразительная серия вещей. Мы будем также обращаться к тексту и альбому отчета о раскопках кургана [Яблонский, 2014в; 2014г].

После того как полученные археологические материалы были сданы в Оренбургский краеведческий губернаторский музей, старшим научным сотрудником музея В.Е. Трегубовым в довольно хаотичной (на первый взгляд) картине расположения бисера и мелких бусин на рукавах одежды была выявлена фигура оленя. Это побудило одного из авторов данной статьи провести работу над графической реконструкцией фрагментов одежды, попытав-

шись выявить все возможные изображения на данном объекте.

Доклад о результатах проведенного исследования был сделан К.С. О कोरोковым 13 ноября 2019 г. на заседании круглого стола «Археология ранних кочевников евразийской степи: актуальные проблемы и перспективы их решения» (к юбилею д-ра ист. наук М.Г. Мошковой) в Институте археологии РАН. По материалам выступления автором подготовлена к печати статья «Расшитые бисером рукава женского костюма из погребения 2 кургана 1 некрополя Филипповка 1». Детальные описания результатов будут даны также в отдельной совместной статье К.С. О कोरोкова и В.Е. Трегубова.

За годы, прошедшие между раскопками А.Х. Пшеничнюка и Л.Т. Яблонского, произведения искусства, найденные в кургане, неоднократно привлекали внимание исследователей. Яркие и выразительные, в большинстве своем уникальные предметы экспонировались на выставках и были опубликованы в каталогах этих выставок. Предметы из 1-го Филипповского кургана, не экспонировавшиеся на выставках, также в большинстве своем изданы по материалам отчетов и описей находок экспедиции А.Х. Пшеничнюка [Пшеничнюк, 2013]. Недавно вышел в свет каталог предметов из Филипповки, хранящихся в Музее археологии и этнографии в Уфе [Коллекции ... , 2018], в котором экспонировавшиеся на выставках предметы объединены с ранее не выставлявшимися.

Стилистические особенности произведений звериного стиля из Филипповки послужили темой для целого ряда специальных исследований. Кроме того, эти предметы весьма информативны, поэтому их часто упоминают в работах, посвященных различным проблемам истории ранних кочевников. Обращаться к литературе, затрагивающей произведения искусства из Филипповских курганов, мы будем по мере работы с конкретными предметами, поскольку они весьма разнообразны.

Среди находок 2013 г. есть вещи, практически полностью аналогичные найденным ранее в этом кургане, а также более или менее сходные с ними, но имеются и предметы уникальные. Начнем с вещей и изображений, похожих на известные ранее.

В погребении 2 найдены две золотые оковки сосудов с зооморфными ручками. Одна из ручек выполнена в форме хищного зверя, стоящего на четырех лапах с опущенной головой (рис. 1,1), Л.Т. Яблонский определяет его как медведя [Яблонский, 2014а, с. 5]. Подобные ручки, хоть и отличающиеся от нашей в некоторых деталях, найдены в 1-м Филипповском кургане в тайнике 1 (рис. 1,2–4). Среди этих находок к нашей ближе всего фигуры зверей с гладкой поверхностью (рис. 1,2,3) [Пшеничнюк, 2012, с. 244, рис. 2,6,7], сердцевидными ушами, небольшими глазами со слезницей. Когти на всех рассматриваемых фигурках показаны по-разному. Различаются изображения и по трактовке зубастой пасти, лопатки и бедра, некоторым нюансам поз хищника. Отличается новая находка и декором оковки: вместо привычной для этого комплекса витиеватой зооморфной композиции здесь нанесен геометрический орнамент.

Другая золотая оковка [Яблонский, 2014в, с. 25–26; 2014г, рис. 77–78] снабжена ручкой в виде копытного, по определению Л.Т. Яблонского – «кулана или самки (безрогой) джейрана» [Яблонский, 2016, с. 746]. Ручки в виде фигурок копытных в такой позе встречаются, хотя и реже, в материалах кургана [The Golden Deer ... , 2000, cat. 75; Пшеничнюк, 2012, с. 244, рис. 2,1,2; Коллекции ... , 2018, кат. 458, 466]. Оковки этого сосуда оформлены в зверином стиле, на одной из них изображены головы оленей, обращенные друг к другу. На другой оковке вокруг отверстия для ручки расположены задние ноги копытного животного – прием, распространенный в оформлении сосудов этого кургана [Королькова, 2018, с. 32–33; Пшеничнюк, 2012, с. 214–215, рис. 157, 158, с. 223, рис. 169]. Стиль изображения на указанных оковках вполне вписывается в картину стилистического разнообразия изображений на подобных предметах из кургана. Сосуд был закрыт крышкой из рога лося [Яблонский, 2014а, с. 6; 2014г, рис. 75–76]. Ручка крышки была оформлена в виде головы хищной птицы, по контурам сходная с рядом изображений птичьих голов из Филипповки.

Пальцы рук погребенной были унизаны перстнями: по перстню на каждом пальце. Все они практически одинаковы: на щитке помещено изображение оленя с подогнутыми но-

гами (рис. 2,1). Рога трактованы в виде ветви, расположенной над спиной животного, отростки которой трансформированы в головы хищных птиц; всего три отростка. Морда олень длинная, горбоносая, что вообще характерно для изображений из Филипповки. Не вполне обычна поза животного: подогнутые ноги не лежат одна на другой, как это принято для изображений копытных в скифском зверином стиле, а передняя нога вытянута вперед, при этом обе ноги согнуты (то есть подогнуты копыта). Оленей в подобной позе встречаем в материалах нашего же кургана: на нашивных бляшках (рис. 2,2), а также на некоторых золотых оковках деревянных сосудов (рис. 2,3–6). Заметим, что такое отклонение от правил скифского звериного стиля можно считать особенностью звериного стиля Филипповки.

На серии золотых нашивных бляшек представлена фигура сайгака (рис. 3,1,3). Л.Т. Яблонский называет его «свернутым в кольцо» [Яблонский, 2014а, с. 6], однако с этим трудно согласиться. Дело даже не в том, что упомянутая поза свойственна изображениям не копытных, а хищных зверей – как мы только что убедились, в материале Филипповки встречаются отклонения от канонов скифского звериного стиля. Сайгак на этих бляшках лежит, подогнув передние и задние копыта – как на изображениях оленей, описанных выше. Голова животного повернута назад и занимает в композиции центральное место. В скифском зверином стиле V–IV вв. до н.э. встречаются композиционно похожие изображения (например, фигурки оленей из Семибратних курганов в Прикубанье [Артамонов, 1966, табл. 128, 130]), а в материалах 1-го Филипповского кургана с повернутой назад головой изображен олень в сцене терзания на золотой оковке сосуда из тайника 1 (рис. 2,5). Однако у сайгака на бляшке показана и вторая передняя нога: она проходит по краю бляшки от лопатки параллельно туловищу животного, то есть закинута вверх. Нижняя часть другой задней ноги с копытом видна между ухом и шеей, копыто читается на фоне шеи. Похоже, перед нами смелая попытка выйти за рамки канонов звериного стиля и передать некую сложную позу в некоем ракурсе. Пока мы не нашли чего-либо подобного ни в материалах

Филипповки, ни где-либо еще и не можем даже предположить, какая именно поза отражена столь сложным и непонятным образом. При этом некоторые особенности композиции изображения на бляшке продиктованы ее контуром, приближающимся к кругу, – этим, думается, можно объяснить и некоторое сходство с изображениями свернувшегося зверя. Что же касается трактовки деталей: глаз со слезницей, оформление контуров рта, фигуры на лопатке и бедре животного, – то они находят множество аналогий в том же 1-м Филипповском кургане. Бляшки похожи на предметы этой категории из этого же кургана и по характеру рельефа поверхности (рис. 2,2) [The Golden Deer ... , 2000, cat. 100; Коллекции ... , 2018, кат. 721–784].

Бляшки со сценой терзания (рис. 3,2,4) имеются в двух вариантах: ориентированные либо влево, либо вправо. Изображения на них практически идентичны, различия крайне незначительны. Хищный зверь нападает на сайгака сверху и сзади: его туловище расположено над спиной копытного, ухо которого находится в пасти хищника. У хищника лапы с большими когтями: задние показаны в шаге, одна из них, слегка согнутая, находится над крупом сайгака, другая ниже, за пределами туловища копытного. Между лапами показан длинный хвост со спирально закрученным кончиком. Когти передней лапы находятся в области холки сайгака. Возможно, мы видим когти другой передней лапы в районе ребер сайгака – в таком случае получается, что хищник обхватил жертву поперек туловища. Не исключено, впрочем, что рельефными полосками показаны не когти зверя, а ребра сайгака – прямых аналогий ни такому варианту сцен терзания, ни такой трактовке ребер мы пока не знаем. Еще одно отступление от профильного изображения состоит в следующем: мы наблюдаем два (а не один) рога у сайгака, две его передние ноги. Что касается его задних ног, то, возможно, другая нога, находящаяся на заднем плане, вытянута и проходит по низу бляшки, в углу ее помещено копыто. При этом копыто изображено так, что невозможно не видеть в нем голову рогатого животного (кружок в центре преувеличен, треугольная часть сильно вытянута и направлена вверх). Подобные нарушения традиции стро-

го профильного изображения в материалах кургана мы наблюдаем только на описанной выше бляшке с фигурой сайгака. Сцены терзания в 1-м Филипповском кургане помещены на зооморфных ручках, реже – на оковках сосудов, но примеров полной композиционной аналогии сценам на бляшках (хищник сверху нападает на сайгака и держит в пасти его ухо) мы не видим. Как правило, в пасти хищника помещено не ухо, а морда жертвы, при этом во всех сравниваемых случаях ухо или морда помещаются в пасти зверя весьма компактно (рис. 2,3,5, 5,3) [The Golden Deer ... , 2000, cat. 26, 83; Коллекции ... , 2018, кат. 488].

Голова хищника округлая, подобная голове зверя в сцене терзания на ручке сосуда (рис. 2,3). Сходны и контуры раскрытой пасти зверя, а также спиральный завиток уха. Кстати, на нашей бляшке завиток уха по размерам и контурам спирали подобен завитку кончика хвоста, но спирали направлены в противоположные стороны.

Любопытно сочетание круглой головы зверя с рельефной полосой, проходящей по краю его лопатки и образующей треугольную фигуру на спине. Подобный элемент встречаем на фигурах зверей, оформляющих зооморфные ручки сосудов из кургана (рис. 1,2–4), но здесь он сочетается с удлиненными мордами животных. Такое сочетание встречается довольно широко в разных вариантах скифского звериного стиля, при этом вид изображенного животного, как правило, трудно определить [Переводчикова, 2017, с. 107].

Что касается трактовки поверхности предмета, то в этом отношении рассмотренные бляшки вполне сходны с другими предметами данной категории, происходящими из кургана.

Итак, вещи разных категорий обнаруживают стилистическую близость к ранее известным предметам из кургана. Интересно, что мы не нашли полных аналогий ни одному из предметов, а признаки сходства всегда обнаруживаются между вещами не только разных категорий, но и не тождественными по стилю исполнения. Это обстоятельство убеждает нас в возможности дальнейших поисков подобных параллелей.

Переходим теперь к одежде погребенной, на рукавах которой, как уже было сказано выше, обнаружены фигуры оленей (рис. 4,1,2).

В процессе работы с объектом стало понятно, что на данном предмете одежды находилось около десяти протом оленей, изображенных идущими вправо, вереницей друг за другом, представляя собой, таким образом, не сюжетную композицию, а ритмический рисунок. Точно такой же рисунок, только выполненный зеркально, вне всяких сомнений, находился и на рукаве у левой руки, однако перемещенное состояние большинства бусин позволяет разглядеть лишь изнанку одной протомы оленя посередине рукава и отдельные детали прочих фигур.

Поскольку правый рукав сохранился лучше, вся исследовательская работа сосредоточилась на нем. Практически не потревожен рисунок двух фигур. Они выполнены при помощи одинаковых приемов вышивания – ряд к ряду, повторяя изгибы тела. Вероятно, в первую очередь вышивались фигуры оленей, в основном мелкими золотыми бусинами, затем фигура обшивалась каймой голубого бисера, а затем им же заполнялись промежутки между фигурами.

В поисках сходства вышитых фигур оленей с изображениями на предметах других категорий из 1-го Филипповского кургана следует, наверное, остановиться на некоторых признаках, уже известных в качестве общих для разных групп изображений оленей из кургана.

О сходстве стилей деревянных скульптур оленей и изображений на золотых оковках писала Е.Ф. Королькова, отмечая, что они сближаются «орнаментальностью декора, статичностью фигуры, а также трактовкой деталей и пропорциями» [Королькова, 2006, с. 43, табл. 2,2–4,12].

Описывая стилистическое сходство этих групп вещей, А.Х. Пшеничнюк отметил, что и для скульптур оленей, и для их изображения на оковках сосудов характерны длинные горбоносые морды [Пшеничнюк, 2006, с. 32].

К признакам сходства скульптур оленей с изображениями на оковках сосудов относится также трактовка глаза несколькими штрихами, создающими угловатую форму (при этом глаз выглядит подрисованным с двух сторон). На туловище животных в обеих группах изображений встречаются похожие орнаментальные мотивы, использованные, в том числе, и для выделения зоны ребер и акцен-

тирования лопатки и бедра [Переводчикова, 2016б, с. 220–221].

У вышитых бисером оленей (рис. 5,1,2), несмотря на то что у этой техники совсем иные возможности передачи нюансов изображения, можно все же проследить некоторые из отмеченных признаков. Это длинные подпрямоугольные головы, местами они выглядят как горбоносые, местами можно разглядеть окаймленный валиком рот, четко читается подтреугольный глаз.

Отростки рогов у вышитых оленей показаны в виде спиралей – по форме спиралей они более всего похожи на рога оленя на уже упомянутой золотой бляшке (рис. 2,2), хотя разнообразные композиции из спиралей обычны как для оковок, так и для скульптур оленей (рис. 5,3–6).

Четко прослеживается «бородка», которую можно встретить на некоторых изображениях на оковках (рис. 5,4) [The Golden Deer ... , 2000, cat. 26], на уже упомянутой зооморфной ручке сосуда [The Golden Deer ... , 2000, cat. 75; Коллекции ... , 2018, кат. 458] и почти на всех скульптурах.

У всех оленей на рукавах погребенной прослеживается выдвинутая вперед нога – этот признак наблюдаем и на целом ряде оковок (рис. 5,3) [The Golden Deer ... , 2000, cat. 26, 27, 34, 39, 45].

Перечисленные признаки достаточно убедительно свидетельствуют о стилистическом родстве рассмотренных групп изображений. Вышитые бисером фигуры оленей, несмотря на особенности техники их выполнения, прекрасно вписываются в общую картину звериного стиля Филипповки. Иными словами, рукава расшиты не просто оленями, а «филипповскими оленями». Наш вывод дополняет наблюдения О.В. Аникеевой о наличии в реконструируемом костюме элементов скифского звериного стиля [Аникеева, Яблонский, 2019, с. 21]. Не вдаваясь в подробности реконструкции костюма, заметим, что при ее интерпретации имеет смысл учитывать специфически «филипповский» характер произведений звериного стиля.

Итак, находки 2013 г. по своим признакам вписываются в общую картину звериного стиля кургана 1 курганного могильника Филипповка 1. Мы подробно разобрали при-

знаки всех опубликованных находок. Неопубликованные материалы не противоречат этому выводу.

Среди находок 2013 г. присутствует серия предметов ахеменидского производства. Л.Т. Яблонский успел составить каталог этих вещей [Яблонский, 2016, с. 748–763] и на основе их анализа пришел к выводу: «Технологические приемы изготовления предметов и особенности их орнаментики не исключают допущения, что они были изготовлены в каких-то ювелирных мастерских, расположенных на территории державы Ахеменидов» [Яблонский, 2016, с. 763]. Изучение техники изготовления вещей, проведенное уже в последующие годы [Аникеева и др., 2017, с. 6–8], привело исследователей к более уверенному заключению, что предметы «были изготовлены в ремесленном центре Ахеменидского Ирана» [Аникеева и др., 2018, с. 214]. В этой группе находок нас интересуют предметы, в состав которых входят изображения в зверином стиле.

Серебряное зеркало с плакированной золотом ручкой (рис. 7,1) и изображениями на диске включено Л.Т. Яблонским в каталог вещей ахеменидского производства [Яблонский, 2016, с. 750, рис. 4]. Композиция из рельефных позолоченных фигур выполнена в переднеазиатской традиции: таковы фигура орла в центре диска, шествующие вокруг него крылатые быки и расположенные во внешнем круге лотосовидные пальметки. Сильный контраст этим изображениям являет ручка зеркала, о которой исследователь справедливо пишет, что она оформлена в скифском зверином стиле [Яблонский, 2014а, с. 5]. На верхнем и нижнем концах ручки помещены фигуры оленей с перевернутым на 180° туловищем. Передняя и задняя ноги оформляют края ручки. Голова животного повернута назад. На лопатке и бедре помещены рельефные каплевидные углубления. Вдоль шеи проходят две рельефные полосы, особенно четко видные на верхней фигуре. Удлиненные головы не сужаются к концу, а слегка расширяются, на них рельефными штрихами показаны ноздря и рот животного. Маленький круглый глаз помещен в большое подтреугольное углубление. Рога оленя на верхнем конце ручки выглядят как подпря-

моугольной формы корона из спиралевидных завитков, которая частично заходит на поверхность диска зеркала. Рога оленя на нижнем конце ручки начинаются как спирали и переходят в композицию из спиралевидных фигур, напоминающих стилизованные птичьи головы. Эта ажурная композиция и составляет тело ручки и доходит до верхней фигуры оленя. Завершается она четырьмя спиралевидными завитками, касающимися туловища оленя, расположенного на верхнем конце ручки.

Нетрудно заметить, что в описании оленей участвуют уже неоднократно упомянутые в этой статье признаки: подтреугольный глаз, вытянутая морда, каплевидные фигуры на лопатке и бедре. Нами еще не упоминалось перевернутое туловище, но изображения животных в такой позе встречаются на оковках сосудов из 1-го Филипповского кургана (рис. 7,2–5). Не упоминали мы прежде и параллельные полосы на шее оленей, в то время как они являются одной из характерных черт изображений на богато орнаментированных оковках сосудов [Переводчикова, 2016а, с. 24] (например: рис. 7,6). Что касается формы рогов оленей, то у верхнего она очень напоминает верхнюю часть «лировидных»² рогов скульптурных оленей (рис. 7,7,8). Рога нижнего оленя тоже основаны на этой форме, но здесь она по необходимости растянута на нужную длину.

Такой контраст между изображениями на диске и на ручке удивителен. При этом ни в одном из описаний зеркала нет ни намека на переделку, ремонт предмета и что-либо подобное. Иными словами, перед нами вещь, сделанная в мастерских Ахеменидского Ирана, но при этом несущая на себе изображения в зверином стиле, характерном именно для Филипповки. Единственное объяснение этому сочетанию обстоятельств – зеркало сделано ахеменидскими мастерами по заказу кочевников, оставивших Филипповские курганы.

Примеры подобного явления представляют собой височные подвески (рис. 6,1–3) – изделия, выполненные в сложной ювелирной технике, несомненно – мастерами Ахеменидского Ирана [Аникеева и др., 2018, с. 214], но при этом среди деталей указанных предме-

тов наблюдаем головы верблюдов, исполненные именно подобно тем, какие мы видим в материалах 1-го Филипповского кургана (рис. 6,4–6).

Не исключено, что при работе над головой быка на цилиндрическом элементе подвески № 2 (рис. 6,2) ахеменидский мастер также вдохновлялся филипповскими оленями. На такие мысли наводит вид рогов, которые совсем не похожи ни на бычьи, ни даже на буйволиные – они выполнены в виде тонких длинных спиралей.

Таким образом, раскопки 2013 г. принесли принципиально новую для 1-го Филипповского кургана категорию находок. Если до этого в материале памятника были известны ахеменидские импортные вещи, а также предметы, сделанные под влиянием ахеменидского искусства, то теперь мы знаем и изделия, изготовленные ахеменидскими мастерами по заказу кочевников, оставивших курган. Это обстоятельство, впрочем, не должно нас сильно удивлять, поскольку в материале кургана уже были выявлены примеры подобной работы китайских мастеров, изготовивших некоторые золотые оковки [Переводчикова, 2012, с. 96–100; 2016а, с. 30–32].

Подводя итоги нашей работы, заметим, что новые находки не только вписались в контекст звериного стиля кургана 1 могильника Филипповка 1, но сделанные в процессе работы наблюдения еще раз подтвердили мысль А.Х. Пшеничнюка, что комплекс кургана «является не набором случайных предметов, собранных, как полагают некоторые исследователи, путем обмена и торговли с южными цивилизациями или же в результате военных набегов, а представляет собой единое целое» [Пшеничнюк, 2006, с. 32].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Новое название было предложено Л.Т. Яблонским [Яблонский, 2014а, с. 4] и с тех пор считается принятым. Однако, поскольку старое название уже успело к тому времени войти в литературу, мы признаем и за ним право на существование.

² Термин предложен Е.Е. Нечвалода в докладе на X конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» в г. Севастополь в сентябре 2019 г. Доклад не опубликован.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

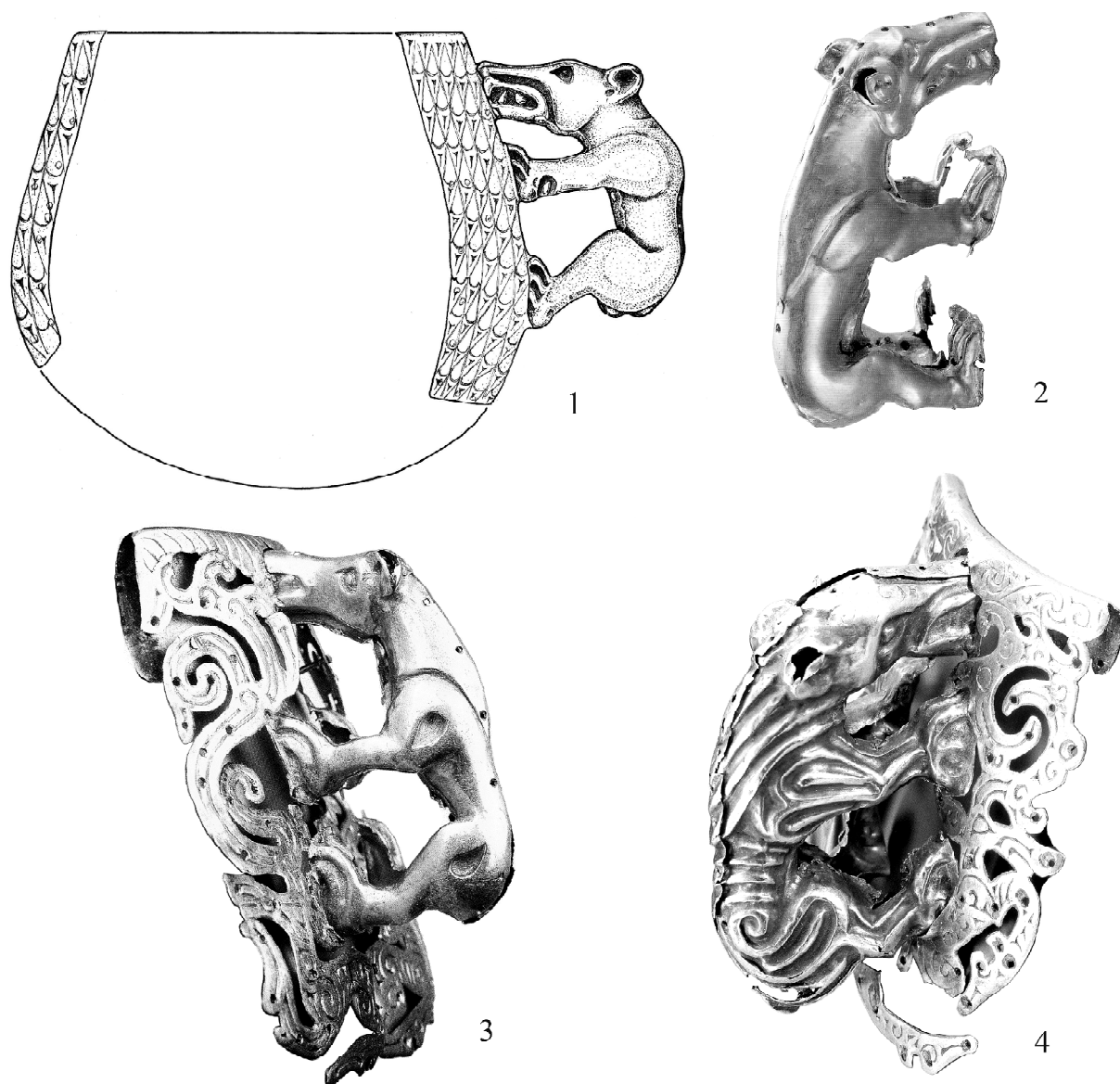

Рис. 1. Зооморфные ручки сосудов:

1 – Филипповка 1, курган 1, погребение 2 (рис. К.С. Окорочкова);
2–4 – Филипповка 1, курган 1, тайник 1 (по: [The Golden Deer ... , 2000: 2 – cat. 74, 3 – cat. 73, 4 – cat. 77])

Fig. 1. Zoomorphic handles of vessels:

1 – Filippovka 1, kurgan 1, burial 2 (drawing by K.S. Okorokov);
2–4 – Filippovka 1, kurgan 1, treasure pit 1 (after: [The Golden Deer ... , 2000: 2 – cat. 74, 3 – cat. 73, 4 – cat. 77])

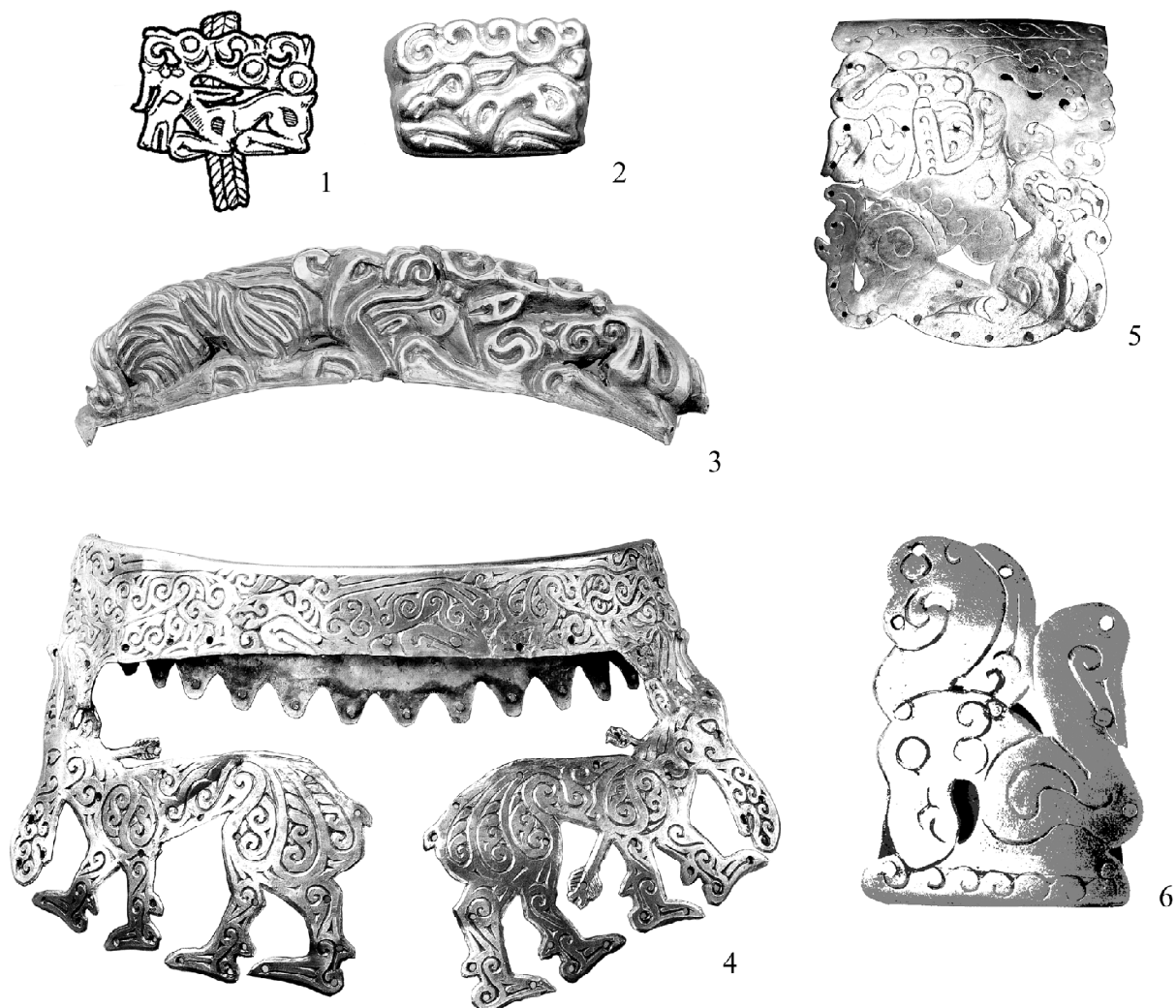

Рис. 2. Перстни и некоторые стилистические параллели:

- 1 – перстень, Филипповка 1, курган 1, погребение 2 (рис. К.С. Окоорокова);
 2 – нашивная бляшка, Филипповка 1, курган 1, тайник 2 (по: [The Golden Deer ... , 2000, cat. 99]);
 3–6 – оковки сосудов, Филипповка 1, курган 1, тайник 1
 (по: [The Golden Deer ... , 2000: 3,4 – cat. 24, 5 – cat. 64, 6 – cat. 41])

Fig. 2. Finger rings and some stylistic parallels:

- 1 – ring, Filippovka 1, kurgan 1, burial 2 (drawing by K.S. Okorokov);
 2 – plaque for dress, Filippovka 1, kurgan 1, treasure pit 2 (after: [The Golden Deer ... , 2000, cat. 99]);
 3–6 – plaques for vessels, Filippovka 1, kurgan 1, treasure pit 1
 (after: [The Golden Deer ... , 2000: 3,4 – cat. 24, 5 – cat. 64, 6 – cat. 41])

Рис. 3. Золотые нашивные бляшки:

- 1 – бляшка с фигурой сайгака, прорисовка (по: [Аникеева, Яблонский, 2019, с. 18, рис. 2,7]);
2 – бляшка со сценой терзания, прорисовка (по: [Аникеева, Яблонский, 2019, с. 18, рис. 2,8]);
3 – бляшка с фигурой сайгака (по: [Яблонский, 2014а, рис. III,3]);
4 – бляшка со сценой терзания (по: [Яблонский, 2014а, рис. III,1])

Fig. 3. Golden plaques:

- 1 – plaque with saiga figure, drawing (after: [Anikeeva, Yablonsky, 2019, p. 18, fig. 2,7]);
2 – plaque with a torment scene, drawing (after: [Anikeeva, Yablonsky, 2019, p. 18, fig. 2,8]);
3 – plaque with saiga figure (after: [Yablonsky, 2014a, fig. III,3]);
4 – plaque with a torment scene (after: [Yablonsky, 2014a, fig. III,1]).

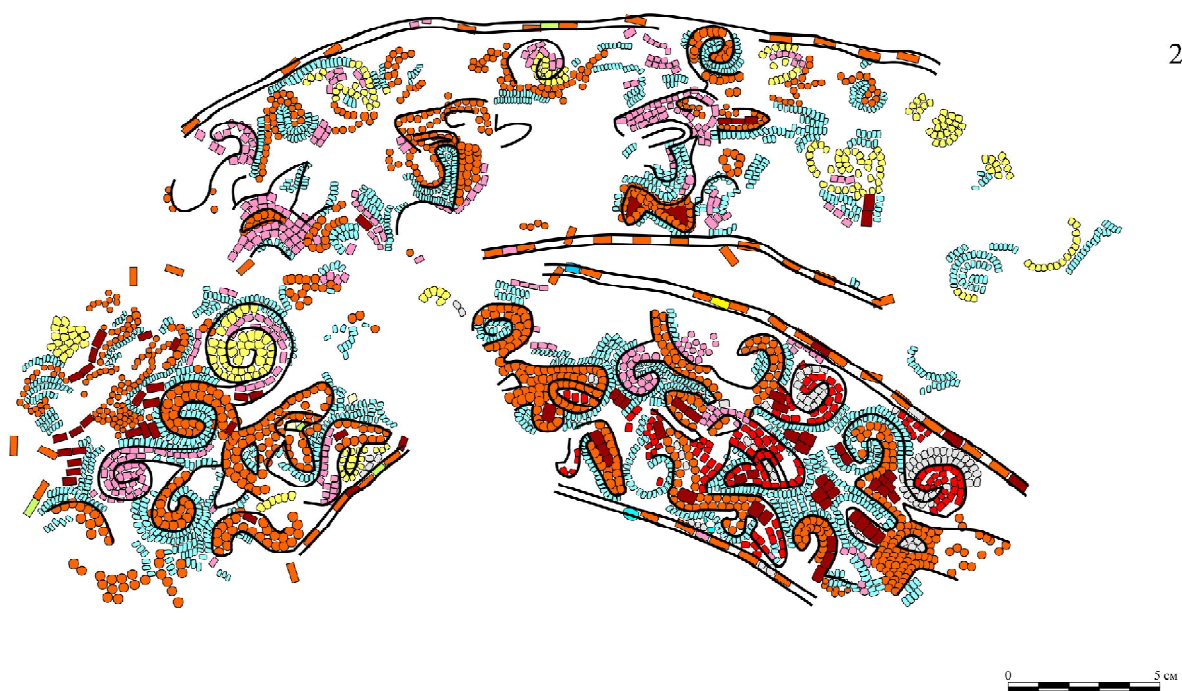
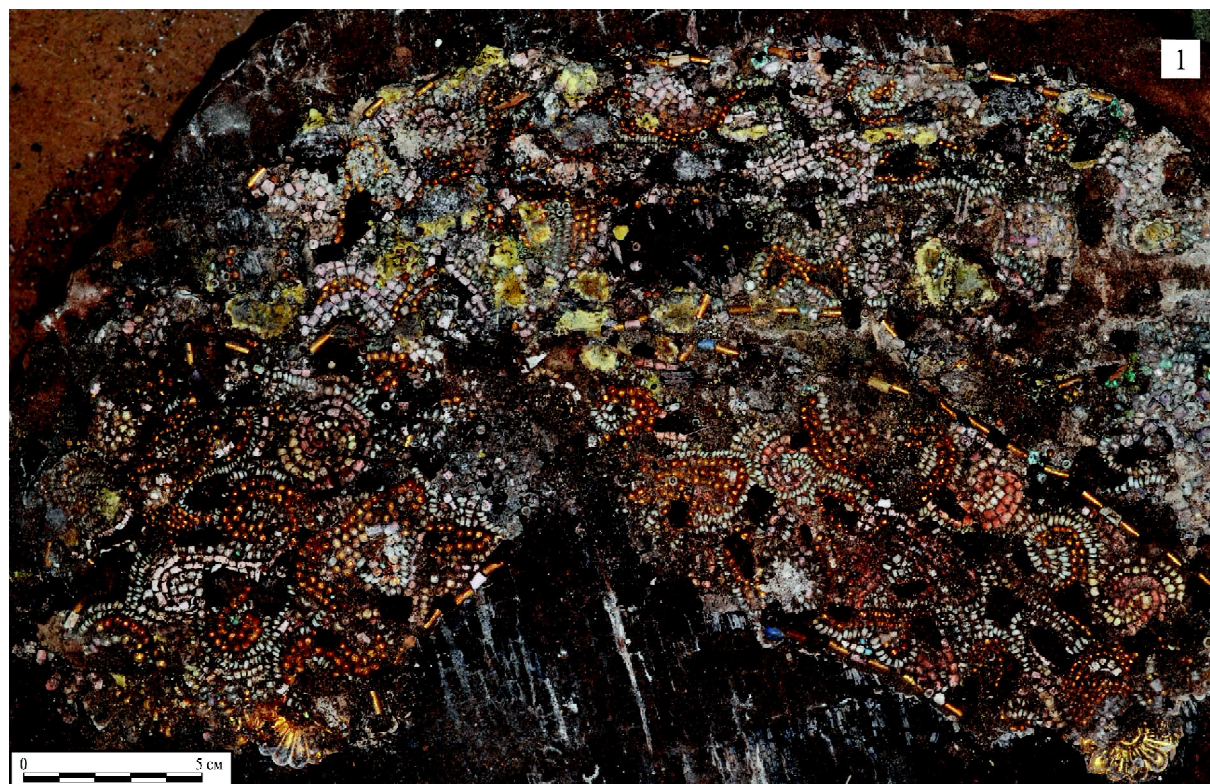

Рис. 4. Деталь одежды, расшитая бисером:

1 – фотография; 2 – графическая реконструкция К.С. Огорокова

Fig. 4. Fragment of a dress embroidered with beads:

1 – photo; 2 – graphic reconstruction by K.S. Okorokov

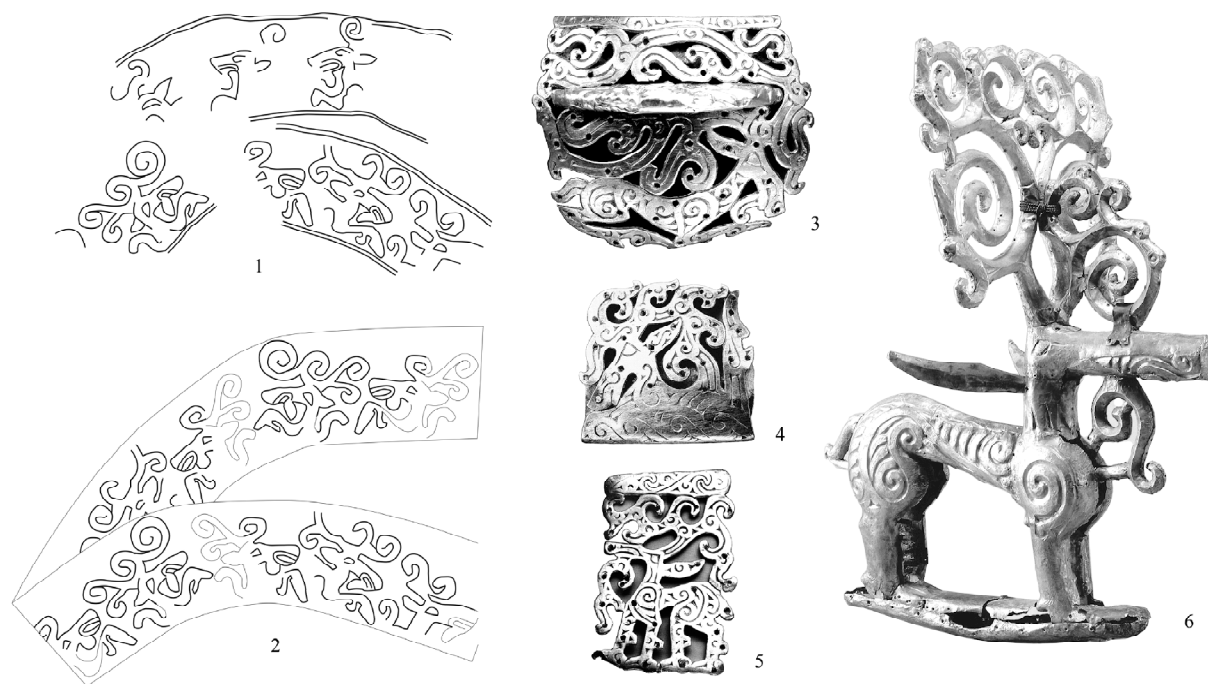

Рис. 5. Деталь одежды, расшитая бисером, и некоторые стилистические параллели:

1–2 – графическая реконструкция К.С. Окорок;

3–5 – оковки сосудов, Филипповка 1, курган 1, тайник 1 (по: [The Golden Deer ... , 2000: 3 – cat. 25, 4 – cat. 38, 5 – cat. 28]);
6 – скульптура оленя, Филипповка 1, курган 1, дромос (по: [The Golden Deer ... , 2000, cat. 2])

Fig. 5. Fragment of a dress embroidered with beads and some stylistic parallels:

1–2 – graphic reconstruction by K.S. Okorokov;

3–5 – plaques for vessels, Filippovka 1, kurgan 1, treasure pit 1 (after: [The Golden Deer ... , 2000: 3 – cat. 25, 4 – cat. 38, 5 – cat. 28]); 6 – figure of a stag, Filippovka 1, kurgan 1, entryway to the burial (after: [The Golden Deer ... , 2000, cat. 2])

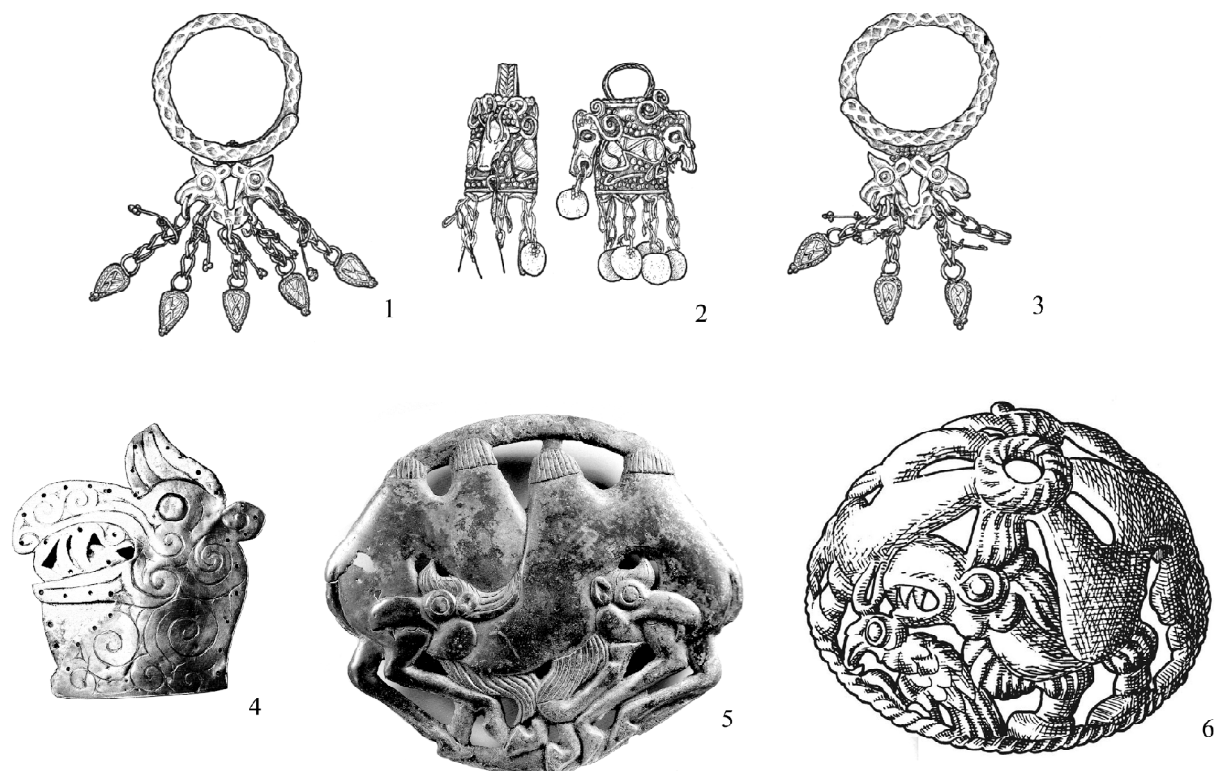

Рис. 6. Височные подвески и некоторые стилистические параллели:

- 1–3 – Филипповка 1, курган 1, погребение 2, височные подвески (по: [Яблонский, 2014б, с. 197, рис. 2]);
4 – оковка сосуда, Филипповка 1, курган 1, тайник 1 (по: [The Golden Deer ... , 2000, cat. 67]);
5 – уздечная бляха, Филипповка 1, курган 1, дромос (по: [The Golden Deer ... , 2000, cat. 13]);
6 – украшение щита или горита (?), Филипповка 1, курган 1, тайник 2 (по: [Пшеничный, 2012, с. 110, рис. 23,2])

Fig. 6. Pendants and some stylistic parallels:

- 1–3 – Filippovka 1, kurgan 1, burial 2 (after: [Yablonsky, 2014b, p. 197, fig. 2]);
4 – plaque for a vessel, Filippovka 1, kurgan 1, treasure pit 1 (after: [The Golden Deer ... , 2000, cat. 67]);
5 – phalera, Filippovka 1, kurgan 1, entryway to the burial (after: [The Golden Deer ... , 2000, cat. 13]);
6 – shield or quiver ornament (?), Filippovka 1, kurgan 1, treasure pit 2 (after: [Pshenichnyuk, 2012, p. 110, fig. 23,2])

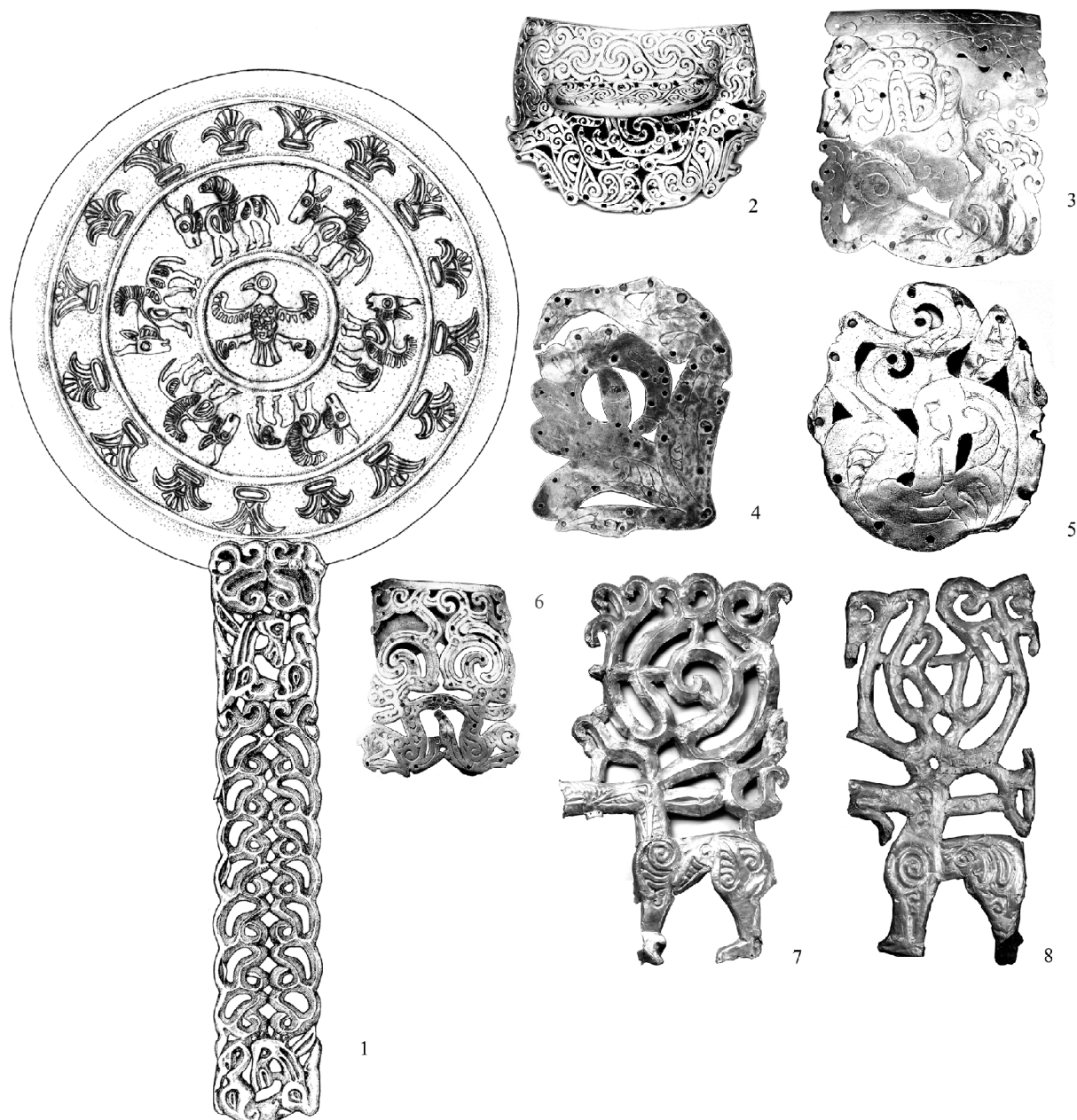

Рис. 7. Зеркало и некоторые стилистические параллели:

- 1 – Филипповка 1, курган 1, погребение 2 (по: [Яблонский, 2014б, с. 196, рис. 1]);
 2–6 – оковки сосудов, Филипповка 1, курган 1, тайник 1
 (по: [The Golden Deer ... , 2000: 2 – cat. 27, 3 – cat. 64, 4 – cat. 45, 5 – cat. 44, 6 – cat. 34]);
 7 – скульптура оленя, Филипповка 1, курган 1, тайник 1 (по: [The Golden Deer ... , 2000, cat. 21]);
 8 – скульптура оленя, Филипповка 1, курган 1, тайник 2 (по: [Золотые олени ... , 2001, cat. 103])

Fig. 7. Mirror and some stylistic parallels:

- 1 – Filippovka 1, kurgan 1, burial 2 [Yablonsky, 2014b, p. 196, fig. 1];
 2–6 – plaques for vessels, Filippovka 1, kurgan 1, treasure pit 1
 (after: [The Golden Deer ... , 2000: 2 – cat. 27, 3 – cat. 64, 4 – cat. 45, 5 – cat. 44, 6 – cat. 34]);
 7 – figure of a stag, Filippovka 1, kurgan 1, treasure pit 1 (after: [The Golden Deer ... , 2000, cat. 21]);
 8 – figure of a stag, Filippovka 1, kurgan 1, treasure pit 2 (after: [Zoloty e oleni ... , 2001, cat. 103])

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникеева О. В., Шемаханская М. С., Яблонский Л. Т., 2017. Ювелирные шедевры ахемендской эпохи из гробницы знатной женщины в Южном Приуралье // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб. : Эрмитаж. С. 5–11.
- Аникеева О. В., Нацкий М. В., Шемаханская М. С., Яблонский Л. Т., 2018. Ювелирные украшения из погребения знатной женщины (могильник Филипповка 1, курган 1, погребение 2) // Духовная модернизация и археологическое наследие : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Маргулановские чтения – 2018». Алматы ; Актобе : Институт археологии им. А.Х. Маргулана. С. 211–219.
- Аникеева О. В., Яблонский Л. Т., 2018. Кустарное ремесло у ранних кочевников Южного Урала // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Самара : Изд-во СГСПУ. С. 189–193.
- Аникеева О. В., Яблонский Л. Т., 2019. Материалы к реконструкции женского погребального костюма из элитного захоронения ранних кочевников Южного Приуралья // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.) : материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь : ООО «Фирма «Салта» ЛТД». С. 14–24.
- Артамонов М. И., 1966. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага ; Л. : Артия : Советский художник. 306 с.
- Золотые олени Евразии. Каталог выставки в Гос. Эрмитаже (СПб., 18.X.2001 г. – 20.I.2002 г.), 2001. СПб. : Славия. 248 с.
- Коллекции Филипповских курганов из фондов Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН : каталог, 2018. Уфа : Китап. 400 с.
- Королькова Е. Ф., 2006. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб. : Петербургское Востоковедение. 272 с.
- Королькова Е. Ф., 2018. Скифо-сибирский «звериный стиль» и Филипповские курганы // Коллекции Филипповских курганов из фондов Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН : каталог. Уфа : Китап. С. 31–38.
- Переводчикова Е. В., 2012. К вопросу о месте производства золотых оковок деревянных сосудов из Филипповки // Музейні читання : матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки». Київ : Музей історичних коштовностей України. С. 93–104.
- Переводчикова Е. В., 2016а. Золотые оковки деревянных сосудов из 1-го Филипповского кургана // Российская археология. № 2. С. 19–35.
- Переводчикова Е. В., 2016б. О стилистическом единстве произведений звериного стиля из 1-го Филипповского кургана // Урал-Алтай: через века в будущее : материалы VII Всерос. тюркологич. конф. (с междунар. участием), посвящ. 95-летию видного ученого-тюрколога Э.Р. Тенишева. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. С. 220–222.
- Переводчикова Е. В., 2017. Гривна с изображениями в зверином стиле из кургана 3 у с. Кичигино // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение : материалы VII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Челябинск : Государственный исторический музей Южного Урала. С. 106–110.
- Пшеничнюк А. Х., 2006. Звериный стиль Филипповских курганов // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время : сб. ст. к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка. Уфа : Гилем. С. 26–37.
- Пшеничнюк А. Х., 2012. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. 278 с.
- Яблонский Л. Т., 2014а. Новые находки в «царском» кургане 1 могильника Филипповка 1 (предварительное сообщение) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 232. С. 3–7.
- Яблонский Л. Т., 2014б. Новые находки в «царском» кургане 1 могильника Филипповка 1 (предварительное сообщение) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II. Казань : Отечество. С. 194–198.
- Яблонский Л. Т., 2014в. Отчет о дослідованні кургану 1 могильника Филипповка 1 в 2013 році. Т. 1 // Архив ИА РАН. Р-1. № 41778. 92 с.

Яблонский Л. Т., 2014г. Отчет о доследовании кургана 1 могильника Филипповка 1 в 2013 году. Т. 2 // Архив ИА РАН. Р-1. №41779. 168 с.

Яблонский Л. Т., 2016. Новые археологические данные об ахеменидских влияниях на Южном Урале // Вестник древней истории. № 3. С. 744–766.

The Golden Deer of Eurasia. Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes, 2000. New York : The Metropolitan Museum of Art, Yale University Press. 393 p.

REFERENCES

Anikeeva O.V., Shemahanskaya M.S., Yablonsky L.T., 2017. Yuvelirnye shedevry ahemenidskoy epohi iz grobnicy znatnoy zhenshchiny v Yuzhnom Priural'e [Jewellery Chefs d'oeuvre of the Achaemenid époque from the Noble Woman Burial in Southern Ural]. *Yuvelirnoye iskusstvo i material'naya kul'tura* [Art of Jewellery and Material Culture]. Saint Petersburg, The State Hermitage, pp. 5-11.

Anikeeva O.V., Natskiy M.V., Shemahanskaya M.S., Yablonsky L.T., 2018. Yuvelirnye ukrasheniya iz pogrebeniya znatnoy zhenshchiny (mogil'nik Filippovka 1, kurgan 1, pogrebenie 2) [Jewelry from the Burial of a Noble Woman (Kurgan Cemetery Filippovka 1 Kurgan 1 Burial 2)]. *Duhovnaya modernizatsiya i arheologicheskoe nasledie: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Margulanovskie chteniya – 2018»*. Almaty – Aktope, Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, pp. 211-219.

Anikeeva O.V., Yablonsky L.T., 2018. Kustarnoe remeslo u rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala [Southern Ural Early Nomadic Home Production]. *XXI Ural'skoe arheologicheskoe soveshchanie, posvyashchennoe 85-letiyu so dnya rozhdeniya G.I. Matveevoy i 70-letiyu so dnya rozhdeniya I.B. Vasil'eva: materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem* [XXI Ural Archaeological Consilium to the 85th Anniversary of G.I. Matveeva and the 70th Anniversary of I.B. Vasil'ev. Proceedings of the All-Russian Research Conference (with International Members)]. Samara, SSUSSE, pp. 189-193.

Anikeeva O.V., Yablonsky L.T., 2019. Materialy k rekonstruktsii zhenskogo pogrebal'nogo kostyuma iz elitnogo zahoroneniya rannih kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya [Materials for the Reconstruction of the Female Funeral Costume from the Elite Burial of of Southern Ural Early Nomads]. *Krym v sarmatskuyu epohu (II v. do n.e. – IV v. n.e.): materialy X Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii»* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400). Proceedings of the 10th International Research Conference “The Aspects of Sarmatian Archaeology and History”]. Simferopol', Salta LTD Publ., pp. 14-24.

Artamonov M.I., 1966. *Sokrovishcha skifskih kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha* [Tresures from the Scythian Kurgans in the State Hermitage Collection]. Praga; Leningrad, Artiya Publ., Sovetskiy hudozhnik Publ. 306 p.

Zolotyie oleni Evrazii. Katalog vystavki v Gos. Ermitazhe (SPb., 18.X.2001 g. – 20.I.2002 g.), 2001 [The Golden Deer of Eurasia. Catalog of the Exhibition in State Hermitage (SPb., 18.X.2001 g. – 20.I.2002 g.)]. Saint Petersburg, Slaviya Publ. 248 p.

Kollektsii Filippovskih kurganov iz fondov Muzeya arheologii i etnografii IEI UFIC RAN: catalog, 2018 [The Filippovka Barrows Collections in the Museum of Archaeology and Ethnology of Institute of Ethnological Studies UFC RAS: Catalog]. Ufa, Kitap. 400 p.

Korol'kova E.F., 2006. *Zverinyy stil' Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya v skifskuyu epohu (VII–IV vv. do n. e.). Problemy stilya i etnokul'turnoy prinadlezhnosti* [The Animal Style of Eurasia. The Art of the Lower Volga Region and the Southern Cisurals tribes in the Scythian Era (7th–4th BC). Stylistic and Ethnocultural Problems]. Saint Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ. 272 p.

Korol'kova E.F., 2018. Skifo-sibirskiy «zverinyy stil'» i Filippovskie kurgany [Scythian-Siberian Animal Style and Filippovka Kurgans]. *Kollektsii Filippovskih kurganov iz fondov Muzeya arheologii i etnografii IEI UFIC RAN: catalog* [The Filippovka Barrows Collections in the Museum of Archaeology and Ethnology of Institute of Ethnological Studies UFC RAS: Catalog]. Ufa, Kitap, pp. 31-38.

Peredovchikova E. V., 2012. K voprosu o meste proizvodstva zolotykh okovok derevyannykh sosudov iz Filippovki [To the Question of the Place of Production of the Golden Plaques of Wooden Vessels from the 1 Filippovka Kurgan]. *Muzeyni chitannya: materialy nauchoy konferentsiy “Yuvelirne mistectvo – poglyad kriz'viki”* [The Museum Readings. The Materials of the Scientific Conference “Jewelry Craft. The Look Down the Ages”]. Kiev, Museum of historical treasures of Ukraine, pp. 93-104.

- Perevodchikova E.V., 2016a. Zolotyie okovki derevyannyh sosudov iz 1-go Filippovskogo kurgana [Golden Plaques of Wooden Vessels from Filippovka 1st Barrow]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology], no. 2, pp. 19-35.
- Perevodchikova E.V., 2016b. O stilisticheskom edinstve proizvedeniy zverinogo stilya iz 1-go Filippovskogo kurgana [On the Stylistic Unity of the Animal Style from the 1 Filippovka barrow]. *Ural-Altay: cherez veka v budushchee: materialy VII Vseros. tyurkologich. konf. (s mezhdunar. uchastiem), posvyashch. 95-letiyu vidnogo uchenogo-tyurkologa E.R. Tenisheva* [Ural-Altay: Cross the Ages to the Future. Proceedings of the All-Russian Turcological Conference (with International Members) to the 95th Anniversary of the Outstanding Turcologist E.R. Tenishev]. Ufa, IHLL USC RAS, pp. 220-222.
- Perevodchikova E.V., 2017. Grivna s izobrazheniyami v zverinom stile iz kurgana 3 u s. Kichigino [The Torque with the Images in Scythian Animal Style from Barrow no. 3 Near Kichigino Settlement]. *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale. Sarmaty i ih okruzhenie: materialy VII Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch. konf.* [Ethnic Interactions in the South Ural. Sarmatians and their Environment. Proceedings of the 7th All-Russian (with International Members) Research Conference]. Chelyabinsk, Gos. istoricheskiy muzey Yuzhnogo Urala, pp. 106-110.
- Pshenichnyuk A.H., 2006. Zverinyy stil' Filippovskikh kurganov [Animal Style of Filippovka Kurgans]. *Yuzhnyy Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremya: sb. st. k 70-letiyu Anatoliya Haritonovicha Pshenichnyuka* [Southern Ural and Adjacent Regions in Scythian-Sarmatian Time. The Collected Papers to the 70th Anniversary of Anatoliy Haritonovich Pshenichnyuk]. Ufa, Gilem, pp. 26-37.
- Pshenichnyuk A.H., 2012. *Filippovka. Nekropol' kochevoy znati IV v. do n.e. na Yuzhnom Urale* [Filippovka. Nekropolis of the Nomad Nobility of the 4th BC in the South Urals]. Ufa, IHLL USC RAS. 278 p.
- Yablonsky L.T., 2014a. Novye nahodki v «tsarskom» kurgane 1 mogil'nika Filippovka 1 (predvaritel'noe soobshchenie) [New Finds in the "Royal" Burial-Mound 1 in the Filippovka 1 Cemetery (Preliminary Report)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 232, pp. 3-7.
- Yablonsky L.T., 2014b. Novye nahodki v «tsarskom» kurgane 1 mogil'nika Filippovka 1 (predvaritel'noe soobshchenie) [New Finds in the "Royal" Burial-Mound 1 in the Filippovka 1 Cemetery (Preliminary Report)]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arheologicheskogo s'ezda v Kazani* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan], vol. II. Kazan', Otechestvo Publ., pp. 194-198.
- Yablonsky L.T., 2014v. Otchet o dosledovanii kurgana 1 mogil'nika Filippovka 1 v 2013 godu [Report on Supplementary Excavations of Kurgan 1 Filippovka 1 Cemetery in 2013], vol. 1. *Arhiv IA RAN*. R-1. № 41778. 92 p.
- Yablonsky L.T., 2014g. Otchet o dosledovanii kurgana 1 mogil'nika Filippovka 1 v 2013 godu [Report on Supplementary Excavations of Kurgan 1 Filippovka 1 Cemetery in 2013], vol. 2. *Arhiv IA RAN*. R-1. № 41779. 168 p.
- Yablonsky L.T., 2016. Novye arheologicheskie dannye ob ahemenidskikh vliyaniyah na Yuzhnom Urale [New Archaeological Data on the Achaemenid Influence in the Southern Ural Area]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], no. 3, pp. 744-766.
- The Golden Deer of Eurasia. Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes*, 2000. New York, The Metropolitan Museum of Art, Yale University Press. 393 p.

Information About the Authors

Konstantin S. Okorokov, Specialist, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulianova St., 19, 117292 Moscow, Russian Federation, okorokov.arx@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7060-6313>

Elena V. Perevodchikova, Candidate of Sciences (History), Scientific Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulianova St., 19, 117292 Moscow, Russian Federation, perevelena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2780-5450>

Информация об авторах

Константин Сергеевич Окорокков, специалист, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, okorokov.arx@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7060-6313>

Елена Владимировна Переводчикова, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, perevelena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2780-5450>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.3>

UDC 902.01/903
LBC 63.4

Submitted: 17.02.2020
Accepted: 29.04.2020

TO THE QUESTION OF THE SO CALLED SAUROMATIC MIRROR FROM THE OGUZ KURGAN

Tatiana M. Kuznetsova

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article continues the discussion about the object, which was discovered in the Oguz kurgan and is referred to as the sauromatian “mirror” in the literature. A round disk (with a flat side handle) shows a corrugation on its two sides. The purpose of such a thing that does not have a reflective surface is difficult to determine. However, it cannot be called a “mirror” because of the corrugation, so the function of the object has not yet been determined. This item was located under the back of a woman buried in the northern niche of the kurgan. Having identified an object from the Oguz barrow as a mirror, its researchers established the role of mirrors in the funeral rite of the Black Sea Scythia. They put forward the postulate that the mirrors among the accompanying equipment, laid under the back or left forearm of the deceased, fixate funerary complexes of dependent women of Scythia in the 5th-4th centuries BC. However, there is no pattern detected in the placement of mirrors alongside with buried ones in the North Pontic region. This does not allow us to present a real picture of the role of mirrors in the funeral rite of the Scythians or their neighbors and to clarify the social status of those buried by the location of these objects. The same picture is revealed when analyzing the placement of mirrors in the graves of sauromates. Studies of the funeral rite show that nomads were united only by desire of the mirrors’ owners to protect their mirror surface from damage that could distort the image of the owner. Therefore, it seems not advisable to equate objects with corrugation on both sides of their disks with mirrors, without taking the differences into account.

Key words: mirrors, corrugation, Oguz kurgan, rite, Scythians, Sauromats, Sarmatians.

Citation. Kuznetsova T.M., 2020. To the Question of the So Called Sauromatic Mirror from the Oguz Kurgan. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, vol. 19, no. 1, pp. 46-63. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.3>

УДК 902.01/903
ББК 63.4

Дата поступления статьи: 17.02.2020
Дата принятия статьи: 29.04.2020

К ВОПРОСУ О ТАК НАЗЫВАЕМОМ САВРОМАТСКОМ ЗЕРКАЛЕ ИЗ КУРГАНА «ОГУЗ»

Татьяна Михайловна Кузнецова

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье продолжена дискуссия о предмете, который был найден в кургане «Огуз» и в литературе именуется савроматским «зеркалом». У круглого диска (с плоской боковой ручкой) прослежено рифление на двух его сторонах. Назначение такой вещи, не имеющей отражающей поверхности, определить сложно. Однако и «зеркалом» из-за рифления назвать нельзя, поэтому функция предмета пока не определена. Этот предмет располагался под спиной женщины, погребенной в северной нише кургана. Обусловив предмет из кургана «Огуз» как зеркало, его исследователи установили роль зеркал в погребальном обряде Причерноморской Скифии. Ими был выдвинут постулат о том, что зеркала в составе сопровождающего инвентаря, положенные под спиной или левым предплечьем усопшей, фиксируют в V–IV вв. до н.э. погребальные комплексы зависимых женщин Скифии. Однако в расположении зеркал при погребенных для Северопричерноморского региона закономерности не прослеживаются. Это не позволяет представить реальную картину роли зеркал в погребальном обряде скифов или их соседей и уточнить по расположению этих предметов социальный статус погребенных. Такая же картина выявляется и при анализе размещения зеркал

в могилах савроматов. Исследования погребального обряда показывают, что кочевников объединяло лишь желание обладателей зеркал предохранить их зеркальную поверхность от повреждения, которое могло исказить образ владельца. Оттого предметы, имеющие двухстороннее рифление на диске, уравнивать с зеркалами, не учитывая различий, представляется нецелесообразным.

Ключевые слова: зеркала, рифление, курган «Огуз», обряд, скифы, савроматы, сарматы.

Цитирование. Кузнецова Т. М., 2020. К вопросу о так называемом савроматском зеркале из кургана «Огуз» // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 1. С. 46–63. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.3>

Вступление

Предмет, который был найден в кургане «Огуз» (рис. 1, I)¹, в литературе всегда именовался «зеркалом», и мне пришлось к нему обратиться при сборе материала еще в 1984 году. Позднее хранитель этой вещи А.Ю. Алексеев, который писал о нем как о «позднесавроматском» зеркале [Алексеев, 1987, с. 46], любезно разрешил мне опубликовать еще никем не изданный материал [Кузнецова, 2001а, с. 140, рис. 5, А; 2002, с. 123, № 387; 2010, с. 270, табл. 161/А].

В результате была представлена реконструкция огузского экземпляра (рис. 2, I) и написана специальная статья для того, чтобы обратить внимание исследователей на форму вещи, которая была встречена в единственном экземпляре на территории Скифии, однако являлась характерной для памятников, связываемых с савроматами, где все похожие предметы были отнесены к категории «зеркала». Однако в кургане «Огуз» был обнаружен экземпляр, имевший круглый диск с двухсторонним рифлением и плоскую боковую ручку [Кузнецова, 2001а, с. 140, рис. 5, Б-Г], который с «зеркалом» связать было нельзя.

Специалисты установили, что зеркала в области распространения савроматской культуры производились по единой технологической схеме, связанной с горячей ковкой высокооловянистых бронз, характерной для стран Востока, где таким же образом изготавливалась и посуда [Равич, 2006, с. 48–49]. Относительно огузского экземпляра И.Г. Равич высказала мнение, что «зеркало изготовлено из двойной высокооловянистой бронзы, содержащей 25 % олова», а рифление на поверхности диска с двух сторон, отмеченное мной ранее, является вмятинами, связанными с горячей ковкой [Равич, 2006, с. 47].

Однако находка на Среднем Дону в кургане 18 (погребение 1) могильника Колбино I, соотносимого со скифами [Гуляев, Савченко, 1999, с. 151–157, рис. 2, II], изготовленная по той же технологии [Равич, 2006, с. 47–48], имеет и рифление на одной стороне, и сохранившуюся полировку на другой – гладкой стороне диска (рис. 2, 2), свидетельствующую о том, что подобными предметами могли быть и зеркала. К зеркалам была отнесена и находка из погребения 1 кургана 8 Песочинского курганного могильника на Северском Донце (рис. 2, 3), имевшая ровную рабочую сторону со следами хорошей полировки [Бабенко, 2005, с. 119, рис. 18, 5; с. 149; Кузнецова, 2010, с. 262, рис. 54, № 441-а]. Поэтому говорить о деформации огузского предмета, связанной с технологией его изготовления, отмеченной И.Г. Равич, нет основания.

Таким образом, вещи близкой формы распределились по двум группам: зеркала и похожие на них объекты.

Термином «зеркало» в научной литературе определяется тщательно отполированная поверхность, воспроизводящая изображения объектов, расположенных перед ней, по законам отражения [Научно-технический энциклопедический словарь, 2001], то есть стеклянное или металлическое тело с отражающей поверхностью, которая отполирована так, что ее неровности не превышают долей длины электромагнитной или звуковой волны [Современный толковый словарь, 1998].

Поскольку предмет из кургана «Огуз» имел рифленую поверхность диска с двух сторон, нарушавшую и искажавшую отражение, он не мог служить зеркалом. Достоверно и сейчас пока можно указать аналогичное рифление только на находке из Оренбургской области, обнаруженной в кургане 3 (погребение 1) могильника у с. Гумарово (рис. 2, 4), ко-

торая также не была зеркалом [Зуев, Исмагилов, 1999, с. 117, табл. 7,1].

Тем не менее даже наличие всего двух предметов, которые не имели отражающей поверхности, позволило предполагать и отличие их функции в сравнении с зеркалами.

Разделение и подробный анализ указанных форм для савроматского материала, как уже говорилось, нуждаются в дополнительной работе, поэтому пришлось обратить внимание на существенное расхождение между формой некоторых и приписываемой им функцией.

Зеркала в первую очередь предназначались и использовались для смотрения в них. Об этом свидетельствует и этимология терминов, обозначающих «зеркало» у различных народов. В иранских и таджикских языках оно восходит к древнеиранскому «глядеть» [Абаев, 1958, с. 41]. Греческое *κάτοπτρον, ενοπτρον* (зеркало) происходит от *δρῶ* (видеть). Латинское *speculum*, итальянское *specchio*, немецкое *Spiegel* идет от *spectare* (смотреть). Французское *miroir* и английское *mirror* – от латинского *mirari* – смотреть, восхищаться, удивляться [Молок, 2015, с. 93]. То же мы видим и в словенском – *zrkalo* «зрачок», *zrkálo, zrcálo* «зеркало», чешском – *zrcadlo, zrkadlo*, словацком – *zrkadlo*, полабском – *zarkódlü* «зеркало» (и сюда же *zérkatъ, «шнырять глазами»*), в украинском – *zérkalo* и церковном – *zercálo* – языках [Фасмер, 1986, с. 95].

По этнографическим данным исследователи констатировали представления о зеркалах у различных народов, которые верят, что отражение в зеркале или воде содержит душу человека. Андаманцы считают душами отражение в любом зеркале. В Новой Каледонии старики верят, что отражение человека в воде или в зеркале является его душой, а люди помоложе, обученные католическими священниками, утверждают, что отражение является не более как отражением, вроде отражения пальмы в воде. Душа-отражение, будучи внешней по отношению к человеку, подвержена многим опасностям [Фрезер, 1980, с. 219–220]. Туземцы острова Фиджи различают «темную душу» человека, или тень, которая идет в Аид, и его «светлую душу», или отражение в воде и зеркале, которое остается там, где он умирает [Тайлор, 1989, с. 216]. Душа человека, таким образом, представляется

воплощенной в тени или отражении, что делает их источниками опасности. Ведь если им наносится ущерб, то это отражается и на личности владельца [Фрезер, 1980, с. 217–218].

Очень интересным и важным в этой связи является объяснение повреждения отражающей стороны зеркала, то есть суеверия, до сего времени бытующего среди русского населения, где разбившееся зеркало влечет за собой смерть владельца. У иранцев существует предсказание по поводу зеркала, присутствовавшего на свадьбе: если разобьется «зеркало счастья невесты, то невеста или жених умрет» [Хедаят Садек, 1958, с. 285]. Б.А. Литвинский отмечал наличие подобного суеверия и у таджиков [Литвинский, 1978, с. 106]. У осетин до наших дней бытует примета, что разбитое зеркало сулит несчастье [Кусаева, 2016, с. 65].

Все зафиксированные для различных народов предсказания имеют одну общую черту: вред, причиненный отражению, связанный с искажением образа, влечет за собой гибель владельца, – и демонстрируют страх живых перед последствиями, связанными с повреждением относящихся к ним вещи и/или образа.

Поскольку функцию рифленого с двух сторон предмета (круглый диск с плоской боковой ручкой) из кургана «Огуз» определить было сложно, а «зеркалом», исходя из сказанного выше, назвать нельзя, пришлось предположить, что, по всей вероятности, **он мог** быть использован как культовая «жаровня» или «курильница», **а возможно, как-то иначе**. Мне, наверное, следовало бы продолжить список определений для предметов, называемых зеркалами и имевших даже и две гладкие стороны, так как их атрибуция не всегда является безусловной для ученых, которые предполагали, что они могли быть или «крышками», или «опахалами» [Woolley, 1934a, p. 310; 1934b, pl. 230; Albenda, 1985, p. 2; Schmidt, 1937, p. 422, 456, pl. LIV].

Однако главная задача состояла в том, чтобы показать следующее: огузский экземпляр зеркалом служить не мог и был предназначен для каких-то иных целей, возможно жреческих, что требовало большой работы с савромато-сарматскими находками, которую могли бы проделать специалисты, разрабаты-

вающие материалы, связанные с кругом этих культур. Говоря о савроматском материале, я действительно не исключала, что такие предметы, а не зеркала, о чем писали и пишут исследователи [Смирнов, 1964, с. 249; Королькова, 1997, с. 32], могли входить в состав «жреческого комплекса» савроматской культуры. Однако для выяснения этого предлагалось провести подсчеты по каждому из савроматских могильников, в которых они были найдены, выделить отличительные черты в сочетании с сопроводительным инвентарем, определить их численность в каждом конкретном месте и в определенное время [Кузнецова, 2001б], что, скорее всего, опровергло бы идею о жреческих комплексах, входивших в состав одновременных могильников.

Результат высказанных пожеланий проявился в среде скифологов, но с точностью до наоборот. Уважаемые мной коллеги сделали вывод, который никоим образом не вытекает из моих текстов, посчитав, что я атрибутирую огузский экземпляр как культовую «жаровню» или «курильницу» [Бабенко, 2005, с. 149; Болтрик, Фиалко, 2011, с. 93]. В этом, конечно, есть и моя вина, так как не стоило делать подобных догадок, даже с оговорками, а сказать, что функция предмета не определяется.

Не жрецы и не шаманы

Ю.В. Болтрик и Е.Е. Фиалко, выявив, что зеркало из «Огуза» действительно имело «с одной стороны в центре плоского диска незначительное округлое вдавление», а «с обратной стороны – на гладком диске едва заметное рельефное выступание», которое не могло не исказить образ смотрящегося, высказали мнение, что «относительно зеркал (назовем их условно огузского типа) с округлым углублением в центре (рис. 1,2) Т.М. Кузнецова решительно высказывается в пользу их определения как однозначно культовых предметов (а не зеркал как таковых), входивших в состав “жреческого комплекса”». На ее взгляд, подобные предметы могут оказаться очень важным аргументом и в решении вопроса о принадлежности лиц, погребенных в сопровождении “жертвенников”... если рассматривать их не только в рамках археологической куль-

туры, а в рамках каждого могильника, учитывая, что жрец (колдун, шаман и т. п.) – явление уникальное в социуме... [Кузнецова, 2001а, с. 133–134]. Соглашаясь в целом с мнением исследовательницы, позволим себе все же выделить огузский экземпляр из собственно шаманских комплексов. Наличие этого зеркала в составе более чем скромного сопроводительного набора... безусловно, соотносится с захоронением служанки. При этом характер деталей набора определяет его как бесспорно женский» [Болтрик, Фиалко, 2011, с. 93–94].

Однако из приведенной цитаты никоим образом не следует, что я вижу в огузском экземпляре элемент, составляющий жреческо-шаманский комплекс в скифском социуме. Из-за смещения акцента в этом случае мое категоричное высказывание относительно незеркальной принадлежности предмета из «Огуза», озвученное исследователями [Болтрик, Фиалко, 2011, с. 93, 94], приняло ошибочную форму, так как не соответствовало и не соответствует моей точке зрения [Кузнецова, 2001а, с. 133–134; 2001б].

Более того, о вопросе, связанном с наличием «жреческого сословия» у скифов, мне приходилось писать и прежде, где отмечалось, что он остается достаточно спорным, так как в письменных источниках отсутствуют сведения об участии специальных лиц (жрецов), совершавших обряд или руководивших им. Исходя из этого, наиболее вероятным представляется, что жреческое сословие у скифов отсутствовало [Кузнецова, 2008, с. 173]. Я разделяю точку зрения С.С. Бессоновой о том, что «жреческие функции» могли входить в сферу деятельности главы социума [Бессонова, 1983, с. 59].

Помимо этого, ранее, связывая «Бердянский» курган с захоронением Орика, одного из сыновей скифского царя Ариапифа, мне приходилось говорить о том, что «жрица» не могла быть погребена в Восточной (одновременной с центральной) могиле этого кургана [Кузнецова, 2001в, с. 146–149], вопреки мнению его исследователей [Чердниченко, Фиалко, 1988; Болтрик и др., 1994, с. 153].

При этом еще раз следует подчеркнуть, что служителей культов не хоронили и не хоронят в общих усыпальницах, даже в рамках

могильника (кладбища). В этнографической литературе не удалось найти фактов, доказывающих возможность захоронения людей, отправлявших культовые церемонии, на одном сакральном пространстве с остальными представителями социума, и тем более в «сопутствующих» усыпальницах, тогда как примеры изоляции таких могил отмечены для населения, имевшего различное вероисповедание [Дьяконова, 1975, с. 77, 116; Кенин-Лопсан, 1987, с. 84; 2009, с. 116].

Мнение Ю.В. Болтрика о том, что в Восточной могиле Бердянского кургана были захоронены «зависимые лица», вполне справедливо [Болтрик, 2001], однако уже было отмечено ранее, что жрица не могла быть «зависимым» от главы социума лицом [Кузнецова, 2015, с. 93–94]. В настоящее время выяснилось, что я была права, и нежреческая атрибуция покойной в Восточной могиле «Бердянского» кургана Ю.В. Болтриком уже не оспаривается, поскольку это выявилось в результате внимательного исследования памятника [Болтрик, 2016, с. 29–30; 2018, с. 315–316]. Однако уважаемый Юрий Викторович мое мнение на этот счет по странной случайности упустил.

Зеркала и похожие на них предметы в захоронениях

Необходимо напомнить, что в кургане «Огуз» так называемое зеркало поместили под спиной служанки, и «ручка его была развернута наружу, перпендикулярно ее телу» [Болтрик, Фиалко, 2011, с. 86]. В могильнике у с. Гумарово (кург. 3) предмет, аналогичный огузскому экземпляру, находился в женской (?) могиле, в западной части ямы, видимо слева, у головы погребенной [Зуев, Исмагилов, 1999, с. 108, 118, табл. 6].

Определив огузский экземпляр как зеркало, исследователи установили роль этих вещей в погребальном обряде Причерноморской Скифии, отобразив тот материал, который более всего подтверждал, по их мнению, идею о том, что в «Огузе», возможно, захоронена «служанка», которую исследователи отнесли к зависимой категории лиц – «ферапонтам». Однако зависимый характер погребенной соответствует ее местоположению в кургане и

не вызывает возражений, как и возможное савроматское происхождение предмета, связанного со «служанкой» из «Огуза» [Болтрик, Фиалко, 2011, с. 92–93].

Вызывают возражение обобщающие выводы о том, что «зеркала в составе сопровождающего инвентаря, положенные под спиной или левым предплечьем усопшей», фиксируются в погребальных комплексах зависимых женщин Скифии V–IV вв. до н.э., «сопровождавших своего патрона в загробный мир», и что эти «комплексы являются погребениями соумирающих», то есть все синхронны основным захоронениям. Таким выводам противоречат и данные подборки, представленной исследователями для подтверждения выдвинутой ими идеи (Акимовка, кург. 11, погр. 2; Капуловка II, кург. 1, погр. 1; группа БОФ, кург. 13, погр. 2; Богдановка, кург. 1, погр. 2; III Испанова Могила, погр. 2; Верхнетарасовка, кург. 49, погр. 2; Носаки, кург. 12, м. 2, погр. 1).

Нет основания сомневаться в том, что у Ю.В. Болтрика и Е.Е. Фиалко имеется собственный научный взгляд на интерпретацию последовательности захоронений в указанных памятниках, поскольку они пишут, что «анализ местоположения этих могил в кургане и случаи уверенной фиксации подобных захоронений как синхронных основным убеждают, что эти комплексы являются погребениями соумирающих», но они этот анализ, к сожалению, не приводят, а ссылаются на данные авторов раскопок, где материал представлен иначе.

Следует отметить, что в Акимовке (кург. 11, погр. 2) зеркало находилось у предплечья левой руки погребенной и было поставлено на ребро [Болтрик, Фиалко, 2010, с. 110, рис. 7], а в погребении 1 этого же кургана, в котором все захоронения считают единовременно совершенными, зеркало лежало при парном захоронении в ногах покойной [Болтрик, Фиалко, 2010, с. 105, рис. 2], в Капуловке II (кург. 1, погр. 1) и в группе БОФ (кург. 13, погр. 2) зеркала хотя и лежали под левым плечом погребенных, но находились во впускных могилах, что не указывает на их синхронность с основными погребениями [Тереножкин и др., 1973, с. 127, рис. 13; с. 162, рис. 44]. В Богдановке (кург. 1, погр. 2) зеркало найдено во впускной могиле и лежало слева у головы по-

койного [Битковский, Полин, 1987, с. 74, 79, рис. 1], в III Испановой Могиле, во впускном погребении 2, девочка-подросток лежала на правом боку, а зеркало располагалось справа у ее головы [Мозолевский, 1980, с. 142–143, рис. 75], в могильнике у с. Верхнетарасовка (кург. 49, погр. 2) зеркало обнаружено во впускном захоронении, где были погребены женщина и ребенок, и находилось у левого плеча женщины, а в основной могиле этого кургана были захоронены два взрослых человека [Бунятян и др., 1977, с. 104–108]. У с. Носаки (кург. 12, м. 2, погр. 1) зеркало найдено в центральной гробнице, его расположение по отношению к погребенному – не ясно [Бидзиля и др., 1977, с. 142–143].

К этому следует добавить, что в скифском Светловодском грунтовом могильнике (более 150 захоронений) зеркала найдены в 8 могилах, датирующихся IV в. до н.э. Достоверно определяется, что они находились или под левым плечом (3 случая), или на нем (1 случай), или у головы (?) (1 случай) погребенных, принадлежавших к «зажиточной части общины» [Могилов, 2017, с. 93; 2019] и никого не сопровождавших.

В курганном могильнике Мамай-Гора для конца V–IV вв. до н.э. (370 скифских погребальных комплексов) зеркала, где это можно определить (9 из 11 экз.), располагались или за черепом (3 случая), или справа от покойных (3 случая), или под правым плечом (1 случай), или справа на теле погребенных (2 случая) даже в парных могилах [Андрух, Тощев, 1999, с. 180–184; Андрух, 2001, с. 240–245; Андрух, Тощев, 2004, с. 138–140; 2012, с. 489; 2018, с. 232–240].

Песочинский могильник (середина – вторая половина V – конец IV в. до н.э.) имеет неоднозначное этническое определение. Автор раскопок В.Г. Бородулин видел в курганах этого могильника захоронения «собственно скифов» [Бабенко, 2005, с. 186]. Исследователь некрополя Л.И. Бабенко предлагает рассматривать захоронения в нем как «оставленные либо представителями... миграционной волны, вытесненными степными кочевниками из некоторых лесостепных районов и продвинувшимися в северскодонецкий регион во второй половине V в. до н.э., либо потомками (второе-третье и последующие по-

коления) таких же мигрантов, пришедших сюда еще в начале V в. до н.э. и довольно быстро занявших одну из ведущих позиций в общественной жизни местных племен» [Бабенко, 2005, с. 208]. С.Ю. Гуцалов полагает, что население, оставившее могильник у с. Песочин, появилось в результате миграции достаточно большого массива племен центрально-азиатского происхождения [Гуцалов, 2009, с. 75–77].

В Песочинском могильнике из 5 зеркал, обнаруженных в 37 погребальных комплексах, достоверное расположение зеркала относительно погребенного прослежено в двух могилах. В кургане 8 (погр. 1) оно находилось справа на уровне груди одной из женщин (3 погребенных), а в кургане 18 (погр. 1), где были захоронены (единовременно с погребенными в погр. 2) мужчина и женщина, зеркало лежало между бедренными костями женщины [Бабенко, 2005, с. 19–20, 25, рис. 14].

Однако категоричное утверждение о том, что тезис о размещении «зеркала под телом свидетельствует о зависимом статусе погребенной женщины, является полностью надуманным» [Полин, Дараган, 2019, с. 212], выглядит недостаточно корректно, поскольку здесь можно говорить лишь об отсутствии необходимого доказательства. В данном случае не решают вопрос сведения и о том, что высказанное Ю.В. Болтриком и Е.Е. Фиалко предположение «абсолютно опровергается находкой зеркала под левой лопаткой “царицы” в боковой гробнице Толстой Могилы» [Полин, Дараган, 2019, с. 212], так как была ли дама, погребенная в этом кургане царицей, тоже нужно доказывать.

Таким образом, в расположении зеркал для захоронений Северопричерноморского региона не прослеживается единообразия, и это не дает пока возможности представить реальную картину роли зеркал в погребальном обряде скифов или их соседей и уточнить по расположению этих предметов социальный статус погребенных. Разграбленность захоронений еще более осложняет трактовку зеркал в погребальной обрядовой практике.

Приведенный материал всех рассмотренных памятников показывает, что обобщение по поводу того, что зеркала, положенные под спиной или левым предплечьем погребенной, фиксируют захоронения зависимых жен-

щин Скифии V–IV вв. до н.э., сделано преждевременно и, к сожалению, без достаточно-го основания.

По этой причине вопрос о роли зеркал в скифских захоронениях пока остается открытым, поскольку и новые исследования, проведенные С.В. Полиным и М.Н. Дараган, к положительному результату не привели [Полин, Дараган, 2019].

Однако, учитывая предположение Ю.В. Болтрика и Е.Е. Фиалко о савроматском происхождении «служанки» из Огуза, следовало бы обратить внимание и на расположение зеркал в могилах носителей этой культуры. Правда, определение «служанки» в качестве «феропонта» противоречит идее об ее принадлежности по рождению к савроматам [Болтрик, Фиалко, 2011, с. 93], так как, судя по употреблению этого статусного определения «у Геродота и в близких по времени источниках, это придворные чины, причем единоплеменники царя, свободные или благородные» [Грантовский, 1980, с. 131].

Следствием работы Ю.В. Болтрика и Е.Е. Фиалко стал «этюд», предложенный В.И. Гуляевым, где он с удивлением отметил, что «точных параллелей среди многочисленных бронзовых зеркал с боковыми ручками V–IV вв. до н.э. с территории Скифии» не нашел, что уже и ранее отмечалось, а обнаружил ближайшие аналогии колбинскому зеркалу на Южном Урале (рис. 2,5), в кургане 3 (погр. 1) могильника у с. Филипповка [Гуляев, 2018, с. 573].

Вот здесь бы и посмотреть на место зеркал в могилах Филипповки и сопоставить с имеющимися данными по Северному Причерноморью, но автор сравнил лишь описания погребений и никакого вывода не сделал вообще, присоединившись к мнению исследователей о магической роли зеркал у кочевников и к заключению о том, что срок их эксплуатации не превышал по времени одно поколение, поскольку служили зеркала только своим непосредственным хозяевам и не передавались по наследству [Гуляев, 2018, с. 572–574].

В Филипповском могильнике V–IV вв. до н.э. (29 курганов) обнаружено 18 зеркал в 11 погребениях. Расположение всех зеркал в его могилах так же, как и для Скифии, очень разнообразно (см. табл. 1) и не позволяет пока

выявить какую-то закономерность в действиях савроматов по отношению к погребяемым и их зеркалам [Пшеничнюк, 2012; Яблонский, 2013; 2015].

Местоположение зеркал, похожих на огузский предмет, также не имеет между собой сходства при их захоронении в могильнике у с. Филипповка. Одно из зеркал (кург. 3, погр. 1) обнаружено в основной могиле, где было захоронено двое мужчин и женщина. Зеркало (рис. 2,5) располагалось рядом с левой ступней одного из мужчин (?) [Пшеничнюк, 2012, с. 34–36, рис. 63, 65]. В кургане 7 были обнаружены 6 человеческих захоронений в одной могиле. Рядом с двумя из покойных найдены зеркала. Одно находилось справа у черепа костяка 3 (рис. 3,1), одно у черепа справа от костяка 5 (рис. 3,2–3), а третье лежало на его же груди [Пшеничнюк, 2012, с. 43–44, рис. 91, 94–95]. В кургане 11 (погр. 1), где было захоронено трое человек (М, Ж, ?), зеркало лежало у левого локтя женщины (рис. 3,4) под колчаном со стрелами [Яблонский, 2013, с. 131, № 1496], а в кургане 15 (погр. 1) зеркало (рис. 2,6) находилось между скелетами 2, 3 и 1, 4. В этом же кургане (погр. 2) зеркало находилось у правого плеча погребенной (рис. 3,5), а в погребении 4 – у восточной стенки (рис. 3,6), рядом с деревянными чашами [Яблонский, 2013, с. 131, № 1496; 2013, с. 148–149, 159, № 1836, 1840, 1969]. В кургане 24 (погр. 1) расположение зеркала по отношению к погребенному не ясно [Пшеничнюк, 2012, с. 60, рис. 149].

Нет единства в расположении подобных зеркал и в Северопричерноморских памятниках. В Песочинском могильнике на Северском Донце, обнаружены трое «соумирающих» (кург. 8, погр. 1), из которых – две женщины. Зеркало лежало справа от одной из женщин на уровне ее груди [Бабенко, 2005, с. 20, рис. 14]. В могильнике Колбино I (кург. 18, погр. 1), где во впускной гробнице было обнаружено двое покойных: женщина лет 55–60 и мужчина 35–40 лет (мужчину положили несколько позже), – зеркало лежало в ногах погребенной [Гуляев, 2000, с. 39, 43].

Не выявилось системы в местоположении зеркал и в более позднее время. В погребениях, относящихся к нижнедонским раннесарматским памятникам II–I вв. до н.э., где

Таблица 1. Расположение зеркал в погребениях могильника у с. Филипповка

Table 1. Location of mirrors in the graves of the burial ground near Filippovka village

Зеркала в могильнике у с. Филипповка								
№ п/п	№ кургана	№ погребения	Сохранность погребения	Количество погребенных	Пол погребенного	Количество зеркал	Сохранность зеркала	Расположение в могиле по отношению к погребенному
1	1	2	+	1	Ж	1	+	у головы
2	3	1	+	3	Ж, М, М	1	+	рядом с левой ступней одного из М
3	4	4	+	2	М, Ж	1	+	на блюде № 2
4	7	1	0/+	6	кость 3	1	+	справа у черепа
5					кость 5	1	+	справа от черепа
6					1	+	на груди	
7	11	1	0/+	3	М, Ж, ?	1	+	у левого локтя Ж, под колчаном со стрелами
8	14	1	+	1	Ж	1	+	справа у черепа
9		2	0/+	3	М, Ж, ?	1	+	слева у черепа Ж
10	15	1	0/+	8	?	1	+	между скелетами 2, 3 и 1, 4
11		2	+	1	Ж	1	+	у правого плеча
12		4	+	1	Ж	1	+	у восточной стенки, рядом с деревянными чашами
13	16	2	+	1	Ж	1	+	у правого предплечья
14		3	+	1	Ж	1	+	внутри тлена от деревянной чаши
15	24	1	+	1	Ж	1	+	не ясно
16		3	+	1	Ж	1	+	справа от черепа
17	29	4	+	1	Ж	1	+	в ногах погребенной
18		6	+	1	Ж	1	+	у левой голени

В.П. Глебовым учтено 125 зеркал и их фрагментов [Глебов, 2019, с. 87], существенных различий в расположении в могилах рассматриваемых предметов исследователем не отмечается, поскольку «почти все зеркала и фрагменты зеркал располагались близко к телу погребенного, нередко вплотную, иногда на теле или под ним».

Зеркала или их фрагменты зафиксированы возле черепа, плеч, груди погребенного, зачастую под костями или сверху – 51 % (чаще справа), реже в районе колен, голени и стоп – 23 %, в области живота, таза и бедер – 21,2 % (чаще справа). Исследователь отмечает также, что чаще всего находки располагаются ближе к правому локтю. В стороне от тела зеркала или их фрагменты зафиксированы лишь в единичных случаях – трижды справа, дважды слева [Глебов, 2019, с. 91].

Интерпретацию по вопросу о сроке эксплуатации зеркал у скифов, который, по мнению исследователей, «не превышал по времени одно поколение, поскольку служили зерка-

ла только своим непосредственным хозяевам и не передавались по наследству» [Болтрик, Фиалко, 2011, с. 92–93], можно связать с большой увлеченностью авторов возникшей идеей при написании статьи, поскольку в этом же году Е.Е. Фиалко справедливо отметила, что «зеркала – привозные, и, соответственно, дорогие предметы – высоко ценились, могли передаваться из поколения в поколение; во всяком случае, нередко в погребение они попадали сильно изношенными и поврежденными, то есть после длительного использования» [Фиалко, 2011, с. 82].

Этот вывод подтверждается и тем, что в скифских памятниках IV в. до н.э. получают распространение зеркала с замененными ручками и греческими дисками, время появления которых ограничивается серединой V в. до н.э., что демонстрирует их вторичное употребление [Кузнецова, 2010, с. 41 и сл.].

Использование населением на территории распространения савромато-сарматских памятников починенных зеркал и их отдельных фраг-

ментов также указывает, помимо всего прочего, на стремление увеличить срок функционирования этих вещей [Скрипкин, 1990, с. 90].

Хранение зеркал в специальных чехлах или футлярах из кожи, дерева и ткани [Скрипкин, 1990, с. 90; Андрух, Тощев, 1999, с. 32] связано со стремлением их владельцев защитить зеркальную поверхность, а следовательно и образ от возможных повреждений. Сведения о зеркалах показывают желание обладателей зеркала предохранить отражающую поверхность от повреждения, которое могло исказить образ его хозяина, что и выявляет фиксация зеркал в погребальном обряде.

Для вещей, которые близки по форме савроматским зеркалам, но не соответствуют их функции, оберегающие «футляры» пока не зафиксированы. Близкие савроматским зеркалам формы встречены пока по одному в памятниках разных археологических культур:

курган «Огуз» (скифы) и курган 3 у с. Гумарово (савроматы). Правда, в «Огузе» предполагается захоронение одной из савроматских женщин, чьей-то дочери, проданной, согласно Плутарху, скифам во время «попойки» [Болтрик, Фиалко, 2011, с. 93]. Поэтому сравнивать их роль в обряде еще сложнее. Для этого требуются дальнейшие наблюдения. Однако и приравнять предметы, не имевшие отражающей поверхности из-за двухстороннего рифления на диске, к зеркалам, не считаясь с их различиями, представляется нерациональным.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Хранится в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, инв. № Дн 1894 1/62.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

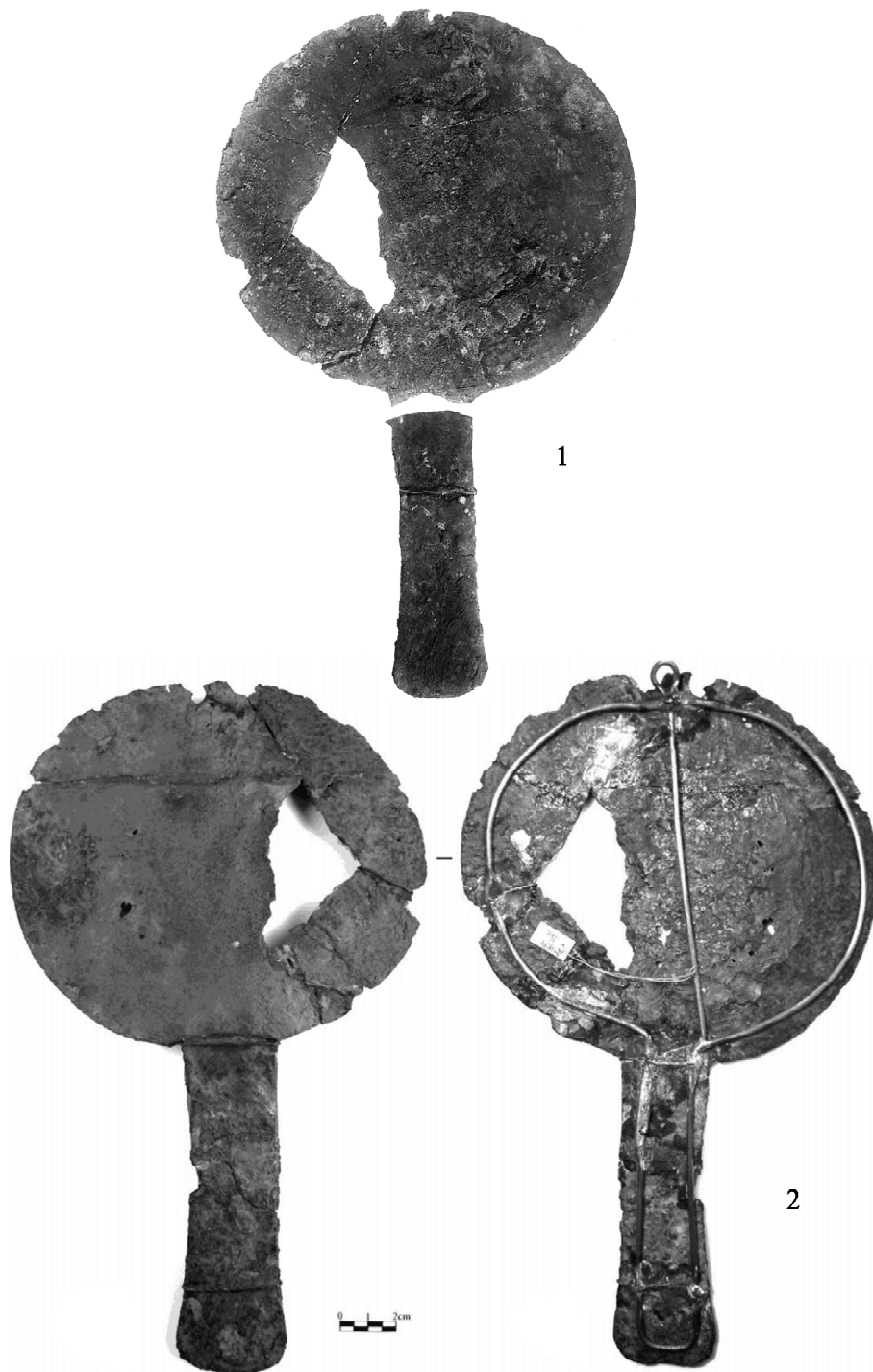

Рис. 1. Предмет с неясной функцией из кургана «Огуз»:

1 – вид до реставрации (фото Государственного Эрмитажа – ручка представлена стороной, противоположной диску)*;
2 – вид после реставрации (по: [Болтрик, Фиалко, 2011, с. 89, рис. 3])

Fig. 1. An object with an obscure function from the kurgan Oguz:

1 – view before restoration (photo of the State Hermitage Museum – the handle is represented by the side opposite to the disk)*;
2 – view after restoration (after: [Boltrik, Fialko, 2011, p. 89, fig. 3])

Примечание. * – благодарю А.Ю. Алексеева за предоставленную фотографию (I thank A. Yu. Alekseev for the photograph).

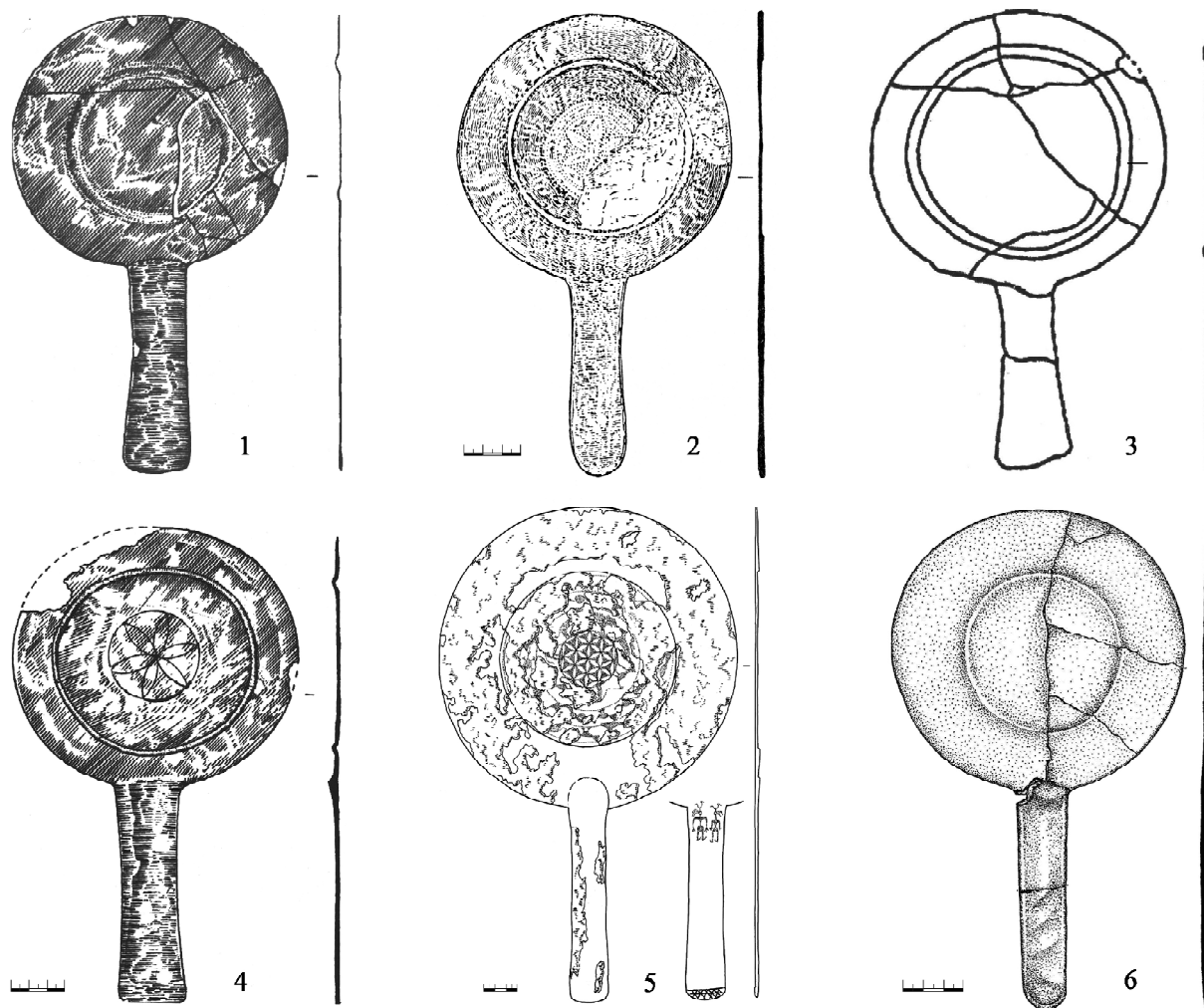

Рис. 2. Предметы с неопределенной функцией (1, 4) и зеркала (2, 3, 5, 6):

- 1 – курган «Огуз» (по: [Кузнецова, 2010, с. 270, табл. 161] – реконструкция);
 2 – Колбино-I, кург. 18, погр. 1 (по: [Гуляев, Савченко, 1999, с. 151–157, рис. 2,11]);
 3 – Песочинский, кург. 8, погр. 1 (по: [Бабенко, 2005, рис. 18,5]);
 4 – с. Гумарово, кург. 3, погр. 1 (по: [Кузнецова, 2010, с. 270, табл. 161]);
 5 – с. Филипповка, кург. 3, погр. 1 (по: [Пшеничнюк, 2012, рис. 65]);
 6 – с. Филипповка, кург. 15, погр. 1 (по: [Яблонский, 2013, № 1836])

Fig. 2. Items with an undefined function (1, 4) and mirrors (2, 3, 5, 6):

- 1 – kurgan “Oguz” (after: [Kuznetsova, 2010, p. 270, table 161] – reconstruction);
 2 – Kolbino-I, kurgan 18, burial 1 (after: [Gulyaev, Savchenko, 1999, p. 151–157, p. 2, 11]);
 3 – Pesochinskiy, kurgan 8, burial 1 (after: [Babenko, 2005, fig. 18,5]);
 4 – Gumarovo, kurgan 3, burial 1 (after: [Kuznetsova, 2010, p. 270, pl. 161]);
 5 – Filippovka, kurgan 3, burial 1 (after: [Pshenichnyuk, 2012, fig. 65]);
 6 – Filippovka, kurgan 15, burial 1 (after: [Yablonsky, 2013, no. 1836])

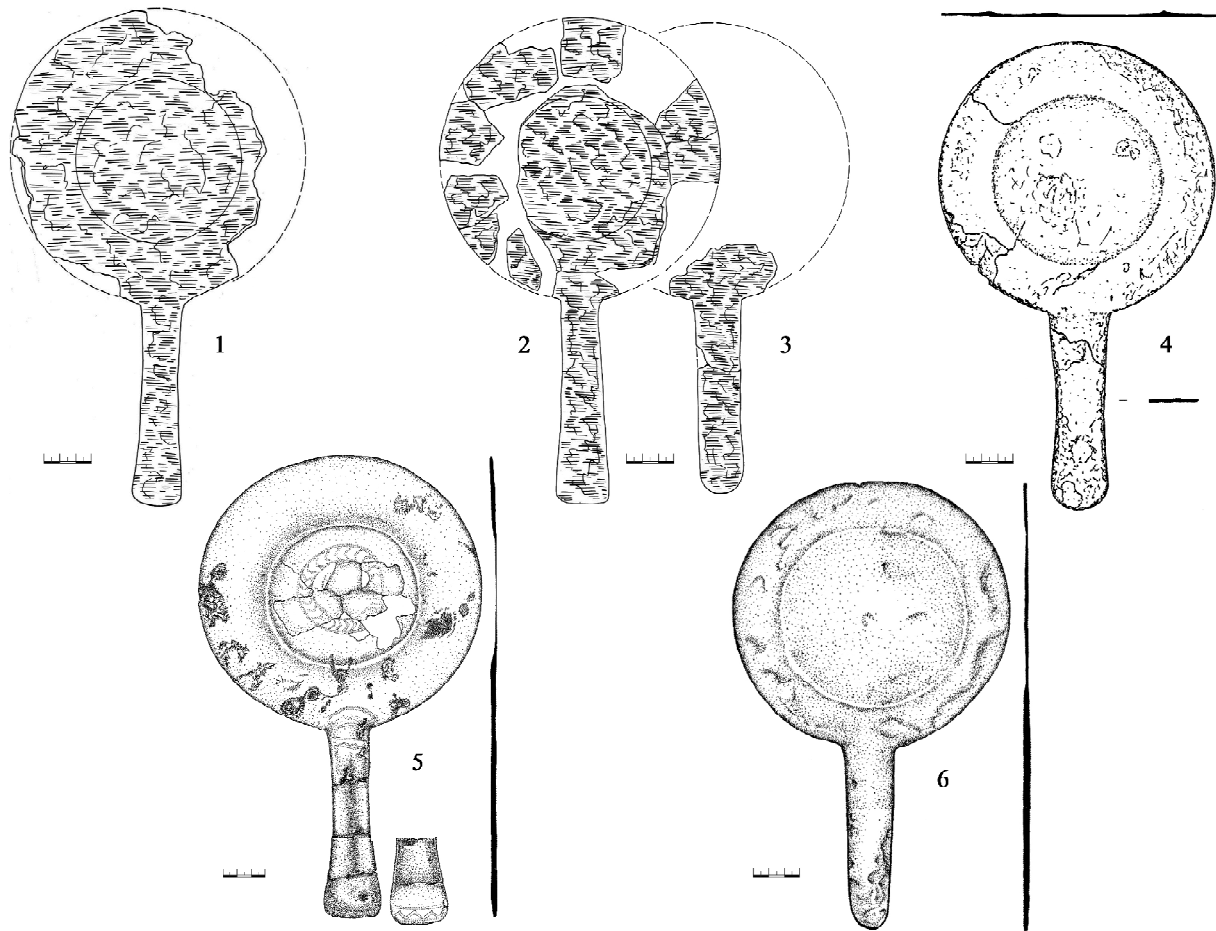

Рис. 3. Зеркала из могильника у с. Филипповка:

1, 2, 3 – кург. 7 (по: [Пшеничнюк, 2012, рис. 94, 95, 1, 2]);

4, 5, 6 – кург. 11, погр. 1; кург. 15, погр. 2 и 4 (по: [Яблонский, 2013, № 1496, 1840, 1969])

Fig. 3. Mirrors from the cemetery near the village of Filippovka:

1, 2, 3 – kurgan 7 (after: [Pshenichnyuk, 2012, fig. 94, 95, 1, 2]);

4, 5, 6 – kurgan 11, burial 1; kurgan 15, burial 2 and 4 (after: [Yablonsky, 2013, no. 1496, 1840, 1969])

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В. И., 1958. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 655 с.
- Алексеев А. Ю., 1987. Хронография Скифии второй половины IV в. до н.э. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 28. С. 38–51.
- Андрух С. И., Тощев Г. Н., 1999. Могильник Мамай-Гора. Кн. I. Запорожье: Изд-во Запорожского университета. 231 с.
- Андрух С. И., 2001. Могильник Мамай-Гора. Кн. II. Запорожье: ИА НАНУ: Изд-во Запорожского университета. 282 с.
- Андрух С. И., Тощев Г. Н., 2004. Могильник Мамай-Гора. Кн. III. Запорожье: Изд-во Запорожского университета. 201 с.
- Андрух С. И., Тощев Г. Н., 2012. Могильник скифского времени Мамай-Гора // *Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa. Joanni Chochorowski dedicatae*. Krakow: Wydawnictwo Profil-Archeo. С. 485–490.
- Андрух С. И., Тощев Г. Н., 2018. Археологические культуры Северного Причерноморья в фокусе Мамай-Горы // Древние некрополи – погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Труды ИИМК РАН. Т. 47. СПб.: ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж. С. 232–240.
- Бабенко Л. И., 2005. Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков: ИД Райдер. 284 с.
- Бессонова С. С., 1983. Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка. 138 с.
- Бидзиля В. И., Болтрик Ю. В., Мозолевский Б. Н., Савовский И. П., 1977. Курганный могильник в урочище Носаки // Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки. Киев: Наукова думка. С. 61–158.
- Битковский О. В., Полин С. В., 1987. Скифский курган у с. Богдановка на Херсонщине (к проблеме хронологии памятников V–IV вв. до н.э.) // Скифы Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка. С. 74–85.
- Болтрик Ю. В. 2001. Поиск усыпальниц Ариапифа и его сыновей // *Ольвія та античний світ: матеріали наукових читань присвячених 75-річчя утворення історико-культурного заповідника «Ольвія» НАН України*. Київ: [б. и]. С. 29–31.
- Болтрик Ю. В., 2016. Місце Бердянського кургану в системі поховальних пам'яток Скіфії // *Старожитності раннього залізного віку. Археологія і давня історія України*. Вип. 2 (19). Київ: ІА НАНУ. С. 27–32.
- Болтрик Ю. В., 2018. Бердянский курган как ключ к пониманию устройства погребальных комплексов скифской элиты // *Причерноморье в античное и раннесредневековое время: сб. науч. тр., посвящ. 70-летию проф. В.П. Копылова*. Вып. 2. Ростов н/Д: ООО Лаки-Пакург. С. 309–319.
- Болтрик Ю. В., Фиалко Е. Е., Чередниченко Н. Н., 1994. Бердянский курган // *Российская археология*. № 4. С. 140–155.
- Болтрик Ю. В., Фиалко Е. Е., 2010. Скифский курган с ранней уздой из северо-западного Приазовья // *Боспорские исследования*. Т. 23. С. 104–132.
- Болтрик Ю. И., Фиалко Е. Е., 2011. Зеркало из кургана Огуз // *Восточноевропейские древности скифской эпохи*. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга». С. 85–97.
- Бунятян Е. П., Чередниченко Н. Н., Мурзин В. Ю., 1977. Скифский могильник у с. Верхнетарасовка // *Курганы юга Днепропетровщины*. Киев: Наукова думка. С. 59–124.
- Глебов В. П., 2019. Зеркала раннесарматской культуры Нижнего Подонья // *Нижневолжский археологический вестник*. Т. 18, № 2. С. 86–104. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.6>
- Грантовский Э. А., 1980. Проблемы изучения общественного строя скифов // *Вестник древней истории*. № 4. С. 128–154.
- Гуляев В. И., 2000. Там, где жили амазонки // *Донская археология*. № 3–4. С. 38–50.
- Гуляев В. И., 2018. Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. (старые проблемы – новые решения). М.: ИА РАН. 1007 с.
- Гуляев В. И., Савченко Е. И., 1999. К вопросу о роли золота в погребальном ритуале скифов // *Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи*. М.: ИА РАН. С. 151–160.
- Гуцалов С. Ю., 2009. Могильник у с. Песочин под Харьковом в контексте истории древних кочевников Южного Урала // *Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник*. Вып. 8. Харьков: ООО «НТМТ». С. 69–79.
- Дьяконова В. П., 1975. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука. 163 с.

- Зуев В. Ю., Исмагилов Р. Б., 1999. Курганы у дер. Гумарово в Южном Приуралье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. III. Оренбург : Печатный Дом «ДИМУР». С. 103–123.
- Кенин-Лопсан М. Б., 1987. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Новосибирск : Наука. 164 с.
- Кенин-Лопсан М. Б., 2009. Тувинские шаманы. М. : ООО ИПЦ «Маска». 328 с.
- Королькова Е. Ф., 1997. Об одном типе бронзовых зеркал скифской эпохи // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. LVII. С. 32–35.
- Кузнецова Т. М., 2001а. Все зеркала, зеркала... // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 128–141.
- Кузнецова Т. М., 2001б. К.Ф. Смирнов и проблема «жертвенников» // XV Уральское археологическое совещание : тез. докл. Междунар. науч. конф. (17–21 апреля 2001 г.). Оренбург : Губерния. С. 132–133.
- Кузнецова Т. М., 2001в. Исторические персонажи и скифские курганы // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства : материалы Междунар. науч. конф. Ч. 2. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 141–150.
- Кузнецова Т. М., 2002. Зеркала Скифии VI–III вв. до н.э. Т. 1. М. : Индрик. 352 с.
- Кузнецова Т. М., 2008. Социальные индикаторы в погребальном обряде скифов (бронзовые котлы) // Проблемы современной археологии. Материалы и исследования по археологии России. № 10. М. : ИА РАН. С. 173–198.
- Кузнецова Т. М., 2010. Зеркала Скифии VI–III вв. до н.э. Т. 2. М. : Таус. 426 с.
- Кузнецова Т. М., 2015. Бедный Орик // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Т. XVIII. Запоріжжя : Запорізький державний університет. С. 89–109.
- Кусаева З. К., 2016. Семиотика зеркала в фольклорно-этнографической традиции осетин // Oriental Studies. № 3. С. 63–73. DOI: <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2016-25-3-63-73>.
- Литвинский Б. А., 1978. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы (Археологические и этнографические материалы по истории культуры и религии Средней Азии). Могильники западной Ферганы. IV. М. : Наука. 259 с.
- Могилев А. Д., 2017. Погребение рядового воина из Светловодского могильника // Історія зброї та військової справи. Ч. 1. Епоха ранньої залізної доби. № 1. Київ : Видавець Олег Філюк. С. 93–100.
- Могилев А., 2019. Зеркала из Светловодского могильника // Revista Arheologică. Serie nouă. Vol. V. Nr. 1. С. 94–102.
- Мозолевский Б. Н., 1980. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972–1975 гг.) // Скифия и Кавказ. Киев : Наукова думка. С. 70–154.
- Молок Д., 2015. Классика и истина. Статьи об античном искусстве. М. : Дефи. 296 с.
- Научно-технический энциклопедический словарь, 2001. СПб. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ntes/> (дата обращения: 17.10.2019).
- Полин С. В., Дараган М. Н., 2019. Зеркала в погребениях геродотовых скифов Северного Причерноморья второй половины V–IV вв. до н.э. // Античный мир и археология. Вып. 19. Саратов : Техно-Декор. С. 202–241.
- Пшеничнюк А. Х., 2012. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. 280 с.
- Равич И. Г., 2006. Некоторые типы высокооловянных горячекованных зеркал сарматского времени и их технологические особенности // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 220. С. 43–54.
- Скрипкин А. С., 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов : Изд-во Саратовского университета. 300 с.
- Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура савроматов. М. : Наука. 380 с.
- Современный толковый словарь, 1998. М. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc3p/> (дата обращения: 17.10.2019).
- Тайлор Э. Б., 1989. Первобытная культура. М. : Политиздат. 573 с.
- Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н., 1973. Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности. Киев : Наукова думка. С. 113–186.
- Фасмер М., 1986. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М. : Прогресс. 671 с.

- Фиалко Е. Е., 2011. Зеркала в обрядах скифов // Боспорские исследования. Вып. XXV. С. 79–94.
- Фрезер Д. Д., 1980. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М. : Политиздат. 832 с.
- Хедаят Садек, 1958. Нейрангистан : пер. с персид., предисл. и коммент. Н.А. Кислякова // Переднеазиатский этнографический сборник. I. Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XXXIX. М. : Наука. С. 259–336.
- Чередниченко Н. Н., Фиалко Е. Е., 1988. Погребение жрицы из Бердянского кургана // Советская археология. № 2. С. 149–166.
- Яблонский Л. Т., 2013. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Книга 1. М. : ИА РАН. 232 с.
- Яблонский Л. Т., 2015. Новые необыкновенные находки из кургана 1 могильника Филипповка-1 // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 43, № 2. С. 97–108.
- Albenda P., 1985. Mirrors in the Ancient Near East // Source: Notes in the History of Art. Vol. 4. Nos. 2/3. P. 2–9.
- Schmidt E. F., 1937. Excavations at Tepe Hissar, Damghan. Philadelphia : The university museum. 478 p.
- Woolley L., 1934a. Ur Excavations. The Royal Cemetery. Vol. II. Text. Oxford : Joint Expedition of the British Museum and of The Museum of the University of Pennsylvania to Mesopotamia. 604 p.
- Woolley L., 1934b. Ur Excavations. The Royal Cemetery. Vol. II. Plates. Oxford : Joint Expedition of the British Museum and of The Museum of the University of Pennsylvania to Mesopotamia. 274 pl.

REFERENCES

- Abayev V.I., 1958. *Istoriko-etimologicheskii slovar osetinskogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language], vol. I. Moscow, Leninrad, AS USSR. 655 p.
- Alekseyev A.Yu., 1987. Khronografiya Skifii vtoroy poloviny IV v. do n.e. [Scythian Chronography of the Second Half of the Fourth Century B. C.]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Papers of the State Hermitage Museum], iss. 28, pp. 38-51.
- Andrukh S.I., Toshchev G.N., 1999. *Mogilnik Mamay-Gora* [Mamay-Gora Necropolis], book I. Zaporozhye, Zaporozhye State University. 231 p.
- Andrukh S.I., 2001. *Mogilnik Mamay-Gora* [Mamay-Gora Cemetery]. Book II. Zaporozhye, IA NASU, Zaporozhye State University. 282 p.
- Andrukh S.I., Toshchev G.N., 2004. *Mogilnik Mamay-Gora* [Mamay-Gora Necropolis], book III. Zaporozhye, Zaporozhye State University. 201 p.
- Andrukh S.I., Toshchev G.N., 2012. Mogilnik skifskogo vremeni Mamay-Gora [Necropolis of the Scythian Time Mamai-Gora]. *Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa. Joanni Chochorowski dedicatae*. Krakow, Wydawnictwo Profil-Archeo, pp. 485-490.
- Andrukh S.I., Toshchev G.N., 2018. Arkheologicheskiye kultury Severnogo Prichernomoria v fokuse Mamay-Gory [Archaeological Cultures of Northern Black Sea Coast in Focus of Mamai-Gora]. *Drevniye nekropoli – pogrebalno-pominalnaya obryadnost', pogrebalnaya arkhitektura i planirovka nekropoley. Trudy IIMK RAN* [Ancient Necropolises – Funeral and Memorial Ritualism, Architecture and Planning of Necropolises. Proceedings of the Institute for the History of Material Culture RAS], vol. 47. Saint Petersburg, Institute for the History of Material Culture RAS, State Hermitage Museum, pp. 232-240.
- Babenko L.I., 2005. *Pesochinskiy kurgannyi mogilnik skifskogo vremeni* [Pesochinsky Kurgan Cemetery of Scythian Time]. Kharkov, ID Rayder Publ. 284 p.
- Bessonova S.S., 1983. *Religioznyye predstavleniya skifov* [Religious Representations of the Scythians]. Kiev, Naukova dumka Publ. 138 p.
- Bidzilya V.I., Boltrik Yu. V., Mozolevskiy B.N., Savovskiy I.P., 1977. Kurgannyi mogilnik v urochishche Nosaki [Kurgan Cemetery in the Area Nosaki]. *Kurgannye mogilniki Ryasnyye Mogily i Nosaki* [Kurgan Cemetery Raznye Mogily and Nosaki]. Kiev, Naukova dumka Publ., pp. 61-158.
- Bitkovskiy O.V., Polin S.V., 1987. Skifskiy kurgan u s. Bogdanovka na Khersonshchine (k probleme khronologii pamyatnikov V-IV vv. do n.e.) [Scythian Kurgan Near the Village Bogdanovka in the Kherson Region (To the Problem of the Chronology of Monuments of the 5th-4th Centuries BC)]. *Skify Severnogo Prichernomoria* [Scythians of the Northern Pontic Region]. Kiev, Naukova dumka Publ., pp. 74-85.

- Boltrik Yu.V., 2001. Poisk usypal'nits Ariapifa i ego synovey [Search for the Tombs of Ariapith and his Sons]. *Olviya ta antichniy svit: materialy nauchnykh chitan prisvyachenikh 75-richchya utvorennaya istoriko-kulturnogo zapovidnika «Olviya» NAN Ukraini* [Olbia and the Ancient World. Materials of Scientific Readings Dedicated to the 75th Anniversary of the Creation of the Olbia Historical and Cultural Reserve of the NAS of Ukraine]. Kiev, pp. 29-31.
- Boltrik Yu.V., 2016. Mistse Berdyanskogo kurganu v sistemi pokho-valnikh pam'yatok Skifii [The Place of Berdyansk Kurgan in the System of Burial Monuments of Scythia]. *Starozhитnosti rannogo zaliznogo viku. Arkheologiya i davnya istoriya Ukrainu* [Antiquities of the Early Iron Age. Archeology and Ancient History of Ukraine], iss. 2 (19). Kiev, IANASU, pp. 27-32.
- Boltrik Yu.V., 2018. Berdyanskiy kurgan kak klyuch k ponimaniyu ustroystva pogrebalnykh kompleksov skifskoy elity [Berdyansk Kurgan as a Key to Understanding the Structure of Funeral Complexes of Skythian Elite]. *Prichernomor'ye v antichnoye i rannesrednevekovoye vremya: sb. nauch. tr., posvyashch. 70-letiyu prof. V.P. Kopylova* [The Black Sea Region in Antiquity and Early Middleages. Papers Presented to V.P. Kopylov on the Occasion of his 70th Birthday], iss. 2. Rostov-on-Don, OOO Laki-Pakurg Publ., pp. 309-319.
- Boltrik Yu.V., Fialko E.E., Cherednichenko N.N., 1994. Berdyanskiy kurgan [Berdyansk Kurgan]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 4, pp. 140-155.
- Boltrik Yu.V., Fialko E.E., 2010. Skifskiy kurgan s ranney uzдой iz severo-zapadnogo Priazovia [Scythian Burial Mound with an Early Bridle from North-Western Azov Sea Area]. *Bosporskiye issledovaniya* [Bosporos Studies], vol. 23, pp. 104-132.
- Boltrik Yu.I., Fialko E.E., 2011. Zerkalo iz kurgana Oguz [Mirror from the Oguz Kurgan]. *Vostochnoyevropeyskiye drevnosti skifskoy epokhi* [East European Antiquities of the Scythian Era]. Voronezh, Publishing and Printing Center "Nauchnaya kniga", pp. 85-97.
- Bunyatyan E.P., Cherednichenko N.N., Murzin V.Yu., 1977. Skifskiy mogilnik u s. Verkhnetarasovka [Scythian Kurgan Cemeteries Near the Village Verkhnetarasovka]. *Kurgany yuga Dnepropetrovshchiny* [Kurgans of the South of Dnepropetrovsk]. Kiev, Naukova dumka Publ., pp. 59-124.
- Glebov V.P., 2019. Zerkala rannesarmatskoy kultury Nizhnego Podonia [Mirrors of the Early Sarmatian Culture of the Lower Don Region]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archeological Bulletin], vol. 18, no. 2, pp. 86-104. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.6>.
- Grantovskiy E.A., 1980. Problemy izucheniya obshchestvennogo stroya skifov [Problems of Studying the Social System of Scythians]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], no. 4, pp. 128-154.
- Gulyayev V.I., 2000. Tam, gde zhili amazonki [Where the Amazons Lived]. *Donskaya arkheologiya* [Don Archeology], no. 3-4, pp. 38-50.
- Gulyayev V.I., 2018. *Skify Severnogo Prichernomoria v VII–IV vv. do n.e. (staryye problemy – novyye resheniya)* [Scythians of the North Pontic Region in the 7th – 4th Centuries BC (Old Problems – New Solutions)]. Moscow, IA RAS. 1007 p.
- Gulyayev V.I., Savchenko E.I., 1999. K voprosu o roli zolota v pogrebalnom rituale skifov [About the Role of Gold in Scythian Burial Rites]. *Evrasiyskiye drevnosti. 100 let B.N. Grakovu: arkhivnyye materialy, publikatsii. stati* [Eurasian Antiquities. The Centenary of Boris N. Grakov: The Archival Materials, Publications, Papers]. Moscow, IARAS, pp. 151-160.
- Gutsalov S.Yu., 2009. Mogilnik u s. Pesochin pod Kharkovom v kontekste istorii drevnykh kochevnikov Yuzhnogo Urala [The Groves Near the Village Pesochin Under Kharkov in the Context of the South Ural Ancient Nomads History]. *Drevnosti. Kharkovskiy istoriko-arkheologicheskiy ezhegodnik* [Antiquities. Kharkov Historical and Archaeological Yearbook], iss. 8. Kharkov, OOO "NTMT" Publ., pp. 69-79.
- Diakonova V.P., 1975. *Pogrebalnyy obryad tuvintsev kak istoriko-etnograficheskiy istochnik* [The Funeral Rite of Tuvans as a Historical and Ethnographic Source]. Leningrad, Nauka Publ. 163 p.
- Zuyev V.Yu., Ismagilov R.B., 1999. Kurgany u der. Gumarovo v Yuzhnom Priural'ye [Barrows near the Village Gumarovo in the South Urals]. *Arkheologicheskiye pamyatniki Orenburzhia* [Archaeological Monuments of the Orenburg Region], iss. III. Orenburg, Printing House "DIMUR", pp. 103-123.
- Kenin-Lopsan M.B., 1987. *Obryadovaya praktika i folklor tuvinskogo shamanstva* [Ritual Practice and Folklore of Tuvan Shamanism]. Novosibirsk, Nauka Publ. 164 p.
- Kenin-Lopsan M.B., 2009. *Tuvinskiye shamany* [Tuvan Shamans]. Moscow, Maska Publ., 328 p.

- Korolkova E.F., 1997. Ob odnom tipe bronzovykh zerkal skifskoy epokhi [About one Type of Bronze Mirrors of the Scythian Era]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha* [Reports of the State Hermitage Museum], iss. LVII, pp. 32-35.
- Kuznetsova T.M., 2001a. Vse zerkala, zerkala... [Those Mirrors, Mirrors...]. *Materialy po arkhologii Volgo-Donskikh stepey* [Materials on the Archeology of the Volga-Don Steppes], iss. 1. Volgograd, Volgograd State University, pp. 128-141.
- Kuznetsova T.M., 2001b. K.F. Smirnov i problema «zhertvennikov» [K.F. Smirnov and the Problem of “Altars”]. *XV Uralskoye arkhologicheskoye soveshchaniye: tez. dokl. Mezhdunar. nauch. konf. (17–21 aprelya 2001 g.)* [XV Ural Archaeological Meeting: Theses of the Reports International Scientific Conference (April 17-21, 2001)]. Orenburg, Guberniya Publ., pp. 132-133.
- Kuznetsova T.M., 2001v. Istoricheskiye personazhi i skifskiy kurgany [Historical Characters and Scythian Barrows]. *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona, formirovaniye polisov, obrazovaniye gosudarstva: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Bosporus Phenomenon: Colonization of the Region, Formation of Poleis, Formation of the State. Materials of the International Scientific Conference], part 2. Saint Petersburg, State Hermitage Museum, pp. 141-150.
- Kuznetsova T.M., 2002. *Zerkala Skifii VI–III vv. do n.e.* [Mirrors of Scythia of VI–III Centuries BC], vol. 1. Moscow, Indrik Publ. 352 p.
- Kuznetsova T.M., 2008. Sotsialnyye indikatory v pogrebalnom obryade skifov (bronzovyye kotly) [Social Indicators in the Funeral Rite of the Scythians (Bronze Cauldrons)]. *Problemy sovremennoy arkhologii. Materialy i issledovaniya po arkhologii Rossii* [Problems of Modern Archeology. Materials and Research on Archeology of Russia], no. 10. Moscow, IA RAS, pp. 173-198.
- Kuznetsova T.M., 2010. *Zerkala Skifii VI–III vv. do n.e.* [Mirrors of Scythia of VI–III Centuries BC], vol. 2. Moscow, Taus Publ. 426 p.
- Kuznetsova T.M., 2015. Bednyy Orik [Poor Orik]. *Starozhytnosti stepovoho Prychernomor'ia i Krymu* [Antiquities of the Steppe of the Black Sea and Crimea], vol. XVIII. Zaporozhye, Zaporozhye State University, pp. 89-109.
- Kusayeva Z.K., 2016. Semiotika zerkala v folkloro-etnograficheskoy traditsii osetin [Semiotics of Mirror in Folklore and Ethnographic Traditions of Ossetians]. *Oriental Studies*, no. 3, pp. 63-73. DOI: <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2016-25-3-63-73>.
- Litvinskiy B.A., 1978. *Orudiya truda i utvar iz mogilnikov Zapadnoy Fergany (Arkheologicheskiye i etnograficheskiye materialy po istorii kultury i religii Sredney Azii). Mogilniki zapadnoy Fergany* [Tools and Utensils from the Cemeteries of Western Ferghana (Archaeological and Ethnographic Materials on the History of Culture and Religion of Central Asia). Cemeteries of Western Ferghana], iss. 4. Moscow, Nauka Publ. 259 p.
- Mogilov A.D., 2017. Pogrebeniye ryadovogo voina iz Svetlovodskogo mogilnika [The Burial of Ordinary Warrior from Svitlovodsk Cemetery]. *Istoriia zbroi ta viiskovoi spravy. Chast' 1. Epokha rannoi zaliznoi dobi* [History of Weapons and Warfare. Part 1. Early Iron Age], no. 1. Kiev, Vydavets Oleg Filyuk Publ., pp. 93-100.
- Mogilov A., 2019. Zerkala iz Svetlovodskogo mogilnika [Mirrors from the Svitlovodsk Cemetery]. *Revista Arheologică. Serie nouă*, vol. V, no. 1, pp. 94-102.
- Mozolevskiy B.N., 1980. Skifskiy kurgany v okrestnostyakh g. Ordzhonikidze na Dnepropetrovshchine (raskopki 1972–1975 gg.) [Scythian Kurgans in the Vicinity of the City of Ordzhonikidze in the Dnepropetrovsk Region (Excavations of 1972-1975)]. *Skifiya i Kavkaz* [Scythia and the Caucasus]. Kiev, Naukova dumka Publ., pp. 70-154.
- Molok D., 2015. *Klassika i istina. Stati ob antichnom iskusstve* [Classic and True. Articles about Ancient Art]. Moscow, Defi Publ. 296 p.
- Nauchno-tekhnicheskoy entsiklopedicheskiy slovar*, 2001 [Scientific and Technical Encyclopedic Dictionary]. Saint Petersburg. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ntes/> (accessed 17.10.2019).
- Polin S.V., Daragan M.N., 2019. Zerkala v pogrebeniyakh gerodotovyykh skifov Severnogo Prichernomoria vtoroy poloviny V–IV vv. do n.e. [Mirrors in the Burials of the Scythians of Herodotus of the Northern Black Sea Coast of the Second Half of the Vth–IVth Centuries BC]. *Antichnyy mir i arkhologiya* [Ancient World and Archaeology], iss. 19. Saratov, Tekhno-Dekor Publ., pp. 202-241.
- Pshenichnyuk A.Kh., 2012. *Filippovka. Nekropol kochevoy znati IV v. do n.e. na Yuzhnom Urale* [Filippovka. Necropolis of Nomadic Nobility IV Century BC in the Southern Urals]. Ufa, IHLL USC RAS. 280 p.

- Ravich I.G., 2006. Nekotoryye tipy vysokoolovnyannykh goryachekovanykh zerkal sarmatskogo vremeni i ikh tekhnologicheskkiye osobennosti [Some Types of High Tin Hot-Forged Mirrors of Sarmatian Time and Their Technological Features]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Reports of the Institute of Archeology], iss. 220, pp. 43-54.
- Skripkin A.S., 1990. *Aziatskaya Sarmatiya. Problemy khronologii i ee istoricheskiy aspekt* [Asian Sarmatia. Problems of Chronology and Its Historical Aspect]. Saratov, Saratov State University. 300 p.
- Smirnov K. F., 1964. *Savromaty. Rannyyaya istoriya i kultura savromatov* [Sauromats. Early Sarmatian History and Culture]. Moscow, Nauka Publ. 380 p.
- Sovremennyy tolkovyy slovar'*, 1998 [Modern Explanatory Dictionary]. Moscow. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc3p/> (accessed 17.10.2019).
- Taylor E.B., 1989. *Pervobytnaya kultura* [Primitive Culture]. Moscow, Politizdat Publ. 573 p.
- Terenozhkin A.I., Ilinskaya V.A., Chernenko E.V., Mozolevskiy B.N., 1973. Skifskiy kurgany Nikopolshchiny [Scythian Kurgans of the Nikopol Region]. *Skifskiy drevnosti* [Scythian Antiquities]. Kiev, Naukova dumka Publ., pp. 113-186.
- Fasmer M., 1986. *Etimologicheskyy slovar russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language], vol. II. Moscow, Progress Publ. 671 p.
- Fialko E.E., 2011. Zerkala v obryadakh skifov [Mirrors in the Rites of the Scythians]. *Bosporskiye issledovaniya* [Bosporos Studies], iss. XXV, pp. 79-94.
- Frazer J.G., 1980. *Zolotaya vetv. Issledovaniye magii i religii* [The Golden Bough. A Study in Magic and Religion]. Moscow, Politizdat Publ. 832 p.
- Khedayat Sadek, 1958. Neyrangistan [Neyrangistan]. *Peredneaziatskiy etnograficheskiy sbornik. I. Trudy instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaya. Novaya seriya* [East Asian Ethnographic Collection. I. Proceedings of N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnography. New Series], vol. XXXIX. Moscow, Nauka Publ., pp. 259-336.
- Cherednichenko N.N., Fialko E.E., 1988. Pogrebeniye zhritsy iz Berdyanskogo kurgana [A Priestess' Burial in the Berdyansk Mound]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 2, pp. 149-166.
- Yablonskiy L.T., 2013. *Zoloto sarmatskikh vozhdoy. Elitnyy nekropol' Filippovka 1 (po materialam raskopok 2004-2009 gg.)*. Katalog kolleksii [Gold of Sarmatian Leaders. Elite Necropolis Filippovka 1 (Based on Excavations from 2004-2009). Collection Catalog]. Book 1. Moscow, IA RAS. 232 p.
- Yablonskiy L.T., 2015. Novyye neobyknovennyye nakhodki iz kurgana 1 mogilnika Filippovka-1 [New Unusual Finding at Filippovka-1 Burial Mound 1, Southern Urals]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], vol. 43, no. 2, pp. 97-108.
- Albenda P., 1985. Mirrors in the Ancient Near East. *Source: Notes in the History of Art*, vol. 4, nos. 2/3, pp. 2-9.
- Schmidt E. F., 1937. *Excavations at Tepe Hissar, Damghan*. Philadelphia, The university museum. 478 p.
- Woolley L., 1934a. *Ur Excavations. The Royal Cemetery. Vol. II. Text*. Oxford, Joint Expedition of the British Museum and of The Museum of the University of Pennsylvania to Mesopotamia. 604 p.
- Woolley L., 1934 b. *Ur Excavations. The Royal Cemetery. Vol. II. Plates*. Oxford, Joint Expedition of the British Museum and of The Museum of the University of Pennsylvania to Mesopotamia. 274 pl.

Information About the Author

Tatiana M. Kuznetsova, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St., 19, 117036 Moscow, Russian Federation, mamulya-kuznecova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7926-2721>

Информация об авторе

Татьяна Михайловна Кузнецова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117036 г. Москва, Российская Федерация, mamulya-kuznecova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7926-2721>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.4>

UDC 903.53“638”-055.2(478)
LBC T442.7(2)-41

Submitted: 17.02.2020
Accepted: 29.04.2020

BARROW 11 OF THE “GARDEN” GROUP IN THE LOWER DNIESTER REGION AND CONTEMPORARY “MYTHMAKING” ABOUT SCYTHIAN “AMAZONS”

Vitalij S. Sinika

Pridnestrovian State University, Tiraspol, Pridnestrovie, Moldova

Sergey D. Lysenko

Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine

Sergey N. Razumov

Pridnestrovian State University, Tiraspol, Pridnestrovie, Moldova

Nikolaj P. Telnov

Institute of Cultural Heritage, Kishinev, Moldova

Sylwia Łukasik

Adam Mickiewicz University, Poznań, Poland

Abstract. The article publishes and analyzes materials obtained during the study of the Scythian barrow 11 of the “Garden” group excavated in 2018 near village Glinoe, Slobodzeya district, on the left bank of the Lower Dniester, for the first time. The barrow was surrounded by a circular ditch and contained four burials – one infant and three female. The tools from the barrow are represented by knives, spindle-whorls, needle. The only piece of tableware was found and it was a wooden bowl. The adornments (a pair of earrings, two bead necklaces, one bead bracelet, two “elbow bracelets”) were also discovered. Earrings with conical bulges on one of the endings testify to the Thracian influence on the material culture of the Scythians of the North-West Black Sea region. All female graves contained mirrors. Two of them are identical, and both were laid under the body of the buried. One of the mirrors has handle aforesightfully broken in antiquity. The cult objects are a pendant made of a dog’s tooth and a stone slab, the arrowheads are the only weapons. The barrow dates back to the second half (preferably the third quarter) of the 4th century BC. Finding a quiver set in the grave 4 of barrow 11 of Glinoe/“Garden” group made the authors to analyze the burials of the so-called Scythian “amazons” of the North Black Sea region. It turned out that many of them were attributed with flagrant violations of scientific methods as burials of women-warriors, which is nothing more than modern “myth-making”. As a result, the authors claim that an open-minded analysis allows us to distinguish three groups of Scythian burials with weapons: 1) containing weapons, placement of which reflects certain “ethnographic” features of the rite or the special status of buried; 2) containing arrowheads that may indicate hunting; 3) the burials of warriors with diverse and numerous weapons.

Key words: Left bank of the Lower Dniester, Scythians, barrow, graves, third quarter of the 4th century BC, weapons, adornments, tools, mirrors, stone slab, “mythmaking”, “amazons”.

Citation. Sinika V.S., Lysenko S.D., Razumov S.N., Telnov N.P., Łukasik S., 2020. Barrow 11 of the “Garden” Group in the Lower Dniester Region and Contemporary “Mythmaking” About Scythian “Amazons”. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, vol. 19, no. 1, pp. 64-101. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.4>

УДК 903.53“638”-055.2(478)
ББК Т442.7(2)-41

Дата поступления статьи: 17.02.2020
Дата принятия статьи: 29.04.2020

КУРГАН 11 ГРУППЫ «САД» В НИЖНЕМ ПОДНЕСТРОВЬЕ И СОВРЕМЕННОЕ «МИФОТВОРЧЕСТВО» О СКИФСКИХ «АМАЗОНКАХ»

Виталий Степанович Синика

Приднестровский государственный университет, г. Тирасполь, Приднестровье, Молдова

Сергей Дмитриевич Лысенко

Институт археологии Национальной академии наук Украины, г. Киев, Украина

Сергей Николаевич Разумов

Приднестровский государственный университет, г. Тирасполь, Приднестровье, Молдова

Николай Петрович Тельнов

Институт культурного наследия, г. Кишинев, Молдова

Сильвия Лукасик

Университет им. А. Мицкевича, г. Познань, Польша

Аннотация. В статье впервые публикуются и анализируются материалы, полученные при исследовании скифского кургана 11 группы Глиное/Сад на левобережье Нижнего Днестра. Курган был окружен кольцевым рвом и содержал четыре захоронения – одно детское и три женских. Орудия труда из кургана представлены ножами, пряслицами, иглой, посуда – деревянной миской, украшения – парой серег, двумя ожерельями из бусин, одним браслетом из бусин, двумя «локтевыми браслетами». Серьги с коническими утолщениями на одном из окончаний свидетельствуют о фракийском влиянии на материальную культуру скифов Северо-Западного Причерноморья. Во всех женских захоронениях были зеркала. Два из них идентичны, и оба были положены под тела погребенных. У одного из зеркал в древности преднамеренно отломана ручка. Предметами культа являются подвеска из зуба собаки и каменная плита, вооружением – только наконечники стрел. Курган датируется второй половиной (предпочтительно третьей четвертью) IV в. до н.э. Находка колчанного набора в погребении 4 кургана 11 группы Глиное/Сад заставила авторов проанализировать погребения так называемых скифских «амазонок» Северного Причерноморья. Оказалось, многие из них атрибутированы как погребения женщин-воинов с грубейшими нарушениями научной методики, что является не более чем современным «мифотворчеством». В результате мы констатируем, что непредвзятый анализ позволяет различать три группы скифских захоронений с оружием: 1) с предметами вооружения, размещение которых отражает определенные «этнографические» особенности обряда или особый статус погребенных; 2) с наконечниками стрел, которые могут свидетельствовать об охотничьем промысле; 3) погребения воинов с разнообразными и многочисленными предметами вооружения.

Ключевые слова: левобережье Нижнего Днестра, скифы, курган, погребения, третья четверть IV в. до н.э., предметы вооружения, украшения, орудия труда, зеркала, каменная плита, «мифотворчество», «амазонки».

Цитирование. Синика В. С., Лысенко С. Д., Разумов С. Н., Тельнов Н. П., Лукасик С., 2020. Курган 11 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье и современное «мифотворчество» о скифских «амазонках» // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 1. С. 64–101. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.4>

«Приходится констатировать, что ошибочные утверждения, тем более высказанные неоднократно, никем не оспоренные и не оспариваемые, со временем “по умолчанию” приобретают видимость непреложных истин. Такие “истины” в дальнейшем становятся отправной точкой тех или иных научных построений, фундамента которых просто не существует» [Тельнов, Синика, 2013, с. 306].

Введение

К настоящему времени в Нижнем Поднестровье изучены сотни скифских захоронений, при этом их большая часть была исследована за последние 25 лет. Особенно результативными оказались работы Днестровской археологической экспедиции у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра. Здесь с 1995 по 2019 г. было исследовано более 250 скифских захоронений, и значительная их часть введена в научный оборот [Синика, Тельнов, 2016а; 2016б; 2016в; 2017а; 2017б; 2017в; 2018а; 2018б; Тельнов и др., 2016; Sinika et al., 2017; Синика и др., 2017; Синика и др., 2018а; 2018б; 2018в; 2018г; 2018д; 2018е; Синика и др., 2019а; 2019б; 2019в; 2019г; Синика и др., 2020].

Тем не менее публикация новых материалов из Поднестровья представляется актуальной, поскольку имеет значение для изучения истории скифской культуры всего Северного Причерноморья.

В настоящей работе впервые публикуются и анализируются материалы, полученные в 2018 г. при исследовании скифского кургана 11 группы «Сад»¹. Памятник находился в 2,75 км к ССВ от северной оконечности с. Глиное Слободзейского района, на высоком плато, расположенном на правом берегу р. Красная. Ниже приводится описание этого кургана, исследованных в нем скифских погребений, а также сопровождающего инвентаря.

Описание комплекса

Курган 11 группы «Сад» копался параллельными траншеями с использованием техники. Была разбита одна бровка по линии 3–В шириной 0,6 м, длиной 20 м (рис. 1,1).

Насыпь полностью уничтожена распашкой. В непосредственной близости от нее найдены керамическое лоцило (1) и камень (2).

Описание находок.

1. Лоцило, изготовленное из ручки гераклейской амфоры. Один торец сточен под углом около 20° в сторону внутренней поверхности. Тесто с примесью мелкого шамота, песка. Цвет оранжевый. Поверхности шероховато-заглаженные. Длина фрагмента – 119 мм. Размеры верхнего сечения – 42 × 24 мм, нижнего – 40 × 29 мм. Размеры сточенной площадки 40 × 30 мм (рис. 1,2).

2. Каменное изделие («курант») неправильной подпрямоугольной формы размерами 53 × 67 × 70 мм. Изготовлено из плотного сланца черного цвета с белыми прожилками (рис. 1,3).

В кургане обнаружены ров и четыре скифских захоронения.

Кольцевой ров диаметром 8,5 м, шириной до 0,5 м и глубиной до 0,81 м от R_0 был сооружен одновременно с основными скифскими погребениями 3 и 4. Ров в сечении подтрапециевидный. В западной и восточной частях рва были оставлены два разрыва шириной 2,5 и 2 м, находящиеся на линии ЗЮЗ–ВСВ. В черноземном заполнении рва находки не обнаружены.

Погребение 1 (скифское, впускное) обнаружено в южной части кургана. Совершено в катакомбе (рис. 2,1,2).

Входная яма не прослежена, вероятно, она находилась южнее камеры.

Погребальная камера неправильной формы длиной 1 м и шириной 0,6 м была зафиксирована на глубине 0,64 м от R_0 . Дно камеры зафиксировано на глубине 0,83 м от R_0 . В западной части камеры отмечены остатки свода на высоте 0,17 м от дна.

На дне лежал костяк ребенка возрастом 3 года [Łukasik, 2019a, p. 2] в слабо скорченном положении на спине с разворотом на правый бок, головой на ЗЮЗ. Следов подстилки и инвентаря не обнаружено.

Погребение 2 (скифское, впускное) обнаружено в 6 м к С от R_0 . Совершено в яме (рис. 2,3,4).

Контуры ямы прямоугольной формы размерами 2,15 × 0,85 м были зафиксированы на глубине 0,7 м от R_0 . Яма была ориентирована

по линии ЗСЗ–ВЮВ, ее глубина от уровня обнаружения составила 0,85 м. Заполнение состояло преимущественно из чернозема.

Погребенный (возрастом 15–20 лет [Łukasik, 2019a, p. 2]; пол не был определен антропологом) лежал в вытянутом положении на спине, головой на ЗСЗ. Правая рука вытянута вдоль тела. Левая рука согнута в локте под прямым углом, кисть на поясничных позвонках. Ноги вытянуты. Под костями светло-серый тлен от органической подстилки.

Состав и расположение инвентаря.

В западной части ямы лежали кости мелкого рогатого скота от жертвенной пищи и нож с роговой рукоятью (2). На шейных позвонках и под нижней челюстью обнаружены предметы ожерелья (3). На правом запястье находился браслет из бусин (4). Под левой лопаткой и позвоночником лежало бронзовое зеркало (1) рукоятью на С.

Описание находок.

1. Бронзовое зеркало с боковой трапециевидной ручкой, окончание которой оформлено в виде овального навершия. Общая длина зеркала 231 мм. Диаметр диска 135 × 137 мм. Длина ручки – 96 мм, ширина – 17–26 мм. Размеры овального навершия ручки – 21 × 30 мм. Толщина диска – до 1 мм, ручки – до 2 мм, навершия – 1,5–2 мм (рис. 2,7).

2. Железный нож с роговой рукоятью. Рукоять состоит из двух пластин, соединенных с черенком и между собой при помощи четырех заклепок (из которых двумя крепится к черенку). Лезвие обломано, треугольное в сечении. Длина сохранившейся части ножа – до 150 мм. Длина остатков лезвия вместе с черенком – около 58 мм, длина черенка – 39 мм. Ширина лезвия – до 20 мм. Толщина спинки лезвия – до 4 мм. Длина рукояти – 132 мм. Размеры сечения рукояти на торце – 15 × 9 мм, в средней части – 14,5 × 13 мм. Толщина рукояти у лезвия – до 14 мм. Ширина костяных пластин – 13–14 мм, толщина – 4–5 мм. Длина заклепок – до 17,5 мм, диаметр – около 4 мм; диаметр шляпок – 5–7 мм (рис. 2,6).

3. Ожерелье состояло из 13 стеклянных бусин и четырех стеклянных бисерин:

– биконическая бусина из горчичного непрозрачного стекла. Высота бусины – 8,5 мм, диаметр – 9 мм. Диаметр конического отверстия – 1–1,5 мм (рис. 2,8а);

– поперечно-сжатая асимметричная бусина из синего полупрозрачного стекла. Высота бусины – 6,2 мм, диаметр – 9 мм. Диаметр отверстия – 3,5 мм (рис. 2,8б);

– цилиндрическая бусина из белого непрозрачного стекла (сохранился фрагмент). Высота бусины – 6,3 мм, диаметр – 6 мм. Диаметр отверстия – 2,5 мм (рис. 2,8в);

– четыре четырехгранные пирамидальные подвески из синего полупрозрачного стекла. Высота подвесок – от 13 до 16 мм, размеры оснований – от 6,5 × 6,1 до 7,7 × 7,3 мм. Диаметр отверстий – от 1,3 мм до 1,5 мм (рис. 2,8г);

– шесть асимметрично-сферических бусин из белого непрозрачного стекла. Высота бусин – 4,2–5 мм, диаметр – 4,5–6 мм. Диаметр конических отверстий – от 0,8–1 до 1,5–2 мм (рис. 2,8д);

– бисерина из розового стекла в виде топора. Размеры бисерины – 5,6 × 3,3 × 2,7. Диаметр отверстия – 1,2 мм (рис. 2,8е);

– кольцевидная бисерина из белого непрозрачного стекла. Высота бисерины – 2 мм, диаметр – 4 мм. Диаметр отверстия – 1,2 мм (рис. 2,8ж);

– две кольцевидные бисерины из салатного непрозрачного стекла. Высота бисерин – 1,5 мм, диаметр – 3,4 мм. Диаметр отверстия – 1,5 мм (рис. 2,8з).

4. Браслет на правом запястье состоял из восьми стеклянных бусин:

– уплощенно-сферическая бусина из белого полупрозрачного стекла. Высота бусины – 7,8 мм, диаметр – 12,5 мм. Диаметр отверстия – 5 мм (рис. 2,5а);

– цилиндрическая бусина из салатного непрозрачного стекла с белыми глазками и с горчичными зрачками. Высота бусины – 8,4 мм, диаметр – 11,3 × 12,8 мм. Диаметр отверстия – 6 мм (рис. 2,5б);

– тороидальная бусина из синего полупрозрачного стекла с белыми глазками. Высота бусины – 4,5 мм, диаметр – 8,4 × 9 мм. Диаметр отверстия – 4 мм (рис. 2,5в);

– две поперечно-сжатые асимметричные бусины из синего полупрозрачного стекла. Высота бусин – 7,5 и 6 мм, диаметр – 10,6 × 11 и 9 × 9,5 мм. Диаметр отверстий – 3,5 и 4 мм (рис. 2,5г);

– две поперечно-сжатые асимметричные бусины из белого непрозрачного стекла.

Высота бусин – 6 и 5,3 мм, диаметр – $9 \times 9,5$ и $7,5 \times 7,7$ мм. Диаметр отверстий – 4 и 3,5 мм (рис. 2,5д);

– бочонковидная бусина из белого непрозрачного стекла. Высота бусины – 6,5 мм, диаметр – 8,2 мм. Диаметр отверстия – 3 мм (рис. 2,5е).

Погребение 3 (скифское, одно из основных) обнаружено в центре окруженного рвом подкурганного пространства, в 4,5 м к северу от R_0 . Совершено в яме (рис. 3,1,2).

Контуры ямы прямоугольной формы размерами $2,35 \times 0,95$ м были зафиксированы на глубине 0,74 м от R_0 . Яма была ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ, ее глубина от уровня обнаружения составила 1,03 м. Заполнение состояло преимущественно из чернозема.

Погребение ограблено в древности. В придонной части заполнения встречались разрозненные кости женщины возрастом 20–30 лет [Łukasik, 2019a, p. 3]. Ее череп лежал теменем вверх на глубине 1,33 м от R_0 в центре ямы, кости конечностей – у западной и северной стен. Судя по сохранившимся *in situ* берцовым костям, женщина лежала в вытянутом положении на спине головой на ВЮВ.

Состав и расположение инвентаря.

В придонном заполнении ямы были найдены лепное пряслице (1), бронзовый трехлопастный наконечник стрелы (3), пара бронзовых серег (4), стеклянные бусины (6) и две стеклянные подвески (7), амулет из зуба хищника (8). В восточной части ямы вместе с костями мелкого рогатого скота найдены фрагменты трех железных обивок деревянного сосуда (5). В заполнении ямы были также найдены мелкие фрагменты бронзового зеркала (2).

Описание находок.

1. Лепное оранжевоглиняное биконическое пряслице, с выраженным ребром посередине. Меньшее основание плоское, большее вогнутое. Тесто с примесью шамота, включениями мелкого песка, органики. Поверхность заглаженная. Высота пряслица – 27 мм, максимальный диаметр – 27,5 мм. Диаметры оснований – 17 и 18 мм. Диаметр отверстия – 5,2 мм (рис. 3,7).

2. Три фрагмента бронзового зеркала размерами 35×16 мм. Толщина диска – 1 мм; к краю сужается до 0,5 мм (рис. 3,6).

3. Бронзовый трехлопастный наконечник стрелы с выступающей втулкой. Длина наконечника – 38 мм. Длина втулки – 10 мм, диаметр – 4,5 мм (рис. 3,3).

4. Пара бронзовых кольцевидных серег из круглой в сечении проволоки с разомкнутыми окончаниями. На одном из окончаний обеих серег конические утолщения. Диаметры серег – $39,5 \times 35,5$ и $33,5 \times 35$ мм, диаметр сечения проволоки – до 2 мм. Длина конических утолщений – 3,5 мм, диаметр – 2,5 и 3,2 мм (рис. 3,11,12).

5. Две железные квадратные обивки деревянного сосуда. Вдоль двух противоположных торцов расположено по три заклепки. Вдоль двух других торцов между крайними заклепками проделано по два дополнительных отверстия меньшего диаметра. Заклепки с грибовидными округлыми шляпками; нижняя часть стержня загнута. На внутренней поверхности пластин сохранились остатки дерева. Размеры пластин – 68×65 мм; толщина – до 3 мм, к краям сужаются. Длина заклепок до изгиба – не менее 15 мм. Диаметр заклепок – до 3,5 мм, диаметр шляпок – 5–6 мм. Диаметр маленьких отверстий – 1,5 мм. Толщина дерева (стенки сосуда), к которому крепились пластины, около 10–11 мм (рис. 3,4,5).

6. Уплотненно-сферическая бусина из белого непрозрачного стекла (фрагмент). Высота бусины – 8,4 мм, диаметр – 11,5 мм. Диаметр отверстия – 3 мм (рис. 3,8).

7. Две четырехгранные пирамидальные подвески из синего полупрозрачного стекла. Высота подвесок – 17,6 и 15 мм. Размеры оснований – $6,4 \times 6,4$ и $6,5 \times 6,2$ мм; размеры верхних площадок – $3 \times 1,7$ и $2,5 \times 1$ мм. Диаметр конических отверстий – 1,5–2 и 1,2–1,8 мм (рис. 3,9,10).

8. Амулет-подвеска из коренного зуба собаки². В одном из корневых отростков просверлено отверстие. Размеры изделия: $14,5 \times 10,2 \times 9,5$ мм. Диаметр отверстия – 2,5 мм (рис. 3,13).

Погребение 4 (скифское, одно из основных) обнаружено в 3 м к С от R_0 . Совершено в яме (рис. 4,1,2).

Контуры ямы прямоугольной формы размерами $2,35 \times 0,9$ м были зафиксированы на глубине 0,7 м от R_0 . Яма была ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ, ее глубина от уровня

обнаружения составила 0,81 м. Заполнение состояло преимущественно из чернозема.

Костяк женщины возрастом 20–35 лет [Lukasik, 2019a, p. 3] лежал в вытянутом положении на спине, головой на ВЮВ. Руки слегка согнуты в локтях, кисти на тазобедренных суставах. Ноги вытянуты.

Состав и расположение инвентаря.

В восточной части ямы лежали кости мелкого рогатого скота от жертвенной пищи и нож (6) с деревянной рукоятью. Южнее располагалась каменная плита с обожженной поверхностью (11). На шее найдены предметы ожерелья (8), на локтях – браслеты из бусин (9, 10). У правого локтя и у левого запястья почти вертикально, остриями вниз, на 11–12 см выше дна ямы располагалось по одному бронзовому трехлопастному наконечнику стрел (3, 4). Еще шесть наконечников (5) на той же глубине лежали в виде компактного скопления наклонно остриями вниз в 0,2 м севернее правой кисти (упали с перекрытия либо из подвешенного на вбитом в стенку колышке колчана). Под правой лопаткой лежало бронзовое зеркало (2) рукоятью на С (окончание ручки отломано в древности). Под зеркалом лежала железная игла (7). У левого колена найдено лепное пряслице (1).

Описание находок.

1. Лепное сероглиняное биконическое пряслице неправильной сферической формы. Тесто с примесью шамота и мелкого песка. Поверхность заглаженная. Высота пряслица – 21,2 мм. Максимальный диаметр – 24,5 мм. Диаметры оснований – около 8 мм. Диаметр отверстия – 4,7–5 мм (рис. 4,7).

2. Бронзовое зеркало с боковой трапециевидной ручкой, окончание которой оформлено в виде овального навершия. Край диска местами выкрошен. Общая длина зеркала – 231 мм. Диаметр диска – 150 × 151 мм. Длина ручки – 97 мм, ширина – 17–26 мм. Размеры навершия на ручке – 23 × 39 мм. Толщина диска – до 1,5 мм, ручки – до 2,5–5 мм, навершия – до 2,5 мм (рис. 5,1).

3. Бронзовый трехлопастный наконечник стрелы (у правого локтя) с выделенной втулкой, основание которой находится выше окончания граней. В основании втулки расположено отверстие размерами 4,5 × 2 мм, образовавшееся в результате дефекта литья. Длина

наконечника – 26,5 мм. Длина втулки – 10 мм, диаметр – 4,3 мм (рис. 4,15).

4. Бронзовый трехлопастный наконечник стрелы (у левого запястья) с выделенной втулкой. В основании втулки расположено отверстие размерами 7 × 2 мм, образовавшееся в результате дефекта литья. Длина наконечника – 34 мм. Длина втулки – 12 мм, диаметр – 4,5 мм (рис. 4,16).

5. Шесть бронзовых наконечников стрел у правой кисти:

– пять бронзовых трехлопастных наконечников с выделенной втулкой (два фрагментированы). Длина наконечников – от 28,6 до 37,1 мм. Длина втулок – от 9,5 до 13 мм, диаметр – от 4,3 до 5 мм (рис. 4,8–12). На втулках двух наконечников расположены отверстия размерами 8 × 2 и 9 × 2,8 мм, образовавшиеся в результате дефекта литья (рис. 4,8,10);

– бронзовый трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой. Длина наконечника – 22 мм, диаметр втулки – 3 мм (рис. 4,13).

6. Железный нож с утраченной деревянной рукоятью. Лезвие клиновидное в сечении, с нервюрой вдоль спинки с левой стороны. Черенок плоский, подпрямоугольный; рукоять крепилась при помощи двух заклепок. Длина сохранившейся части 87 мм. Ширина черенка – 10–15 мм, толщина – 2–4 мм. Ширина лезвия – до 22 мм, толщина – до 4 мм. Толщина спинки – до 6 мм. Ширина нервюры – до 5 мм. Диаметр заклепок – около 3 мм (рис. 4,5).

7. Железная игла с обломанными ушком и острием. Длина фрагмента – 70 мм. Диаметр сечения – 2–3,5 мм (рис. 4,6).

8. Ожерелье состояло из 42 стеклянных бусин и одной стеклянной бисерины:

– 41 асимметрично-сферическая бусина из голубого полупрозрачного (24 экз.) (рис. 4,14в) и зеленоватого непрозрачного стекла (17 экз., из них 2 раздавлены) (рис. 4,14а). Высота бусин – 3,5–5 мм, диаметр – 4–6 мм. Диаметр конических отверстий – от 0,7–1,5 до 1,2–2 мм;

– поперечно-сжатая бусина из синего полупрозрачного стекла. Высота бусины – 6,7 мм, диаметр – 8,7 × 9 мм. Диаметр отверстия – 3 мм (рис. 4,14г);

– бисерина из красного непрозрачного стекла. Высота бисерины – 2 мм, диаметр – 3,3 мм. Диаметр отверстия – 1,2 мм (рис. 4,14б).

9. Пять поперечно-сжатых бусин (на правом локте), изготовленных из белого прозрачного стекла. Высота бусин – 4–4,4 мм, диаметр – 7,3–7,5 × 8 мм. Диаметр отверстий – 3,3–4 мм (рис. 4,4).

10. Браслет из шести бисерин (на левом локте), изготовленных из желтовато-белого непрозрачного стекла. Высота бисерин – 1,5–1,8 мм, диаметр – 2,8–3,4 мм. Диаметр отверстий – 1,2–1,8 мм (рис. 4,3).

11. Каменная плита подтрапещевидной формы. Изготовлена из бурого песчаника, полностью обожжена. Лицевая поверхность вогнута до 7,5 мм и отшлифована, нижняя – не обработана. Размеры плиты – 360 × 335 мм. Толщина – 20–34 мм (рис. 6,2).

Анализ данных

Материалы из кургана 11 группы «Сад» у с. Глиное свидетельствуют, что он был сооружен для погребения рядовых общинников. Кольцевой ров ограничивал небольшую площадку (диаметром 8,5 м), на которой находились четыре захоронения. Примечательно, что в трех из них были погребены женщины, и еще в одном – маленький ребенок.

Планиграфические данные указывают, что основными были погребения 3 и 4, где женщины лежали головой в восточном направлении, а впускными – детское захоронение 1 и женское погребение 2, где погребенные были ориентированы головой в западный полукруг. Отметим при этом, что за все время исследований в окрестностях с. Глиное Слободзейского района скифских могил (сооруженных не позднее рубежа IV–III вв. до н.э.) погребенных с восточной ориентировкой было выявлено только четыре: Глиное/Сад, кург. 4, погр. 18 – захоронение ребенка 4 лет, головой на В [Синика и др., 2018б, с. 114, 116, рис. 3,7]; Глиное/Водовод, кург. 8, погр. 3 – захоронение женщины 20–30 лет, головой на ЮВ [Синика и др., 2018г, с. 236, рис. 2,1]; Глиное/Водовод, кург. 11, погр. 3 – захоронение женщины 35–40 лет [Łukasik, 2019b, p. 4], головой на ЮВ; Глиное/Плавни, кург. 1, погр. 18 – захоронение ребенка, головой на СВ. Также крайне редка восточная ориентировка и в более позднее время. В частности, на скифском могильнике III–II вв. до н.э. у с. Глиное, где

абсолютно доминируют меридиональные ориентировки, она зафиксирована всего в трех случаях: кург. 41, погр. 1 (взрослый, сопровождающее захоронение), кург. 52, погр. 1 (мужчина 20–35 лет, ориентировка стала результатом несоблюдения норм обряда), кург. 68, погр. 1 (женщина 20–35 лет, сопровождающее захоронение) [Тельнов и др., 2016, с. 271, 410, 752, рис. 148,1, 231,3, 403]. Кроме того, редкость подобной ориентировки (без учета северо-восточной и юго-восточной ориентировок, которые можно считать и меридиональными) уже отмечалась при анализе всех скифских погребений Дунайско-Днестровских степей [Синика, 2007а, с. 18; 2007б, с. 91].

Обычно восточная ориентировка связывается с греческим влиянием на скифский погребальный обряд [Ольховский, 1991, с. 155]. Данный тезис требует тщательной проверки материалов всех скифских погребений Северо-Западного Причерноморья, которая выходит за пределы настоящей работы. Здесь мы хотим подчеркнуть, что, судя по данным из памятников у с. Глиное, восточная ориентировка (без учета северо-восточной и юго-восточной ориентировок) использовалась скифами исключительно редко и только при захоронении детей (Глиное/Сад, кург. 4, погр. 18, кург. 11, погр. 1) и женщин (Глиное/Сад, кург. 11, погр. 2; Глиное/Водовод, кург. 11, погр. 3; Глиное, кург. 41, погр. 1 (?), кург. 68, погр. 1).

Обращает на себя внимание и поза ребенка из погребения 1 кургана 11 Глиное/Сад – скорченное положение на спине с разворотом на правый бок. За 125 лет изучения скифских погребальных памятников в Дунайско-Днестровских степях были изучены всего четыре захоронения с подобной позой (в скорченном положении на спине): Островное, кург. 3, погр. 1 на левобережье Нижнего Дуная [Алексеева, 1977, с. 47, табл. LV,1]; Глиное, кург. 70, погр. 1 [Тельнов и др., 2016, с. 431, 745, рис. 242,1] и Глиное/Водовод, кург. 16, погр. 5 на левобережье Нижнего Днестра, погр. 10 грунтового могильника у с. Николаевка на левобережье Днестровского лимана [Мелюкова, 1975, с. 74, рис. 33,4].

При тотальном доминировании вытянутого положения на спине на всем протяжении существования скифской культуры в Северо-Западном Причерноморье (вторая половина

VII – II в. до н.э.) [Синика, 2007а, с. 18; 2007б, с. 90; Тельнов и др., 2016, с. 744–745] изредка фиксируются поза ничком [Тельнов и др., 2016, с. 745; Синика и др., 2019г, с. 283, 289–290, рис. 2, 1, 4, 1, 2] и скорченное положение на (правом и левом) боку и на спине [Субботин и др., 2017, с. 143]. При анализе данных из скифского могильника III–II вв. до н.э. у с. Глиное подчеркивалось, что «во всех комплексах, где была выявлена подобная поза погребенного, она являлась не следствием заранее запланированных обрядовых действий, а результатом определенных обстоятельств» [Тельнов и др., 2016, с. 745]. В полной мере это относится и к захоронению в погребении 1 кургана 11 Глиное/Сад, где тело ребенка из-за недостаточной длины погребальной камеры было невозможно уложить в вытянутом положении. Ранее подобная ситуация была отмечена в катакомбе погребения 5 кургана 67 могильника Глиное, длина камеры которой была меньше роста погребенного [Тельнов и др., 2016, с. 409, 745, рис. 230, 8]. Очевидно, эта «небрежность» при строительстве катакомбы 1 кургана 11 могильника Глиное/Сад была обусловлена низким социальным статусом ребенка, о чем также свидетельствует отсутствие инвентаря в захоронении. Все это в совокупности указывает, что данная могила была последней ввпущена в курган, после всех женских погребений.

Орудия труда из публикуемого кургана представлены ножами, пряслицами, иглой, лошлом и каменным изделием.

Железные ножи из захоронений погребения 2 кургана 11 (с роговой рукоятью) и погребения 4 кургана 11 (с деревянной рукоятью) относятся к наиболее распространенной категории орудий труда у скифов Северного Причерноморья. При этом обращает на себя внимание наличие утолщения (нервюры) на спинке из комплекса погребения 4 кургана 11 Глиное/Сад. Подобных ножей в настоящее время известно 12, и все они происходят из курганных групп, исследованных у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра: Глиное/Сад, кург. 8, погр. 1 [Синика и др., 2018д, с. 82, рис. 3, 2], кург. 11, погр. 4; Глиное/Водовод, кург. 7, погр. 2 и 4 [Синика и др., 2019а, с. 371, 376, рис. 4, 4, 6, 13], кург. 9, погр. 2 [Синика и др., 2019в, с. 10, рис. 3, 8], кург. 11, погр. 1, погр. 2, кург. 13,

погр. 1, погр. 3, кург. 14, погр. 3, кург. 16, погр. 1, погр. 9. Размещение ножей вместе с костями от жертвенной пищи является одним из наиболее характерных элементов скифского погребального обряда [Синика, 2007б, с. 101; Тельнов и др., 2016, с. 800, рис. 419].

Пряслище из погребения 3 кургана 11 Глиное/Сад находилось в перемещенном состоянии, а в комплексе погребения 4 кургана 11 – у левого бедра женщины, маркируя размещение веретена в захоронении. Эти предметы, считающиеся типично женским инвентарем, хорошо известны у скифов Северо-Западного Причерноморья во второй половине VII – IV в. до н.э. [Синика, 2007а, с. 19], а позже – встречаются намного чаще [Тельнов и др., 2016, с. 803].

Железные иглы, аналогичные найденной в погребении 4 кургана 11, встречаются реже [Синика, 2007а, с. 19; Тельнов и др., 2016, с. 805]. При этом отмечено, что большинство погребений с иглами являлись женскими [Тельнов и др., 2016, с. 805]. Вызывает интерес место находки иглы. Она была положена под зеркало, которое, в свою очередь, находилось под телом женщины. К этому элементу погребального обряда (размещению предметов инвентаря под телом погребенных) мы еще вернемся при анализе находок зеркал из публикуемого кургана.

Лошило из ручки гераклейской амфоры, обнаруженное в насыпи кургана 11 могильника Глиное/Сад, практически не находит аналогий в скифских погребальных памятниках. Здесь можно упомянуть только «обломок амфорной ручки, превращенный в пестик» из погр. 1 кург. 1 (IV в. до н.э.) группы Степного кургана в Нижнем Поднепровье [Тереножкин и др., 1973, с. 180, рис. 37, 18], а также лошило из насыпи кургана 41 (последняя четверть III – первая четверть II в. до н.э.) могильника у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра [Тельнов и др., 2016, с. 271, рис. 147, 2]. В то же время в данном регионе, неподалеку от могильников Глиное и Глиное/Сад, лошила из ручек амфор широко представлены в материалах IV–II вв. до н.э. на поселениях Чобручи [Fidelschi, 2006, p. 28–29, pl. III, 1] и Красное [Синика и др., 2012, с. 190, рис. 2, 7].

Каменное изделие («курант») из насыпи кургана 11 Глиное/Сад в настоящее время

является первой подобной находкой из скифских погребальных памятников Дунайско-Днепровских степей. При этом подобные изделия часто встречаются на погребальных и поселенческих памятниках эпохи энеолита, бронзового и раннего железного века лесостепной зоны Северного Причерноморья. Однако, за редким исключением [Никитенко, Лысенко, 2014, с. 334, 341–343], они не привлекают внимание исследователей.

Посуда из публикуемого кургана представлена только деревянной миской в погребении 3 кургана 11, от которой сохранились две железные обивки, обнаруженные вместе с костями животного в восточной части ямы. Скорее всего, жертвенная пища была положена в изголовье погребенной, как и в захоронениях кургана 11, погр. 2 и 4. Железные обивки подквадратной формы крепились на тулово деревянной миски при помощи шести гвоздей-заклепок. Кроме того, на двух противоположных сторонах пластин находятся по два дополнительных отверстия. По всей видимости, конструкция обивок предполагала различные способы их размещения на тулове сосуда, при котором могло быть использовано большее или меньшее количество отверстий для гвоздей-заклепок. При том, что в Северо-Западном Причерноморье в скифских погребениях известны различные железные скрепы и заклепки от деревянных мисок [Тельнов и др., 2016, с. 830–831, рис. 428, 1–6], обивки подобной формы найдены впервые.

Украшения из кургана Глиное/Сад 11 представлены парой серег (погр. 3 кург. 11), ожерельями из бусин (кург. 11, погр. 2 и 4), браслетом из бусин (погр. 2 кург. 11), двумя «локтевыми браслетами» (погр. 4 кург. 11), а также бусиной и двумя амфоровидными подвесками, которые могли входить в состав как ожерелья, так и браслетов (погр. 3 кург. 11).

Серьги из погребения 3 кургана 11 с коническими утолщениями на одном из окончаний являются довольно редкими находками в Северо-Западном Причерноморье. В.Г. Петренко отмечает, что такие серьги появляются в скифских погребениях не ранее IV в. до н.э., при этом только в памятниках Поднепровья. Однако исследователь указывает, что подобные изделия достаточно хорошо известны в памятниках VI–V вв. до н.э. Румынии, Болгарии,

Венгрии и Боснии, и связывает их появление в Северо-Западном Причерноморье с фракийским влиянием [Петренко, 1978, с. 34–35]. Об этом, например, свидетельствуют находки трех аналогичных изделий (одного золотого кольца и двух серебряных серег) в составе гетскогоклада из с. Матеуцы [Băţ et al., 2019, p. 311, fig. 15] на правом берегу Среднего Днестра.

На левобережье Нижнего Днестра серьги, оба окончания которых оформлены в виде конических утолщений, обнаружены в скифских курганах 1 у с. Сукляя и 345 у с. Чобручи [Мелюкова, 1962, с. 151, табл. 10, 2, 3], а также в погребении 5 могильника Николаевка I [Дзис-Райко, 1965, с. 66, рис. 4, 10]. Серьги с коническими шишечками на окончаниях обнаружены в комплексах кург. 19, погр. 2 (пара серебряных серег), кург. 57, погр. 1 (одна серебряная серьга), кург. 109, погр. 1 (пара серебряных серег) скифского могильника III–II вв. до н.э. у с. Глиное [Синика и др., 2016, с. 112, № 128; Тельнов и др., 2016, с. 165, 355, 642–643, 975, рис. 73, 11, 200, 7, 362, 7, 8]. Однако в 1984 г. такие украшения были найдены и на левобережье Нижнего Дуная – в погребении 1 кургана 23 (бронзовое височное кольцо) и погребении 1 кургана 24 (серебряная серьга) могильника Мреснота Могила [Гудкова и др., 1985, с. 103–104, рис. 61, 6, 62, 3]. Дата перечисленных комплексов укладывается в рамки последней четверти IV – II в. до н.э. Кроме того, в 2017 г. бронзовая серьга с одним окончанием в виде конического утолщения, очевидно, использованная вторично в качестве кольца, была обнаружена в ограбленном погребении 1 кургана 5 могильника Глиное/Сад, относящемуся ко второй половине IV в. до н.э. [Sinika et al., 2017, p. 159, 163, fig. 2, 4; Синика, Тельнов, 2018в, с. 164–165, рис. 1, 8]. В 2018 г. при исследовании непо потревоженного парного захоронения конца третьей четверти IV в. до н.э. Глиное/Водовод, кург. 16, погр. 4 была выявлена пара аналогичных бронзовых серег.

Ожерелья из стеклянных бусин в погребениях 2 и 4 кургана 11, а также браслет из бусин на правом запястье из погребения 4 относятся к самой многочисленной разновидности украшений из скифских захоронений Северного Причерноморья. При этом ожерелья, за редким исключением, встречены только в женских и детских захороне-

ниях, а браслеты – и в мужских [Тельнов и др., 2016, с. 858, 863].

В то же время находки мелких украшений (бусин, подвесок и др.), составлявших так называемые «локтевые браслеты», как это отмечено на правом и левом локте женщины в захоронении 4 кургана 11 Глиное/Сад, крайне редки в скифских комплексах Северо-Западного Причерноморья IV в. до н.э. До настоящего времени два подобных браслета были найдены только в кургане Глиное/Сад 7, сооруженном в последней четверти IV в. до н.э. В одном из детских захоронений кургана (кург. 7 погр. 1) возле левого локтя ребенка находились 15 стеклянных бусин, а в другом (кург. 7 погр. 4) – шесть костяных пронизей возле правого локтя [Синика и др., 2018в, с. 128–129, 135, рис. 2, 1, 4, 5]. В последующее время «локтевые браслеты» получают большее распространение, о чем свидетельствуют их находки в 21 захоронении (13 женских, пяти мужских и трех детских) скифского могильника III–II вв. у с. Глиное. По всей видимости, «локтевые браслеты» из бусин (правый локоть) и из бисерин (левый локоть) в погребении 4 кургана 11 группы «Сад» нашивались на рукава одежды в области локтя, а костяные пронизы из захоронения 4 кургана 7 группы «Сад» были надеты на нить, которая нашивалась на рукав [Тельнов и др., 2016, с. 968–871, табл. 24; Синика, Тельнов, 2018б, с. 257].

Присутствие бисера в захоронениях Глиное/Сад, кург. 11, погр. 2 (четыре бисерины в составе ожерелья) и кург. 11, погр. 4 (шесть бисерин в составе «браслета» на левом локте, одна бисерина в составе ожерелья) группы «Водовод» вызывает особый интерес. Подобные украшения также немногочисленны в скифских комплексах Северо-Западного Причерноморья V–IV вв. до н.э. Они известны только в 14 погребениях: кург. 11, погр. 3 у с. Нагорное [Андрух, Суничук, 1987, с. 43, рис. 4, 11], кург. 5, погр. 1 могильника Кугурлуй [Гудкова, Суничук, 1985, с. 31, табл. 68, 9, 10], кург. 8, погр. 1 и кург. 15, погр. 1 могильника Мреснота Могила [Гудкова и др., 1985, с. 83, 91, рис. 50, 11, 55, 6] на левобережье Нижнего Дуная, кург. 3, погр. 1 могильника Хаджидер I [Субботин и др., 1992, с. 23, рис. 20, 17] в Дунайско-Днестровском междуречье, кург. 4, погр. 6 у с. Никольское [Агульников, Сава,

2004, с. 44], Глиное/Сад, кург. 6, погр. 1 [Sinika et al., 2017, p. 161, 165–166, fig. 3, 5b–o], Глиное/Водовод, кург. 7, погр. 3, кург. 7, погр. 4 [Синика и др., 2019а, с. 374, 377, 385–386, рис. 5, 23, 7, 3в], кург. 9, погр. 2 [Синика и др., 2019в, с. 9, рис. 3, 7, 14], кург. 10, погр. 3 [Синика и др., 2019б, рис. 6, 1ж], кург. 13, погр. 2, кург. 16, погр. 5 на левобережье Нижнего Днестра и кург. 5, погр. 1 у с. Неделково [Редина, 1999, с. 77] в Днестро-Бугском междуречье. В то же время на скифском могильнике III–II вв. до н.э. у с. Глиное отмечено тотальное доминирование бисера в ожерельях, а также его присутствие в других составных украшениях, связанных исключительно с женскими и детскими костяками и не встреченных на мужских [Тельнов и др., 2016, с. 850, 853, 858, 868, 874, 876–877, 884].

Предметы туалета из кургана 11 группы «Сад» представлены только зеркалами. Они были положены во все три захоронения взрослых в кургане 11 (погр. 2, 3, 4), причем все они принадлежали женщинам. Подобный случай впервые отмечен в Северо-Западном Причерноморье.

Зеркала из погребений 2 и 4 кургана 11 Глиное/Сад идентичны. Это бронзовые изделия с круглым диском и боковой ручкой, вырезанные из одного листа. Ручки обоих зеркал сделаны в виде вытянутой трапеции, окончание которой оформлено в виде овального навершия. Девять подобных зеркал обнаружены в скифских комплексах Северо-Западного Причерноморья V–IV вв. до н.э. На левобережье Нижнего Дуная – в погр. 3 кург. 5 Котловина I [Фокеев, 1991, с. 16, рис. 25, 8] третьей четверти IV в. до н.э., в Дунайско-Днестровском междуречье – в захоронениях Балабаны, кург. 6, погр. 2 [Чеботаренко и др., 1989, с. 34, рис. 12, 2] и Кочковатое, кург. 48, погр. 2 [Ванчугов и др., 1992, с. 51, рис. 15, 2] третьей четверти IV в. до н.э., на правобережье Нижнего Днестра – в погр. 6 кург. 1 Пуркары [Яровой, 1990, с. 51–52, рис. 21, 2] середины IV в. до н.э., на левобережье Нижнего Днестра – в захоронениях Дубоссары, кург. 18, погр. 1 второй четверти IV в. до н.э. [Кетрару и др., 2014, с. 85, 213–215, рис. 70, 9], Никольское, кург. 14, погр. 1 [Агульников, Сава, 2004, с. 124, рис. 62, 2] рубежа V–IV вв. до н.э., Глиное/Водовод, кург. 7, погр. 4 [Синика и др.,

2019а, с. 376, 386, рис. 7,1] рубежа IV–III вв. до н.э. и Николаевка-23 [Мелюкова, 1975, с. 82, рис. 49,5] конца первой – начала второй четверти IV в. до н.э., в Днестро-Бугском междуречье – в погребении 1 кургана 9 Неделково [Редина, 1999, с. 80, рис. 3,7] третьей четверти IV в. до н.э.

Крайне примечательной деталью обряда является размещение зеркал в погребениях 2 и 4 кургана 11 Глиное/Сад. Они были положены под тела погребенных, при этом в погребении 4 рукоять зеркала была отломана в древности, а под его диском, как отмечалось выше, находилась игла.

Очевидно, здесь мы имеем дело с элементом погребального обряда (размещение инвентаря в могиле под телом умершего), которому ранее практически не придавалось значения. В 2011 г. на него впервые обратили внимание Ю.В. Болтрик и Е.Е. Фиалко в статье, посвященной лежавшему под спиной зеркалу из погребения служанки в Центральной гробнице кургана Огуз [Болтрик, Фиалко, 2011, с. 92]. Спустя восемь лет вывод исследователей о том, что такое размещение зеркал свидетельствует о статусе зависимого лица, был подвергнут абсолютно обоснованной критике со стороны С.В. Полина и М.Н. Дараган. Данные авторы сформулировали заключение, с которым нельзя не согласиться: «Тезис о том, что размещение зеркала под телом погребенной является признаком зависимого статуса погребенной женщины, является полностью надуманным, подкрепляется ошибочно изложенными фактами и абсолютно опровергается фактом находки зеркала под левой лопаткой “царицы” в боковой гробнице Толстой Могилы» [Полин, Дараган, 2019, с. 212].

В 2019 г. в публикации кургана 7 группы «Водовод», где были найдены серебряное кольцо, положенное под спину ребенка в катакомбе погребения 5 кургана 7, и зеркало, положенное слева под нижнюю часть грудной клетки женщины из погребения 4 кургана 7 Глиное/Водовод, мы обратили внимание на этот элемент обряда, но специальный анализ не проводился [Синика и др., 2019а, с. 384, 386].

Помимо публикуемых комплексов, размещение зеркал под тело зафиксировано в Северо-Западном Причерноморье еще в шести случаях. Это погребение 5 кургана 5 Глиное/

Водовод (диск под правым плечом) [Синика, Тельнов, 2017б, с. 7, рис. 1,1; 2018а, с. 138, рис. 3,4], упомянутый выше комплекс Глиное/Водовод, кург. 7, погр. 4, а также захоронения Глиное/Водовод, кург. 11, погр. 2 (диск под правым плечом), кург. 14, погр. 3 (ручка и часть диска под правым плечом), Пуркары, кург. 1, погр. 6 на правом берегу Нижнего Днестра [Яровой, 1990, с. 51, рис. 21,1] и Неделково, кург. 9, погр. 1 в Днестро-Бугском междуречье [Редина, 1999, с. 77, рис. 3,2]. Кроме того, совсем недавно была опубликована сводка из 49 скифских захоронений Северного Причерноморья второй половины V – IV в. до н.э., где зеркала были положены под тела погребенных [Полин, Дараган, 2019, с. 210, № 106–154]. Эта работа, доступная заинтересованному специалисту, позволяет нам избежать их повторного перечисления. Отметим только, что в выборку не вошли опубликованные ранее погребения Глиное/Водовод, кург. 5, погр. 5, Неделково, кург. 9, погр. 1 и Калиновка II, кург. 7, погр. 1 [Никитин, 2018, с. 108, рис. 47,4], а катакомбы Мамай-Гора, кург. 4, погр. 9 и Чкаловка V были включены в кластер 2 («зеркала с правой стороны скелета») [Полин, Дараган, 2019, с. 209, № 46, 59], хотя в данных захоронениях зеркала лежали соответственно под правым локтем женщины [Андрух, Тощев, 1999, с. 36] и под правой кистью [Ковалева, 1999, с. 131, рис. 2,2], то есть, по нашему мнению, под телом.

По всей видимости, обряд размещения зеркал под телом погребенного (Глиное/Сад, кург. 11, погр. 2, 4), как и их преднамеренная поломка и порча (Глиное/Сад, кург. 11, погр. 4), связан с анимистическими представлениями, согласно которым зеркало являетсяместилищем души [Смирнов, 1964, с. 103, 249; Бессонова, 1983, с. 102–103; Медведев, 1990, с. 185; Марченко, 1996, с. 109; Раевский, 2006, с. 124]. Именно поэтому мы считаем, что зеркала клали в могилы в футлярах или под тело, ограждая таким образом живых от души мертвого. В тех комплексах, где зеркала не были в футлярах (или футляры не были зафиксированы) и не лежали под телом, они могли быть накрыты подстилкой, частями одежды погребенного либо другими несохранившимися легкими органическими материалами. При этом семантика обряда была такой же (предотвращение

воздействия души умершего на живых соплеменников), что и в случаях, когда зеркала клали в футляры или под тело.

Недавно была высказана и иная интерпретация обряда помещения зеркала под тело умершего, в качестве «особого ритуала, когда зеркало выступает в роли некоего “проводника”, открывающего “портал” в потусторонний мир хтонических сил» [Полин, Дараган, 2019, с. 211]. Гораздо сложнее при этом интерпретировать иные предметы (кольцо – Глиное/Водовод, кург. 7, погр. 5; игла – Глиное/Сад, кург. 11, погр. 4), положенные под тело погребенного. Однако со временем при тщательной систематизации подобных случаев гипотезы у исследователей, несомненно, появятся.

Нельзя не остановиться и на обряде порчи зеркал, поскольку ручка находки из погребения 4 кургана 11 Глиное/Сад была отломана в нижней части. О том, что ее путем многократного сгибания отделяли преднамеренно, свидетельствует тот факт, что в месте слома и на прилегающих участках толщина ручки меньше (2,5 мм), чем возле диска и возле навершия (4 мм). Такой обычай (поломки зеркал) до настоящего времени достоверно был зафиксирован только в двух скифских погребениях Северного Причерноморья, совершенных в последней трети V в. до н.э. (Ново-Васильевка, кург. 17, погр. 1 и 3 [Полин, Дараган, 2019, с. 213, № 4, 5] в Нижнем Поднепровье), и в десяти катакомбах могильника III–II вв. до н.э. у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра [Тельнов, Синика, 2014, с. 240; Тельнов и др., 2016, с. 895].

Предметы культа из кургана 11 группы Сад представлены подвеской из коренного зуба собаки в погребении 3, а также каменной плитой – в погребении 4.

Подвески из зубов (преимущественно, клыков) собаки весьма немногочисленны в скифских захоронениях на левобережье Нижнего Днестра: Глиное/Водовод, кург. 5, погр. 3 (один клык с отверстием для подвешивания в составе ожерелья ребенка) [Синика, Тельнов, 2018а, с. 134–135, рис. 2,11], кург. 7, погр. 3 (два клыка, один с отверстием для подвешивания, в перемещенном состоянии) [Синика и др., 2019а, с. 374, 386, рис. 5,8,9], кург. 14, погр. 3 (коренной зуб под правым крылом таза

женщины), кург. 16, погр. 4 (два клыка в составе ожерелья ребенка, на одном сохранилось отверстие для подвешивания), Глиное/Сад, кург. 8, погр. 1 (три клыка в составе ожерелья ребенка, на одном сохранилось отверстие для подвешивания) [Синика и др., 2018д, с. 82, 89, рис. 2,7]. Помимо этого, в Северо-Западном Причерноморье такие находки известны еще в трех комплексах. На левобережье Нижнего Дуная это Градешка, кург. 7а, погр. 1 (три клыка с отверстиями для подвешивания в составе скопления украшений справа в ногах ребенка) [Гудкова, Суничук, 1985, с. 71, 73, табл. 132,1,2] и Кугурлуй, кург. 31, погр. 1 (клык с отверстием для подвешивания на груди женщины) [Гудкова, Суничук, 1985, с. 65]. В Дунайско-Днестровском междуречье клык с отверстием для подвешивания найден в ограбленном захоронении Тараклия, кург. 19, погр. 3 [Савва и др., 1985, с. 68–69, рис. 95,4]. Как показывает анализ, в большинстве случаев, где установлено изначальное размещение зубов собаки, они входили в состав ожерелий женщин и детей. Вполне вероятно, что и подвеска из коренного зуба собаки из погребения 3 кургана 11 Глиное/Сад (женщина) также являлась частью ожерелья.

Отметим, что каменные плиты представляют собой типичный инвентарь как мужских, так и женских скифских погребений. В частности, только в непосредственной близости от кургана 11 группы «Сад» они были найдены в 39 комплексах на левобережье Нижнего Днестра: Глиное/Водовод, кург. 2, погр. 12 [Синика, Тельнов, 2017в, с. 143, 145, рис. 4,6], кург. 9, погр. 2 [Синика и др., 2019в, с. 10–11, рис. 3,2], кург. 11, погр. 1, кург. 14, погр. 3; Глиное/Сад, кург. 9 (во рву) [Синика и др., 2018а, с. 167, 170, рис. 1,3], кург. 11, погр. 4, кург. 13, погр. 3; Глиное/Рыбхоз, кург. 2, погр. 1; Глиное, кург. 11, погр. 1, кург. 13, погр. 1, кург. 19, погр. 1, кург. 19, погр. 2, кург. 23, погр. 1, кург. 31, погр. 1, кург. 32, погр. 1, кург. 35, погр. 1, кург. 38, погр. 1, кург. 38, погр. 3, кург. 51, погр. 1, кург. 54, погр. 3, кург. 55, погр. 1, кург. 60, погр. 1, кург. 61, погр. 1, кург. 69, погр. 2, кург. 74, погр. 2, кург. 78, погр. 3, кург. 79, погр. 1, кург. 81, погр. 1, кург. 81, погр. 3, кург. 82, погр. 1, кург. 86, погр. 1, кург. 88, погр. 1, кург. 89, погр. 3, кург. 95, погр. 1, кург. 99, погр. 1, кург. 100, погр. 1, кург. 104,

погр. 1, кург. 106, погр. 1, кург. 107, погр. 3 [Тельнов и др., 2016, с. 918–919]; кург. 116 – во рву [Синика, Тельнов, 2018б, с. 224, 246–247, рис. 2, 4]. Однако каменная плита из захоронения Глиное/Сад, кург. 11, погр. 4, в отличие от всех остальных подобных находок, была полностью обожжена, а затем положена в могилу. Весьма вероятно, что этот элемент обряда коррелирует с помещением в данный комплекс под тело погребенной зеркала с отломанной в древности рукоятью, а также иглы под диск зеркала.

Предметы вооружения из кургана 11 группы «Сад» немногочисленны и представлены только бронзовыми наконечниками стрел. В ограбленном погребении 3 кургана 11 сохранился лишь один наконечник, а в непогребенном погребении 4 – восемь наконечников. Обращает на себя внимание размещение последних. Один наконечник был найден у правого локтя и находился острием вниз, второй (также острием вниз) – у левой кисти.

Отметим, что нестандартное размещение наконечников стрел было неоднократно зафиксировано в скифских погребальных комплексах на левобережье Нижнего Днестра. Например, среди детских погребений можно указать следующие комплексы: Глиное/Водовод, кург. 6, погр. 1 [Синика и др., 2018е, с. 73, 76, рис. 2, 2, 4], кург. 7, погр. 5 [Синика и др., 2019а, с. 379, 382, 387, рис. 8, 2, 6, 7], кург. 8, погр. 2 и 4 [Синика и др., 2018г, с. 236, 238, 241–242, рис. 1, 6, 8, 9, 11, 3, 1, 3], кург. 13, погр. 1; Глиное, кург. 12, погр. 2 [Тельнов и др., 2016, с. 121], кург. 116, погр. 1 [Синика, Тельнов, 2018б, с. 229, рис. 5, 5]. Перечисленные захоронения свидетельствуют о существовании у скифов нормы обряда, регламентировавшей размещение стрел поверх тел детей, возле них и на перекрытиях ям. Однако совершенно очевидно, что эти микроэлементы погребального ритуала не фиксировали принадлежность детей к воинскому сословию.

В полной мере это относится и к погребениям взрослых, где отмечено нестандартное размещение наконечников стрел, как в погребении 4 кургана 11 Глиное/Сад. Наконечники стрел, обнаруженные в вертикальном положении у правого локтя и у левого запястья женщины, по всей видимости, упали с перекрытия, поскольку зафиксированы они на

12 см выше дна ямы. Подобная ситуация была отмечена и в комплексе Глиное/Водовод, курган 15, погребение 5, где единственный наконечник стрелы был найден острием вниз между правыми плечевым суставом и лопаткой погребенного возрастом более 50 лет [Łukasik, 2019b, p. 9], при этом на его костях нет следов окисления бронзы. Данные погребения (как и другие, где на перекрытии лежали иные предметы), очевидно, отражают обычай помещения напутственных даров на перекрытие погребального сооружения [Синика и др., 2019г, с. 283–284, 292, рис. 2, 1, 3].

Две стрелы были воткнуты в дно погребальной камеры (у ее входа и у противоположной стенки) катакомбы 2 кургана 11 Глиное/Водовод, где был похоронен мужчина 35–50 лет [Łukasik, 2019b, p. 4]. Одна стрела была воткнута в дно ямы у левого плеча женщины 15–20 лет в погребении 3 кургана 10 Глиное/Водовод [Łukasik, 2019b, p. 3]. Возможно, они фиксировали циновку и/или края погребального савана.

В погребении 3 кургана 10 Глиное/Водовод еще три наконечника лежали горизонтально – один справа и два слева у таза. Один наконечник стрелы найден на правом локте мужчины 35–40 лет [Łukasik, 2019b, p. 6] в комплексе Глиное/Водовод, кург. 13, погр. 1. В погребении 3 кургана 13 Глиное/Водовод, где был захоронен мужчина 35–40 лет [Łukasik, 2019b, p. 8], три наконечника стрел зафиксированы в горизонтальном положении: один – у правого плеча, второй – у левого крыла таза, третий – ниже правого тазобедренного сустава, с внутренней стороны бедренной кости. В могиле 11 кургана 16 Глиное/Водовод при погребенном возрастом 20–30 лет (пол не определен) [Łukasik, 2019b, p. 15] пять наконечников лежали горизонтально: два, остриями обращенные друг к другу, с внешней стороны левой бедренной кости; еще один – с внутренней стороны левой бедренной кости, острием к ней; один – поверх левого локтя; один – у правого крыла таза, острием в сторону ног. Все эти наконечники, зафиксированные *in situ*, скорее всего, указывают, что стрелы были положены сверху на тела погребенных. В катакомбе погребения 1 кургана 6 могильника Нагорное в Нижнем Поднепровье две стрелы были положены вдоль правого и левого бедра «взрос-

лой женщины» наконечниками в сторону головы [Мозолевский, 1973, с. 196–197, рис. 10].

Перечисленные случаи свидетельствуют, что отдельные находки предметов вооружения (в нашем случае, наконечников стрел) не являются достаточным основанием определения принадлежности погребенного к воинскому сословию. Например, в захоронениях Глиное/Водовод, кург. 11, погр. 2 и кург. 13, погр. 3 были найдены колчаные наборы (по одному в каждом) и копья (по паре в каждом), а в комплексах Глиное/Водовод, кург. 10, погр. 3 [Синика и др., 2019б, рис. 4, 1] и кург. 13, погр. 1 – по одному колчанному набору, и именно они, в отличие от отдельных наконечников стрел (воткнутых в дно камеры или лежавших поверх тела), указывают на воинскую принадлежность погребенных.

Подобная ситуация была зафиксирована и в захоронении Глиное/Сад, кург. 11, погр. 4. Напомним, оно не было потревожено грабителями, и, помимо двух «отдельных» наконечников стрел у правого локтя и у левого запястья, справа от таза женщины были найдены шесть наконечников стрел. Они компактно располагались у северной стенки ямы, в 12 см выше ее дна. По всей видимости, это колчаный набор, упавший с перекрытия ямы либо из колчана, повешенного на ее стенку. Второй вариант мы не исключаем, поскольку подобный обычай (подвешивание колчана к стенке погребального сооружения) был достоверно зафиксирован в катакомбе погребения 3 кургана 13 Глиное/Сад, где в изголовье погребенного находился колчаный набор, а также железный крюк и железный «колышек» для фиксации крюка в стене погребальной камеры. В другой катакомбе (Глиное/Сад, кург. 12, погр. 3) отдельно лежавшие у левого плеча мужчины шесть наконечников стрел могли быть подвешены к стенке или к своду камеры, поскольку колчаный набор (94 наконечника) был зафиксирован слева от таза погребенного [Синика и др., 2020, рис. 2, 1].

В любом случае, где бы ни находился изначально колчаный набор из погребения 4 кургана 11 Глиное/Сад, данный комплекс можно рассматривать как захоронение скифской «воительницы». Согласно определению антрополога, в нем была погребена женщина возрастом 20–35 лет [Łukasik, 2019a, p. 3]. Ее со-

провождал типично женский инвентарь (зеркало, пряслице, ожерелье), а также колчаный набор, состоявший из шести стрел. Аналогичная ситуация зафиксирована в захоронении Глиное/Водовод, кург. 10, погр. 3: несмотря на то что антропологом ввиду возраста (15–20 лет) пол погребенного не был определен [Łukasik, 2019b, p. 3], о том, что это женщина, свидетельствует инвентарь – два керамических пряслица за головой погребенной и пара бронзовых лировидных подвесок – у висков. Кроме того, у левого бедра в колчане лежали 20 наконечников стрел [Синика и др., 2019б, рис. 4, 1]. В захоронении женщины 35–40 лет Глиное/Водовод, кург. 11, погр. 3 [Łukasik, 2019b, p. 4], помимо ожерелья на шее, был зафиксирован колчаный набор из 12 наконечников стрел. В могиле 5 кургана 16 Глиное/Водовод была погребена женщина (?) 40–50 лет [Łukasik, 2019b, p. 12] с парными серьгами, ожерельем на шее, одним пряслицем и колчаным набором из десяти стрел.

Датировка кургана

При определении времени сооружения кургана 11 Глиное/Сад необходимо учитывать несколько важных обстоятельств. Во-первых, это одновременное устройство двух женских захоронений (погр. 3, 4), где погребенные лежали головой на В. Эти могилы располагались в центральной части площадки, окруженной кольцевым рвом. Женское (погр. 2) и детское (погр. 1) захоронения были впущены в насыпь. Позднейшим из них, судя по глубине, отсутствию инвентаря и небрежности соблюдения обрядовых норм (скорченное положение на спине с разворотом на правый бок), было захоронение ребенка. Во-вторых, инвентарь из женских могил едва ли не идентичен: бронзовые зеркала (погр. 2 и 4), пирамидальные стеклянные подвески (погр. 2 и 3); трехлопастные наконечники стрел (погр. 3 и 4). С учетом изложенного очевидно, что датировка всех погребений кургана, а значит, и время его сооружения, укладывается в относительно небольшой интервал времени.

Отсутствие керамических импортов, за исключением невыразительной ручки гераклейской амфоры в насыпи, несколько осложняет получение узкой даты комплекса, однако не

означает невозможность ее определения. Для решения этой задачи будут использованы накопленные данные о времени бытования бронзовых зеркал из погребений 2 и 4 кургана 11 Глиное/Сад, а также наконечников стрел из погребений 3 и 4 кургана 11 Глиное/Сад.

Несомненно, наиболее ранним комплексом с зеркалом, аналогичным двум найденным в кургане 11 Глиное/Сад (цельные, с круглым диском и ручкой, окончание которой оформлено в виде овального/круглого навершия), как указано выше, является Никольское, кург. 14, погр. 1 рубежа V–IV вв. до н.э., фиксируя появление подобных изделий в Северном Причерноморье, а наиболее поздним – Глиное/Водовод, кург. 7, погр. 4, где такое зеркало попало в захоронение на рубеже IV–III вв. до н.э. Однако большинство аналогичных бронзовых зеркал (7) происходит из погребений второй – третьей четверти IV в. до н.э. (Балабаны, кург. 6, погр. 2; Дубоссары, кург. 18, погр. 1; Когловина I, кург. 5, погр. 3; Кочковатое, кург. 48, погр. 2; Неделково, кург. 9, погр. 1; Николаевка, кург. 23; Пуркары, кург. 1, погр. 6), при этом пять из них, за исключением находок из захоронений Дубоссары, кург. 18, погр. 1 и Николаевка, кург. 23, найдены в могилах третьей четверти указанного столетия.

Наконечники стрел представлены разными типами. Один из них (Глиное/Сад, кург. 11, погр. 4, у правого локтя) наиболее ранний (базисный). Подобные наконечники стрел, появившись у скифов Северо-Западного Причерноморья в первой половине V в. до н.э., получают наибольшее распространение во второй половине указанного столетия [Синика, 2007б, с. 168–169]. Большинство наконечников (Глиное/Сад, кург. 11, погр. 4: один – у левого запястья, четыре – в колчанном наборе; Глиное/Сад, кург. 11, погр. 3) опорновтульчатые. Такие наконечники в скифских могилах Дунайско-Днестровских степей появляются во второй половине V в. до н.э., однако чаще всего встречаются в комплексах IV – начала III в. до н.э. [Синика, 2007б, с. 169–172]. Наконеч, трехгранные наконечники стрел со скрытой втулкой получают самое широкое распространение только во второй половине IV в. до н.э. [Мелюкова, 1964, с. 25; Синика и др., 2013, с. 128]. Один такой наконечник, найденный в колчане в погребении 4 кургана 11 Гли-

ное/Сад, является наиболее поздним из всех обнаруженных в захоронениях кургана.

С учетом изложенного мы датировем все захоронения кургана 11 Глиное/Сад второй половиной (предпочтительно третьей четвертью) IV в. до н.э.

Современное «мифотворчество» о скифских «амазонках»

Публикация женского комплекса с колчаным набором из погребения 4 кургана 11 Глиное/Сад, а также исследование еще трех аналогичных комплексов – Глиное/Водовод, кург. 10, погр. 3 [Синика и др., 2019б], кург. 11, погр. 3 и кург. 16, погр. 5 на левобережье Нижнего Днестра – заставляет нас рассмотреть вопрос о захоронениях скифских «амазонок». На этот счет существует столь обширная научная литература (данные письменных источников об амазонках, их изображения в античной вазописи и торевтике, состав вооружения из женских захоронений и т. д.), что одно ее перечисление, не говоря об анализе, выходит далеко за пределы настоящей работы.

Наиболее важна для нас проблема отнесения тех или иных погребальных комплексов, в которых сочетались предметы вооружения и инвентаря, являющийся/считающийся женским, к захоронениям «амазонок».

Здесь мы впервые обратимся к цитате, вынесенной в эпиграф нашей работы. Семь лет назад двое из ее авторов, рассматривая совершенно другую проблему, заметили, что «ошибочные утверждения, тем более высказанные неоднократно, никем не оспоренные и не оспариваемые, со временем “по умолчанию” приобретают видимость непреложных истин. Такие “истины” в дальнейшем становятся отправной точкой тех или иных научных построений, фундамента которых просто не существует» [Тельнов, Синика, 2013, с. 306]. В полной мере это утверждение относится и к совершенно надуманной проблеме скифских «амазонок» в Северном Причерноморье.

В последнее десятилетие она актуализировалась, поскольку в специальных статьях, назвать которые научными можно с трудом, внезапно «возникли», а точнее, «были созданы» многие десятки захоронений скифских «амазонок», «женщин-воительниц», «жен-

шин-воинов». При этом словосочетание «скифские амазонки», как утверждает, «стало обычным и частоупотребляемым» [Фиалко, 2015, с. 46].

Чтобы не быть голословными, перейдем к анализу некоторых скифских комплексов, объявленных Е.Е. Фиалко принадлежащими скифским «амазонкам» без должных или вообще безо всяких оснований.

Погребение 4 в кургане 13 могильника Буторы I на левобережье Нижнего Днестра было причислено к захоронениям «амазонок» на основании находок, среди прочего инвентаря, фрагментов костяного веретена, двух пряслиц и трех наконечников стрел [Фиалко, 2015, с. 62, рис. 27,А, 28]. При этом исследователя не смутили практически полное ограбление захоронения и отсутствие антропологических определений. В расчет также не была принята возможность, что погребальный комплекс мог быть парным, и в этом случае веретено и пряслица принадлежали женщине, а предметы вооружения – мужчине. Однако этот комплекс, как и многие другие, был столь же безосновательно, как и безоговорочно, включен в обширный список захоронений «амазонок».

Такой «методический прием» применялся Е.Е. Фиалко неоднократно.

Так, ограбленное погребение 2 кургана 2 Дубоссары на левобережье Нижнего Днестра, содержавшее кости одного индивидуума, было отнесено к «сонму амазонок» на основании находок в нем четырех наконечников стрел и 31 бусины [Фиалко, 2015, с. 63, рис. 29,Б]. Здесь нам остается предположить, что основанием для такого заключения стал рисунок в публикации, где все бусины были изображены надетыми на одну нить [Кетрару и др., 2014, с. 45, рис. 34,3]. О том, что они могли составлять браслеты на запястьях, локтевые «браслеты» и иные украшения, которые встречаются в мужских захоронениях [Тельнов и др., 2016, с. 884–885], но не женское ожерелье, автор, очевидно, даже не задумывался.

Совершенно «феноменальными» выглядят две ограбленные могилы «амазонок» в Среднем Подонье, для которых нет антропологических определений. Одним из них является «захоронение ребенка – девочки» в кургане 21 у с. Дуровка, где из вещей сохрани-

лись два наконечника стрел, лепная чашка и восемь стеклянных бусин [Фиалко, 2015, с. 66, рис. 33,Б], другим – погребение 5 в кургане 33 Мастогино, в гробнице которого найдены наконечник стрелы, серьга, бусина и раковина каури [Фиалко, 2015, с. 66, рис. 33,А]. Даже если не рассматривать версию возможного парного захоронения, остается только догадываться, какие из сохранившихся предметов в указанных могилах можно считать исключительно женским инвентарем. По всей видимости, по мнению Е.Е. Фиалко, таковыми являются любая бусина и любая серьга. О бусинах в мужских захоронениях мы уже высказались выше. Относительно серег заметим, что и они изредка (по одной, у одного из висков) встречаются у мужчин [Тельнов и др., 2016, с. 882], с чем ранее соглашалась и сама Е.Е. Фиалко [Фиалко, 1991, с. 11].

В заполнении ограбленной катакомбы 3 кургана 5 могильника Мамай-Гора в Нижнем Поднестровье сохранились одна бусина, восемь наконечников стрел, фрагменты лепных сосудов, железных изделий, два камня, бронзовые бляшки. Антрополог установила, что человеческие кости принадлежали женщине 30–35 лет [Фиалко, 2010, с. 188, рис. 1,7]. В этом случае связь женского костяка с наконечниками стрел совершенно не очевидна; они могли входить и в колчаный набор мужчины, костяк которого грабителями был вынесен из погребальной камеры.

Такой подход к созданию выборки погребений скифских «амазонок» (с включением в нее ограбленных захоронений, как правило, без антропологических определений костяков) не только вызывает неприятие, поскольку не поддерживает никакой критики, но и удивление, поскольку сама Е.Е. Фиалко 30 лет назад в сводке подобных комплексов «решила не учитывать полностью ограбленные погребения» [Фиалко, 1991, с. 8]. Как свидетельствуют приведенные данные, в последнее десятилетие она изменила своим «устаревшим» научным принципам, и не только в этом отношении.

Отдельной категорией скифских «амазонок», судя по работам Е.Е. Фиалко, являются дети (девочки) и подростки женского пола. Важно отметить, что пол детей возрастом до 15 лет на основании морфологического изучения костей скелета вообще не определяет-

ся, а молодых людей в возрасте 15–20 лет – с вероятностью не более 70 % [Martin, Osterholtz, 2015, p. 77]. Выход из данной ситуации заключается только в проведении генетических исследований, если сохранность костей удовлетворительная [Krzewińska et al., 2018, table S3, No. 13–22].

Во всех остальных случаях (то есть почти всегда) археологам остается ограничиваться определениями возраста ребенка, подростка или молодого человека, полученными от антропологов на основании изучения сохранившихся зубов. Предполагаемая половая принадлежность устанавливается с учетом сопровождающего инвентаря. Наше мнение как нельзя более соответствует позиции, изложенной Е.Е. Фиалко в 1991 г.: «Говорить о погребениях девочек с оружием пока не представляется возможным из-за полного отсутствия антропологических определений пола детей. Разделение же детских погребений на погребения мальчиков и девочек лишь на основании погребального инвентаря, на наш взгляд, является необоснованным. Нельзя согласиться с мнением, что погребениями девочек считаются те, единственный инвентарь которых представлен бусами или серьгами. Бронзовые, серебряные или золотые серьги встречаются в инвентаре мужских погребений..., точно так же, как и бусины в качестве застёжки-украшения... Кроме того, говоря о погребениях девочек с оружием, вряд ли можно принимать в расчет те предметы вооружения, в которых они представлены единственным наконечником стрелы» [Фиалко, 1991, с. 11].

Однако и этот подход «устарел» к настоящему времени. В 2013 г. в серию погребений «амазонок» из Нижнего Поднепровья Е.Е. Фиалко включила ограбленную катакомбу 14 грунтового могильника Скельки [Литвинова, 2011; Попандопуло, 2011], содержащую, по определению антрополога, кости ребенка возрастом не более двух лет. Среди находок в заполнении сохранились три наконечника стрел, две бусины и свинцовое «пряслище» [Фиалко, 2013, с. 210, рис. 6]. Последнее изделие, безусловно, является ворворкой и имеет массу аналогий в мужских погребениях Северного Причерноморья. Таким образом, никакого женского инвентаря в могиле нет, и судить о половой принадлежности ре-

бенка нет никаких оснований, не говоря уже о его принадлежности «племен амазонок».

Спустя два года непо потревоженная детская катакомба 3 в кургане 13 могильника Буторы I на левобережье Нижнего Днестра, содержащая две серьги и фрагментированный наконечник стрелы, была названа «могилой девочки-охранницы Буторского кургана» [Фиалко, 2015, с. 62–63, рис. 27, А; 28]. Не оспаривая тот факт, что парные серьги позволяют констатировать женский пол ребенка, заметим, что одного наконечника стрелы совершенно недостаточно, чтобы включать данный погребальный комплекс в список захоронений скифских «амазонок».

Выше мы уже упомянули скифские захоронения Глиное/Водовод, кург. 6, погр. 1; кург. 7, погр. 5; кург. 8, погр. 2; кург. 8, погр. 4; кург. 13, погр. 1; Глиное, кург. 12, погр. 2; кург. 116, погр. 1 на левобережье Нижнего Днестра, свидетельствующие о существовании у скифов традиции размещения стрел поверх тел детей, возле них и на перекрытиях ям. При этом в публикациях этих комплексов данный обряд анализировался, и отмечалось, что он не может указывать на принадлежность детей к воинскому сословию. Этот вывод слишком очевиден, поскольку создать образ детей-воинов и, тем более, девочек-воительниц-«амазонок» может только воспаленное воображение.

Ничуть не меньше фантазии проявлено при атрибуции захоронений взрослых индивидуумов (иногда погребенных вместе с детьми) в качестве захоронений «амазонок».

В заполнении ограбленной катакомбы 49 могильника Скельки в Нижнем Поднепровье был найден один наконечник стрелы, однако его, наряду с определением антрополога (женщина 35–50 лет), оказалось достаточно, чтобы отнести данный комплекс к захоронениям «амазонок» [Фиалко, 2013, с. 207–208, рис. 4, 1–3]. Варианты попадания этого наконечника стрелы в погребение Е.Е. Фиалко, разумеется, не рассматриваются, а они многочисленны (выброшенный грабителями костяк мужчины из катакомбы, причина ранения, случайное попадание предмета с поверхности в силу природных процессов, не связанный с принадлежностью к воинскому сословию элемент обряда, и др.). К сожалению, такие «мелочи»

не могут остановить опытного исследователя на пути создания все более внушительного списка захоронений скифских «амазонок» Северного Причерноморья.

Другие обстоятельства также не принимаются во внимание. И среди них необходимо отметить отнесение к женскому костяку предметов вооружения, которые были положены другому погребенному. В частности, такая «практика» была использована при анализе катакомбы 39 могильника Скельки. В ней находились костяки женщины 30–35 лет (ожерелье на шее) и ребенка 12–14 лет, по определению антрополога. Между локтями погребенных лежала свинцовая ворворка, названная авторами публикации и вслед за ними Е.Е. Фиалко «пряслищем». У правого бедра ребенка лежали наконечники стрел, при этом его тело находилось справа от женщины [Фиалко, 2013, с. 211, рис. 8], а значит, эти наконечники если и составляли колчаный набор, то принадлежали ребенку, а не женщине. Еще пять наконечников стрел были обнаружены в заполнении камеры, а один найден во входной яме. То есть в данном случае никакой связи между предметами вооружения и женским костяком в катакомбе просто нет. Попытка представить данный комплекс в качестве могилы «амазонки» является элементарным искажением совокупности археологической информации во имя заранее установленной цели, которую необходимо достичь любыми средствами.

Еще одно парное захоронение (№ 24) могильника Скельки (женщины 35–40 лет и полуторагодовалого ребенка, по заключению антрополога), среди инвентаря которого находились лепное пряслище и наконечник копья [Фиалко, 2013, с. 211, рис. 7], также было включено в «когарту» погребений «амазонок». Е.Е. Фиалко обратила внимание на необычное размещение наконечника копья: он был положен на дно погребального сооружения, после чего над ним была сооружена «подушка» из материковой глины, а затем уложена женщина так, что центр пера наконечника копья находился под правым коленом. В результате автор допустила, что «сооружение подножной подушки было обусловлено каким-то физическим изъяном женщины (не исключено, что боевым ранением нижних конечностей)» [Фиалко, 2013, с. 217]. Это предположе-

ние, непонятно на чем основанное (все кости поскраниального скелета на чертеже погребения находятся в анатомическом порядке [Попандопуло, 2011, рис. 17, 1]), комментировать мы не станем, ибо в этом нет смысла. Но заметим, что более обоснованной представляется версия вотивного характера размещения наконечника копья, тем более в таком необычном месте погребального сооружения. При этом исследователями неоднократно рассматривались нестандартные позиции наконечников копий (вбитых в дно или стены погребальных сооружений, поставленных острием вверх или вниз), интерпретируемые, например, как свидетельства охраны умерших от злых духов, обезвреживания погребенных и т. д. [Бессонова, 1983, с. 48–49; 1984, с. 8–11; Тельнов и др., 2016, с. 785]. Какая-то из обозначенных версий, несомненно, куда более уместна для объяснения находки наконечника копья в погребении 24 могильника Скельки, чем его интерпретация в качестве захоронения «амазонки».

Противоречит здравому смыслу попытка представить асинхронное захоронение 13 могильника Скельки как погребение «амазонки». Антропологом установлено, что первичным в катакомбе было захоронение мужчины 35–40 лет, костяк которого был нарушен при подзахоронении, а вторичным – парное погребение женщины 25–30 лет и новорожденного ребенка, лежавших ближе ко входу в камеру [Фиалко, 2013, с. 214, рис. 10]. В изголовье погребенных под костями от жертвенной пищи лежали наконечник дротика, его вток и топор. Также были найдены колчаный набор среди костей мужчины, ожерелье на шее женщины и серьга. Подобная ситуация заставила Е.Е. Фиалко сконструировать весьма сложное и неубедительное объяснение того, что оружие якобы принадлежало женщине [Фиалко, 2013, с. 219]. Повторять эти «доводы» мы не будем. Несомненно, их единственное предназначение заключалось в «создании» еще одной скифской «амазонки». Достаточно посмотреть на план погребения, чтобы убедиться, что при подзахоронении костяк мужчины был сдвинут из центра камеры к дальней от входа стенке. Дротик был сломан и вместе с топором брошен к торцевой стенке, поверх этих предметов была положена жертвенная

пища. Серьга, найденная у правого виска женщины, могла принадлежать и мужчине. Таким образом, инвентарем женщины достоверно является только ожерелье, зафиксированное на ее шее [Попандопуло, 2011, с. 35–36, рис. 13, 1].

В погребении 44 могильника Скельки были найдены колчаный набор и кости от жертвенной пищи с ножом. Антропологом было сделано заключение – «женщина? 18–22 лет» [Литвинова, 2011, с. 107], что объясняется, как отмечалось выше, возрастом погребенного. В статье Е.Е. Фиалко вопросительный знак исчез: «Женщина 18–22 лет лежала вытянуто на спине, головой на запад» [Фиалко, 2015, с. 206, рис. 3]. Аналогичным образом был решен вопрос с захоронениями в погребении 3 кургана 6 и погребении 1 кургана 71 могильника Мамай-Гора в Нижнем Поднепровье. Антропологические определения («женщина?») для обоих погребений [Литвинова, 1999, с. 190; 2001, с. 253] были слегка исправлены. При этом Е.Е. Фиалко не обратила внимание на то, что погребение 3 кургана 6 было асинхронным (представляло собой катакомбу с двумя входами, в которой похоронили минимум двоих человек), и что оно было ограблено [Фиалко, 2010, с. 188, рис. 1, 8]. Тот факт, что сверху над ним находились еще два захоронения (кург. 6, погр. 1 и 2) [Андрух, Тощев, 1999, с. 48, 50, рис. 12, 1], вообще не упоминается. Погребение 1 кургана 71 также было ограблено, и найденные в нем «ниже области черепа» шесть бусин оказались достаточным основанием, чтобы считать комплекс погребением «амазонки» [Фиалко, 2010, с. 192, рис. 1, 1]. Таким образом, в результате небольшой и весьма малозаметной «коррекции» заключения антрополога, «возникли» очередные три скифские «амазонки».

Однако исследователь этим не ограничился, поскольку для появления еще одной псевдоамазонки потребовалось оспорить заключение антрополога. Так, ограбленное погребение 26 могильника Скельки, где были обнаружены костяк мужчины (30–35 лет, по заключению антрополога), нож, речная раковина и два наконечника стрел у левого бедра, стало захоронением «амазонки» на основании «необычных» украшений – восьми цилиндрических костяных пронизей, зафиксированных на тазовых костях и вдоль правой ноги. К че-

сти автора отметим, что данный комплекс был причислен «к нашей серии» «с определенной долей сомнения» [Фиалко, 2015, с. 213, рис. 9]. Этим «аргументом» остается только восхищаться. Лучше всего данная ситуация описывается афоризмом, приписываемым классике немецкой философии Гегелю: «Если факты противоречат моей теории – тем хуже для фактов».

Однако самое значительное увеличение «поголовья» скифских «амазонок» в последнее время было зафиксировано Е.Е. Фиалко после публикации скифского могильника III–II вв. до н.э. у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра [Тельнов и др., 2016]. Это «событие» мы не можем оставить без внимания, поскольку авторы данной работы принимали участие в его исследовании, а также поскольку данный памятник находится в непосредственной близости (в 1,7 км к юго-западу) от курганной группы «Сад» у с. Глиное.

Итак, Е.Е. Фиалко «безоговорочно» утверждает, что 16 одиночных женских погребений могильника III–II вв. до н.э. у с. Глиное были захоронениями «амазонок» [Фиалко, 2017, с. 209]. В данной ситуации мы кратко рассмотрим предметы женского инвентаря из каждого комплекса и предметы вооружения, а также укажем возраст погребенных: кург. 6, погр. 2 – парные серьги, предметы ожерелья, один наконечник стрелы справа у таза (20–35 лет) [Тельнов и др., 2016, с. 94]; кург. 14, погр. 2 – парные серьги, зеркало, пряслице, топор слева от погребенной рукоятью вниз (более 20 лет) [Тельнов и др., 2016, с. 136]; кург. 41, погр. 1 – парные серьги, ожерелье, два пряслица, один наконечник стрелы у левого локтя, острием в сторону головы (20–35 лет) [Тельнов и др., 2016, с. 272]; кург. 46, погр. 3 – ожерелье, три пряслица, два наконечника стрел возле висков остриями вниз (20–35 лет) [Тельнов и др., 2016, с. 294, 296]; кург. 57, погр. 1 – западная камера катакомбы, серьга у левого виска, ожерелье, два пряслица, один наконечник стрелы справа у таза (25–30 лет) [Тельнов и др., 2016, с. 353]; кург. 81, погр. 2 – погребение ограблено, ожерелье, два пряслица, один наконечник стрелы в области шеи (35–50 лет) [Тельнов и др., 2016, с. 483–484]; кург. 86, погр. 1 – парные серьги, ожере-

лье, два пряслица, наконечник копья справа от погребенной (более 20 лет) [Тельнов и др., 2016, с. 508]; кург. 91, погр. 2 – ожерелье, два пряслица, наконечник стрелы у правого плеча (возраст не определен) [Тельнов и др., 2016, с. 537]; кург. 96, погр. 2 – парные серьги, ожерелье, один наконечник стрелы справа от таза (ребенок 13–15 лет) [Тельнов и др., 2016, с. 575]; кург. 109, погр. 1 – парные серьги, ожерелье, два пряслица, один наконечник стрелы между правым локтем и грудной клеткой (20–35 лет) [Тельнов и др., 2016, с. 642].

Особо оговорим женские погребения с топором и наконечником копья. Первое из них (кург. 14, погр. 2) было впущено в насыпь «царского» кургана (по меркам III–II вв. до н.э.) [Тельнов и др., 2016, с. 129, рис. 54–59]. Среди инвентаря находилось явно «антикварное» зеркало [Тельнов, Синика, 2014, с. 240–241; Тельнов и др., 2016, с. 895–896; Полин, Дарган, 2019, с. 208–209], а единственный на могильнике двулезвийный топор [Тельнов и др., 2016, с. 782], с учетом общей длины его наконечника (14,6 см), очевидно, являлся инсигнией власти, а не боевым оружием. Какой-то особенный статус был и у женщины, погребенной в катакомбе погребения 1 кургана 86. Справа от нее было положено копье длиной 1,2 м (в неповрежденном комплексе был зафиксирован тлен от древка), наконечник которого, в отличие от всех прочих из мужских погребений могильника, имеет необычную форму [Тельнов и др., 2016, с. 785, 979–980].

Как показывает анализ, из десяти перечисленных комплексов в восьми были найдены наконечники стрел (только в погребении 3 кургана 46 их было два, в остальных комплексах – по одному), в двух других – топор (кург. 14, погр. 2) и копье (кург. 86, погр. 1). Наконечник стрелы из погребения 2 кургана 81, найденный в области шеи вместе с прикипевшими к нему предметами ожерелья, мог являться причиной смерти [Тельнов и др., 2016, с. 484, 776, рис. 272,8]. Наконечники стрел из катакомбы 3 кургана 46, лежавшие у висков погребенной, очевидно, играли роль отсутствующих серег [Тельнов и др., 2016, с. 775]. В остальных комплексах (кург. 6, погр. 2, кург. 57, погр. 1, кург. 96, погр. 2 – справа у/от таза, кург. 91, погр. 2 – у правого плеча, кург. 41, погр. 1 – у левого локтя, кург. 10,

погр. 1 – у правого локтя) размещение наконечников стрел может отражать определенные элементы погребальной обрядности (размещение стрел поверх тела погребенного или возле него), зафиксированные многократно в мужских, женских и детских погребениях [Тельнов и др., 2016, с. 776]. К близкому выводу пришел и Ю.С. Гребенников при анализе скифских захоронений Побужья: «Женским погребением с оружием можно безоговорочно считать лишь такое, когда в нем, помимо типично женского инвентаря (пряслице, зеркало), имеются меч, копье-дротик или колчан со стрелами. ...Разрозненные наконечники... считать оружием нельзя. Разрозненные наконечники есть во всех погребениях, независимо от пола и возраста. Здесь налицо еще одна специфическая деталь погребального обряда» [Гребенников, 2008, с. 79–80].

В этой связи напомним Е.Е. Фиалко о ее собственном, к сожалению, незаслуженно забытом «принципе»: «говоря о погребениях девочек с оружием, вряд ли можно принимать в расчет те предметы вооружения, в которых они представлены единственным наконечником стрелы. Это, впрочем, касается и погребений женщин с оружием» [Фиалко, 1991, с. 11].

Возвращаясь к могильнику III–II вв. до н.э. у с. Глиное, отметим, что Е.Е. Фиалко увидела скифских «воительниц» в четырех детских («девичьих») захоронениях – кург. 12, погр. 2, кург. 33, погр. 2, кург. 35, погр. 2, кург. 68, погр. 2 [Фиалко, 2017, с. 209]. При этом в одном из них (кург. 33, погр. 2) был похоронен ребенок возрастом 8–9 лет, у его левого бедра лежал колчан с шестью стрелами, но никакого инвентаря, который мог бы указывать на женский пол погребенного, обнаружено не было [Тельнов и др., 2016, с. 232]. В трех других катакомбах действительно были погребены девочки: кург. 12, погр. 2 – парные серьги, ожерелье, один наконечник стрелы справа у таза, другой – возле левого плеча (4 года) [Тельнов и др., 2016, с. 121]; кург. 35, погр. 2 – парные серьги, ожерелье, пряслице, один наконечник стрелы у левого плеча (8–9 лет) [Тельнов и др., 2016, с. 245]; кург. 68, погр. 2 – ожерелье, один наконечник стрелы между ног у правого колена (4–5 лет) [Тельнов и др., 2016, с. 414]. Здесь можно только повторить, что подобные случаи размещения наконечников

стрел никак не могут указывать на то, что девочки были «воительницами».

Обнаружила Е.Е. Фиалко захоронения «амазонок» еще и в четырех, по ее мнению, парных захоронениях – Глиное, кург. 9, погр. 1, кург. 13, погр. 1, кург. 67, погр. 4, кург. 113, погр. 1 [Фиалко, 2017, с. 209]. Эти комплексы на самом деле являлись асинхронными [Тельнов и др., 2016, с. 669, 672, 743–744]. Однако этот факт был проигнорирован, поскольку требовалось увеличить число погребений «амазонок». Сделано это было в трех случаях с использованием ранее апробированного «метода», когда предметы вооружения, связанные с мужским костяком, приписываются женщине. В катакомбе 1 кургана 9 тело женщины (парные серьги, ожерелье, пряслице) было внесено в камеру при подзахоронении и положено справа от мужчины, у левого бедра которого находился колчаный набор [Тельнов и др., 2016, с. 109–110]. В захоронении 1 кургана 13 три наконечника стрел лежали у правого локтя мужчины (вторичное захоронение), в то время как костяк женщины (парные височные кольца, ожерелье, веретено с пряслицем) находился слева от мужского [Тельнов и др., 2016, с. 122]. Женщина (ожерелье, парные височные кольца) была внесена в катакомбу 4 кургана 67 при подзахоронении, а два наконечника стрел находились между тазом и правым локтем мужчины, костяк которого находился слева от женского [Тельнов и др., 2016, с. 407–409]. В катакомбе 1 кургана 113 при двух погребенных никакого женского инвентаря вообще не было найдено, и здесь нам приходится только догадываться, на каком основании среди них появилась «амазонка».

На этом Е.Е. Фиалко не остановилась. Используя указание, что половая принадлежность погребенных в катакомбах могильника III–II вв. до н.э. определялась не антропологом, а нами, авторами публикации, что соответствует действительности [Тельнов и др., 2016, с. 80], она констатировала, что «именно поэтому большинство комплексов с оружием попали в число мужских». В итоге к выборке захоронений «амазонок» были добавлены еще 11 погребений (кург. 3, погр. 1, кург. 5, погр. 1, кург. 10, погр. 1, кург. 24, погр. 1, кург. 26, погр. 1, кург. 28, погр. 1, кург. 41, погр. 2, кург. 45, погр. 1, кург. 54, погр. 3, кург. 95,

погр. 1, кург. 104, погр. 1). И основанием для этого стало «присутствие в составе вещевого сопровождения бусинных браслетов и/или каменных плиток (помимо оружия)» [Фиалко, 2017, с. 209]. Здесь важно подчеркнуть, что ни в одном из перечисленных комплексов (одиночных мужских захоронений, не пострадавших от ограблений) не было предметов, являющихся типично женским инвентарем (парных серег, ожерелий, зеркал, пряслиц). Каменные плиты, вопреки представлениям Е.Е. Фиалко, известны в мужских захоронениях [Бессонова, Скорый, 1986, с. 158–160, рис. 1, 1, 2, 4; Тельнов и др., 2016, с. 918; Синика, Тельнов, 2017в, с. 145], равно как и браслеты, составленные из бусин. Последние, например, были выявлены в 27 случаях на запястьях мужчин в катакомбах могильника у с. Глиное [Тельнов и др., 2016, с. 863].

Подытоживая свои «штудии», Е.Е. Фиалко выделила 35 погребений могильника, «в которых похоронено 38 воительниц» [Фиалко, 2017, с. 209–210], и заметила в заключении, «что 35 могил амазонок составляют 19,3 % от общего числа в некрополе и 30 % от числа могил с оружием. Соответственно каждая пятая могила принадлежала воительнице и каждым третьим воином здесь была женщина» [Фиалко, 2017, с. 225]. Эти показатели не только не соответствуют действительности, но и противоречат здравому смыслу, являясь не более чем фантазиями.

Только шесть погребений могильника из перечисленных Е.Е. Фиалко [2017, с. 209] можно считать погребениями женщин-воительниц, при этом пять из них (с наборами от двух до пяти стрел) только с очень большой «натяжкой». В катакомбе 1 кургана 12 была погребена женщина (парные серьги, два пряслица, возраст не определен), у правого бедра которой находились три наконечника стрел [Тельнов и др., 2016, с. 117–119]; в захоронении 1 кургана 19 (три пряслица, возраст 20–35 лет) – три наконечника стрел у левого бедра [Тельнов и др., 2016, с. 159, 161]; в погребении 1 кургана 23 (парные серьги, ожерелье, два пряслица, зеркало, возраст более 20 лет) – пять наконечников стрел у левого бедра [Тельнов и др., 2016, с. 183–184, 186]; в катакомбе 1 кургана 31 (парные серьги, ожерелье, зеркало, два пряслица, возраст менее 20 лет) –

два наконечника стрел у левого бедра, топор возле правой голени [Тельнов и др., 2016, с. 211, 215–216]; в комплексе кург. 91, погр. 1 (парные височные кольца, ожерелье, зеркало, два пряслица, возраст 20–35 лет) – три наконечника стрел у левого бедра [Тельнов и др., 2016, с. 532–533, 535]. Только одна катакомба, несомненно, принадлежала женщине-воину. В катакомбе 1 кургана 103 при погребенной возрастом 15–20 лет были найдены парные серьги, ожерелье, зеркало, два пряслица, а также колчанный набор, лежавший у левого локтя и состоявший из 17 наконечников стрел [Тельнов и др., 2016, с. 610–611].

С учетом того, что за все время исследования могильника III–II вв. до н.э. у с. Глиное было изучено 183 катакомбы, предназначавшиеся для захоронений (в том числе одного символического – кенотафа) минимум 282 человек [Тельнов и др., 2016, с. 744; Синика, Тельнов, 2018б], указанные шесть погребений женщин составляют только 3,27 % от общего количества могил и только 2,12 % от общего количества погребенных. И вот эти цифры куда более соответствуют истинному положению вещей, в отличие от фантастического показателя (19,3 % всех могил – это захоронения «амазонок»), указанного Е.Е. Фиалко [2017, с. 225]. Кроме того, приведенные нами расчеты коррелируют с данными об очень невысокой «милитаризации» скифского общества в III–II вв. до н.э. [Синика, Тельнов, 2015, с. 187–189; Тельнов и др., 2016, с. 786–789], которые, будучи опубликованными до выхода из печати работы Е.Е. Фиалко, либо не были ей известны, либо были сочтены не заслуживающими внимания.

Также необходимо отметить, что подобная картина была зафиксирована в примыкающих друг к другу курганных группах Глиное/Водовод и Глиное/Сад, образовывавших на протяжении V – первой трети III в. до н.э. памятник, который обычно называют могильником. За все время их изучения (2013, 2015–2019 гг.) авторами настоящей работы были раскопаны, помимо более ранних и более поздних, 94 скифских захоронения, предназначавшихся для погребений (в том числе десяти символических – кенотафов) минимум 102 человек. При этом, как отмечено выше, всего четыре могилы (Глиное/Сад, кург. 11, погр. 4; Гли-

ное/Водовод, кург. 10, погр. 3, кург. 11, погр. 3, кург. 16, погр. 5) принадлежали женщинам-воинам, что составляет только 4,25 % от общего количества могил и только 3,92 % от общего количества погребенных. Эти показатели совершенно не «поразительным» образом совпадают с теми, что мы указали для более позднего (III–II вв. до н.э.) могильника у с. Глиное.

Более того, если количество достоверных женских захоронений с оружием (9) могильника Мамай-Гора в Нижнем Поднепровье [Фиалко, 2010], за исключением указанных нами выше (кург. 5, погр. 3, кург. 6, погр. 3, кург. 71, погр. 1) и некорректно отнесенных Е.Е. Фиалко к «амазонкам», сопоставить с общим количеством опубликованных скифских погребальных комплексов этого памятника (317), то в очередной раз мы будем констатировать совершенно не «удивительное» совпадение – 2,83 %.

Причиной указанных «совпадений», несомненно, является тот факт, что на всех трех памятниках (Глиное/Водовод и Глиное/Сад V – первой трети III в. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра; Мамай-Гора VI–IV вв. до н.э. в Нижнем Поднепровье; Глиное III–II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра) были проведены масштабные работы, результатом которых стало формирование достаточной источниковой базы, позволяющей делать столь точные выводы и одновременно столь категоричные заключения.

Эти выводы в корне противоречат многократно обозначенным заявлениям Е.Е. Фиалко: «В общем массиве скифских погребений с оружием 25 % принадлежит женщинам» [Фиалко, 1991, с. 15]; «в могильнике Мамай-Гора... каждым десятым воином была женщина, и каждая одиннадцатая женщина носила оружие» [Фиалко, 2010, с. 196]; «каждым четвертым воином у скифов Северного Причерноморья была женщина» [Фиалко, 2011, с. 28]; «в Скелянском могильнике отмечен самый большой процент погребений амазонок среди некрополей Степной Скифии. ...В могильнике похоронено 22 воина, половину из которых составляют женщины... каждая вторая женщина носила оружие» [Фиалко, 2013, с. 220]; «в скифской культуре погребения вооруженных женщин составляют более 25 %» [Фиалко, 2015, с. 90–91]; на некрополе Глиное «каждая пятая могила принадлежала воитель-

нице и каждым третьим воином здесь была женщина» [Фиалко, 2017, с. 225].

Как нами показано, эти «громогласные» заявления были сделаны на основе некорректного анализа археологических данных (ограбленные погребения, как правило, без антропологических определений; захоронения маленьких детей с предметами вооружения; погребения взрослых с предметами вооружения, которые не могут указывать на воинскую принадлежность; отнесение предметов вооружения, положенных в парных и асинхронных погребениях мужчине, к инвентарю женщин; умышленная «коррекция» и безосновательное оспаривание антропологических определений; использование браслетов из бусин и каменных плит в качестве исключительно женского инвентаря), целью которого, очевидно, являлось формирование корпуса погребений скифских «амазонок» Северного Причерноморья.

Данная попытка явно не удалась: «искусственное вычленение погребений женщин с оружием из общего массива скифских женских погребений, тем более в одном могильнике и даже в одном кургане, и рассмотрение их как особой группы погребений, и тем более их соотнесение с мифическими амазонками (см. работы Е.Е. Фиалко), является абсолютно надуманным и произвольным» [Полин, Дараган, 2019, с. 213].

Заключительные положения

Курган 11 группы Глиное/Сад, исследованный у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра в 2018 г., содержал материалы, которые представляют интерес для изучения скифской культуры не только Северо-Западного, но и всего Северного Причерноморья. В насыпи, возведенной во второй половине (предпочтительно третьей четверти) IV в. до н.э., было одно детское и три женских захоронения. В каждой женской могиле находилось зеркало. Два из них были положены под тело погребенных, при этом под одним зеркалом, с отломанной в древности ручкой, лежала игла. В изголовье одной из женщин была положена каменная плита, предварительно полностью обожженная. Из комплекса погребения 3 кургана 11 группы Глиное/Сад происходят парные серьги, одно из окончаний которых оформлено в виде конического утолщения, что свидетельствует о фракийском

влиянии на материальную культуру скифов Северо-Западного Причерноморья. В двух погребениях были обнаружены наконечники стрел и одно из них (Глиное/Сад, кург. 11, погр. 4) можно считать погребением женщины-воина.

Последнее обстоятельство заставило авторов настоящей работы проанализировать комплексы скифских «амазонок» Северного Причерноморья. Оказалось, что многие из них таковыми не являются, будучи включенными в список погребений псевдоамазонок в результате грубейших нарушений научной методики, умолчания «ненужных» фактов, искажения совокупности археологической информации или пренебрежения ею.

С учетом огромного накопленного к настоящему времени материала очевидно, что компетентный и непредвзятый анализ комплексов с предметами вооружения позволяет различать три группы скифских захоронений Северного Понта: 1) с предметами вооружения, размещение которых отражает определенные «этнографические» особенности обряда (наконечники стрел, положенные на перекрытие погребального сооружения, поверх или возле тела; топоры, мечи, наконечники копий, боевые ножи, наконечники стрел, вбитые или воткнутые в дно/стенку могилы, а также положенные под тело умершего) или особый статус погребенного, например, являющимися инсигниями власти; 2) с наконечниками стрел, которые могут свидетельствовать об охотничьем промысле (колчаные наборы, состоявшие из двух-пяти стрел); 3) погребения воинов с разнообразными и многочисленными предметами вооружения. Во всех трех группах достоверно женские захоронения крайне немногочисленны в процентном соотношении.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее при указании курганов и погребений в курганных группах «Сад» и «Водовод» у с. Глиное используется как равнозначная следующая конструкция: Глиное/Сад, Глиное/Водовод – где первое слово обозначает наименование населенного пункта, у которого располагается памятник, второе слово – наименование курганной группы.

² Определение кандидата биологических наук, младшего научного сотрудника Института зоологии им. И.И. Шмальгаузена НАН Украины (Киев) Е.Ю. Яниш, за что выражаем ей огромную признательность.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

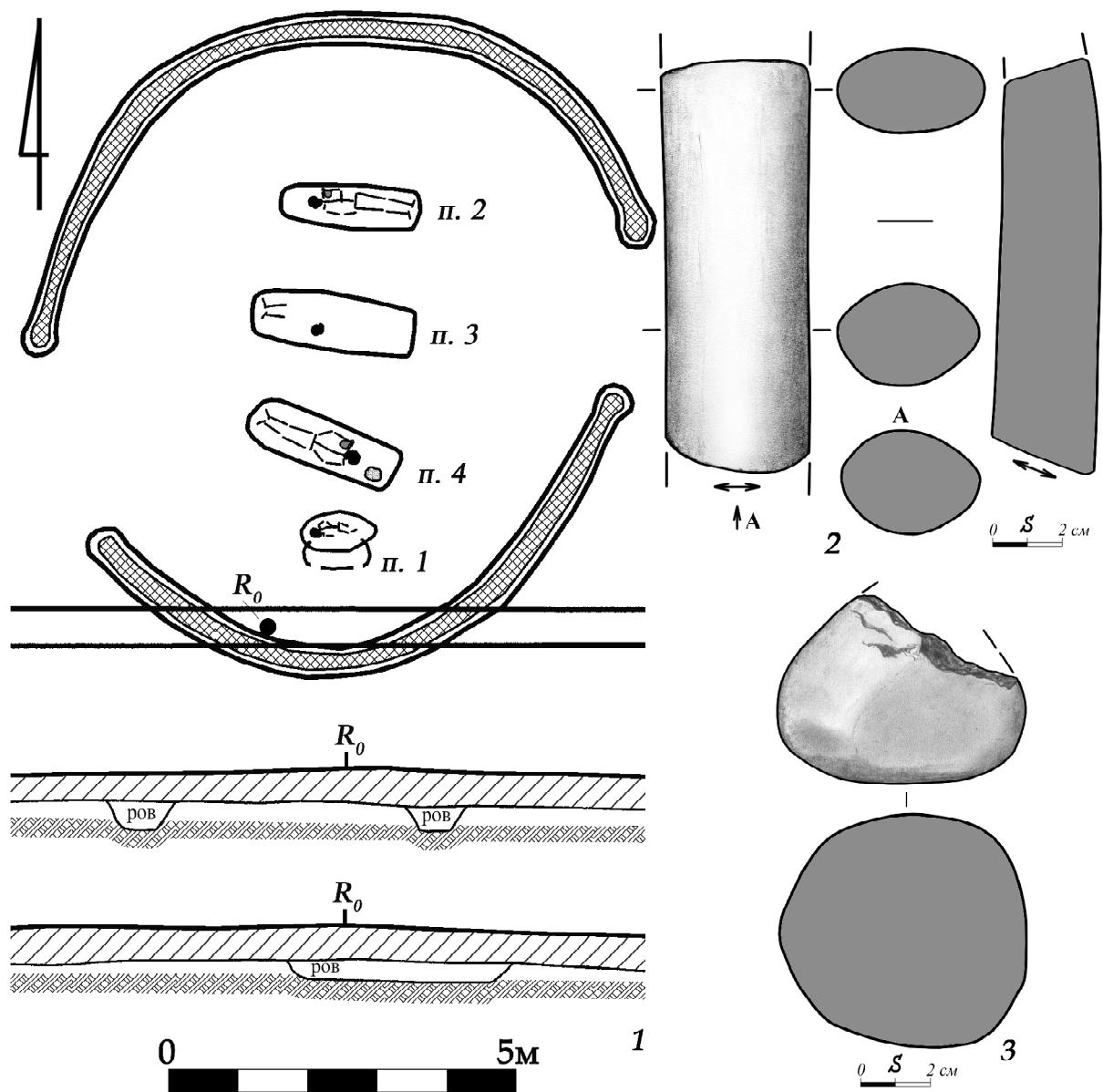

Рис. 1. Курган 11 группы «Сад» у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра:

1 – план кургана; 2, 3 – находки из насыпи

Fig. 1. Barrow 11 of the “Garden” group near the Glinoe village, Slobodzeya district, on the left bank of the Lower Dniester:

1 – plan of the barrow; 2, 3 – finds from the mound

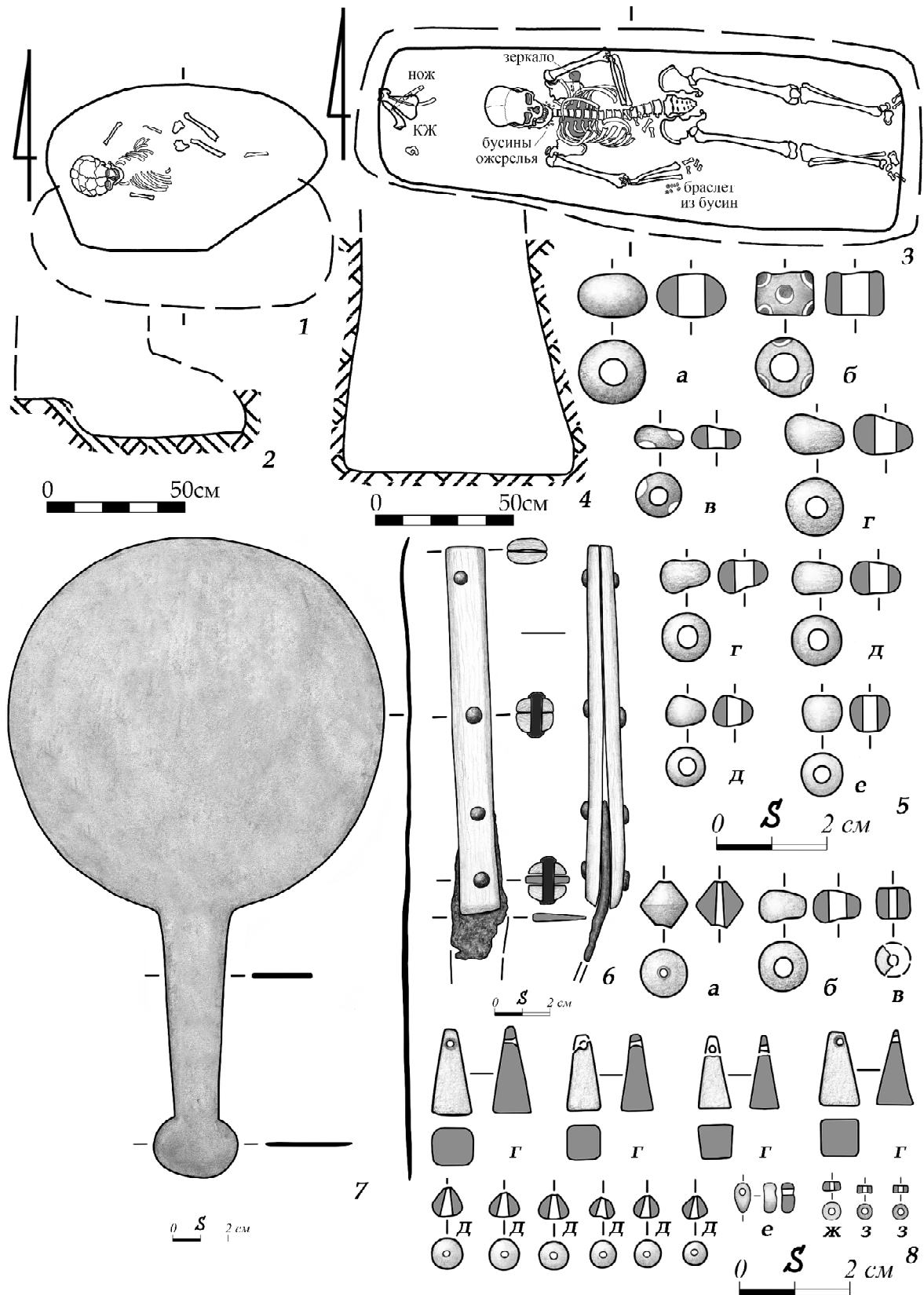

Рис. 2. Погребения 1 и 2 кургана 11 группы «Сад»:

1, 2 – план и разрез погребения 1; 3, 4 – план и разрез погребения 2; 5–8 – инвентарь погребения 2

Fig. 2. Graves 1 and 2 of the barrow 11 of the "Garden" group:

1, 2 – plan and section of burial 1; 3, 4 – plan and section of burial 2; 5–8 – grave goods from the burial 2

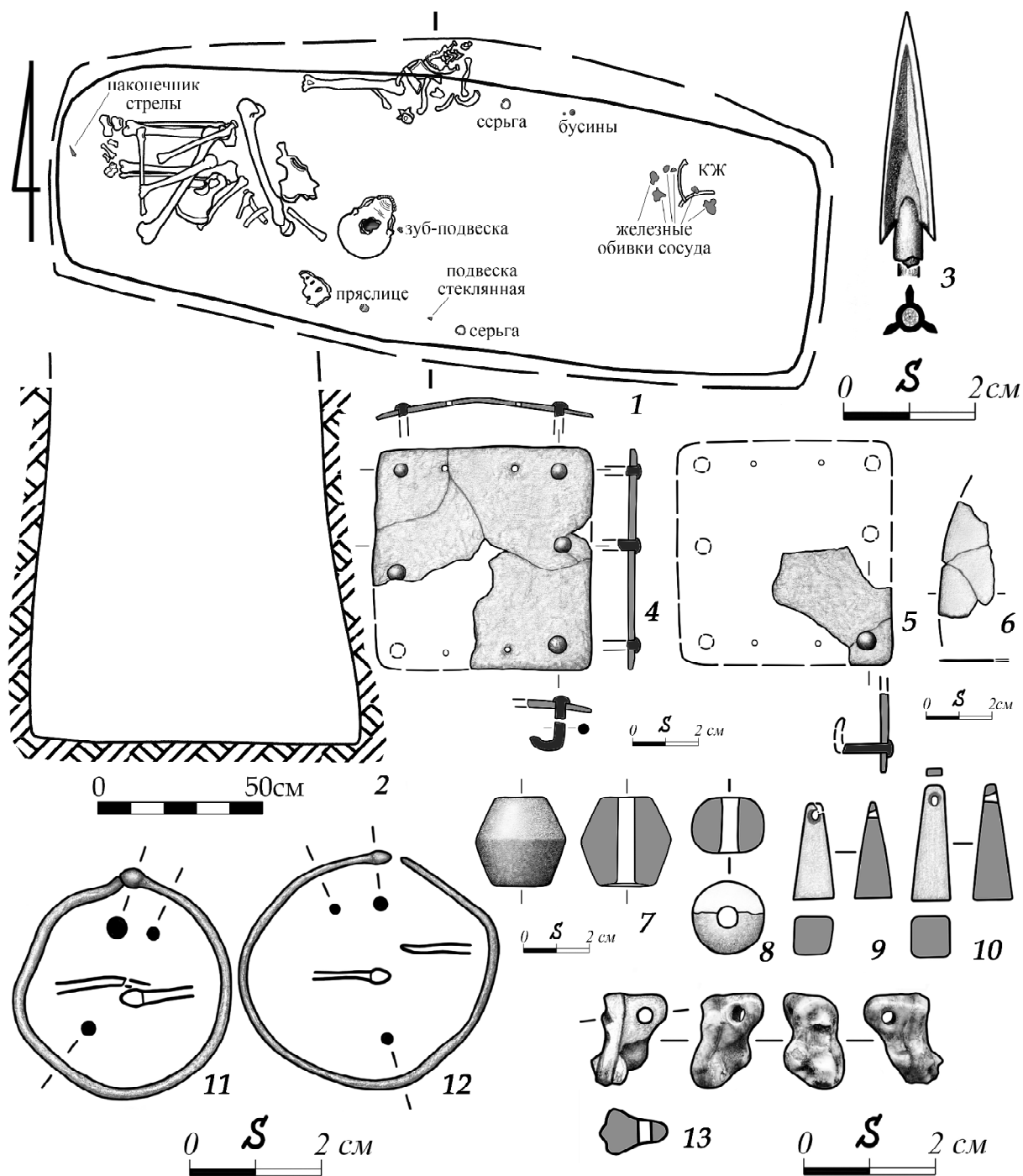

Рис. 3. Погребение 3 кургана 11 группы «Сад»:

1, 2 – план и разрез погребения; 3–13 – инвентарь

Fig. 3. Burial 3 of the barrow 11 of the “Garden” group:

1, 2 – plan and section of the burial; 3–13 – grave goods from the burial

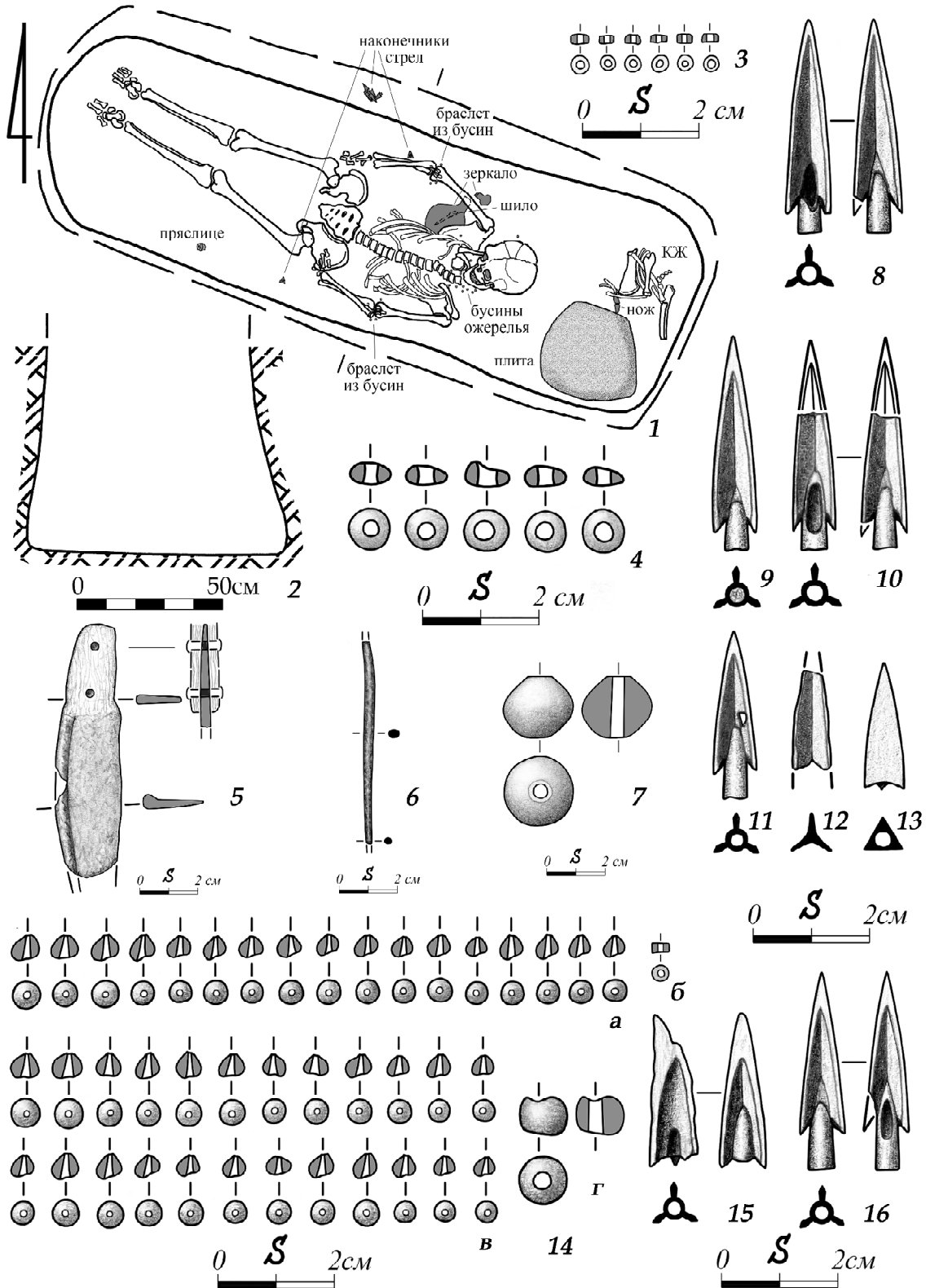

Рис. 4. Погребение 4 кургана 11 группы «Сад»:

1, 2 – план и разрез погребения; 3–16 – инвентарь

Fig. 4. Burial 4 of the barrow 11 of the "Garden" group:

1, 2 – plan and section of the burial; 3–16 – grave goods from the burial

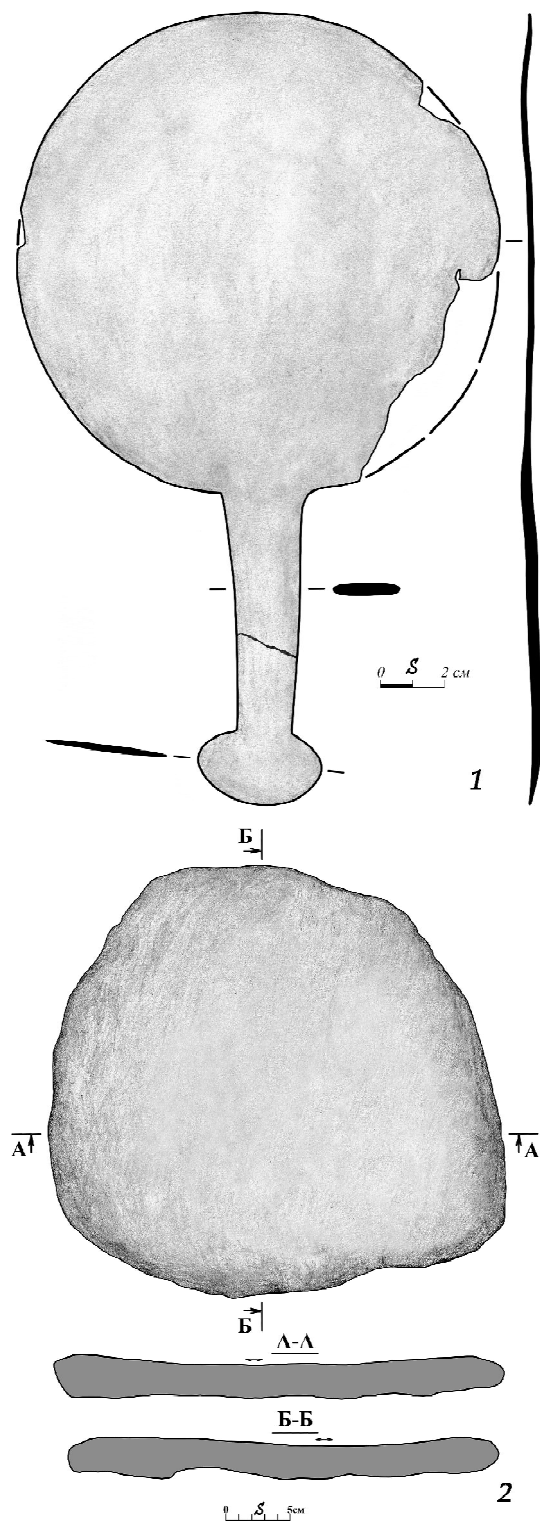

Рис. 5. Бронзовое зеркало (1) и каменная плита (2) из погребения 4 кургана 11 группы «Сад»
Fig. 5. The bronze mirror (1) and the stone slab (2) from the grave 4 of the barrow 11 of the “Garden” group

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП УРСР – Археологічні пам’ятки Української Радянської Соціалістичної Республіки. Київ.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
САИ – Свод археологических источников СССР. М.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- Агульников С., Сава Е., 2004. Исследования курганов на левобережье Днестра. Кишинев : СЕР USM. 243 с.
- Алексеева И. Л., 1977. Отчет о раскопках курганов Нижне-Днестровской (новостроечной) экспедицией Института археологии Академии наук УССР в зоне строительства I очереди Нижне-Днестровской оросительной системы (с. Яски, Беляевский район) // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1976/87. 47 с., 56 ил.
- Андрух С. И., Суничук Е. Ф., 1987. Захоронения зажиточных скифов в Низовьях Дуная // Новые исследования по археологии Северного Причерноморья. Киев : Наукова думка. С. 38–46.
- Андрух С. И., Тошев Г. Н., 1999. Могильник Мамай-Гора. Кн. I. Запорожье : ИА НАН Украины : Изд-во ЗГУ. 232 с.
- Бессонова С. С., 1983. Религиозные представления скифов. Киев : Наукова думка. 138 с.
- Бессонова С. С., 1984. О культе оружия у скифов // Вооружение скифов и сарматов. Киев : Наукова думка. С. 3–21.
- Бессонова С. С., Скорый С. А., 1986. Погребение скифского воина из Акташского могильника в Восточном Крыму // Советская археология. № 4. С. 158–170.
- Болтрик Ю. В., Фиалко Е. Е., 2011. Зеркало из кургана Огуз // Восточноевропейские древности скифской эпохи. Вып. 1. Воронеж : Научная книга. С. 85–97.
- Ванчугов В. П., Субботин Л. В., Дзиговский А. Н., 1992. Курганы приморской части Днестро-Дунайского междуречья. Киев : Наукова думка. 92 с.
- Гребенников Ю. С., 2008. Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IX–III вв. до н.э.). Николаев : Илион. 192 с.
- Гудкова А. В., Суничук Е. Ф., 1985. Полевой отчет Орловского курганного отряда Буджакской археологической экспедиции в 1984 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1984/3а. 103 с., 180 табл.
- Гудкова А. В., Тошев Г. М., Фокеев М. М., Андрух С. И., 1985. Отчет о работе Измаильской новостроечной экспедиции в 1984 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1984/158. 124 с.
- Дзис-Райко Г. А., 1965. Раскопки могильника в с. Николаевка на Днестровском лимане // Краткие сообщения о полевых исследованиях Одесского государственного археологического музея за 1963 год. Одесса : Маяк. С. 59–68.
- Кетрару Н. А., Синика В. С., Разумов С. Н., Тельнов Н. П., 2014. Дубоссарские курганы. Серия: Археологические памятники Приднестровья. II. Тирасполь : Stratum plus. 240 с.
- Ковалева И. Ф., 1999. Скифские погребения правобережного Предстепья // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье : Изд-во ЗГУ. С. 128–131.
- Литвинова Л. В., 1999. Антропологический материал из могильника Мамай-Гора // Андрух С. И., Тошев Г. Н. Могильник Мамай-Гора. Кн. I. Запорожье : ИА НАН Украины : Изд-во ЗГУ. С. 188–209.
- Литвинова Л. В., 2001. Антропологический материал из могильника Мамай-Гора // Андрух С. И. Могильник Мамай-Гора. Кн. II. Запорожье : ИА НАН Украины : Изд-во ЗГУ. С. 246–271.
- Литвинова Л. В., 2011. Антропологический материал из грунтового могильника «Скельки» // Попандопуло З. Х. Скифский грунтовой могильник Скельки. Запорожье : Запорожский областной краеведческий музей. С. 91–113.
- Марченко И. И., 1996. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар : Изд-во КубГУ. 340 с.
- Медведев А. П., 1990. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та. 220 с.

- Мелюкова А. И., 1962. Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И.Я. и Л.П. Стемпковских) // Памятники скифо-сарматской культуры. МИА. № 115. С. 114–166.
- Мелюкова А. И., 1964. Вооружение скифов. САИ. Вып. Д1-4. М. : Наука. 92 с., 23 табл.
- Мелюкова А. И., 1975. Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка. М. : Наука. 260 с.
- Мозолевский Б. Н., 1973. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности. Киев : Наукова думка. С. 187–234.
- Никитенко И. С., Лысенко С. Д., 2014. Результаты минералого-петрографического анализа изделий из камня могильника Малополовецкое-3 и поселения Малополовецкое-2А (Киевская область) // *Stratum plus*. № 2. С. 333–344.
- Никитин В. И., 2018. Курганы Нижнего Поингулья. Николаев : Илион. 160 с.
- Ольховский В. С., 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М. : Наука. 256 с.
- Петренко В. Г., 1978. Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. САИ. Вып. Д4-5. М. : Наука. 144 с.
- Полин С. В., Дараган М. Н., 2019. Зеркала в погребениях геродотовых скифов Северного Причерноморья второй половины V – IV в. до н.э. // *Античный мир и археология*. Вып. XIX. Саратов : Техно-Декор. С. 201–241.
- Попандопуло З. Х., 2011. Скифский грунтовый могильник Скельки. Запорожье : Запорожский областной краеведческий музей. 116 с.
- Раевский Д. С., 2006. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии // Раевский Д. С. Мир скифской культуры. М. : Языки славянских культур. С. 15–262.
- Редина Е. Ф., 1999. Скифский могильник Неделково на севере Одесской области // *Stratum plus*. № 3. С. 75–80.
- Савва Е. Н., Агульников С. М., Манзура И. В., 1985. Отчет о полевых исследованиях Буджакской новоотроенной экспедиции в 1984 г. // Архив Национального музея истории Молдовы. № 212. 149 с.
- Синика В. С., 2007а. Погребальные памятники скифской культуры VII – начала III в. до н.э. на территории Днестро-Прутско-Дунайских степей : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 28 с.
- Синика В. С., 2007б. Погребальные памятники скифской культуры VII – начала III в. до н.э. на территории Днестро-Прутско-Дунайских степей : дис. ... канд. ист. наук. М. 238 с.
- Синика В. С., Лысенко С. Д., Тельнов Н. П., 2018а. Скифский курган 9 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра с литиком «монетного» типа // *Причерноморье в античное и раннесредневековое время*. Вып. 2. Ростов н/Д : Изд-во Южного Федерального университета. С. 166–176.
- Синика В. С., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., 2018б. Скифские погребения кургана 4 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра // *Вестник Нижневартковского государственного университета*. № 1. С. 111–119.
- Синика В. С., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., 2018в. Скифский курган 7 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: История. Политология. Социология. № 1. С. 125–138.
- Синика В. С., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., 2018г. Скифский курган 8 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра // *Известия Самарского научного центра РАН*. Т. 20, № 3. С. 234–244.
- Синика В. С., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., 2018д. Скифский курган 8 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. № 2. С. 78–93.
- Синика В. С., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., 2018е. Скифский курган с детскими погребениями на левобережье Нижнего Днестра // *Записки Института истории материальной культуры РАН*. Вып. 18. С. 69–79.
- Синика В. С., Лысенко С. Д., Тельнов Н. П., Разумов С. Н., 2019а. Скифский курган 7 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье // *Stratum plus*. № 3. С. 365–390.
- Синика В. С., Лысенко С. Д., Разумов С. Н., Тельнов Н. П., 2019б. Скифский курган 10 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра // *Oriental studies*. № 5. С. 822–844. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-45-5-822-844>.
- Синика В. С., Лысенко С. Д., Тельнов Н. П., Разумов С. Н., 2019в. Скифский курган второй половины V в. до н.э. в Нижнем Поднестровье // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 22, № 1. С. 6–19. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.1.1>.

- Синика В. С., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., Разумов С. Н., 2019г. Скифское захоронение в нестандартной позе на левобережье Нижнего Днестра // *Contribuții la preistoria și istoria antică a spațiului carpato-danubiano-pontic. In honorem professoris Ion Niculiță natalia sua octogesima celebrantis. Chișinău : Cartididact. С. 281–295.*
- Синика В. С., Лысенко С. Д., Разумов С. Н., Тельнов Н. П., 2020. Скифское погребение в необычной катакомбе на Нижнем Днестре // *Stratum plus. № 3.*
- Синика В. С., Разумов С. Н., Тельнов Н. П., 2013. Курганы у с. Буторы. Серия: Археологические памятники Приднестровья. I. Тирасполь : Полиграфист. 148 с.
- Синика В. С., Разумов С. Н., Тельнов Н. П., 2016. Археологическое наследие Приднестровья. Тирасполь : Полиграфист. 156 с.
- Синика В. С., Тащи Е. Ф., Тельнов Н. П., Четвериков И. А., 2012. Поселение Красное на левобережье Нижнего Днестра // *Stratum plus. № 3. С. 187–215.*
- Синика В. С., Тельнов Н. П., 2015. Комплекс вооружения и предметов воинского снаряжения из скифского могильника конца IV–II вв. до н.э. у с. Глиное в Нижнем Поднестровье // *Война и военное дело в скифо-сарматском мире : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти А. И. Мелюковой (с. Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.). Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН. С. 180–190.*
- Синика В. С., Тельнов Н. П., 2016а. Скифский курган № 1 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра // *Емінак. № 4 (16). С. 45–53.*
- Синика В. С., Тельнов Н. П., 2016б. Скифское захоронение с тамгой рубежа IV–III вв. до н.э. с левобережья Нижнего Днестра // *Новое прошлое. № 4. С. 258–272.*
- Синика В. С., Тельнов Н. П., 2016в. Скифское погребение с литиком-скарабеоидом с левобережья Нижнего Днестра // *Стародавнє Причорномор'я. XI. Одеса : Одеський національний університет імені І.І. Мечникова. С. 488–499.*
- Синика В. С., Тельнов Н. П., 2017а. Скифские курганы 2 и 3 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье // *Новое прошлое. № 4. С. 286–306.*
- Синика В. С., Тельнов Н. П., 2017б. Скифское погребение с уникальным амулетом с левобережья Нижнего Днестра // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. № 8 (257), вып. 42. С. 5–12.*
- Синика В. С., Тельнов Н. П., 2017в. Скифское погребение с фракийской фибулой на Нижнем Днестре // *Stratum plus. № 3. С. 131–152.*
- Синика В. С., Тельнов Н. П., 2018а. Курган 5 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра и скифские кенотафы Северо-Западного Причерноморья // *Самарский научный вестник. Т. 7, № 1 (22). С. 133–144.*
- Синика В. С., Тельнов Н. П., 2018б. Скифский курган 116 первой половины III в. до н.э. у с. Глиное // *Древности. Исследования и проблемы : сб. ст. в честь 70-летия Н. П. Тельнова. Кишинев ; Тирасполь : Stratum plus. С. 223–266.*
- Синика В. С., Тельнов Н. П., 2018в. Фракийские украшения и аксессуары костюма из скифских погребений левобережья Нижнего Днестра (находки 2016–2017 гг.) // *Народы и культуры Нижнего Дуная в древности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Измаил, 23–26 августа 2018 г.). Измаил : Ирбис. С. 163–179.*
- Синика В. С., Тельнов Н. П., Загордонец О. А., 2017. Скифский курган № 4 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра // *Самарский научный вестник. Т. 6, № 2 (19). С. 108–113.*
- Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М. : Наука. 380 с.
- Субботин Л. В., Островерхов А. С., Охотников С. Б., Редина Е. Ф., 1992. Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья. Киев : Препринт. 48 с.
- Субботин Л. В., Разумов С. Н., Синика В. С., 2017. Семеновские курганы. Серия: Археологические памятники Приднестровья. IV. Тирасполь : Stratum plus. 180 с.
- Тельнов Н. П., Синика В. С., 2013. Гетское погребение на левобережье Днестра и некоторые проблемы фракийского погребального обряда // *Tyragetia. S. n. Vol. VII (XXII). Nr. 1. С. 297–309.*
- Тельнов Н. П., Синика В. С., 2014. Зеркала из позднескифского могильника конца IV – II в. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // *IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье (г. Краснодар, 28–30 мая 2014 г.). Краснодар : Традиция. С. 239–249.*

- Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Синика В. С., 2016. Скифский могильник III–II вв. до н.э. у с. Глиное. Серия: Археологические памятники Приднестровья. III. Тирасполь : Stratum plus. 1096 с.
- Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н., 1973. Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности. Киев : Наукова думка. С. 113–186.
- Фиалко Е. Е., 1991. Погребения женщин с оружием у скифов // Курганы Степной Скифии. Киев : Наукова думка. С. 4–18.
- Фиалко Е. Е., 2010. Погребения амазонок из могильника Мамай-Гора // Stratum plus. № 3. С. 187–196.
- Фиалко Е. Е., 2011. Амазонки Причерноморских степей // Восточноевропейские древности скифской эпохи. Вып. 1. Воронеж : Научная книга. С. 23–37.
- Фиалко Е. Е., 2013. Серия погребений амазонок из Нижнего Поднепровья // Stratum plus. № 3. С. 203–222.
- Фиалко Е. Е., 2015. Амазонки во времени и пространстве // Археологія і давня історія України. Вип. 4 (17). С. 46–99.
- Фиалко Е. Е., 2017. Серия погребений скифских воительниц в могильнике у с. Глиное (Молдова) // Археологія і давня історія України. Вип. 2 (23). С. 208–227.
- Фокеев М. М., 1991. Отчет о раскопках 1990 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1990/61. 23 с., 29 рис.
- Чеботаренко Г. Ф., Яровой Е. В., Тельнов Н. П., 1989. Курганы Буджакской степи. Кишинев: Штиинца. 212 с.
- Яровой Е. В., 1990. Курганы энеолита – эпохи бронзы Нижнего Поднестровья. Кишинев: Штиинца. 272 с.
- Băţ M., Zănoşi A., Cojocari E., 2019. Tezaurul de piese de podoabă de la Mateuţi: noi date şi interpretări // Contribuţii la preistoria şi istoria antică a spaţiului carpato-danubiano-pontic. In honorem professoris Ion Niculiţă natalia sua octogesima celebrantis. Chişinău : Cartididact. P. 297–322.
- Fidelschi S. A., 2006. Dezvoltarea meşteşugului la populaţia sedentară din regiunea Nistrului Inferior (după rezultatele săpăturilor la aşezarea pluristratificată Ciobruciu) // Tirageti. XV. P. 24–33.
- Krzewińska M., Kiliń G. M., Juras A., Koptekin D., Chyleński M., Nikitin A. G., Shcherbakov N., Shuteleva I., Leonova T., Kraeva L. A., Sungatov F. A., Sultanova A. N., Potekhina I., Łukasik S., Krenz-Niedbala M., Dalén L., Sinika V., Jakobsson M., Storå J., Götherström A., 2018. Ancient genomes suggest the Pontic-Caspian steppe as the source of western Iron Age Nomads // Science Advances. Vol. 4, No. 10. DOI: 10.1126/sciadv.aat4457.
- Łukasik S., 2019a. Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe SAD site, Moldova: barrows 11-14. Poznań, 10 January 2019. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol. 6 p.
- Łukasik S., 2019b. Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Vodovod site, Moldova: barrows 9-16. Poznań, 28 January 2019. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol. 16 p.
- Martin D. L., Osterholtz A. J., 2015. Bodies and lives in ancient America: Health before Columbus. London : Routledge. 176 p.
- Sinika V. S., Lysenko S. D., Telnov N. P., 2017. Scythian complexes of the barrows 5 and 6 from the “Garden” group on the left bank of the Lower Dniester // Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. № 4 (2). С. 156–173.

REFERENCES

- Agul'nikov S., Sava E. 2004. *Issledovaniya kurganov na levoberezh'e Dnestra* [Studies of Barrows on the Left Bank of the Dniester]. Kishinev, CEPUSM. 243 p.
- Alekseeva I.L., 1977. Otchet o raskopkakh kurganov Nizhne-Dnestrovskoy (novostroyechnoy) ekspeditsiyey Instituta arkheologii Akademii nauk USSR v zone stroitel'stva I ocheredi Nizhne-Dnestrovskoy orositel'noy sistemy (s. Yasski, Belyayevskiy rayon) [Report on Excavations of the Barrows of the Lower Dniester (Rescue) Expedition of the Institute of Archeology of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR in the Zone in the Building of the First Stage of the Dniester Irrigation System (Yassky Village, Belyaevka District)]. *Nauchnyy arkhiv Instituta arkheologii NAN Ukrainy*, no. 1976/87. 47 p., 56 fig.
- Andruk S.I., Sunichuk E.F., 1987. Zakhoroneniya zashchitnykh skifov v Nizov'yakh Dunaya [Graves of the Noble Scythians in the Lower Danube Region]. *Novyye issledovaniya po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya* [New Investigations into the Archaeology of Northern Pontic Region]. Kiev, Naukova dumka Publ., pp. 38-46.

- Andrukh S.I., Toshchev G.N., 1999. *Mogil'nik Mamay-Gora* [Mamai-Gora Cemetery], book I. Zaporizhzhya, IA NASU, Zaporizhzhya National University. 232 p.
- Bessonova S.S., 1983. *Religioznye predstavleniya skifov* [Religious Conceptions of the Scythians]. Kiev, Naukova dumka Publ. 138 p.
- Bessonova S.S., 1984. O kul'te oruzhiya u skifov [On the Cult of Weapons of the Scythians]. *Vooruzheniye skifov i sarmatov* [The Armament of Scythians and Sarmatians]. Kiev, Naukova dumka Publ., pp. 3-21.
- Bessonova S.S., Skory S.A., 1986. Pogrebeniye skifskogo voina iz Aktashskogo mogil'nika v Vostochnom Krymu [A Burial of a Scythian Warrior from the Aktash Burial Ground in the Eastern Crimea]. *Sovetskaya arkhologiya* [Soviet Archaeology], no. 4, pp. 158-170.
- Boltrik Yu.I., Fialko E.E., 2011. Zerkalo iz kurgana Oguz [Mirror from the Oguz Kurgan]. *Vostochnoyevropeyskiye drevnosti skifskoy epokhi* [East European Antiquities of the Scythian Era], iss. 1. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., pp. 85-97.
- Vanchugov V.P., Subbotin L.V., Dzigovsky A.N., 1992. *Kurgany primorskoy chasti Dnestro-Dunayskogo mezhdurech'ia* [Barrows of the Coastal Part of Dniester-Danube Interfluvium]. Kiev, Naukova dumka Publ. 92 p.
- Grebennikov Yu.S., 2008. *Kimmeriytsy i skify Stepnogo Pobuzh'ia (IX–III vv. do n.e.)* [Cimmerians and Scythians of the Steppe Bug Region (9th – 3rd Centuries BC)]. Nikolaev, Iliion Publ. 192 p.
- Gudkova A.V., Sunichuk E.F., 1985. Polevoy otchet Orlovskogo kurgannogo otryada Budzhakskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1984 g. [Field Report of the Orlovka Barrow Team, Budzhak Archaeological Expedition, in 1984]. *Nauchnyy arkhiv Instituta arkheologii NAN Ukrainy*, no. 1984/3a. 103 p., 180 fig.
- Gudkova A.V., Toshchev G.M., Fokeev M.M., Andrukh S.I., 1985. Otchet o rabote Izmail'skoy novostroyechnoy ekspeditsii v 1984 g. [Report on the Fieldworks of the Izmail Rescue Expedition in 1984]. *Nauchnyy arkhiv Instituta arkheologii NAN Ukrainy*, no. 1984/158. 124 p.
- Dzis-Rayko G.A., 1965. Raskopki mogil'nika v s. Nikolayevka na Dnestrovskom limane [Excavations of the Cemetery near the Nikolaevka Village on the Dniester Firth]. *Kratkiye soobshcheniya o polevykh issledovaniyakh Odesskogo gosudarstvennogo arkheologicheskogo muzeya za 1963 god* [Concise Bulletins on the Fieldworks of the Odessa State Archaeological Museum in 1963]. Odessa, Mayak Publ., pp. 59-68.
- Chetraru N.A., Sinika V.S., Razumov S.N., Telnov N.P., 2014. *Dubossarskiye kurgany. Seriya: Arkheologicheskiye pamyatniki Pridnestrov'ia* [Dubossary Barrows. Archaeological Sites of Pridnestrovie]. II. Tiraspol, Stratum plus Publ. 240 p.
- Kovalyova I.F., 1999. Skifskiy pogrebeniya pravoberezhnogo Predstep'ya [Scythian Graves of the Right-bank Dnieper Border of the Steppe and Forest-Steppe]. *Problemy skifo-sarmatskoy arkheologii Severnogo Prichernomor'ya (k 100-letiyu B.N. Grakova)* [Problems of Scythian and Sarmatian Archeology of the Northern Pontic Region]. Zaporozhye, Zaporozhye State University, pp. 182-187.
- Litvinova L.V., 1999. Antropologicheskii material iz mogil'nika Mamay-Gora [Anthropological Material from the Mamai-Gora Cemetery]. *Andrukh S.I., Toshchev G.N. Mogil'nik Mamay-Gora* [Mamai-Gora Cemetery], book I. Zaporozhye, IA NASU, Zaporizhzhya National University, pp. 188-209.
- Litvinova L.V., 2001. Antropologicheskii material iz mogil'nika Mamay-Gora [Anthropological Material from the Mamai-Gora Cemetery]. *Andrukh S.I. Mogil'nik Mamay-Gora* [Mamai-Gora Cemetery], book II. Zaporozhye, IA NASU, Zaporizhzhya National University, pp. 246-271.
- Litvinova L.V., 2011. Antropologicheskii material iz gruntovogo mogil'nika «Skel'ki» [Anthropological Material from the Cemetery Without Mounds “Skel'ki”]. *Popandopulo Z.X. Skifskiy gruntovyy mogil'nik Skel'ki* [Scythian Cemetery Without Mounds Skel'ki]. Zaporozhye, Zaporizhzhya Regional Museum of Local Lore, pp. 91-113.
- Marchenko I.I., 1996. *Siraki Kubani (po materialam kurgannykh pogrebeniy Nizhney Kubani)* [Kuban Siraces (Based on the Materials from the Barrow Burials from Lower Kuban Region)]. Krasnodar, Kuban State University. 340 p.
- Medvedev A.P., 1990. *Sarmaty i lesostep' (po materialam Podon'ya)* [Sarmatians and Forest-Steppe Zone (on the Materials from the Don River Region)]. Voronezh, Voronezh University. 220 p.
- Melukova A.I., 1962. *Skifskiy kurgany Tiraspol'shchiny (po materialam I.Ya. i L.P. Stempkovskikh)* [Scythian Barrows of the Tiraspol Region (Based on Materials of I.Ya. and L.P. Stempkovskie)]. *Pamyatniki skifo-sarmatskoy kul'tury. Materialy i issledovaniya po arkhologii SSSR*, no. 115, pp. 114-166.

- Melyukova A.I., 1964. *Vooruzheniye skifov* [Scythian Armament]. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, iss. Д1-4. Moscow, Nauka Publ. 92 p., 23 tables.
- Melyukova A.I., 1975. *Poseleniye i mogil'nik skifskogo vremeni u s. Nikolayevka* [Settlement and Necropolis of Scythian Age near the Village of Nikolaevka]. Moscow, Nauka Publ. 260 p.
- Mozolevskiy B.N., 1973. Skifskiye pogrebeniya u s. Nagornoye bliz g. Ordzhonikidze na Dnepropetrovshchine [Scythian Graves Near the Nagornoe village Near the Ordzhonikidze City in the Dnipropetrovsk Region]. *Skifskiye drevnosti* [Scythian Antiquities]. Kiev, Naukova dumka Publ., pp. 187-234.
- Nikitenko I.S., Lysenko S.D., 2014. Rezul'taty mineralogo-petrograficheskogo analiza izdeliy iz kamnya mogil'nika Malopolovetskoye-3 i poseleniya Malopolovetskoye-2A (Kiyevskaya oblast') [Results of the Mineralogical and Petrographic Analysis of Stone Goods from the Burial Ground Malopolovetskoye-3 and the Settlement Malopolovetskoye-2A (Kiev Region)]. *Stratum plus*, no. 2, pp. 333-344.
- Nikitin V.I., 2018. *Kurgany Nizhnego Poingul'ya* [Barrows of the Lower Ingul Region]. Nikolayev, Ilion Publ. 160 p.
- Olkhovskiy V.S., 1991. *Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' naseleniya stepnoy Skifii (VII–III vv. do n.e.)* [The Funerary and Commemorative Rites of the Population of Steppe Scythia (7th-3rd Centuries BC)]. Moscow, Nauka Publ. 256 p.
- Petrenko V.G., 1978. *Ukrasheniia Skifii VII–III vv. do n.e.* [Decorations of Scythia: 5th-3rd Centuries BC]. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, iss. Д4-5. Moscow, Nauka. 144 p.
- Polin S.V., Daragan M.N., 2019. Zerkala v pogrebeniyakh gerodotovyykh skifov Severnogo Prichernomor'ia vtoroy poloviny V – IV v. do n.e. [Mirrors in the Graves of the Herodotus Scythians of the North Black Sea Region of the Second Half of the 5th-4th Centuries BC]. *Antichnyy mir i arkhologiya* [Ancient World an Archaeology], iss. XIX. Saratov, Techno- Décor, pp. 201-241.
- Popandopulo Z.Kh., 2011. *Skifskiy gruntovyy mogil'nik Skel'ki* [Scythian Soil Cemetery Skel'ki]. Zaporozhye, Zaporizhzhya Regional Museum of Local Lore. 116 p.
- Rayevskiy D.S., 2006. Ocherki ideologii skifo-sakskikh plemen. Opyt rekonstruktsii skifskoy mifologii [Essays on the Ideology of Scythian-Saka Tribes. Experience in the Reconstruction of Scythian Mythology]. *Rayevskiy D.S. Mir skifskoy kul'tury* [World of Scythian Culture]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., pp. 15-262.
- Redina E.F., 1999. Skifskiy mogil'nik Nedelkovo na severe Odesskoy oblasti [The Scythian Cemetery Nedelkovo on the North of the Odessa Region]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 75-80.
- Savva E.N., Agulnikov S.M., Manzura I.V., 1985. Otchet o polevykh issledovaniyakh Budzhakskoy novostroyechnoy ekspeditsii v 1984 g. [Report on the Fieldworks of the Budzhak Rescue Expedition in 1984]. *Arkhiv Natsionalnogo muzeya istorii Moldovy* [Archive of the Museum of Archaeology and History of Moldova], no. 212. 149 p.
- Sinika V.S., 2007a. *Pogrebal'nyye pamyatniki skifskoy kul'tury VII – nachala III v. do n.e. na territorii Dnestro-Prutsko-Dunayskikh stepey: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Funeral Sites of Scythian Culture of the 7th – Beginning of the 3rd Century BC on the Territory of Dniester-Prut-Danube Steppes. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow. 28 p.
- Sinika V.S., 2007b. *Pogrebal'nyye pamyatniki skifskoy kul'tury VII – nachala III v. do n.e. na territorii Dnestro-Prutsko-Dunayskikh stepey: dis. ... kand. ist. nauk* [Funeral sites of Scythian Culture of the 7th – beginning of the 3rd Century BC on the territory of Dniester-Prut-Danube steppes. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow. 238 p.
- Sinika V.S., Lysenko S.D., Tel'nov N.P., 2018a. Skifskiy kurgan 9 gruppy «Sad» na levoberezh'ye Nizhnego Dnestra s litikom «monetnogo» tipa [Scythian Barrow 9 from the “Garden” Group on the Left Bank of the Lower Dniester with the Lithique of the Coin Type]. *Prichernomor'ye v antichnoye i rannesrednevekovoye vremya* [Black Sea Region in Ancient and Early Medieval Time], iss. 2. Rostov-on-Don, South federal University, pp. 166-176.
- Sinika V.S., Tel'nov N.P., Lysenko S.D., 2018b. Skifskiye pogrebeniya kurgana 4 gruppy «Sad» na levoberezh'ye Nizhnego Dnestra [Scythian Burials from Barrow 4 of the “Garden” Group on the Left Bank of the Lower Dniester]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bulletin of Nizhnevartovsk State University], no. 1, pp.111-119.
- Sinika V.S., Tel'nov N.P., Lysenko S.D., 2018v. Skifskiy kurgan 7 gruppy «Sad» v Nizhnem Podnestrov'ye [Scythian Barrow 7 of the “Garden” Group in Lower Dniester Region]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology], no. 1, pp. 125-138.

- Sinika V.S., Tel’nov N.P., Lysenko S.D., 2018r. Skifskiy kurgan 8 gruppy «Vodovod» na levoberezh’ye Nizhnego Dnestra [Scythian Barrow 8 of the “Sluiceway” Group on the Left Bank of the Lower Dniester]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], vol. 20, no. 3, pp. 234-244.
- Sinika V.S., Tel’nov N.P., Lysenko S.D., 2018d. Skifskiy kurgan 8 gruppy «Sad» na levoberezh’ye Nizhnego Dnestra [Scythian Barrow 8 of the “Garden” Group on the Left Bank of the Lower Dniester]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], no. 2, pp. 78-93.
- Sinika V.S., Tel’nov N.P., Lysenko S.D., 2018e. Skifskiy kurgan s detskimi pogrebeniyami na levoberezh’ye Nizhnego Dnestra [Scythian Barrow with Children’s Burials on the Left Bank of the Lower Dniester]. *Zapiski Instituta istorii material’noy kul’tury RAN* [Notes of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences], iss. 18, pp. 69-79.
- Sinika V.S., Lysenko S.D., Tel’nov N.P., Razumov S.N., 2019a. Skifskiy kurgan 7 gruppy «Vodovod» v Nizhnem Podnestrov’ye [Scythian Barrow 7 of the “Vodovod” Group in the Lower Dniester Region]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 365-390.
- Sinika V.S., Lysenko S.D., Razumov S.N., Tel’nov N.P., 2019f. Skifskiy kurgan 10 gruppy «Vodovod» na levoberezh’e Nizhnego Dnestra [Scythian Barrow 10 of the Vodovod “Sluiceway” Group on the Left Bank of the Lower Dniester]. *Oriental studies*, no. 5. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-45-5-822-844>.
- Sinika V.S., Lysenko S.D., Tel’nov N.P., Razumov S.N., 2019b. Skifskiy kurgan vtoroy poloviny V v. do n.e. v Nizhnem Podnestrov’e [“New” Scythian Complex of the 3rd Century BC on the Right Bank of the Lower Dniester Region]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 22, no. 3, pp. 6-19. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.1.1>.
- Sinika V.S., Tel’nov N.P., Lysenko S.D., Razumov S.N., 2019r. Skifskoye zakhoroneniye v nestandartnoy poze na levoberezh’e Nizhnego Dnestra [Scythian Grave in a Non-Standard Position on the Left Bank of the Lower Dniester]. *Contribuții la preistoria și istoria antică a spațiului carpato-danubiano-pontic. In honorem professoris Ion Niculiță natalia sua octogesima celebrantis*. Chișinău : Cartididact Publ., pp. 281-295.
- Sinika V.S., Lysenko S.D., Razumov S.N., Tel’nov N.P., 2020. Skifskoye pogrebeniye v neobychnoy katakombe na Nizhnem Dnestre [Scythian Grave in Unusual Catacomb in the Lower Dniester]. *Stratum plus*, no. 3.
- Sinika V.S., Razumov S.N., Tel’nov N.P., 2013. *Kurgany u s. Butory* [Barrows Near Butory Village]. Seriya: Arkheologicheskiye pamyatniki Pridnestrov’ia. I. Tiraspol’, Poligrafist Publ. 148 p.
- Sinika V.S., Razumov S.N., Tel’nov N.P., 2016. *Arkheologicheskoye naslediyе Pridnestrov’ya* [Archaeological Heritage of Pridnestrovie]. Tiraspol’, Poligrafist Publ. 156 p.
- Sinika V.S., Tashchi E.F., Tel’nov N.P., Chetverikov I.A., 2012. Poseleniye Krasnoye na levoberezh’e Nizhnego Dnestra [Krasnoe Settlement on the Left Bank of the Lower Dniester]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 187-215.
- Sinika V.S., Tel’nov N.P., 2015. Kompleks vooruzheniya i predmetov voinskogo snaryazheniya iz skifskogo mogil’nika kontsa IV – II v. do n.e. u s. Glinoye v Nizhnem Podnestrov’ye [A Complex of Armament and Items of Warrior’s Outfit from the Scythian Burial Field of the late 4th – 2nd Centuries BC Near the Village of Glinoe in the Lower Dniester]. *Voyna i voyennoye delo v skifo-sarmatskom mire: materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. pamyati A.I. Melyukovoy (s. Kagal’nik, 26–29 aprelya 2014 g.)* [The War and the Military in the Scythian-Sartmatian World. Proceedings of International Scientific Conference in Tribute to the Memory of A.I. Melyukova (Kagal’nik, 26–29 April 2014)]. Rostov-on-Don, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, pp. 180-190.
- Sinika V.S., Tel’nov N.P., 2016a. Skifskiy kurgan № 1 gruppy «Vodovod» na levoberezh’ye Nizhnego Dnestra [Scythian Barrow 1 of the “Vodovod” Group on the Left Bank of the Lower Dniester]. *Eminak*, no. 4 (16), pp. 45-53.
- Sinika V.S., Tel’nov N.P., 2016b. Skifskoye zakhoroneniye s tamgoy rubezha IV–III vv. do n.e. s levoberezh’ia Nizhnego Dnestra [Scythian Burial With Tamga of the Turn of the 4th – 3rd Centuries BC from the Left Bank of the Lower Dniester]. *The New Past*, no. 4, pp. 258-272.
- Sinika V.S., Tel’nov N.P., 2016b. Skifskoye pogrebeniye s litikom-skarabeoidom s levoberezh’ya Nizhnego Dnestra [Scythian Grave with Lithique from the Left Bank of the Lower Dniester]. *Starodavne Prichornomor’ya*. XI. Odesa, Odesa national university named after I.I. Mechnikov, pp. 488-499.
- Sinika V.S., Tel’nov N.P., 2017a. Skifskiyе kurgany 2 i 3 gruppy «Sad» v Nizhnem Podnestrov’е [Scythian Barrows 2 and 3 from the “Garden” Group in the Lower Dniester Region]. *The New Past*, no. 4, pp. 286-306.

- Sinika V.S., Tel'nov N.P., 2017б. Skifskoye pogrebeniye s unikal'nym amuletom s levoberezh'ya Nizhnego Dnestra [Scythian Burial with Unique Amulet from the Left bank of The Lower Dniester]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya* [Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science], iss. 42, no. 8 (257), pp. 5-12.
- Sinika V.S., Tel'nov N.P., 2017в. Skifskoye pogrebeniye s frakiyskoy fibuloy na Nizhnem Dnestre [The Scythian Grave With Fibula of the Thracian Type from the Lower Dniester Region]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 131-152.
- Sinika V.S., Tel'nov N.P., 2018а. Kurgan 5 gruppy «Vodovod» na levoberezh'e Nizhnego Dnestra i skifskiye kenotafy Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya [Barrow 5 of the "Vodovod" Group on the Left Bank of the Lower Dniester and Scythian Cenotaphs of the North-West Black Sea Region]. *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara Scientific Bulletin], vol. 7, no. 1 (22), pp. 133-144.
- Sinika V.S., Tel'nov N.P., 2018б. Skifskiy kurgan 116 pervoy poloviny III v. do n.e. u s. Glinoye [Scythian barrow 116 of the first half of the 3rd century BC near Glinoe village]. *Drevnosti. Issledovaniya i problemy: sb. st. v chest' 70-letiya N. P. Tel'nova* [Antiquities. Studies and Issues: Essays in Honour of Nicolai Telnov on the Occasion of his 70th Birthday]. Kishinev; Tiraspol, Stratum plus, pp. 223-266.
- Sinika V.S., Tel'nov N.P., 2018в. Frakiyskiye ukrasheniya i aksesuary kostyuma iz skifskikh pogrebeniy levoberezh'ya Nizhnego Dnestra (nakhodki 2016–2017 gg.) [Thracian Adornments and Costume Accessories from Scythian Graves on the Left Bank of the Lower Dniester (finds of 2016-2017)]. *Narody i kul'tury Nizhnego Dunaya v drevnosti: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Izmail, 23–26 avgusta 2018 g.)* [Peoples and Cultures of the Lower Danube in Antiquity. Materials of the International Scientific and Practical Conference (Izmail, August 23-26, 2018).]. Izmail, Irbis Publ., pp. 163-179.
- Sinika V.S., Tel'nov N.P., Zakordonets O.A., 2017. Skifskiy kurgan № 4 gruppy «Vodovod» na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [Scythian Barrow 4 of the "Sluiceway" Group on the Left Bank of the Lower Dniester]. *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara Scientific Bulletin], vol. 6, no. 2 (19), pp. 108-113.
- Smirnov K.F., 1964. *Savromaty (rannaya istoriya i kul'tura sarmatov)* [Sauromatians. Early History and Culture of Sarmatians]. Moscow, Nauka Publ. 380 p.
- Subbotin L.V., Ostroverkhov A.S., Okhotnikov S.B., Redina E.F., 1992. *Skifskiye drevnosti Dnestro-Dunayskogo mezhdurech'ia* [Scythian Antiquities of the Dniester-Danube Interfluv]. Kiev, Preprint Publ. 48 p.
- Subbotin L.V., Razumov S.N., Sinika V.S., 2017. *Semenovskiy kurgany* [Semyonovka Barrows]. Seriya: Arkheologicheskiye pamyatniki Pridnestrov'ia. IV. Tiraspol, Stratum plus. 180 p.
- Tel'nov N.P., Sinika V.S., 2013. Getskoye pogrebeniye na levoberezh'ye Dnestra i nekotoryye problemy frakiyskogo pogrebalnogo obryada [The Getae Burial on the Left Bank of the Dniester and Some Problems of the Thracian Burial Practice]. *Tyrageia*. S. n., vol. VII (XXII), no. 1, pp. 297-309.
- Tel'nov N.P., Sinika V.S., 2014. Zerkala iz pozdneskifskogo mogil'nika kontsa IV – II v. do n.e. u s. Glinoye na levoberezh'ye Nizhnego Dnestra [Mirrors from the Late Scythian Cemetery of the End of the 4th – 2nd Centuries BC Near Glinoe Village on the Left Bank of the Lower Dniester]. *IV «Anfimovskie chteniya» po arkheologii Zapadnogo Kavkaza. Zapadnyy Kavkaz v kontekste mezhdunarodnykh otnosheniy v drevnosti i srednevekov'e (g. Krasnodar. 28–30 maya 2014 g.)* [The 4th "Anfimov Readings" on the Archeology of the Western Caucasus. The Western Caucasus in the Context of International Relations in the Antiquity and the Middle Ages (Krasnodar, May 28-30, 2014).]. Krasnodar, Tradiciya Publ., pp. 239-249.
- Tel'nov N.P., Chetverikov I.A., Sinika V.S., 2016. *Skifskiy mogil'nik III–II vv. do n.e. u s. Glinoye* [Scythian Cemetery of the 3rd-2nd Centuries BC near the Glinoe Village]. Seriya: Arkheologicheskiye pamyatniki Pridnestrov'ia. III. Tiraspol, Stratum plus. 1096 p.
- Terenozhkin A.I., Il'inskaya V.A., Chernenko E.V., Mozolevskiy B.N., 1973. Skifskiye kurgany Nikopol'shchiny [Scythian Barrows of the Nikopol Region]. *Skifskie drevnosti* [Scythian Antiquities]. Kiev, Naukova dumka Publ., pp. 113-186.
- Fialko E.E., 1991. Pogrebeniya zhenshhin s oruzhiem u skifov [Women Graves with Weapon]. *Kurgany Stepnoy Skifii* [Barrows of the Steppe Scythia]. Kiev, Naukova dumka Publ., pp. 4-18.
- Fialko E.E., 2010. Pogrebeniya amazonok iz mogil'nika Mamay-Gora [Amazons' Tombs from Mamay-Gora Cemetery]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 187-196.
- Fialko E.E., 2011. Amazonki Prichernomorskikh stepey [Amazons of the Black Sea Steppes]. *Vostochnoyevropeyskiye drevnosti skifskoy epokhi* [Eastern European Antiquities of the Scythian Epoch], iss. 1. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., pp. 23-37.
- Fialko E.E., 2013. Seriya pogrebeniy amazonok iz Nizhnego Podneprov'ya [A Series of Amazons' Burials from the Lower Dnieper Area]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 203-222.

- Fialko E.E., 2015. Amazonki vo vremeni i prostranstve [Amazons in the Time and Space]. *Arheologiya i davnya istoriya Ukraïni* [Archaeology and Ancient History of the Ukraine], iss. 4 (17), pp. 46-99.
- Fialko E.E., 2017. Seriya pogrebeniy skifskikh voitel'nits v mogilnike u s. Glinoye (Moldova) [A Series of Scythian Female Warrior's Burials from the Cemetery Near Glinoye Village (Moldova)]. *Arheologiya i davnya istoriya Ukraïni* [Archaeology and Ancient History of the Ukraine], iss. 2 (23), pp. 208-227.
- Fokeev M.M., 1991. Otchet o raskopkakh 1990 g. [Report on the Excavations of 1990]. *Archive of the Archaeology Institute of the Ukraine National Academy of Sciences*, no. 1990/61. 23 p., 29 fig.
- Chebotarenko G.F., Yarovoy E.V., Telnov N.P., 1989. *Kurgany Budzhakskoy stepi* [Barrows of the Budyak Steppe]. Kishinev, Shtiitsa Publ. 212 p.
- Yarovoy E.V., 1990. *Kurgany eneolita – epokhi bronzy Nizhnego Podnestrov'ia* [Barrows of Eneolithic and Bronze Age in the Lower Dniester Region]. Kishinev, Shtiitsa Publ. 272 p.
- Băț M., Zancoi A., Cojocari E., 2019. Tezaurul de piese de podoabă de la Mateuți: noi date și interpretări. *Contribuții la preistoria și istoria antică a spațiului carpato-danubiano-pontic. In honorem professoris Ion Niculiță natalia sua octogesima celebrantis*. Chișinău, “Cartididact” Publ., pp. 297-322.
- Fidelschi S.A., 2006. Dezvoltarea meșteșugului la populația sedentară din regiunea Nistrului Inferior (după rezultatele săpăturilor la așezarea pluristratificată Ciobruciu). *Tiragetia*, XV, pp. 24-33.
- Krzewińska M., Kiliń G.M., Juras A., Koptekin D., Chyleński M., Nikitin A.G., Shcherbakov N., Shuteleva I., Leonova T., Kraeva L.A., Sungatov F.A., Sultanova A.N., Potekhina I., Łukasik S., Krenz-Niedbała M., Dalén L., Sinika V., Jakobsson M., Storå Ja., Götherström A., 2018. Ancient genomes suggest the Pontic-Caspian steppe as the source of western Iron Age Nomads. *Science Advances*, vol. 4, no. 10, eaat4457 (2018); doi: 10.1126/sciadv.aat4457.
- Łukasik S., 2019. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe SAD site, Moldova: barrows 11-14. Poznań, 10 January 2019*. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol. 6 p.
- Łukasik S., 2019. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Vodovod site, Moldova: barrows 9-16. Poznań, 28 January 2019*. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol. 16 p.
- Martin D.L., Osterholtz A.J., 2015. *Bodies and lives in ancient America: Health before Columbus*. London, Routledge. 176 p.
- Sinika V.S., Lysenko S.D., Telnov N.P., 2017. Seriya pogrebeniy skifskikh voitel'nits v mogilnike u s. Glinoye (Moldova) of the barrows 5 and 6 from the «Garden» group on the left bank of the Lower Dniester. *Tractus aevorum*, no. 4 (2), pp. 156-173.

Information About the Authors

Vitalij S. Sinika, Candidate of Sciences (History), Scientific Laboratory “Archaeology”, Pridnestrovian State University, 25 October St., 107, 3300 Tiraspol, Pridnestrovia, Moldova, sinica80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1621-9205>

Sergey D. Lysenko, Candidate of Sciences (History), Department of the Chalcolithic and the Bronze age, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Prosp. Geroev Stalingrada, 12, 04210 Kiev, Ukraine, suraganga@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9624-0364>

Sergey N. Razumov, Candidate of Sciences (History), Scientific Laboratory “Archaeology”, Pridnestrovian State University, 25 October St., 107, 3300 Tiraspol, Pridnestrovia, Moldova, razum_22@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6030-9390>

Nikolaj P. Telnov, Candidate of Sciences (History), Department of Antique and Medieval Archeology, Institute of Cultural Heritage, Ministry of Education, Culture and Research, Stefan cel Mare Bd., 1, 2001 Kishinev, Moldova, telnov_nikolai@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6878-0216>

Sylwia Łukasik, PhD, adjunct, Department of Human Evolutionary, Biology Institute of Anthropology, Adam Mickiewicz University, Umultowska, 89, 61-614 Poznań, Poland, lukasik@amu.edu.pl, <https://orcid.org/0000-0003-2210-7434>

Информация об авторах

Виталий Степанович Синика, кандидат исторических наук, заведующий научно-исследовательской лабораторией «Археология», Приднестровский государственный университет, ул. 25 Октября, 107, 3300 г. Тирасполь, Приднестровье, Молдова, sinica80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1621-9205>

Сергей Дмитриевич Лысенко, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела энеолита – бронзового века, Институт археологии Национальной академии наук Украины, просп. Героев Сталинграда, 12, 04210 г. Киев, Украина, suraganga@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9624-0364>

Сергей Николаевич Разумов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Археология», Приднестровский государственный университет, ул. 25 Октября, 107, 3300 г. Тирасполь, Приднестровье, Молдова, razum_22@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6030-9390>

Николай Петрович Тельнов, кандидат исторических наук, заведующий Отделом античной и средневековой археологии, Институт культурного наследия Министерства образования, культуры и исследований, бульвар Штефан чел Маре, 1, 2001 г. Кишинев, Молдова, telnov_nikolai@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6878-0216>

Сильвия Лукасик, PhD, адъюнкт Отдела эволюционной биологии человека, Институт антропологии, Университет им. А. Мицкевича, ул. Умултовска, 89, 61-614 г. Познань, Польша, lukasik@amu.edu.pl, <https://orcid.org/0000-0003-2210-7434>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.5>

UDC 902.1
LBC 63.4(2)

Submitted: 04.03.2020
Accepted: 29.04.2020

ARCHED OBJECTS (NOSEBAND) AS PART OF A HORSE HARNESS OF THE EARLY NOMADS OF THE SOUTHERN URALS

Sergey V. Sirotin

Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The presented article analyzes a series of objects, which are parts of the horse harness of the early nomads in the Southern Urals of the 4th century BC. These are arched objects (nosebands) designed to increase the efficiency of horse control. The article provides a brief overview of the history of these items being discovered in the steppe complexes. In particular, attention is focused on the archaeological context of these objects as part of horse harness. The article contains all currently known finds of these objects found in the Southern Urals. Separately, the article discusses the issues of the burials chronology, where these horse harness accessories are found. The appearance of such an element in horse harness was caused by over all increasing level of military activity in nomadic communities. An analysis of the burials where arcuate objects (nosebands) were found shows that the period of their appearance and distribution in the Southern Urals dates to the second half of the 4th century BC. Attention is drawn to the fact that most of these objects are found in rich, status burials or as part of rich sacrificial complexes. The article considers all currently known finds of these items. Analogies from the territory of Scythia are given and the chronological order of these objects in the complexes of the Southern Urals is considered. The article concludes that these objects (as well as a number of others that have direct analogies in the bridle sets of Scythia) became parts of the South Ural nomads' horse harness under the direct influence of Scythian territories.

Key words: Southern Urals, early nomads, horse harness, arched objects (noseband), chronology, status burials.

Citation. Sirotin S.V., 2020. Arched Objects (Noseband) as Part of a Horse Harness of the Early Nomads of the Southern Urals. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, vol. 19, no. 1, pp. 102-115. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.5>

УДК 902.1
ББК 63.4(2)

Дата поступления статьи: 04.03.2020
Дата принятия статьи: 29.04.2020

ДУГОВИДНЫЕ ПРЕДМЕТЫ (НАХРАПНИКИ) В СОСТАВЕ КОНСКОЙ СБРУИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА

Сергей Викторович Сиротин

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В представленной статье анализируется серия предметов, которая входит в состав конской сбруи ранних кочевников Южного Урала IV в. до н.э. Это дуговидные предметы (нахрапники), предназначенные для повышения эффективности управления конем. В статье представлен краткий обзор истории находок этих предметов в степных комплексах. Особое внимание уделяется археологическому контексту этих предметов в составе конской сбруи. В статье приводятся все известные к настоящему времени находки данных предметов, обнаруженные на территории Южного Урала. Отдельно рассматриваются вопросы хронологии погребений, в которых найдены данные принадлежности конской сбруи. Появление такого элемента в составе конской сбруи было связано с общим повышением уровня военной активности в кочевых сообществах. Анализ погребений, в которых были найдены дуговидные предметы (нахрапники), показывает, что период их появления и распространения на Южном Урале относится ко второй половине IV в. до н.э. Обращается внимание на то обстоятельство, что большинство этих предметов найдено в богатых статусных погребениях либо в составе богатых жертвенных комплексов. Приводятся аналогии с территории Скифии и рассматривается хронологи-

ческая позиция этих предметов в комплексах Южного Урала. В статье делается вывод о том, что данные предметы (так же, как и целый ряд других, имеющих прямые аналогии в уздечных наборах Скифии) в составе узды южноуральских номадов появляются под прямым влиянием скифских территорий.

Ключевые слова: Южный Урал, ранние кочевники, конская сбруя, дуговидные предметы (нахрапники), хронология, статусные погребения.

Цитирование. Сиротин С. В., 2020. Дуговидные предметы (нахрапники) в составе конской сбруи ранних кочевников Южного Урала // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 1. С. 102–115. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.5>

Введение. В погребальных комплексах ранних кочевников степной Евразии среди сопроводительного инвентаря выделяется серия железных дуговидных предметов, назначение которых долгое время было неясным, и первоначально подобные предметы не связывались напрямую с конской сбруей. Железный дуговидный предмет с завитыми в петли окончаниями был найден В.Е. Максименко в Шолоховском кургане на Нижнем Дону в 1970-е гг. XX в. и интерпретировался как скребок для обработки шкур [Максименко, 1983], а несколько позднее рассматривался в качестве стригеля [Максименко и др., 1984].

Ряд исследователей похожие предметы, найденные на городищах скифской эпохи лесостепного Поднепровья, изготовленные из кости, склонны рассматривать как элементы оленьей упряжки, а предметы из железа связываются с орудиями бортничества. Подробный критический разбор данных гипотез приводится в обстоятельной работе С.Б. Вальчака (см. обзор гипотез: [Вальчак, 2009]), что избавляет меня от необходимости подробно останавливаться на этом вопросе в рамках данной статьи.

Впервые определенно в составе узды в погребениях кочевников подобный предмет был найден А.Х. Пшеничнюком на Южном Урале в 1991 г. при исследовании погр. 1 из кург. 10 известного могильника Переволочан I [Пшеничнюк, 1995]. А.Х. Пшеничнюк определил данный предмет как «две железные дуговидные пластины длиной 12 см (одна изломана) с петлями на концах», никак не обозначив возможный функционал данного изделия [Пшеничнюк, 1995, с. 83, рис. 12,11].

В 1995 г. В.Н. Васильевым был найден похожий предмет в составе узды при исследовании кург. 8 Сибайского I могильника [Васильев, 2001, с. 170; Васильев, 2004, с. 156, рис. 2,27].

Нужно отметить, что долгое время южноуральские находки никак не привлекали внимание исследователей. При выделении вещей, маркирующих раннепрохоровский комплекс инвентаря, В.Н. Васильевым в 2001 г. находки из Сибая I и Переволочана I были названы «серповидными предметами» по аналогии из кургана у пос. Шолоховский. При этом исследователем делается вывод о том, что «судя по всему, они входили в состав уздечных наборов» [Васильев, 2001, с. 170].

Несколько позднее, в 2004 г., В.Н. Васильев уточняет, что «наличие петелек на его окончаниях заставляет предположить, что “серповидные предметы” крепились с двух сторон к узде над или под мордой лошади» [Васильев, 2004, с. 158]. Здесь же наряду с другими категориями вещей предлагается датировка данных предметов концом IV – началом III в. до н.э.

В 2003 г. Донской экспедицией ИА РАН при исследовании кург. 10 могильника Горки I был найден железный дуговидный предмет с зубцами на внутренней стороне, первоначально интерпретированный как псалий [Гуляев, Савченко, 2004, с. 41, 43, рис. 5,18].

Впоследствии данный предмет был определен как деталь конской уздечки повышенной строгости для более эффективного управления конем [Вальчак и др., 2004, с. 46–47]. Аналогичная интерпретация данного предмета была поддержана И.Н. Парусимовым, который заново опубликовал находку из кургана у пос. Шолоховский, обратив при этом внимание на очень существенную деталь, не отраженную в первой публикации 1984 г., – наличие зубцов по нижней кромке пластины [Парусимов, 2005].

В 2009 г. С.Б. Вальчак посвятил отдельную аналитическую работу этой категории вещей [Вальчак, 2009]. Данным исследователем рассмотрено два подобных предмета из скиф-

ских комплексов Нижнего и Среднего Дона (Шолоховский и Горки I) и восемь типологически сходных предметов из скифских городищ Лесостепной Украины.

Помимо этого приводится очень важная для понимания функционала данных предметов находка уздечного набора с территории современной Румынии. Из восточных комплексов в эту сводку вошел бронзовый дуговидный предмет, найденный в жертвенном комплексе кург. 4 некрополя Филипповка I в Южном Приуралье. Всего С.Б. Вальчаком было учтено 12 предметов, 4 из которых были изготовлены из кости, 1 – из бронзы, 7 – из железа [Вальчак, 2009, рис. 1, 1–8, рис. 6, 1–6].

Таким образом, исследователями учтены и достаточно подробно рассмотрены известные к настоящему времени данные элементы узды применительно к территории Скифии. Вместе с тем находки таких предметов характерны и для южноуральских комплексов, о чем упоминается в работах С.Б. Вальчака [Вальчак, 2009] и Е.И. Савченко [Савченко, 2009]. Данные исследователи учитывали три предмета, найденные на Южном Урале в 1991–2004 годы.

В современной литературе данные предметы в составе скифских и южноуральских уздечных наборов фигурируют под названием «нахрапник» [Вальчак, 2009, с. 129; Савченко, 2009, с. 243], «скоба-строгач» или «строгач» [Яблонский, 2013, с. 66, 224, 227, 230].

Археологический контекст находок.

В 2007–2017 гг. в комплексах ранних кочевников Южного Урала были найдены еще восемь подобных предметов, которые к настоящему времени, с учетом ранее известных, составляют довольно представительную серию из одиннадцати предметов. Подавляющее большинство из них было найдено именно в составе уздечных наборов в погребальных комплексах южноуральских номадов.

Курганный могильник Переволочан I (рис. 1, 1). При исследовании погр. 1 кург. 10 в 1991 г. А.Х. Пшеничноком в 20 см к юго-западу от остатков деревянной чаши, также на ступеньке у самой южной стенки подбоя были найдены металлические остатки узды (?). В состав уздечного набора входили шесть бронзовых круглых бляшек с ушком на обороте, две железные дуговидные пластины

длиной 12 см (одна изломана) с петлями на концах, обломки железных стержней (удила), три маленьких бронзовых ворворки [Пшеничнок, 1995, с. 83, рис. 12, 4–7, 11] (рис. 2, 1).

При исследовании в 2007 г. кург. 12 этого же могильника в погр. 5 был найден подобный железный предмет дуговидной формы (нахрапник) [Сиротин, 2016] (длиной 19,4 см) с петлями на концах (рис. 2, 2). При визуальном осмотре дуговидного предмета (нахрапника) было выяснено, что он состоял из трех элементов: железной пластины с зубцами на внутренней кромке и двух боковых накладных элементов (накладки) из перевитой подквадратной в сечении проволоки. Зазор между элементами не просматривался. Не исключено, что незначительный зазор между пластиной и боковыми накладками был, однако вследствие сильной коррозии предмета утверждать это определенно достаточно сложно.

Сибайский I могильник (рис. 1, 2). Дуговидный предмет (фрагмент) был найден В.Н. Васильевым в 1995 г. при исследовании кург. 8. В разграбленном центральном коллективном погребении дромосной конструкции обнаружены элементы узды, в состав которой входил фрагмент дуговидного предмета [Васильев, 2001, с. 170; 2004, с. 156, рис. 2, 27] (рис. 2, 3).

Одинокый курган Яковлевка II (рис. 1, 3). При исследовании кургана в 2009 г. [Сиротин, Трейстер, 2014] в заполнении ямы погр. 5 был найден уздечный набор. В его состав входили фрагменты железных удил и прямых стержневидных псалиев с восьмеркообразным утолщением посередине, фрагменты железных соединительных деталей из проволоки и бронзовых пронизей (обоймы). Помимо этого в уздечном наборе, был найден железный налобник (наносник) с загнутым в петлю навершием с шишечкой на окончании, а также дуговидный предмет (нахрапник) с завитыми в петли окончаниями и зубцами на внутренней кромке (длина 16,5 см, ширина 8 мм) (рис. 2, 4).

Вероятно, изначально нахрапник состоял из трех элементов: железной пластины с зубцами на внутренней кромке и двух боковых накладных элементов (накладки) из перевитой, подквадратной в сечении проволоки.

К моменту попадания предмета в могилу один боковой элемент был утрачен.

Ивановка I курган 10 (насыпь) (рис. 1,4). При исследовании кург. 10 в 2015 г. в насыпи был найден жертвенный комплекс, содержащий железный длинновтульчатый наконечник копья и элементы уздечного набора. В состав последнего входили фрагменты железных удил, фрагмент железного стержневидного двудырчатого псаля с восьмеркообразным утолщением посередине, оформленного в виде ромбов, и шишечкой на окончании, железный налобник (наносник) в виде лопасти с отверстием и обломанным навершием и фрагментированный дуговидный железный предмет (нахрапник) [Сиротин, 2017, рис. 2,15]. Предмет представлял собой железную пластину с завитыми в петли окончаниями (одно утрачено) (длина сохранившейся части 17 см, ширина до 1 см, толщина до 0,4 см) (рис. 2,5).

Филипповка 1 (кург. 4 и случайная находка у кург. 1) (рис. 1,5). Бронзовый дуговидный предмет (нахрапник) с двумя отверстиями по краям и зубчатой внутренней кромкой (длина 15,4 см) [Яблонский, 2013, с. 66, № 31] (рис. 2,6) был найден в 2006 г. при исследовании кург. 4 около юго-западного склона насыпи в составе богатого жертвенного комплекса, в который входили многочисленные бронзовые и костяные принадлежности узды [Яблонский, 2013, с. 65].

Еще два дуговидных предмета (нахрапника) происходят из случайных находок, сделанных в 2009 г. около кург. 1 (в 150–160 м к западу от насыпи). Один предмет представлен в виде фрагмента (рис. 2,8). Сохранилась часть изделия в виде двух скованных с конца железных пластин со сквозным отверстием и зубцами на внутренних кромках. Между пластинами имеется щелевидный зазор. Длина сохранившихся пластин около 6,2 см [Яблонский, 2013, с. 224, № 3138]. Второй предмет – удовлетворительной сохранности из двух железных пластин (сечением около 0,8 × 1 см) с зубцами по нижней кромке (рис. 2,7). Концы пластин скованы между собой и завиты в петли. Между прутами – щелевидный зазор до 0,5 см. Длина предмета около 15 см, ширина в центральной части около 2 см [Яблонский, 2013, с. 227, № 3153].

«Высокая Могила – Студеникин Мар» (кург. 2, погр. 1) (рис. 1,6). При исследовании кург. 2 гр. 4 «Богатырские могилки» данного некрополя в центральном погребении были найдены два уздечных набора, подвешенные в древности на стенке могильной ямы около устья дромоса. В их состав входили железные удила, железные и биметаллические псалии, бронзовые пластинчатые налобники, украшения узды и два железных дуговидных предмета (нахрапники) [Сиротин и др., 2018].

Железные дуговидные нахрапники, найденные в этом комплексе, состоят из трех элементов: плоская дуговидная пластина с шипами, две перевитые из подквадратной в сечении проволоки боковые накладки, пластина и боковые элементы разъединены, скованы только на окончаниях и завиты в петли.

Нахрапник 1 (длина 22,5 см, толщина пластины 0,2 см, ширина пластины 0,5 см, с учетом сохранившихся зубцов ширина пластины составила до 0,8–1 см; сеч. боковых элементов 0,4 × 0,5 см, диаметр петель 2 × 1,6 см, окончания петель оформлены шишечками сеч. 0,5–0,7 см) (рис. 2,9).

Нахрапник 2 (фрагментирован, длина – 18,5 см, толщина пластины 0,4 см, ширина пластины 0,7–1 см, с учетом сохранившихся зубцов ширина пластины составила до 1,3–1,5 см; сеч. фрагментов боковых элементов 0,4 × 0,5 см) (рис. 2,10).

Мне известна еще одна находка дуговидного предмета (нахрапника) в комплексах ранних кочевников Южного Урала. Интересующий нас предмет был найден в одном из впускных погребений *кург. 8 могильника Кырык-Оба II* [Курманкулов и др., 2002] (рис. 1,7). К сожалению, в публикации приводятся очень скудные сведения об обстоятельствах находки. Центральное погребение кург. 8, совершенное на древнем горизонте, на мой взгляд, верно датировано авторами в пределах V в. до н.э.

Дуговидный предмет, интерпретируемый авторами публикации как псалий (рис. 2,11), наряду с разомкнутым кольцом из бронзовой проволоки и (бронзовыми?) бубенчиками был найден в одном из двух «разграбленных впускных погребений, датированных не позднее I в. до н.э. (погр. № 2 и № 1)» [Курманкулов и др., 2002, с. 92, рис. 3,5,6,8].

Таким образом, из общего числа находок этих предметов на Южном Урале два происходят из межкурганного пространства (Филипповка I), два найдено в составе жертвенных комплексов (Филипповка I, Ивановские I курганы), остальные обнаружены в материалах погребений. Четыре предмета найдены в центральных дромосных погребениях (Переволочан I, кург. 12; кург. 2 гр. 4 «Богатырские могилки» некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар», Сибай I, кург. 8), два найдены в периферийных погребениях катакомбного типа (Переволочан I, кург. 10; Яковлевка II), один предмет найден во впускном разграбленном погребении кургана, центральное захоронение которого относится к более раннему времени (Кырык-Оба II, курган 8).

Вопросы хронологии. Рассматривая комплексы с дуговидными предметами (нахрапниками) с территории Скифии, С.Б. Вальчак приходит к выводу о хронологической близости комплексов из Горок I, Шолоховского и Зимниче [Вальчак, 2009, с. 128]. Комплекс из могильника Горки I датируется по античной амфоре концом третьей четверти IV в. до н.э. [Гуляев, Савченко, 2004, с. 43].

Авторы публикации кургана у пос. Шолоховский время его сооружения относят к началу IV в. до н.э. [Максименко и др., 1984, с. 140]. При этом в данном вопросе мне представляется более предпочтительной позиция В.Н. Васильева о том, что дата этого кургана несколько занижена, и он датируется второй половиной – концом IV в. до н.э. [Васильев, 2001, с. 170]. На самом деле датировать этот комплекс началом IV в. до н.э. веских оснований нет. В связи с этим комплексы с дуговидными предметами из могильника Горки I и кургана у пос. Шолоховский действительно очень близки по времени.

В свете вышеизложенного очень актуальной является хронологическая позиция южноуральских комплексов, в которых найдены подобные предметы.

Материалы *погр. 1 кург. 10 могильника Переволочан I* вполне определенно могут датироваться в пределах второй половины IV в. до н.э. – рубежа IV–III вв. до н.э. В качестве важного хроноиндикатора здесь выступает железный меч с прямым перекрестьем и прямым навершием. В.Н. Васильев, рас-

сматривая мечи такого типа, указывает на достаточно узкий период их бытования. Немногочисленные комплексы с мечами такого типа предлагается датировать рубежом IV–III вв. до н.э. – началом III в. до н.э. [Васильев, 2001, с. 171–172; Васильев и др., 2019, с. 105].

Набор погребального инвентаря *погр. 5 кург. 12 могильника Переволочан I* в целом характерен для кочевнических комплексов IV в. до н.э. Вместе с тем определенные категории вещей позволяют уточнить дату погребения в пределах второй половины – конца IV в. до н.э.

К числу таких предметов относятся фрагменты бронзового зеркала [Сиротин, 2016, рис. 4,6] типа 5.3 по классификации А.С. Скрипкина [Скрипкин, 1990, с. 95]. Время бытования таких зеркал А.С. Скрипкин определяет в целом IV в. до н.э., а В.Н. Васильев относит их ко второй половине IV – рубежу IV–III вв. до н.э. [Васильев, 2004, с. 158; Васильев и др., 2019, с. 103].

Вызывает интерес находка в погребении бронзового псаля С-видной формы с остатками железных удил. В качестве наиболее близкой аналогии можно отметить биметаллический псалий в составе элементов конского снаряжения, найденных в насыпи кург. 10 этого же могильника [Пшеничнюк, 1995, с. 81–82, рис. 11,10]. Наличие сходных по форме и оформлению псалий отмечается в Подонье в материалах кургана у пос. Шолоховский [Максименко и др., 1984, с. 138, 130, рис. 58,9,10] и могильника у с. Русская Тростянка [Савченко, 2009, с. 306, рис. 2,16].

Псалии этого типа, по мнению В.Н. Васильева, считаются характерными только для IV в. до н.э. и применительно к южноуральским комплексам могут выступать в качестве хроноиндикаторов второй половины IV в. до н.э. [Васильев, 2004, с. 155].

Рассматривая биметаллические псалии, найденные в Тенгинских курганах, В.Р. Эрлих отмечает их присутствие в комплексах Южного Урала V–IV вв. до н.э. на Среднем и Нижнем Дону в лесостепных памятниках скифского времени IV в. до н.э. [Эрлих, 2010, с. 90, 91; 2011, с. 56]. При этом указывается, что наиболее многочисленная серия их найдена в Прикубанье [Эрлих, 2010, с. 91] и в целом биметаллические псалии можно счи-

тать характерной особенностью прикубанских уздечных наборов второй половины IV в. до н.э. [Эрлих, 2006, с. 62].

На мой взгляд, наиболее вероятная дата комплекса определяется последней четвертью IV – рубежом IV–III вв. до н.э.

Дуговидный предмет (нахрапник) из *Сибайского I могильника* В.Н. Васильевым определенно датируется концом IV в. до н.э. [Васильев, 2001, с. 170].

Мною уже высказывалась мысль о том, что хронологически некрополь *Филипповка 1*, судя по характерным наборам инвентаря, может датироваться в пределах второй половины IV в. до н.э. [Сиротин и др., 2019; Сиротин, 2019]. Следует сказать, что здесь я вполне допускаю определенную корректировку нижней границы в рамках второй четверти этого столетия. Находки этих предметов в составе жертвенных комплексов и в межкурганном пространстве свидетельствуют как минимум о синхронной материалам курганов их дате, с допуском возможного чуть более позднего небольшого хронологического зазора.

Хронология и инвентарь *погр. 5* из одиночного кургана *Яковлевка II* уже подробно рассматривались ранее [Сиротин, Трейстер, 2014]. Как уже отмечалось выше, в состав уздечного набора, найденного во входной яме катакомбы, помимо дуговидного предмета входил также железный налобник (наносник) с загнутым в петлю навершием с шишечкой на окончании [Сиротин, Трейстер, 2014, рис. 2,2].

Подобные налобники (наносники) представлены немногочисленными экземплярами в южноуральских комплексах [Пшеничник, 1976, с. 19, 46, 47, рис. 9,1,2; Смирнов, 1964, с. 332, рис. 38,6,7; Савельев, 2007, с. 339, рис. 1,8–10; Яблонский, 2008, с. 176, рис. 3,6,7; Яблонский, 2013, с. 226, № 3144; Сиротин, 2010, с. 332, 333, рис. 6,5; Сиротин, 2015, с. 249, 251, рис. 2,6, рис. 3,7]. Более широко такие налобники (наносники?) представлены во второй половине IV в. до н.э. на Среднем Дону [Савченко, 2009, с. 258–260]. В.Н. Васильев определенно относит их ко второй половине или концу IV в. до н.э. [Васильев, 2004, с. 157].

Важными хроноиндикаторами здесь также выступают меч переходного типа, колчаный крючок и железная пряжка-сьюльгама [Сиротин, Трейстер, 2014, рис. 2,3,5,9].

В целом погребение датируется в пределах второй половины IV в. до н.э., не позднее рубежа IV–III вв. до н.э. [Сиротин, Трейстер, 2014, с. 214].

На мой взгляд, жертвенный комплекс из *кург. 10* некрополя *Ивановские I курганы*, в составе которого найден дуговидный предмет (нахрапник), хронологически определенно связан с центральным погребением. Важным обстоятельством является находка в центральном погребении кургана меча переходного типа [Сиротин, 2017, рис. 3,3], а также кувшина с каннелированным горлом.

Нижняя граница бытования таких мечей относится ко второй-третьей четверти IV в. до н.э., верхняя граница определяется началом III в. до н.э. [Васильев и др., 2019, с. 102]. Наиболее представительная серия комплексов, содержащих такие мечи с характерным набором раннепрохоровского инвентаря, по наблюдениям В.Н. Васильева, относится к последней четверти IV в. до н.э. [Васильев, 2004, с. 153].

Сосуды с каннелированным горлом также могут выступать в качестве хроноиндикатора второй половины IV в. до н.э. – рубежа IV–III вв. до н.э. [Васильев, 2004; Васильев и др., 2019, с. 106].

Помимо этого следует отметить и находку фрагмента железного налобника с загнутым в петлю навершием и шишечкой на окончании, найденного вместе с дуговидным предметом и датированного второй половиной или концом IV в. до н.э. (см. выше).

Что касается хронологической позиции впускного погребения из *кург. 8* могильника *Кырык-Оба II*, то при таком скудном контексте, в рамках которого дается описание обстоятельств находки, сложно делать какие-либо определенные хронологические выводы. При этом сами авторы признают более поздний характер впускных погребений и не связывают их хронологически с центральным захоронением V в. до н.э. [Курманкулов и др., 2002, с. 89].

На мой взгляд, впускное погребение, в котором найден дуговидный предмет (нахрапник), следует все же отнести к тому же культурно-хронологическому кругу захоронений южноуральских номадов, где найдены подобные принадлежности узды.

Датировка кург. 2 из гр. 4 «Богатырские могилки» некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар» рассматривалась в ряде работ и определяется временем последней трети IV – рубежа IV–III вв. до н.э. [Сиротин и др., 2018; Сиротин, 2019].

Что касается вопросов, связанных с функциональной принадлежностью данных предметов в составе раннекочевнических древностей Скифии и Южного Урала, к настоящему времени гипотеза об их назначении как предметов повышенной строгости в составе уздечного набора представляется наиболее предпочтительной и не вызывает разногласий среди современных исследователей. Следует также согласиться с мнением о том, что появление такого элемента было связано с общим повышением уровня милитаризации в кочевых сообществах и эскалацией военной напряженности. Вследствие этого появляется необходимость в выработке более эффективных способов управления лошадью в боевых условиях, что, в свою очередь, приводит к появлению но-

вых принадлежностей в составе узды [Вальчак, 2009, с. 129–130].

Анализ погребений, в которых были найдены дуговидные предметы (нахрапники), показывает, что период их появления и распространения на Южном Урале относится к раннепрохоровскому времени. Практически все они найдены в комплексах второй половины IV – рубежа IV–III вв. до н.э. При этом следует обратить внимание на то обстоятельство, что большинство этих предметов найдены в богатых, статусных погребениях либо в составе богатых жертвенных комплексов.

Есть все основания полагать, что данные предметы (так же, как и целый ряд других, имеющих прямые аналогии в уздечных наборах Скифии) в составе узды южноуральских номадов появляются под прямым влиянием скифских территорий. Они встречаются в составе сопроводительного инвентаря кочевой знати и бытовали в определенный, относительно непродолжительный период времени, ограниченный второй половиной IV в. до н.э. – началом III в. до н.э.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

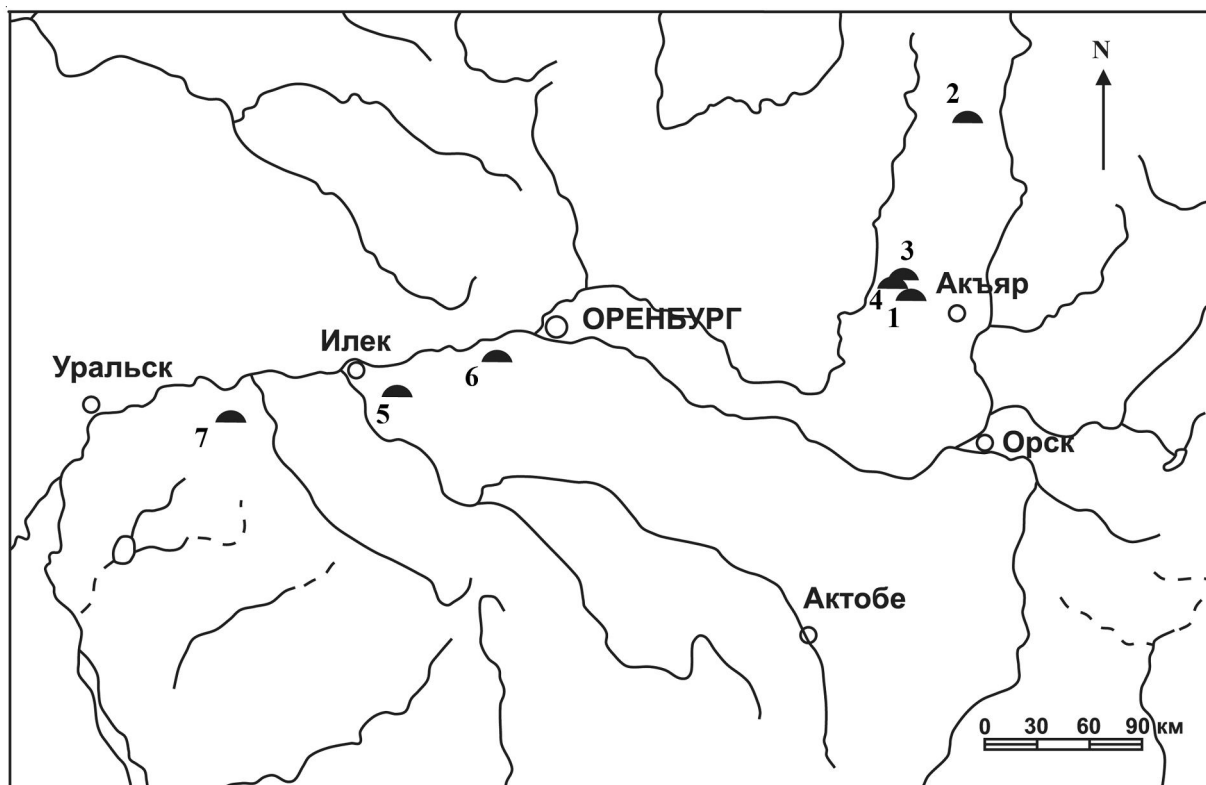

Рис. 1. Карта расположения комплексов с дуговидными предметами (нахрапниками) на Южном Урале:

- 1 – Переволочан I; 2 – Сибай I; 3 – Яковлевка II; 4 – Ивановские I курганы; 5 – Филипповка 1;
- 6 – Высокая Могила – Студеникин Мар; 7 – Кырык-Оба II

Fig. 1. Map of the location of complexes with arched objects (noseband) in the South Urals:

- 1 – Perevolochan I; 2 – Sibay I; 3 – Yakovlevka II; 4 – Ivanovskie I kurgany; 5 – Filippovka 1;
- 6 – Vysokaya Mogila – Studenikin Mar; 7 – Kyryk-Oba II

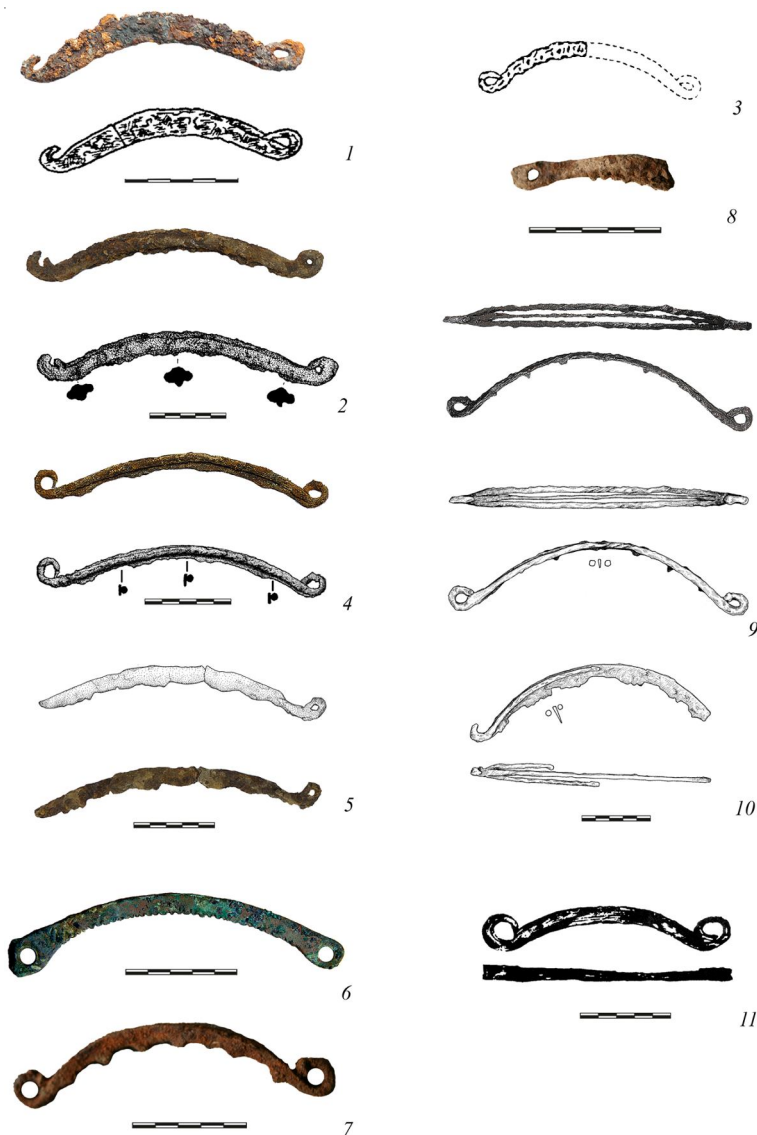

Рис. 2. Дуговидные предметы (нахрапники) из комплексов Южного Урала (1–5, 7–11 – железо; 6 – бронза):

- 1 – Переволочан I, кург. 10, погр. 1 (по: [Пшеничнюк, 1995, рис. 12,11]);
 2 – Сибай I (по: [Васильев, 2004, рис. 2,27]); 3 – Переволочан I, кург. 12, погр. 5 (по: [Сиротин, 2016, рис. 4,14]);
 4 – Яковлевка II, погр. (по: [Сиротин, Трейстер, 2014, рис. 2,8]); 5 – Ивановские I курганы (по: [Сиротин, 2017, рис. 2,15]);
 6 – Филипповка 1, кург. 4, жертвенный комплекс (по: [Яблонский, 2013, № 31]);
 7 – Филипповка 1, межкурганное пространство около кург. 1 (по: [Яблонский, 2013 № 3138]);
 8 – Филипповка 1, межкурганное пространство около кург. 1 (по: [Яблонский, 2013, № 3153]);
 9 – «Высокая Могила – Студеникин Мар», группа 4 «Богатырские могилки», кург. 2, погр. 4
 (по: [Сиротин и др., 2018, рис. 12]); 10 – Высокая Могила – Студеникин Мар, группа 4 «Богатырские могилки»,
 кург. 2, погр. 4 (по: [Сиротин, 2019, рис. 1,8]); 11 – Кырык-Оба II, кург. 8 (по: [Курманкулов и др., 2002, рис. 3,8])

Fig. 2. Arched objects (noseband) from the complexes of the Southern Urals (1–5, 7–11 – iron; 6 – bronze):

- 1 – Perevolochan I, kurgan 10, burial 1 (after: [Pshenichnyuk, 1995, fig. 12,11]);
 2 – Sibay I (after: [Vasiliev, 2004, Fig. 2,27]); 3 – Perevolochan I, kurgan 12, burial 5 (after: [Sirotin, 2016, Fig. 4,14]);
 4 – Yakovlevka II, burial 5 (after: [Sirotin, Treister, 2014, Fig. 2,8]); 5 – Ivanovsky I kurgans (after: [Sirotin, 2017, Fig. 2,15]);
 6 – Filippovka 1, kurgan 4, the sacrificial complex (after: [Yablonsky, 2013, No. 31]);
 7 – Filippovka 1, inter-mound space near kurgan 1 (after: [Yablonsky, 2013, No. 3138]);
 8 – Filippovka 1, inter-mound space near mound 1 (after: [Yablonsky, 2013, No. 3153]);
 9 – Vysokaya Mogila - Studenikin Mar, group 4 «Bogatyrsky Mogilki», kurgan 2, burial 4
 (after: [Sirotin et al., 2018, Fig. 12]); 10 – Vysokaya Mogila – Studenikin Mar, group 4 «Bogatyrsky Mogilki»,
 kurgan 2, burial 4 (after: [Sirotin, 2019, Fig. 1,8]); 11 – Kyryk-Oba II, kurgan 8 (after: [Kurmankulov et al., 2002, Fig. 3,8])

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вальчак С.Б., Гуляев В.И., Савченко Е.И. 2004. Об одной из деталей скифской уздечки Восточной Европы // Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н.э. : тез. докл. II Междунар. конф., посвящ. памяти Б.Н. Гракова. Азов ; Ростов н/Д : Азов. краевед. музей. С. 43–47.
- Вальчак С.Б., 2009. Об одной из функциональных деталей скифской уздечки Восточной Европы // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М. : ИА РАН. С. 126–140.
- Васильев В. Н., 2001. К хронологии раннепрохоровского клинкового оружия и «проблеме» III в. до н.э. // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 169–179.
- Васильев В. Н., 2004. К хронологии раннепрохоровского комплекса // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. С. 153–172.
- Васильев В. Н., Обыденнова Г. Т., Федоров В. К., 2019. Курганы в окрестностях села Верхняя Кардаилровка на р. Урал (по материалам раскопок 1993 года) и заметки к хронологии опорных комплексов второй половины IV в. до н.э. // Вестник Оренбургского государственного университета. Электронный научный журнал (Online). № 4 (32). С. 90–111. URL: <http://www.vestospu.ru> (дата обращения: 26.01.2020). DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2019.32.7>.
- Гуляев В. И., Савченко Е. И., 2004. Новый памятник скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М. : ИА РАН. С. 35–52.
- Курманкулов Ж. К., Ишангали С. К., Раймкулов Б. Т., 2002. Исследования курганного отряда № 2 УКАЭ в 2001 г. на могильнике Крык-Оба-2 // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Уральск : Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии. С. 87–92.
- Максименко В. Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д : Изд-во Ростовского университета. 224 с.
- Максименко В. Е., Смирнов К. Ф., Горбенко А. А., Лукьяшко С. И., 1984. Богатые раннесарматские комплексы правобережья Дона // Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М. : Наука. С. 124–141.
- Парусимов И. Н., 2005. Железная деталь узды из Шолоховского кургана // Четвертая Кубанская археологическая конференция : тезисы и доклады. Краснодар : [б. и.]. С. 200–202.
- Пшеничнюк А. Х., 1976. Шиповский комплекс памятников (IV–III вв. до н.э.) // Древности Южного Урала. Уфа : БФАН СССР. С. 35–131.
- Пшеничнюк А. Х., 1995. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа : Гилем. С. 62–96.
- Савельев Н. С., 2007. Конская узда IV–III вв. до н.э. из Шиповских курганов в лесостепи Южного Приуралья // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К.В. Сальникова (1900–1966) : материалы Междунар. конф. (г. Уфа, 20–22 апреля 2007 г.). Уфа : Китап. С. 330–339.
- Савченко Е. И., 2009. Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону как археологический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М. : ИА РАН. С. 221–325.
- Сиротин С. В., 2010. Курган № 11 курганного могильника Переволочан в Зауральской Башкирии // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М. : Таус. С. 323–337.
- Сиротин С. В., Трейстер М. Ю., 2014. Погребение с ближневосточными (?) и центрально-азиатскими импортами из кургана Яковлевка II // Сарматы и внешний мир : материалы VIII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Уфимский археологический вестник. Вып. 14. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН : Центр «Наследие». С. 207–217.
- Сиротин С. В., 2015. Предметы конской сбруи из насыпей курганов ранних кочевников Южного Урала (по материалам раскопок 2008–2013 годов) // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск : Челябинский государственный краеведческий музей. С. 247–256.
- Сиротин С. В., 2016. Об относительной хронологии и датировке могильника Переволочан I // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии : материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова : сб. ст. Оренбург : Изд-во ОГПУ. С. 253–264.
- Сиротин С. В., 2017. Хронология и планиграфия курганного некрополя Ивановские I курганы в Зауральской Башкирии // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение : материалы

- Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Челябинск : Государственный исторический музей Южного Урала. С. 132–139.
- Сиротин С. В., Богачук Д. С., Огороков К. С., 2018. Курганная группа «Богатырские могилки» № 4 (Оренбургская область, Оренбургский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 : материалы спасательных археологических исследований. Т. 25. М. : ИА РАН. С. 334–339.
- Сиротин С. В., Богачук Д. С., Гильмитдинова А. Х., Огороков К. С., 2019. Особенности погребальных конструкций и планиграфическая организация некрополя Филипповка 1 // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – V в. н.э.) : материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь : Салта ЛТД. С. 234–243.
- Сиротин С. В., 2019. Об одной группе пластинчатых налобников в уздечных наборах ранних кочевников Южного Урала // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – V в. н.э.) : материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь : Салта ЛТД. С. 224–233.
- Скрипкин А. С., 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов : Изд-во Саратовского университета. 299 с.
- Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М. : Наука. 376 с.
- Эрлих В. Р., 2006. Связи Прикубанья с Поволжьем и Приуральем во второй половине IV в. до н.э. (по материалам Тенгинских святилищ) // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне : тез. докл. III Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000). М. : Нумизматическая литература. С. 60–62.
- Эрлих В. Р., 2010. Узда Колхиды и Центральной Грузии античной эпохи: к проблеме выделения традиций // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М. : Таус. С. 73–106.
- Эрлих В. Р., 2011. Святилища некрополя Тенгинского городища II–IV в. до н.э. М. : Наука. 212 с.
- Яблонский Л. Т., 2008. Новые раскопки Филипповского могильника и проблема формирования раннесарматской культуры Южного Приуралья // Ранние кочевники Волго-Уральского региона : материалы Междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий» (г. Оренбург, 21–25 апреля 2008 г.). Оренбург : Изд-во ОГПУ. С. 170–177.
- Яблонский Л. Т., 2013. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Кн. 1. М. : ИА РАН. 232 с.

REFERENCES

- Valchak S.B., Gulyaev V.I., Savchenko E.I., 2004. Ob odnoy iz detaley skifskoy uzdechki Vostochnoy Evropy [About One of the Details of the Scythian Bridle of Eastern Europe]. *Skify i sarmaty v VIII–III vv. do n.e.: tez. dokl. II Mezhdunar. konf., posvyashch. pamyati B.N. Grakova* [II International Conference “Scythians and Sarmatians in the VIII-III Centuries BC”, Dedicated to the Memory of B.N. Grakova (Abstract)]. Azov; Rostov on Don, Azov Museum of Local Lore, pp. 43–47.
- Valchak S.B., 2009. Ob odnoy iz funkcional'nyh detaley skifskoy uzdechki Vostochnoy Evropy [About One of the Functional Details of the Scythian Bridle of Eastern Europe]. *Arheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu* [Archaeology of the Middle Don in the Scythian Era]. Moscow, IA RAS, pp. 126–140.
- Vasilyev V.N., 2001. K khronologii ranneprohorovskogo klinkovogo oruzhiya i «probleme» III v. do n.e. [To the Chronology of the Early Prokhorovsky Blade Weapon and the “Problem” of the 3rd century BC]. *Materialy po arheologii Volgo-Donskih stepey* [Materials on Archaeology of the Volga-Don steppes], iss. 1. Volgograd, Volgograd State University, pp. 169–179.
- Vasilyev V.N., 2004. K khronologii ranneprohorovskogo kompleksa [To the Chronology of the Early Prokhorovka Complex]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Journal], vol. 5, pp. 153–172.
- Vasilyev V.N., Obydenova G.T., Fedorov V.K., 2019. Kurgany v okrestnostyakh sela Verkhnyaya Kardailovka na r. Ural (po materialam raskopok 1993 goda) i zametki k khronologii opornykh kompleksov vtoroy poloviny IV v. do n.e. [Mounds in the Vicinity of Verkhnyaya Kardailovka Village on the Ural River (Based on the Excavations of 1993) and Notes on the Chronology of Supporting Complexes of the Second Half of the 4th century B.C.]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Elektronnyy nauchnyy zhurnal (Online)* [Bulletin of the Orenburg State University. Electronic scientific journal (Online)], no. 4 (32), pp. 90–111. URL: <http://www.vestospu.ru> (accessed 26 Jan. 2020). DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2019.32.7>.

- Gulyaev V.I., Savchenko E.I., 2004. Novyy pamyatnik skifskogo vremeni na Srednem Donu [New Monument of the Scythian Time in the Middle Don]. *Arheologiya Srednego Dona v skifskuyu epohu* [Archaeology of the Middle Don in the Scythian Era]. Moscow, IA RAS, pp. 35-52.
- Kurmankulov Zh.K., Ishangali S.K., Raymkulov B.T., 2002. Issledovaniya kurgannogo otryada № 2 UKAE v 2001 g. na mogil'nike Kryk-Oba-2 [Studies of the Kurgan Detachment No. 2 of the UKAE in 2001 at the Kryk-Oba-2 Cemetery]. *Voprosy istorii i arheologii Zapadnogo Kazakhstana* [Questions of History and Archaeology of Western Kazakhstan], iss. 1. Uralsk, West Kazakhstan Regional Center for History and Archeology, pp. 87-92.
- Maksimenko V.E., 1983. *Savromaty i sarmaty na Nizhnem Donu* [Sauromats and Sarmatians in the Lower Don]. Rostov on Don, Rostov University. 224 p.
- Maksimenko V.E., Smirnov K.F., Gorbenko A.A., Lukyashko S.I., 1984. Bogatyie rannesarmatskie komplekсы pravoberezh'ya Dona [Rich Early Sarmatian Complexes on the Right Bank of the Don]. *Smirnov K.F. Sarmaty i utverzhdenie ih politicheskogo gospodstva v Skifii* [Sarmatians and the Assertion of Their Political Domination in Scythia]. Moscow, Nauka Publ., pp. 124-141.
- Parusimov I.N., 2005. Zheleznyaya detal' uzdy iz Sholohovskogo kurgana [The Iron Part of the Rein from the Sholokhov Kurgan]. *Chetvertaya Kubanskaya arheologicheskaya konferenciya: tez. i dokl.* [Fourth Kuban Archaeological Conference. Abstracts and reports]. Krasnodar, pp. 200-202.
- Pshenichnyuk A.H., 1976. Shipovskiy kompleks pamyatnikov (IV–III vv. do n.e.) [Shipovsky Complex of Monuments (IV-III Centuries BC)]. *Drevnosti Yuzhnogo Urala* [Antiquities of the Southern Urals]. Ufa, BFAS USSR, pp. 35-131.
- Pshenichnyuk A. Kh., 1995. Perevolochanskiy mogil'nik [Perevolochansky Cemetery]. *Kurgany kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Mounds of Nomads of the Southern Urals]. Ufa, Gilem Publ., pp. 62-96.
- Savelyev N.S., 2007. Konskaya uzda IV-III vv. do n.e. iz Shipovskih kurganov v lesostepi Yuzhnogo Priural'ya [Horse Bridle IV – III Centuries BC. from the Shipovsk Mounds in the Forest-Steppe of the Southern Urals]. *Formirovanie i vzaimodeystvie ural'skih narodov v izmenyayushchey etnokul'turnoy srede Evrazii: problemy izucheniya i istoriografiya. Chteniya pamyati K. V. Sal'nikova (1900–1966): materialy Mezhdunar. konf. (20–22 aprelya 2007 g., g. Ufa)* [Formation and Interaction of the Ural Peoples in the Changing Ethno-Cultural Environment of Eurasia: Problems of Study and Historiography. Readings in Memory of K. V. Salmnikova (1900-1966). Materials of the International Conference (April 20–22, 2007, Ufa)]. Ufa, Kitap Publ., pp. 330-339.
- Savchenko E.I., 2009. Snaryazhenie konya skifskogo vremeni na Srednem Donu kak arheologicheskii istochnik [The Equipment of the Horse of the Scythian Period at the Middle Don as an Archeological Source]. *Arheologiya Srednego Dona v skifskuyu yepohu* [Archaeology of the Middle Don in the Scythian Age]. Moscow, IA RAS, pp. 221-325.
- Sirotnin S.V., 2010. Kurgan № 11 kurgannogo mogil'nika Perevolochan v Zaural'skoy Bashkirii [Kurgan no. 11 of the Burial Mound of Perevolochan in the Trans-Ural Bashkiria]. *Arkheologiya i paleoantropologiya Evraziyskikh stepey i sopredel'nykh territoriy* [Archeology and Paleoanthropology of the Eurasian Steppes and Adjacent Territories]. Moscow, Taus Publ., pp. 323-337.
- Sirotnin S.V., Trejster M. Yu., 2014. Pogrebenie s blizhnvestochnymi (?) i central'no-aziatskimi importami iz kurgana Yakovlevka II [Burial with Near Eastern (?) And Central Asian Imports from the Barrow-Mound Yakovlevka II]. *Sarmaty i vneshniy mir: materialy VIII Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii». Ufimskiy arheologicheskii vestnik. Vyp. 14* [Sarmatians and the Outside World: Proceedings of the VIII All-Russian (with International Participation) Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”. The Ufa Archaeological Gerald, iss. 14]. Ufa, IHLL USC RAS, Centr «Nasledie» Publ., pp. 207-217.
- Sirotnin S.V., 2015. Predmety konskoy sbруi iz nasypey kurganov rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala (po materialam raskopok 2008–2013 godov) [Items of Horse Harness from Mounds of Mounds of Early Nomads of the Southern Urals (Based on Excavations from 2008-2013)]. *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale: materialy VI Vseros. nauch. konf.* [Ethnic Interactions in the Southern Urals. Materials of the VI All-Russian Scientific Conference]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Museum of Local Lore, pp. 247-255.
- Sirotnin S.V., 2016. Ob otnositelnoy khronologii i datirovke mogil'nika Perevolochan I [On a Conventional Chronology and Dating of the Perevolochan I Burial]. *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennyye problemy sarmatskoy arkheologii: materialy IX Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii». posvyashch. 100-letiyu so dnya rozhdeniya Konstantina Fedorovicha Smirnova: sb. st.* [Konstantin Fedorovich Smirnov and Modern Problems of Sarmatian Archaeology. Materials of the IX International

- Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archeology and History” Dedicated to the 100th Birthday of Konstantin Fedorovich Smirnov: Digest of articles]. Orenburg, Orenburg State University, pp. 253-264.
- Sirotin S. V., 2017. Khronologiya i planigrafiya kurgannogo nekropolya Ivanovskie I kurgany v Zaural'skoi Bashkirii [Chronology and Planigraphy of the Kurgan Necropolis Ivanovo I Kurgans in the Trans-Ural Bashkiria]. *Etnicheskie vzaimodeistviya na Yuzhnom Urale. Sarmaty i ikh okruzhenie: materialy VII Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch. konf.* [Ethnic Interactions in the Southern Urals. Sarmatians and their Environment. Proceedings of VII All-Russia (with International Participation) Scientific Conference]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Museum of Local Lore, pp. 132-139.
- Sirotin S.V., Bogachuk D.S., Okorokov K.S., 2018. Kurgannaya gruppa «Bogatyrskiy mogilki» № 4 (Orenburgskaya oblast. Orenburgskiy rayon) [Kurgan group «Bogatyrsky Mogilki» no. 4 (Orenburg Region, Orenburg District)] *Goroda. Selishcha. Mogilniki. Raskopki 2017: materialy spasatelnykh arkhologicheskikh issledovaniy* [Cities, Villages, Cemeteries. Excavations 2017. Materials of Rescue Archaeological Research], vol. 25. Moscow, IA RAS, pp. 334-339.
- Sirotin S.V., Bogachuk D.S., Gilmitdinova A.H., Okorokov K.S., 2019 Osobennosti pogrebal'nykh konstruktsiy i planigraficheskaya organizatsiya nekropolya Filippovka 1 [The Particulars of Burial Structures and Planigraphic Organization of the Cemetery Filippovka 1]. *Krym v sarmatskuyu epohu (II v. do n.e. – V v. n.e.): materialy X Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii»* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400). V. Proceedings of the 10th International Research Conference «The aspects of Sarmatian Archaeology and History»]. Simferopol, OOO «Firma «Salta» LTD» Publ., pp. 234-243.
- Sirotin S.V., 2019. Ob odnoy gruppe plastinchatykh nalobnikov v uzdechnykh naborah rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala [On a Particular Group of Plate Frontlets in the Bridle Sets of the Early Nomads in the Southern Ural Area]. *Krym v sarmatskuyu epohu (II v. do n.e. – V v. n.e.): materialy X Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii»* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400). V. Proceedings of the 10th International Research Conference «The Aspects of Sarmatian Archaeology and History»]. Simferopol, OOO «Firma «Salta» LTD» Publ., pp. 224-233.
- Skripkin A.S., 1990. *Aziatskaya Sarmatiya: Problemy khronologii i ee istoricheskii aspekt* [Asian Sarmatia: Problems of Chronology and Its Historical Aspect]. Saratov, Saratov University. 299 p.
- Smirnov K.F., 1964. *Savromaty (rannyya istoriya i kul'tura sarmatov)* [Sauromats (Early History and Culture of the Sarmatians)]. Moscow, Nauka Publ. 376 p.
- Erlikh V.R., 2006. Svyazi Prikuban'ya s Povolzh'em i Priural'em vo vtoroy polovine IV v. do n.e. (po materialam Tenginskiykh svyatilishch) [Relations of the Kuban Region with the Volga Region and the Urals in the Second Half of the 4th Century BC (Based on Materials from the Tenginsky Sanctuaries)]. *Gorod i step' v kontaktnoy evro-aziatskoy zone: tez. dokl. III Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 75-letiyu so dnya rozhdeniya G.A. Fedorova-Davydova (1931–2000)* [City and Steppe in the Contact Euro-Asian Zone. Abstracts of the III International Scientific Conference Dedicated to the 75th Birthday of G.A. Fedorov-Davydov (1931–2000)]. Moscow, Numizmaticheskaya literatura Publ., pp. 60-62.
- Erlikh V.R., 2010. Uzda Kolhidy i Central'noy Gruzii antichnoy epohi: k probleme vydeleniya traditsiy [The Bridle of Colchis and Central Georgia of the Ancient Era: to the Problem of Highlighting Traditions]. *Arheologiya i paleoantropologiya evraziyskikh stepey i sopredel'nykh territoriy* [Archaeology and Paleoanthropology of the Eurasian Steppes and Adjacent Territories]. Moscow, Taus Publ., pp. 73-106.
- Erlikh V.R., 2011. *Svyatilishcha nekropolya Tenginskogo gorodishcha II–IV v. do n.e.* [Necropolis II Sanctuaries of Tenginsky Site of Ancient Settlement in Krasnodar Territory]. Moscow, Nauka Publ. 212 p.
- Yablonsky L.T., 2008. Novye raskopki Filippovskogo mogil'nika i problema formirovaniya rannesarmatskoy kul'tury YUzhnogo Priural'ya [New Excavations of the Filippovsky Burial Ground and the Problem of the Formation of the Early Sarmatian Culture of the Southern Urals]. *Ranniye kochevniki Volgo-Ural'skogo regiona: materialy Mezhdunar. nauch. konf. «Ranniye kochevniki Yuzhnogo Priural'ya v svete noveyshikh arkhologicheskikh otkrytiy» (Orenburg, 21-25 aprelya 2008 g.)* [Early Nomads of the Volga-Ural Region. Materials of the International Scientific Conference “Early Nomads of the Southern Urals in the Light of the Latest Archaeological Discoveries”, Orenburg. April 21–25, 2008]. Orenburg, Orenburg State University, pp. 170-176.
- Yablonsky L.T., 2013. *Zoloto sarmatskikh vozhdov. Elitnyy nekropol' Filippovka 1 (po materialam raskopok 2004–2009 gg.)*. Katalog kolekcii [Gold of Sarmatian Chiefs. Elite Necropolis Filippovka I (According to the Excavations of 2004–2009). Catalog of Collection], book 1. Moscow, IA RAS. 232 p.

Information About the Author

Sergey V. Sirotin, Candidate of Sciences (History), Researcher, Institute of Archeology of Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanov St., 19, 117036 Moscow, Russian Federation, sirotinsv70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9394-0779>

Информация об авторе

Сергей Викторович Сиротин, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117036 г. Москва, Российская Федерация, sirotinsv70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9394-0779>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.6>

UDC 930.26(470+571):903.5
LBC 63.48(2)-7

Submitted: 12.03.2020
Accepted: 29.04.2020

CELLULOSOLITIC MICROORGANISMS ACTIVITY AS AN INDICATOR OF DETAILS FUNERAL CEREMONY ¹

Liudmila N. Plekhanova

Institute of Physico-Chemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences,
Pushchino, Russian Federation

Natalya N. Kashirskaya

Institute of Physico-Chemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences,
Pushchino, Russian Federation

Alexander S. Syrovatko

Kolomna Archeological Research Center, Kolomna, Russian Federation

Abstract. The article describes the results and the methodology for determining the initial presence of wares containing cellulose in the Vyatichi funeral ceremony in the Middle Ages in the natural zone of the southern taiga, Moscow region. Cellulose is a high molecular weight polymer. Cellulose (in other words – fiber) contains up to half of all the organic carbon of the biosphere, therefore, the prevalence of various microorganisms utilizing cellulose is quite high. In addition, the prevalence of this trophic group of microorganisms significantly complicates the diagnosis in archaeological contexts, since it's necessary to understand the total number of these microorganisms on different depths in certain soil types and certain climatic zones. To overcome this difficulty, we conducted a two-month experiment to determine the rates of decomposition of the added cellulose substrate by soils from the adjacent structures of cremated burials using method, providing results comparable with published data. For the first time, there was made an attempt to identify soils of cremated burials with an increased content of cellulose, by analogy to microbiological methods of identifying keratin-containing substrates of ancient burials. The presence of cellulolytic microorganisms was identified by counting of colony forming units after planting on a solid nutrient environment – soil agar enriched in carboxymethyl cellulose. The object of the experiments was soil samples from medieval burials with cremations. Comparisons were made with the background soil of the same age as cremations (XII century), which have been developing according to the zonal type on the kurgan mound nearby to cremated burials. Three sites with maxima activity were revealed, according to the archaeological context. The article continues the cycle of experimental planting of trophic groups of microorganisms for the purpose of indicating substances that entered the soil at different periods of time, from antiquity to the Middle Ages, and have been utilized by microorganisms up to nowadays.

Key words: paleosol, cellulose, cellulase, microorganisms, funeral soil, cremation, burial.

Citation. Plekhanova L.N., Kashirskaya N.N., Syrovatko A.S., 2020. Cellulosolitic Microorganisms Activity as an Indicator of Details Funeral Ceremony. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, vol. 19, no. 1, pp. 116-129. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.6>

УДК 930.26(470+571):903.5
ББК 63.48(2)-7

Дата поступления статьи: 12.03.2020
Дата принятия статьи: 29.04.2020

АКТИВНОСТЬ ЦЕЛЛЮЛОЗОЛИТИЧЕСКИХ МИКРООРГАНИЗМОВ В ГРУНТАХ КРЕМИРОВАННЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ КАК ИНДИКАТОР ДЕТАЛЕЙ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ¹

Людмила Николаевна Плеханова

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН,
г. Пушкино, Российская Федерация

Наталья Николаевна Каширская

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН,
г. Пушкино, Российская Федерация

Александр Сергеевич Сыроватко

Коломенский научный археологический центр, г. Коломна, Российская Федерация

Аннотация. В статье описаны результаты и методика определения исходного присутствия изделий, содержащих целлюлозу, в погребальном обряде вятичей в эпоху Средневековья в природной зоне южной тайги, на административной территории Московской области. Целлюлоза, или клетчатка – это высокомолекулярный полимер с неразветвленной цепью. В ее состав входит до половины всего органического углерода биосферы, поэтому весьма высока распространенность различных микроорганизмов, утилизирующих целлюлозу. Такая ситуация значительно затрудняет диагностику в археологических контекстах, поскольку необходимо понимание общего количества этих микроорганизмов по глубинам на конкретном типе почв и в конкретной природной зоне. Для выхода из такого положения нами проведен двухмесячный эксперимент по определению скоростей разложения внесенного целлюлозного субстрата почвогрунтами из прилегающих конструкций кремированных захоронений методом, дающим сопоставимые результаты с литературными данными. Впервые сделана попытка выявить почвогрунты кремированных захоронений с повышенным содержанием целлюлозы, по аналогии с микробиологическими методами идентификации кератинсодержащих субстратов древних погребений. Наличие целлюлозолитических микроорганизмов определялось подсчетом колониеобразующих единиц после посева на твердую питательную среду – почвенный агар, обогащенный карбоксиметилцеллюлозой. Объектом для экспериментов послужили образцы почвогрунтов из средневековых погребений с кремациями. Сравнения проводили с фоновой почвой одного с кремациями возраста (XII в.), развивающейся по зональному типу на курганной насыпи в непосредственной близости от кремированных захоронений. Выявлено три участка с максимумами активности в соответствии с археологическим контекстом. Работа продолжает цикл экспериментальных посевов трофических групп микроорганизмов с целью индикации веществ, поступавших в почву в различные периоды времени (от древности до Средневековья) и к настоящему времени утилизированных микроорганизмами.

Ключевые слова: палеопочвы, целлюлоза, целлюлаза, микроорганизмы, погребальный грунт, кремации, захоронения.

Цитирование. Плеханова Л. Н., Каширская Н. Н., Сыроватко А. С., 2020. Активность целлюлозолитических микроорганизмов в грунтах кремированных захоронений как индикатор деталей погребального обряда // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 1. С. 116–129. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolvsu.2020.1.6>

Различные типы антропогенного воздействия на почву изменяют условия существования почвенных микроорганизмов и нарушают нормальное протекание в почвах процессов микробной трансформации, в том числе оставляя в почвах следы присутствия различных антропогенных нарушений. Последствия антропогенного воздействия на почвенные микроорганизмы (особенно в древности) изучены слабо.

В связи с большим количеством синтезируемой в природе целлюлозы микроорганизмы, разлагающие ее, играют важную роль в процессе минерализации и круговороте углерода. В состав целлюлозы входит более 50 % всего органического углерода биосферы. Целлюлоза является наиболее распространенным полисахаридом растительного мира и представляет собой высокомолеку-

лярный полимер с неразветвленной цепью, состоящей из соединенных 1,4-связями глюкозных остатков, число которых в молекуле колеблется от 300 до 3 000. Молекулы целлюлозы соединены в пучки или волокна. Первым этапом в разложении целлюлозы является ферментативный гидролиз этого полимера, процесс протекает под влиянием фермента целлюлазы. Нерастворимая в воде клетчатка превращается в дисахарид целлобиозу, которая затем под влиянием фермента целлобиазы гидролизует и переходит в глюкозу. При аэробном разложении целлюлозы в основном получаются два продукта – углекислый газ и вода. При этом могут накапливаться небольшие количества органических кислот.

Целлюлозоразрушающая активность микроорганизмов, преимущественно бактерий,

является одним из показателей биологической активности почвы. Последняя играет роль при оценке почвенного плодородия, возможности вовлечения в биологический круговорот содержащихся в почвах элементов азотного и зольного питания. Разнообразие микрофлоры, способной разлагать целлюлозу в почве, позволяет трансформировать это вещество в различных условиях аэрации, при кислой или щелочной pH, низкой или высокой влажности и при разной температуре. Целлюлозу разлагают аэробные микроорганизмы (бактерии, миксобактерии, актиномицеты и грибы) и анаэробные бактерии. Наиболее богато в почве представлена группа аэробных целлюлозоразрушающих микроорганизмов.

В отличие от шерсти, кожи или войлока целлюлоза является основным компонентом тканей, созданных из растительного сырья, например, льна. Нет сомнений в использовании растений для изготовления нитей и тканей в прошлом, разумеется, включая такое близкое к нам время, как Средневековье. Остатки тканей растительного происхождения могут быть надежно идентифицированы с помощью фитолитного анализа, возможно применение споропыльцевого анализа. При этом возможности любого метода имеют ограничения, поэтому в дополнение мы пробуем применить микробиологический метод с целью идентификации поступления целлюлозы антропогенного происхождения в почвогрунты захоронений и погребальных конструкций 800-летнего возраста.

В археологическом почвоведении сделаны значительные успехи не только в определении фосфатного состояния культурных слоев [Каширская и др., 2017б, с. 96] и идентификации различных хозяйственно-бытовых зон древних поселений [Борисов и др., 2013, с. 66–73] (вплоть до пастбищных нагрузок [Плеханова, 2019, с. 53]), но и установлена ценность археологических участков для Красной Книги почв России [Плеханова, 2017, с. 50–56]. Данное направление теперь развивается в сторону детализации обрядов и точечного отбора образцов. По аналогии с определением субстратов животного происхождения, кератина и коллагена, входящих в состав шерсти и кожи [Каширская и др., 2018а; Каширская и др., 2018б], сделана попытка применить

методы чашечного посева с целью определения поступления целлюлозы.

Любые попадающие в почву вещества (такие как шерсть с кожей или целлюлозосодержащие ткани) будут представлять собой питательные субстраты для почвенных микроорганизмов. Подобный подход к определению животных субстратов ранее применялся для идентификации содержимого ритуальных сосудов [Демкин и др., 2014, с. 148]. Численность молочнокислых бактерий, выращенных из грунта погребального сосуда срубной культуры (XVI–XV вв. до н.э.) увеличилась в три раза на молочной среде по сравнению с контролем, что свидетельствовало о наличии молочного продукта. Поскольку в аэробных условиях клетчатку разлагают многие микроорганизмы различных систематических групп, мы предлагаем при проведении археологических исследований определять увеличение общей численности микробного сообщества на субстрате, содержащем целлюлозу.

По отношению к археологическим субстратам изложим основания, позволяющие нам предполагать отклик целлюлозолитиков на внесение субстратов в древности. Ранее для определения кератинолитической активности в почве был разработан метод приманок [Методы почвенной микробиологии..., 1991], позволяющий судить о степени выраженности данного показателя по интенсивности зарастания субстрата – конского или человеческого волоса – колониями кератинолитических грибов. Для выявления следов навоза, внесенного на поля в древности, использованы микробиологические посевы термофильных микроорганизмов [Чернышева, 2015; Kashirskaya et al., 2019]. Показана высокая сохранность ферментативной активности в культурных слоях поселений эпохи бронзы [Каширская и др., 2017а, с. 1235–1242; Каширская и др., 2020, с. 89]. Иными словами, другие субстраты таким образом определять оказалось возможным.

Что касается целлюлозной активности именно в археологических контекстах, пионерные работы делались в нашей лаборатории на двух объектах. При микробиологических исследованиях каштановых палеопочв, погребенных под валом Анны Иоанновны (1718–1720 гг.), установлено, что микробные сообщ-

щества погребенных почв отличались от современных по ряду характеристик, в числе которых присутствовала и целлюлазная активность [Чернышева и др., 2013]. Подробнее изучались культурные слои поселения аланской культуры Подкумское-2 (II–IV вв. н.э.) и современных дерново-карбонатных почв вблизи поселения, имеющих различное хозяйственное использование. Наряду с показателями суммарной микробной биомассы, мицелия микроскопических грибов, уреазной активности были выявлены повышенные значения целлюлазной активности именно в культурных слоях. Это позволяет заключить, что исходные характеристики микробиологических свойств профиля более полутора тысяч лет сохраняются с отличиями от фоновых почв [Чернышева, 2015].

Таким образом, целью настоящей работы является попытка оценки численности целлюлозолитических грибов на серых лесных супесчаных почвах для выявления следов привнесения целлюлозы в погребениях и их конструкциях 800-летнего возраста.

Объекты исследования

Образцы грунта из средневековых погребений отбирались при раскопках курганного могильника Кременье в сезон 2017 года. Могильник расположен в южном Подмосковье, вблизи г. Ступино. Для этого могильника установлен факт сочетания архаичного погребального обряда (грунтовые кремации, помещенные в небольшие ямки или рассыпанные по древней поверхности) с поздней датой – не ранее середины XII в., то есть времени вятичей. Отмечена синхронность грунтовых кремаций курганной части могильника и кладбища, которые представляли собой единый комплекс в глубине «вятичской» территории и с «вятичскими» вещами [Сыроватко, Фомченко, 2015; Сыроватко, 2014]. Образцы для анализа грунтов были взяты из погребений-кремаций 5, 8–10, из участков контакта слоя кремации (темно-серого песка с углем и кальцинированными костями) с материковым светло-серым или светло-желтым песком.

Могильник Щурово расположен также в Московской области, на некотором расстоянии от Кременья, был раскопан в 2010 году.

Образцы отобраны из ямы 47 (участок 15, раскоп II), это кремированное погребение с множественными костями, принявшими вертикальное положение (напоминает иголки ежа), вероятно, после просадки грунта в полость под деревянным перекрытием. Основным образцом является «телом» кремации, другой взят из обрамления кремации, представляет собой коричневый грунт. Образец из канавки квадрата 577 (участок 18, раскоп II) отобран для характеристики круговой конструкции, опоясывающей кремированное погребение.

Оба могильника занимают надпойменные террасы, формируясь на песках-супесях, что позволяет проводить сравнения их почв и грунтов.

Методы исследования

Аппликационные методы разрабатывались при определении биологической активности почвы и рекомендовались для широкого использования [Мишустин, Петрова, 1963; Мишустин, Востров, 1971; Почвенный и биотический мониторинг..., 1996], давая возможность приблизиться к определению протекания процессов в природных условиях луговых биоценозов, оценить микробно-экологические пейзажи по генетическим горизонтам.

В работах по изучению почв в археологических контекстах целлюлазную активность почв определяли аппликационным методом [Методы..., 1991], который был модифицирован в лаборатории археологического почвоведения [Чернышева, 2015]. Для этого в чашки Петри помещали слой почвы, увлажненной до 60 % ПВ, поверх которого помещали стерильную капроновую сетку с ячейками 3 × 3 мм. На нее укладывали диск из грубой стерильной льняной ткани, которая также перекрывалась сеткой. Сверху насыпали еще один слой почвы. Чашки помещали в термостат при температуре 30 °С. После 30 суток инкубации образцы ткани извлекали из чашек, тщательно промывали, помещали в сушильный шкаф и высушивали при температуре 105 °С до постоянного веса. Целлюлазную активность выражали в процентах и рассчитывали по изменению массы образцов ткани после инкубации от исходной. В связи с этим активность выражена в процентах по убыли веса, заложен-

ного в чашки полотно, что не позволяет сравнивать напрямую эти данные с числом колониеобразующих единиц. Мы использовали этот метод для понимания скоростей разложения целлюлозы в нашем биогеоценозе и сопоставления с литературными данными, увеличив время инкубации с последовательным снятием результатов в пяти повторностях на сроках 10–30–40–60 суток. Основные наши результаты были получены посевами на среды методом, также модифицированным² в нашей лаборатории.

Определение численности колониеобразующих единиц (далее – КОЕ) целлюлозолитических микроорганизмов. Для подсчета общей численности КОЕ на целлюлозном субстрате использовали 20 % почвенный агар (200 г почвы, 20 г агара на 1 л водопроводной воды) с добавлением 10 % карбоксиметилцеллюлозы (далее – КМЦ). Стерилизация среды проводилась в 2 этапа при 1 атм (1 дополнительной атмосфере, иными словами, при 2 атмосферах). Для учета контрольной численности КОЕ применяли чистый почвенный агар. Навеску грунта 1 г заливали 10 мл 0,5 % раствора пиродифосфата натрия, затем обрабатывали ультразвуком при мощности 50 Вт и частоте 22 кГц в течение 15 с для дезинтеграции почвенных частиц. Из III разведения полученной суспензии на поверхность твердых питательных сред наносили каплю объемом 50 мкл. Инкубация проводилась в течение 10–14 дней при 26 °С. Общую численность КОЕ после подсчета колоний определяли по формуле:

$$N = (a/v \times 1000 \times 1000) / (m \times K_{\text{вл}} \times 1000),$$

где N – общая численность КОЕ (тыс. / г почвы), a – число колоний на поверхности питательной среды, v – объем капли (мкл), 1000 – число мкл в 1 мл, 1000 – третье разведение суспензии; m – масса навески, $K_{\text{вл}}$ – коэффициент увлажнения почвы для расчета общей численности КОЕ на 1 г абсолютно сухого грунта.

Увеличение общей численности КОЕ на почвенном агаре с карбоксиметилцеллюлозой относительно их общей численности на чистом почвенном агаре определяли по формуле:

$$X = (N_{(\text{ПА} + \text{КМЦ})} - N_{(\text{ПА})}) / N_{(\text{ПА})} \times 100 \%,$$

где X – искомый прирост общей численности КОЕ микробного сообщества, %; $N_{(\text{ПА} + \text{КМЦ})}$ – общая численность КОЕ микроорганизмов на почвенном агаре с карбоксиметилцеллюлозой; $N_{(\text{ПА})}$ – общая численность КОЕ микроорганизмов на чистом почвенном агаре.

Статистическую обработку данных проводили стандартными методами [Дмитриев, 1995].

Результаты и обсуждения

Одним из показателей скорости биологической трансформации растительных остатков в биоценозе является целлюлазная активность почв. Скорость деструкции целлюлозы в почве может служить индикаторным показателем общей биологической активности в почвах, что, в свою очередь, будет отражать процессы самовосстановления почвенного сообщества микроорганизмов после прекращения антропогенного воздействия. Скорость разложения целлюлозы находится в прямой зависимости от содержания доступного микроорганизмам азота [Mendelsohn et al., 1999].

Слежение за изменением состава и структуры сообщества может проводиться как для таксономических, так и для трофических групп микроорганизмов. Следует отметить, что выбор исследуемой трофической группы (например, организмов, потребляющих легкодоступные органические вещества, крахмал, целлюлозу) должен соответствовать специфике исследуемого биоценоза и основным изменениям трансформации органики под влиянием антропогенных факторов.

Прежде чем вести речь о древних субстратах, обратимся к биоценологическим исследованиям целлюлазной активности степных и лесостепных почв. Скорость деструкции целлюлозы в почве может служить индикаторным показателем общей биологической активности в почвах, что, в свою очередь, будет отражать процессы самовосстановления почвенного сообщества микроорганизмов после прекращения кратковременного антропогенного воздействия. В нашей стране ведутся многолетние наблюдения за последовательными изменениями биологической активности почв с целью выработки стратегий природопользования в нарушенных местообитани-

ях. Но даже в таких экологических работах целлюлазная активность исследуется нечасто. В экологических работах часто используются аппликационные методы, которые основаны на получении следов воздействия микроорганизмов или продуктов их жизнедеятельности на те или иные материалы непосредственно в почве. В середине XX в. было предложено учитывать скорость разложения клетчатки по убыли в весе полотна, заложенного в почву [Мишустин, Петрова, 1963; Мишустин, Востров, 1971; Методы..., 1980]. Синтез белков или аминокислот на ткани протекает интенсивно в той зоне, где она более активно разрушается микробами. Накопление на льняной или хлопчатобумажной ткани, помещенной в почву, заметного количества аминокислот, будет пропорционально биологической активности почвы. И, хотя при использовании этих методов определение биологической активности производится не непосредственно в почве, а в зоне контакта ее с льняным полотном, тем не менее эти методы дают возможность определять активности, приближающиеся к естественным. Лидером по доступности исполнения и информативности стала методика определения биологической активности почв, а именно целлюлозоразрушающей активности в слое 0–20 см путем закладки полотна на срок, близкий к длительности всего вегетационного сезона с поэтапным снятием данных. Данная методика рекомендуется для применения в заповедниках, в частности, подобные наблюдения в более полном объеме ведутся в одном из старейших заповедников России – Центрально-черноземном [Савченко и др., 1997], свыше 10 лет подобные стационарные наблюдения велись на территории лесничества Степное Ильменского государственного заповедника [Плеханова, Потапова (Прохорова), 2014, с. 1335–1338], расположенного в степной зоне Челябинской области в пределах приподнятого Зауральского пенеппена. Лесничество, широко известное как заповедник «Аркаим», находится в одноименной долине. Для черноземов после распашки время самовосстановления целлюлазной активности как интегрального показателя биологической активности почв составляет, по нашей оценке, от 25 (полученные данные по равновесным целинным значениям) до 57

(прогноз самовосстановления) лет. Для изученных черноземов на глубине 0–40 см зависимость интенсивности целлюлозоразлагающей активности микроорганизмов от температуры воздуха является прямой тесной, $r = 0,82$ (корреляции Пирсона); зависимость от количества выпавших осадков является прямой средней, $r = 0,60$. Максимум биологической активности на всех изученных почвах приходится на слой 10–20 см, что обусловлено длительным сохранением влаги на этой глубине. Установлена четкая зависимость целлюлазной активности от поступающих тепла и влаги, выявлена динамика показателей внутри вегетационного сезона, выявлены лимитирующие факторы, в степной зоне – влага [Прохорова, Плеханова, 2016, с. 67–70; Plekhanova, 2018, p. 173]. Иными словами, в черноземных почвах внесенные антропогенные целлюлозные полотна разлагаются за один или несколько полевых сезонов в зависимости от влажности и глубины залегания. Соответственно, для исторических периодов и древности мы можем ожидать только отклика на вновь внесенный питательный субстрат оживанием именно тех покоящихся форм, что могут сохраняться.

В связи с вариабельностью свойств почв различных природных зон (и соответственно их целлюлозоразлагающей активности) для понимания скоростей процессов нами был проведен дополнительный термостатный эксперимент² по установлению скоростей разложения целлюлозы почвами в природной зоне изучаемых кремированных погребений. Для эксперимента была взята усредненная почвогрунт заполнения круговой канавки вокруг погр. 5 (см. рис. 1). Эксперимент проведен в условиях постоянной температуры 30 °С (термостат) и влажности 60 % ПВ (поддержка каждые 5 суток). На всех сроках экспозиции в 5 повторностях достоверно для каждого срока была зафиксирована убыль в массе как для льняных дисков, так и для целлюлозных фильтров. Льняные диски демонстрируют убыль в массе от 5 до 10 % на различных сроках экспозиции. Убыль в массе целлюлозных фильтров колеблется от 3 до 20 %, демонстрируя разброс данных. При этом нижний диск во всех случаях – как для льна, так и для целлюлозных фильтров – разлагался более интенсивно по сравнению с верхним диском, что

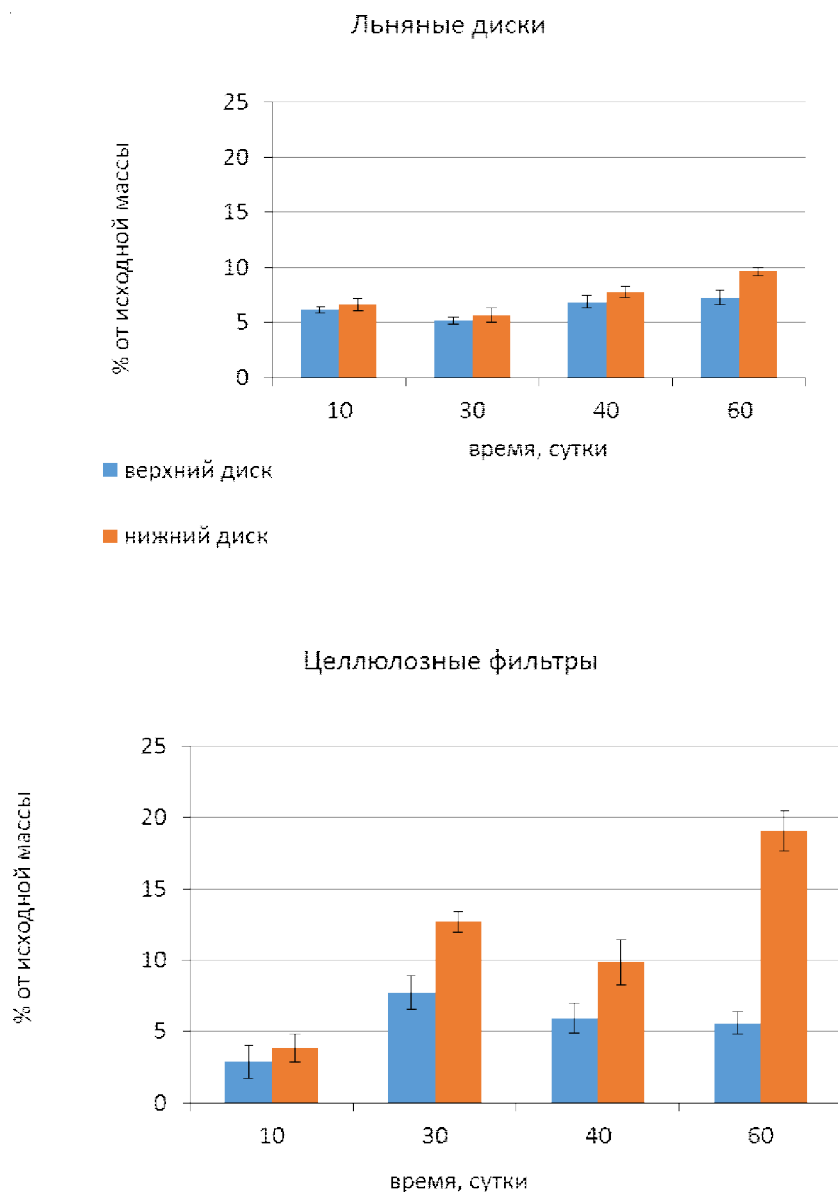

Рис. 1. Целлюлазная активность усредненных почвогрунтов круговой канавки погр. 5 (Кременье) в термостатном 60-суточном эксперименте

Fig. 1. Cellulase activity of averaged soil of a circular groove of burial 5 (Kremenye) in a thermostatic 60-day experiment

объясняется концентрацией влажности на дне чашки Петри и плотным контактом с грунтом. Отметим, что эти данные сравнимы (с учетом уменьшения из-за легкого гранулометрического состава нашей почвы и более холодной природной зоны) с целлюлазной активностью как поселения Подкумского [Чернышева, 2013; Чернышева, 2015], так и данными для биогеоценозов [Прохорова, Плеханова, 2016], поскольку выражены в тех же единицах.

Для каждого срока экспозиции мы рассчитали скорость разложения целлюлозных

субстратов, выраженную в % убыли массы в сутки. При этом целлюлозные фильтры демонстрируют падение скорости разложения в зависимости со сроком экспозиции, но имеют флуктуации. Льняные диски демонстрируют повышенные скорости разложения субстрата в первые 10 суток эксперимента, на уровне 0,7 % в сутки. К 30-м суткам экспозиции скорость падает до 0,2 % в сутки и держится на этом уровне до конца эксперимента, демонстрируя стабилизацию. Соответственно, выявлено, что начальные скоро-

сти разложения льняных дисков в 3 раза выше, чем средняя стабильная скорость. Подобная картина начальных процессов почвообразования в биогеоценозах многократно демонстрировалась на различных свойствах [Плеханова, 2004; и др.]

Проводя сравнения целлюлазной активности культурных слоев для ключевого участка Подкумское-2 [Чернышева, 2015], отметим значимое ее повышение (в два раза по сравнению с фоном, в абсолютных значениях до 60 % при фоновых значениях на уровне 17–33 %) всего в одном образце из двух десятков. Образец этот с глубины 10–30 см, в I зоне поселения (Б-338), где разрез культурного слоя расположен у стенки большой западины внутри загона, ограниченного со всех сторон развалами стен. Эта зона использовалась для содержания скота, где загоны выстилались подстилками.

Второе значимое повышение поселения Подкумское в абсолютных значениях невелико, на уровне 30 %, что сопоставимо с фоном, но находится на глубине 70–80 см II зоны эксплуатации (Разрез Б-341, Шурф 2), где не видны контуры развалов построек, что предполагает иной характер использования территории в аланское время (Жилая зона II–IV вв. н.э.), поэтому объяснимо антропогенным привнесением вещества.

Эти данные хорошо сопоставимы с нашими, когда у нас в термостатном эксперименте за два месяца разлагается до 10–20 % внесенного субстрата серыми лесными супесями речной террасы Московской области, в то время как фоновые значения горных черноземов первой речной террасы Карачаево-Черкесской Республики демонстрируют максимальные значения до 30–40 %. Антропогенная нагрузка от проживания населения оставляет след в виде измененной ферментативной активности почв.

Переходя от целлюлазной активности естественных почв биогеоценозов, через подтвержденные следы различного антропогенного воздействия, в частности, загонного содержания скота, к кремированным захоронениям, остановимся на фоновых значениях почвы курганной насыпи 800-летнего возраста. Здесь отмечено достоверное увеличение КОЕ в верхнем горизонте фоновой почвы до 97 % (см.

табл. 1), что свидетельствует о работоспособности примененного метода.

Также увеличение КОЕ целлюлозолитиков по сравнению с почвенным агаром без карбоксиметилцеллюлозы получено еще в трех образцах из массива 22 образцов. Слабое превышение – на 17 % – было зафиксировано в центре погр. 8, в его придонной части. В канавке погр. 5, в восточной ее части, также было отмечено увеличение КОЕ целлюлозолитиков на 14 %.

Превышение на 30 % зафиксировано в коричневом грунте обрамления, в кремации ямы 47 могильника Щурово. Поскольку температура горения при кремировании превышает 750 °С, неполное сгорание горящих материалов, входящих в состав самих кремированных останков, возможно исключить. В связи с этим мы предполагаем либо укутывание этой кремации в ткани, либо размещение их на деревянной конструкции (метод не позволяет отделить лигнин), которая сгнила, и кости кремации просели вниз, где в данный момент грунты демонстрируют превышение численности микроорганизмов на почвенном агаре, содержащем карбоксиметилцеллюлозу.

Заключение

Целлюлазная активность почвогрунтов погребальных сооружений и захоронений в зоне серых лесных супесчаных почв зафиксирована на уровне до 20 % на примере образцов из окружной канавки погр. 5 в ходе лабораторного 60-суточного термостатного эксперимента при 22 °С.

Впервые методом чашечного посева в шести повторностях, по разнице в числе колониеобразующих единиц на среде с внесением целлюлозного субстрата, зафиксированы превышения целлюлазной активности в трех образцах почвогрунтов кремированных захоронений 800-летнего возраста. Отметим, что при детальном изучении культурных слоев поселения Подкумское, значимая разница по целлюлазной активности получена всего в двух образцах [Чернышева, 2015], но хорошо и логично объяснима типом хозяйственного использования территории.

Фоновые значения целлюлазной активности в верхнем горизонте значительно

Таблица 1. Целлюлозолитическая активность почв и грунтов кремированных захоронений и прилегающих погребальных конструкций

Table 1. Cellulolytic activity of soils of cremated burials

Характеристика анализируемого грунта, средняя глубина, см: [положение по тахеометру]	Численность микробных колоний, млн КОЕ / г почвы		Увеличение численности колоний при добавлении целлюлозы в почвенный агар, %
	Почвенный агар	Почвенный агар с добавлением целлюлозы (КМЦ)	
Могильник Кремень			
Разрез современной почвы на насыпи кургана			
A1 (10 см)	0.97 ± 0.03	1.91 ± 0.57	97
AB насыпи (20 см)	0.63 ± 0.03	0.62 ± 0.10	нет
AB насыпи (38 см)	0.59 ± 0.01	0.83 ± 0.11	41
Фрагмент строительной конструкции кургана с печиной (60 см)	0.88 ± 0.18	0.87 ± 0.05	нет
V насыпи (75 см)	0.85 ± 0.01	0.65 ± 0.01	нет
Могильник Кремень			
Захоронения с кремированными останками			
Раскоп 1, участок 8, погребение 5, заполнение канавки			
Северная часть, придонный слой	1.66 ± 0.26	1.31 ± 0.03	нет
Восточная часть, низ кремации	0.97 ± 0.01	1.11 ± 0.09	14
Левая сторона восточной части Коричневый грунт [тах. 2393]	0.68 ± 0.08	0.71 ± 0.05	нет
Правая сторона восточной части [тахеометр 2394]	2.03 ± 0.07	1.95 ± 0.69	нет
Нижний слой восточной части Черный грунт [тах. 2395]	1.26 ± 0.16	1.22 ± 0.22	нет
Восточная часть Коричнево-охристый грунт [тах. 2396]	1.44 ± 0.24	1.54 ± 0.08	нет
Западная часть [тах. 2434]	1.50 ± 0.12	1.31 ± 0.05	нет
Заполнение канавки Усредненный образец грунта	3.04 ± 0.04	3.07 ± 0.09	нет
Раскоп 1, участок 10, погребение 9			
Погребение 9 Грунт под костяком	3.42 ± 0.08	3.11 ± 0.11	нет
Погребение 10 Контакт погребения и материка	1.97 ± 0.15	1.76 ± 0.16	нет
Раскоп 1, участок 9, погребение 8			
Центр погребения Дно центральной части	2.53 ± 0.07	2.30 ± 0.11	нет
Центр погребения придонная часть	1.06 ± 0.08	1.24 ± 0.05	17
Правая сторона придонной части	1.33 ± 0.03	1.38 ± 0.02	нет
Левая стенка	0.71 ± 0.10	0.69 ± 0.12	нет
Могильник «Щурово», кремированные захоронения			
Раскоп II, участок 15, яма 47, обрамленные кремации, коричневый грунт	0.57 ± 0.01	0.73 ± 0.01	29
Раскоп II, участок 15, яма 47, «тело» кремации	0.57 ± 0.08	0.54 ± 0.02	нет
Раскоп II, участок 18, кв. 577, круговая канавка	0.13 ± 0.02	0.15 ± 0.01	нет

превышают активность почвогрунтов, но в горизонте на глубине до 40 см уже сопоставимы с максимумами в кремированных грунтах.

Кремированные объекты позволяют предполагать выгорание привнесенных в древности целлюлозосодержащих предметов, но даже в этом случае придонная часть

погр. 8 демонстрирует некоторое повышенное значение, что позволяет предполагать тканевую подстилку при захоронении кремированных остатков. Этот же образец продемонстрировал повышенную кератинолитическую активность [Каширская и др., 2018б].

В кремации, расположенной в яме 47 Щуровского могильника, где превышение численности КОЕ целлюлозолитических микроорганизмов составляло 30 %, предполагается исходное присутствие целлюлозы в древности.

По сравнению с кератинолитической активностью, где ранее нами демонстрировалось превышение до 8 раз по сравнению с фоном, целлюлазная активность намного более сложна в интерпретации относительно фоновых значений ввиду высокой распространенности этого биополимера в природе и круговоротах в биогеоценозах. При этом, если превышение зафиксировано, то оно не является случайностью, позволяя получать логичные объяснения археологическим контекстом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена в рамках госзадания № АААА-А18-118013190175-5 «Развитие почв в условиях меняющегося климата и антропогенных воздействий», в системе «Парус» – 0191-2019-0046, аналитическая часть при поддержке гранта РФФИ № 17-29-04257 офи-м «Археологическая микробиология: теория и практика выявления исходного присутствия органических материалов в археологических исследованиях», рук. А.В. Борисов.

This work was supported as part of state assignment no. АААА-А18-118013190175-5 “Soil development in a changing climate and anthropogenic impacts”, in the “Parus” system - 0191-2019-0046, analytical part supported by the RFBR grant no. 17-29-04257 ofi -m “Archaeological Microbiology: Theory and Practice of Identifying the Initial Presence of Organic Materials in Archaeological Research”, Borisov A.V.

² Авторы выражают благодарности к.б.н., с.н.с. Т.Э. Хомутовой за консультативную методическую помощь, а также магистранту Пушинского государственного естественнонаучного института А.А. Петросян за участие в поддержке термостатного эксперимента по установлению скоростей разложения целлюлозы почвогрунтами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борисов А. В., Бухонов А. В., Гак Е. И., Плеханова Л. Н., 2013. Инфраструктура катакомбного поселения Рыкань-3 в свете междисциплинарных исследований // Археология Восточно-Европейской степи : материалы IV Нижневолж. Междунар. археол. конф. Саратов : Изд-во СГУ. С. 66–74.
- Демкин В. А., Демкина Т. С., Удальцов С. Н., 2014. Реконструкция погребальной пищи в глиняных сосудах из курганных захоронений с использованием фосфатного и микробиологического методов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (25). С. 148–159.
- Дмитриев Е. А., 1995. Математическая статистика в почвоведении. М. : Изд-во МГУ. 320 с.
- Каширская Н. Н., Плеханова Л. Н., Удальцов С. Н., Чернышева Е. В., Борисов А. В., 2017а. Механизмы и временной фактор ферментативной организации палеопочв // Биофизика. Т. 62, № 6. С. 1022–1029. DOI: <https://doi.org/10.1134/S0006350917060094>.
- Каширская Н. Н., Чернышева Е. В., Плеханова Л. Н., Борисов А. В., 2017б. «Биологический» и минеральный фосфор в культурном слое // Палеопочвы, палеоэкология, палеоэкономика. Пушино : КИАС. С. 94–98.
- Каширская Н. Н., Петросян А. А., Плеханова Л. Н., Сыроватко А. С., Мякшина Т. Н., Потапова А. В., 2018а. Кремированные средневековые захоронения и попытки идентификации присутствия шерстяных субстратов // Археология евразийских степей. № 4. С. 166–171.
- Каширская Н. Н., Плеханова Л. Н., Петросян А. А., Потапова А. В., Сыроватко А. С., Клещенко А. А., Борисов А. В., 2018б. Подходы к выявлению шерсти по численности кератинолитических микроорганизмов в грунтах древних и средневековых погребений // Нижневолжский археологический вестник. Т. 17, № 2. С. 95–107. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2018.2.8>.
- Каширская Н. Н., Плеханова Л. Н., Чернышева Е. В., Ельцов М. В., Удальцов С. Н., Борисов А. В., 2020. Пространственно-временные особенности фосфатазной активности естественных и антропогенно-преобразованных почв // Почвоведение. № 1. С. 89–101. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0032180X20010098>.
- Методы почвенной микробиологии и биохимии, 1980. М. : Изд-во МГУ. 224 с.

- Методы почвенной микробиологии и биохимии, 1991. М. : Изд-во МГУ. 304 с.
- Мишустин Е. Н., Петрова А. Н., 1963. Определение биологической активности почвы // Микробиология. Т. 32. Вып. 3. С. 479–483.
- Мишустин Е. Н., Востров И. С., 1971. Аппликационные методы в почвенной микробиологии // Микробиологические и биохимические исследования почв. Киев : Урожай. С. 3–12.
- Плеханова Л. Н., 2004. Природно-антропогенная эволюция почв речных долин степного Зауралья во второй половине голоцена : автореф. дис. ... канд. биол. наук. М. 24 с.
- Плеханова Л. Н., 2017. Проблемы поиска эталонных почв степного Зауралья для создания красной книги почв // Аридные экосистемы. № 7. С. 171–177.
- Плеханова Л. Н., 2019. Антропогенная деградация почв речных террас Волго-Уральского региона в эпоху бронзы и ее влияние на современный почвенно-растительный покров // Аридные экосистемы. Т. 25, № 3 (80). С. 53–59.
- Плеханова Л. Н., Потапова (Прохорова) А. В., 2014. Мониторинг целлюлазной активности почв как биологического индикатора восстановления залежей степного Зауралья после введения заповедного режима // Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки. Т. 19, № 5. С. 1335–1339.
- Почвенный и биотический мониторинг заповедных экосистем, 1996. М. : КМК Scientific Press LTD. 105 с.
- Прохорова А. В., Плеханова Л. Н., 2016. Прогнозная оценка скорости восстановления залежных черноземов степного Зауралья при введении заповедного режима // Проблемы региональной экологии. № 2. С. 67–71.
- Савченко Л. А., Бойко О. С., Оликова И. С., 1997. Целлюлозоразрушающая активность мощного типичного чернозема в зависимости от режима его использования и экологических факторов // Многолетняя динамика природных процессов и биологическое разнообразие заповедных экосистем Центрального Черноземья и Алтая. Труды Центрально-черноземного госзаповедника. Вып. 15. М. : КМК Scientific Press Дев. С. 30–44.
- Сыроватко А. С., 2014. Могильники с кремациями на Средней Оке второй половины I тыс. н.э. // Российская археология. № 4. С. 48–61.
- Сыроватко А. С., Фомченко Э. Э., 2015. Курганная группа в Кременье – новый археологический сюжет // Оки связующая нить: археология Среднего Поочья : материалы VII–VIII регион. науч.-практ. конф. Ступино : Ступинский историко-художественный музей. С. 132–138.
- Чернышева Е. В., 2015. Влияние древнего антропогенного воздействия на биологическую активность почв Кисловодской котловины : автореф. дис. ... канд. биол. наук. Воронеж. 24 с.
- Чернышева Е. В., Каширская Н. Н., Борисов А. В., Журавлев А. Н., Демкин В. А., 2013. Биомасса и активность микроорганизмов в современных погребенных каштановых почвах Нижнего Поволжья // Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки. Т. 18, № 3. С. 842–846.
- Kashirskaya N., Chernysheva E., Plekhanova L., Borisov A., 2019. Thermophilic Microorganisms as an Indicator of Soil Microbiological Contamination in Antiquity and at the Present Time // International Multidisciplinary Scientific Geo Conference SGEM. Т. 19, № 3.2. P. 569–574. DOI: <https://doi.org/10.5593/sgem2019/3.2/S13.074>.
- Mendelsohn I. A., Sorrell B. K., Brix H., Schierup H.-H., Lorenzen B., Maltby E., 1999. Controls on Soil Cellulose Decomposition Along a Salinity Gradient in a Phragmites Australis Wetland in Denmark // Aquatic Botany. Vol. 64, № 3–4. P. 381–398.
- Plekhanova L. N., 2018. Cellulase Activity in Anthropogenically Disturbed Chernozems // International Multidisciplinary Scientific GeoConference SGEM. Vol. 18, № 5.2. P. 173–180.

REFERENCES

- Borisov A.V., Bukhonov A.V., Gak E.I., Plekhanova L.N., 2013. Infrastruktura katakombnogo poseleniya Rykan'-3 v svete mezhdistsiplinarnykh issledovaniy [Infrastructure of the Catacomb Settlement Rykan-3 in the Light of Interdisciplinary Research]. *Arkheologiya Vostochno-Yevropeyskoy stepi: materialy IV Nizhnevolzh. Mezhdunar. arkheol. konf.* [Archeology of the East European Steppe. Materials of IVth International Archaeological Conference of Low Volga Region]. Saratov, SSU, pp. 66-74.
- Demkin V.A., Demkina T.S., Udaltsov S.N., 2014. Rekonstruktsiya pogrebal'noy pishchi v glinyanykh sosudah iz kurgannykh zahoroneniy s ispol'zovaniem fosfatnogo i mikrobiologicheskogo metodov [Reconstruction of

- Burial Food in Clay Vessels from Mound Burial Sites Using Phosphate and Microbiological Methods]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], no. 2 (25), pp. 148-159.
- Dmitriev E.A., 1995. *Matematicheskaya statistika v pochvovedenii* [Mathematical Statistics in Soil Science]. Moscow, MSU. 320 p.
- Kashirskaya N.N., Plekhanova L.N., Udaltsov S.N., Chernysheva E.V., Borisov A.V., 2017a. Mekhanizmy i vremennoy faktor fermentativnoy organizatsii paleopochv [The Mechanisms and Time Factor of the Enzyme Structure of a Paleosoil]. *Biofizika* [Biophysics], vol. 62, no. 6, pp. 1022-1029. DOI: <https://doi.org/10.1134/S0006350917060094>.
- Kashirskaya N.N., Chernysheva E.V., Plekhanova L.N., Borisov A.V., 2017b. "Biologicheskii" i mineral'nyy fosfor v kul'turnom sloye ["Biological" and Mineral Phosphorus in the Cultural Layer]. *Paleopochvy, paleoekologiya, paleoekonomika* [Paleosols, paleoecology, paleo-economics]. Puschino, KIAS, pp. 94-98.
- Kashirskaya N.N., Petrosyan A.A., Plekhanova L.N., Syrovatko A.S., Myakshina T.N., Potapova A.V., 2018a. Kremirovannyye srednevekovyye zakhoroneniya i popytki identifikatsii prisutstviya sherstyanykh substratov [Cremated Medieval Burials and Attempts to Identify Traces of Woolen Substrates]. *Arkheologiya Evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], no. 4, pp. 166-171.
- Kashirskaya N.N., Plekhanova L.N., Petrosyan A.A., Potapova A.V., Syrovatko A.S., Kleschenko A.A., Borisov A.V., 2018b. Podhody k vyyavleniyu shersti po chislennosti keratinoliticheskikh mikroorganizmov v gruntah drevnih i srednevekovykh pogrebeniy [The Identification of Wool by the Number of Keratinolytic Microorganisms in the Ground of Ancient and Medieval Burials]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 17, no. 2, pp. 95-107. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2018.2.8>.
- Kashirskaya N.N., Plekhanova L.N., Chernysheva E.V., Eltsov M.V., Udaltsov S.N., and Borisov A.V., 2020. Prostranstvenno-vremennyye osobennosti fosfataznoy aktivnosti estestvennykh i antropogenno-preobrazovannykh pochv [Temporal and Spatial Features of Phosphatase Activity in Natural and Human-Transformed Soils]. *Pochvovedenie* [Soil Science], no. 1, pp. 89-101. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0032180X20010098>.
- Metody pochvennoy mikrobiologii i biohimii* [Methods of Soil Microbiology and Biochemistry], 1980. Moscow, MSU. 224 p.
- Metody pochvennoy mikrobiologii i biohimii* [Methods of Soil Microbiology and Biochemistry], 1991. Moscow, MSU. 304 p.
- Mishustin E.N., Petrova A.N., 1963. Opredeleniye biologicheskoy aktivnosti pochvy [Determination of the Biological Activity of the Soil]. *Microbiologiya* [Microbiology], vol. 32, iss. 3, pp. 479-483.
- Mishustin E.N., Vostrov I.S., 1971. Applikatsionnyye metody v pochvennoy mikrobiologii [Application Methods in Soil Microbiology]. *Mikrobiologicheskiye i biokhimicheskiye issledovaniya pochv* [Microbiological and Biochemical Studies of Soils]. Kiev, Urozhay Publ., pp. 3-12.
- Plekhanova L.N., 2004. *Prirodno-antropogennaya evolyutsiya pochv rechnykh dolin stepnogo Zaural'ya vo vtoroy polovine golotsena: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Natural-Anthropogenic Evolution of the Soils of River Valleys of the Steppe Trans-Urals in the Second Half of the Holocene. Cand. biol. sci. abs. diss.]. Moscow. 24 p.
- Plekhanova L.N., 2017. Problemy poiska etalonnnykh pochv stepnogo Zaural'ya dlya sozdaniya krasnoy knigi pochv [Searching for Benchmark Soils in the Steppe Zone of the Trans-Ural Plateau to Compile the Red Book of Soils]. *Aridnye ekosistemy* [Arid Ecosystems], vol. 7, no. 3, pp. 171-177. DOI: <https://doi.org/10.1134/S2079096117030076>.
- Plekhanova L.N., 2019. Anthropogenic Degradation of Soils on River Terraces in the Volga-Ural Region in the Bronze Age and Its Effect on the Modern Soil-Plant Cover. *Aridnye ekosistemy* [Arid Ecosystems], 2019, vol. 25, iss. 3 (80), pp. 53-59. DOI: <https://doi.org/10.1134/S2079096119030077>.
- Plekhanova L.N., Potapova (Prokhorova) A.V., 2014. Monitoring tsellyulaznoy aktivnosti pochv kak biologicheskogo indikatora vosstanovleniya zalezhey stepnogo Zaural'ya posle vvedeniya zapovednogo rezhima [Monitoring of Cellulase Activity of Soils as a Biological Indicator of the Restoration of Steppe Zauralye Deposits After the Introduction of the Reserve Regime]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Yestestvennyye i tekhnicheskkiye nauki* [Tambov University Reports. Series: Natural and Technical Sciences], vol. 19, no. 5, pp. 1335-1339.
- Pochvennyy i bioticheskiy monitoring zapovednykh ekosistem* [Soil and Biotic Monitoring of Protected Ecosystems], 1996. Moscow, KMK Scientific Press LTD. 105 p.

- Prokhorova A.V., Plekhanova L.N., 2016. Prognoznaya otsenka skorosti vosstanovleniya zaleznykh chernozemov stepnogo Zaural'ya pri vvedenii zapovednogo rezhima [Predictive Estimation of the Rate of Restoration of Fallow Chernozems of the Steppe Trans-Urals with the Introduction of the Reserve Regime]. *Problemy regional'noy ekologii* [Problems of Regional Ecology], no. 2, pp. 67-71.
- Savchenko L.A., Boyko O.S., Olikova I.S., 1997. Tsellyulozorazrushayushchaya aktivnost' moshchnogo tipichnogo chernozema v zavisimosti ot rezhima yego ispol'zovaniya i ekologicheskikh faktorov [Cellulose-Destructive Activity of a Powerful Typical Chernozem Depending on the Mode of its Use and Environmental Factors]. *Mноголетnyaya dinamika prirodnykh protsessov i biologicheskoye raznoobraziye zapovednykh ekosistem Tsentral'nogo Chernozem'ya i Altaya. Trudy Tsentral'no-chernozemnogo goszapovednika* [Long-term Dynamics of Natural Processes and Biological Diversity of Protected Ecosystems of the Central Black Earth Region and Altai. Proceedings of the Central Black Earth State Reserve], vol. 15. Moscow, KMK Scientific Press, pp. 30-44.
- Syrovatko A.S., 2014. Mogil'niki s krematsiyami na Sredney Oke vtoroy poloviny I tys. n.e. [Burials with Cinerations on the Middle Oka River of the Second half of the I millenium AD]. *Rossiyskaya arkheologia* [Russian Archaeology], no. 4, pp. 48-61.
- Syrovatko A.S., Fomchenko E.E., 2015. Kurgannaya gruppa v Kremen'e – novyy arheologicheskiy syuzhet [Kurgan group in the Kremenieu - a new archaeological story]. *Oki svyazuyushchaya nit': arheologiya Srednego Pooch'ya: materialy VII–VIII region. nauch.-prakt. konf.* [Oka is Linking Thread: Archaeology of the Middle Oka Region: Proceedings of VII-VIII Regional Scientific-Practical Conference. Stupino, Stupino History and Art Museum, pp. 132-138.
- Chernysheva E.V., 2015. *Vliyaniye drevnego antropogennogo vozdeystviya na biologicheskuyu aktivnost' pochv Kislovodskoy kotloviny: avtoref. ... kand. biol. nauk* [The Influence of the Ancient Anthropogenic Impact on the Biological Activity of Soils of the Kislovodsk Depression. Cand. biol. sci. abs. diss.]. Voronezh. 24 p.
- Chernysheva E.V., Kashirskaya N.N., Borisov A.V., Zhuravlev A.N., Demkin V.A., 2013. Biomassa i aktivnost' mikroorganizmov v sovremennykh pogrebennykh kashtanovykh pochvakh Nizhnego Povolzh'ya [Biomass and Activity of Microorganisms in Modern Buried Chestnut Soils of the Lower Volga]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Yestestvennyye i tekhnicheskkiye nauki* [Tambov University Reports. Series: Natural and Technical Sciences], vol. 18, no. 3, pp. 842-846.
- Kashirskaya N., Chernysheva E., Plekhanova L., Borisov A., 2019. Thermophilic Microorganisms as an Indicator of Soil Microbiological Contamination in Antiquity and at the Present Time. *International Multidisciplinary Scientific Geo Conference SGEM*, vol. 19, no. 3.2, pp. 569-574. DOI: <https://doi.org/10.5593/sgem2019/3.2/S13.074>.
- Mendelssohn I.A., Sorrell B.K., Brix H., Schierup H.-H., Lorenzen B., Maltby E., 1999. Controls on Soil Cellulose Decomposition Along a Salinity Gradient in a Phragmites Australis Wetland in Denmark. *Aquatic Botany*, vol. 64, no. 3-4, pp. 381-398.
- Plekhanova L.N., 2018. Cellulase Activity in Anthropogenically Disturbed Chernozems. *International Multidisciplinary Scientific GeoConference SGEM*, vol. 18, no. 5.2, pp. 173-180.

Information About the Authors

Liudmila N. Plekhanova, Candidate of Sciences (Biology), Associate Professor, Senior Researcher at the Archaeological Soil Science Laboratory, Institute of Physico-Chemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences, Institutskaya St., 2, 142290 Pushchino, Russian Federation, dianthus1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3611-7783>

Natalya N. Kashirskaya, Candidate of Sciences (Biology), Senior Researcher of the Archaeological Laboratory of Soil Science, Institute of Physico-Chemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences, Institutskaya St., 2, 142290 Pushchino, Russian Federation, nkashirskaya81@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8353-3192>

Alexander S. Syrovatko, Candidate of Sciences (History), Head, Kolomna Archeological Research Center, Kremlevskaya St., 5, 140400 Kolomna, Russian Federation, sasha.syr@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6847-4160>

Информация об авторах

Людмила Николаевна Плеханова, кандидат биологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории археологического почвоведения, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, ул. Институтская, 2, 142290 г. Пущино, Российская Федерация, dianthus1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3611-7783>

Наталья Николаевна Каширская, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории археологического почвоведения, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, ул. Институтская, 2, 142290 г. Пущино, Российская Федерация, nkashirskaya81@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8353-3192>

Александр Сергеевич Сыроватко, кандидат исторических наук, директор, Коломенский археологический научный центр, ул. Кремлевская, 5, 140400 г. Коломна, Российская Федерация, sasha.syr@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6847-4160>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.7>

UDC 930.26(574):569.9
LBC 63.48(5Каз)1-3

Submitted: 24.03.2020
Accepted: 29.04.2020

**PALEOANTHROPOLOGICAL CHARACTERISTICS
OF THE EARLY SARMATIAN POPULATION OF EMBA BASIN RIVER
ACCORDING TO THE DATA FROM MORTYK I CEMETERY**

Egor P. Kitov

Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan, Almaty, Republic of Kazakhstan

Artem P. Grigorev

Volga-Ural Center for Paleoanthropological Research of the Samara State Social and Pedagogical University,
Samara, Russian Federation

Abstract. The paper focuses on the anthropological materials obtained from the cemetery Mortyk I. This archaeological monument is located on the Emba River, which originates from the western slopes of Mugodzhar mountains and flows into the Caspian Sea. Today it is one of the southernmost studied Sauromat-Sarmatian monuments of the early nomads. Unfortunately, there are practically no studied cemeteries dating back to the VI–IV centuries BC located in this region, despite the large number of cemeteries in this region and the Northern Aral Sea region. Anthropological materials from Mortyk I cemetery were studied using the craniological and osteometric programs, commonly used in Russian science. A statistical and individual typological analysis was performed due to small number of series and their satisfactory preservation. According to the results of the analysis, the presented series shows the closest analogies with the population of the Ural river basin of the end of VI–IV centuries BC, despite the small number of individuals. Moreover, it can be noted that the Mortyk I archaeological monument appears to be the part of the general array of Sauromat-Sarmatian monuments, which occupies not only the Ural river basin and the Ustyurt plateau, but also the region to the north of the Aral Sea. It can be assumed that forming of culture and physical characteristics shown by the early nomads of the Sauromat-Sarmatian appearance connects them with the territory of the Aral Sea region and the Southern Ural. Further study of the monuments in the arid territories of the Northern Aral Sea region will reveal a lot of answers to debatable questions about the early nomads of the Volga-Ural region and Western Kazakhstan and origin and genesis of their culture and appearance.

Key words: early nomads, Sauromatians, Sarmatians, Southern Urals, Western Kazakhstan, anthropology, archaeology.

Citation. Kitov E.P., Grigorev A.P., 2020. Paleoanthropological Characteristics of the Early Sarmatian Population of Emba Basin River According to the Data from Mortyk I Cemetery. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, vol. 19, no. 1, pp. 130-148. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.7>

УДК 930.26(574):569.9
ББК 63.48(5Каз)1-3

Дата поступления статьи: 24.03.2020
Дата принятия статьи: 29.04.2020

**ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
РАННЕСАРМАТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАСЕЙНА РЕКИ ЭМБА
ПО ДАННЫМ ИЗ МОГИЛЬНИКА МОРТЫК I**

Егор Петрович Китов

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
г. Москва, Российская Федерация;
Институт археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, г. Алматы, Республика Казахстан

Артем Петрович Григорьев

Самарский государственный социально-педагогический университет,
г. Самара, Российская Федерация

Аннотация. В работе представлены антропологические материалы из могильника Мортък I. Памятник находится на р. Эмба, которая берет свое начало от западных склонов Мугоджар и впадает в Каспийское море. В настоящее время это один из самых южных изученных савромато-сарматских памятников ранних кочевников. К сожалению, мы практически не знаем исследованных могильников VI–IV вв. до н.э. в данном регионе, несмотря на большое количество курганных могильников в данном регионе и Северном Приаралье. Антропологические материалы из могильника Мортък I были изучены по краниологической и остеометрическим программам, использованным в отечественной науке. Был проведен статистический и индивидуально-типологический анализ в связи с небольшой численностью серий и удовлетворительной их сохранностью. По итогам анализа, несмотря на небольшую численность индивидов, представленная серия находит ближайшие аналогии с населением бассейна реки Урал конца VI–IV вв. до н.э. По результатам анализа можно отметить, что памятник Мортък I входит в общий массив савромато-сарматских памятников, которые занимают не только бассейн р. Урал и плато Устюрт, но и регион на севере от Аральского моря. Можно предположить, что ранние кочевники савромато-сарматского облика связаны формированием культуры и физических особенностей с территорией Приаралья и Южного Урала. Дальнейшее исследование памятников на аридных территориях Северного Приаралья позволит открыть немало ответов на дискуссионные вопросы, связанные с происхождением и генезисом культуры и облика ранних кочевников Волго-Уральского региона и Западного Казахстана.

Ключевые слова: ранние кочевники, савроматы, сарматы, Южное Приуралье, Западный Казахстан, антропология, археология.

Цитирование. Китов Е. П., Григорьев А. П., 2020. Палеоантропологическая характеристика раннесарматского населения бассейна реки Эмба по данным из могильника Мортък I // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 1. С. 130–148. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.7>

Могильник Мортък I находится на р. Эмба, в 4 км от населенного пункта Шенгельши Актюбинской области Республики Казахстан. Был исследован Актюбинской археологической экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана под руководством Ж.Е. Смаилова и Б.А. Книсарина в 2004 году. Могильник датируется концом VI – IV в. до н.э. и относится к савромато-сарматским погребальным памятникам раннего железного века (далее – РЖВ) Западного Казахстана [Смаилов и др., 2005].

Обработка антропологических коллекций по краниометрической и остеологическим программам проводилась в 2007 году. Серия представлена 10 индивидами, половозрастные определения даны в таблице 1.

Целью работы является введение полученных данных в научный оборот и сравнение полученных результатов на фоне серий кочевников для выяснения вопросов происхождения населения, представляющего самый южный памятник РЖВ на территории Актюбинской области.

В результате исследования костные материалы были изучены по краниометрической

и остеометрической программам. Краниометрическая характеристика была проведена с применением методики В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеца [Алексеев, Дебеч, 1964]. Для межгруппового канонического анализа краниологических серий использовалась программа И.А. Гончарова *Multican* [Гончаров, Гончарова, 2016] и пакет статистических программ *Statistica 12*. Также была выполнена статистическая оценка межгруппового сходства путем вычисления квадратов расстояния Махаланобиса с поправкой на численность.

Посткраниальный скелет был охарактеризован на индивидуальном уровне по размерным рубрикам продольных остеологических размеров [Мамонова, 1986; Пежемский, 2011], а также опираясь на оценочную программу фиксации степени развития мест крепления мышц на костях [Медникова, 1998]. Кроме того, производилась фиксация патологических изменений и травм на скелетных останках при использовании в качестве консультации классических работ по этой тематике [Рохлин, 1965; Бужилова, 2005].

Краниологическая характеристика.

Мужская серия представлена четырьмя черепами удовлетворительной сохранности (табл. 4). Черепная коробка средневысокая, брахикранный, имеет большую длину и ширину. Лоб среднеширокий по наименьшей и широкий по наибольшей ширине, слабонаклонный. Лицевой отдел высокий, очень широкий на верхнем и среднеширокий на среднем уровне и по скуловому диаметру. Орбиты очень широкие, низкие, мезоконхные. Нос узкий, средневысокий, лепторинный. Носовые кости среднеширокие, высокие, визуальное в профиль выступают сильно. Горизонтальная профилировка незначительно уплощена на обоих уровнях, мезогнатная при прогнатной части лицевого отдела. В целом серия визуальное однородная, представляет собой европеоидные черепа с примесью монголоидности (уралоидная составляющая).

Женская выборка представлена тремя черепами хорошей сохранности (табл. 5). Черепная коробка средневысокая, средней длины и ширины, по указателю мезокранный. Лоб широкий по наименьшей и наибольшей ширине, слабонаклонный. Лицевой отдел по высоте и ширине на верхнем уровне находится на границе средних и больших размеров, среднеширокий на нижнем уровне и по скуловому диаметру. Горизонтальная профилировка уплощенная на верхнем и резкая на нижнем уровнях. По вертикали мезогнатная при прогнатной альвеолярной части. Орбиты широкие и низкие, по указателю хамэконхные. Носовые кости среднеширокие, очень высокие, по указателю лепторинные, в профиль выступают сильно (за исключением черепа из кург. 4, погр. 1, у которого угол выступания носа в профиль слабый). Черепа в целом имеют сходные характеристики, кроме индивида из кург. 4, погр. 1, краниум которого относительно грацильный.

Мужские и женские черепа имеют в целом сходный набор признаков и морфологических характеристик. К сожалению, мужские мозговые капсулы не очень хорошей сохранности. Женские краниумы, несмотря на то, что представлены небольшим количеством, более пригодны для статистического анализа. В связи с тем, что географически расположение могильника, откуда происходят

антропологические материалы, находится на южной периферии ареала исследованных памятников савромато-сарматского облика, актуальным является выявление направления этногенетических связей населения бассейна р. Эмба. Для решения данной задачи было проведено сравнение женской серии на широком фоне синхронных групп Центральной Азии и степной полосы Евразии. Для сравнения были выбраны серии раннего железного века, представленные в таблице 2.

Результаты канонического анализа с использованием краниологической серии из могильника Мортук I на фоне серий синхронного времени представлены на рисунке 1. Первые две компоненты отразили в результате 72,1 % общей изменчивости (табл. 3). Максимальные нагрузки по КВ I получили продольный диаметр, наименьшая ширина лба и угол выступания носа. Более короткая черепная коробка с узким лбом, сочетается со слабым углом выступания носа. По КВ II в положительной зоне находятся черепа, имеющие узкую черепную коробку, большую высоту носа и низкое значение SS/SC.

Рассматривая результаты анализа женских серий, можно отметить, что в зоне нулевых и положительных значений КВ I находится большинство серий из Центральной Азии, Южной Сибири и Волго-Уралья – это антропологически смешанные серии, имеющие, как отмечается всеми исследователями, в различной степени монголоидную примесь [Чикишева, 2012; Рыкун, 2013; Китов, Мамедов, 2014; Бейсенов и др., 2015; Китов и др., 2019 и др.]. В зоне отрицательных значений находятся европеоидные серии, причем саки Памира занимают самое крайнее положение из-за средиземноморского облика. Также в той же зоне располагаются серии скифов Причерноморья, тагарской культуры, Чауху 4, саков Алая. По КВ II в зоне нулевых и отрицательных значений находятся черепа смешанного облика с примесью монголоидности, имеющие относительно широкую черепную коробку, низкое лицо и, соответственно, низкий нос. Основной вектор, который делит на европеоидные и монголоидные характеристики – КВ I. Так, заведомо европеоидные серии находятся в зоне отрицательных величин, а монголоидная серия из Каюэ в правом поле графика, при-

чем обе серии имеют узкие черепные коробки и высокие носовые кости.

Серия Мортык I находится в зоне отрицательных величин, при этом наибольшую близость имеет с группами ранних сармат бассейна р. Урал Западного Казахстана VI–IV (2,9) и IV–III (5,9)¹ вв. до н.э. Наименьшее расстояние фиксируется с серией VI–IV вв. до н.э., несмотря на визуальное расстояние между сериями на графике. Относительную близость серия из Мортык I демонстрирует с выборками каменной культуры и могильника Кызылтан (4,8) с территории Павлодарского Прииртышья (5,9), подобную близость можно объяснить общим направлением контактов с лесным населением. В целом сарматские группы обнаруживают определенную близость к сакским группам Центральной Азии, но при этом находятся на периферии графика. Подобное расположение серий можно объяснить тем, что сакские группы Приаралья играли непосредственное участие при сложении физического облика ранних кочевников Западного Казахстана и Волго-Уралья на ранних этапах РЖВ. Также у групп сакского облика и савромато-сарматских популяций имеется общий вектор смещения с населением лесной и лесостепной полосы ураллоидного облика. Таким образом, надо отметить, что серия из могильника Мортык I имеет общую генетическую основу с ранними сарматами бассейна р. Урал, что подтверждается близостью и материальной культуры, и традиций для савромато-сарматских групп.

Остеологический анализ. Серия могильника Мортык I и V представлена семью индивидами с завершенным процессом роста (четыре мужских и три женских) и одним скелетом человека ювенильного возраста (табл. 6). Индивидуальные остеометрические признаки представлены в таблице 3.

Мужская серия

Мортык I, курган 1. Длинные кости предплечья мужчины, расчищенные в заполнении погр. 1, имеют очень большие размеры. Ключица, принадлежащая, вероятно, тому же индивиду, средней длины. Эти элементы скелета не имеют заметных патологических деформаций. Костный рельеф выражен средне.

Погребение 2, курган 1. Плечевые кости визуально крупные, их длина была не менее

350 мм. Данный размер предполагается с учетом обломанного верхнего эпифиза. Лучевые и локтевые кости большой длины, в ту же размерную категорию попадает и длина ключицы. Бедренные и парные берцовые кости очень большие. По-видимому, на данном скелете наблюдается увеличение длины дистальных сегментов конечностей, особенно заметное в верхнем отделе. Очевидна условная массивность данного скелета – полученный показатель УПОС Г.Ф. Дебеца [Дебеч, 1964] довольно высок. На костях следов патологий не зафиксировано, особенностей в развитии мест крепления мышц не имеется, в целом они могут быть охарактеризованы 1,5–2 баллами.

Мортык I, курган 2. Продольные размеры длинных костей этого скелета средние либо выше средних величин. Пропорционально этот индивид имеет сбалансированное сложение согласно остеометрическим указателям. Примечательны следующие особенности развития опорно-двигательного аппарата. В первую очередь очевиден сильно выраженный рельеф в местах крепления мышц, особенно в области ягодичной бугристости и шероховатой линии бедренной кости, дельтовидной бугристости и малого бугорка плечевой кости, оцениваемых в 2,5–3 балла. Тела позвонков Th11 и Th12 имеют сильные краевые костные разрастания (остеофиты), но таких деформаций в поясничном отделе не наблюдается. Эти особенности могут свидетельствовать о некоторой возможной специализации в деятельности данного индивида. Подобные признаки ранее включались в остеологический комплекс всадника [Бужилова, 2008; Ражев, 1996; 2009 и др.]. Кроме того, на обеих локтевых костях наблюдаются следы зажившего перелома дистальной трети диафизов.

Мортык I, курган 3, погребение 1. Имеющиеся кости верхнего пояса конечностей имеют большую длину, равно как и дистальные сегменты нижней конечности, а бедренная кость ранжируется средним размером. Отметим сильно выраженное относительное удлинение дистального отдела нижней конечности. Кости данного индивида также отмечаются сильно выраженным рельефом на плечевых и предплечевых костях. Трехбалловой оценкой удостоены места крепления мышц на большеберцовых костях.

Женская серия

Женский скелет из погребения 1 кургана 1. Все длинные кости скелета имеют средние размеры. Фиксируется относительное увеличение голени за счет бедра.

Женский скелет из погребения 1 кургана 4. Кости рук средней длины, ключицы малые. Бедренные кости средней длины, но их размеры близки к малым, а дистальный сегмент нижней конечности среднего размера. Это заметно и по показателю берцово-бедренного указателя, попадающего в категорию «большой».

Скелет, принадлежащий женщине, из погр. 2 кург. 4 несколько отличается от остальных. По реконструируемой длине тела, и по продольным параметрам длинных костей он вполне схож с остальными. При этом его пропорциональные опции заметно отличаются от относительной укороченностью голени.

Визуально по остеометрическим показателям мужские скелеты морфологически близки. Женские скелеты по тотальным размерам также морфологически идентичны, что подтверждается и по стандартным отклонениям, несмотря на небольшие численности. Наблюдается тенденция к удлинению дистальных сегментов конечностей. Выделяется мужской скелет из погр. 2 кург. 1 повышенными продольными показателями. Учитывая краниологическую однородность группы, это обстоятельство можно объяснить индивидуальной изменчивостью. Опубликованных данных для сравнения остеометрических характеристик по савромато-сарматским сериям, к сожалению, немного. Так, в серии могильника сарматской культуры Южного Приуралья Прохоровка I также выделяются мужские скелеты с отчетливой гиперморфией сложения. Связывается это с наличием «чужеродного элемента» в составе однородной группы людей, оставившей могильник [Фризен, 2010, с. 313]. Остается не совсем ясным, что подразумевает автор, констатируя относительную однородность выборки при повышенной изменчивости посткраниального скелета. Обращаясь к материалам савромато-сарматского времени Покровского микрорайона в Южном Приуралье, можно отметить, что сравнение группы Мортка I возможно только по остеометрическим индексам, абсолют-

ные признаки опубликованы не были. По серии сделан вывод о пропорциональном сложении ранних кочевников из Покровского микрорайона [Фризен, 2011, с. 278]. Тем не менее по имеющимся данным можно отметить возможную схожесть физических особенностей посткраниального скелета нашей серии и представленных в публикации. При этом сравнительный анализ осложнен тем, что ряд параметров рассчитан с ошибками, что сказывается на возможности сравнения.

Только один мужской скелет выделяется из общей серии отчетливым развитием мускульной системы. Обозначенный комплекс характеристик мы склонны связывать со всадничеством. Ранее высказывался тезис о распространении верховой езды в социально обособленной части сарматского общества [Григорьев, Купцова, 2020, с. 135–142]. Эта гипотеза подтверждается результатами исследования антропологических материалов курганного могильника Мортка I.

Таким образом, можно отметить, что представленная нами серия достаточно однородна как по краниологическим, так и по остеометрическим характеристикам. Несмотря на небольшую численность выборки, население, представленное в могильнике Мортка I, вероятнее всего, имеет общие морфологические особенности с сериями из могильников достаточно большого региона Западного Казахстана и Волго-Уралья. Река Эмба, на берегу которой находится могильник, течет от западных склонов Мугоджар до Каспийского моря. К сожалению, в настоящий момент практически неизвестны изученные савромато-сарматские памятники с территории данного региона, несмотря на их большую плотность в Северном Приуралье и Южном Приуралье. По результатам как статистического, так и визуально-типологического анализа можно отметить, что могильник Мортка I входит в общий массив савромато-сарматских памятников, которые занимают не только бассейны р. Урал и Устюрт, но и Южное Приуралье и Северное Приуралье.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В скобках даны расстояния Махаланобиса с поправкой на численность.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Таблица 1. Половозрастные определения индивидов из могильника Мортък I

Table 1. Gender and age definitions of Morytk I burial ground

№ п/п	Могильник	Курган / погребение	Пол	Возраст
1	Мортък I	кург. 1, погр. 1, западн. скел.	жен.	25–35
2	Мортък V	кург. 1, погр. 1, вост. скел.	муж.	40–45
3	Мортък I	кург. 1, погр. 1, заполнение	муж.	35–45
4	Мортък I	кург. 1, погр. 2	муж.	35–45
5	Мортък I	кург. 2	муж.	35–45
6	Мортък I	кург. 3, погр. 1	муж.	35–45
7	Мортък I	кург. 3, погр. 1, восточн. скел.	муж.	35–45
8	Мортък I	кург. 3, погр. 2	–	11
9	Мортък I	кург. 4, погр. 1, нижн. скел.	жен.	25–35
10	Мортък I	кург. 4, погр. 2, втор. ярус, северн. скел.	жен.	35–45

Таблица 2. Женские серии ранних кочевников, использованные в анализе

Table 2. Women's series of early nomads used in the analysis

Серии	Территория	Авторы
Саки Притяшанья (суммарно)	Притяшанье	[Китов и др., 2019]
Аймырлыг XXXI (III–I вв. до н.э.)	Тува	[Богданова, Радзюн, 1991]
Аржан II / ранний этап алды-бельской культуры	Тува	[Чикишева, 2012]
Догээ-Баары II	Тува	[Чикишева, 2008]
Каменская культура	Южная Сибирь	[Рыкун, 2013]
Каракобинские погребения	Горный Алтай	[Чикишева 2003]
Копто / ранний этап алды-бельской культуры	Тува	[Чикишева, 2008]
Коргантасский тип памятников	Центральный Казахстан	[Китов, Бейсенов, 2015; Бейсенов и др., 2015; Beisenov, Kitov, 2015]
Кызылтан (Северный Казахстан)	Павлодарское Прииртышье	Китов, неопубликованные данные
Пазырыкская культура	Горный Алтай	[Чикишева, 2003]
Саки Алая	Южная Киргизия	[Китов, Тур, Иванов, 2019]
Саки Восточного Казахстана	Северо-Восточный Казахстан	[Гинзбург, 1956; 1961]
Саки Юго-Восточного Памира	Таджикистан	[Гинзбург, Трофимова, 1972]
Саки Нижней Сырдарьи (Тагискен и Уйгарак)	Восточное Приаралье	[Итина, Яблонский, 1997]
Саки Приаралья	Восточное Приаралье	[Трофимова, 1963]
Саргатская культура	Южная Сибирь	[Багашев, 2000; 2017]
Сарматы Западного Казахстана (IV–III вв. до н.э.)	Волго-Уральский регион и Западный Казахстан	[Китов, Мамедов, 2014]
Сарматы Западного Казахстана (V–IV вв. до н.э.)	Волго-Уральский регион и Западный Казахстан	[Китов, Мамедов, 2014]
Скифы Западной Монголии (Улангом)	Западная Монголия	[Čikiševa, 2010]
Скифы Тувы (сборная серия)	Тува	[Čikiševa, 2010]
Тагарская культура	Минусинская котловина	[Козинцев, 1977]
Тасмолинская культура	Центральный Казахстан	[Бейсенов и др., 2015; Бейсенов, Китов, 2014]
Чауху 4	Центральный Синьцзян	[Синьцзян Чауху, 1999]
Алагоу	Синьцзян // Турфанская котловина	[Хань Кансинь, 1993; 2010]
Чжаосу	Синьцзян // бассейн р.Или	[Хань Кансинь, 1993; 2010]
Ямбулак	Синьцзян / Хами	[Хань Кансинь, 1993; 2010]
Каюэ	Профинция Цинхай, Китай	[Хань Кансинь и др., 2005]
Скифы Причерноморья	Нижнее Поднепровье	[Кондукторова, 1972]
Скифы Николаевка	Поднепровье	[Великанова, 1975]
Скифы Никополь	Поднепровье	[Зиневич, 1967]
Мортък I (кон. VI – IV вв. до н.э.)	Приуралье	Материалы авторов

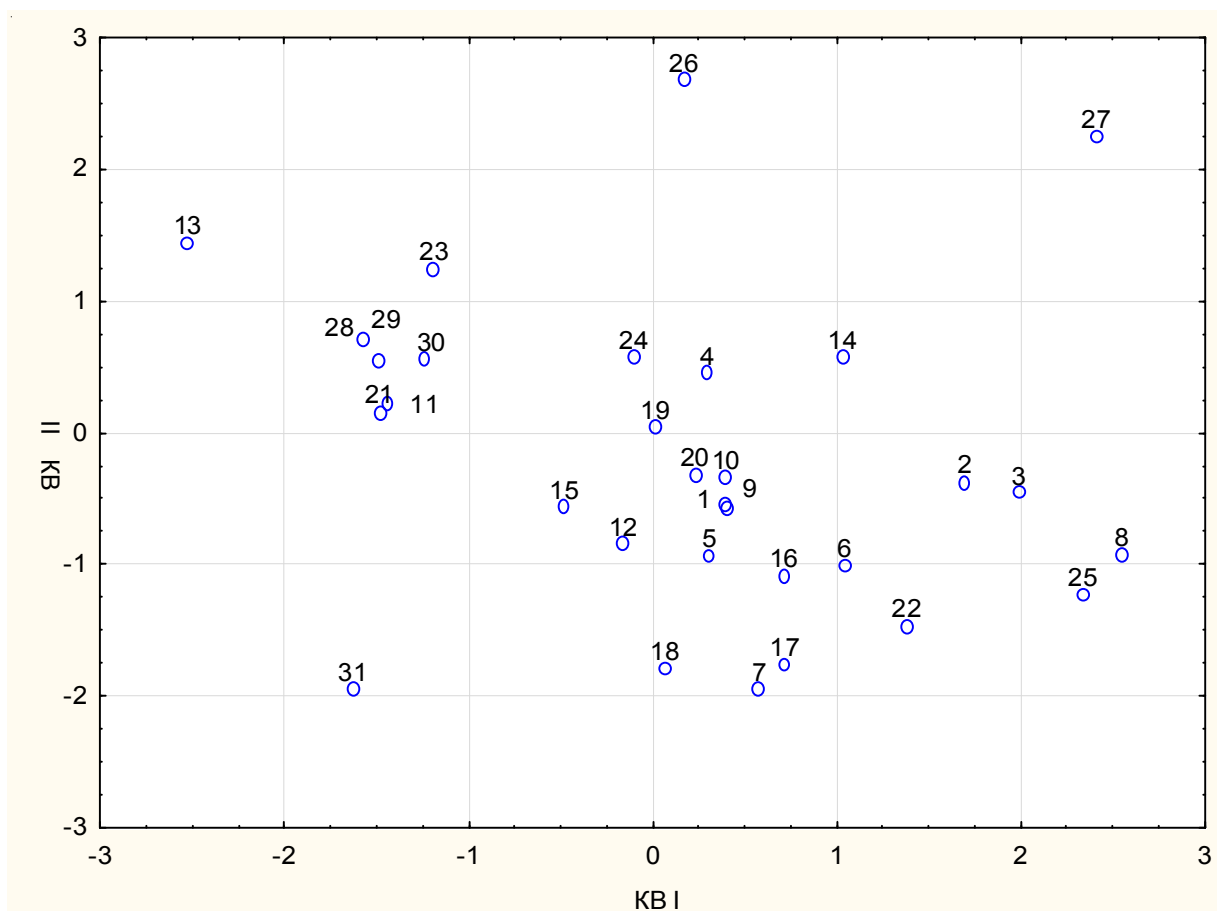

Рис. 1. Расположение женских серий в пространстве I и II КВ:

- 1 – Саки Притяньшанья (суммарно); 2 – Аймырлыг XXXI (III–I вв. до н.э.); 3 – Аржан II; 4 – Догээ-Баары II; 5 – Каменская культура; 6 – Каракобинские погребения; 7 – Копто; 8 – Коргантасский тип памятников; 9 – Кызылтан (Северный Казахстан); 10 – Пазырыкская культура; 11 – Саки Алая; 12 – Саки Восточного Казахстана; 13 – Саки Юго-Восточного Памира; 14 – Саки Нижней Сырдарьи (Тагискен и Уйгарак); 15 – Саки Приаралья; 16 – Саргатская культура; 17 – Сарматы Западного Казахстана (IV–III вв. до н.э.); 18 – Сарматы Западного Казахстана (VI–IV вв. до н.э.); 19 – Скифы Западной Монголии (Улангом); 20 – Скифы Тувы (сборная серия); 21 – Тагарская культура; 22 – Тасмолинская культура; 23 – Чауху IV; 24 – Алагоу; 25 – Чжаосу; 26 – Янбулак; 27 – Каюэ; 28 – Скифы Причерноморья; 29 – Скифы Николаевка; 30 – Скифы Никополь; 31 – Мортък I

Fig. 1. Location of female series in the space of I-th and II-d canonical vectors:

- 1 – Saka culture of Tien-Shan (summary); 2 – Aymyrylg XXXI (III–I cc. BC); 3 – Arzhan II; 4 – Dogee-Baary II; 5 – Kamenskaya culture; 6 – Karakobinsk type; 7 – Kopto; 8 – Korgantas type; 9 – Kyzyltan (Northern Kazakhstan); 10 – Pazyryk culture; 11 – Saka culture (Alay); 12 – Saka culture (Eastern Kazakhstan); 13 – Saka culture (Pamir); 14 – Saka culture (Tagisken i Uygarak); 15 – Saka culture (Aral region); 16 – Sargat culture; 17 – Sarmatians of Western Kazakhstan (IV–III cc. BC); 18 – Sarmatians of Western Kazakhstan (VI–IV cc. BC); 19 – Scythians of Western Mongolia (Ulangom); 20 – Scythians of Tuva (summary); 21 – Tagar cultur; 22 – Tasmola culture; 23 – Chaukhu IV; 24 – Alagou; 25 – Chzhaosu; 26 – Yanbulak; 27 – Kayue; 28 – Scythians (Northern Black Sea); 29 – Scythians (Nikolayevka); 30 – Scythians (Nikopol); 31 – Mortyk I

Таблица 3. Нагрузки на канонические вектора

Table 3. Factor structure of the canonical analysis

№ признака по Мартину	КВ I	КВ II	КВ III
1	-0.448	0.446	-0.264
8	0.486	-0.574	0.458
17	0.064	0.380	-0.075
9	-0.714	-0.173	0.068
45	0.005	-0.310	-0.516
48	-0.092	-0.279	0.569
55	0.357	0.559	-0.058
54	0.169	0.141	0.457
51	0.183	-0.243	-0.549
52	0.042	0.248	0.244
77	0.237	0.219	-0.418
zm	0.292	-0.047	0.143
SS:SC	-0.092	-0.456	-0.191
75 (1)	-0.581	0.135	0.398
Собственное значение	66.32	41.98	8.79
% объясняемой изменчивости	44,2	27,9	5,9

Таблица 4. Краниологическая характеристика мужских черепов из могильника Мортык I

Table 4. Craniological characteristics of male skulls from the Mortyk I burial ground

Признак по Мартину		Мортык I			
		кург. 1, погр. 1, вост. скел.	кург. 1, погр. 2	кург. 2	кург. 3, погр. 1
<i>Признак</i>	<i>Линейные:</i>	35–45	35–45	45–55	35–45
1.	Продольный диаметр	191,0	188,0	182,0	196,0
8.	Поперечный д.	145,0	145,0	146,0	–
17.	Высотный д.	–	–	130,0	–
20.	Ушная высота	–	–	114,0	–
5.	Длина осн. черепа	–	–	96,0	–
9.	Наим. ширина лба	102,0	99,0	97,0	105,0
10.	Наиб. ширина лба	130,0	118,0	126,0	–
11.	Шир. осн. черепа	–	–	128,0	–
12.	Ширина затылка	–	–	112,0	–
25.	Сагиттальная дуга	368,0	394,0	371,0	–
26.	Лобная дуга	132,0	133,0	129,0	136,0
27.	Теменная дуга	120,0	150,0	127,0	130,0
28.	Затылочная дуга	116,0	111,0	115,0	120,0
29.	Лобная хорда	120,0	116,0	115,0	119,0
30.	Теменная хорда	115,0	129,0	113,0	117,0
31.	Затылочная хорда	92,0	–	87,0	90,0
40.	Длина осн. лица	–	–	96,0	–
43.	Верхняя ширина лица	110,0	112,0	111,0	–
45.	Скуловой диаметр	119,0	–	141,0	–
46.	Средняя ширина лица	–	97,0	98,0	–
47.	Полная высота лица	132,0	116,0	–	–
48.	Верхняя высота лица	81,0	71,0	70,0	–
51.	Ширина орбиты	50,2	40,5	45,8	–
51a.	Ширина орбиты от d.	–	–	42,0	–
52.	Высота орбиты	36,6	35,1	31,3	–
54.	Ширина носа	23,3	21,1	23,5	–
55.	Высота носа	58,1	51,5	48,9	–
60.	Длина альвеол. дуги	–	58,0	54,0	–

Окончание таблицы 4

End of Table 4

Признак по Мартину		Моргык I			
		кург. 1, погр. 1, вост. скел.	кург. 1, погр. 2	кург. 2	кург. 3, погр. 1
61.	Шир. альвеол. дуги	–	65,0	60,1	–
sc.	Симотическая ширина	6,1	–	9,0	–
ss.	Симотическая высота	3,9	–	4,2	–
mc.	Максиллофр. ширина	15,5	–	19,5	–
ms.	Максиллофр. высота	5,6	–	7,8	–
dc.	Дакриальная ширина	–	–	20,5	–
ds.	Дакриальная высота	–	–	12,8	–
FC.	Глуб. клыковой ямки	4,6	7,8	8,0	–
Sub.NB	Высота изгиба лба	27,8	28,7	29,0	–
Угловы:					
32.	Наклона лба	–	–	83°	–
GM/FH	Профиля лба от g.	–	–	74°	–
72.	Общелицевой	–	–	84°	–
73.	Среднелицевой	–	–	92°	–
74.	Альвеолярной части	–	–	68°	–
75.	У. наклона нос. костей	–	–	54°	–
75(1).	Выступания носа	28°	–	30°	–
77.	Назомаллярный	129°	145°	141°	–
zm.	Зигомаксиллярный	–	136°	134°	–
Указатели:					
8/1.	Черепной	75,9	77,1	80,2	–
17/1.	Высотно-продольный	–	–	71,4	–
17/8.	Высотно-поперечный	–	–	89,0	–
20/1.	Высотно-прод. от р.	–	–	62,6	–
20/8.	Высотно-попер. от р.	–	–	78,1	–
9/8.	Лобно-поперечный	70,3	68,3	66,4	–
9/43.	Фронтно-малярный	92,7	88,4	87,4	–
40/5.	Выступания лица	–	–	100,0	–
48/45.	Верхнелицевой	68,1	–	49,6	–
47/45.	Общелицевой	110,9	–	–	–
52/51.	Орбитный	72,9	86,7	68,3	–
54/55.	Носовой	40,1	41,0	48,1	–
ss/sc.	Симотический	63,9	–	46,7	–
ms/mc.	Максиллофронтальный	36,1	–	40,0	–
ds/dc.	Дакриальный	–	–	62,4	–
Нижняя челюсть:					
65.	Мышечковая ширина	104,0	130,0	126,0	–
66.	Угловая ширина	92,0	114,0	110,0	–
67.	Передняя ширина	48,5	48,5	45,9	–
69.	Высота симфиза	37,0	33,5	29,8	–
69(1).	Высота тела	35,0	30,5	–	–
69(3).	Толщина тела	18,3	12,1	13,1	–
71a.	Наим. ширина ветви	12,2	34,2	33,6	–
C.	У. выст. подбородка	74°	67°	70°	–

Таблица 5. Краниологическая характеристика женских черепов из могильников Мортык I

Table 5. Craniological characteristics of female skulls from the Mortyk I burial ground

Признак по Мартину		Мортык I кург. 1, погр. 1, зап. скел.	Мортык I кург. 4, погр. 1, ниж. скел.	Мортык I кург. 4, погр. 2, 2 яр, сев. скел.	Мортык I кург. 3, погр. 2
Признак	Линейные:	25–35	25–35	35–45	11
1.	Продольный диаметр	173,0	176,0	172,0	177,0
8.	Поперечный д.	139,0	135,0	133,0	148,0
17.	Высотный д.	127,0	115,0	122,0	–
20.	Ушная высота	111,5	110,0	105,0	–
5.	Длина осн. черепа	89,0	96,0	95,0	–
9.	Наим. ширина лба	104,0	103,0	88,0	100,0
10.	Наиб. ширина лба	123,0	114,0	112,0	125,0
11.	Шир. осн. черепа	126,0	118,0	115,0	–
12.	Ширина затылка	114,0	109,0	104,0	113,0
25.	Сагиттальная дуга	364,0	354,0	340,0	362,0
26.	Лобная дуга	128,0	128,0	107,0	120,0
27.	Теменная дуга	125,0	128,0	131,0	127,0
28.	Затылочная дуга	111,0	98,0	102,0	115,0
29.	Лобная хорда	108,0	109,0	96,0	105,0
30.	Теменная хорда	112,0	115,0	115,0	113,0
31.	Затылочная хорда	90,0	83,0	86,0	92,0
40.	Длина осн. лица	93,0	95,0	100,0	–
43.	Верхняя ширина лица	108,0	107,0	105,0	106,0
45.	Скуловой диаметр	132,0	118,0	130,0	–
46.	Средняя ширина лица	94,0	88,0	92,0	91,0
47.	Полная высота лица	108,0	111,0	107,0	102,0
48.	Верхняя высота лица	66,0	73,0	66,0	64,5
51.	Ширина орбиты	43,6	44,6	41,9	43,1
51a.	Ширина орбиты от d.	40,5	42,4	39,3	39,4
52.	Высота орбиты	34,7	35,5	28,4	32,6
54.	Ширина носа	23,6	22,3	24,1	24,3
55.	Высота носа	45,4	50,5	47,5	45,3
60.	Длина альвеол. дуги	52,0	52,2	56,0	51,2
61.	Шир. альвеол. дуги	59,1	59,3	61,0	62,3
62.	Длина неба	44,3	43,3	48,3	42,1
63.	Ширина неба	38,7	35,7	40,1	38,6
sc.	Симметрическая ширина	4,7	10,2	8,1	9,0
ss.	Симметрическая высота	2,6	4,4	5,6	3,2
mc.	Максиллофр. ширина	17,9	19,3	17,5	21,3
ms.	Максиллофр. высота	4,2	8,3	6,7	5,5
dc.	Дакриальная ширина	21,3	20,3	22,0	–
ds.	Дакриальная высота	9,1	11,0	9,6	–
FC.	Глуб. клыковой ямки	4,8	4,5	6,8	1,9
Угловые:					
32.	Наклона лба	90°	79°	83°	–
GM/FH	Профиля лба от g.	83°	76°	74°	–
72.	Общелицевой	78°	88°	78°	–
73.	Среднелицевой	87°	97°	76°	–
74.	Альвеолярной части	66°	73°	61°	–
75(1).	Выступания носа	29°	18°	28°	–
77.	Назомаллярный	146°	129°	146°	139°
zm.	Зигомаксиллярный	125°	125°	134°	128°

Окончание таблицы 5

End of Table 5

Признак по Мартину		Мортык I кург. 1, погр. 1, зап. скел.	Мортык I кург. 4, погр. 1, ниж. скел.	Мортык I кург. 4, погр. 2, 2 яр, сев. скел.	Мортык I кург. 3, погр. 2
Указатели:					
8/1.	Черепной	80,3	76,7	77,3	83,6
17/1.	Высотно-продольный	73,4	65,3	70,9	–
17/8.	Высотно-поперечный	91,4	85,2	91,7	–
20/1.	Высотно-прод. от р.	64,5	62,5	61,0	–
20/8.	Высотно-попер. от р.	80,2	81,5	78,9	–
9/8.	Лобно-поперечный	74,8	76,3	66,2	67,6
9/43.	Фронтно-малярный	96,3	96,3	83,8	94,3
40/5.	Выступания лица	104,5	99,0	105,3	–
48/45.	Верхнелицевой	50,0	61,9	50,8	–
52/51.	Орбитный	79,6	79,6	67,8	75,6
54/55.	Носовой	52,0	44,2	50,7	53,6
ss/sc.	Симотический	55,3	43,1	69,1	35,6
ms/mc.	Максиллофронтальный	23,5	43,0	38,3	25,8
ds/dc.	Дакриальный	42,7	54,2	43,6	–
Нижняя челюсть:					
65.	Мыщелковая ширина	116,0	101,0	–	–
66.	Угловая ширина	101,0	87,5	–	–
67.	Передняя ширина	45,0	49,1	45,3	–
69.	Высота симфиза	32,2	29,6	–	–
69(1).	Высота тела	28,7	29,5	31,5	–
69(3).	Толщина тела	11,5	11,7	11,7	–
71a.	Наим. ширина ветви	33,1	36,0	29,7	–
C.	У. выст. подбородка	72°	60°	–	–

Таблица 6. Индивидуальные остеометрические данные скелетов могильника Мортук I

Table 6. Individual osteometric data of Moryuk I burial ground

Курган, погребение Пол	кург. 1, погр. 1		кург. 1, погр. 2		кург. 2		кург. 3, погр. 1		кург. 1, погр. 1		кург. 4, погр. 1		кург. 4, погр. 2	
	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.
Признак / сторона	мужчины				женщины									
Плечевая кость														
1.	Наиб. длина	–	ок.350	–	332,0	331,0	340,0	335,5	310,0	312,0	308,0	304,0	–	295,0
2.	Полн. длина	–	–	328,0	327,0	339,0	333,0	304,0	305,0	304,0	302,0	297,0	–	293,0
3.	Шир. верх. эпиф.	–	–	52,0	52,0	51,0	50,0	47,5	47,5	47,2	47,0	45,0	–	46,0
4.	Шир. ниж. эпиф.	–	66,0	62,0	69,0	68,0	67,0	64,0	57,0	56,0	54,0	55,0	61,0	61,0
5.	Наиб. д. сер. диаф.	–	26,0?	23,0?	24,5	24,0	27,0	27,0	21,0	21,0	20,5	19,0	–	23,0
6.	Наим. д. сер. диаф.	–	19,5?	19,0?	19,5	19,0	19,5	19,0	16,0	16,0	17,0	17,5	–	17,0
7.	Наим. окр. диаф.	–	70,0	70,5	68,0	68,0	70,0	70,0	59,0	58,5	58,0	57,0	66,0	66,0
7а.	Окр. сер. диаф.	–	76,0?	76,5?	75,0	73,0	80,0	77,0	64,0	62,0	63,0	60,0	–	69,0
7/1.	Указ. прочности	–	–	–	20,5	20,5	20,6	20,9	19,0	18,8	18,8	18,8	–	22,4
Локтевая кость														
1.	Наиб. длина	272,0	260,0	255,0	256,0	254,0	–	–	–	–	227,0	225,0	234,0	226,0
2.	Физиол. длина	261,0	244,0	239,0	239,0	237,0	–	–	–	–	216,0	215,0	221,0	213,0
3.	Наим. окружность	49,0	45,0	44,0	44,0	42,0	42,0?	–	37,0	–	37,0	35,0	41,0	40,0
4.	Попер. диам. диаф.	21,0	18,0	18,0	18,0	18,0	20,0	20,0	–	–	16,5	15,0	18,0	17,5
5.	Сагит. диам. диаф.	15,0	13,0	12,0	14,0	14,0	12,0	14,5	–	–	11,0	11,0	12,5	11,5
3/2.	Ук. прочности	18,8	18,4	18,4	18,4	17,7	–	–	–	–	17,1	16,3	18,6	18,8
Локтевая кость														
1.	Наиб. длина	299,0	282,0	277,0	275,0??	270,0??	–	–	250,0	249,0	246,0	246,0	251,0	–
2.	Физиол. длина	259,0	248,0	245,0	243,0??	241,0??	–	–	220,0	218,0	216,0	218,0	220,0	213,0
3.	Наим. окружность	45,0	42,0	42,0	40,0	40,0	–	–	31,0	31,0	33,0	32,0	41,0	43,0
11.	Сагит. диам. диаф.	16,0	15,0	14,0	12,0	12,0	–	–	15,0	11,5	12,0	10,0	1,0	13,0
12.	Попер. диам. диаф.	19,5	18,0	19,0	18,0	18,0	–	–	19,0	15,5	16,0	16,0	16,0	17,0
3/2.	Указ. прочности	17,4	16,9	17,1	–	–	–	–	14,1	14,2	15,3	14,7	18,6	20,2
Ключица														
1.	Длина	147,0	154,0	<154,0	145,0	142,0	156,0	162,0	131,0	133,0	123,0	126,0	153,0	153,0
6.	Окр. сер. диафиза	–	44,0	42,0	41,0	36,0	42,0	41,0	32,0	33,0	36,0	38,0	35,0	33,0
6/1.	Ук. прочности	–	28,6	–	28,3	25,4	26,9	25,3	24,4	24,8	29,3	30,2	22,9	21,6
Лопатка														
1.	Морф. высота	–	–	–	160,0	161,0	–	–	–	–	–	–	–	–
2.	Морф. ширина	–	109,0	–	110,0	109,0	103,0	103,0	92,0	–	–	91,0	–	–

Продолжение таблицы 6
Continuation of Table 6

Курган, погребение Пол	кург. 1, погр. 1		кург. 1, погр. 2		кург. 2		кург. 3, погр. 1		кург. 1, погр. 1		кург. 4, погр. 1		кург. 4, погр. 2			
	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.		
Признак / сторона	мужчины				женщины				женщины							
	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.		
Бедренная кость																
1.	Наиб. длина	-	492,0	-	454,0	460,0?	-	456,0	425,0	424,0	409,0??	415,0	435,0	426,0		
2.	Общая длина	-	488,0	-	454,0	460,0?	-	455,0	423,0	420,0	409,0??	409,0	427,0	422,0		
21.	Мышелк. ширина	-	81,0	-	87,0	-	-	82,0	71,0	72,0	76,0	76,0	77,0	-		
6.	Сагит. д. сер. диаф.	-	32,0	-	31,0	30,0	-	35,0	28,0	27,0	24,0	26,0	27,0	25,0		
7.	Попер. д. сер. диаф.	-	28,0	-	30,5	31,0	-	28,0	24,5	24,0	24,0	24,5	28,0	27,0		
9.	Верхн. попер. диам.	-	31,5	-	35,0	35,0	-	29,0	29,0	28,0	30,5	28,0	35,0	30,0		
10.	Верхн. сагит. диам.	-	30,0	-	30,0	27,5	-	32,5	26,0	26,0	26,0	23,0	24,0	23,0		
8.	Окр. сер. диафиза	-	95,0	-	96,0	96,0	-	100,0	82,0	81,0	78,0	80,0	87,0	84,0		
17.	Окр. шейки	-	103,5	-	100,0	100,0	-	-	93,0	93,0	-	90,0	-	-		
6/7.	Ук. пиллястрии	-	87,5	-	98,4	96,8	-	125,0	114,3	112,5	100,0	106,1	96,4	92,6		
10/9	Ук. платимерии	-	95,2	-	85,7	78,6	-	112,1	89,7	92,9	85,2	82,1	68,6	76,7		
8/2.	Ук. массивности	-	19,5	-	21,1	20,9?	-	22,0	19,4	19,3	19,1??	19,6	20,4	19,9		
Большеберцовая кость																
1.	Общая длина	-	400,0	-	377,0	374,0	-	379,0	353,0	352,0	342,0	343,0	331,0	331,0		
5.	Наиб. шир. в. эпиф.	-	80,0	-	76,0	78,0	-	76,0	69,0	68,0	70,0	72,5	73,0	-		
6.	Наиб. шир. н. эпиф.	-	46,0	45,0	55,0	52,0	-	55,0	49,0	48,0	47,0	49,0	51,0	50,0		
8.	Сагит. д. сер. диаф.	-	30,5	-	28,5	29,0	-	31,0	32,0	26,5	23,5	24,0	26,0	25,0		
9.	Попер. д. сер. диаф.	-	21,0	-	24,0	23,0	-	26,0	29,0	21,0	20,0	20,0	21,0	9,0		
8а.	Саг. д. на ур. лит. от.	-	36,0	37,0	35,5	34,0	-	35,0	32,0	32,0	29,0	28,0	31,0	30,0		
9а.	Пол. д. на ур. лит. от.	-	24,0	25,5	26,0	27,0	-	29,0	23,0	23,0	21,0	22,0	25,0	22,0		
10.	Окр. сер. диаф.	-	83,0	-	82,0	84,0	-	91,0	76,0	76,0	70,0	70,0	-	-		
10b.	Наим. окр. диаф.	-	75,0	75,0	75,0	76,0	-	80,0	69,0	69,0	67,0	66,0	76,0	72,0		
9а/8а	Ук. платикемии	-	66,7	-	73,2	79,4	-	77,1	71,9	71,9	72,4	78,6	70,0	67,0		
10b/1.	Ук. массивности	-	18,8	-	19,9	20,3	-	21,1	19,6	19,6	19,6	19,2	23,0	21,8		
Малоберцовая кость																
1.	Наиб. длина	-	395,0	397,0	-	372,0	376,0	377,0	-	-	338,0	-	330,0	323,0		
Таз																
1.	Высота	-	-	-	229,0	-	-	-	197,0	197,0	-	-	200,0	-		
2.	Наиб. ширина	-	-	-	-	-	-	-	238,0	-	251,0	-	270,0	-		
7.	Шир. межд. вертл.	-	-	-	-	-	-	-	127,0	-	120,0	-	121,0	-		
12.	Шир. подвзд. к.	-	-	166,0	-	-	-	-	147,0	-	144,0	143,0	145,0	138,0		
Крестец																
5.	Ширина	120,0	118,0	-	-	-	109,0	-	107,0	-	113,0	-	122,0	-		
2.	Высота	120,0	-	-	-	-	-	-	115,0	-	98,0	-	99,0	-		

Окончание таблицы 6
End of Table 6

Курган, погребение	кург. 1, погр. 1		кург. 1, погр. 2		кург. 2		кург. 3, погр. 1		кург. 1, погр. 1		кург. 4, погр. 1		кург. 4, погр. 2			
	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.		
Пол	мужчины				женщины				женщины							
Признак / сторона	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.		
Указатели и условные показатели																
Луче-плечевой	–	–	–	71,1	76,7	–	–	–	–	–	73,7	74,0	–	76,6		
Берцово-бедренный	–	–	82,0	83,0	81,3?	–	84,2	83,8	83,5	83,9	–	83,9	77,5	78,4		
Плече-бедренный	–	–	–	73,1	72,0?	–	73,7	74,3	73,3	74,3	–	74,3	–	69,9		
Луче-берцовый	–	–	65,0	67,9	67,9	–	–	–	–	–	66,4	65,6	70,7	68,3		
Интермембральный	–	–	–	70,8	–	–	–	–	–	–	–	70,3	–	69,2		
УПОС	–	–	–	7839,9	7930,1?	–	8882,4	5499,2	–	5099,4	–	5099,4	–	5978,5		
УПВС1	–	–	–	1419,0	1419,0?	–	–	–	–	1287,0	–	1287,0	–	1278,0		
УПВС2	–	–	–	1419,0	1419,0?	–	–	–	–	1281,0	–	1281,0	–	1274,0		
Длина тела																
по В.В. Бунаку	–	–	173,0	165,7	–	–	166,7	159,4	159,1	–	–	157,0	157,9	156,8		
по Г.Ф. Дебецу	–	–	174,1	170,8	–	–	173,3	165,3	165,0	–	–	162,6	153,1	154,9		

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф., 1964. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М. : Наука. 128 с.
- Багашев А. Н., 2017. Антропология Западной Сибири. Новосибирск : Наука. 408 с.
- Багашев А. Н., 2000. Палеоантропология Западной Сибири: Лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск : Наука. 374 с.
- Бейсенов А. З., Исмагулова А. О., Китов Е. П., Китова А. О., 2015. Население Центрального Казахстана в I тысячелетии до н.э. Алматы : Институт археологии им. А.Х. Маргулана. 170 с.
- Бейсенов А. З., Китов Е. П., 2014. Могильник тасмолинской культуры Талды II в Центральном Казахстане (краниологический анализ) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История, № 4 (28). С. 71–85. DOI: <https://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2014.4.7>.
- Богданова В. И., Радзюн А. Б., 1991. Палеоантропологические материалы гунно-сарматского времени из Центральной Тувы // Новые коллекции и исследования по антропологии и археологии. Сборник музея антропологии и этнографии. Вып. XLIV. СПб. : Наука. С. 55–100.
- Бужилова А. П., 1998. Программа фиксации индикаторов механического стресса, связанного с верховой ездой // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М. : ИА РАН. С. 169–174.
- Бужилова А. П., 2005. Homo sapiens: История болезни. М. : Языки славянской культуры. 320 с.
- Бужилова А. П. 2008. К вопросу о распространении традиции верховой езды: анализ антропологических источников // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Т. 6. С. 110–120.
- Великанова М. С., 1975. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М. : Наука. 284 с.
- Гинзбург В. В., 1956. Древнее население Восточных и Центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным // Труды ИЭ АН СССР. Т. XXXIII. М. : Изд-во АН СССР. С. 238–298.
- Гинзбург В. В., 1961. К антропологии ранних кочевников Восточного Казахстана (череп V–IV вв. до н.э. из могильника Усть-Буконь) // Антропологический сборник. № 3. М. : Наука. С. 82–97.
- Гинзбург В. В., Трофимова Т. А., 1972. Палеоантропология Средней Азии. М. : Наука. 371 с.
- Гончаров И. А., Гончарова Н. Н., 2016. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ 2015663150 Российская Федерация. Программа MultiCan для анализа многомерных массивов данных с использованием статистик выборок и параметров генеральной совокупности (MultiCan). № 2016610803 ; заявл. 24.11.2015 ; опубли. 19.01.2016. 1 с.
- Григорьев А. П., Купцова Л. В., 2020. Антропологические материалы раннего железного века из курганного могильника у с. Самородово в Оренбуржье // Маргулановские чтения – 2020 : материалы Междунар. археол. науч.-практ. конф. Алматы : Хикари. С. 135–142.
- Дебец Г. Ф., 1964. Опыт определения веса живых людей по размерам длинных костей // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М. : Наука. 11 с.
- Зиневич Г. П., 1967. Очерки палеоантропологии Украины. Киев : Наукова Думка. 240 с.
- Итина М. А., Яблонский Л. Т., 1997. Саки нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М. : РОССПЭН. 187 с.
- Китов Е. П., Бейсенов А. З., 2015. Первые краниологические данные памятников коргантасского типа Центрального Казахстана // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 64. № 14 (369). С. 16–28.
- Китов Е. П., Мамедов А. М., 2014. Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке. Астана : Издательская группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана. 352 с.
- Китов Е. П., Тур С. С., Иванов С. С., 2019. Палеоантропология сакских культур Притяньшанья (VIII – 1-я половина II в. до н.э.). Алматы : Хикари. 300 с.
- Козинцев А. Г., 1977. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л. : Наука. 142 с.
- Кондукторова Т. С., 1972. Антропология древнего населения Украины. М. : МГУ. 155 с.
- Мамонова Н. Н., 1986. Опыт применения таблиц В.В. Бунака при разработке остеометрических материалов // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М. : Наука. С. 21–33.

- Медникова М. Б., 1998. Описательная программа балловой оценки степени развития рельефа длинных костей // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М. : ИА РАН. С. 161–165.
- Пежемский Д. В., 2011. Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения : дис. ... канд. биол. наук. М. 326 с.
- Ражев Д. И., 2009. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург : УрО РАН. 492 с.
- Ражев Д. И., 1996. Комплекс остеологических признаков всадников // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск : Рифей. С. 251–258.
- Рохлин Д. Г., 1965. Болезни древних людей. М. ; Л. : Наука. 304 с.
- Рыкун М. П., 2013. Палеоантропология Верхнего Приобья эпохи раннего железа (по материалам каменской культуры). Барнаул : Изд-во Алтайского университета. 283 с.
- Смаилов Ж. Е., Книссарин Б. А., Хасенова Б. М., Ганиева А. С. 2005. Отчет по теме: Археологическое изучение территории освоения CNPC «Актобемунайгаз» (газопровод Жанажол-Кенкияк) Мугоджарский район Актюнской области. Т. 3 // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 2. Д. 2680. 297 с.
- Трофимова Т. А., 1963. Приаральские саки (Краниологический очерк) // Полевые исследования Хорезмийской экспедиции в 1958–1961 гг. : материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 6. М. : Наука. С. 221–247.
- Фризен С. Ю., 2010. Остеологические (палеоантропологические) материалы из могильника Прохоровка // Яблонский Л.Т. Прохоровка: у истоков сарматской археологии. Материалы и исследования по археологии России. М. : Таус. С. 313–323.
- Фризен С. Ю., 2011. Остеологические материалы савромато-раннесарматского времени из могильников покровского микрорайона // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 13, № 3. С. 276–279.
- Чикишева Т. А., 2012. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита-раннего железа. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН. 468 с.
- Чикишева Т. А., 2008. К вопросу о формировании антропологического состава ранних кочевников Тувы // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4. С. 120–139.
- Чикишева Т. А., 2003. Население горного Алтая в эпоху раннего железа по данным антропологии // Население Горного Алтая в эпоху раннего железа как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). Новосибирск : Изд-во СО РАН. С. 63–120.
- Weisenov A., Kitov E., 2015. Craniological Materials from Burials of Second Half of the I Millennium BC in Central Khazakstan // Ancient Cultures of the Northern Area of China, Mongolia and Baikalian Siberia. Huh-Hoto : Scientific press. P. 585–591.
- Čikiševa T.A., 2010. Die paläoantropologischen Materialien // Cugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürsten kurgan Arzan 2 in Tuva. Archäologie in Eurasien. Band 26. Mainz : Verlag Philipp von Zabern. 330 p.
- 韩康信 [Хань Кансинь], 1993. 丝绸之路古代居民种族人类学研究。[Расово-антропологическое исследование древнего населения на Шёлковом пути]. Урумчи : Народное издательство Синьцзяна. 426 с. (на кит. яз.).
- 韩康信 [Хань Кансинь], 2010. 丝绸之路古代种族研究。[Исследование древних рас на Шёлковом пути]. Урумчи : Народное издательство Синьцзяна. 532 с. (на кит. яз.).
- 韩康信, 谭婧泽, 张帆 [Хань Кансинь, Тан Цзиньцэ, Чжан Фань], 2005. 中国西北地区古代居民民族研究。[Расовые исследования древнего населения Северо-Западного региона Китая]. Шанхай : Изд-во Фуданьского университета. 293 с. (на кит. яз.).
- 新疆察吾呼 : 大型氏族墓地发掘报告 [Синьцзян Чауху], 1999. 新疆文物考古研究所编著 [Отчет о раскопках крупного родового могильника]. Пекин : Восток. 416 с. (на кит. яз.).

REFERENCES

- Alekseev V.P., Debets G.F., 1964. Kraniometriya: Metodika antropologicheskikh issledovaniy [Cranio-metry: Methodology of Anthropological Research]. Moscow, Nauka Publ. 128 p.
- Bagashev A.N., 2017. *Antropologiya Zapadnoy Sibiri* [Anthropology of Western Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ. 408 p.
- Bagashev A.N., 2000. *Paleoantropologiya Zapadnoy Sibiri: Lesostep v epokhu rannego zheleza* [Paleoanthropology of Western Siberia: Forest-Steppe Region in the Early Iron Age]. Novosibirsk, Nauka Publ. 374 p.

- Beysenov A.Z., Ismagulova A.O., Kitov E.P., Kitova A.O., 2015. *Naseleniye Tsentralnogo Kazakhstana v I tysyacheletii do n.e.* [The Population of Central Kazakhstan in the 1st millennium BC]. Almaty, Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan. 170 p.
- Beysenov A.Z., Kitov E.P., 2014. Mogilnik tasmolinskoy kultury Taldy II v Tsentralnom Kazakhstane (kraniologicheskiy analiz) [The Taldy II Burial Ground of Tasmoly Culture in the Central Kazakhstan (Craniological Analysis)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya* [Science Journal of Volgograd State University. History], no. 4 (28), pp. 71-85. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2014.4.7>.
- Bogdanova V.I., Radzyun A.B., 1991. Paleoantropologicheskiye materialy gunno-sarmatskogo vremeni iz Tsentralnoy Tuvy [Paleoanthropological Materials of the Hun-Sarmatian Time from Central Tuva]. *Novyye kolleksii i issledovaniya po antropologii i arkheologii. Sbornik muzeya antropologii i etnografii* [New Collections and Research of Anthropology and Archaeology. Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography], vol. XLIV. Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 55-100.
- Buzhilova A.P., 1998. Programma fiksatsii indikatorov mekhanicheskogo stressa, svyazannogo s verkhovoy ezдой [The Program for Fixing Indicators of Mechanical Stress Associated with Riding]. *Istoricheskaya ekologiya cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniy* [Historical Human Ecology. The Methodology of Biological Research]. Moscow, IARAS, pp. 169-174.
- Buzhilova A.P., 2005. *Homo sapiens: Istoriya bolezni* [Homo Sapiens: Medical History]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 320 p.
- Buzhilova A.P., 2008. K voprosu o rasprostraneniі traditsii verkhovoy ezdy: analiz antropologicheskikh istochnikov [About of the Spread of the Riding Tradition: Analysis of Anthropological Sources]. *OPUS: Mezhdistsiplinarnyye issledovaniya v arkheologii* [OPUS: Interdisciplinary Research in Archaeology], vol. 6, pp. 110-120.
- Velikanova M.S., 1975. *Paleoantropologiya Prutsko-Dnestrovskogo mezhdurechia* [Paleoanthropology of the Prut-Dniester Region]. Moscow, Nauka Publ. 284 p.
- Ginzburg V.V., 1956. Drevneye naseleniye Vostochnykh i Tsentralnykh rayonov Kazakhskoy SSR po antropologicheskim dannym [The Ancient Population of the Eastern and Central Regions of the Kazakh SSR According to Anthropological Data]. *Trudy IE AN SSSR* [Proceedings of IE USSR Academy of Sciences], vol. XXXIII. Moscow, Academy of Sciences Publishing, pp. 238-298.
- Ginzburg V.V., 1961. K antropologii rannikh kochevnikov Vostochnogo Kazakhstana (cherepa V–IV vv. do n.e. iz mogilnika Ust-Bukon) [About Anthropology of the Early Nomads of East Kazakhstan (Skulls of the 5th - 4th Centuries BC from the Ust-Bukon Burial Ground)]. *Antropologicheskiy sbornik* [Anthropological Digest], no. 3. Moscow, Nauka Publ., pp. 82-97.
- Ginzburg V.V., Trofimova T.A., 1972. *Paleoantropologiya Sredney Azii* [Paleoanthropology of Central Asia]. Moscow, Nauka Publ. 371 p.
- Goncharov I.A., Goncharova N.N., 2016. *Programma MultiCan dlya analiza mnogomernykh massivov dannykh s ispolzovaniyem statistik vyborok i parametrov generalnoy sovokupnosti (MultiCan)* [MultiCan program for the analysis of multidimensional data arrays using statistics of samples and parameters of the general aggregates]. *Svidetelstvo o registratsii prav na PO № 2016610803*. 1 p.
- Grigor'ev A.P., Kuptsova L.V., 2020. Antropologicheskiye materialy rannego zheleznogo veka iz kurgannogo mogil'nika u s. Samorodovo v Orenburzh'e [Anthropological Materials of the Early Iron Age from the Cemetery near the vil. Samorodovo in the Orenburg Region]. *Margulanovskie chteniya – 2020: materialy Mezhdunar. arkheol. nauch.-prakt. konf.* [Margulanovo Readings - 2020. Materials of the International Archaeological Science-Practical Conference]. Almaty, Khikari, pp. 135-142.
- Debets G.F., 1964. Opyt opredeleniya vesa zhivykh lyudey po razmeram dlinnykh kostey [The Experience of Determining the Weight of Living People by the Size of Long Bones]. *Trudy VII Mezhdunarodnogo kongressa antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk* [Proceedings of the VII International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences]. Moscow, Nauka Publ. 11 p.
- Zinevich G.P., 1967. *Ocherki paleoantropologii Ukrainy* [Essays on Paleoanthropology of the Ukraine]. Kiyev, Naukova Dumka Publ. 240 p.
- Itina M.A., Yablonskiy L.T., 1997. *Saki nizhney Syrdaryi (po materialam mogilnika Yuzhnyy Tagisken)* [Sakas of the Lower River Syr-Darya (Materials from the South Tagisken Cemetery)]. Moscow, ROSSPEN Publ. 187 p.
- Kitov E.P., Beysenov A.Z., 2015. Pervyye kraniologicheskiye dannyye pamyatnikov korgantasskogo tipa Tsentralnogo Kazakhstana [The First Craniological Data of the Korgantas Types Burials in Central Kazakhstan].

- Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. History], vol. 64, no. 14 (369), pp. 16-28.
- Kitov E.P., Mamedov A.M., 2014. *Kochevoye naseleniye Zapadnogo Kazakhstana v rannem zheleznom veke* [The Nomadic Population of Western Kazakhstan in the Early Iron Age]. Astana, Branch of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan in Astana. 352 p.
- Kitov E.P., Tur S.S., Ivanov S.S., 2019. *Paleoantropologiya saksikh kultur Prityanshanii (VIII – I-ya polovina II v. do n.e.)* [Paleoanthropology of Saka Cultures of the Tien Shan (VIII - 1st half of the II century BC)]. Almaty, Khikari Publ. 300 p.
- Kozintsev A.G., 1977. *Antropologicheskii sostav i proiskhozhdeniye naseleniya tagarskoy kul'tury* [Anthropological Composition and Origin of the Population of Tagar Culture]. Leningrad, Nauka Publ. 142 p.
- Konduktorova T.S., 1972. *Antropologiya drevnego naseleniya Ukrainy* [Anthropology of the Ancient Population of the Ukraine]. Moscow, MSU. 155 p.
- Mamonova N.N., 1986. Opyt primeneniya tablits V.V. Bunaka pri razrabotke osteometricheskikh materialov [The Experience of Using Tables V.V. Bunaka in the Development of Osteometric Materials]. *Problemy evolyutsionnoy morfologii cheloveka i ego ras* [Problems of Evolutionary Morphology of Man and His Races]. Moscow, Nauka Publ., pp. 21-33.
- Mednikova M.B. 1998. Opisatel'naya programma ballovoj ocenki stepeni razvitiya relefa dlennykh kostey [Descriptive Program for Scoring the Degree of Development of the Relief of Long Bones]. *Istoricheskaya ekologiya cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniy* [Historical Human Ecology. The Methodology of Biological Research]. Moscow, IAN RAN, pp. 161-165.
- Pezhemskiy D.V., 2011. *Izmenchivost' prodolnykh razmerov trubchatykh kostey cheloveka i vozmozhnosti rekonstruktsii teloslozheniya: dis. ... kand. biol. nauk* [Variability of the Longitudinal Dimensions of the Human Tubular Bones and the Possibility of Body Reconstruction. Dr. sci. diss]. Moscow. 326 p.
- Razhev D.I., 2009. *Bioantropologiya naseleniya sargatskoy obshchnosti* [Bioanthropology of the Population of the Sargat Community]. Ekaterinburg, UrB RAS. 492 p.
- Razhev D.I., 1996. Kompleks osteologicheskikh priznakov vsadnikov [A Complex of Osteological Signs of Riders]. *Novoye v arkheologii Yuzhnogo Urala* [New in the archaeology of the Southern Urals]. Chelyabinsk, Rifev Publ., pp. 251-258.
- Rokhlin D.G., 1965. *Bolezni drevnikh lyudey* [Diseases of Ancient People]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ. 304 p.
- Rykun M.P., 2013. *Paleoantropologiya Verkhnego Priob'ya epokhi rannego zheleza (po materialam kamenskoy kultury)* [Paleoanthropology of the Upper River Ob Region of the Early Iron Age (Based on Materials from the Kamenskaya Culture)]. Barnaul, ASU. 283 p.
- Smailov Zh.E., Knissarin B.A., Khasenova B.M., Ganiyeva A.S., 2005. Otchet po teme: Arkheologicheskoye izucheniye territorii osvoyeniya CNPC «Aktobemunaygaz» (gazoprovod Zhanazhol-Kenkiyak) Mugodzharskiy rayon Aktynskoy oblasti [Report: Archeological Study of the “Aktobemunaigas” Development Area (Zhanazhol-Kenkiyak gas Pipeline) Mugodzhary District of Aktobe Region], vol. 3. *Arkhir Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana*. F. 2. D. 2680. 297 p.
- Trofimova T.A., 1963. Priaralskiye saki (Kraniologicheskii ocherk) [Saka of Aral Region (Craniological Essay)]. *Polevyye issledovaniya Khorezmiyskoy ekspeditsii v 1958–1961 gg.: materialy Khorezmskoy ekspeditsii* [Field Studies of the Khorezm Expedition in 1958–1961. Materials of the Khorezm Expedition], vol. 6. Moscow, Nauka Publ., pp. 221-247.
- Frizen S.Yu., 2010. Osteologicheskiye (paleoantropologicheskiye) materialy iz mogilnika Prokhorovka [Osteological (paleoanthropological) Materials from the Prokhorovka Cemetery]. *Yablonskiy L.T. Prokhorovka: u istokov sarmatskoy arkheologii. Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii* [Yablonsky L.T. Prokhorovka: at the Origins of Sarmatian Archaeology. Materials and research on Archaeology of Russia]. Moscow, Taus Publ., pp. 313-323.
- Frizen S.Yu., 2011. Osteologicheskiye materialy savromato-rannesarmatskogo vremeni iz mogilnikov pokrovskogo mikrorayona [Osteological Materials of the Sauromatian – Early Sarmatian Time from the Cemeteries of the Pokrovsky microdistrict]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], vol. 13, no. 3, pp. 276-279.
- Chikisheva T.A., 2012. *Dinamika antropologicheskoy differentsiatsii naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri v epokhi neolita-rannego zheleza* [Dynamics of Anthropological Differentiation of the Population of the South of Western Siberia in the Neolithic-Early Iron Age]. Novosibirsk, IAE SB RAS. 468 p.

- Chikisheva T.A., 2008. K voprosu o formirovanii antropologicheskogo sostava rannikh kochevnikov Tuvy [On the Formation of the Anthropological Composition of the Early Nomads of Tuva]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia], no. 4, pp. 120-139.
- Chikisheva T.A., 2003. Naseleniye gornogo Altaya v epokhu rannego zheleza po dannym antropologii [The Population of Altai in the Early Iron Age According to Anthropology]. *Naseleniye Gornogo Altaya v epokhu rannego zheleza kak etnokulturnyy fenomen: proiskhozhdeniye. genesis. istoricheskiye sudby (po dannym arkheologii, antropologii, genetiki)* [The Population of Altai in the early Iron Age as an Ethnocultural Phenomenon: Origin, Genesis, Historical Fate (According to Archaeology, Anthropology, Genetics)]. Novosibirsk, SB RAS, pp. 63-120.
- Beisenov A. Kitov E., 2015. Craniological Materials from Burials of Second Half of the I millennium BC in Central Khazakstan. *Ancient cultures of the nothern area of China, Mongolia and Baikalian Siberia*. Huh-Hoto, Scientific press, pp. 585-591.
- Čikiševa T.A., 2010. Die paläoantropologischen Materialien. *Cugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürsten kurgan Arzan 2 in Tuva. Archaeologie in Eurasien*, band 26. Mainz, Verlag Philipp von Zabern. 330 p.
- Khan Kansin, 1993. *Sychou chzhi lu guday tszyuymín chzhuntszu zhenleysyuye yantszyu* [Racial-Anthropological Study of the Ancient Population on the Silk Road]. Urumchi, Xinjiang People's Publishing House. 426 p. (in Chinese).
- Khan Kansin, 2010. *Sychou chzhi lu guday chzhuntszu yantszyu* [Research on Ancient Race of Silk Road]. Urumchi, Xinjiang People's Publishing House. 532 p. (in Chinese).
- Khan Kansin, Tan Tszintsze., Chzhan Fan, 2005. *Chzhungo sibey ditsyuy guday tszyuymín chzhuntszu yantszyu* [Racial Studies of the Ancient Population of the Northwest Region of China]. Shankhay, Fudan University Press. 293 p. (in Chinese).
- Sintszyan Chaukhu, 1999. *Daxing shizu mudi fajue baogao* [Report on the Excavation of a Large Clan Cemetery]. Pekin, East Publ. 416 p. (in Chinese).

Information About the Authors

Egor P. Kitov, Candidate of Science (History), Senior Researcher of Center of Human Ecology, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Lenina, 32A, 119334 Moscow, Russian Federation; Head of Laboratory for Physical Anthropology Research of Kazakhstan, Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan, Prosp. Dostyk, 44 / Shevchenko St., 28, 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan, kadet_eg@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-0159-3288>

Artem P. Grigorev, Junior Researcher, Volga-Ural Center for Paleoanthropological Research, Samara State Social and Pedagogical University, Maxim Gorky St., 65/67, 443099 Samara, Russian Federation, grap9@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7542-9942>

Информация об авторах

Егор Петрович Китов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра антропоэкологии, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Ленинский просп., 32А, 119334 г. Москва, Российская Федерация; заведующий научно-исследовательской лабораторией палеоантропологического изучения Казахстана, Институт археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, просп. Достык, 44 / ул. Шевченко 28, 050010 г. Алматы, Республика Казахстан, kadet_eg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0159-3288>

Артем Петрович Григорьев, младший научный сотрудник Волго-Уральского Центра палеоантропологических исследований, Самарский государственный социально-педагогический университет, ул. Максима Горького, 65/67, 443099 г. Самара, Российская Федерация, grap9@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7542-9942>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.8>

UDC 903.2(470.57):397
LBC 63.4(2Рос.Баш)

Submitted: 25.12.2019
Accepted: 29.04.2020

SARMATIAN DAGGER COMPLEX FROM THE SURROUNDING AREA THE VILLAGE TOLBAZY IN THE SOUTHERN URALS

Nikita S. Savelev

Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation

Sergey Yu. Nikolaev

Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation

Abstract. 8 iron daggers of the advanced stage of the Prokhorov culture (III–II centuries BC), found in different years in the vicinity of the village of Tolbazy located in the forest-steppe of the Southern Urals (Republic of Bashkortostan, Aurgazinsky district) are published. It is shown that according to physical and geographical data, this area (about 15 × 15 km) is allocated to a single microdistrict located at the crest of the Bielsko-Urshak watershed, which has a width of more than 50 km at this point. The territory of the microdistrict is elevated (100 meters or more from the foot of elevation, 250 meters above sea level on average), it abounds with small lakes and springs on the top, with the sources of small watercourses on the slopes and it is surrounded by rivers on all sides. Most of the findings were made on the plateau or at the sources of small watercourses, some of them - in river valleys. It is concluded that this area can be considered as a separate honey cell, “nomadic parish” or summer dwelling complex, which is typical for the settlement system of early nomads to the north of the hills of Obshchiy Syrt. The nearest known honey cells are located at a distance of 5–12 km from Tolbazinsky district and the number of finds of bladed weapons of the mid-late I Millennium BC varies from 3–4 to 25 pieces. It is also shown that in the III–II centuries BC, the development of bladed weapons (swords and daggers with a straight cross quillion and a crescent-shaped pommel) among the nomads followed the line of standardization of earlier forms of the Southern Urals, the assimilation of individual innovations and imitation of samples with a ring-shaped pommel representing foreign culture for the region.

Key words: Southern Urals, early nomads, Scythian-Sarmatian time, Prokhorov culture, stray finds, daggers, resettlement system.

Citation. Savelev N.S., Nikolaev S.Yu., 2020. Sarmatian Dagger Complex from the Surrounding Area the Village Tolbazy in the Southern Urals. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, vol. 19, no. 1, pp. 149-166. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.8>

УДК 903.2(470.57):397
ББК 63.4(2Рос.Баш)

Дата поступления статьи: 25.12.2019
Дата принятия статьи: 29.04.2020

КОМПЛЕКС САРМАТСКИХ КИНЖАЛОВ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ с. ТОЛБАЗЫ В ЮЖНОМ ПРИУРАЛЬЕ

Никита Сергеевич Савельев

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, г. Уфа, Российская Федерация

Сергей Юрьевич Николаев

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, г. Уфа, Российская Федерация

Аннотация. Публикуются 8 железных кинжалов развитого этапа прохоровской культуры (III–II вв. до н.э.), найденных в разные годы в окрестностях с. Толбазы в лесостепи Южного Приуралья (совр. Республика Башкортостан, Аургазинский район). Показано, что по физико-географическим данным эта территория (около 15 × 15 км) выделяется в единый микрорайон, находящийся на самом гребне Бельско-Уршакского водоразде-

ла, имеющего здесь ширину более 50 км. Территория микрорайона возвышенная (100 и более метров от подножья, в среднем 250 м над уровнем моря), изобилует небольшими озерами и родниками на вершине, истоками малых водотоков на склонах и со всех сторон окружена реками. Большинство находок сделано на плато или у истоков малых водотоков, часть – в речных долинах. Сделан вывод о том, что данная территория может рассматриваться как отдельная сота, «кочевая волость» или летовочный комплекс, что характерно для системы расселения ранних кочевников к северу от возвышенностей Общего Сырта. Ближайшие известные соты расположены на расстоянии 5–12 км от Толбазинского микрорайона и количество находок клинкового оружия середины – конца I тыс. до н.э. варьирует от 3–4 до 25. Также показано, что в III–II вв. до н.э. у кочевников Южного Урала развитие клинкового оружия (мечи и кинжалы с прямым перекрестьем и серповидным навершием) шло по линии стандартизации более ранних форм, усвоения отдельных инноваций и подражания инокультурным для данного региона образцам, имеющим кольцевидное навершие.

Ключевые слова: Южный Урал, ранние кочевники, скифо-сарматское время, прохоровская культура, случайные находки, кинжалы, система расселения.

Цитирование. Савельев Н. С., Николаев С. Ю., 2020. Комплекс сарматских кинжалов из окрестностей с. Толбазы в Южном Приуралье // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 1. С. 149–166. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.8>

*Памяти Р.Б. Исмагилова
(1949–2014)*

Благодаря целенаправленным исследованиям ряда уральских археологов последних десятилетий и, в первую очередь, Р.Б. Исмагилова, было установлено, что лежащие к северу от возвышенностей Общего Сырта степные и лесостепные пространства Южного Приуралья на фоне всех окружающих территорий выделяются очень большим количеством находок (так называемых «случайных») мечей и кинжалов скифо-сарматского времени. За это время количество только введенных в научный оборот находок составляет не менее 300 [Исмагилов, 1978; 1980; 2001; Исмагилов, Скарбовенко, 1977; Обыденнов, Савельев, 1994; и др.]. Картографирование большей части из них позволило проследить, что все они сконцентрированы в пределах треугольника Уфа – Белебей – Исянгулово (около 150 × 280 км), достаточно четко разделяясь на три территориальные группы (водораздельный гребень Бугульминско-Белебеевской возвышенности, Бельско-Уршакское междуречье к северу от Стерлитамака и зажатая между хребтом Малый Накас и Уральскими горами долина р. Большой Ик [Савельев, 2016, с. 244, рис. 1].

К сожалению, длительная болезнь и безвременная кончина Р.Б. Исмагилова не позволили ему в полной мере опубликовать и систематизировать все многочисленные находки мечей и кинжалов, данные о которых собирались им и его коллегами по самым разным

музеям (районным, школьным, деревенским) в основном на территории Башкирии. Долгие годы среди коллег считалось хорошим тоном при возвращении из какой-нибудь разведки привезти Р.Б. Исмагилову в подарок зарисовку хотя бы одного клинка, найденного в ближайшем музее. В настоящее время значительный по размеру архив Р.Б. Исмагилова разбирается и систематизируется в ИИЯЛ УФИЦ РАН. Уже ясно, что выполнение этой работы, с одной стороны, позволит ввести в научный оборот достаточное количество до сих пор неопубликованных экземпляров, с другой – уточнить и значительно расширить данные по местам и условиям нахождения многих ранее опубликованных мечей и кинжалов. В ряде случаев обращение к архивным материалам позволяет увидеть детали, не отмеченные в старых публикациях. Чаще всего к ним относятся сечения, профилировка, особенности сломов, детализация наверший и перекрестий.

В настоящей статье публикуются данные по восьми кинжалам, найденным в приуральской лесостепи, в 75 км к югу от г. Уфа и в 45 км к северу от г. Стерлитамак, в средней части Бельско-Уршакского водораздела, имеющего здесь ширину более 50 км, практически на его гребне¹. Ранее отмечалось, что участок Толбазы-Уфа протяженностью около 80 км является вершиной треугольника Уфа – Белебей – Исянгулово, в которой и сосредоточено абсолютное большинство «случайных» находок клинкового оружия, при этом особенностью именно этой территории явля-

ется полное отсутствие экземпляров савроматского времени [Савельев, 2016]. Все публикуемые находки сделаны в небольшом (около 15 × 15 км) микрорайоне с условным центром в с. Толбазы (райцентр Аургазинского района Республики Башкортостан), ограниченном со всех сторон реками, относящимися к бассейну р. Уршак (с севера и востока это р. Аургазы, с запада – р. Турсугали, с юга – р. Таши). Территория безлесая, степная, в настоящее время практически полностью распахана, изобилует родниками, истоками сезонных водотоков и запрудами на них. Небольшие лесные массивы приурочены исключительно к возвышенным местам с истоками водотоков.

Топографически могут быть выделены две группы находок: условно «вершинная», приуроченная к вершине водораздельного плато в окрестностях д. Юламаново (5 кинжалов), и «речная», связанная с долиной р. Турсугали и ее притоком – р. Таши (рис. 1).

Юламановская группа

Современная д. Юламаново расположена на вершине водораздела рек Аургазы и Чиганлы – правого притока р. Турсугали (рис. 2). Высота места расположения этого населенного пункта над р. Аургазы, протекающей в 6 км к северу, – более 100 м (около 250 м над уровнем моря). На территории деревни и к западу от нее расположено 3 кургана Юламановского могильника, один из которых был исследован в 1934 г. М.С. Касьяновым [Археологическая ... , 1976, с. 114, № 914]. Данные об этих раскопках не сохранились, но, судя по топографии и внешнему виду насыпей, могильник относится к скифо-сарматскому времени.

Из пяти публикуемых кинжалов три вводятся в научный оборот впервые.

1. Железный кинжал найден в 1975 г. в 1,2 км к югу-юго-западу от д. Алексеевка и в 2,7 км западнее д. Юламаново, на западном краю колхозного сада, при сборе сена [Исмагилов, 2001, с. 123, 140, табл. VII, 71]. Хранился в Юламановской средней школе, где и был зарисован Р.Б. Исмагиловым (ноябрь 1977 г.). Общая длина кинжала 49,5 см, сохранился полностью (рис. 3, 1). Навершие серповидное,

изогнуто под углом 130°, в сечении круглое, его длина 8 см, диаметр дрота 0,7–0,9 см. Рукоять прямоугольная в сечении, с немного дуговидными торцами и вогнутыми широкими плоскостями. Длина рукояти 7,4 см, ширина 1,3–1,7 см, к навершию незначительно сужается. Перекрестье брусковидное, чуть согнуто в сторону клинка, слегка сужается от середины к концам, в сечении прямоугольное. Длина перекрестья 8 см, ширина 0,9 см в середине, 0,6 см к концам, толщина 1,1 см. Форма клинка вытянуто-треугольная, сечение ромбическое, длина 40,3 см, ширина возле перекрестья 4,5 см, максимальная толщина 0,7 см.

Место находки приурочено к верхней части склона сырта в сторону р. Аургазы с несколькими небольшими озерами и запрудами на истоках начинающихся здесь как минимум трех малых водотоков. Судя по схеме, составленной Р.Б. Исмагиловым (рис. 3, 6), данная территория имела местное устойчивое наименование – *Елей-Джайляу*, что с башкирского языка может быть переведено как «хорошая летовка». Показательно, что на схеме также присутствует и указание на расположение выше по склону, где-то рядом с долиной р. Чиганлы, некоего «Ногайского места», что также может быть связано со средневековыми кочевьями.

2. Железный кинжал найден возле ныне не существующей д. Куганак на р. Чиганлы, в 1 км юго-западнее д. Юламаново Аургазинского района Республики Башкортостан [Исмагилов, 2001, с. 123, 139, табл. VI, 54]². Хранился в Юламановской средней школе, где в ноябре 1977 г. был зарисован Р.Б. Исмагиловым. Общая длина кинжала 32,2 см, сохранился полностью (рис. 3, 2). Навершие серповидное, изогнуто под углом 130°, длина 7,2 см. В центре навершия сечение дрота овальное (7 × 4,5 мм), края на длину 1,3 см расплющены в лопасти шириной 11 мм и толщиной 2 мм. Рукоять в сечении ромбическая, ее длина 8 см, ширина 1,3–1,6 см с максимальным расширением в средней части. Перекрестье брусковидное, немного изогнуто в сторону клинка, его длина 6,4 см, ширина 0,7 см. Форма клинка вытянуто-треугольная, сечение ромбическое, общая длина 23 см, максимальная толщина 0,5 см. Ширина клинка возле перекрес-

тъя 4,3 см, практически сразу дуговидно сужается на 0,5 см с каждой стороны (следы заточки?). С обеих сторон клинка по центральному ребру проходит узкий прорезанный дол общей длиной 17,4 см. Дол начинается в 0,3 см от перекрестья и не доходит до кончика клинка 5 см.

3. Железный кинжал хранился в школьном музее д. Юламаново Аургазинского района Республики Башкортостан, где в сентябре 2004 г. был зарисован Р.Б. Исмагиловым. Происходит из окрестностей населенного пункта, более точные данные отсутствуют. Общая длина кинжала 33 см, кончик клинка отсутствует (рис. 3,3). Навершие серповидное, с одной стороны обломлено, длина сохранившейся антенны 3,2 см, немного изогнута наружу, сечение дрота круглое. Рукоять в сечении ромбическая, ее длина 7,5 см, ширина 1,2–1,7 см, плавно расширяется к перекрестью. Перекрестье прямое, длиной 5,8 см, шириной 0,7 см. Клинок вытянуто-треугольный, линзовидный в сечении. Сохранившаяся длина клинка 24,1 см (первоначально – не более 25–25,5 см), ширина возле перекрестья 3,9 см, возле обломанного кончика – 0,5 см, максимальная толщина 0,5 см. От перекрестья с обеих сторон клинка на длину 18,5 см идут по два дола. Публикуется впервые.

4. Железный кинжал хранился в школьном музее д. Юламаново Аургазинского района Республики Башкортостан, где в сентябре 2004 г. был зарисован Р.Б. Исмагиловым. Происходит из окрестностей населенного пункта, более точные данные отсутствуют. Общая длина кинжала 34 см, навершие не сохранилось – оно обломано с обеих сторон от рукояти (рис. 3,4). Рукоять прямая, ее длина 7,3 см, ширина 1,2 см, в сечении – уплощенный с торцов овал, толщина в середине 0,7 см, с боков – 0,4 см. Перекрестье прямое, длиной 5,3 см, шириной 0,7 см. Клинок вытянуто-треугольной формы, ромбический в сечении, его длина 25,1 см, толщина в месте сечения 0,6 см. Публикуется впервые.

5. Железный кинжал найден весной 1997 г. в 1 км к юго-западу от окраины с. Толбазы, возле автодороги в сторону Уршака, при выравнивании участка под коллективные сады. Территория равнинная, является вершиной водораздела (около 275 мБС), примерно

от этого места в разные стороны отходят истоки малых водотоков, в крупном лесном массиве, расположенном юго-восточнее, находится несколько озер диаметром от 30–50 до 100 м. Найденный кинжал сохранился полностью, его общая длина 32,8 см (рис. 3,5). Навершие кольцевидное, насаженное на рукоять, размером 4,6 × 5,3 см, круглое в сечении, диаметром 0,4 см в верхней части, с утолщением до 0,7 см в нижней части и до 1,0 см в месте крепления к рукояти. Рукоять прямая, в сечении прямоугольно-округлая, ее длина 7,5 см, ширина 1,1 см, толщина 0,7 см. Перекрестье брусковидное, длиной 6 см, прямое со стороны клинка и немного выпуклое со стороны рукояти, ширина в середине 0,9 см, с краев – 0,7 см. Клинок вытянуто-треугольный, ромбический в сечении, с одним прорезанным узким долом по оси с каждой стороны. Длина клинка 20 см, максимальная ширина 3,9 см, толщина без долов 0,6 см. Дола начинаются в 0,3 см от перекрестья, имеют длину 13,2 см, то есть в нижней трети клинка они отсутствуют. Публикуется впервые.

Группа Турсагали – Таши

Расположена в 8–9 км к югу от д. Юламаново, на южной границе микрорайона. Два кинжала найдены на р. Турсагали, в соседних населенных пунктах – Турсагали и Таштамак, расстояние между местами находок не превышает 2,5–3,5 км, третий происходит из д. Балыклыкуль, отстоящей на 4–5 км к востоку и расположенной на истоках небольшой р. Таши, спускающейся с вершины водораздела. Высоты поверхности около н.п. Турсагали и Таштамак – 148–160 м над уровнем моря, в д. Балыклыкуль – около 220 м. Самая высокая точка всей территории, условно объединяемой в «Толбазинский микрорайон» – 287,8 мБС, расположена в 2 км к северо-востоку от д. Балыклыкуль и не более чем в 3–3,5 км к югу от места находки описанного выше кинжала с окраины с. Толбазы.

6. Железный кинжал хранился в школьном музее д. Балыклыкуль, где в сентябре 2003 г. был зарисован Р.Б. Исмагиловым. Происходит из окрестностей населенного пункта, более точные данные отсутствуют. Публикуется впервые. Общая длина кинжала

33 см, кончик клинка обломан (рис. 4,1). Навершие серповидное, изогнуто под углом 160°, одна антенна частично обломлена, длина второй 3,8 см, первоначальная длина навершия около 8,5 см. Сечение антенн у рукояти многогранное, к окончаниям становится более округлым, толщина дрота 0,5–0,8 см. Рукоять в сечении ромбическая, со слегка дуговидными гранями, ее длина 7,8 см, максимальная толщина 1,2 см, ширина 1,2–1,7 см, плавно расширяется к перекрестью. По всей длине рукоять покрыта поперечными насечками, вероятно, имитирующими обмотку. Перекрестье прямое, длиной 6,4 см и шириной 1 см. Клинок вытянуто-треугольный, с незначительным плавным сужением в верхней трети и значительно более резким сужением на остальной длине. Сечение клинка ромбическое, длина без обломанного кончика 23,6 см, максимальная толщина 0,6 см, ширина возле перекрестья 4,5 см. От него по обеим сторонам клинка на длину 17,8 см идут пологие линзовидные в сечении доли глубиной не более 2–3 мм. Ширина долов у перекрестья 0,7–0,8 см, далее резко расширяются до 1,3–1,4 см и после этого плавно сужаются параллельно лезвиям клинка. Наличие широких долов и дополнительная проковка кромки сформировали с каждой стороны клинка по три ребра жесткости, что является одним из характерных признаков для части «классических» прохоровских мечей и кинжалов [Овсянников, Савельев, 2019, с. 209–210].

7. Железный кинжал найден в 1976 г. в 0,3 км южнее д. Таштамак Аургазинского района Республики Башкортостан, за рекой Турсагали (возможно, на ее левом, более пологом берегу), на пашне во время рекультивации [Исмагилов, 2001, с. 126, 145, табл. XII, 132]. Хранился в Таштамакской средней школе, где в марте 1978 г. был зарисован Р.Б. Исмагиловым. Общая длина кинжала 42,3 см, навершие не сохранилось, оно полностью обломано с обеих сторон от рукояти (рис. 4,2). Рукоять прямоугольная в сечении, ее длина 7,3 см, ширина 0,9–1,1 см, к перекрестью расширяется до 1,6 см, толщина 0,7 см. Перекрестье прямое, длиной 6 см, толщиной 0,7 см. Длина клинка 33,5 см, сечение ромбическое, в верхней трети лезвия параллельны, далее форма клинка вытянуто-треугольная. Ширина клин-

ка возле перекрестья 3,1 см, максимальная толщина 0,8 см.

8. Железный кинжал найден в д. Турсугали Аургазинского района Республики Башкортостан [Исмагилов, 2001, с. 124, 142, табл. IX, 94]. Хранился в Таштамакской средней школе, где в 1975–1976 гг. был зарисован Р.Б. Исмагиловым. Немного позднее, в марте 1978 г. этот кинжал в школьном музее уже отсутствовал. Общая длина кинжала 31,7 см (рис. 4,3). Навершие серповидное, изогнуто под углом 130°, одна антенна обломана, длина второй 5,0 см, первоначальная длина навершия около 11 см. Сечение антенн округлое, толщина дрота 0,6 см. Рукоять в сечении прямоугольная, сильно уплощенная, толщиной 0,3 см. Длина рукояти 7,8 см, ширина 1,7 см в середине, плавно расширяется (до 2–2,3 см) к навершию и перекрестью. Перекрестье прямое, его длина 5,2 см, ширина 0,4 см. Длина клинка 22,4 см, максимальная толщина 0,7 см, ширина возле перекрестья 3,4 см, сечение ромбическое. Лезвия у клинка параллельные, у острия резко сужаются.

За исключением кинжала с кольцевидным навершием из Толбазов (рис. 3,5), все остальные по видимому сходству могут быть связаны с сильно стандартизированным клинковым оружием развитого (классического) этапа прохоровской культуры. Однако рассмотрение деталей и их связанности друг с другом позволяет разделить всю анализируемую выборку на две группы – условно раннюю и условно позднюю, каждая из которых включает по 4 экземпляра.

К ранней группе относятся один клинок из Юламаново (рис. 3,3), клинки из Алексеевки, Куганака и Балыккыкуля (рис. 3,1, 2, 4,1). Для них характерен комплекс признаков клинкового оружия развитого этапа прохоровской культуры: прямое перекрестье, серповидное навершие и относительно широкий вытянуто-треугольный клинок ромбического сечения. Также к ним необходимо отнести ромбическое сечение рукояти, так как только у экземпляра из Алексеевки рукоять в сечении прямоугольная, с немного дуговидными торцами и вогнутыми широкими плоскостями. Подобные «двухавровые» рукояти генетически восходят к оружию предшествующего, савроматского и переходного, времени и наиболее распростра-

ранены именно в лесостепи и частично в степи Южного Приуралья [Федоров, 2013, рис. 7]. Для абсолютного большинства сложившихся прохоровских мечей и кинжалов характерно именно ромбическое сечение рукоятей [Хазанов, 1971, с. 6; Исмагилов, 2001, с. 119].

Несмотря на незначительные утраты, все навершия могут быть четко отнесены к серповидной форме, только в одном случае – для кинжала из Куганак (рис. 3,2) – можно говорить о более рожковидной (рогатковидной) форме. Также его особенностью является расковка окончаний навершия в тонкие лопасти. Этот прием неоднократно зафиксирован на прохоровских клинках лесостепи Южного Приуралья, в том числе и среди находок, сделанных в непосредственной близости от территории Толбазинского микрорайона [Горбунов, Исмагилов, 1976, рис. 2,13,19,21,22,24; Исмагилов, 2001, табл. IV,36,37, V,42,44, VI,51,53,56,59, VIII,78]. Судя по утонченности и прямоугольному сечению рукоятей у основного количества клинков с лопастевидной расковкой наверший, данный прием является относительно более поздним вариантом оформления эфеса прохоровских мечей и кинжалов.

На кинжале из Балыккыкуля присутствует крайне редкая деталь – рифление рукояти короткими перпендикулярными насечками. Среди всего прохоровского клинкового оружия подобное рифление известно еще только на одном экземпляре – кинжале из Куезбашево, найденном всего в 15 км к северо-востоку [Исмагилов, 2001, с. 122, 138, табл. V,48; Николаев, 2019, рис. 2,1]. Несомненно, что это рифление должно рассматриваться как некое подражание обмотке рукояти кожаным ремешком, широко известной у кочевников региона второй половины – конца I тыс. до н.э. [см. напр.: Садыкова, Васильев, 2001, с. 58, 75, рис. 7,3; Самашев и др., 2007, с. 233–235, 243; Яблонский, 2010, с. 54, 169, рис. 73,3]. Учитывая ритуальное использование мечей и кинжалов, зафиксированных впоследствии в качестве «случайных» находок [Савельев, 2016; 2018] и крайнюю редкость рифления рукояти, данная деталь может быть выведена из практики декорирования «парадных» прохоровских кинжалов [Мордвинцева, Шинкарь, 1999]. Ближайшей аналогией может рассматриваться

кинжал из погр. 2 кург. 17 могильника Покровка-2 (II–I вв. до н.э.), рукоять которого была обложена золотым листом с рифлеными перпендикулярными поясками [Яблонский, 1998, с. 100, рис. 6,3; Куринских, 2012, с. 78].

За исключением короткого меча из Алексеевки, на клинках всех остальных кинжалов ранней группы присутствуют долы. Если узкие – в основном одиночные – треугольного сечения долы (рис. 3,2,5) достаточно распространены на мечах и кинжалах с серповидным (и производными от него) и кольцевидным навершиями, то широкие парные долы (рис. 3,3, 4,1) встречаются исключительно на оружии прохоровского типа. Р.Б. Исмагилов посчитал необходимым выделить их в особую серию «кинжалов с гофрированными клинками», включающую в себя 17 экземпляров [Исмагилов, 2001, с. 120]³. Именно для этой группы характерны наиболее широкие треугольные клинки, в ряде случаев сочетающиеся с плавным расширением в верхней трети или даже в середине клинка [Исмагилов, 2001, №№22, 35, 38, 39, 41, 48, 95, 124]. В очень смягченном виде эта особенность присутствует и на кинжале из Балыккыкуля. Еще одной особенностью «кинжалов с гофрированными клинками» является очень узкое, массивное (порой даже утолщенное), ромбическое в сечении острие клинка, более похожее на жало.

Анализ признаков данной группы показал, что Р.Б. Исмагилов в нее включал только клинки с широкими дуговидными долами. Одним из авторов недавно было показано, что формировались эти долы путем проковки наложенных с обеих сторон клинка и жестко зафиксированных на нем четырех цилиндрических шаблонов. Это и последующая дополнительная проковка кромки сформировали с каждой стороны клинка по три ребра жесткости, что является одним из характерных признаков описанной выше части «классических» прохоровских кинжалов [Овсянников, Савельев, 2019, с. 209–210]. Вероятно, первоначальной задачей данного технологического приема являлось создание нервюры (ребра жесткости) по центру клинка, так как экземпляры с выделенным проковкой ребром начинают встречаться еще в савроматское время [Смирнов, Петренко, 1963, табл. 11,4,11,21].

Наряду с клинками с дуговидными долами, на кинжалах, а также мечах (!) прохоровского времени встречаются парные широкие треугольные в сечении долы, имеющие длину от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ клинка. В настоящее время их известно более 20 [Горбунов, Исмагилов, 1976, рис. 2, 13, 14, 21, 3, 27, 37; Обыденнов, Савельев, 1994, рис. 2, 5, 13, 3, 28; Исмагилов, 2001, №31, 50–53, 57, 58, 97, 98, 126, 144; Краева и др., 2008, рис. 1, 3; Яблонский, 2010, с. 39, рис. 41, 9, 10; Таиров, 2018, рис. 4, 6]. Прямое родство широких треугольных и широких дуговидных долов несомненно. Отличия – в значительной «компактности» центральной декорированной части клинка на экземплярах с треугольными долами, в основном стройной широкотреугольной форме клинка (описанные выше расширения клинков встречаются единично [Горбунов, Исмагилов, 1976, рис. 2, 13; Таиров, 2018, рис. 4]), наличии треугольных долов также и на экземплярах с кольцевидным навершием и рукоятью прямоугольного сечения [Горбунов, Исмагилов, 1976, рис. 2, 21; Исмагилов, 2001, № 100, 110, 112], а также тенденцией превращения этих долов в узкие канавки. Перечисленные признаки показывают, что мечи и кинжалы с треугольными долами являются поздним вариантом рассмотренной выше «гофрированной» группы.

Происхождение кинжалов с «гофрированным» клинком пока не установлено. Можно только сказать, что на Южном Урале, в Волго-Уральском регионе и Урало-Казахстанских степях какие-либо прототипы для оружия данной группы не известны и она может рассматриваться как яркая инновация. При этом, исходя из опубликованных фотографий, на широком треугольном клинке парадного меча из кург. 1 могильника Филипповка-1 присутствовали широкие дуговидные долы и выделенная в центре нервюра [Золотые..., 2001, кат. 6; Коллекции..., 2018, кат. 833]. К сожалению, единственный рисунок этого меча [Пшеничнюк, 2012, рис. 27, 1] очень схематичен и не передает многих важных деталей, поэтому его использование в качестве полноценного источника пока невозможно. Судя по наличию различающегося только деталями ядра (широкий треугольный клинок, широкие дуговидные долы, граненое жало на окончании клинка, ромбическая в сечении рукоять, частое рас-

ширение клинка в верхней части) и множеству самых различных «реплик» и «цитат», данная инновация в Южном Приуралье начала активно использоваться в качестве образца для подражания и сформировала локальную моду на «гофрирование» клинка. По имеющимся данным, время ее существования – от самых ранних образцов с прорезной, двухтавровой и трехчастной рукоятью [Исмагилов, 2001, № 22, 31, 34, 35] до наиболее поздних с кольцевым навершием, где долы превратились уже в узкие канавки [Исмагилов, 2001, №100, 107–110, 112] – может быть ограничено III–II вв. до н.э.

К условно поздней группе относятся второй клинок из Юламаново (рис. 3, 4), кинжалы из Толбазов, Таштамака и Турсугали (рис. 3, 5, 4, 2, 3). Экземпляры из Юламаново и Таштамака отличаются ромбическим в сечении узким треугольным клинком и узкой овальной (рис. 3, 4) и прямоугольной (рис. 4, 2) в сечении рукоятью. Навершие в обоих случаях отломлено у основания. Ориентируясь на сечение и зауженность рукояти, можно предполагать, что навершие могло быть как серповидной (со всеми возможными вариациями) [Горбунов, Исмагилов, 1976, рис. 2, 22, 23; Исмагилов, 2001, № 72–85], так и кольцевидной (или в виде разомкнутого кольца) [Исмагилов, 2001, № 102–114] формы. В этом отношении может быть важно, что на кинжалах с серповидным навершием при узкой неромбической рукояти и относительно узким вытянутым клинком никогда не встречаются ни долы, ни узкие канавки, а на кинжалах с кольцевидным и разомкнуто-кольцевидным навершием они известны [Исмагилов, 2001, № 101, 103, 107–110, 112]. Одним из подобных, отличающимся только немного более широким треугольным клинком, является кинжал с наваренным кольцевидным навершием, найденный около с. Толбазы (рис. 3, 5). Исключая форму навершия, он не может быть выведен за пределы условно поздних образцов прохоровских кинжалов (см. напр.: [Исмагилов, 2001, № 70]).

Последний кинжал поздней группы происходит из д. Турсугали (рис. 4, 3). От всех описанных выше он отличается тонкой пластинчатой рукоятью, тонким плоским перекрестием, клинком с параллельными лезвиями и очень большим (около 11 см) серповидным

навершием. За исключением последнего элемента все остальные детали характерны для клинков среднесарматского времени или, точнее, имеющих кольцевидное навершие [Хазанов, 1971, с. 5–6; Горбунов, Исмагилов, 1976, с. 244–245]. Исходя из длины перекрестья (5,2 см), размеров и пропорций кинжала данное навершие может быть названо гипертрофированным.

Подобное удлиненное навершие встречается на двух группах кочевнического клинкового оружия. Первая из них – кинжалы, которые по основным признакам (параллельные лезвия, пластинчатая или узкая рукоять) аналогичны рассматриваемому турсугалинскому [Обыденнов, Савельев, 1994, рис. 2,6, 3,21,23; Исмагилов, 2001, № 84]. Навершие последнего кинжала загнуто в полукруг, в остальных случаях их длина варьируется в пределах 9,5–11,5 см. Вторая группа кинжалов с нарочито длинным навершием (более 85 мм) – это уже рассматривавшиеся кинжалы с широким треугольным клинком [Обыденнов, Савельев, 1994, рис. 2,25,30; Исмагилов, 2001, № 21; Денисов, 2010, рис. 3,3], часть из них – с широкими парными (в основном – дуговидными) долами [Обыденнов, Савельев, 1994, рис. 2,5, 3,28; Исмагилов, 2001, № 45, 46; Денисов, 2010, рис. 3,2], в том числе с дополнительным расширением клинка [Исмагилов, 2001, №22, 39, 41, 48]. В ряде случаев на широких треугольных клинках с расширением в середине или верхней трети долы отсутствуют [Обыденнов, Савельев, 1994, рис. 2,14, 3,24]. Фактически можно говорить о существовании серии кинжалов сложившейся «среднесарматской» формы, но имеющих навершие, характерное для одной очень устойчивой группы прохоровского клинкового оружия. Также и А.В. Симоненко, описывая сарматское оружие Северного Причерноморья, считает, что длинное, плавно изогнутое серповидное навершие является признаком поздних (II–I вв. до н.э.) прохоровских клинков [Симоненко, 2010, с. 23].

В этом отношении показательны четыре случая. На кинжалах из Качеганово, Белебеевского педагогического училища и погр. 4 кург. «б» могильника Прохоровка концы серповидных наверший длиной 1,5–2 см загнуты под углом 180° (то есть плотно прижаты к самому навершию) [Таиров, 2018, рис. 4; Исма-

гилов, 2001, табл. VI,57; Яблонский, 2010, с. 51, рис. 69,1]. На кинжале из Каиндинских песков (Западный Казахстан, центральная часть Чингирлауского района, 50 км к югу от р. Илек) загнутые окончания к навершию плотно не примыкают [Железчиков, 1980, с. 37, рис. 2,6]. Длина наверший с учетом загнутой части у них составляет 11–12 см, что практически не отличается от длины навершия кинжала из Турсугали. Все эти клинки имеют треугольную форму (из Качеганово – с расширением в верхней трети и узким жалом на окончании) с узкими долами треугольного сечения⁴, то есть они являются дальнейшей стадией развития кинжалов с широким треугольным клинком и широкими же дуговидными долами. Вероятно, многочисленные для Южного Приуралья клинки с «разомкнутым кольцевидным» навершием являются позднепрохоровской «стилизацией» под новую моду – распространяющиеся со II–I вв. до н.э. кинжалы с кольцевидным навершием [Скрипкин, 2006, с. 8–13; 2017, с. 82–83]. Кинжал же из д. Турсугали показывает наличие и противоположной закономерности, когда к новой форме добавлялось традиционное (и, вероятно, значимое для данного общества) серповидное навершие. Несомненно, что все эти случаи могут рассматриваться через призму взаимодействия различных, но при этом в целом синхронных «оружейных традиций» [Симоненко, 2010, с. 32].

Все публикуемые экземпляры относятся к развитому этапу прохоровской (раннесарматской) культуры и датируются III–II вв. до н.э. Выделяемые ранняя и поздняя группы достаточно условны и, возможно, являются не хронологическими, а технологическими, то есть по времени эти клинки могли сосуществовать. Сохранность и условия нахождения (известны для половины публикуемых клинков) однозначно свидетельствуют об их происхождении не из погребальных памятников, а об отнесении к категории «случайных» находок [Савельев, 2016]. Об использовании данных кинжалов в ритуальной деятельности свидетельствуют и следы преднамеренной порчи, фиксируемые на пяти предметах. В двух случаях полностью отломано навершие (рис. 3,4, 4,2), в трех случаях – отломана одна антенна серповидного навершия (рис. 3,3, 4,1,3), из них

в двух случаях это сопровождалось обламыванием кончика клинка (рис. 3,3, 4,1). Данные закономерности ранее были прослежены для всего Южного Приуралья [Савельев, 2016, с. 248–249, рис. 2], в рассматриваемом же случае важно получение идентичной информации по одной локальной территории.

Размеры этой водораздельной территории, выше названной Толбазинским микрорайоном, составляют около 15 × 15 км, она окружена со всех сторон реками и имеет узкий, не более 1,5–2 км шириной, проход с юга (рис. 1). Судя по имеющимся данным, находки приурочены к истокам малых водотоков на водораздельных вершинах, а также к долине р. Турсугали. Используя ранее предложенные термины, данная территориальная группа находок кочевнического клинкового оружия может быть названа «кочевой волостью», длительно используемой летней кочевкой (летовочным комплексом) [Савельев, 2018, с. 29; Николаев, Савельев, 2019, с. 203] или же отдельной сотой территории расселения ранних кочевников [Николаев, 2019]. Ближайшие известные соты находятся непосредственно к востоку (Куезбашево-Бишкаин – учтено 8 находок) [Савельев, 2016, табл. 1, рис. 1; Николаев, 2019], в 5–6 км к югу (Месели – учтено 25 находок), в 7–8 км к юго-западу, на истоках р. Турсугали (Шеверли-Шланлы – не менее 5–6 находок), в 12 км к северу (Тукаево – учтено 4 находки) [Савельев, 2016, табл. 1, с. 245–248].

Здесь очень уместно привести данные из монгольской этнографии: «Поскольку кочевки всегда были ограничены определенными этническими, политическими, а внутри последних еще и административными границами – хотя и условными, и довольно размытыми, – то все сезонные стойбища из года в год располагались, как правило, в одних и тех же местах. Эти места выбирались по принципу максимальных удобств, которые имелись в данной ландшафтной зоне: наличие воды (рек,

ручьев, источников, искусственных колодцев), горы или скалы, у подножия которых можно поставить юрту, хорошего пастбища, урочища или ложбины, где можно укрыть в непогоду скот, и т. д.» [Жуковская, 2002, с. 27]. Напомним, что урочище, в котором найден кинжал из Алексеевки (рис. 3,1,6), имеет местное название *Елей-Джайляу* (баш. – «Хорошая летовка»), то есть данные по кочевникам Монголии вполне применимы и для Южного Урала.

Имеющиеся находки позволяют говорить о том, что освоение кочевниками Бельско-Уршакского водораздела к северу от широты с. Толбазы началось только с III в. до н.э. Вероятно, это расширение на север пределов «кочевой степи» было связано с нарастающей аридизацией в степной зоне и трансформацией ландшафтов лесостепного Приуралья [Савельев и др., 2018]. С этими же процессами связано возникновение и функционирование таких крупных курганных некрополей как Старые Кишки и Бишунгарово, которые расположены в 50–55 км севернее Толбазинского летовочного комплекса и одновременны ему.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гребень водораздела находится в нескольких километрах восточнее описываемой территории. В его пределах, около сел Куезбашево и Бишкаин, также найдены образцы клинкового оружия ранних кочевников (III–I вв. до н.э.) [Николаев, 2019].

² Данный населенный пункт найден только на карте 1946 г. (масштаб 1 : 200 000). На более поздних и современных картах на его месте обозначена молочная ферма.

³ Анализ выборки, опубликованной Р.Б. Исмагиловым в 2001 г. позволяет включить в серию «кинжалов с гофрированными клинками» еще 3 экземпляра – из Сосновки, Марьевки и Новотроицкого [Исмагилов, 2001, № 22, 95, 124].

⁴ Сохранность кинжала из Прохоровки не позволяет четко определить наличие или отсутствие долов на клинке.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

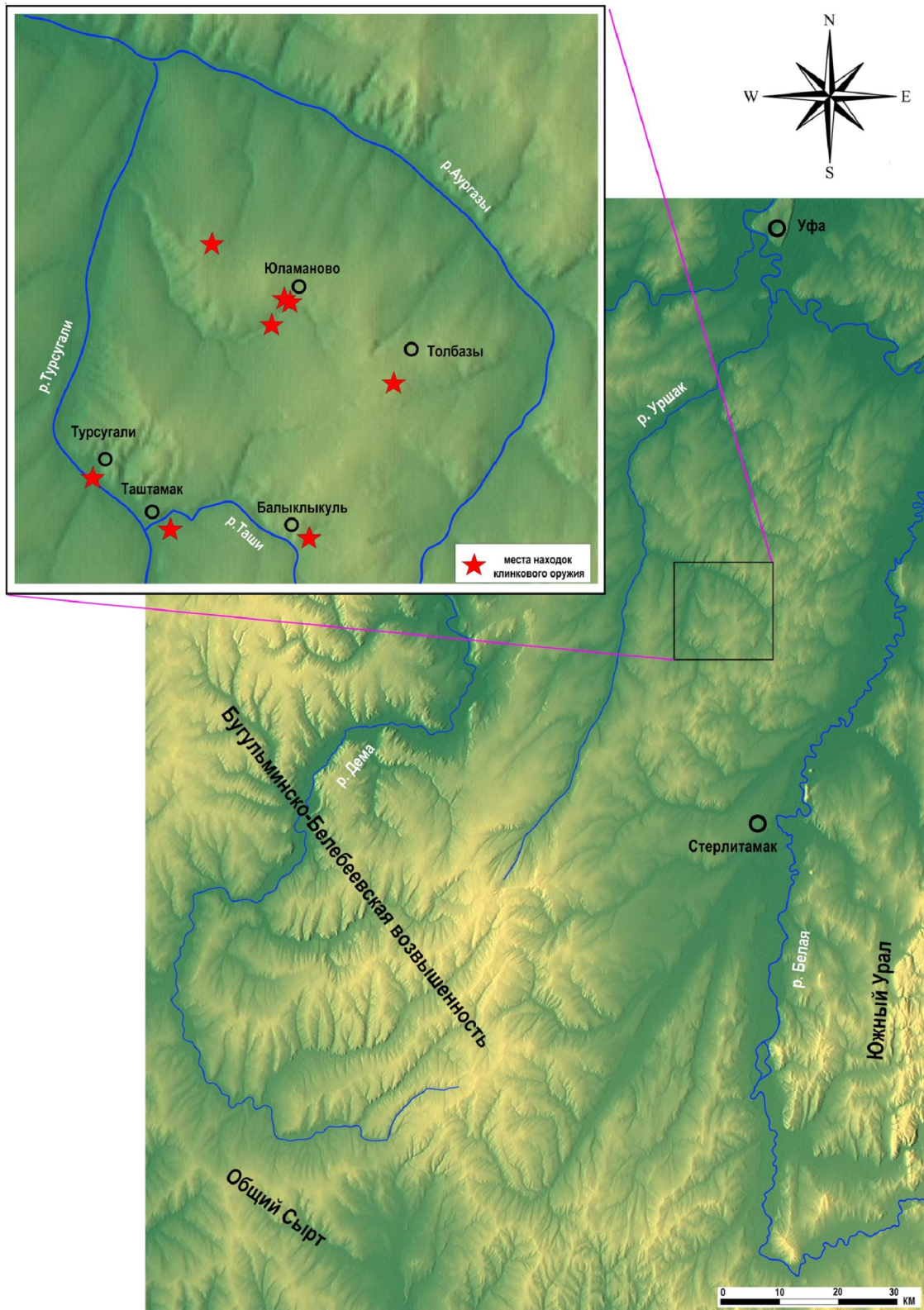

Рис. 1. Южное Приуралье. Расположение Толбазинского микрорайона и места находок кочевнического клинкового оружия

Fig. 1. Southern Urals. Location of the Tolbazinsky microdistrict and finds of nomadic blade weapons

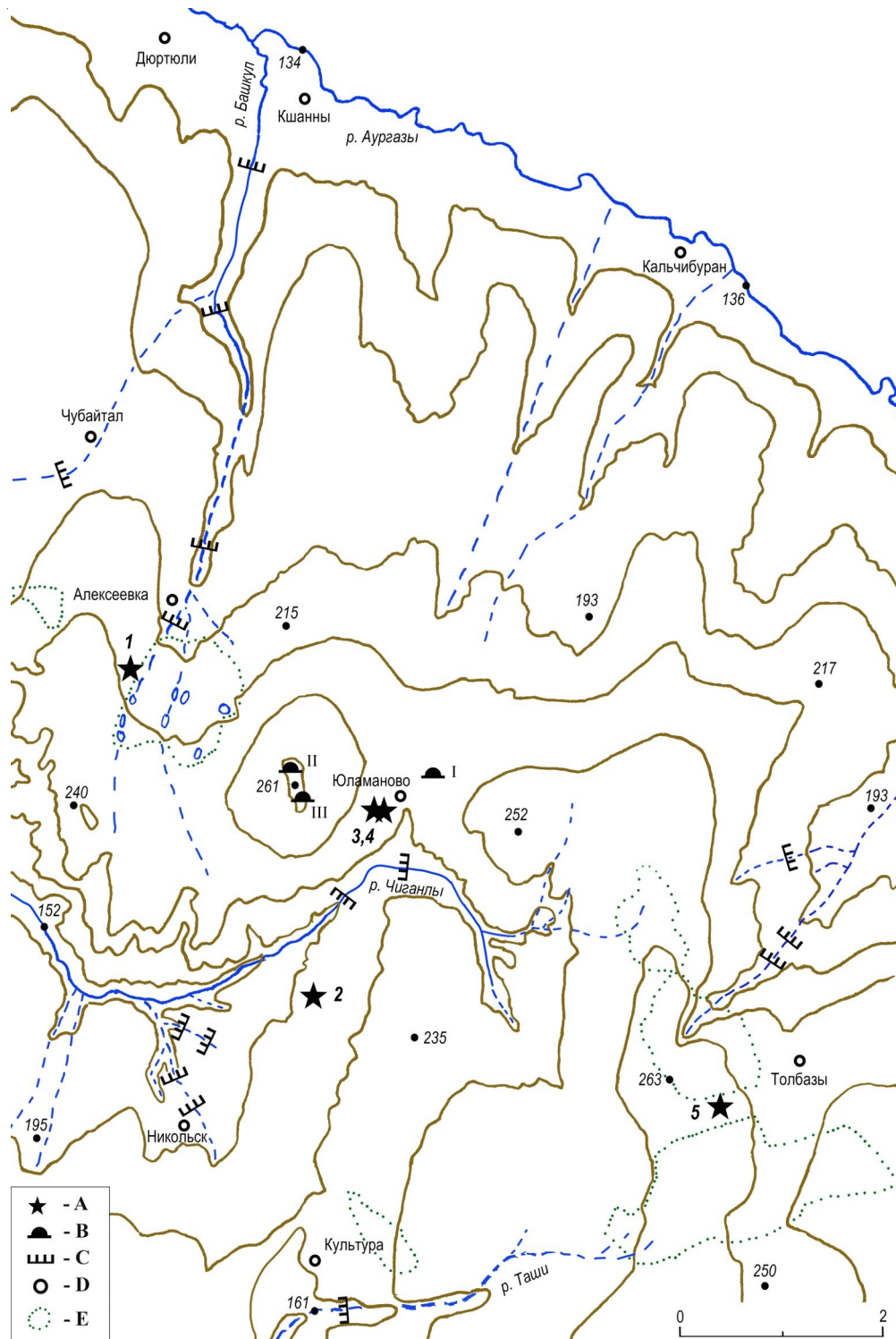

Рис. 2. Толбазинский микрорайон (центральная часть). Находки кочевнического клинкового оружия:

A – Алексеевка (1), Куганак (2), Юламаново (3, 4), Толбазы (5);
 B – курганы Юламановского могильника (I-III-курганы); C – дамбы на малых водотоках;
 D – современные населенные пункты; E – лесные массивы. На основе карты масштаба 1:25000

Fig. 2. Tolbazinsky microdistrict (central part). Finds of a nomadic blade weapon:

A – Alekseyevka (1), Kuganak (2), Yulamanovo (3, 4); Tolbazy (5);
 B – kurgans of the Yulamanovsky kurgan cemetery; C – dams on small streams;
 D – modern settlements; E – forests. Based on a map of scale 1:25000

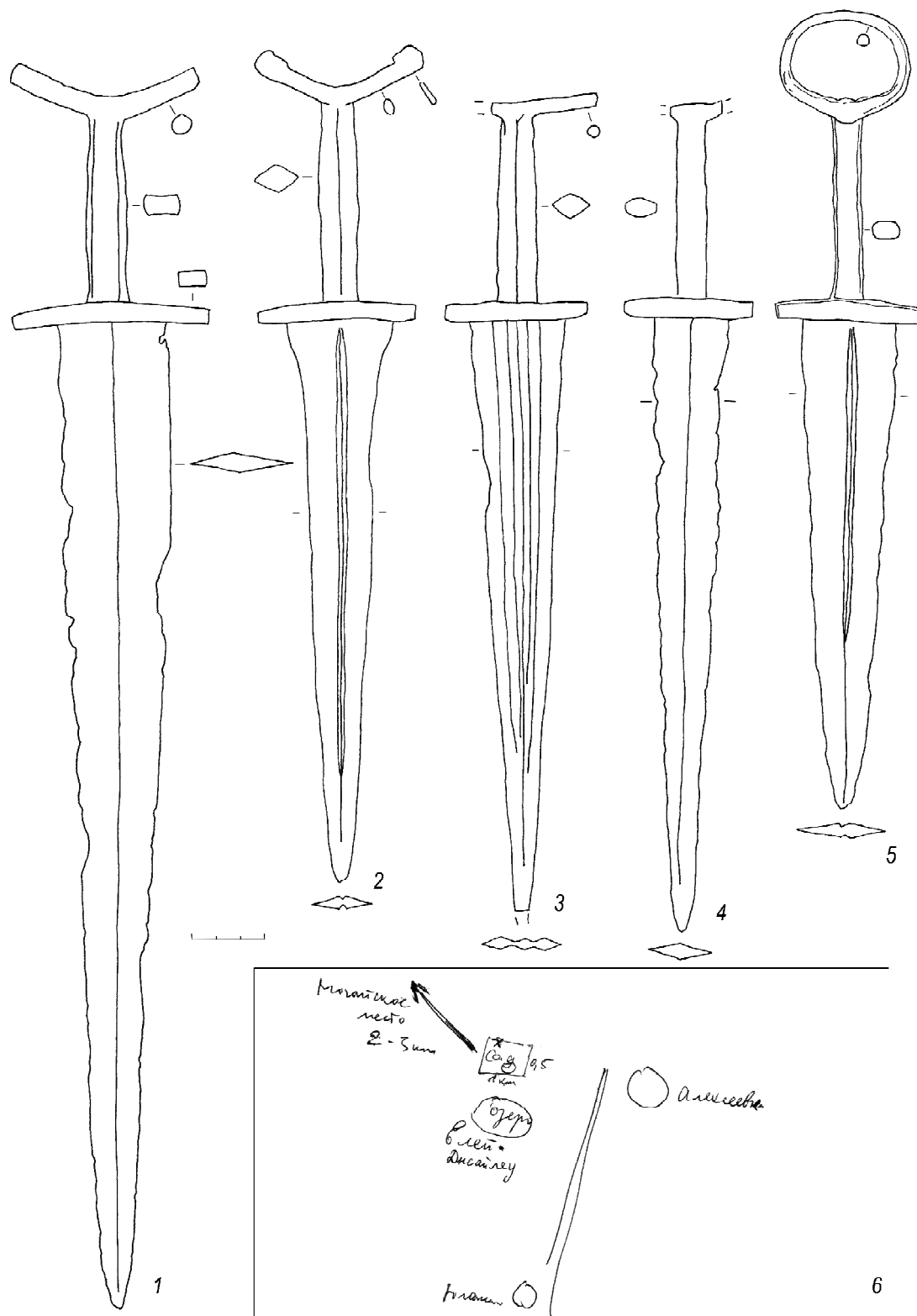

Рис. 3. Толбазинский микрорайон (центральная часть). Находки кочевнического клинкового оружия:

1 – Алексеевка; 2 – Куганак; 3, 4 – Юламаново; 5 – Толбазы;
6 – место находки кинжала из Алексеевки (схема Р.Б. Исмагилова, 1977 г.)

Fig. 3. Tolbazinsky microdistrict (central part). Finds of a nomadic blade weapon:

1 – Alekseyevka; 2 – Kuganak; 3, 4 – Yulamanovo; 5 – Tolbazy;
6 – the place where the dagger was found from Alekseyevka (scheme by R. B. Ismagilov, 1977)

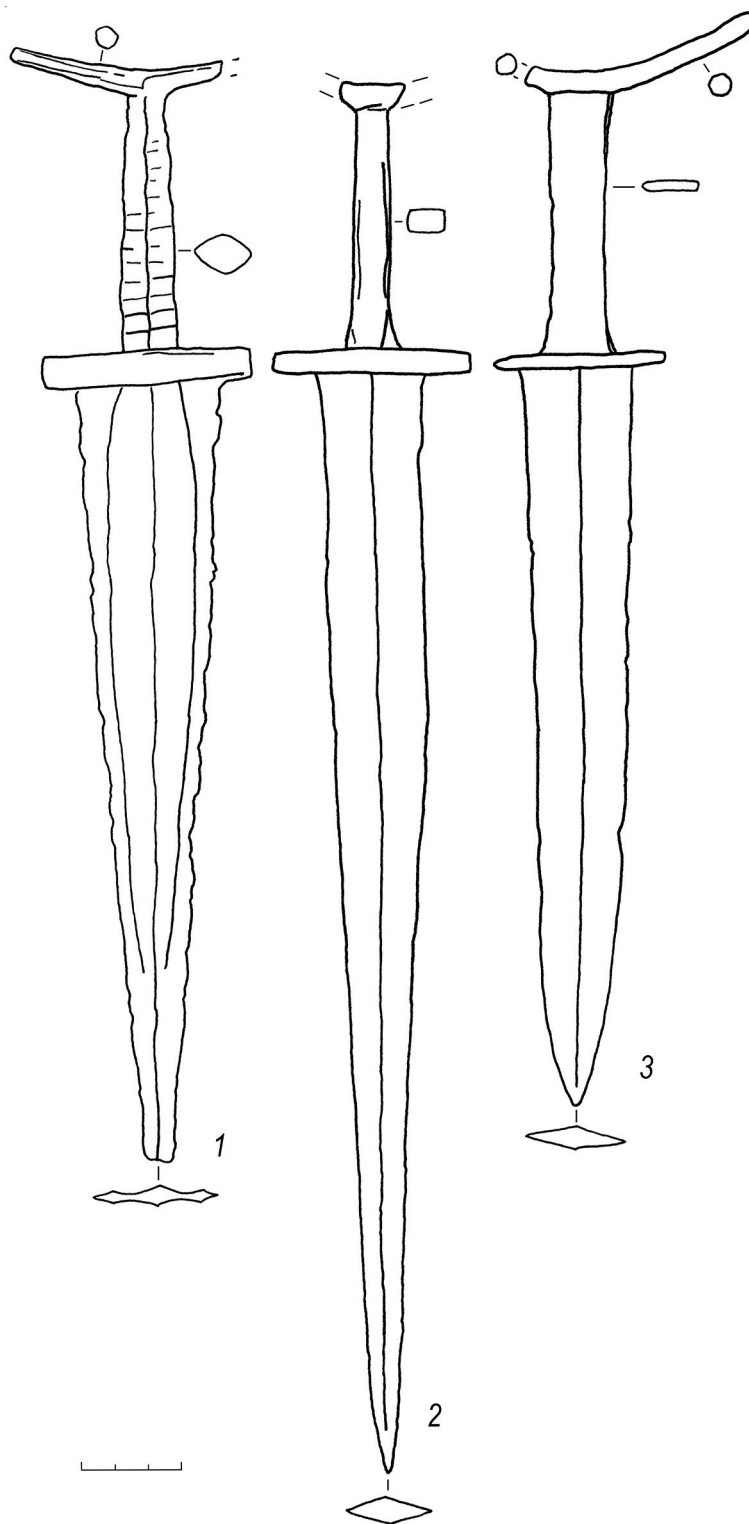

Рис. 4. Толбазинский микрорайон (южная часть). Находки кочевнического клинкового оружия:

1 – Бальклькуль; 2 – Таштамак; 3 – Турсугали

Fig. 4. Tolbazinsky microdistrict (southern part). Finds of a nomadic blade weapon:

1 – Balyklykul; 2 – Tashtamak; 3 – Tursugali

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археологическая карта Башкирии, 1976. М. : Наука. 264 с.
- Горбунов В. С., Исмагилов Р. Б., 1976. Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии // Советская археология. № 3. С. 229–247.
- Денисов А. В., 2010. Случайные находки клинкового оружия раннего железного века с территории Самарского Поволжья // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Вып. 15. Самара : Офорт. С. 222–230.
- Железчиков Б. Ф., 1980. Материалы из раскопок П.С. Рыкова в 1927 г. на территории Уральской области // КСИА. Вып. 162. С. 32–38.
- Жуковская Н. Л., 2002. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика : учеб. пособие. М. : Восточная литература. 247 с.
- Золотые олени Евразии. Каталог выставки, 2001. СПб. : Славия. 248 с.
- Исмагилов Р. Б., 1978. Кинжалы позднесарматского времени из Башкирии // Советская археология. № 4. С. 229–238.
- Исмагилов Р. Б., 1980. Приуральские акинаки с навершием в виде ушастого грифона и хищного животного // Советская археология. № 1. С. 219–227.
- Исмагилов Р. Б., 2001. Клинковое оружие эпохи ранних кочевников из Южного Приуралья (случайные находки) // Уфимский археологический вестник. Вып. 3. С. 117–147.
- Исмагилов Р. Б., Скарбовенко В. А., 1977. Новые находки савроматского оружия в междуречье Волги и Урала // Средневолжская археологическая экспедиция. Куйбышев : Куйбышевский государственный университет. С. 77–92.
- Коллекции Филипповских курганов из фондов Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН, 2018. Уфа : Китап. 400 с.
- Краева Л. А., Шутелева И. А., Щербаков Н. Б., 2008. Новые находки акинаков в Башкирском Приуралье // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст : материалы тематической науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 16–19 декабря 2008 г.). СПб. : Исторический факультет СПбГУ. С. 119–122.
- Куринских О. И., 2012. Клинковое оружие ранних кочевников V–I вв. до н.э. из могильников у с. Покровка (Левобережье Илека) // Российская археология. № 2. С. 72–80.
- Мордвинцева В. И., Шинкарь О. А., 1999. Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. С. 138–148.
- Николаев С. Ю., 2019. Комплекс сарматского клинкового оружия из окрестностей сел Куезбашево и Бишкаин в Южном Приуралье // Уфимский археологический вестник. Вып. 19. С. 69–77.
- Николаев С. Ю., Савельев Н. С., 2019. Сарматские кинжалы из окрестностей д. Юламаново в Южном Приуралье // Урал–Алтай: через века в будущее : материалы VIII Всерос. тюркологической конф. (с междунар. участием). Уфа : ИИЯЛ УФИЦ РАН. С. 199–203.
- Обыденнов М. Ф., Савельев Н. С., 1994. Оружие ранних кочевников: новые находки в Башкортостане // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала. Уфа : ПКФ Конкорд-Инвест. С. 100–115.
- Овсянников В. В., Савельев Н. С., 2019. Воинское святилище на Акбердинском II городище // Археология Евразийских степей. № 2. С. 201–226.
- Пшеничнюк А. Х., 2012. Филипповка: некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. 280 с.
- Савельев Н. С., 2016. Мечи и кинжалы в культовой практике кочевников Южного Приуралья скифо-сарматского времени (пространственный анализ «случайных» находок) // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии : материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Оренбург : Изд-во ОГПУ. С. 241–253.
- Савельев Н. С., 2018. Находки мечей и кинжалов скифо-сарматского времени из юго-западных предгорий Южного Урала (к вопросу об освоении территории и особенностях расселения кочевников) // *Oriental Studies*. Vol. 38. Iss. 4. P. 24–31. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-37-3-24-31>.
- Савельев Н. С., Курманов Р. Г., Сулейманов Р. Р., 2018. Первые результаты комплексных исследований Шиповского городища в лесостепи Южного Приуралья // XXI Уральское археологическое совещание, посвящен-

- ное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Самара : Изд-во СГСПУ. С. 242–244.
- Садыкова М. Х., Васильев В. Н., 2001. Поздние прохоровцы в центральной Башкирии // Уфимский археологический вестник. Вып. 3. С. 55–80.
- Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А., 2007. Сокровища Устюрта и Манкыстау. Алматы : Археология. 400 с.
- Симоненко А. В., 2010. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб. : СПбГУ. 328 с.
- Скрипкин А. С., 2006. К проблеме соотношения ранне- и среднесарматской культур // Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения : материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. I. Волгоград : Волгоградское научное издательство. С. 5–36.
- Скрипкин А. С., 2017. Сарматы. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 293 с.
- Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. САИ. Вып. Д1-9. М. : Изд-во АН СССР. 40 с. + 30 табл.
- Таиров А. Д., 2018. Кинжалы сарматского времени из Миякинского района Республики Башкортостан // Наука ЮУрГУ : материалы 70-й науч. конф. Секции социально-гуманитарных наук. Челябинск : ЮУрГУ. С. 287–294.
- Федоров В. К., 2013. Кинжал из Талалаевки и «савроматские» элементы в оформлении рукоятей прохоровских клинков // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 13. С. 33–47.
- Хазанов А. М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М. : Наука. 171 с.
- Яблонский Л. Т., 1998. Работы комплексной Илекской экспедиции на юге Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 2. Оренбург : Димур. С. 97–119.
- Яблонский Л. Т., 2010. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. Материалы и исследования по археологии России. № 12. М. : Таус. 383 с.

REFERENCES

- Arkheologicheskaya karta Bashkirii* [Archaeological Map of Bashkiria], 1976. Moscow, Nauka Publ. 264 p.
- Gorbunov V.S., Ismagilov R.B., 1976. Novye nahodki mechey i kinzhalov savromato-sarmatskogo vremeni v Bashkirii [New Finds of Swords and Daggers of the Sauromatian-Sarmatian Time in Bashkiria]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 3, pp. 229-247.
- Denisov A.V., 2010. Sluchaynye nahodki klinkovogo oruzhiya rannego zheleznogo veka s territorii Samarskogo Povolzh'ya [Random Finds of Blade Weapons of the Early Iron Age from the Territory of the Samara Volga Region]. *40 let Srednevolzhskoy arkheologicheskoy ekspedicii. Kraevedcheskie zapiski* [40 Years of the Middle Volga Archaeological Expedition: Local History Notes], iss. 15. Samara, Ofort Publ., pp. 222-230.
- Zhelezchikov B.F., 1980. Materialy iz raskopok P.S. Rykova v 1927 g. na territorii Ural'skoy oblasti [Materials from the Excavations of P.S. Rykov in 1927 in the Ural Region]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR* [Brief Reports of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences], iss. 162, pp. 32-38.
- Zhukovskaya N.L., 2002. *Kochevniki Mongolii: Kul'tura. Traditsii. Simvolika: ucheb. posobie* [Nomads of Mongolia: Culture. Traditions. Symbolics: Textbook]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ. 247 p.
- Zolotye oleni Evrazii: Katalog vystavki* [Golden Deer of Eurasia: Exhibition Catalog], 2001. Saint Petersburg, Slaviya Publ. 248 p.
- Ismagilov R.B., 1978. Kinzhaly pozdnesavromatskogo vremeni iz Bashkirii [Daggers of the Late Sauromatian Period from Bashkiria]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 4, pp. 229-238.
- Ismagilov R.B., 1980. Priural'skie akinaki s navershiem v vide ushastogo grifona i hishchnogo zhiivotnogo [The Akinaks with the Top in the Shape of a Hig-Eared Gryphon and a Beast of Prey from the Ural Region]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 1, pp. 219-227.
- Ismagilov R.B., 2001. Klinkovoe oruzhie epohi rannih kochevnikov iz Yuzhnogo Priural'ya (sluchaynye nahodki) [Bladed Weapons of the Early Nomadic Period from the Southern Cis-Urals (Accidental Findings)]. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], iss. 3, pp. 117-147.

- Ismagilov R.B., Skarbovenko V.A., 1977. Novye nahodki savromatskogo oruzhiya v mezhdurech'e Volgi i Urala [Sauromatian Weapons: New Findings from the Volga and Ural Interfluvium Region]. *Srednevolzhskaya arkeologicheskaya ekspeditsiya* [Middle Volga Archaeological Expedition]. Kuibyshev, Kuibyshev State University, pp. 77-92.
- Kollektsii Filippovskikh kurganov iz fondov Muzeya arkeologii i etnografii IEI UFIC RAN* [Collections of Filippovka Kurgans from the Funds of the Museum of Archeology and Ethnography of CER USC RAS], 2018. Ufa, Kitap Publ. 400 p.
- Kraeva L.A., Shuteleva I.A., Shcherbakov N.B., 2008. Novye nahodki akinakov v Bashkirskom Priural'e [New Findings of the Akinakas in the Bashkir Cis-Urals]. *Sluchaynye nahodki: hronologiya, atributsiya, istoriko-kul'turnyy kontekst: materialy tematicheskoy nauch. konf.* [Random Finds: Chronology, Attribution, Historical and Cultural Context. Materials of the Thematic Scientific Conference]. Saint Petersburg, St. Petersburg State University, pp. 119-122.
- Kurinskiy O.I., 2012. Klinkovoe oruzhie rannih kochevnikov V-I vv. do n.e. iz mogil'nikov u s. Pokrovka (Levoberezh'e Ileka) [Early Nomad Blade Weapons from the 6th – 1st cc. BC in the Cemeteries near Pokrovka (Left Bank of the Ilek)]. *Rossiyskaya arkeologiya* [Russian Archaeology], no. 2, pp. 72-80.
- Mordvinceva V.I., Shinkar' O.A., 1999. Sarmatskie paradnye mechi iz fondov Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [The Sarmatian Parade Daggers Keeping in Volgograd Museum of Local Lore]. *Nizhnevolzhskiy arkeologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 2, pp. 138-148.
- Nikolaev S.Yu., 2019. Kompleks sarmatskogo klinkovogo oruzhiya iz okrestnostey sel Kuezbashevo i Bishkain v Yuzhnom Priural'e [A Complex of Sarmatian Bladed Weapons from the Vicinity of the Villages of Kuezbashevo and Bishkain in the Southern Cis-Urals]. *Ufimskiy arkeologicheskii vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], iss. 19, pp. 69-77.
- Nikolaev S.Yu., Savelev N.S., 2019. Sarmatskie kinzhaly iz okrestnostey d. Yulamanovo v Yuzhnom Priural'e [Sarmatian Daggers from the Vicinity of the Village of Yulamanovo in the Southern Cis-Urals]. *Ural-Altay: cherez veka v budushchee: materialy VIII Vserossiiskoy tyurkologicheskoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem)* [Ural-Altai: through Centuries to the Future: Materials of the VIII All-Russian Turkological Conference (with International Participation)]. Ufa, IHLL USC RAS, pp. 199-203.
- Obydenov M.F., Savelev N.S., 1994. Oruzhie rannih kochevnikov: novye nahodki v Bashkortostane [Weapons of the Early Nomads: New Findings from Bashkortostan]. *Vooruzhenie i voennoe delo drevnih plemen Yuzhnogo Urala* [Armament and Military Affairs of the Ancient Tribes of the Southern Urals]. Ufa, PKF Konkord-Invest Publ., pp. 100-115.
- Ovsyannikov V.V., Savelev N.S., 2019. Voinskoe svyatilishche na Akberdinskom II gorodishche [Military Sanctuary in Akberdino II Settlement]. *Arkeologiya Evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian steppes], no. 2, pp. 201-226.
- Pshenichnyuk A.H., 2012. *Filippovka: nekropol' kochevoy znati IV veka do n.e. na Yuzhnom Urale* [Philippovka: Necropolis of the Nomadic Nobility of the 4th Century BC in the South Urals]. Ufa, IHLL USC RAN. 280 p.
- Savelev N.S., 2016. Mechi i kinzhaly v kul'tovoy praktike kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya skifo-sarmatskogo vremeni (prostranstvennyy analiz «sluchaynykh» nahodok) [Swords and Daggers in Religious Practices of Southern Urals Nomads from Skythian-Sarmatian Time (Spatial Analysis of 'Accidental' Finds)]. *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennyye problemy sarmatskoy arkeologii: materialy IX Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arkeologii i istorii»* [Konstantin Fedorovich Smirnov and Modern Problems of Sarmatian Archaeology. Proceedings of the IX International Scientific Conference "Problems of Sarmatian Archaeology and History"]. Orenburg, Orenburg State Pedagogical University, pp. 241-253.
- Savelev N.S., 2018. Nahodki mechey i kinzhalov skifo-sarmatskogo vremeni iz yugo-zapadnykh predgoriy Yuzhnogo Urala (k voprosu ob osvoenii territorii i osobennostyakh rasseleniya kochevnikov) [Swords and Daggers of the Scytho-Sarmatian Period: Finds from Southwestern Foothills of the Southern Ural (Development of the Territory and Dispersal of the Nomadic Population Revisited)]. *Oriental Studies*, vol. 38, iss. 4, pp. 24-31. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-37-3-24-31>.
- Savelev N.S., Kurmanov R.G., Suleymanov R.R., 2018. Pervye rezul'taty kompleksnykh issledovaniy Shipovskogo gorodishcha v lesostepi Yuzhnogo Priural'ya [The First Results of Comprehensive Research of the Shipovsky Settlement in the Forest-Steppe of the Southern Cis-Urals]. *XXI Ural'skoe arkeologicheskoe soveshchanie, posvyashch. 85-letiyu so dnya rozhdeniya G.I. Matveevoy i 70-letiyu so dnya rozhdeniya I.B. Vasil'eva: materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem* [XXI Ural Archaeological Meeting Dedicated to the

- 85th Anniversary of the Birth of G.I. Matveeva and the 70th Anniversary of the Birth of I.B. Vasiliev. Materials of the All-Russian Scientific Conference with International Participation]. Samara, Samara State Social and Pedagogical University, pp. 242-244.
- Sadykova M.H., Vasil'ev V.N., 2001. Pozdnie prohorovtsy v central'noy Bashkirii [Nomads of the Late Stage of the Prokhorov Archaeological Culture in Central Bashkiria]. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], iss. 3, pp. 55-80.
- Samashev Z., Kusherbaev K., Amanshaev E., Astaf'ev A., 2007. *Sokrovishcha Ustyurta i Mankystau* [Treasures of Ustyurt and Mankystau]. Almaty, Arkheologiya, 400 p.
- Symonenko A.V., 2010. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ya* [Sarmatian Horsemen of North Pontic Region]. St. Petersburg, St. Petersburg State University. 328 p.
- Skripkin A.S., 2006. K probleme sootnosheniya ranne- i srednesarmatskoy kul'tur [To the Problem of Correlation of Early and Middle Sarmatian Cultures]. *Rannesarmatskaya i srednesarmatskaya kul'tury: problemy sootnosheniya: materialy seminara Centra izucheniya istorii i kul'tury sarmatov* [Early and Middle Sarmatian Cultures: Problems of Correlation. Materials of the Seminar of the Center for the Study of Sarmatian History and Culture], iss. 1. Volgograd, Volgograd Scientific Publishing House, pp. 5-36.
- Skripkin A.S., 2017. *Sarmaty* [Sarmatians]. Volgograd, Volgograd State University. 293 p.
- Smirnov K.F., Petrenko V.G., 1963. *Savromaty Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya* [Sauromats of the Volga and Southern Urals]. Svod arkheologicheskikh istochnikov, iss. Д1-9. Moscow, AS SSSR. 40 p.
- Tairov A.D., 2018. Kinzhaly sarmatskogo vremeni iz Miyakinskogo rayona Respubliki Bashkortostan [Daggers of Sarmatian Time from the Miyakinsky District of the Republic of Bashkortostan]. *Nauka YuUrGU: materialy 70-y nauch. konf. Sektsii social'no-gumanitarnykh nauk* [Science of SUSU. Materials of the 70th Scientific Conference. Sections of Social Sciences and Humanities]. Chelyabinsk, South Ural State University, pp. 287-294.
- Fyodorov V.K., 2013. Kinzhal iz Talalaevki i «savromatskie» elementy v oformlenii rukoyatey prohorovskikh klinkov [Dagger from Talalayevka and "Sauromatic" Elements in the Ornamentation of Handles of Prokhorovsky Type Blade Weapons]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 13, pp. 33-47.
- Khazanov A.M., 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov* [Essays on Military Affairs of the Sarmatians]. Moscow, Nauka Publ. 171 p.
- Yablonskiy L.T., 1998. Raboty kompleksnoy Ilekskoy ekspeditsii na yuge Orenburgskoy oblasti [Proceedings of the Complex Ilek Expedition in the South of the Orenburg Region]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological Sites of Orenburg Region], iss. 2. Orenburg, Pechatnyy dom «Dimur» Publ., pp. 97-119.
- Yablonskiy L.T., 2010. *Prohorovka. U istokov sarmatskoy arkheologii* [Prokhorovka. At the Origins of Sarmatian Archaeology]. Materialy I issledovaniya po arkheologii Rossii, no. 12. Moscow, Taus Publ. 383 p.

Information About the Authors

Nikita S. Savelev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Leading Researcher, Department of Archaeological Research, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Oktyabrya, 71, 450054 Ufa, Russian Federation, sns_1971@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3643-2388>

Sergey Yu. Nikolaev, Junior Researcher, Department of Archaeological Research, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Oktyabrya, 71, 450054 Ufa, Russian Federation, nikolaev.sergey123@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3350-9148>

Информация об авторах

Никита Сергеевич Савельев, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, просп. Октября, 71, 450054 г. Уфа, Российская Федерация, sns_1971@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3643-2388>

Сергей Юрьевич Николаев, младший научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, просп. Октября, 71, 450054 г. Уфа, Российская Федерация, nikolaev.sergey123@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3350-9148>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.9>

UDC 930.26(470+571):(632/633)
LBC 63.48(2)-2

Submitted: 25.02.2020
Accepted: 29.04.2020

INVESTIGATION OF THE PALAEOOLITHIC AND MESOLITHIC SITES IN THE DON BASIN ON THE TERRITORY OF VOLGOGRAD REGION

Stanislav O. Remizov

Historical, Ethnographic and Architectural Museum-Preserve “Old Sarepta”, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The locations of the Stone Age on the Volgograd region territory have been known since the beginning of the XIX century. However, purposeful Stone Age sites explorations had only started after the Sukhaya Mechetka site was discovered by A.P. Koptev and M.N. Grischenko in 1951. The data accumulated on series of stratified sites in Volgograd Region makes it possible to outline two significant groups of them. One of the groups belongs to the Lower Volga basin. The other group is associated with the ramified network of gullies and ravines and multiple tributaries of the Don. The Don is the fourth longest river on the Russian Plain; its basin taken in the Volgograd Region is several times larger than the Volga basin taken in the area. The relatively flat landscape of the Don plain, saturated with small rivers, gullies and ravines, as well as stone raw materials available for mining, have been creating favorable conditions for human habitation since the Middle Paleolithic. The well-known Paleolithic and Mesolithic sites are found both in the watersheds and in the floodplain-terrace areas of the Middle Don. The near-mouth section of the Kurmoyarsky Aksai river – the Don tributary in Kotelnikovo District – and the surroundings of Kremenskaya village in Kletskaya District are standing out in terms of being studied. The stone industry detected in the lower layers of the multilayered site Schlyakh indicates that the Don plain was inhabited by people during the Middle to the Upper Paleolithic transition. The prospects of further searches for Stone Age sites in the Middle Don Basin had already been proven by the discovery of at least forty sites in previous decades. Further archaeological research will help to discover new stratified sites with impressive collections of stone and bone items, which will make it possible to draw analogies with synchronous sites in the territories adjacent to the Volgograd region.

Key words: Middle Don basin, Volgograd Region, Stone Age culture sites, Middle Paleolithic, Kurmoyarsky Aksai River, Upper Paleolithic, Novogrigorievskaya archaeological site, Mesolithic, Frolovo archaeological site, Yarovskoye archaeological site.

Citation. Remizov S.O., 2020. Investigation of the Palaeolithic and Mesolithic Sites in the Don Basin on the Territory of Volgograd Region. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, vol. 19, no. 1, pp. 167-187. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.9>

УДК 930.26(470+571):(632/633)
ББК 63.48(2)-2

Дата поступления статьи: 25.02.2020
Дата принятия статьи: 29.04.2020

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА В БАССЕЙНЕ ДОНА НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Станислав Олегович Ремизов

Историко-этнографический и архитектурный музей-заповедник «Старая Сарепта»,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. На территории Волгоградской области местонахождения каменного века известны с начала XIX в., однако целенаправленные разведки для обнаружения стоянок каменного века начались только после открытия А.П. Коптевым и М.Н. Грищенко памятника Сухая Мечётка в 1951 году. Информация о сериях стратифицированных стоянок и местонахождений, накопленная к настоящему времени для Волгоградской области, позволяет выделить две крупные группы памятников. Одна из них связана с бассейном Нижней Волги, а вторая – с разветвленной овражно-балочной сетью и многочисленными притоками Дона.

Последний является четвертой по протяженности рекой на Русской равнине, его бассейн в Волгоградской области по площади в несколько превосходит бассейн р. Волги. Относительно ровный рельеф Донской равнины, насыщенный мелкими речками, балками и оврагами, доступность каменного сырья создают благоприятные условия для обитания человека еще со времени среднего палеолита. Известные палеолитические и мезолитические местонахождения и стоянки встречаются как на плакорах, так и на надпойменно-террасовых участках Среднего Дона. По степени изученности выделяются приустьевая часть притока Дона – р. Курмоярский Аксай в Котельниковском районе и окрестности станицы Кременской в Клетском районе. Каменная индустрия нижних слоев многослойной стоянки Шлях говорит о том, что Донская равнина была заселена людьми и в переходный от среднего к верхнему палеолиту период. Перспективность продолжения поисков памятников каменного века в бассейне Среднего Дона уже доказана обнаружением как минимум четырех десятков местонахождений в предыдущие десятилетия. Дальнейшие археологические исследования будут способствовать обнаружению новых стратифицированных стоянок с выразительными коллекциями каменного и костяного инвентаря, которые позволят проводить аналогии с синхронными памятниками на сопредельных с Волгоградским регионом территориях.

Ключевые слова: бассейн Среднего Дона, Волгоградская область, памятники каменного века, средний палеолит, Курмоярский Аксай, верхний палеолит, Новогригорьевская, мезолит, Фроловская стоянка, Яровское.

Цитирование. Ремизов С. О., 2020. Исследования памятников палеолита и мезолита в бассейне Дона на территории Волгоградской области // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 1. С. 167–187. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.9>

История исследования

Находки изделий, которые можно отнести к различным эпохам каменного века, на территории современной Волгоградской области были отмечены еще в XIX – начале XX в. в публикациях А.Н. Минха «Историко-географический словарь Саратовской губернии: Южные уезды Царицынский и Камышинский» [Минх, 1898, с. 128, 165, 167, 382–383, 392] и Ф.В. Баллода «Приволжские Помпеи» [Баллод, 1923, с. 8–9, 14, 43, 47, 51–52, 58, 63–64, 68]. А.И. Ильина и П.Н. Шишкин в «Материалах к археологической карте Сталинградского, Хопёрского и некоторой части Астраханского и Камышинского округов Нижне-Волжского края» [Ильина, Шишкин, 1929, с. 2–42] приводят множество случаев случайных и «грабительских» находок каменных артефактов.

В 1914 г. в Царицыне основан музей краеведения, в 1924 г. было образовано Общество краеведения. Тогда же, в 1920-е гг., стали проводить археологические раскопки и сборы подъемного материала археологи и краеведы-любители. С 1929 по 1936 г. историческим отделом Сталинградского краеведческого музея заведовала археолог Т.М. Минаева. Кроме проведения раскопок и разведок новых памятников археологии, она работала над коллекциями из фондов музея, вводя их в научный оборот [Минаева, 1929, с. 3–27]. Отправной точкой в проведении раскопок стоянок

каменного века является 1929 год. Тогда при проведении рекогносцировочных работ по трассе будущего Волго-Донского судоходного канала археологическим отрядом А.А. Иессена (Государственный Эрмитаж – ГАИМК) на окраине села Ивановка Светлоярского района была найдена и раскопана первая стоянка палеолитического времени на территории Волгоградской области и Донской равнине [Праслов, 1996, с. 31].

В течение двадцати лет, с начала 1930-х до 1950-х гг., сведения о новых находках каменных изделий в основном поступали от специалистов-«неархеологов», обнаруживающих отдельные артефакты во время проведения геологических, геодезических и других работ в пределах области. Сборы подъемного материала на открытых местонахождениях носили случайный характер и были представлены только наиболее выразительными находками.

Знаковым событием для изучения каменного века региона и катализатором продолжения поиска палеолитических памятников в междуречье Волги и Дона послужило открытие в начале 50-х гг. стоянки Сухая Мечётка. Этот памятник последовательно, вслед за переименованиями города сменивший название со Сталинградской на Волгоградскую стоянку, датирован его исследователем С.Н. Замятниным эпохой среднего палеолита и представляет собой остатки сто-

янки открытого типа. Раскопки Сухой Мечётки вызвали интерес к древней истории Волгоградской области не только у археологов, но и у краеведов. Предпринятые ими в 1960-х – 1980-х гг. изыскательские работы привели к открытию более 30 местонахождений. Часть из них обследовал и ввел в научный оборот Н.Д. Праслов, проводивший в эти годы целенаправленные поиски палеолитических памятников в Волго-Донском междуречье [Ремизов, 1992, с. 35].

В 1965 г. Н.Д. Праслов, возглавлявший палеолитический отряд Астраханской экспедиции, провел масштабные разведки на юге Волгоградской области по левобережью Дона в Котельниковском и Октябрьском районах. Результатом исследования прибрежных участков в Котельниковском районе, где шли активные абразивные разрушения четвертичных отложений Цимлянским водохранилищем и размывался целый спектр террас, содержащих мустьерские и верхнепалеолитические материалы [Праслов, 2001, с. 8], было открытие около 15 памятников. В 1971 г. возглавляемый Н.Д. Прасловым палеолитический отряд Волго-Донской экспедиции продолжил исследование в Котельниковском районе позднепалеолитических стоянок Подгородниченково I и II, а также провел археологические разведки выше по течению Дона, в Иловлинском и Клетском районах и по левому притоку Дона р. Иловле, в результате которых был открыт ряд новых палеолитических и мезолитических памятников.

Открытие в 1988 г. В.И. Куфенко стоянки у хутора Шляховского во Фроловском районе стало причиной более пристального внимания ученых к поискам и изучению памятников каменного века в центральной части Волгоградской области во Фроловском, Иловлинском и Клетском районах. Исследования в 1990–1991, 1999–2001 и 2013 гг. многослойной стоянки Шлях Среднедонской палеолитической экспедицией под руководством П.Е. Нехорошева (Институт истории материальной культуры, далее – ИИМК РАН) позволило выделить и изучить в каменной индустрии памятника переходный этап от среднего к верхнему палеолиту. Археологическими разведками экспедиции было обследовано левобережье Дона от станицы Клетской до

хутора Старояблоновский Иловлинского района, в результате которых были открыты и введены в научный оборот верхнепалеолитическая стоянка Новогригорьевская, мезолитические местонахождения Селезневское и Яровское.

В 1999–2000 гг. автором в районе станицы Кременской Клетского района были найдены еще 6 местонахождений палеолитического и мезолитического возраста, в 2001 г. была исследована мезолитическая стоянка Фроловская, в 2001, 2002 и 2004 гг. – местонахождение Яровское.

Площадь бассейна Дона в Волгоградском регионе в несколько раз превышает площадь бассейна Волги. Водораздел между двумя реками проходит по верхним отметкам Приволжской и Ергенинской возвышенностей, расположенных параллельно руслу Волги и удаленных от него на небольшое, до нескольких десятков километров, расстояние. Соответственно, сток практически всех водных потоков Волго-Донского междуречья направлен в сторону Дона. Территория междуречья изрезана широкой сетью балок, логов, оврагов, руслами средних и малых рек, сезонных и высохших речек, равнинный рельеф имеет незначительные возвышения. Все эти факторы создавали привлекательные условия для жизни, охоты древних людей, которые оставили здесь большее количество следов своего пребывания.

Во Фроловском (хут. Шляховской), в Клетском (ст. Кременская), в Жирновском (г. Жирновск, пос. Линево) районах выходят на поверхность известняки верхнего отдела каменноугольного периода, содержащие кремневое сырье. Такой кремний встречается в виде продуктов расщепления на большом количестве памятников Волгоградского региона (от среднего палеолита до мезолита), что позволяет сделать предположение о его доступности для человека в древности везде, где существовали естественные обнажения четвертичных пород.

Все известные памятники каменного века на территории Донского бассейна Волгоградской области расположены неравномерно. На фоне единичных, «разбросанных» по карте региона памятников выделяются две географические локальности (в описании памятни-

ков ниже они даются отдельно), где на относительно малой площади концентрация местонахождений очень высокая: это долина в устье р. Курмоярский Аксай и прилегающее к ней побережье Цимлянского водохранилища в Котельниковском районе и правобережье Малой излучины Дона у станицы Кременской в Клетском районе [Ремизов, 2001б]. Изученность каменного века междуречья в целом остается низкой, исключением являются отдельные участки во Фроловском и Иловлинском районах.

К сожалению, разной остается и индивидуальная информативная составляющая для каждого памятника. Культурный слой зафиксирован на единицах, большинство коллекций представлено подъемным материалом, количество которого на разных памятниках является неравнозначным. Так, в настоящем исследовании не учитывались, за редким исключением, пункты, содержащие единичные находки. Уточнение сведений (условия залегания, площадь распространения находок и пр.) по некоторым памятникам, открытым 40–60 лет назад, стало в настоящее время невозможным по ряду объективных и субъективных причин.

Памятники палеолита и мезолита бассейна р. Дон

Курмоярский Аксай и прилегающий к нему участок побережья Цимлянского водохранилища

Большая Козловая балка I

Местонахождение обнаружено палеолитическим отрядом Астраханской экспедиции под руководством Н.Д. Праслова в 1965 г. [Праслов, 1965]. Оно удалено от устья одноименной балки к северу на расстояние около 1 км (рис. 2,6) и приурочено к береговому обнажению мариининской террасы Дона. Общая мощность обнажения, в котором выделяются 2 горизонта ископаемых почв, составляет около 20 метров. Под одной из почв обнаружен костеносный горизонт, содержащий останки слона, лошади раннего типа, зубра или быка, гигантского оленя [Праслов, 1967, с. 121]. Под обнажением террасы собрано око-

ло 30 кремней. Из них 5 отщепов и шаровидный нуклеус сильно окатаны и происходят из аллювиальных отложений. Остальные находки относятся, по всей видимости, к покровным отложениям. Это 2 шаровидных нуклеуса, обломок остроконечника, скобель на удлиненном пластинчатом отщепе, массивное скребло со слегка выпуклым рабочим краем и около 10 отщепов. Находки не окатаны и не патинизированы. Местонахождение предварительно датировано временем среднего палеолита [Праслов, 1968, с. 142].

Материалы хранятся в Астраханском краеведческом музее и в ИИМК РАН.

Большая Козловая балка II

Местонахождение обнаружено палеолитическим отрядом Астраханской экспедиции под руководством Н.Д. Праслова в 1965 г. [Праслов, 1965]. Оно находится на левом мысу, образованном устьем Большой Козловой балки и берегом Курмоярского Аксая (рис. 2,7). Здесь в суглинке на глубине около 3 м найден кремневый отщеп. Местонахождение условно датировано временем палеолита.

Материалы хранятся в ИИМК РАН.

Большая Козловая балка III

Местонахождение обнаружено палеолитическим отрядом Астраханской экспедиции под руководством Н.Д. Праслова в 1965 г. [Праслов, 1965]. Оно расположено напротив местонахождения Большая Козловая балка II, на правом приустьевом мысу балки (рис. 2,8). В волноприбойной зоне найден подъемный материал: двустороннеобработанное орудие среднепалеолитического облика и несколько осколков костей лошади «кабалоидного облика» (определение И.М. Громова).

Материалы хранятся в ИИМК РАН.

Веселый

Местонахождение обнаружено палеолитическим отрядом Астраханской экспедиции под руководством Н.Д. Праслова в 1965 г. [Праслов, 1965] в окрестностях хутора Веселый Котельниковского района (рис. 2,3). Несколько обработанных кремней найдено на

берегу Цимлянского водохранилища. Возраст местонахождения – в границах от палеолита до мезолита.

Материалы хранятся в ИИМК РАН.

Нагавская I

Местонахождение обнаружено и обследовано палеолитическим отрядом Астраханской экспедиции под руководством Н.Д. Праслова в 1965 г. [Праслов, 1965] на южной окраине станицы Нагавской Котельниковского района (рис. 2,1). Единичные находки кремневых отщепов и осколков сделаны на площадке, образованной берегом Цимлянского водохранилища и двумя небольшими безымянными овражками. Местонахождение относится к эпохе каменного века, более точное определение возраста не представляется возможным.

Материалы хранятся в ИИМК РАН.

Нагавская II

Местонахождение обнаружено и обследовано палеолитическим отрядом Астраханской экспедиции под руководством Н.Д. Праслова в 1965 г. [Праслов, 1965]. Оно расположено в 1 км к западу от станицы Нагавской Котельниковского района, на правом склоне балки Карайчева, недалеко от ее устья (рис. 2,2). Локальное скопление находок обнаружено на участке 15 × 15 м на современной дневной поверхности, развившейся на нагавских глинах [Праслов, 1968, с. 142]. Всего собран 31 предмет, в том числе боковое скребло, два зубчатых изделия, обломок нуклеуса, серия массивных отщепов. Находки окатаны, на современной поверхности оказались благодаря выносу рыхлых четвертичных отложений. Местонахождение датировано раннепалеолитическим возрастом [Праслов, 1967, с. 122].

Материалы хранятся в Астраханском краеведческом музее и в ИИМК РАН.

Подгородниченково I

Стоянка обнаружена палеолитическим отрядом Астраханской экспедиции под руководством Н.Д. Праслова в 1965 г. [Праслов, 1965] в Котельниковском районе, в 2–2,5 км к

северо-востоку от устья Большой Козловой балки (рис. 2,4), исследовалась Н.Д. Прасловым [Праслов, 1966; Праслов, 1971]. В устье небольшой, но древней балочки, выходящей в затопленную ныне долину р. Курмоярский Аксай, на левом берегу найдено несколько изделий из кремня. Исследования местонахождения [Праслов, 1967, с. 124–126] выявили культурный слой, залегающий на глубине около 1,2 метра. Коллекция найденных изделий составляет более 500 экз. Большую часть составляют целые и фрагментированные пластины. Орудия представлены скреблом, скребком и тремя боковыми резцами, есть один призматический нуклеус. Стоянка датирована временем позднего палеолита.

Материалы хранятся в Астраханском краеведческом музее и в ИИМК РАН.

Подгородниченково II

Местонахождение обнаружено палеолитическим отрядом Астраханской экспедиции под руководством Н.Д. Праслова в 1965 г. [Праслов, 1965] в Котельниковском районе, в 2–2,5 км к северо-востоку от устья Большой Козловой балки, в 150–200 м севернее первого местонахождения, на левом борту безымянной балочки (рис. 2,5). Найдено 3 кремневых изделия, в том числе боковой резец. Рядом, в волноприбойной зоне, обнаружен фрагмент фоссилизированной кости. Местонахождение датировано верхним палеолитом.

Материалы хранятся в Астраханском краеведческом музее и в ИИМК РАН.

Похлебинское I

Местонахождение обнаружено палеолитическим отрядом Астраханской экспедиции под руководством Н.Д. Праслова в 1965 г. [Праслов, 1965] в 1 км к северу от хутора Похлебин Котельниковского района, недалеко от устья Малой Козловой балки, в волноприбойной зоне залива Курмоярского Аксая (рис. 2,9). Находки сосредоточены на ограниченном участке. Собрано около 70 кремневых предметов: нуклеусы призматические, многочисленная группа резцов (боковых, срединных, угловых, комбинированных), редкие и маловыразительные скребки, пластины и отщепы.

Изделия не окатанные, многие со следами известковой корки. Высокий уровень призматической техники расщепления у нуклеусов, разнообразие типов резцов позволяет уверенно датировать местонахождение временем верхнего палеолита.

Материалы хранятся в Астраханском краеведческом музее и в ИИМК РАН.

Похлебин II

Местонахождение обнаружено палеолитическим отрядом Астраханской экспедиции под руководством Н.Д. Праслова в 1965 г. [Праслов, 1965] под обнажением II надпойменной террасы между хутором Похлебин Котельниковского района и устьем впадающей в Курмоярский Аксай речки Сибереchnой (рис. 2,10). Кремневый нуклеус и нуклевидный обломок найдены на высоте около 2 м над урезом залива Курмоярского Акса. Призматическая техника расщепления нуклеуса позволяет датировать местонахождение позднепалеолитическим временем.

Материалы хранятся в Астраханском краеведческом музее и в ИИМК РАН.

Цыганский хутор

Местонахождение обнаружено палеолитическим отрядом Астраханской экспедиции под руководством Н.Д. Праслова в 1965 г. [Праслов, 1965]. Оно расположено в Котельниковском районе, на правом берегу залива р. Курмоярский Аксай, в урочище Цыганский хутор (рис. 2,11). Находки каменных изделий и обломки костей ископаемых животных были сделаны под обнажением II надпойменной террасы в волноприбойной зоне. Место сбора подъемного материала занимает около 70 м береговой зоны. На уровне пляжа в слое светло-бурого лессовидного суглинка *in situ* расчищено несколько обломков костей мамонта.

Всего обнаружено 61 каменное изделие. Восемь нуклеусов были представлены дисковидными, шаровидными и грубопризматическими экземплярами. Кроме нуклевидных обломков, отщепов с массивными ударными площадками, найдены 2 скребла, 2 отщепа со вторичной обработкой. Архаический облик каменного инвентаря и характерные особеннос-

ти в технике расщепления позволяют датировать местонахождение временем среднего палеолита [Праслов, 1968, с. 142].

Материалы хранятся в Астраханском краеведческом музее и в ИИМК РАН.

Малая излучина Дона в окрестностях станции Кременской

Доломановская балка

Местонахождение каменного века обнаружено палеолитическим отрядом Волго-Донской экспедиции под руководством Н.Д. Праслова в 1971 г. [Праслов, 1971] за западной окраиной станции Кременской Клетского района (рис. 3,31). Расположено на левом берегу балки, отделяющей ныне несуществующий хут. Доломановку от станции Кременской. Культурный слой невыразительный, залегает в основании современной почвы. Обнаружено 8 предметов, в том числе нуклеус, массивная ассиметричная пластина с негативами сколов, скребло, отщепы, фрагмент пластины. Кроме того, среди находок имеются 9 фрагментов керамики гончарного производства, а также сильно окатанный кусок ожелезненной породы темно-вишневого цвета.

Н.Д. Праслов определил местонахождение Доломановская балка как поселение эпохи бронзы из-за находок фрагментов керамики. Однако это предположение возможно лишь в случае, если будет установлена одновременность их функционирования с каменным инвентарем. Судя по каменному инвентарю, местонахождение может быть датировано временем верхнего палеолита – мезолита. В случае же, если фрагменты керамики синхронны по времени с каменным инвентарем, то возраст местонахождения будет с большей долей вероятности соответствовать периоду неолита – энеолита.

Материалы хранятся в ИИМК РАН.

Кременская I

Местонахождение обнаружено палеолитическим отрядом Волго-Донской экспедиции под руководством Н.Д. Праслова в 1971 г. [Праслов, 1971]. Оно расположено на левом берегу балки Симонова примерно в одном

километре к югу от станицы Кременской Клетского района (рис. 3,27), на террасовой площадке вдоль земляного вала. Подъемный материал включает 12 предметов: нуклеус, отщепы, изделие на отщепе, фрагмент кремневого бифасиального изделия и осколки.

Предположительные возрастные границы памятника – от верхнего палеолита до неолита.

Материалы хранятся в ИИМК РАН.

Кременская II

Местонахождение обнаружено палеолитическим отрядом Волго-Донской экспедиции под руководством Н.Д. Праслова в 1971 г. [Праслов, 1971]. Расположено к востоку от станицы Кременской Клетского района, на крутом склоне правого борта балки Каменной (или Каменки) (рис. 3,28). При выравнивании дороги был слегка прорезан склон, в получившейся канаве обнаружен археологический материал. Общее количество находок 26 экземпляров. В коллекцию найденных предметов входят нуклеусы, пластины, отщепы, скребло, изделие на отщепе.

Предположительные возрастные границы памятника – от верхнего палеолита до неолита.

Материалы хранятся в ИИМК РАН.

Кременская III

Местонахождение обнаружено палеолитическим отрядом Волго-Донской экспедиции под руководством Н.Д. Праслова в 1971 г. [Праслов, 1971] в окрестностях станицы Кременской Клетского района. Отдельные предметы обнаружены на платообразной поверхности рядом с триангуляционным пунктом (рис. 3,29). Рассеянное по поверхности местонахождение не имеет четких границ, от местонахождения Кременская II удалено на небольшое расстояние. Подъемный материал состоит из нуклеусов, отщепов с ретушью и без ретуши, а также нескольких фрагментов керамики. Предположительные возрастные границы памятника – от верхнего палеолита до неолита.

Материалы хранятся в ИИМК РАН.

Кременская IV

Местонахождение открыто С.О. Ремизовым в 1999 г. [Ремизов, 2000]. Находится примерно в двух километрах от западной окраины станицы (рис. 3,30), на второй надпойменной террасе Дона, изрезанной молодыми глубокими овражками. Находки в количестве 60 предметов приурочены к верхнему гумусированному слою современной почвы. Кремневые артефакты представлены фрагментом незаконченного двустороннеобработанного орудия, пластиной, отщепами, чешуйками, осколками и обломками.

Предположительные возрастные границы памятника – от мезолита до неолита.

Материалы хранятся в Волгоградском областном краеведческом музее.

Балка Селезнева

В 1990–1991 гг. разведочным отрядом Среднедонской палеолитической экспедицией под руководством П.Е. Нехорошева в русле балки Селезнева, выходящей устьем к ст. Кременской Клетского района, на всем ее протяжении было собрано более сотни предметов [Нехорошев, 1991; Нехорошев, 1992а, с. 15], отнесенных к эпохе каменного века, среди которых есть орудия, нуклеусы и нуклевидные предметы, пластины и отщепы. Разная степень патинизации и сохранности, морфология некоторых предметов указывают на разновременность находок – от среднего до верхнего палеолита. С целью выяснения происхождения этих материалов склоны балки Селезнева и примыкающих к ней небольших оврагов были подвергнуты дополнительному изучению. В результате в разные годы здесь обнаружено 5 новых местонахождений каменного века.

Материалы хранятся в ИИМК РАН.

Селезневское I

Местонахождение открыто разведочным отрядом Среднедонской палеолитической экспедицией под руководством П.Е. Нехорошева в 1990 г. [Нехорошев, 1991]. Расположено в 6 км к югу от станицы Кременской Клетского района, в верховьях одноименной балки,

на ее правом берегу (рис. 3,32). Исследовалось П.Е. Нехорошевым в 1990–1991 гг. [Нехорошев, 1990; Нехорошев, 1991], Л.Б. Вишняцким в 1999 г. [Вишняцкий, 1999]. Подъемный материал приурочен к верхней горизонтальной поверхности, примыкающей к балке, и рассеян в верхнем слое почвы мощностью до 20–30 см. Площадь распространения не менее 3 000 кв. метров. Всего за годы изучения здесь собрано 933 предмета. В состав коллекции входят: орудия и изделия со вторичной обработкой, нуклеусы и нуклевидные, сколы, чешуйки и мелкие обломки, а также галька-отбойник. Количественный состав, характер материала, приуроченность памятника к выходам сырья – все это указывает на то, что местонахождение использовалось как мастерская первичного расщепления камня [Нехорошев, 1995, с. 55]. Археологический возраст материала местонахождения Селезневское I определен как послепалеолитический.

Материалы хранятся в ИИМК РАН.

Селезневское II

Местонахождение обнаружено С.О. Ремизовым в 1999 г. [Ремизов, 2000]. Оно расположено на склоне правого борта балки Селезнева за юго-западной окраинной станицы Кременской (рис. 3,33). Находки собраны в осыпи небольшого овражка, прорезающего верхнюю кромку борта балки, и на прилегающем к нему склоне. Коллекцию подъемного материала составляют скребло, отщепы, пластинчатый отщеп, осколки. Предварительно датирование местонахождения – от палеолита до мезолита.

Материалы хранятся в Волгоградском областном краеведческом музее.

Селезневское III

Местонахождение каменного века открыто С.О. Ремизовым в 1999 г. [Ремизов, 2000]. Местонахождение расположено по обоим бортам одноименной балки за юго-западной окраиной станицы Кременской Клетского района (рис. 3,34). Подъемный материал состоит из отщепов с ретушью и без ретуши, осколков. Предварительно датирование местонахождения – от палеолита до мезолита.

Находки хранятся в Волгоградском областном краеведческом музее.

Селезневское IV

Местонахождение каменного века открыто С.О. Ремизовым в 1999 г. [Ремизов, 2000]. Подъемный материал в количестве 28 предметов собран в осыпи стенок небольших овражков, прорезающих верхнюю кромку одноименной балки, а также в осыпи верхней части балки (рис. 3,35). Среди находок: скребло, нуклевидные изделия, дистальный фрагмент пластины высокой формы, отщепы и осколки, а также две сильно окатанных гальки из окаменевшей слоистой глины. Вопрос датировки местонахождения проблематичен. Варианты – от верхнего палеолита до мезолита.

Находки хранятся в Волгоградском областном краеведческом музее.

Селезневское V

Местонахождение каменного века открыто С.О. Ремизовым в 2000 г. [Ремизов, 2001a]. Оно расположено за юго-восточной околицей станицы Кременской, в основании правого бора балки Селезнева (рис. 3,36). Всего найдено 5 предметов, в том числе грубопризматический нуклеус, отщепы и пластина. Предварительно датирование местонахождения – от палеолита до мезолита.

Находки хранятся в Волгоградском областном краеведческом музее.

Симоновское

Местонахождение каменного века открыто С.О. Ремизовым в 2000 г. [Ремизов, 2001a]. Удалено от восточной окраины станицы Кременской на расстояние около 1 км (рис. 3,37). Площадь сбора подъемного материала – около 800 кв. метров. Всего обнаружено 33 предмета, в том числе несколько орудий, отщепы и осколки. Предварительно датирование местонахождения – от верхнего палеолита до мезолита.

Находки хранятся в Волгоградском областном краеведческом музее.

Александровка

Стоянка открыта В.И. Куфенко в 1982 г. [Куфенко, 1990, с. 64] на р. Медведица у с. Александровка Жирновского района (рис. 1,39). Культурный слой залегает на глубине 0,4–0,7 м. Каменные изделия не окатаны. Подъемный материал включает нуклеусы, орудия (скребки и долотовидные орудия), сколы. В основе каменной индустрии находится ножевидная пластина средних и небольших размеров. Исходя из анализа инвентаря, техники расщепления памятник можно отнести к средней поре верхнего палеолита.

Находки хранятся в музее станции юных техников (г. Волжский).

Ивановка I

Стоянка у с. Ивановка Светлоярского района (рис. 1,14) открыта А.А. Йессеном в 1929 г. [Береговая, 1984, с. 78] во время рекогносцировочных работ по трассе будущего Волго-Донского канала. Расположено в ложе спускового лотка опытного бассейна на правом берегу р. Кучерда, напротив южной окраины села. Вдоль восточного борта бассейна был заложен раскоп длиной 7,5 м и глубиной 2,5 м. Первые находки, около 100 каменных изделий, составили призматические нуклеусы, резцовые сколы, концевые скребки, отщепы [Праслов, 1996, с. 32–33]. В 1965 г. окрестности села Ивановка были обследованы Н.Д. Прасловым [Праслов, 1965]. В подъемный материал вошли нуклеус, скребок, несколько расщепленных фрагментов кремня. Стоянка датирована временем верхнего палеолита.

Материал хранится в Государственном Эрмитаже.

Ивановка II

Местонахождение открыто Н.Д. Прасловым в 1965 г. [Праслов, 1965]. Расположено на левом берегу запруженной р. Кучерда, напротив центра с. Ивановка (рис. 1,15). В земляных выкидах из окопов времен Великой Отечественной войны собрано несколько кремней, в том числе концевой скребок на отщепе. В береговом обрыве на глубине око-

ло 0,3 м в желто-буром суглинке, подстилающей современную почву полного профиля, найдено несколько расколотых фоссилизированных костей животных. Предварительно датировано временем верхнего палеолита.

Материал хранится в Астраханском краеведческом музее и в ИИМК РАН.

Ивановка III

Местонахождение открыто Н.Д. Прасловым в 1965 г. [Праслов, 1965]. Расположено на левом берегу запруженной р. Кучерда, примерно в 300 м от юго-восточной окраины села (рис. 1,16). Собрано 7 осколков кремня со следами обработки. Напротив, на правом берегу р. Кучерда, в суглинке на глубине около 1,5 м обнаружены кварцитовая патинизированная пластинка и кремневый отщеп, покрытый известковой корочкой.

Материал хранится в ИИМК РАН.

Ивановка IV

Местонахождение открыто С.О. Ремизовым в 1995 году. Расположено на левом берегу р. Кучерда за юго-западной окраиной с. Ивановка (рис. 1,17), ниже дамбы, по которой проходит дорога – въезд в село. В верхней части осыпи небольшого оврага найдено 65 предметов. Большую часть составляют сколы: отщепы и фрагменты отщепов, пластины, микропластины – всего 53 экземпляра. Орудия представлены скреблом, долотовидным (1 экз.) и выемчатыми (2 экз.) орудиями. Предварительно памятник датирован временем мезолита – неолита.

Материал готовится к передаче в музей-заповедник «Старая Сарепта» (г. Волгоград).

Колпачки

Местонахождение обнаружено в 1934 г. геологами С.С. Прониным и З.Н. Барановской [Горецкий, 1952, с. 310; Праслов, 1967, с. 122] в 9 км от города Калач-на-Дону (рис. 1,13). На берегу речки Карповки, левого притока Дона, в местности Колпачки были найдены 3 удлиненных кремневых отщепов со следами неглубокой патины, предположительно отнесенных к верхнему палеолиту. Отще-

пы найдены *in situ* в лессовидных суглинках и супеси II надпойменной террасы на глубине около 9 метров.

Материал хранится в ИИМК РАН.

Логовское

Находка массивного кварцитового скребла архаического облика была сделана Ю.М. Васильевым в 1963 г. [Береговая, 1984, с. 23; Праслов, 1967, с. 120–121] в отложениях третьей надпойменной террасы левого берега Дона, западнее пос. Логовского Калачевского района (рис. 1,12). В 1965 г. местонахождение обследовалось Н.Д. Прасловым [Праслов, 1965], который предварительно датировал находку раннепалеолитическим временем.

Материал хранится в ИИМК РАН.

Новогригорьевская стоянка

Стоянка открыта в 1991 г. при проведении поисковых работ Среднедонской палеолитической экспедицией ЛОИА АН СССР (ИИМК РАН) [Нехорошев, 1991]. Находится у северной окраины станицы Новогригорьевской Иловлинского района (рис. 1,23). Исследовалась П.Е. Нехорошевым [Нехорошев, 1991], Л.Б. Вишняцким [Вишняцкий, 2000]. Культурный слой мощностью 20–30 см залегает на глубине 1,35 метра. Подъемный материал включает 3 053 предмета, в том числе нуклеусы и нуклевидные изделия, орудия (резцы, скребки, комбинированные орудия, проколки, скребло, сколы с ретушью), сколы в виде отщепов, пластин, микропластин, многочисленных отходов производства. Условия залегания археологического материала, типология орудий и характер технических приемов снятия сколов-заготовок указывают на верхнепалеолитический возраст стоянки [Нехорошев, 1994; Нехорошев, 2006а, с. 79].

Материал хранится в ИИМК РАН.

Тары I, II

В 1969 г. разведочным отрядом под руководством Н.Д. Праслова [Праслов, 1970] в окрестностях с. Тары Иловлинского района (рис. 1,21–22) было обнаружено два место-

нахождения каменного века. Сборы с первого включают 27 предметов, в том числе нуклеус призматический, скребок концевой, отщепы, осколки, обломки, а также фрагмент дна керамического изделия гончарного производства. Сборы со второго местонахождения составляют 15 предметов: призматический нуклеус, отщепы и осколки.

Коллекции хранятся в ИИМК РАН.

Фроловская стоянка

Стоянка находится в десяти километрах к юго-западу от г. Фролово, районного центра в Волгоградской области (рис. 1,26). Открыта местным краеведом Е.Н. Хюппененом в начале 1980-х гг., исследовалась С.О. Ремизовым в 1999 и 2001 гг. [Ремизов, 2000; 2002]. Расположена на крутой излучине левого берега балки Паника. Находки встречаются на современной дневной поверхности и в голоценовой почве. Коллекция состоит из 184 предметов. Среди находок есть большая группа орудий (скребло, скребки, проколки), нуклеусы и нуклевидные изделия, сколы в виде отщепов и пластин. Стоянка предварительно датируется мезолитическим временем [Ремизов, 2003–2004, с. 270].

Находки хранятся в краеведческом музее г. Фролово.

Шашкин

Местонахождение обнаружено волгоградским палеонтологом А.А. Ярковым в окрестностях хутора Шашкин Серафимовичского района [Праслов, 1984, с. 95, рис. 37¹]. В береговом обрыве р. Медведица, примерно в 7 метрах над урезом воды, рядом с костеносным горизонтом, включающим останки эламотерия и хазарской лошади, найден кремневый остроконечник [Ярков, 2005, с. 303]. Местонахождение датировано временем среднего палеолита.

Находка хранится в ИИМК РАН.

Шлях

Многослойная стоянка в районе хутора Шляховского Фроловского района (рис. 1,25) открыта краеведом из г. Волжского В.И. Ку-

фенко в 1988 г. [Нехорошев, 1990]. Археологические исследования проводились с перерывами в 1990–2013 гг. экспедицией ИИМК РАН под руководством П.Е. Нехорошева [Нехорошев, 1990; 1991; 1999; 2000; 2001; Нехорошев и др., 2015].

Артефакты, найденные на дневной поверхности памятника, в современной почве и слое 2С, относятся к мезолиту, материалы из нижележащих слоев – к палеолиту.

Слой 4С насчитывает 150 находок орудий и продуктов расщепления и по результатам естественнонаучных анализов датируется 32–33 тыс. лет.

Находки из слоя 6 (86 предметов) представлены отщепами, пластинами и чешуйками. По облику некоторых изделий возраст слоя датирован верхним палеолитом в диапазоне 34–36 тыс. лет.

Коллекция каменных изделий из слоя 7 насчитывает 106 предметов и состоит из орудий, нуклеусов и нуклеидных изделий, а также сколов. Невыразительность материала не позволяет отнести его к среднему или верхнему палеолиту. Возраст погребенной почвы из данного слоя сопоставляется с первой половиной кашинского (молодовского) оледенения (39–37 тыс. лет).

Коллекция каменного инвентаря из слоя 8 насчитывает 4 558 предметов, куда вошли орудия (остроконечники, скребла, ножи, скребки, проколки, резцы, зубчато-выемчатые и другие орудия), нуклеидные изделия и сколы (отщепы и пластины). По П.Е. Нехорошеву, технология первичного расщепления камня указывает на переходный от среднего к верхнему палеолиту характер памятника [Нехорошев, 1992б].

Слой 9 представлен 862 находками: орудия (скребла, скребки, резцы, проколка, другие орудия и сколы с ретушью), нуклеусы и сколы в виде отщепов и пластин. Слой балочного аллювия, в котором были сделаны находки, имеет серию датировок в рамках 42–44 тыс. лет) [Нехорошев, 2006б].

Материалы хранятся в ИИМК РАН.

Ютаевка I

Местонахождение обнаружено разведочным отрядом под руководством Н.Д. Прас-

лова в 1969 г. [Праслов, 1970] у с. Ютаевка Иловлинского района, на правом берегу р. Иловля (рис. 1,18). Каменные изделия из палеогенового кварцитоподобного песчаника и кремня собраны на высоком правом берегу р. Иловля у северо-восточной окраины села. Культурный слой не обнаружен. Находки локализованы на высоком меловом мысу, на котором отсутствуют рыхлые четвертичные покровы. Это местонахождение предварительно отнесено П.Д. Прасловым к среднепалеолитическому времени.

Материалы хранятся в ИИМК РАН.

Ютаевка II

Местонахождение обнаружено разведочным отрядом под руководством Н.Д. Праслова в 1969 г. [Праслов, 1970] у с. Ютаевка Иловлинского района, на правом берегу р. Иловля (рис. 1,19). Оно приурочено к выходам древнебалочных ергенинских песков, представляет собой остатки мастерской по изготовлению каменных орудий. Предварительная датировка местонахождения: поздний палеолит – мезолит.

Материалы хранятся в ИИМК РАН.

Ютаевка III

Местонахождение обнаружено разведочным отрядом под руководством Н.Д. Праслова в 1969 г. [Праслов, 1970] у с. Ютаевка Иловлинского района, на правом берегу р. Иловля (рис. 1,18). В 1,5 км северо-восточнее села на склоне высокого берега обнаружено скопление кремневых отщепов, отнесенных к мезолитическому времени.

Материалы хранятся в ИИМК РАН.

Яровское

Местонахождение открыто в 2000 г. П.Е. Нехорошевым (Среднедонская палеолитическая экспедиция ИИМК РАН) [Нехорошев, 2000]. Исследовалось С.О. Ремизовым в 2001, 2002 и 2004 гг. [Ремизов, 2002; 2003; 2005]. Расположено в окрестностях станции Новогригорьевской Иловлинского района (рис. 1,24). Находки залегали на поверхности современной почвы и в верхнем гуму-

сированном слое вперемешку с кварцитовым сырьем в виде крупных фрагментов. Общая площадь сбора подъемного материала составила около 13 тыс. кв. м, коллекция каменных изделий насчитывает 213 предметов. Это нуклеусы, заготовки нуклеусов, орудия (скребла, двустороннеобработанные орудия, зубчато-выемчатые орудия, резец), сколы в виде отщепов и пластин с ретушью и без ретуши. Количественный состав, характер материала, приуроченность памятника к выходам сырья – все это указывает на то, что местонахождение использовалось как мастерская первичного расщепления камня. Возраст памятника предположительно определен как мезолитический.

Находки хранятся в Волгоградском областном краеведческом музее и в музее-заповеднике «Старая Сарепта».

Заключение

С момента раскопок первой на территории Волгоградской области стоянки эпохи палеолита у с. Ивановки прошло 90 лет. За это время на территории региона в бассейнах рек Волги и Дона было открыто большое количество памятников каменного века. Точное их число назвать сейчас трудно: сведения о некоторых в силу различных причин утеряны, часть материалов находится в работе, данные по некоторым местонахождениям приходится собирать заново.

За 30 лет удалось собрать сведения почти о девяноста памятниках. Они относятся к разным периодам каменного века – от среднего палеолита до мезолита. Объем сведений и степень изученности каждого из местонаждений – различны. Поэтому назрела необходимость первичной систематизации накопленного материала.

Все памятники условно были разделены на две группы – по бассейнам двух основных рек Европейской части России Волги и Дона, протекающих по территории Волгоградского региона. Материалы по палеолитическим и мезолитическим памятникам Нижнего Поволжья уже опубликованы [Ремизов, 2019], материалы по Среднему Дону представлены в настоящей работе.

Количество памятников в обеих группах различно, так как при выборе района поиска

исследователи, как правило, руководствовались своими возможностями – чем удаленнее район от областного центра, тем меньше становится концентрация местонаждений. Это характерно для исследований краеведов, научные экспедиции руководствовались другим принципом: археологические разведки проводились в окрестностях (ближних и дальних) памятника, на котором велись раскопки. Исключением являются исследования Н.Д. Праслова – его научные интересы распространялись на все междуречье Волги и Дона.

В каждом из выделенных бассейнов есть памятники с достаточно выразительными находками, количество которых (при условии наличия элементарных данных по геологии и палеозоологии) позволяет проводить сравнительные анализы с другими памятниками Волго-Донского междуречья и, что важно, с памятниками, расположенными в регионах, соседствующих с Волгоградской областью. На территориях Саратовской области – это верхнепалеолитические микрорайоны севера Саратовского правобережья и Саратовское Заволжье, стоянки в районе с. Непряхино [Малов, 2012, с. 18–19]. Мезолитические памятники в Саратовской области в основном привязаны к песчаным возвышениям южнее г. Энгельса, в Хвалынском районе, а также в степном Саратовском Заволжье [Малов, 2012, с. 23]. В Воронежской области – в первую очередь верхнепалеолитический комплекс памятников в Костёнковско-Борщёвском районе. В Ростовской области – комплекс памятников палеолита в Бирючьей балке, а также памятники среднего палеолита в бассейне Миуса и на Нижнем Дону [Праслов, 1968, с. 64]. В Астраханской области и на границе с Западным Казахстаном выделена группа мезолитических памятников, расположенных в северо-прикаспийской впадине, рассматриваемых в рамках одной индустриальной «сероглазовской» традиции [Малов, 2012, с. 22]. На территории Республики Калмыкия в зоне верхнехвалынской равнины также выделены комплексы мезолитических стоянок дюнного типа [Малов, 2012, с. 23]. Перечисленные группы образуют комплекс южно-русских и Прикаспийских памятников каменного века степной зоны, потенциал дальнейшего изучения ко-

торых до сих пор еще не обозначен. Необходимость в появлении новых обобщающих работ для этого отдельного региона, находящегося на стыке Русской равнины и Северного Кавказа, очевидна [Ремизов, 2019, с. 188–189].

В ближайшей перспективе необходимо продолжить и работу по накоплению данных об особенностях залегания каждого из памятников Волгоградской области и изучению степени его сохранности. Систематизация таких

данных будет способствовать выявлению закономерностей для поиска новых местонахождений каменного века.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь ошибочно указано место находки – хут. Шакин Кумылженского района. Правильно: хут. Шашкин Серафимовичского района (устное замечание автора находки А.А. Яркова).

ИЛЛЮСТРАЦИИ

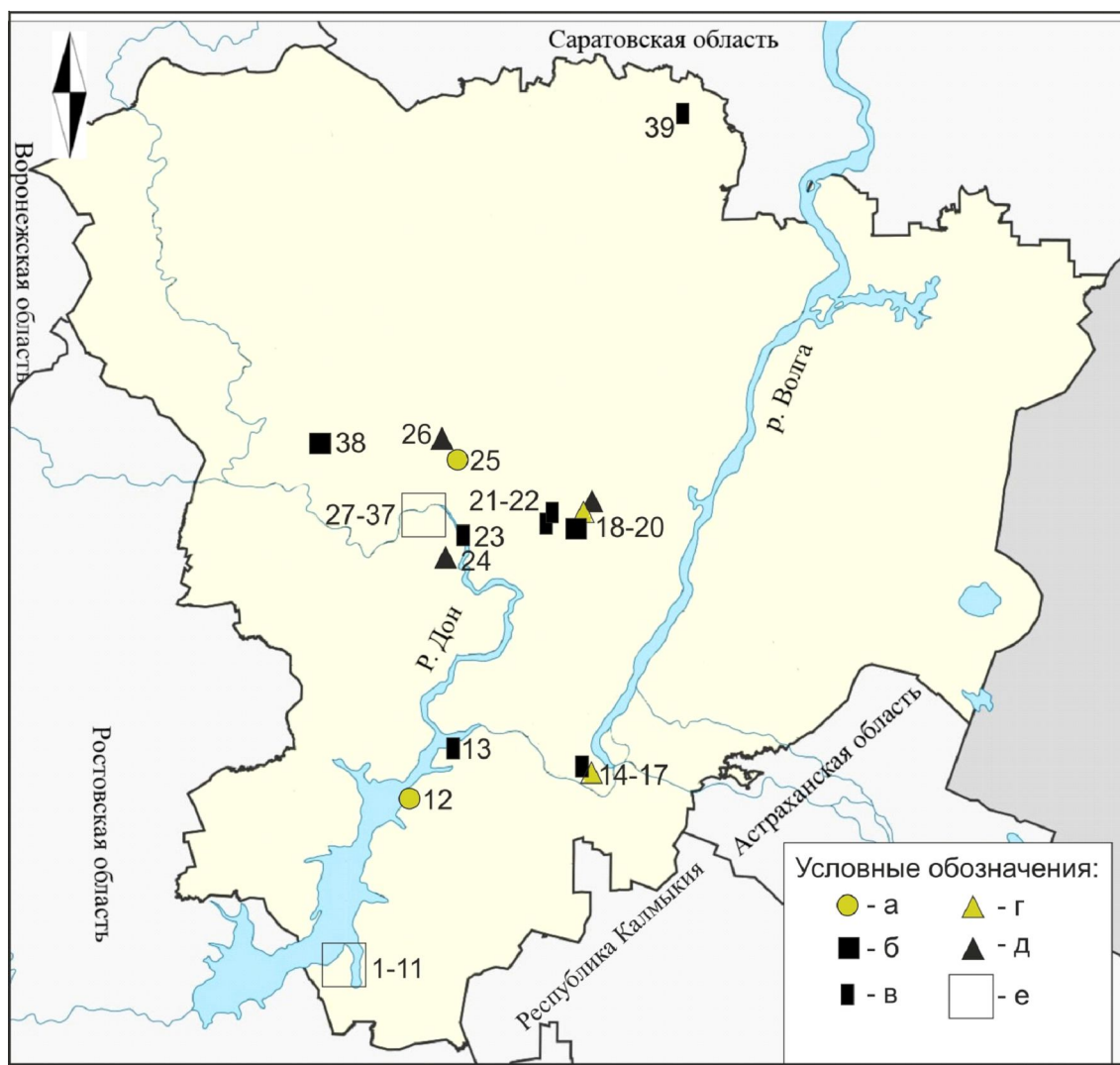

Рис. 1. Палеолитические и мезолитические памятники Волгоградской области (бассейн р. Дон):

(а – памятники эпохи палеолита; б – памятники среднего палеолита;
 в – памятники верхнего палеолита; г – памятники верхнего палеолита / мезолита; д – памятники мезолита;
 е – локальное скопление памятников).

1–11 – район устья р. Курмойарский Аксай и прилегающий к нему участок побережья Цимлянского водохранилища;
 12 – Логовское; 13 – Колпачки; 14–17 – Ивановка I–IV; 18–20 – Ютаевка I–III; 21–22 – Тары I–II;
 23 – Новогригорьевская; 24 – Яровское; 25 – Шлях; 26 – Фроловская; 27–37 – район станицы Кременской;
 38 – Шашкин; 39 – Александровка

Fig. 1. Paleolithic and Mesolithic sites of the Volgograd oblast (the Volga basin):

(а – Paleolithic sites; б – Middle Paleolithic sites;
 в – Upper Paleolithic sites; г – Upper Paleolithic – Mesolithic sites; д – Mesolithic sites;
 е – local accumulations of sites).

1–11 – The area of the Kurmoyarsky Aksai River mouth and the adjacent section of the Tsimlyansk Reservoir ashore;
 12 – Logovskoe; 13 – Kolpachki; 14–17 – Ivanovka I–IV; 18–20 – Yutaevka I–III; 21–22 – Tary I–II;
 23 – Novogrigor'evskaya; 24 – Yarovskoe; 25 – Shlyah; 26 – Frolovskaya; 27–37 – rayon stancy Kremenskoj;
 38 – Shashkin; 39 – Aleksandrovka

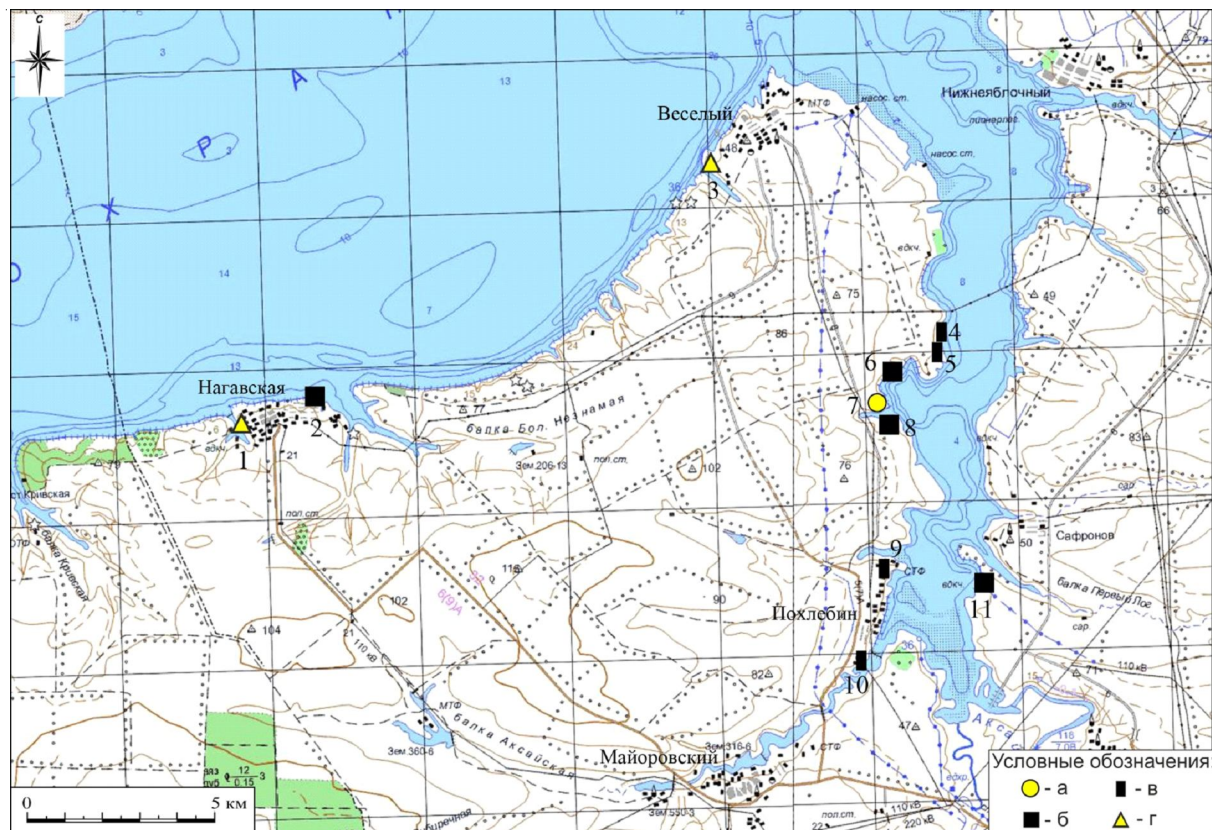

Рис. 2. Палеолитические и мезолитические памятники в районе устья р. Курмойарский Аксай и прилегающего к нему участка побережья Цимлянского водохранилища:

(а – памятники эпохи палеолита; б – памятники среднего палеолита;
 в – памятники верхнего палеолита; г – памятники верхнего палеолита / мезолита).
 1–2 – Нагавская I–II; 3 – Веселый; 4–5 – Подгородниченково I–II; 6–8 – Козловая балка;
 9–10 – Похлебино I–II; 11 – Цыганский хутор

Fig. 2. Paleolithic and Mesolithic sites in the area of the Kurmoyarsky Aksai River mouth and the adjacent section of the Tsimlyansk Reservoir ashore:

(а – Paleolithic sites; б – Middle Paleolithic sites;
 в – Upper Paleolithic sites; г – Upper Paleolithic – Mesolithic sites).
 1–2 – Nagavskaya I–II; 3 – Veselyy; 4–5 – Podgorodnichenko I–II; 6–8 – Kozlovaya balka;
 9–10 – Pohlebin I–II; 11 – Cyganskiy hutor

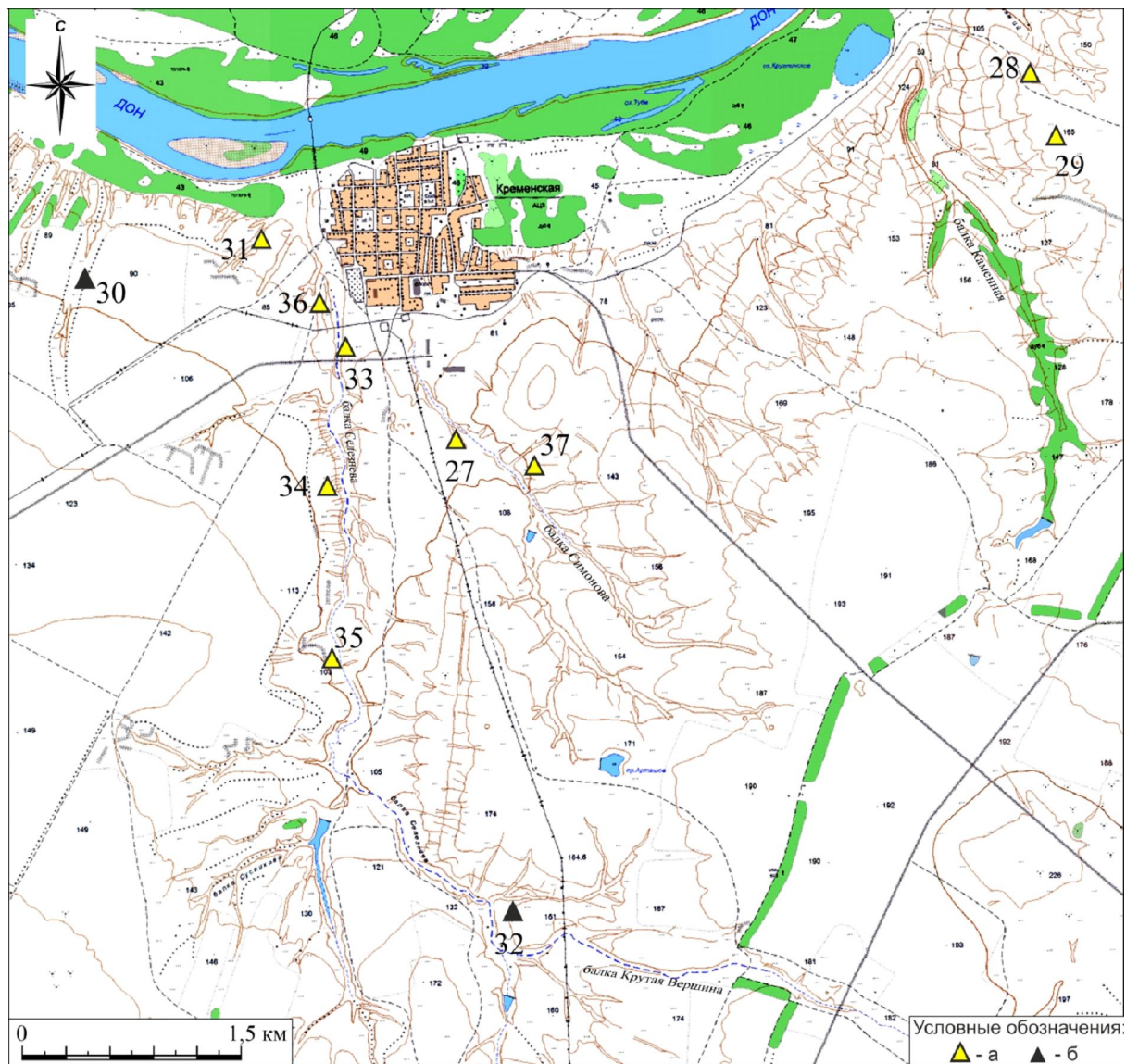

Рис. 3. Палеолитические и мезолитические памятники в районе станицы Кременской:

(*a* – памятники верхнего палеолита / мезолита; *б* – памятники мезолита).

27–30 – Кременская I–IV; 31 – Долмановская балка; 32–36 – Селезневское I–V; 37 – Симоновское

Fig. 3. Paleolithic and Mesolithic sites in the area of Kremenskaya village:

(*a* – Upper Paleolithic – Mesolithic sites; *b* – Mesolithic sites).

27–30 – Kremenskaya I–IV; 31 – Dolomanovskaya balka; 32–36 – Seleznevskoe I–V; 37 – Simonovskoe

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баллод Ф. В., 1923. Приволжские Помпеи (Опыт художественно-археологического обследования части правобережной Саратовско-Царицынской приволжской полосы). М. : Госиздат. 132 с.
- Береговая Н. А., 1984. Палеолитические местонахождения СССР (1958–1970). Л. : Наука. 172 с.
- Вишняцкий Л. Б., 1999. Отчет о полевых исследованиях разведочного отряда Среднедонской экспедиции в 1999 году // Архив ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Д. 22. 7 с.
- Вишняцкий Л. Б., 2000. Отчет о полевых исследованиях разведочного отряда Среднедонской экспедиции в 2000 году // Архив ИИМК РАН. РО. Ф. 35. КП 5301. 24 с.
- Горецкий Г. И., 1952. Следы палеолита и мезолита в Нижнем Подонье // Советская археология. Т. XVI. С. 302–319.
- Ильина А. И., Шишкин П. Н., 1929. Материалы к археологической карте Сталинградского, Хопёрского и некоторой части Астраханского и Камышинского округов Нижне-Волжского края. Сталинград : Нижне-Волжское издательство. 50 с.
- Куфенко В. И., 1990. Александровка I – памятник эпохи верхнего палеолита на р. Медведице // Древности Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград : Изд-во Волгоградского Госпединститута. С. 64–71.
- Малов Н. М., 2012. Археология Поволжья : учеб. пособие для студентов Института истории и международных отношений Саратовского ГУ. Саратов : Изд-во СГУ. 122 с.
- Минаева Т. М., 1929. Кремневая индустрия Нижнего Поволжья // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. Вып. 36, ч. 1. Саратов : Изд-во Нижне-Волжского общества краеведения. С. 3–27.
- Минх А. Н., 1898. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1. Южные уезды: Камышинский и Царицынский. Вып. 1. Лит. А-Г. Саратов. 1409 с.
- Нехорошев П. Е., 1990. Отчет о полевых исследованиях Среднедонской палеолитической экспедиции в 1990 году // Архив ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Д. 77. 40 с.
- Нехорошев П. Е., 1991. Отчет о полевых исследованиях Среднедонской палеолитической экспедиции в 1991 году // Архив ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Д. 186. 40 с.
- Нехорошев П. Е., 1992а. Исследования Среднедонской палеолитической экспедиции // Древности Волго-Донских степей. Вып. 2. Волгоград : Перемена. С. 14–16.
- Нехорошев П. Е., 1992б. Технология расщепления камня мустьерской стоянки Шлях (предварительные данные) // Проблемы палеолита и мезолита Волго-Уралья : тезисы регионального совещания. Саратов : Изд-во Саратовского университета. С. 28–30.
- Нехорошев П. Е., 1994. Новая верхнепалеолитическая стоянка на Среднем Дону // Древности Волго-Донских степей. Вып. 4. Волгоград : Перемена. С. 81–88.
- Нехорошев П. Е., 1995. Местонахождение каменного века у станицы Кременской // Древности Волго-Донских степей. Вып. 5. Волгоград : Перемена. С. 53–57.
- Нехорошев П. Е., 1999. Отчет о полевых исследованиях Среднедонской палеолитической экспедиции // Архив ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 19–20. 20 с.
- Нехорошев П. Е., 2000. Отчет об исследовании палеолитической стоянки Шлях Фроловского р-на Волгоградской обл. в 2000 году // Архив ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 20–21. 39 с.
- Нехорошев П. Е., 2001. Отчет об исследовании палеолитической стоянки Шлях Фроловского р-на Волгоградской обл. в 2001 году // Архив ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 28–29. 76 с.
- Нехорошев П. Е., 2006а. Новогригорьевская стоянка // Археология Нижнего Поволжья. Т. 1. Каменный век. Волгоград : Волгоградское научное издательство. С. 75–79.
- Нехорошев П. Е., 2006б. Стоянка Шлях // Археология Нижнего Поволжья. Т. 1. Каменный век. Волгоград : Волгоградское научное издательство. С. 27–61.
- Нехорошев П. Е., Вишняцкий Л. Б., Очередной А. А., 2015. Исследования палеолитической стоянки Шлях // Археологические открытия 2010–2013 годов. М. : Наука. С. 406.
- Праслов Н. Д., 1965. Отчет о поисках палеолита в Волго-Донском междуречье в 1965 году // Архив ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 186. 25 с.
- Праслов Н. Д., 1966. Отчет о разведывательных работах по каменному веку на Нижнем Дону и в Калмыкии // Архив ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 27 с.

- Праслов Н. Д., 1967. Поиски палеолита в Волго-Донском междуречье // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода Академии наук СССР. № 34. М. : Наука. С. 120–126.
- Праслов Н. Д., 1968. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. Материалы и исследования по археологии СССР. № 157. Л. : Наука. 156 р.
- Праслов Н. Д., 1970. Археологические разведки на юго-востоке Приволжской возвышенности // Археологические открытия 1969 года. М. : Наука. С. 85–86.
- Праслов Н. Д., 1971. Отчет о полевых работах палеолитического отряда Волго-Донской экспедиции в 1971 году // Архив ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 70. 25 с.
- Праслов Н. Д., 1984. Ранний палеолит Русской равнины и Крыма // Археология СССР. Палеолит СССР. М. : Наука. С. 94–134.
- Праслов Н. Д., 1996. Открытие А.А. Иессеном первой палеолитической стоянки на Донской равнине // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э. : материалы конф., посвящ. 100-летию А.А. Иессена. СПб. : Изд-во ГЭ. С. 31–34.
- Праслов Н. Д., 2001. Палеолит бассейна Дона (проблемы стратиграфии, хронологии и развития культуры) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб. 46 с.
- Ремизов С. О., 1992. Памятники палеолита Волгоградской области и перспектива их поиска // Проблемы палеолита и мезолита Волго-Уралья. Саратов : Изд-во СГУ. С. 35–37.
- Ремизов С. О., 2000. Отчет о разведках во Фроловском и Клетском районах Волгоградской области в 1999 году. Волгоград // Архив ВОКМ. Ф. 159. 8 с.
- Ремизов С. О., 2001а. Отчет о разведках во Фроловском и Клетском районах Волгоградской области в 2000 году // Архив ВОКМ. Ф. 161. 9 с.
- Ремизов С. О., 2001б. Палеолит Волгоградской области: история исследования, условия залегания памятников и перспективы их поиска // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 4. С. 240–243.
- Ремизов С. О., 2002. Отчет об исследованиях во Фроловском и Иловлинском районах Волгоградской области в 2001 году // Архив МКУК «Фроловский городской краеведческий музей». РА. 10 с.
- Ремизов С. О., 2003. Отчет об исследованиях в Иловлинском районе Волгоградской области в 2002 году // Архив ВОКМ. Ф. 179, 179а. 16 с.
- Ремизов С. О., 2003–2004. Новая стоянка каменного века на территории Волгоградской области // *Stratum plus*. № 1. Кишинев : Изд-во ун-та «Высшая антропологическая школа». С. 267–270.
- Ремизов С. О., 2005. Отчет об археологических исследованиях на Яровском местонахождении в Иловлинском районе Волгоградской области в 2004 году // Архив музея-заповедника «Старая Сарепта». НВФ. № 3063. 18 с.
- Ремизов С. О., 2019. Исследования памятников палеолита и мезолита в бассейне Волги на территории Волгоградской области // Записки Института истории материальной культуры РАН. № 20. СПб. : Нев. Книж. Тип. С. 174–191. DOI: <https://doi.org/10.31600/2310-6557-2019-20-174-191>.
- Ярков А. А., 2005. Ожившие драконы. Волгоград : Волгоградское научное издательство. 363 с.

REFERENCES

- Ballod F.V., 1923. *Privolzhskie Pompei (Opyt hudozhestvenno-arheologicheskogo obsledovaniya chasti pravoberezhnoy Saratovsko-Caricynskoj privolzhskoy polosy)* [Volga Pompeii (Experience of Artistic and Archaeological Survey at the Right-Bank Part of the Saratov-Tsaritsyn Belt of the Volga)]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ. 132 p.
- Beregovaya N.A., 1984. *Paleoliticheskie mestonahozhdeniya SSSR (1958-1970)* [Paleolithic Sites of the USSR (1958-1970)]. Leningrad, Nauka Publ. 172 p.
- Vishniatsky L.B., 1999. Otchet o polevyh issledovaniyah razvedochnogo otryada Srednedonskoy ekspedicii v 1999 godu [Report on the Field Works of the Middle Don Expedition in 1999]. *Arkhiv IIMK RAN*. RO. F. 35. D. 22. 7 p.
- Vishniatsky L.B., 2000. Otchet o polevyh issledovaniyah razvedochnogo otryada Srednedonskoy ekspedicii v 2000 godu [Report on the Field Works of the Middle Don Expedition in 1999]. *Arkhiv IIMK RAN*. RO. F. 35. KP 5301. 24 p.

- Goretsky G.I. 1952. Sledy paleolita i mezolita v Nizhnem Podon'ye [Traces of the Palaeolithic and Mesolithic in the Lower Don Area]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology], vol. XVI, pp. 302-319.
- Ilyina A.I., Shishkin P.N., 1929. *Materialy k arheologicheskoy karte Stalingradskogo, Hopyorskogo i nekotoryy chasti Astrahanskogo i Kamyshynskogo okrugov Nizhne-Volzhskogo kraya* [Materials for the Archaeological Map of the Stalingrad', Khopersky' and Some Parts of the Astrakhan' and Kamyshyn' Districts of the Lower Volga Region]. Stalingrad, Nizhne-Volzhskoe izdatel'stvo Publ. 50 p.
- Kufenko V.I., 1990. Aleksandrovka I – pamyatnik epohi verhnego paleolita na r. Medvedice [Aleksandrovka I as the Upper Palaeolithic Site on the Medveditsa River]. *Drevnosti Volgo-Donskih stepey* [Antiquities of the Volga-Don steppes], iss. 2. Volgograd, VSPI, pp. 64-71.
- Malov N.M., 2012. *Arheologiya Povolzh'ya: uchebnoye posobie dlya studentov Instituta istorii i mezhdunarodnykh otnosheniy Saratovskogo Gosudarstvennogo universiteta* [Volga Archeology: a Manual for Students of the Institute of History and International Relations of the Saratov State University]. Saratov, SSU, 122 p.
- Minaeva T.M., 1929. Kremnevaya industriya Nizhnego Povolzh'ya [Lithic Assemblage of the Lower Volga Region]. *Trudy Nizhne-Volzhskogo oblastnogo nauchnogo obshchestva kraevedeniya* [Proceedings of the Lower Volga Regional Scientific Society for the Study of Local History], vol. 36, part 1. Saratov, Nizhne-Volzhskoe obshchestvo kraevedeniya Publ., pp. 3-27.
- Minh A.N., 1898. *Istoriko-geograficheskiy slovar' Saratovskoy gubernii. Yuzhnye uezdy: Kamyshinskiy i Tsaritsynskiy* [Historical-Geographical Dictionary of the Saratov Province. Southern districts: Kamyshinsky and Tsaritsinsky], vol. 1, iss. 1, lit. A-G. Saratov. 1409 p.
- Nekhoroshev P.E. 1990. Otchyot o polevykh issledovaniyakh Srednedonskoy paleoliticheskoy ekspeditsii v 1990 godu [Report on the Field Works of the Middle Don Paleolithic Expedition in 1990]. *Arkhiv IIMK RAN*. RO. F. 35. D. 77. 40 p.
- Nekhoroshev P.E., 1991. Otchyot o polevykh issledovaniyakh Srednedonskoy paleoliticheskoy ekspeditsii v 1991 godu [Report on the Field Works of the Middle Don Paleolithic Expedition in 1991]. *Arkhiv IIMK RAN*. RO. F. 35. D. 186. 40 p.
- Nekhoroshev P.E., 1992a. Issledovaniya Srednedonskoy paleoliticheskoy ekspeditsii [Investigations of the Middle Don Paleolithic Expedition]. *Drevnosti Volgo-Donskih stepey* [Antiquities of the Volga-Don Steppes], iss. 2. Volgograd, Peremena Publ, pp. 14-16.
- Nekhoroshev P.E., 1992b. Tekhnologiya rasshchepleniya kamnya must'erskoy stoyanki Shlyah (predvaritel'nye dannye) [The Technology of Stone Knapping at the Mousterian Site Shl'ah (preliminary data)]. *Problemy paleolita i mezolita Volgo-Ural'ya: tezisy regional'nogo soveshchaniya* [Problems of the Paleolithic and Mesolithic of the Volga-Ural. Abstracts of the Regional Meeting]. Saratov, SSU, pp. 28-30.
- Nekhoroshev P.E., 1994. Novaya verhnepaleoliticheskaya stoyanka na Srednem Donu [New Upper Palaeolithic Site on the Middle Don]. *Drevnosti Volgo-Donskih stepey* [Antiquities of the Volga-Don Steppes], iss. 4. Volgograd, Peremena Publ., pp. 81-88.
- Nekhoroshev P.E., 1995. Mestonahozhdenie kamennogo veka u stanitsy Kremenskoy [Surface Location of the Stone Age Materials at the Kremenskaya Village]. *Drevnosti Volgo-Donskih stepey* [Antiquities of the Volga-Don steppes], iss. 5. Volgograd, Peremena Publ., pp. 53-57.
- Nekhoroshev P.E., 1999. Otchyot o polevykh issledovaniyakh Srednedonskoy paleoliticheskoy ekspeditsii v 1999 godu [Report on the Field Works of the Middle Don Paleolithic Expedition in 1999]. *Arkhiv IIMK RAN*. RO. F. 35. Op. 1. D. 19-20. 20 p.
- Nekhoroshev P.E., 2000. Otchyot o polevykh issledovaniyakh Srednedonskoy paleoliticheskoy ekspeditsii v 2000 godu [Report on the Field Works of the Middle Don Paleolithic Expedition in 2000]. *Arkhiv IIMK RAN*. RO. F. 35. Op. 1. D. 20-21. 39 p.
- Nekhoroshev P.E., 2001. Otchyot o polevykh issledovaniyakh Srednedonskoy paleoliticheskoy ekspeditsii v 2001 godu [Report on the Field Works of the Middle Don Paleolithic Expedition in 2001]. *Arkhiv IIMK RAN*. RO. F. 35. Op. 1. D. 28-29. 76 p.
- Nekhoroshev P.E., 2006a. Novogrigor'evskaya stoyanka [Novogrigoryevskaya Site]. *Arheologiya Nizhnego Povolzh'ya. Kamenny vek* [Archeology of the Lower Volga. Stone Age], vol. 1. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izd-vo Publ., pp. 75-79.
- Nekhoroshev P.E. 2006b. Stoyanka Shlyah [The Site of Shl'ah]. *Arheologiya Nizhnego Povolzh'ya. Kamenny vek* [Archeology of the Lower Volga. Stone Age], vol. 1. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izd-vo Publ., pp. 27-61.

- Nekhoroshev P.E., Vishniatsky L.B., Otcherednoy A.A., 2015. Investigations of the Palaeolithic site Shlyah. *Arheologicheskie otkrytiya 2010–2013 godov* [Archaeological Discoveries 2010-2013]. Moscow, Nauka Publ, pp. 406.
- Praslov N.D., 1965. Otchet o poiskakh paleolita v Volgo-Donskom mezhdurech'e v 1965 godu [Report on the Search of the Paleolithic in the Volga-Don Interfluve in 1965]. *Arkhiv IIMK RAN*. RO. F. 35. Op. 1. D. 186. 25 p.
- Praslov N.D., 1966. Otchet o poiskakh paleolita v Volgo-Donskom mezhdurech'e v 1965 godu [Report on Investigation Works on the Stone Age on the Lower Don and in Kalmykia]. *Arkhiv IIMK RAN*. RO. F. 35. Op. 1. D. 28-29. 27 p.
- Praslov N.D., 1967. Poiski paleolita v Volgo-Donskom mezhdurech'e [Searches for the Paleolithic at the Volga-Don Interfluve]. *Bulleten' komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda Akademii nauk SSSR* [Bulletin of the Commission for the Study of the Quaternary Period Of the Academy of Sciences of the USSR], no. 34, pp. 120-126.
- Praslov N.D., 1968. *Ranniy paleolit Severo-Vostochnogo Priazov'ya i Nizhnego Dona* [Early Paleolithic of the North-East Azov and Lower Don]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, no. 157. Leningrad, Nauka Publ., Leningradskoe otdelenie. 156 p.
- Praslov N.D., 1970. Arheologicheskie razvedki na yugo-vostoke Privolzhskoy vozvyshennosti [Archaeological Field Works at the Volga Upland's Southeast]. *Arheologicheskie otkrytiya 1969 goda* [Archaeological Discoveries 1969]. Moscow, Nauka Publ., pp. 85-86.
- Praslov N.D., 1971. Otchet o polevyh rabotah paleoliticheskogo otryada Volgo-Donskoy ekspeditsii v 1971 godu [Report on the Field Work of the Paleolithic Part of the Volga-Don Expedition in 1971]. *Arkhiv IIMK RAN*. RO. F. 35. Op. 1, D. 70. 25 p.
- Praslov N.D., 1984. Ranniy paleolit Russkoy ravniny i Kryma [Early Paleolithic of the Russian plain and Crimea]. *Arheologiya SSSR. Paleolit SSSR* [Archaeology of USSR. Paleolithic of USSR]. Moscow, Nauka Publ., pp. 94-134.
- Praslov N.D., 1996. Otkrytie A. A. Iessenom pervoy paleoliticheskoy stoyanki na Donskoy ravnine [Discovery by A.A. Iessen of the First Palaeolithic Site on the Don Plain]. *Mezhdru Aziey i Evropoy. Kavkaz v IV–I tys. do n.e.: materialy konf., posvyashch. 100-letiyu A.A. Iessena* [Between Asia and Europe. Caucasus in IV-I millennium BC. Materials of the Conference Dedicated to the 100th Anniversary of A.A. Iessen]. Saint Petersburg, The State Hermitage Museum, pp. 31-34.
- Praslov N.D., 2001. *Paleolit basseyna Dona (problemy stratigrafii, hronologii i razvitiya kul'tury): avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [The Palaeolithic in the Don Bassin (Issues of Stratigraphy, Chronology and the Development of Culture). Drt. hist. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg. 46 p.
- Remizov S.O., 1992. Pamyatniki paleolita Volgogradskoy oblasti i perspektiva ih poiska [Paleolithic Sites of the Volgograd Region and the Prospect of theirs Search]. *Problemy paleolita i mezolita Volgo-Ural'ya* [Problems of the Paleolithic and Mesolithic of the Volga-Urals]. Saratov, SSU, pp. 35-37.
- Remizov S.O., 2000. Otchet o razvedkah vo Frolovskom i Kletskom rayonah Volgogradskoy oblasti v 1999 godu [Report on the Field Works at the Frolovsky and Kletsky Districts of the Volgograd Region in 1999]. Volgograd. *Arkhiv VOKM*. F. 159. 8 p.
- Remizov S.O., 2001a. Otchet o razvedkah vo Frolovskom i Kletskom rayonah Volgogradskoy oblasti v 2000 godu [Report on the Field Works in the Frolovsky and Kletsky Districts of the Volgograd Region in 2000]. *Arkhiv VOKM*, F. 161. 9 p.
- Remizov S.O., 2001b. Paleolit Volgogradskoy oblasti: istoriya issledovaniya, usloviya zaleganiya pamyatnikov i perspektivy ih poiska [Paleolithic of the Volgograd region: History of Study, Conditions of the Sites Positions and Prospects for Their Search]. *Nizhnevolzhskiy arheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 4, pp. 240-243.
- Remizov S.O., 2002. Otchet ob issledovaniyah vo Frolovskom i Ilovlinskom rayonah Vol-gogradskoy oblasti v 2001 godu [Report on the Field Works at the Frolovsk and Ilovlinsky Districts of the Volgograd Region in 2001]. *Arkhiv VOKM*. 10 p.
- Remizov S.O., 2003. Otchet ob issledovaniyah v Ilovlinskom rayonah Volgogradskoy oblasti v 2002 godu [Report on the field works at the Frolovsk and Ilovlinsky districts of the Volgograd region in 2001]. *Arkhiv VOKM*, F. 179, 179a. 16 p.
- Remizov S.O., 2003–2004. Novaya stoyanka kamennogo veka na territorii Volgogradskoy oblasti [New Stone Age Site at the Volgograd Region]. *Stratum plus*, no. 1. Kishinev, Publ. of University "High anthropological School". p. 267-270.

- Remizov S.O., 2005. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyakh na Yarovskom mestonahozhdenii v Ilovlinskom rayone Volgogradskoy oblasti v 2004 godu [Report on Archaeological Field Works at the Yarovsky Surface Locality in the Ilovlinsky District of the Volgograd Region in 2004]. *Arkhiv muzeya-zapovednika «Staraya Sarepta»*. NVF, no. 3063. 18 p.
- Remizov S.O., 2019. Issledovaniya pamyatnikov paleolita i mezolita v bassejne Volgi na territorii Volgogradskoy oblasti [Paleolithic and Mesolithic Sites in the Volga Basin on the Territory of Volgograd Oblast]. *Zapiski Instituta Istorii Material'noy Kul'tury RAN* [Transactions of the Institute for the History of Material Culture], no. 20, pp. 174-191. DOI: <https://doi.org/10.31600/2310-6557-2019-20-174-191>.
- Yarkov A. A., 2005. *Ozhivshie drakony* [The Revived Dragons]. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izdatelstvo Publ. 363 p.

Information About the Author

Stanislav O. Remizov, Head of the Sector of Archeology, Historical, Ethnographic and Architectural Museum-Preserve “Old Sarepta”, Izobilnaya St., 10, 400026 Volgograd, Russian Federation, paleostas@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9892-8058>

Информация об авторе

Станислав Олегович Ремизов, заведующий сектором археологии, Историко-этнографический и архитектурный музей-заповедник «Старая Сарепта», ул. Изобильная, 10, 400026 г. Волгоград, Российская Федерация, paleostas@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9892-8058>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.10>

UDC 903'1:903.5

LBC 63.442-7

Submitted: 10.03.2020

Accepted: 29.04.2020

MICROBIOLOGICAL APPROACH TO RECONSTRUCTION OF THE ORIGINAL CONTENT OF POTS FROM THE BURIALS¹

Tatiana E. Khomutova

Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science of the Russian Academy of Sciences,
Pushchino, Russian Federation

Kamilla S. Dushchanova

Pushchino Institute of Natural Sciences, Pushchino, Russian Federation

Alexandr V. Borisov

Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science of the Russian Academy of Sciences,
Pushchino, Russian Federation

Abstract. In a model soil experiment, microbial decomposition nature and its rate applying to various organic substrates were studied. It is shown that the decomposition of various materials changes the functional features of microbial communities. These changes are assessed using multisubstrate testing of respiratory activity of microbial communities – this testing assumes application of low- molecular respiratory inducers (aminoacids and carboxylic acids) to the soil and registration the changes of the intensity of carbon dioxide release by microorganisms. Indicative compounds such as ascorbate, lactate, acetate (from the group of carboxylic acid salts) and cysteine (from the group of aminoacids) have been identified to be promising for use in reconstructing the original contents of ritual vessels. As an example, the article presents the results of reconstruction of one of bronze age burial pots original content, obtained by multisubstrate testing. High microbial biomass in the bottom layer of the vessel and the specific microbial communities' respiratory responses to carboxylic acids salts (ascorbate, lactate and acetate) and aminoacid cysteine addition, indicate that the vessel originally contained a nutritional product, the decomposition of which led both to increase of microbial biomass and to changes in the functional structure of microbial community in the soil filling of the bottom layer. The results of statistical analysis of the reactions of soil microbial communities from the pot and from soils of the model experiment with known materials decomposed indicate that the vessel initially contained a protein product with a possible component of oil and starch.

Key words: burials, pots, funeral food, model soil experiment, soil microbial community.

Citation. Khomutova T.E., Dushchanova K.S., Borisov A.V., 2020. Microbiological Approach to Reconstruction of the Original Content of Pots from the Burials. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, vol. 19, no. 1, pp. 188-201. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.10>

УДК 903'1:903.5

ББК 63.442-7

Дата поступления статьи: 10.03.2020

Дата принятия статьи: 29.04.2020

МИКРОБИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К РЕКОНСТРУКЦИИ ИСХОДНОГО СОДЕРЖИМОГО ГОРШКОВ ИЗ ПОДКУРГАННЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ¹

Татьяна Эдуардовна Хомутова

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН,
г. Пушкино, Российская Федерация

Камилла Савировна Дуцанова

Пушинский естественнонаучный институт. г. Пушкино, Российская Федерация

Александр Владимирович Борисов

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН,
г. Пушкино, Российская Федерация

Аннотация. В модельном почвенном эксперименте изучены характер и скорость микробного разложения различных органических субстратов. Показано, что при этом процессе изменяются функциональные особенности микробных сообществ. Эти изменения оцениваются с помощью мультисубстратного тестирования дыхательной активности микроорганизмов, когда почвенным микробным сообществам предлагаются низкомолекулярные индукторы дыхания (аминокислоты и карбоновые кислоты) и регистрируют изменение интенсивности выделения углекислого газа почвенными микроорганизмами. Выявлены индикаторные соединения, такие как аскорбат, лактат, ацетат – из группы солей карбоновых кислот, цистеин – из группы аминокислот, которые перспективны для использования в реконструкциях исходного содержимого ритуальных сосудов. В качестве примера в статье приводятся результаты реконструкции исходного содержимого одного из горшков из погребения эпохи бронзы с помощью мультисубстратного тестирования дыхательной активности микроорганизмов. Высокая микробная биомасса в придонном слое и специфические дыхательные отклики микробных сообществ на внесение солей карбоновых кислот (аскорбата, лактата и ацетата) и аминокислоты цистеина указывают на то, что в горшке находился питательный продукт, разложение которого привело как к увеличению микробной биомассы, так и к изменению функциональной структуры микробного сообщества в почвенно-грунтовой загрузке придонного слоя. Результаты статистического анализа реакций микробных сообществ почвы из горшка и почв модельного эксперимента с известными органическими материалами указывают на то, что горшок изначально содержал белковый продукт с возможной составляющей масла и крахмала.

Ключевые слова: подкурганное погребение, ритуальный сосуд, исходное содержимое, модельный почвенный эксперимент, микробные сообщества.

Цитирование. Хомутова Т. Э., Дуцанова К. С., Борисов А. В., 2020. Микробиологический подход к реконструкции исходного содержимого горшков из подкурганных захоронений // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 1. С. 188–201. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.10>

Введение

Ритуальные сосуды встречаются в подкурганных погребениях различных культур, и реконструкция их исходного содержимого является важной задачей для понимания обрядово-духовных традиций жизни древних обществ. Для реконструкции ранее применялись различные подходы, включающие археоботанические, биохимические, изотопные, микробиологические и другие методы [Борисов и др., 2004, с. 55–60; Борисов и др., 2006, с. 376–387; Демкин и др., 2014, с. 148–159, с. 376–378; Khomutova, Demkin, 2011, р. 690; Pető et al., 2013, р. 58–71; Isaksson et al., 2012, р. 3600–3609; Craig et al., 2004, р. 613–634; и др.]. Следует признать, что, несмотря на явный и неугасающий интерес к вопросам реконструкции погребальной пищи в сосудах, к настоящему времени в этой области исследований сложилась ситуация, требующая глу-

бокого переосмысления. Очевидно, что сейчас нет какого-либо одного метода, способного достоверно определить характер ритуальной пищи в горшке. Попытки сравнительного анализа результатов, получаемых разными методами, не всегда плодотворны в силу присущих каждому методу ограничений.

В настоящее время методы реконструкции исходного содержимого сосудов основаны на количественном подходе. При этом исследователи стремятся установить количество того или иного компонента в единице массы грунта в горшке. Но количественный подход в данном случае нельзя считать обоснованным, так как существует бесконечно много неопределенностей и возможных механизмов распределения по объему грунта в горшке тех индикаторных компонентов, которые учитываются с помощью конкретного метода. На этом следует остановиться подробно и представить себе, как происходило заполнение горшка грунтом.

Не вызывает сомнений, что на момент погребения в горшке была либо пища, либо вода, либо он был пуст. Было бы нелепо предполагать, что в могилу помещали горшок, уже заполненный грунтом. Таким образом, грунт попал в сосуд либо в процессе засыпки могилы, либо после. С этого момента начинаются те неопределенности, о которых было сказано выше и которые ставят под сомнение перспективность количественного анализа.

Во-первых, встает вопрос – было ли закрыто пространство вокруг погребенного и попадал ли внутрь могильной камеры грунт в процессе засыпки могилы? Ответ на этот вопрос отнюдь не очевиден. Лишь в могилах с явным и мощным деревянным перекрытием и лишь для незначительной части катакомбных конструкций с длинным дромосом с закладом можно предполагать, что могильная камера длительное время не была заполнена грунтом. В этом случае пища, находившаяся в горшке, медленно разлагалась, уменьшаясь в объеме, и концентрировалась у дна сосуда. После этого в горшок попадал грунт и смешивался с остатками пищи. Только в этом случае в нижней части грунта в горшке можно ожидать превышение содержания тех или иных компонентов, которые перешли в грунт из остатков пищи. Но и в этом случае количественный подход для ее реконструкции проблематичен, так как результат будет зависеть от условий отбора грунта для анализа. Очевидно, что в слое 0–1 см от дна концентрация биомаркеров² пищи будет выше, чем в слое 1–2 см или 2–3 см. Поэтому, даже если образцы отбирает один человек, субъективный фактор будет столь значительным, что вопрос достоверности результатов количественного анализа остается дискуссионным.

Если же горшок на протяжении многих лет после погребения стоял пустой и не заполнялся грунтом, органическая составляющая пищи могла разложиться полностью, а ее минеральные остатки адсорбироваться на стенках и на дне сосуда. В таком случае грунт, попавший в уже пустой сосуд, может вовсе не содержать биомаркеров пищи, даже в придонной части заполнения. При этом ситуацию весьма осложняет все тот же субъективный фактор – если при отборе образца грунт будет соскребаться со стенок и дна,

концентрация в нем биомаркеров пищи резко возрастает. Здесь следует особо отметить ситуацию с нагаром внутри горшка. Так, если в анализируемый образец грунта попадет нагар – результат перестает отражать исходно внесенный пищевой продукт. Естественно, полагаться на результаты количественного анализа в данном случае нельзя.

Если же в могиле не было перекрытия либо изолирование погребенного носило символический характер, то неясно, в каком слое заполнения оказались те или иные биомаркеры пищи при быстром заполнении горшка грунтом и насколько они рассеяны по объему этого грунта. Можно было бы предположить, что в случае с могилами в форме простых ям горшки одновременно заполнялись грунтом во время погребения. Но это, по всей видимости, не соответствует действительности, так как есть все основания предполагать, что горшок в момент погребения был чем-то закрыт – циновкой, куском кожи и т. д. В этом случае возрастает неопределенность относительно дальнейших процессов распределения биомаркеров пищи в грунте горшка, что исключает возможность количественного анализа.

Осложняет ситуацию и зоогенный фактор. Очевидно, что пища, находившаяся в горшке, неизбежно должна была привлекать внимание всех видов почвенной микро- и мезофауны, которые могли полностью и неоднократно перемешивать весь объем грунта, сводя на нет все попытки количественного анализа.

В связи с этим представляется разумным отказаться от количественного анализа того или иного элемента или включения и попытаться разработать качественные подходы к реконструкции ритуальной пищи. Перейти на качественный уровень реконструкции исходного содержимого ритуальных сосудов можно с помощью микробиологического подхода, потенциал которого до сих пор полностью не использован. При разложении органических материалов, внесенных человеком в ходе хозяйственной деятельности, в том числе в погребениях и др., численность специфических микробных группировок нарастает, а после разложения или остановки этого процесса микробные группировки отмирают и частично переходят в покоящееся состояние. Однако

микробные характеристики такой почвенно-грунтовой массы неизбежно изменяются по сравнению с фоновыми показателями [Khomutova, Borisov, 2019, p. 104004; Peters et al., 2014, p. 162–171; Chernysheva et al., 2015, p. 24–31; Kashirskaya et al., 2019, pp. 569–574]. В подкурганных захоронениях почвенно-грунтовой заполнение ритуальных сосудов в ограниченный промежуток времени оказывалось в квази-постоянных условиях влажности и температуры, развивающаяся на продуктах при этом внутри сосуда микрофлора полностью или частично разлагала их. В определенном смысле почвенно-грунтовой заполнение ритуального сосуда можно рассматривать как специфический экотоп, в котором микробные сообщества являются индикаторами происходящих процессов [Margesin et al., 2017, p. 925–938]. При этом открывается возможность отхода от количественных критериев при реконструкции исходного содержимого горшков и получения более надежной информации о качественном составе ритуальной пищи.

В связи с вышесказанным целью данной работы является демонстрация возможностей *качественной* реконструкции исходного содержимого горшков из погребений на основе анализа функционального разнообразия микробных сообществ в грунте заполнения.

Объекты и методы исследования

Модельный эксперимент по разложению в почве различных пищевых продуктов

Для обоснованной реконструкции исходного содержимого сосудов из подкурганных захоронений нами был заложен долгосрочный модельный лабораторный эксперимент, в котором исследована динамика разложения материалов белковой, липидной и полисахаридной природы микробными сообществами. Подробное описание, результаты, а также способ выявления наиболее информативных (индикаторных) показателей микробных сообществ относительно природы внесенных материалов были опубликованы ранее [Khomutova et al., 2019, p. 968].

Эксперимент проводился на серой лесной почве, которую инкубировали в контролируемых и оптимальных для микробного раз-

ложения условиях влажности и температуры. Эксперимент включал семь вариантов, в которых в почву добавляли один из следующих органических материалов: белковые материалы – казеин и желатин, липидные – растительное масло и бараний жир, полисахаридные – крахмал и растительные остатки (высушенный, растертый и просеянный сбор растительности с выбранного почвенного участка), седьмым контрольным вариантом была почва без добавок. Образцы почвы размещали в двойные полиэтиленовые пакеты с ватно-марлевыми пробками и располагали в термостате при 25 °С и постоянной влажности. На протяжении эксперимента оценивали динамику разложения органических материалов и состояние микробных сообществ.

Горшок из погребения 8 кургана 6 могильника «Бейсужек-35»

Изучали почвенно-грунтовой заполнение горшка (рис. 1), найденного в погребении катакомбной культуры (могильник «Бейсужек-35», кург. 6, погр. 8 (Краснодарский край). Руководитель раскопок – к.и.н. А.А. Клещенко. Образцы почвенно-грунтового материала были отобраны из сосуда в полиэтиленовые пакеты послойно (всего пять слоев) от его венчика до дна с соблюдением асептических условий. До анализа образцы сохраняли в закрытом контейнере при температуре, соответствующей моменту отбора.

Методы исследования

Биомассу микробных сообществ оценивали по содержанию почвенных фосфолипидов [Khomutova et al., 2017, p. 232–235], которые являются обязательным компонентом живых клеток, не содержатся в продуктах запасаения и после гибели клеток быстро разрушаются [Frostegård, Vååth, 1996, p. 59–65]. Определяемая таким методом биомасса микробных сообществ отражает биомассу активных и покоящихся микроорганизмов.

Основным методом исследования являлся анализ отклика почвенного микробного сообщества на внесение различных аминокислот, карбоновых кислот и полисахаридов [метод мультисубстратного тестирования дыха-

тельной активности микроорганизмов (далее – МСТ)]. МСТ проводили согласно Дегенсу и Харрису [Degens, Harris, 1997, p. 1309–1320]. Этот метод заключается в определении количества углекислого газа, выделяемого микроорганизмами в ответ на внесение низкомолекулярных индукторов микробного дыхания. Предлагая микроорганизмам разнообразные индукторы, мы получаем дыхательные отклики всего микробного сообщества или его отдельных (специфических) группировок. Таким образом достигается возможность оценки функционального разнообразия конкретного микробного сообщества. В отличие от других методов оценки микробного разнообразия, в которых она проводится по ростовым характеристикам, различающимся для разных группировок микробного сообщества, данный метод определения лишен такого недостатка, так как дыхательный отклик регистрируется за краткий интервал времени после внесения индуктора, что не позволяет клеткам переходить к росту и размножению. Микробная эмиссия CO_2 измерялась как реакция микробных сообществ на один из следующих низкомолекулярных индукторов дыхания: цистеин, натриевые соли аскорбиновой, молочной и уксусной кислот [Khomutova, Borisov, 2019, p. 104004]. Навески почв из каждого варианта модельного эксперимента и каждого из пяти слоев почвенно-грунтового заполнения ритуального сосуда (1 г), взятые в трех повторностях, помещали в пробирки с резиновыми пробками, предварительно инкубировали в течение 12 часов при температуре 22 °С и вентилировали. Затем добавляли 200 мкл одного из индукторов дыхания и закрывали пробирки. Количество выделившегося CO_2 измеряли через 4 ч инкубации при 22 °С на газовом хроматографе (Cristallux 4000 M, ИФХиБПП РАН). Дыхательную активность микробных сообществ выражали в мкг С / (г почвы h).

Модельный эксперимент проходил в оптимальных для микробных сообществ условиях. Можно полагать, что в археологических ситуациях в условиях погребенного состояния в почвенно-грунтовом заполнении горшка сходные процессы разложения пищевых продуктов идут существенно медленнее, но в течение гораздо более длительного времен-

ного интервала. Что касается механизма сохранения в микробной памяти почв информации об исходном присутствии того или иного органического субстрата, то в обоих случаях он однотипен. Для сравнения данных МСТ модельного эксперимента и заполнения сосуда из подкурганного погребения «Бейсужек-35» значения откликов микробных сообществ на каждый низкомолекулярный индуктор (аскорбат, лактат, ацетат и цистеин) в вариантах модельного эксперимента выражали в процентах от таковых контрольного варианта, а для сосуда – значения, определенные в нижнем слое, выражали в процентах от таковых верхнего слоя. Все измерения проводились не менее чем в трех повторностях, статистическая обработка и графическое представление общей вариации данных МСТ проводили методом главных компонент в программе STATISTICA.

Результаты и обсуждение

В ходе модельного эксперимента было установлено, что белковые материалы достаточно быстро были полностью минерализованы микробными сообществами, а в вариантах, обогащенных жирами (липидами), разложение шло гораздо медленнее. Спустя год после начала эксперимента величина микробной биомассы снизилась в вариантах с желатином и маслом и стала меньше таковой контроля, в варианте с казеином она снизилась до уровня контроля, в остальных вариантах она превышала контроль (см. табл. 1), то есть внесенные белковые материалы и масло были полностью минерализованы, а разложение растений, крахмала и жира продолжалось.

Использование метода мультисубстратного тестирования дыхательной активности микроорганизмов в модельном эксперименте позволило выявить различия в функциональном разнообразии сообществ в ходе их сукцессии при разложении различных органических субстратов. Так, величины дыхательного отклика микробных сообществ на внесение азотсодержащих субстратов (аминокислот) были наиболее высокими в экспериментальных вариантах с безазотистыми материалами – липидами (растительным маслом, бараньим жиром) и полисахаридами (крахмал, ра-

Таблица 1. Микробная биомасса и дыхательные отклики микробных сообществ в модельном эксперименте (13-й месяц от начала эксперимента, АЛ, АА, АЦ – соотношения откликов аскорбата к лактату, ацетату и цистеину соответственно)

Table 1. Microbial biomass and respiratory responses of microbial communities in the model experiment (13th month from the beginning of the experiment). AL, AA, AC – the ratio of ascorbate responses to lactate, acetate, and cysteine, respectively)

Вариант	Биомасса нмоль/г	Дыхательный отклик, мкг С-СО ₂ / г час				Соотношения		
		Аскорбат	Лактат	Ацетат	Цистеин	АЛ	АА	АЦ
Жир	27.2	57.1	5.5	2.0	7.0	10.5	29.1	8.2
Масло	19.9	57.7	4.5	1.2	4.4	12.8	46.3	13.1
Крахмал	34.0	57.7	4.5	1.2	3.5	12.8	46.3	16.5
Растения	37.3	53.9	5.6	1.7	3.9	9.7	32.5	13.8
Желагин	18.7	54.0	3.0	2.5	0.3	17.9	21.5	192.3
Казеин	23.0	75.3	3.1	2.8	0.0	24.0	27.0	∞
Контроль	23.1	48.6	3.0	1.2	1.7	16.2	39.2	29.2

стительные остатки) и низкими – в белковых вариантах эксперимента. Отношение дыхательного отклика микробных сообществ на внесение карбоновых кислот к дыхательному отклику на внесение аминокислот свидетельствует об условиях недостатка азота в почве и может быть индикатором исходного присутствия субстратов с низким содержанием азота (жиры, полисахариды). Было установлено, что такое использование соотношений дыхательных откликов на внесение аскорбиновой кислоты ко внесению других индукторов дыхания, особенно на внесение цистеина (АЦ) являются перспективным для их использования в качестве индикаторов в реконструкциях исходного присутствия белковых и липидных / полисахаридных материалов в различных археологических контекстах.

Дыхательные отклики микробных сообществ на внесение солей карбоновых кислот были высокими для всех вариантов эксперимента и превышали контроль в 1,5–2,7 раз, отклики на внесение аминокислот (соединения, богатые азотом) различались в зависимости от варианта эксперимента: в вариантах с внесением безазотистых материалов (липидных и полисахаридных – жиров, крахмала, растительных остатков) были высокими, а в белковых (азотсодержащих) – низкими. Таким образом, недостаток азота, сформировавшийся в почве в результате разложения безазотистых материалов, был причиной высокого отклика микроорганизмов на внесение аминокислот, богатых азотом, и наоборот, разлагая белковые материалы,

микробные сообщества не испытывали недостатка в этом элементе и отклик на внесение аминокислот был невысоким. Отношение откликов на внесение карбоновых кислот к таковому на внесение аминокислот в вариантах с белковыми (азотсодержащими) материалами было стабильно выше контроля в 1,5–6 раз, а в вариантах с липидными и полисахаридными материалами существенно ниже контроля, составляя 38–63 %. Устойчивость выявленных откликов прослеживалась на разных сроках эксперимента, спустя 8–13 месяцев от его начала показатели оставались специфичными и достоверными [Khomutova et al., 2019, p. 963–965].

С целью сокращения количества субстратов в системе МСТ для археологических реконструкций были выбраны только четыре: из группы солей карбоновых кислот – аскорбат, лактат и ацетат, из группы аминокислот – цистеин (табл. 1). Соотношения дыхательных откликов на аскорбат к откликам на ацетат (далее – АА), лактат (далее – АЛ) и цистеин (далее – АЦ) были использованы для индикации материалов белковой и липидной (полисахаридной) природы. Показатель АА был индикаторным в отношении разложения на 8-й и 13-й месяцы эксперимента, показатель АЛ – на 10-й месяц, а показатель АЦ был индикаторным на протяжении всех измерений. Результаты МСТ для 13-го месяца эксперимента представлены на рисунке 2. Азотистые (белковые) и безазотистые (липидные и полисахаридные) варианты занимали различные позиции в координатах двух факторов, описы-

вающих 60 % (фактор 1) и 26 % (фактор 2) дисперсии.

Реконструкция исходного содержимого сосуда из подкурганного погребения «Бейсужек-35» (табл. 2) проводилась на основании исследования состояния микробных сообществ в пяти слоях заполнения, отобранных от венчика (V-1) до дна (V-5). Величина микробной биомассы, оцененная по содержанию фосфолипидов (далее – ФЛ) увеличивалась от венчика до дна сосуда и в придонном слое в 4,5 раза превышала таковую в верхнем слое. Это однозначно указывает на то, что исходно в сосуде находился питательный продукт, причем его разложение не достигло конечных стадий минерализации. В данной статье впервые приводится сопоставление данных мультисубстратного тестирования почв модельного эксперимента и грунта в заполнении конкретного горшка из подкурганного захоронения. Отклики микробных сообществ на внесение дыхательных индукторов и их соотношения также были специфичны в придонном слое. На внесение аскорбата и цистеина в слое V-5 они были соответственно в 3 раза и на 60 % выше, чем в слое V-1, реакция на лактат и ацетат отличалась в меньшей степени, а соотношения ответов АЛ, АА и АЦ были соответственно в 4,2, 4 и 1,9 раза выше.

Можно заключить, что функциональное разнообразие микробных сообществ в придонном слое V-5 существенно отличается от вышележащих слоев, высокий показатель АЦ указывает на присутствие азотсодержащих материалов. Таким образом, характеристики

микробного сообщества придонного слоя сосуда свидетельствуют о композитной природе исходно содержащегося материала – можно полагать, что в его состав входили белки и трудно разлагаемые компоненты. Полученные данные свидетельствуют о том, что разложение питательного продукта привело не только к увеличению биомассы в придонном слое, но и к изменению функциональной структуры микробного сообщества. Результаты статистического анализа реакций микробных сообществ на введение четырех дыхательных индукторов для нижнего слоя (V-5) и модельного эксперимента представлены на рисунке 3. Положение придонного слоя заполнения сосуда находилось в полуплоскости с белковыми вариантами модельного эксперимента (фактор 1,54 % дисперсии) и в полуплоскости – с вариантами масла и крахмала (фактор 2,38 % дисперсии). Результаты мультисубстратного тестирования указывают на то, что сосуд изначально содержал белковый продукт. Сохранение высокой биомассы микроорганизмов и близость с вариантами безазотистых материалов в плоскости главных компонент позволяет предполагать возможную составляющую масла и крахмала.

Заключение

Проведенный модельный эксперимент позволил получить данные о характере и скорости микробного разложения пищевых продуктов в почве и выявить индикаторные показатели этого процесса. В ходе модельного

Таблица 2. Дыхательные отклики микробных сообществ в слоях сосуда «Бейсужек-35» от венчика (V-1) до дна (V-5): ФЛ – фосфолипиды; АЛ, АА, АЦ – отношение откликов на внесение аскорбата к таковому лактата, ацетата и цистеина соответственно)

Table 2. Respiratory responses of microbial communities in the layers of the vessel “Beisuzhek-35” from the top (V-1) to the bottom (V-5): FL-phospholipids; AL, AA, AC – the ratio of responses to the introduction of ascorbate to that of lactate, acetate and cysteine, respectively)

Слой	Биомасса, нмоль / г ФЛ *	Дыхательный отклик, мкг C-CO ₂ / г час				Соотношения **		
		Аскорбат	Лактат	Ацетат	Цистеин	АЛ	АА	АЦ
V-1	4.98	5.7	2.7	3.6	0.5	2.1	1.6	11.4
V-2	6.81	5.8	1.3	3.0	0.4	4.5	1.9	14.5
V-3	6.51	6.2	1.6	2.9	0.4	3.8	2.1	15.5
V-4	6.27	6.9	1.3	3.6	0.9	5.3	1.9	7.7
V-5	22.89	17.8	2.0	2.8	0.8	8.9	6.4	22.2

Примечания. * Биомасса живых клеток, рассчитанная по содержанию фосфолипидов. ** Соотношения величин дыхательных откликов: АЛ – аскорбат / лактат; АА – аскорбат / ацетат; АЦ – аскорбат / цистеин.

эксперимента было установлено, что скорость микробного разложения связана с обеспеченностью микробных сообществ азотом. Так, белковые материалы быстро и полностью минерализуются, а безазотистые вещества (жир, крахмал) минерализуются гораздо медленнее. Недостаток азота, сформировавшийся в почве в результате разложения безазотистых материалов, стал причиной высокого дыхательного отклика микроорганизмов на внесение аминокислот, богатых азотом, и наоборот, при разложении белков микробные сообщества не испытывают недостатка в этом элементе и отклик на внесение аминокислот невысок. Таким образом, микробные сообщества при разложении различных материалов приобретают различающиеся функциональные особенности, которые регистрируются в системе мультисубстратного тестирования.

Выявлены индикаторные индукторы дыхательных откликов микробных сообществ – аскорбат, лактат и ацетат из группы солей карбоновых кислот, цистеин – из группы аминокислот, которые перспективны для использования в реконструкциях исходного содержимого ритуальных сосудов. Хотя в археологических ситуациях процессы разложения материалов в заполнении сосудов идут существенно медленнее, показана возможность использования результатов модельного эксперимента для реконструкций.

Реконструкция исходного содержимого горшка из подкурганного погребения «Бейсужек-35» проведена на основании характеристик микробных сообществ на разных уровнях заполнения сосуда от венчика до дна. Величина микробной биомассы в придонном слое в 4,5 раза превышала таковую в верхнем слое, что однозначно вызвано исходным присутствием в сосуде питательного продукта.

Разложение исходного содержимого горшка привело не только к увеличению микробной биомассы в придонном слое, но и к изменению функциональной структуры микробного сообщества. Отклики микробных сообществ на внесение дыхательных индукторов и их соотношения указывают на то, что в состав исходного содержимого входили белки с возможным включением безазотистых соединений.

Таким образом, сравнительный анализ результатов мультисубстратного тестирования почвенных микробных сообществ в грунте заполнения сосудов и в почвах модельного эксперимента по разложению известных пищевых продуктов позволяет на качественном уровне реконструировать исходное содержимое горшков. С помощью данного метода возможно разделение ритуальных пищевых продуктов на уровне «азотистые – безазотистые субстраты». Принимая во внимание потенциальный ограниченный набор ритуальных продуктов в горшках, это дает возможность диагностировать исходное присутствие белковой пищи или жиров.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-29-04257.

This study was supported by the Russian Foundation for basic research, project no. 17-29-04257.

² В соответствии с концепцией биомаркеров, предложенной для реконструкции исходного присутствия органики в различных археологических контекстах [Evershed, 2008, с. 895–924], мы будем оперировать термином «биомаркер» пищи в горшках, что, как мы полагаем, даст нам возможность исключить все недостатки и ограничения количественного подхода к реконструкции содержимого горшков.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рис. 1. Погребение 6 кургана 8 могильника «Бейсужек-35» и исследованный горшок
Fig. 1. Burial 6 of mound 8 of the Beisuzhek-35 kurgan cemetery and the investigated pot

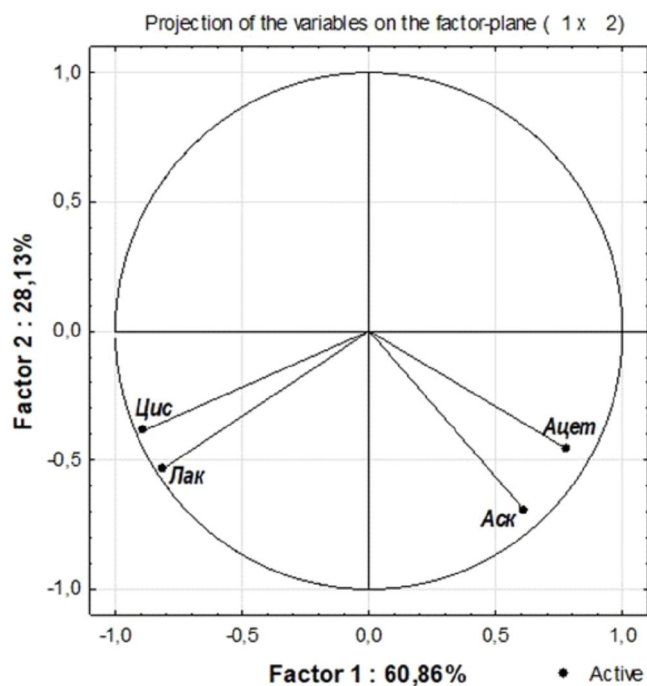
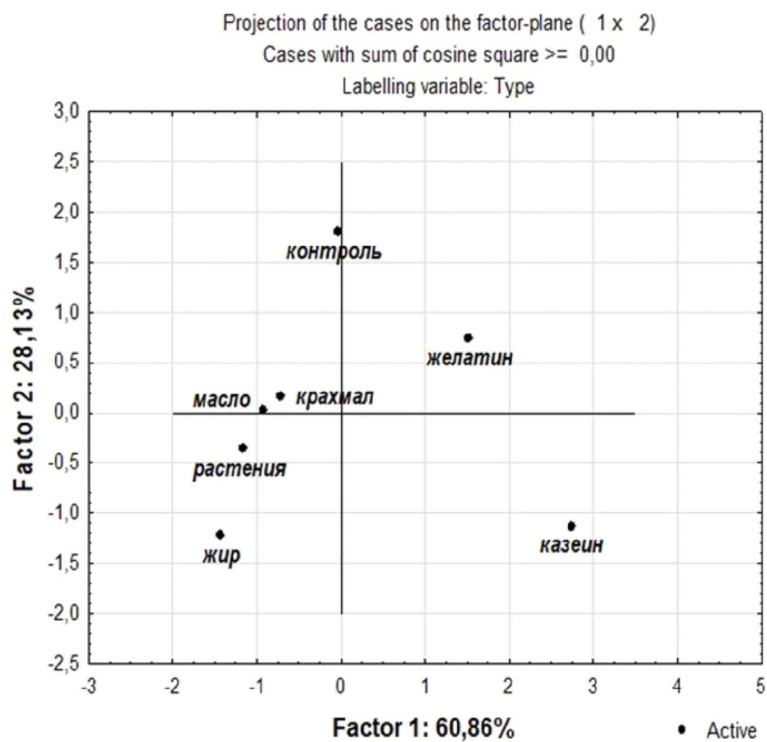

Рис. 2. Распределение вариантов модельного эксперимента (13-й месяц от его начала) в плоскости главных компонент. Анализ проведен для следующих индукторов микробного дыхания: аск – аскорбат, ацет – ацетат, лак – лактат, цис – цистеин

Fig. 2. Distribution of variants of the model experiment (13th month from its beginning) on the factor plane. Analysis is performed for the following respiratory inducers: ascorbate, lactate, acetate, and cysteine

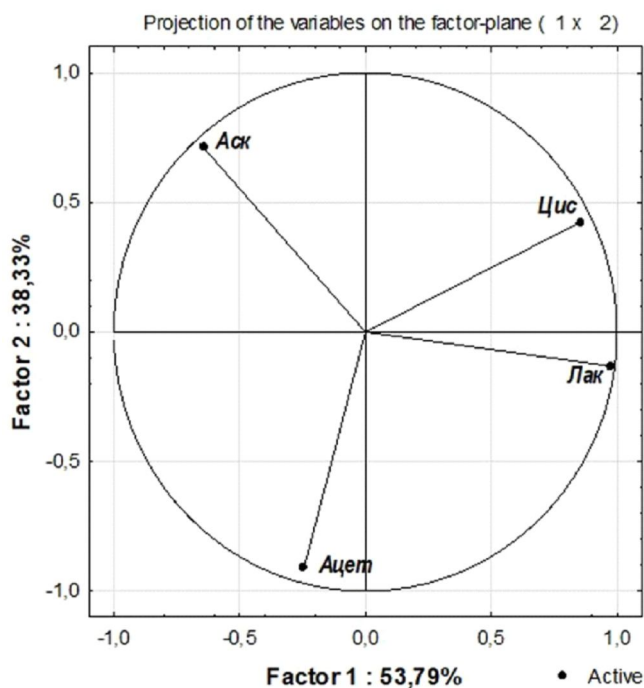
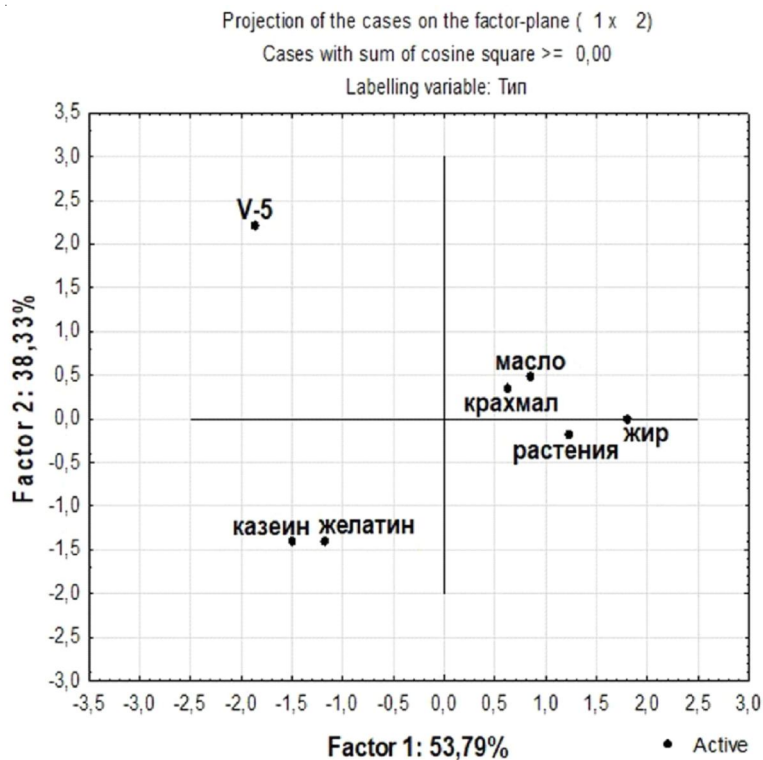

Рис. 3. Положение придонного слоя (V-5) сосуда «Бейсужек-35» в плоскости распределения вариантов модельного эксперимента (показатели, взятые в анализ: дыхательные отклики на аскорбат, лактат, ацетат, цистеин)

Fig. 3. Location of the bottom layer (V-5) of the «Bejsuzhek-35» vessel on the plane of distribution of the variants of model experiment (variables taken into analysis: respiratory responses to ascorbate, lactate, acetate, and cysteine)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борисов А. В., Демкин В. А., Ельцов М. В., Сергацков И. В., 2004. Исходное содержимое глиняных сосудов из курганного могильника Авиловский II // *Материалы по археологии Волго-Донских степей*. Вып. 2. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 55–60.
- Борисов А. В., Демкин В. А., Ганчак Т. В., Ельцов М. В., 2006. Исследование содержимого глиняных сосудов из курганных захоронений эпохи поздней бронзы могильника Неткачево I // *Материалы по археологии Волго-Донских степей*. Вып. 3. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 376–387.
- Демкин В. А., Демкина Т. С., Удальцов С. Н., 2014. Реконструкция погребальной пищи в глиняных сосудах из курганных захоронений с использованием фосфатного и микробиологических методов // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. № 2 (25). С. 148–159.
- Chernysheva E. V., Korobov D. S., Khomutova T. E., Borisov A. V., 2015. Urease Activity in Cultural Layers at Archaeological Sites // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 57. P. 24–31. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2015.01.022>.
- Craig O. E., Love G. D., Isaksson S., Taylor G, Snape C. E., 2004. Stable Carbon Isotopic Characterization of Free and Bound Lipid Constituents of Archaeological Ceramic Vessels Released by Solvent Extraction. Alkaline Hydrolysis and Catalytic Hydrolysis // *Journal of Analytical and Applied Pyrolysis*. Vol. 71, iss. 2. P. 613–634. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jaap.2003.09.001>.
- Degens B. P., Harris J. A., 1997. Development of a Physiological Approach to Measuring the Catabolic Diversity of Soil Microbial Communities // *Soil Biology and Biochemistry*. Vol. 29, iss. 9–10. P. 1309–1320. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0038-0717\(97\)00076-X](https://doi.org/10.1016/S0038-0717(97)00076-X).
- Evershed R., 2008. Organic Residues Analysis in Archaeology: the Archaeological Biomarkers Revolution // *Archaeometry*. Vol. 50 (6). P. 895–924. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-4754.2008.00446.x>.
- Frostegård A., Bååth E., 1996. The Use of Phospholipid Fatty Acid Analysis to Estimate Bacterial and Fungal Biomass in Soil // *Biology and Fertility of Soils*. № 22 (1). P. 59–65. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00384433>.
- Isaksson S., Hallgren F., 2012. Lipid Residue Analyses of Early Neolithic Funnel-Beaker Pottery from Skogsmossen, Eastern Central Sweden, and the Earliest Evidence of Dairying in Sweden // *Journal of Archaeological Science*. № 39 (12). P. 3600–3609. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2012.06.018>.
- Kashirskaya N., Chernysheva E., Plekhanova L., Borisov A., 2019. Thermophilic Microorganisms as an Indicator of Soil Microbiological Contamination in Antiquity and at the Present Time // 19th International Multidisciplinary Scientific GeoConference SGEM 2019. Conference Proceedings. Vol. 19. P. 569–574.
- Khomutova T. E., Demkin V. A., 2011. Assessment of the Microbial Biomass Using the Content of Phospholipids in Soils of the Dry Steppe // *Eurasian Soil Science*. Vol. 44, № 6. P. 686–692. DOI: <https://doi.org/10.1134/S1064229311060081>.
- Khomutova T. E., Demkina T. S., Borisov A. V., Shishlina I. I., 2017. State of Microbial Communities in Paleosols Buried under Kurgans of the Desert-Steppe Zone in the Middle Bronze Age (27th–26th Centuries BC) in Relation to the Dynamics of Climate Humidity // *Eurasian Soil Science*. Vol. 50, № 2. P. 229–238. DOI: <https://doi.org/10.1134/S1064229317020065>.
- Khomutova T., Borisov A., 2019. Estimation of Microbial Diversity in the Desert Steppe Surface Soil and Buried Palaeosol (IV mil. BC) Using the TRFLP Method // *Journal of Arid Environments*. Vol. 171. P. 104004. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jaridenv.2019.104004>.
- Khomutova T. E., Dushchanova K. S., Smirnov V. E., Borisov A. V., 2019. Succession of Microbial Community in Gray Forest Soil during the Decomposition of Different Organic Compounds // *Eurasian Soil Science*. Vol. 52. № 8. P. 963–970. DOI: <https://doi.org/10.1134/S1064229319080088>.
- Margesin R., Siles J. A., Cajthaml T., Ohlinger B., Kistler E., 2017. Microbiology Meets Archaeology: Soil Microbial Communities Reveal Different Human Activities at Archaic Monte Iato (sixth century BC) // *Microbial Ecology*. Vol. 73. P. 925–938. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00248-016-0904-8>.
- Peters S., Borisov A., Reinhold S., Korobov D., Thiemeyer H., 2014. Microbial Characteristics of Soils Depending on the Human Impact on Archaeological Sites in the Northern Caucasus // *Quaternary International*. Vol. 324. P. 162–171. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2013.11.020>.
- Pető Á., Gyulai F., Pópity D., Kenéz Á., 2013. Macro- and Micro-Archaeobotanical Study of a Vessel Content from a Late Neolithic Structured Deposition from Southeastern Hungary // *Journal of Archaeological Science*. № 40 (1). P. 58–71. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2012.08.027>.

REFERENCES

- Borisov A.V., Demkin V.A., Eltsov M.V., Sergatskov I.V., 2004. Ishodnoe sodержimoe glinyanyh sosudov iz kurgannogo mogilnika Avilovskiy II [Initial Content of Clay Vessels from the Kurgan Cemetery Avilovskiy II]. *Materialy po arheologii Volgo-Donskih stepej* [Proceedings of Archaeology of the Volga-Don Steppes], iss. 2. Volgograd, Volgograd state University, pp. 55-60.
- Borisov A.V., Demkin V.A., Ganchak T.V., Eltsov M.V., 2006. Izuchenie sodержimogo glinyanyh sosudov iz kurgannyh pogrebenij kurgannogo mogilnika pozdnej bronzy Netkachevo I [Studies of the Content of Clay Pots from the Kurgan Burials of the Late Bronze Ages Kurgan Cemetery Netkachevo I]. *Materialy po arheologii Volgo-Donskih stepej* [Proceedings of Archaeology of the Volga-Don Steppes], iss. 3. Volgograd, Volgograd State University, pp. 376-387.
- Demkin V.A., Demkina T.S., Udaltsov S.N., 2014. Rekonstruktsiya pogrebalnoj pishchi v glinyanyh sosudah iz kurgannyh zahoroneniij s ispolzovaniem fosfatnogo i mikrobiologicheskogo metodov [Reconstruction of Funeral Food in Clay Vessels in the Kurgan Burials Using the Phosphate and Microbiological Methods]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], no. 2 (25), pp. 148-159.
- Chernysheva E.V., Korobov D.S., Khomutova T.E., Borisov A.V., 2015. Urease Activity in Cultural Layers at Archaeological Sites. *Journal of Archaeological Science*, vol. 57, pp. 24-31. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2015.01.022>.
- Craig O.E., Love G.D., Isaksson S., Taylor G, Snape C.E. 2004. Stable Carbon Isotopic Characterization of Free and Bound Lipid Constituents of Archaeological Ceramic Vessels Released by Solvent Extraction. Alkaline Hydrolysis and Catalytic Hydropyrolysis. *Journal of Analytical and Applied Pyrolysis*, vol. 71, iss. 2, pp. 613-634. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jaap.2003.09.001>.
- Degens B.P., Harris J.A., 1997. Development of a Physiological Approach to Measuring the Catabolic Diversity of Soil Microbial Communities. *Soil Biology and Biochemistry*, vol. 29, iss. 9-10, pp. 1309-1320. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0038-0717\(97\)00076-X](https://doi.org/10.1016/S0038-0717(97)00076-X).
- Evershed R., 2008. Organic Residues Analysis in Archaeology: the Archaeological Biomarkers Revolution. *Archaeometry*, vol. 50 (6), pp. 895-924. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-4754.2008.00446.x>.
- Frostegård A., Bååth E., 1996. The Use of Phospholipid Fatty Acid Analysis to Estimate Bacterial and Fungal Biomass in Soil. *Biology and Fertility of Soils*, no. 22 (1), pp. 59-65. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00384433>.
- Isaksson S., Hallgren F., 2012. Lipid Residue Analyses of Early Neolithic Funnel-Beaker Pottery from Skogsmossen, Eastern Central Sweden, and the Earliest Evidence of Dairying in Sweden. *Journal of Archaeological Science*, no. 39 (12), pp. 3600-3609. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2012.06.018>.
- Kashirskaya N., Chernysheva E., Plekhanova L., Borisov A., 2019. Thermophilic Microorganisms as an Indicator of Soil Microbiological Contamination in Antiquity and at the Present Time. *19th International Multidisciplinary Scientific GeoConference SGEM 2019. Conference Proceedings*, vol. 19, pp. 569-574.
- Khomutova T.E., Demkin V.A. 2011. Assessment of the Microbial Biomass Using the Content of Phospholipids in Soils of the Dry Steppe. *Eurasian Soil Science*, vol. 44, no. 6, pp. 686-692. DOI: <https://doi.org/10.1134/S1064229311060081>.
- Khomutova T.E., Demkina T.S., Borisov A.V., Shishlina I.I., 2017. State of Microbial Communities in Paleosols Buried under Kurgans of the Desert-Steppe Zone in the Middle Bronze Age (27th – 26th Centuries BC) in Relation to the Dynamics of Climate Humidity. *Eurasian Soil Science*, vol. 50, no. 2, pp. 229-238. DOI: <https://doi.org/10.1134/S1064229317020065>.
- Khomutova T., Borisov A., 2019. Estimation of Microbial Diversity in the Desert Steppe Surface Soil and Buried Palaeosol (IV mil. BC) Using the TRFLP Method. *Journal of Arid Environments*, vol. 171, p. 104004. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jaridenv.2019.104004>.
- Khomutova T.E., Dushchanova K.S., Smirnov V.E., Borisov A.V., 2019. Succession of Microbial Community in Gray Forest Soil during the Decomposition of Different Organic Compounds. *Eurasian Soil Science*. vol. 52, no. 8. pp. 963-970. DOI: <https://doi.org/10.1134/S1064229319080088>.
- Margesin R., Siles J.A., Cajthaml T., Ohlinger B., Kistler E., 2017. Microbiology Meets Archaeology: Soil Microbial Communities Reveal Different Human Activities at Archaic Monte Iato (sixth century BC). *Microbial Ecology*, vol. 73, pp. 925-938. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00248-016-0904-8>.

- Peters S., Borisov A., Reinhold S., Korobov D., Thiemeyer H., 2014. Microbial Characteristics of Soils Depending on the Human Impact on Archaeological Sites in the Northern Caucasus. *Quaternary International*, vol. 324, pp. 162-171. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2013.11.020>.
- Pető Á., Gyulai F., Pópty D., Kenéz Á., 2013. Macro- and Micro-Archaeobotanical Study of a Vessel Content from a Late Neolithic Structured Deposition from Southeastern Hungary. *Journal of Archaeological Science*, no. 40 (1), pp. 58-71. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2012.08.027>.

Information About the Authors

Tatiana E. Khomutova, Candidate of Sciences (Biology), Leading Scientist, Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science of the Russian Academy of Sciences, Institutskaya St., 2, 142290 Pushchino, Russian Federation, khomutova-t@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9856-3025>

Kamilla S. Dushchanova, Postgraduate Student, Pushchino Institute of Natural Sciences, Prosp. Nauki, 3, 142290 Pushchino, Russian Federation, kamilla.dushchanova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7980-9560>

Alexandr V. Borisov, Candidate of Sciences (Biology), Leading Scientist, Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science of the Russian Academy of Sciences, Institutskaya St., 2, 142290 Pushchino, Russian Federation, a.v.borisovv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5031-7477>

Информация об авторах

Татьяна Эдуардовна Хомутова, кандидат биологических наук, ведущий сотрудник, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, ул. Институтская, 2, 142290 г. Пушкино, Российская Федерация, khomutova-t@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9856-3025>

Камилла Савировна Душчанова, аспирант, Пушкинский естественнонаучный институт, просп. Науки, 3, 142290 г. Пушкино, Российская Федерация, kamilla.dushchanova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7980-9560>

Александр Владимирович Борисов, кандидат биологических наук, ведущий сотрудник, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, ул. Институтская, 2, 142290 г. Пушкино, Российская Федерация, a.v.borisovv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5031-7477>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.11>

UDC 902
LBC 63.4

Submitted: 29.02.2020
Accepted: 29.04.2020

NEW DATA ON THE ROLE OF MADZHAR IN GOLDEN HORDE TRADE OF SKIN AND LEATHER PRODUCTS: ARCHEOZOLOGICAL ASPECT¹

Liliya V. Yavorskaya

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. Documentary sources on Italian sea trade of the 13th – 14th centuries report about the export of large volumes of animal skins and processed leathers from the Golden Horde. A significant problem was the finding out places of slaughtering livestock and processing raw materials of animal origin by archaeological methods, since organic remains are not preserved in the cultural layers of settlements and cities of the Golden Horde. The article analyzes three collections of animal bones from archaeological excavations in the craftsmen's quarter of the Golden Horde city of Madzhar during 2014–2017. In the 2014 year's collection at excavation site no. X (10), where the master of bone carving lived, a fact of special selection of goat and ram horns for products being manufactured of their horn covers was identified, aside from production wastes of a dense horn. In pit no. 2 (2016), an archaeozoological research has revealed a specific anatomical set of domestic ungulates remains: shattered heads and distal parts of the legs, which can be formed only as a result of massive slaughter of livestock to obtain skins. At excavation site no. XIII of 2017, archaeozoological research was able to record not only a specific anatomical set, but also traces of the use of small cattle bones in leather processing devices, which, combined with the archaeological context, made it possible to identify the presence of a specialized seasonal leather workshop on this site. It was established that cattle was slaughtered right in the cities, as well as artisans processed the obtained skins on specially equipped seasonal workshop sites. Thus, archaeozoological research showed that Madzhar, like other cities, participated in the production of animal skins and leather, which subsequently became the most important export products of the Golden Horde state.

Key words: The Golden Horde, the city of Madzhar, archaeozoological analysis, anatomical set of bone residues, leather production, export of animal skin.

Citation. Yavorskaya L. V., 2020. New Data on the Role of Madzhar in Golden Horde Trade of Skin and Leather Products: Archeozoological Aspect. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, vol. 19, no. 1, pp. 202-210. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.11>

УДК 902
ББК 63.4

Дата поступления статьи: 29.02.2020
Дата принятия статьи: 29.04.2020

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РОЛИ МАДЖАРА В ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ ТОРГОВЛЕ ШКУРНО-КОЖЕВЕННОЙ ПРОДУКЦИЕЙ: АРХЕОЗОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

Лилия Вячеславовна Яворская

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Документальные источники по итальянской морской торговле XIII–XIV вв. сообщают об экспорте из Золотой Орды больших объемов животных шкур и выделанных кож. Существенной проблемой стало установление археологическими методами мест забоев скота и обработки животного сырья, поскольку в культурных напластованиях городов и поселений Золотой Орды не сохраняются органические остатки. В работе проведен анализ трех выборок костей животных из археологических раскопок в ремесленном квартале золотоордынского города Маджар 2014–2017 годов. В коллекции 2014 г. на раскопе № X (10), где проживал мастер-косторез, помимо производственных отходов из плотного рога установлен специальный отбор рогов козлов и баранов для изготовления изделий из их роговых чехлов. В шурфе № 2 2016 г. археозоологичес-

кое исследование выявило специфичный анатомический набор остатков рогатого скота: разломанные головы и дистальные части конечностей, который может образоваться исключительно при массовых забоях скота для получения шкур. На раскопе № XIII 2017 г. археозоологическим исследованием удалось зафиксировать не только специфичный анатомический набор, но и следы использования костей мелкого рогатого скота в приспособлениях для обработки кож, что в совокупности с археологическим контекстом позволило установить факт наличия на этом участке специализированной сезонной кожевенной мастерской. Выяснено, что именно в городах производился забой скота для получения шкур, здесь же ремесленники обрабатывали полученные шкуры на специально оборудованных сезонных площадках-мастерских. Таким образом, археозоологическим исследованием установлено, что Маджар, как и другие города, участвовал в производстве животных шкур и кож, которые впоследствии становились важнейшей экспортной продукцией золотоордынского государства.

Ключевые слова: Золотая Орда, город Маджар, археозоологический анализ, анатомический набор костных остатков, кожевенное производство, экспорт животной кожи.

Цитирование. Яворская Л. В., 2020. Новые данные о роли Маджара в золотоордынской торговле шкурно-кожевенной продукцией: археозоологический аспект // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 1. С. 202–210. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.11>

Большинство городов Золотой Орды располагалось на сухопутных и водных путях, обеспечивая трансконтинентальные торговые маршруты защитой и вливая в товарные потоки ремесленную продукцию собственного производства. Торговые пути в степном Предкавказье сходились в городе Маджар, возникшем на рубеже XIII–XIV веков. Арабский путешественник Ибн Баттута, побывавший здесь в 1330-х гг., указывает на значительные размеры города, разноэтничное население, множество базаров и ремесел [СМИЗО, 1887, с. 287–288]. Недавними археологическими исследованиями были выявлены напластования разных периодов в истории Маджара в течение XIV в., но наибольшая интенсивность накопления находок, означающая взлет городской жизни и ремесленных производств, пришлась на слои, датирующиеся 1330–1350 гг. [Бочаров и др., 2018а, с. 404]. Следы различных ремесленных производств – керамического, металлургического, стеклодельного, косторезного и многих других, продукция которых широко расходилась по торговым путям Евразии, отчетливо фиксируются при раскопках археологами золотоордынских городов. Помимо них хорошо известно о важнейшей и очень доходной статье золотоордынского экспорта – шкурах животных [Еманов, 2018, с. 68–71]. Из серии документов, регулирующих итальянскую морскую торговлю, известно, что в конце XIII – начале XIV в. вывозились в больших объемах выделанные и невыделанные шкуры рогатого скота и лошадей [Бочаров, Масловский, 2015, с. 7]. В 1330–

1350-х гг. ханское правительство проводит ряд протекционистских мер, делая невыгодным для итальянцев вывоз невыделанных шкур [Бочаров, Масловский, 2015, с. 7–8], что должно было способствовать увеличению количества и объемов ремесленных производств, обрабатывающих шкуры животных. Источники умалчивают о местоположении таких мастерских – проводился ли забой, а также обработка шкур и кож в кочевьях или в городах. Поскольку остатки-отходы подобных производств являются остатками органическими, их следы весьма непросто обнаружить в культурных напластованиях золотоордынских памятников с сухим культурным слоем, где органика не сохраняется [Бочаров, Масловский, 2015, с. 7]. Тем не менее при помощи методов археозоологии можно зафиксировать остатки массовых забоев скота, которые имеют весьма специфичный видовой и анатомический набор, а также следы манипуляций с тушами [Яворская, 2019, с. 581]. Цель данного исследования состоит в представлении именно таких остатков с городища Маджары, из раскопок которого за последние шесть лет проанализированы все археозоологические коллекции и выявлено несколько комплексов костных остатков, которые правильно было бы назвать производственными.

Городище Маджары, являющееся остатками золотоордынского города Маджар, расположено в Буденновском районе Ставропольского края, восточнее г. Буденновска, его площадь составляет около 110 га. Руслом реки Кума город разделен на две неравные части,

и большую правобережную часть его на настоящий момент занимают земли сельскохозяйственного назначения, где преимущественно и проводятся археологические исследования [Бочаров и др., 2018а, с. 404].

В 2014 г. в торгово-ремесленной части города экспедицией государственного унитарного предприятия «Наследие» Министерства культуры Ставропольского края заложен раскоп, получивший по общей нумерации раскопов на городище № X (10). В нескольких горизонтах в хронологических рамках XIV в. были обнаружены остатки жилого дома и предшествовавшей ему крупной полуземлянки, зафиксированной как яма № 1, имевшей, скорее всего, производственное назначение. Это сооружение и синхронные ямы вокруг нее при перепланировке данного участка города были засыпаны культурным слоем со всем его содержимым. Вокруг этого комплекса обнаружены другие ямы небольших размеров, использование которых, как и хронология, по видимому, было различным. Общий объем остеологической коллекции с данного раскопа составил 4 135 единиц [Яворская, Антипина, 2017, с. 248]. Кости характеризуются хорошей (4 балла) естественной сохранностью, что позволило определить основную массу фрагментов до уровня класса, а млекопитающих – до вида. Судя по следам искусственного воздействия, основную часть коллекции составляют «кухонные» остатки [Яворская, Антипина, 2017, с. 248], однако есть и другие категории археозоологических материалов, которые более верно было бы атрибутировать как «производственные отходы».

Основу этой категории остатков составляют фрагменты костной основы рогов полорогих и плотнорогих парнокопытных со следами раскроя и обработки. Обработанные обломки стержней рогов принадлежат четырем видам: домашним баранам и козлам (*Ovis aries* и *Capra hircus*), преимущественно самцам, а также диким парнокопытным – благородному оленю (*Cervus elaphus*) и армянскому (или закавказскому) муфлону (*Ovis gmelini gmelini*). От представителя последнего вида происходит один крупный фрагмент черепа – междурожье с целыми костными стержнями рогов [Яворская, Антипина, 2017, рис. 2]. От диких копытных в данной коллек-

ции оказались только рога, других частей скелета не было. Среди производственных остатков наиболее многочисленными были раскроманные-распиленные костные стержни рогов мелкого рогатого скота (96 %, см. табл. 1). Они встречены в трех ямах (№ 1, 2 и 5), но основная масса обнаружена в нижних слоях ямы № 1 (см. табл. 1), здесь же находился и фрагмент черепа муфлона.

Подобные остатки – обрубленные или отпиленные костные стержни рогов полорогих копытных – чаще всего маркируют изъятие и использование в качестве сырья только их роговых чехлов, и потому они считаются ремесленными отходами. Остатки рогов оленя благородного также несут на себе следы ремесленного раскроя, представляя собой сырьевые остатки, а роговые стержни муфлона сохранились полностью лишь потому, что красивые роговые чехлы были, скорее всего, использованы для изготовления питьевых или охотничьих рогов и необходимо было их аккуратное снятие целыми с рогового стержня.

Само распределение «производственных» остатков по культурным напластованиям и объектам показывает, что на раннем этапе функционирования данного участка города (в пределах 1330–1350-х гг.) здесь работал мастер-косторез, который использовал в качестве сырья плотный рог и роговые чехлы мелкого рогатого скота. Совершить отбор большого количества пригодных для изделий рогов козлов и баранов возможно было лишь при массовых забоях скота.

Непосредственные результаты массовых забоев скота обнаружены при археозоологическом исследовании обширной коллекции костных остатков, полученной в 2016 г. из шурфа № 2. В 2015–2017 гг. исследования на памятнике проводились археологической экспедицией «Каффа» Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан при участии Краеведческого музея села Прасковья [Бочаров и др. 2018б, с. 31]. По общей нумерации были исследованы раскопы № XI, XII, XIII и два шурфа (№ 1, 2). Трехлетними планомерными работами экспедицией получены новые данные по топографии и стратиграфии Маджара, уточнено назначение отдельных районов города, сохранность ряда объектов монумент-

Таблица 1. Видовой состав и распределение в культурных напластованиях остатков рогов парнокопытных со следами обработки. Городище Маджары. Раскоп № X (10) 2014 года

Table 1. The species composition and distribution in the cultural strata of the remains of the horns of small cattle with traces of processing. Madzhar settlement. Excavation no. X (10) 2014

Слой, объекты	Определимые кости млекопитающих	Фрагменты рогов, абсолютное число				% рогов от определимых костей млекопитающих
		МРС	Олень	Муфлон	Всего	
Культурный слой						
Пласт 1–2	491	2			2	0,4
Пласт 3	419					
Пласт 4–5	275	5			5	1,8
Заполнение ям						
Яма 1, верх	396	55	1		56	14,1
Яма 1, низ	1393	158	1	1	160	11,5
Яма 2	35	4			4	11,4
Яма 3	143		6		6	4,2
Яма 4	78					
Яма 5	200	17	1		18	9,0
Яма 6	27					
Яма 7	99					
Яма 8	39					
Яма 9	130					
Яма 10	44					
Всего по слою и ямам	3769	241	9	1	251	6,7
%		96,0	3,6	0,4	100,0	

тальной архитектуры [Бочаров и др. 2018б, с. 31].

Шурф № 2 заложен на восточном участке в центральной части городища в 860 м восточнее поймы реки Кумы в 190 м северовосточнее от раскопа № XII [Бочаров и др., 2018б, с. 33]. Площадь шурфа была небольшой – 4 кв. м, но на нем зафиксирована очень высокая концентрация костных остатков – 2 246 фрагментов, что почти вдвое больше, чем на раскопе № XII того же 2016 г. площадью 16 кв. м (1 373 фрагмента). Культурные напластования, выявленные в шурфе, датируются в пределах 1330–1360-х годов. Сохранность костных остатков хорошая – 4 балла по пятибалльной шкале. На некоторых костях встречены следы какого-то кристаллического вещества цвета ржавчины, возможно остатки специальной обработки органических отходов. Степень раздробленности костных фрагментов в этой коллекции оказалась невысокой – 18–30 фрагментов в 1 куб. дм. Набор таксонов в археозоологической коллекции из

шурфа № 2 обычен для Маджара, но остеологический спектр показал отличия от бытового накопления «кухонных» остатков: очень высокую долю (88 %) в нем составили кости мелкого рогатого скота, а в анатомическом наборе этого вида заметно преобладали кости двух отделов скелета – разломанные остатки голов и самые нижние дистальные отделы конечностей – метаподии и фаланги (см. рис. 1).

Подобный набор обнаружен в скоплениях другого крупного золотоордынского города Азака, расположенного на Нижнем Дону [Яворская, Масловский, 2018, с. 372], и маркирует остатки забоев в «производственных» целях – для снятия шкуры особым способом, когда предварительно отсекаются голова и ноги животного [Яворская, 2019, с. 558].

Из обзора этих двух коллекций понятно, что в золотоордынском городе Маджар в 1330–1360-х гг. проводились массовые забои скота с целью получения шкур. Археозоологическое исследование коллекции с раско-

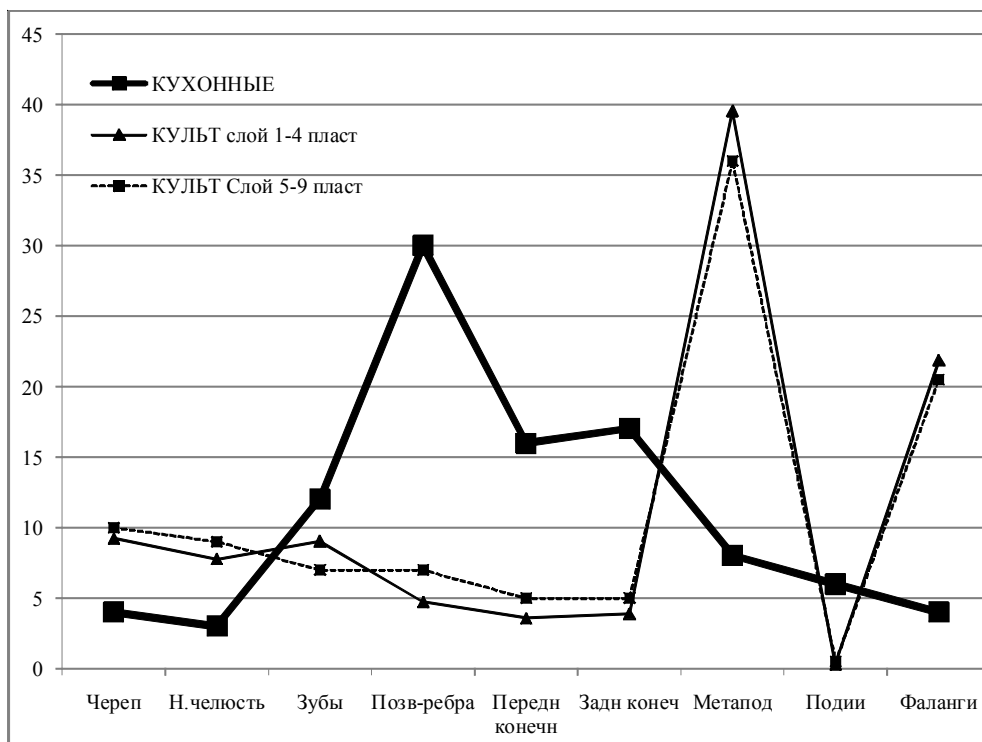

Рис. 1. Распределение костных остатков в анатомическом наборе мелкого рогатого скота. Городище Маджары (шурф № 2, 2016 год)

Fig. 1. The distribution of bone residues in the anatomical set of small cattle. Madzhar settlement (pit no. 2, 2016)

Примечание. Под графом «кухонные» имеется в виду распределение анатомического набора одной туши рогатого скота в категории «кухонные остатки».

па № XIII 2017 г. достроило картину участия ремесленников города в импорте животных шкур и изделий из них.

Раскоп № XIII 2017 г. был заложен на территории бывшего торгово-ремесленного квартала в южной части большого поля в 500 м восточнее поймы реки Кумы. Площадь исследуемого участка составила 48 кв. метров. Верхний стратиграфический распахиваемый горизонт (слой I, пласты 1–3) относится к напластованиям XX – начала XXI в., в котором встречены переотложенные находки золотоордынского времени. Ниже расположен слой II (пласты 4–6) – основной средневековый культурный слой на данном участке, который датируется 1310–1340 годами. К этому слою относятся выявленные на раскопе сооружения 1 и 2. Сооружение 1 представляло собой вымостку из фрагментированных и бракованных обожженных кирпичей местного маджарского производства. Вымостка хорошо датируется монетными и керамическими находками в рамках 1330-х гг. [Бочаров, Явор-

ская, 2019, с. 189]. Сооружение 2, зафиксированное в северо-западной части раскопа на уровне 5 пласта, представляло собой выкопанную в материке узкую траншею глубиной около 1 м, с отвесными стенками и ровным дном, ориентированную по линии юго-запад – северо-восток [Бочаров, Яворская, 2019, рис. 5]. Стратиграфическая ситуация и находки в заполнении траншеи позволяют утверждать, что она синхронна сооружению 1 и составляет с ним единый комплекс. В северо-западном углу раскопа в квадрате А1 выделялся участок, который по заполнению отличался от основного культурного слоя: на 5-м и 6-м пластах до уровня материка здесь зафиксирована прослойка черного плотного грунта с включениями кирпичной крошки и высокой концентрацией костных остатков – около 500 фрагментов на 1 кв. м культурного слоя, мощностью до 50 см. Это заполнение также синхронно сооружениям 1 и 2.

Коллекция костных остатков хорошей сохранности составила 3 343 фрагмента, рас-

сматривалась по выборкам в соответствии с археологическим контекстом. Отдельными выборками стали материалы из культурного слоя (пласты 4–6), из заполнения над вымосткой-сооружением 1, из заполнения траншеи – сооружения 2, а также из специфичного заполнения прослойки культурного слоя в квадрате А1 в пластах 5–6. Всего получилось 4 отдельных, но вполне представительных выборки [Бочаров, Яворская, 2019, табл. 2]. Степень раздробленности костей в данной коллекции не превышает показателей, обычных для Маджара – 20–27 фрагментов в 1 куб. дм. Таксономический набор костных остатков также обычен для Маджарского городища, основную роль в нем играют остатки домашних «мясных» млекопитающих, преимущественно крупного рогатого скота (далее – КРС; 50 % от всех определимых домашних видов), мелкого рогатого скота (далее – МРС; его доля несколько превышает 30 % в разных выборках) и лошади (доля – 14–17 % по разным выборкам). Необычность заполнения прослойки в квадрате А1 на пластах 5 и 6 подтвердилась и анализом археозоологических материалов из нее – здесь выявлено 497 фрагментов, то есть, в пределах одного квадрата культурного слоя на двух пластах сосредоточена шестая часть всей коллекции. Основную массу этого заполнения, около 60 %, составляли кости МРС. Доля остатков КРС оказалась здесь ниже обычной – около 36 %, а доля костей лошади составила около 4 % [Бочаров, Яворская, 2019, табл. 3].

Наиболее необычным в остеологической коллекции с этого раскопа оказался анатомический набор многочисленных видов крупного и мелкого рогатого скота. По распределению анатомических частей скелетов видно, что во всех выборках «завышены» в 3–10 раз доли остатков голов и нижних челюстей КРС и в 10 раз – нижних челюстей МРС по отношению к стандартной разделке одной туши. Доли таких анатомических частей, как метаподии обоих видов животных, существенно завышены: для КРС в 4–5 раз, для МРС – в 8–11 раз [Бочаров, Яворская, 2019, табл. 3]. В заполнении прослойки в квадрате А1 оказались самые высокие накопления метаподиев мелкого рогатого скота, превышающие обычные показатели в 18 раз. Некоторое пре-

вышение «стандарта» накопления можно наблюдать для лопаток и лучевых костей КРС, а также плечевой, лучевой и берцовой кости МРС [Бочаров, Яворская, 2019, табл. 3].

Выявленный анатомический набор по двум видам рогатого скота показывает, что преимущественно археозоологическую коллекцию составляют вовсе не «кухонные» костные остатки. Вновь перед нами остатки масштабных забоев крупного и мелкого рогатого скота, причем кроме обычных отчленений голов и дистальных частей конечностей перед снятием шкуры при разделке туши вычленялись еще некоторые кости. Кроме разломанных остатков черепов, все остальные вышеуказанные наименования костей обоих видов рогатого скота, показатели по которым «завышены», традиционно использовались в косторезном деле. На малопригодных для поделок метаподиях и других трубчатых костях мелкого рогатого скота, на диафизах обнаружены особые следы – характерная «залощенность» по одной стороне трубки [Бочаров, Яворская, 2019, с. 195, рис. 8]. На этих же костях обнаружены грубо прорезанные отверстия в одном из эпифизов (верхнем или нижнем торцевом конце кости), другой конец, как правило, сломан. Косточки с такими следами маркируют инструментарий кожевников. Они входили в состав сложных приспособлений, служили «валиками» для выпрямления нешироких кожаных лент. Для закрепления в устройстве в проксимальном конце метаподиев проделывались отверстия, верхний слой компакты в этой части кости, как правило, сильно стерт. Между жестко закрепленными костными «валиками» протягивались кожаные ленты, и вследствие этой процедуры на одной стороне диафиза кости появлялось характерное «лощение». По-видимому, для подобных мастерских было необходимо множество таких трубчатых вставок, поскольку сломавшаяся кость в приспособлении заменяли на новую, близкую по размеру. Наиболее удобными костями в этих приспособлениях, по-видимому, были метаподии, поскольку их больше всех сохранилось в культурных напластованиях данного раскопа. Однако и другие трубчатые кости из скелета МРС, близкие по размеру, вычленяли из туши при разделке и тоже использовали в таких устройствах. Находки

костей с «лощением» составляют от 10 до 30 % по выборкам от всей совокупности костей МРС [Бочаров, Яворская, 2019, с. 196], и, таким образом, они фиксируют уже не просто происходивший поблизости забой животных, но и снятие шкур, последующую за этим разделку туш, вычленение отдельных костей и, самое важное, первичную обработку кожевенной продукции.

Исходя из имеющегося видового набора костных остатков и специфики анатомического набора костей многочисленных видов в данной археозоологической коллекции, а также из анализа следов на костных фрагментах становится возможной интерпретация выявленных на раскопе необычных синхронных сооружений – кирпичной площадки-вымостки (сооружения № 1) и глубокой узкой траншеи (сооружения № 2). Вымостку из фрагментов обычных и бракованных кирпичей возможно интерпретировать как сезонную производственную площадку, где мог происходить забой животных, могли раскладываться шкуры, стоять раскроечные столы и быть установлены специальные приспособления для вытягивания-выпрямления кожаных лент. Сооружение № 2 – траншея, скорее всего, использовалась как ванна для вымачивания шкур, сгонки волоса, других первичных процессов их обработки.

Обнаруженная мастерская, скорее всего, носила комплексный характер: здесь наблюдаются разные фазы производственного цикла от забоя животных до изготовления продукции из их шкур. Собственно забои и работа подобных производственных площадок не

были постоянно действующим предприятием. Скорее всего, они эпизодически возобновлялись, возможно, в определенные сезоны.

Для археологии и реконструкции палеоэкономики Золотой Орды важны как находка мастерской, так и археозоологическая атрибуция скоплений однотипных костных остатков как «производственных» сбросов. Они показывают, что аккумуляция скота для забоя происходила, скорее всего, вблизи городов. Забой и первичная выделка шкур проводились в городских мастерских, на специально оборудованных площадках. На основании письменных документов можно было лишь предполагать наличие мастерских, занимавшихся выделкой животных шкур, неясными оставались места их расположения и характер работы. Проведенное археозоологическое исследование позволяет утверждать основную роль сезонных городских мастерских в массовом производстве животных шкур и кож – важнейшей статьи государственного экспорта Золотой Орды.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-09-00310 «Археозоологические материалы как источник для реконструкции палеоэкономических процессов в лесной и степной зонах Восточной Европы в XII–XVI вв.».

The research was completed by the RFBR, project no. 20-09-00310 “Archaeozoological materials as a source for the reconstruction of paleo-economic processes in the forest and steppe zones of Eastern Europe in the XII–XVI centuries”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бочаров С. Г., Масловский А. Н., 2015. Письменные источники об итальянской торговле кожей в Северном Причерноморье и данные археологии // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 157, кн. 3. С. 7–11.
- Бочаров С. Г., Обухов Ю. Д., Ситдииков А. Г., 2018а. Золотоордынский город Маджар в системе культурных связей Евразии. По материалам новых археологических исследований (2015–2017 гг.) // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа” : материалы Междунар. науч. конф. Карачаевск : Карачаево-Черекский государственный университет. С. 404–406.
- Бочаров С. Г., Обухов Ю. Д., Ситдииков А. Г., 2018б. Три года археологических исследований золотоордынского города Маджар (2015–2017). Итоги и перспективы // Археология евразийских степей. № 5. С. 31–38.

- Бочаров С. Г., Яворская Л. В., 2019. К вопросу о кожевном производстве в Золотой Орде: результаты археологического и археозоологического исследования на городище Маджары в 2017 году // Поволжская археология. № 4 (30). С. 184–199. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2019.4.30.184.199>.
- Еманов А. Г., 2018. Между полярной звездой и полуденным солнцем. Кафа в мировой торговле XIII–XV веков. СПб.: Алетея. 386 с.
- СМИЗО, 1887. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. В. Тизенгаузен. Т. 1. СПб. 571 с.
- Яворская Л. В., 2019. Скопления костей животных в городах Золотой Орды: основные находки, видовой состав, анатомический набор // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. Казань; Кишинев: Stratum plus. С. 553–567.
- Яворская Л. В., Антипина Е. Е., 2017. Золотоордынский город Маджар: первые результаты исследования археозоологической коллекции из ремесленного квартала (раскоп X (10) – 2014 г.) // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 4. М.: Ин-т археологии РАН. С. 245–252.
- Яворская Л. В., Масловский А. Н., 2018. Находки скоплений костей животных в золотоордынском Азаке: видовой состав, анатомический набор, топография // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2014–15 гг. Вып. 30. Азов: Азовский музей-заповедник. С. 358–378.

REFERENCES

- Bocharov S.G., Maslovskiy A.N., 2015. Pis'mennye istochniki ob ital'yansko torgovle kozhey v Severnom Prichernomor'e i dannye arheologii [Written Sources about the Italian Leather Trade in the Northern Black Sea Region and Archaeological Data]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific Bulletin of the Kazan University. Series: Humanities], vol. 157, book 3, pp. 7-11.
- Bocharov S.G., Obuhov Yu.D., Sildikov A.G., 2018a. Zolotoordynskiy gorod Madzhar v sisteme kul'turnyh svyazey Evrazii. Po materialam novyh arheologicheskikh issledovaniy (2015–2017 gg.) [The Golden Horde City of Madzhar in the System of Cultural Relations of Eurasia. Based on New Archaeological Research (2015-2017)]. *Kavkaz v sisteme kul'turnyh svyazey Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. XXX "Krupnovskie chteniya" po arheologii Severnogo Kavkaza": materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [The Caucasus in the System of Cultural Relations of Eurasia in Antiquity and the Middle Ages. XXX "Krupnov readings" on Archaeology of the North Caucasus". Proceedings of the International Scientific Conference]. Karachaevsk, Karachay-Cherkess State University, pp. 404-406.
- Bocharov S.G., Obukhov Yu.D., Sildikov A.G., 2018b. Tri goda arheologicheskikh issledovaniy zolotoordynskogo goroda Madzhar (2015–2017). Itogi i perspektivy [Three Years of Archaeological Study of Golden Horde Town Madzhar (2015-2017). Results and Prospects]. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei* [Archaeology of Eurasian Steppes], no. 5, pp. 31-38.
- Bocharov S.G., Yavorskaya L.V., 2019. K voprosu o kozhevennom proizvodstve v Zolotoy Orde: rezul'taty arheologicheskogo i arheozoologicheskogo issledovaniya na gorodishche Madzhary v 2017 godu [On the Question of Leather Production in the Golden Horde: Results of Archaeological and Archaeozoological Research in the Madzhar Settlement in 2017]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], vol. 30, no. 4, pp. 184-199. DOI: <http://doi.org/10.24852/pa2019.4.30.184.199>.
- Emanov A.G., 2018. *Mezhdru polyarnoy zvezdoy i poludennym solntsem. Kafa v mirovoy torgovle XIII–XV vekov* [Between the Polar Star and Middy Sun. Cafa in the World Trade of 13th – 15th Centuries]. Saint Petersburg, Aletya Publ. 386 p.
- СМИЗО, 1887. *Sbornik materialov, odnosyashchihya k istorii Zolotoy Ordy*, V. Tizengauzen [A Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde. V. Tiesenhausen], vol. 1. St. Petersburg. 571 p.
- Yavorskaya L.V., 2019. Skopleniya kostey zhivotnyh v gorodah Zolotoy Ordy: osnovnye nahodki, vidovoy sostav, anatomicheskii nabor [Concentrations of Animal Bones in the Cities of the Golden Horde: Main Finds, Species, Anatomical Set]. *Genuezskaya Gazariya i Zolotaia Orda* [The Genoese Gazaria and the Golden Horde], vol. 2. Kazan; Kishinev, Stratum Plus, pp. 553-567.
- Yavorskaya L.V., Antipina E.E., 2017. Zolotoordynskiy gorod Madzhar: pervye rezul'taty issledovaniya arheozoologicheskoy kollektzii iz remeslennogo kvartala (raskop X (10) – 2014 g.) [The Golden Horde City of Madzhar: the First Results of the Study of the Archaeozoological Collection from the Handicraft District (Excavation X (10) - 2014)]. *Analiticheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov* [Analytical Studies of the Laboratory of Natural Scientific Methods], iss. 4. Moscow, IA RAS, pp. 245-252.

Yavorskaya L. V., Maslovskiy A. N., 2018. Nahodki skopleniy kostey zhiivotnyh v zolotoordynskom Azake: vidovoy sostav, anatomicheskiy nabor, topografiya [Finds of Concentrations of Animal Bones in the Golden Horde Azak: Species Composition, Anatomical Set, Topography]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2014–2015 gg.* [Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2014–2015], iss. 30. Azov, Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, pp. 358-378.

Information About the Author

Liliya V. Yavorskaya, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Senior Researcher, Laboratory of the Natural Scientific Methods in Archaeology, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dmitriya Ulyanova St., 19, 117036 Moscow, Russian Federation, Lv.yavorskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5272-7442>

Информация об авторе

Лилия Вячеславовна Яворская, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов в археологии, Институт археологии РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, 117036 г. Москва, Российская Федерация, Lv.yavorskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5272-7442>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.12>

UDC 902/904
LBC 63.4(2)

Submitted: 10.03.2020
Accepted: 29.04.2020

YURTA-SHAPED DWELLINGS AND BUILDINGS OF THE X-XII CENTURIES IN SAMOSDELKA HILLFORT

Ekaterina M. Boldyreva

State Historical Museum, Moscow, Russian Federation

Dmitriy V. Vasilyev

Astrakhan State University, Astrakhan, Russian Federation

Emma D. Zilivinskaya

Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the publication of a number of Yurta-shaped dwellings of the X-XII centuries, discovered during excavations at the Samosdelka hillfort in the Volga Delta and at Left-Bank Samosdelka settlement, adjacent to the mentioned hillfort. The hillfort is known as the place of the supposed localization of the medieval cities of Saqsin (XI-XIV centuries) and Itil (IX-X centuries). The article briefly describes the planigraphy of the archaeological monument and the conditions of four circular dwellings discovering. Three of them belong to the X century and date back to the Khazar era. One dwelling has a more complex structure and belongs to the heyday of the city of Saqsin (XI-XII centuries). The design features of dwellings are analyzed, and archaeological and ethnographic analogies are given to both dwellings as a whole and to their individual elements. Two early circular buildings had no traces of a fireplace inside, so we can consider them not as dwellings, but yurta-shaped structures for household purposes. There were fireplaces in one building of the X century, found on the periphery of the Left-Bank settlement, as well as in the construction of the XI-XII centuries in the Central part of the hillfort. We can rightfully call these structures yurta-shaped dwellings. The last building has the most complex design, it is made using burnt square-shaped bricks for lining the edge of the laying bench and the walls in the basement. Bricks were also used as supports for poles and pillars. The presence of bricks indicates the time of the appearance of this dwelling after dismantling the hillfort citadel walls for getting building materials out of them. The discovered dwelling is a confirmation of the words of Abu Hamid al-Garnati, who wrote that in the city of Saqsin, the noble Oguzes had large “tents” like domes that can accommodate a large number of people. We can find direct analogies to such dwellings in the construction of Kazakh yurta-shaped buildings of the XIX - early XX centuries.

Key words: Samosdelka hillfort, Khazar era, the city of Saqsin, the Volga Delta, Yurta-shaped dwelling.

Citation. Boldyreva E.M., Vasilyev D.V., Zilivinskaya E.D., 2020. Yurta-Shaped Dwellings and Buildings of the X-XII Centuries in Samosdelka Hillfort. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, vol. 19, no. 1, pp. 211-229. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.12>

УДК 902/904
ББК 63.4(2)

Дата поступления статьи: 10.03.2020
Дата принятия статьи: 29.04.2020

ЮРТООБРАЗНЫЕ ЖИЛИЩА И ПОСТРОЙКИ X–XII ВВ. НА САМОСДЕЛЬСКОМ ГОРОДИЩЕ

Екатерина Михайловна Болдырева

Государственный исторический музей, г. Москва, Российская Федерация

Дмитрий Викторович Васильев

Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Российская Федерация

Эмма Давидовна Зиливинская

Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена публикации ряда юртообразных жилищ X–XII вв., обнаруженных в ходе раскопок на городище Самосделка и на примыкающем к нему Левобережном Самосдельском селище в дельте Волги. Городище известно как место предполагаемой локализации средневековых городов Саксин (XI–XIV вв.) и Итиль (IX–X вв.). В статье кратко характеризуется планиграфия памятника и условия обнаружения четырех круглоплановых жилищ. Три из них относятся к X в. и датируются хазарской эпохой. Одно жилище имеет более сложную конструкцию и относится к периоду расцвета города Саксина (XI–XII вв.). Анализируются конструктивные особенности жилищ, приводятся археологические и этнографические аналогии как жилищам в целом, так и отдельным их элементам. Две ранние круглоплановые постройки не имели внутри следов очага, поэтому мы можем считать их не жилищами, а юртообразными сооружениями хозяйственного назначения. Имелись очаги в одной постройке X в., обнаруженной на периферии Левобережного селища, а также в сооружении XI–XII вв. в центральной части городища. Эти сооружения мы можем с полным правом называть именно юртообразными жилищами. Последняя постройка имеет самую сложную конструкцию, она выполнена с использованием обожженного кирпича квадратной формы для обкладки края суфы и стен в цокольной части. Кирпичи использовались также в качестве опор для жердей и столбов. Наличие кирпичей свидетельствует о времени возникновения этого жилища после разборки стен цитадели городища на строительный материал. Обнаруженное жилище является подтверждением слов Абу Хаида ал-Гарнати, который писал, что в городе Саксине знатные огузы имеют большие «шатры», подобные куполам, вмещающие большое количество людей. Прямые аналогии подобным жилищам мы можем найти в конструкции казахских юртообразных построек XIX – начала XX века.

Ключевые слова: Самосдельское городище, хазарская эпоха, город Саксин, дельта Волги, юртообразное жилище.

Цитирование. Болдырева Е. М., Васильев Д. В., Зиливинская Э. Д., 2020. Юртообразные жилища и постройки X–XII вв. на Самосдельском городище // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 1. С. 211–229. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.12>

Самосдельское городище располагается в западной части дельты Волги, около села Самосделка Камызякского района Астраханской области, в 45 км к югу от Астрахани. Археологические раскопки на нем ведутся уже 20 лет Поволжским археологическим отрядом Государственного исторического музея и комплексной совместной археологической экспедицией Астраханского государственного университета и Института этнологии и антропологии РАН [Васильев, 2015, с. 194–195].

Городище в целом состоит из трех частей – собственно городища, располагающегося на островке, окруженном пересохшими ныне протоками (здесь на аэрофотоснимках и космоснимках читаются остатки кирпичной крепости), Левобережного селища (отделенного от островка с крепостью ныне существующей рекой Старая Волга) и Правобережного селища (на правом берегу Старой Волги, ниже по течению от центральной части городища) (рис. 1). В центральной части городища, внутри крепости, культурные отложения достигают мощности до 3 м, за пределами же крепости средняя толщина

культурного слоя составляет около 50 см [Васильев, 2015, с. 207–209].

На настоящий момент раскопками вскрыто свыше 1500 кв. м в центральной, островной части городища (доведены до материка раскопы № 1 и 2, а также начаты работы на раскопе № 3), исследован значительный участок культурного слоя на Левобережном Самосдельском селище (на левом берегу Волги) [Васильев, 2018].

В ходе исследований была выдвинута гипотеза, согласно которой верхние и средние слои Самосдельского городища исторически соотносятся с существовавшим здесь в XI–XIV вв. городом Саксин [Васильев, Зиливинская, 2011, с. 158–166]. Предполагается также, что в нижних слоях городища содержатся остатки города хазарского времени, который вполне может быть атрибутирован как остатки столичного центра Хазарии – города Итиля (Атиля) [Зиливинская, Васильев, 2008, с. 224–226]. Исследования на городище продолжаются, выдвинутые предположения проверяются на практике. Если версия по поводу локализации Саксина выглядит непротиворе-

чивой и не встречает серьезных возражений со стороны исследователей, то вопрос относительно атрибуции нижних слоев городища продолжает оставаться открытым. Сложность изучения слоев хазарского времени состоит в том, что в цитадели они сильно переработаны позднейшими хозяйственными ямами. Кроме того, здесь они труднодоступны из-за мощности перекрывающих отложений постхазарской эпохи. Вне пределов крепости культурные отложения в центральной части городища еще не изучались. Однако ряд затопленных и размытых жилищ X века был выявлен в раскопе на Левобережном селище. Здесь поверх слоя хазарского периода был зафиксирован слой затопления, а выше – слой золотоордынского поселения [Васильев, 2018].

Данная статья будет посвящена одной разновидности сооружений, которые встречаются на Самосдельском городище – юртообразным жилищам. До недавнего времени мы предполагали, что они являются характерной особенностью только слоев хазарского времени [Васильев, Зиливинская, 2011, с. 162–163], однако исследования последних лет показали, что это не совсем так.

Прежде всего необходимо определиться с терминологией. Под термином «юртообразное жилище» мы подразумеваем округлое в плане жилище, которое может быть заглублено в землю и имеет из-за своей округлой формы сходство с юртой – традиционным жилищем кочевников. «Юртообразное жилище» не является переносным – оно стационарно. Об этом могут свидетельствовать такие конструктивные особенности, как котлован, жердевые и плетневые конструкции стен, обмазка стен глиной, стационарные очаги или печи внутри. Специальных исследований, посвященных «юртообразным жилищам», в археологической и этнографической литературе довольно мало. Применительно к историческому периоду и этнокультурной среде, которые изучаются в ходе раскопок на Самосдельском городище (эпоха Хазарского каганата и постхазарское время), мы можем назвать лишь обобщающую работу В.С. Флерова «Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы» [Флеров, 1996]. В ней автор описывает и предпринимает попытку систематизации многочисленных круглых в пла-

не жилищ, обнаруженных на памятниках археологии хазарского времени. Касаясь вопросов терминологии, В.С. Флеров говорит, что в литературе можно встретить самые разные определения подобного рода жилищ – овалы, полуземлянки, бесстолбовые постройки, круглые и овальные жилища, жилища типа юрты, круглоплановые и просто «юрты». Но последний термин автор исключает сразу, поскольку юрты – жилища переносные, а все описанные им конструкции – стационарные. Приемлемым термином В.С. Флеров считает «круглоплановое жилище». Он, по словам автора, достаточно нейтрален и не несет дополнительной смысловой нагрузки относительно кочевого или оседлого образа жизни владельцев. Но, однако, этот термин внеисторичен, охватывает все округлые в плане жилища, возникавшие в ходе истории человечества, и поэтому не отражает конкретно-исторических условий возникновения подобного типа жилищ в хазарскую эпоху [Флеров, 1996, с. 6]. Склоняясь к применению термина «юртообразное жилище», В.С. Флеров тем самым указывает на существование генетической связи юрты – кочевнического переносного жилища и тех округлых в плане стационарных жилищ, которые обнаруживаются на многочисленных поселениях хазарского времени на территории Восточной Европы. В.С. Флеров прямо говорит, что юрта является прототипом стационарного юртообразного жилища. Позволим себе согласиться с данной точкой зрения, поскольку подобный ход эволюции жилищ вполне согласуется с эволюцией хозяйственного уклада населения Хазарского каганата в VIII–X вв., так как это время характеризуется переходом части населения каганата, находившейся в орбите влияния городской экономики, к оседлости или полuosедлому образу жизни.

В.С. Флеровым юртообразные жилища Восточной Европы тракуются как признак оседания на землю кочевников (а именно – болгар) в рамках культуры Хазарского каганата [Флеров, 1996, с. 59–60].

Первые юртообразные жилища на Самосдельском городище были исследованы в раскопе № 1 в 2005 году. Возможно, правильное будет их именовать юртообразными постройками или сооружениями, так как внутри у них

не было обнаружено следов очагов. Выявлены они были на уровне материка и относились к наиболее раннему времени существования городища.

Одно из них (рис. 2) представляло собой яму практически правильной округлой формы с прямоугольным выступом с южной стороны [Васильев, Ермилов, 2011, с. 49–50; Зиливинская, 2011, с. 24]. Глубина котлована жилища в среднем 58 см, диаметр 2,84–3,24 м. По периметру ямы на северном, западном и южном бортах были прослежены семь лунок, оставленных жердями каркаса жилища. Примыкающая с юга прямоугольная яма имела глубину около 30 см от впускного уровня, длину 1,24 м и ширину 1,0–1,4 м. По периметру ямы вдоль бортов на дне прослежены лунки диаметром около 6–7 см от жердей или колышков, которые удерживали деревянную облицовку песчаных боковых стен. Между стенками ямы и колышками были расчищены остатки уложенных на ребро досок. Плоское дно прямоугольной ямы было выстлано деревянными плахами, которые, вероятно, составляли деревянную конструкцию пола. Эту примыкающую яму мы можем трактовать как входной тамбур в юртообразное жилище. Под досками предполагаемого пола тамбура были обнаружены два альчика – бараньих астрагала. Есть многочисленные свидетельства, в том числе и этнографического характера, об имевшейся у кочевых народов традиции закладывать альчики у входа в юрту в качестве оберега [Бикинцев, 2004, с. 52–53].

Заполнение котлована жилища и входа состояло преимущественно из слежавшихся деревянных жердей, обмазанных серой материковой глиной, которые могут являться остатками конструкции стен и перекрытия. На дне, как уже было сказано выше, не было обнаружено следов очага. Возможно, жилище было оборудовано жаровней или же оно было летним. Кроме того, постройка могла носить сугубо хозяйственный характер.

Еще одно юртообразное жилище (рис. 3) было круглым в плане (диаметром 4,6–4,8 м) без входного тамбура [Васильев, Ермилов, 2011, с. 52–53; Зиливинская, 2011, с. 24–25]. Котлован сооружения был выкопан в материке и имел глубину 65–70 см относительно уровня материка. Яма котлована имела отвес-

ные стенки и плоское дно. Стенки ямы были песчаными, и для укрепления их обмазали тонким слоем серой материковой глины. Дно котлована сооружения было глинистым, ровным. На дне обнаружены также многочисленные жердевые ямки диаметром от 2 до 10 см. Ямки располагались беспорядочно и не образовывали никакой конструкции. Вероятно, они остались от каких-то шестов или палок, которые в разное время втыкались в пол постройки для различных хозяйственных нужд. По периметру ямы котлована сооружения на материке также прослеживались жердевые и столбовые ямки от деревянных конструкций, образовывавших каркас стен.

Внутри этого юртообразного жилища были найдены фрагменты гончарных сосудов – кружек и триподов, а также стеклянные бусы, перстни и браслеты, лазуритовая подвеска, куски янтаря, изделия из меди и даже маленький золотой слиточек. Эти находки свидетельствуют о том, что здесь могли проживать люди довольно высокого ранга.

Разрез заполнения свидетельствует о том, что после того как жилище было заброшено, заполнение его подожгли. Вероятно, к тому времени яма была превращена в помойку. В горелом слое встречаются многочисленные рыбьи кости, а также остатки рыбы с чешуей, спекшиеся от сильного жара в сплошную массу. Также в горелом слое был найден плотный завал битой керамики. Потом этот горелый слой разровняли и поставили на него прямоугольное в плане турлукное сооружение, которое в свою очередь сгорело при общем пожаре, прослеженном в этой части городища.

Как было сказано выше, на Левобережном Самосдельском селище были обнаружены размытые водой и перекрытые иловыми отложениями юртообразные жилища [Васильев, 2018, с. 27–29]. Одно из них (сооружение № 3) сохранилось хорошо, потому что оно было затоплено моментально и недолго находилось в прибойной зоне после разлива реки (рис. 4). Оно представляет собой овальную яму размерами 4 × 5 м и средней глубиной 35 см. С южной стороны к основному котловану примыкает округлая яма входа со ступенькой размерами 1 × 0,5 м и глубиной 30 см. По краям жилища обнаружено десять столбовых и жердевых ям диаметром 10–12 см,

оставшихся от несущих конструкций стен. В данном сооружении по центру пола, ближе к северо-восточной границе сооружения, зафиксирована очажная яма округлой формы размерами 80 × 40 см. Исходя из этого данное сооружение можно с полным правом называть юртообразным жилищем. В заполнении сооружения, которое представляло собой слой речного ила с ракушками, в придонной части были обнаружены фрагменты черноглиняной и сероглиняной лепной керамики.

На раскопе № 2 в центральной части городища был выявлен ряд юртообразных жилищ, одно из которых представляет особый интерес. Круглоплановое сооружение, которое датируется XI–XII вв., было обнаружено и изучено в 2017 г. на уровне с 8 по 10 пласты раскопа. Оно получило внутренний порядковый номер 50 [Болдырева, 2017]. Датировка сооружения была дана по общему контексту раскопа. Жилой квартал, в который было встроено юртообразное жилище, представлял собой третий уровень жилищ, если считать от поверхности раскопа. Поверхность раскопа была перекрыта слоем донных отложений XIII–XVIII вв., ниже располагались остатки размытых в ходе затопления городища сооружений начала XIII в., еще ниже – застройка многокомнатными сооружениями середины XII века. Юртообразное жилище было встроено в плотную городскую застройку и, вероятнее всего, являлось самостоятельным жилищем в окружении квадратных и прямоугольных стационарных домов, так как имело собственный выход, который был обращен на улицу, а не внутрь квартала.

Возникновение сооружения относится, видимо, ко второй половине – концу XI в., поскольку оно является первым объектом, появившимся поверх слоя разрушенных мощным пожаром прямоугольных наземных жилищ. Данный слой пожара встречается на Самосдельском городище примерно на уровне 10–11 пластов на двух раскопах, доведенных до материка, и датируется второй половиной XI века. Связывается он с набегами кыпчаков, которые тревожили город Саксин в XI веке [Мартынова, 2020, с. 281–283]. Видимо, один из этих набегов носил катастрофический характер для города.

Жилище имело форму круга диаметром около 6 м (максимальный размер с востока на запад – 616 см). На уровне поверхности пожарища были возведены глинобитные стены на жердевом каркасе (рис. 5 и 6). Стены сооружения представляли собой массив рыхлой серо-желтой пахсы с примесью углей. Каркасом для стен служили столбы и жерди, от которых сохранились ямы, обнаруженные в массиве основания стены. При этом, судя по расположению ям, столбы находились по центру массива стены, а жерди – ближе к краю. Столбы и жерди были оштукатурены глиной. По внутренней границе от уровня пола и выше стена была обложена обожженными кирпичами, поставленными на ребро. В восточной части сооружения кирпичи обкладки формируют дверной проем, обращенный к востоку. Часть кирпичей, установленных на ребро, в процессе разрушения сооружения завалились внутрь и стали плосколежащими. В конструкции внешней стены был прослежен ряд столбовых и жердевых ям. Южный край стены остался неисследованным, поскольку уходит в южный борт раскопа, а юго-восточный край сооружения оказался разрушенным хозяйственной траншеей, исследованной в 2016 году.

Внутреннее пространство сооружения было организовано следующим образом. Пристенная часть помещения представляла собой сплошную кольцевую суфу (лежанку) (рис. 6–8). В центральной части помещения был обнаружен заглубленный по отношению к суфе прямоугольный участок пола с очагом. По внутреннему периметру край суфы был обложен обожженными кирпичами, установленными на ребро. Размеры получившегося заглубленного помещения: 206 × 164 см. Кирпичи выложены цепочкой в один слой, их верхняя граница фиксируется отметках от -209 до -236 см, а нижняя – на уровне отметок -239/-262. Центральную часть пола занимал открытый круглый очаг. Крыша сооружения в центральной части подпиралась жердями, основаниями для которых служили обожженные кирпичи. В СЗ и ЮЗ углах помещения на уровне пола (на отметках -247 и -253) было расчищено по одному обожженному плосколежащему кирпичу. Размеры кирпичей 24 × 24,5 × 4 см и 24 × 23 × 4 см. Посередине

обоих кирпичей имелись круглые отверстия диаметром порядка 6,5 см.

Первоначально было сделано предположение, что первичный пол сооружения (предполагаемого первого строительного периода) должен находиться на уровне слоя нижележащего пожара. Об этом говорило и наличие обкладки основания стены обожженными кирпичами изнутри по одному уровню. Однако в поперечном разрезе заполнения обмазка пола не была зафиксирована, не фиксировались также и слои натоптанных полов. Заполнение суфы представляло собой не постепенно накопившиеся следы натоптанного пола и обмазки, а единовременную засыпку.

В западной части пола и у северной границы стены в ходе выборки заполнения суфы было расчищено три кирпича, служивших опорой для столбов, которые дополнительно подпирали крышу и разграничивали участки суфы. Также на поверхности суфы были выявлены 13 столбовых ям. Они выполняли, скорее всего, функции основ для каких-то перегородок, но могли также использоваться и для установки в них жердей для опоры крыши. Размеры ям – от 36×30 до 19×15 см, глубина – около 10–15 см.

Тем не менее, несмотря на отсутствие полноценного второго строительного периода, в жилище была зафиксирована замена очага. Поверх первого очага был установлен второй очаг, представлявший собой внутридомовой тандыр, стоявший открыто в центре помещения, а не встроенный в лежанку или тумбу. Размеры очага 56×42 см. Заполнением его служил слой рыхлой золы серого цвета с углями.

Вокруг западной, южной и восточной границ сооружения в плане читается пятно горелого рыхлого пестрого турлука. Возможно, это остатки рухнувшей крыши сооружения. Исходя из этого можно предположить, что перекрытием сооружения служили вязанки тростника, плотно уложенные и обмазанные снаружи глиной.

В процессе выборки заполнения сооружения было обнаружено несколько индивидуальных находок: фрагмент стенки сосуда с тамгообразным знаком, костяная пуговица, красноглиняная круговая крышка, сфероконус из серой глины, фрагмент стеклянного сосуда (ножка), заготовка под костяную рукоять ножа.

Раннесредневековые юртообразные жилища обнаруживаются на огромной территории от Волги до Нижнего Дуная и от Среднего Дона до Северного Кавказа [Флеров, 1996]. Интересно отметить, что до недавних пор было известно лишь одно юртообразное жилище в Поволжском регионе, а именно в Билляре [Флеров, 1996, с. 26, 83]. На Нижней Волге юртообразные жилища до раскопок Самосдельского городища известны не были.

Постройки, подобные нашим юртообразным жилищам, встречаются и у поздних кочевников при оседании их на землю. Так, например, у казахов в XIX в. наблюдались юртообразные постройки – *шошала* (рис. 9).

Шошала существовали нескольких вариантов: плетневые (*шарбак уй*), дерновые, саманные, каменные и бревенчатые (*дукен*). Плетневые шошала можно разделить на следующие виды: 1) со стенами из двойного плетня с пространством, заполненным землей; 2) со стенами из двойного плетня без заполнения; 3) со стенами из одинарного плетня. *Шарбак уй* строили следующим образом: поверх плетневых стен, поставленных по кругу, возводилась крыша. Для этого в центре жилища по четырехугольнику (50–80 см) вкапывались четыре столба-подпорки для крыши, скреплявшиеся сверху четырьмя поперечными перекладинами.

На эти перекладины укладывали жерди, нижние концы которых крепили на стенах, а в центре кровли оставляли отверстие. Жерди покрывали камышом, хворостом, сеном, сверху засыпали землей. На отверстие помещали деревянную круглую основу крыши от юрты – *шанырак* – и закрывали ее войлоком, *шанырак* использовали так же, как в юрте. Дверь делали из плетня, циновки или войлока. Очаг выкапывался посередине жилища. Окон не было. Крыша *шарбак уй* из одинарного плетня землей не засыпалась [Наумова, 2000, с. 128]. Круглое в плане жилище казахов – *шошала*, несомненно, имеет своим прототипом юрту. Как видно из приведенного выше описания, в конструкции *шарбак уй* можно обнаружить аналогию некоторым элементам, зафиксированным в сооружении 50. Прежде всего бросается в глаза каркасно-жердевая конструкция стен, которые изначально имели основу из плетня и были плотно оштукатуре-

ны глиной. Кроме того, мы наблюдаем в углах квадратного участка пола между суфами кирпичи с отверстиями для жердей, которые подпирали крышу. Вполне вероятно, что здесь изначально имелось четыре столба, на которые опиралась квадратная рама, перекрывавшаяся *шаныраком* для выпуска дыма из очага.

Связь юртообразных построек с юртой ярко видна на примере жилищ полуоседлых монголов Внутренней Монголии; их мазанки имеют юрту в качестве каркаса – утепленные тростником решетчатые стенки старой юрты и обрешетки ее крыши обмазываются смесью глины с соломой [Наумова, 2000, с. 127].

Обнаружение юртообразных построек в слоях хазарского времени на Самосдельском городище еще раз подтверждает их культурно-историческую интерпретацию, так как юртообразные жилища являются неизменным атрибутом практически на всех хазарских городищах. Однако обнаружение юртообразного жилища в слоях XI–XII вв. оказалось для нас некоторой неожиданностью. Тем более неожиданно, что это жилище было встроено в регулярную уличную планировку в условиях очень плотной застройки. Все юртообразные жилища в нижних слоях памятника располагаются бессистемно, в условиях хаотичной застройки. Во всяком случае, на настоящий момент планировочные схемы городской застройки для раннего периода существования Самосдельского городища не выявлены.

Однако обратимся к сочинению Абу Хамида ал-Гарнати, арабского странствующего факиха (правоведа) родом из Гранады, который 20 лет своей жизни провел в городе Саксине и оставил нам наиболее подробное описание города. Описывая огузов – основное население города Саксина и его окрестностей, ал-Гарнати пишет, что «у них большие дворы, а в каждом дворе – покрытый войлоками шатер, огромный, как большой купол, один вмещающий сто и больше человек» [ал-Гарнати, 2010, с. 31]. Мы считаем, что эти сведения относятся не ко всем огузам, а лишь к эмирам, которые держали в городе свои стационарные дома, во дворах которых стояли кочевнические шатры. Встроенный в городскую планировку круг-

лоплановый дом прекрасно иллюстрирует эти слова ал-Гарнати.

Обратим внимание еще на одну особенность описанного жилища в сравнении со всеми остальными. Эта постройка имеет самую сложную конструкцию, она выполнена с использованием обожженного кирпича квадратной формы для обкладки края суфы и стен в цокольной части. Кирпичи использовались также в качестве опор для жердей и столбов. Все эти кирпичи вторичного использования – они изготавливались явно не для того, чтобы быть использованными в ходе возведения юртообразной постройки. Одной из особенностей Самосдельского городища является именно наличие кирпича вторичного использования в составе конструкции в слоях XI–XIV вв. и практически полное его отсутствие в нижележащих слоях. Здесь он встречается только в виде отдельных обломков и крошки. По нашему предположению, весь кирпич, который массово представлен в средних и поздних слоях, был извлечен из стен цитадели, которая была выстроена в хазарский период (предположительно в начале X в.) [Васильев, Зиливинская, 2011, с. 162].

Наличие кирпичей свидетельствует о времени возникновения данного жилища в период после разборки стен цитадели городища на строительный материал. Это могло произойти в середине – второй половине XI века. В то же самое время в других жилищах не обнаружено не только кирпичных конструкций, но даже обломков кирпичей в заполнении. Это свидетельствует о том, что в период возведения этих жилищ стены крепости еще не подвергались разрушению и разборке на кирпич.

Традиция установки юрт или шатров во дворах усадеб оседающей в городах кочевой знати археологам хорошо известна по материалам археологии Золотой Орды. Так, например, на Царевском городище были прослежены остатки юрт, установленных во дворе знатной усадьбы [Егоров, 1970, с. 181, рис. 11; Федоров-Давыдов, 1994, с. 59; Степи Евразии ... , 1981, с. 279, рис. 100]. Были обнаружены юрты и на Селитренном городище, к северу от общественной бани [Зиливинская, 1994, с. 118, рис. XLVII; Зиливинская, 2012, с. 165; Рудаков, 2007, с. 12]. Возможно, что

не обычные жилые, а огромные по размерам и вместительные шатры или юрты были необходимы эмирам огузов не столько для проживания, сколько для совершения каких-либо общественных церемоний, связанных с управлением своим «племенем», кочевавшим в ок-

рестностях города. Вполне вероятно, что в ходе дальнейших исследований на Самосдельском городище будут найдены юртообразные жилища или постройки еще больших размеров, которые будут соответствовать масштабам «шатров» в описании ал-Гарнати.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

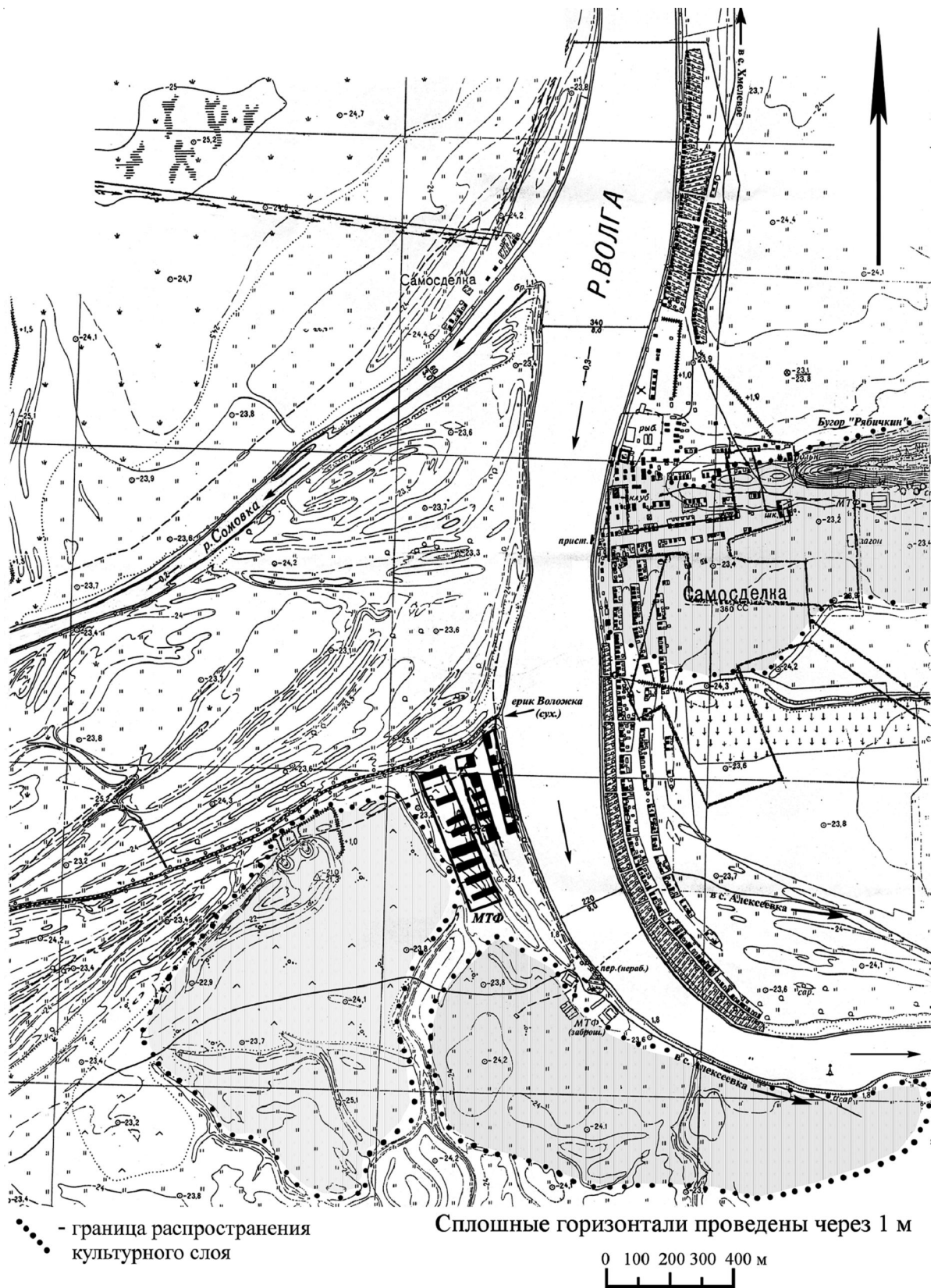

Рис. 1. Самосдельское городище и его окрестности. План

Fig. 1. Samosdelka hillfort and environs

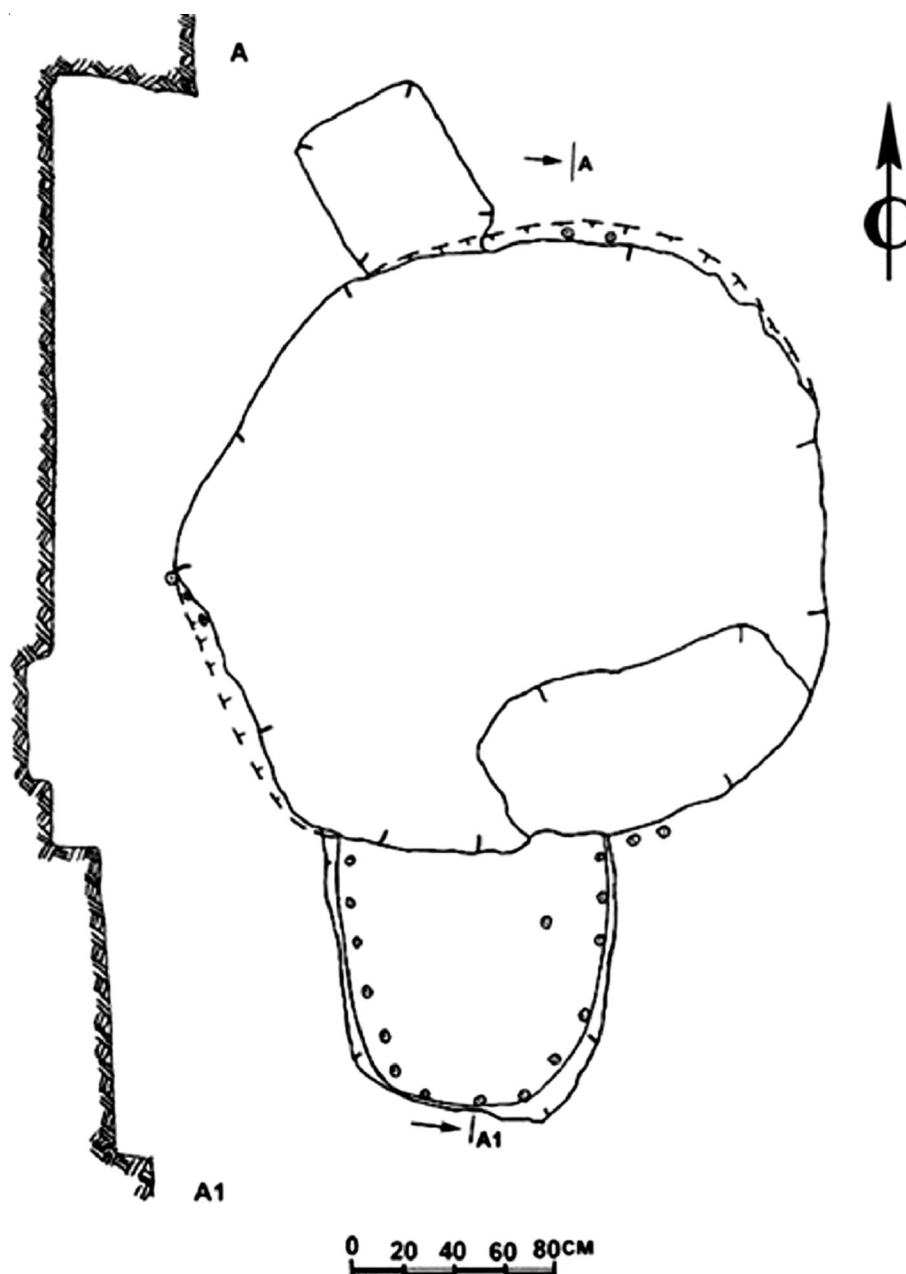

Рис. 2. Юртообразная постройка № 1 (Раскоп № 1, 2005). Раскопки Э.Д. Зиливинской
Fig. 2. Yurta-shaped dwelling No. 1 (Excavation no. 1, 2005). Excavations by E.D. Zilivinskaya

Рис. 3. Юртообразное жилище № 2 (Раскоп № 1, 2006). Раскопки Э.Д. Зиливинской
Fig. 3. Yurta-shaped dwelling No. 2 (Excavation no. 1, 2006). Excavations by E.D. Zilivinskaya

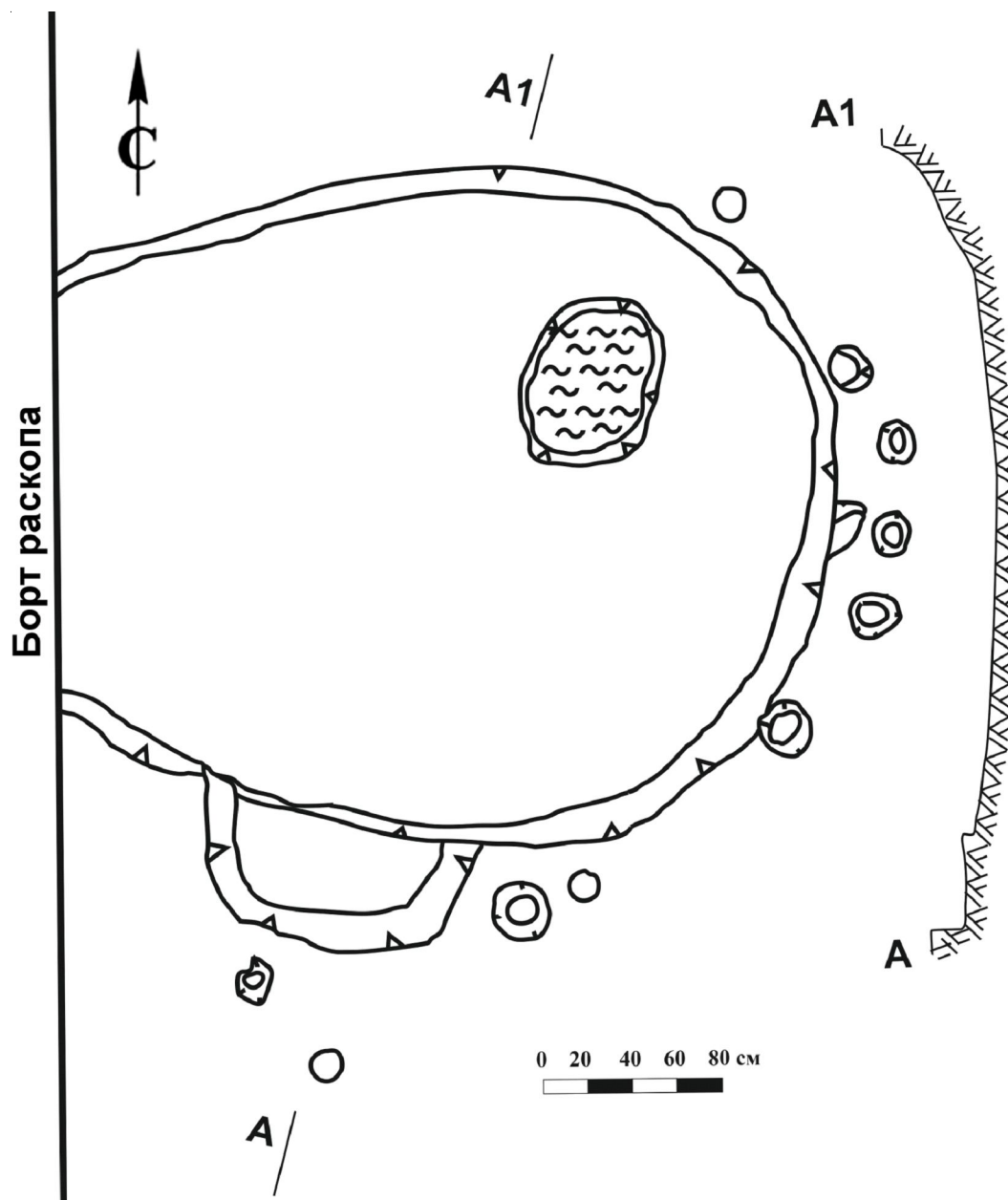

Рис. 4. Юртообразное жилище № 3 (Раскоп № 1 на Левобережном Самосдельском селище, 2018).
Раскопки Д.В. Васильева

Fig. 4. Yurta-shaped dwelling No. 3 (Excavation no. 1 on the left Bank of Samosdelsky village, 2018).
Excavations of D.V. Vasilyev

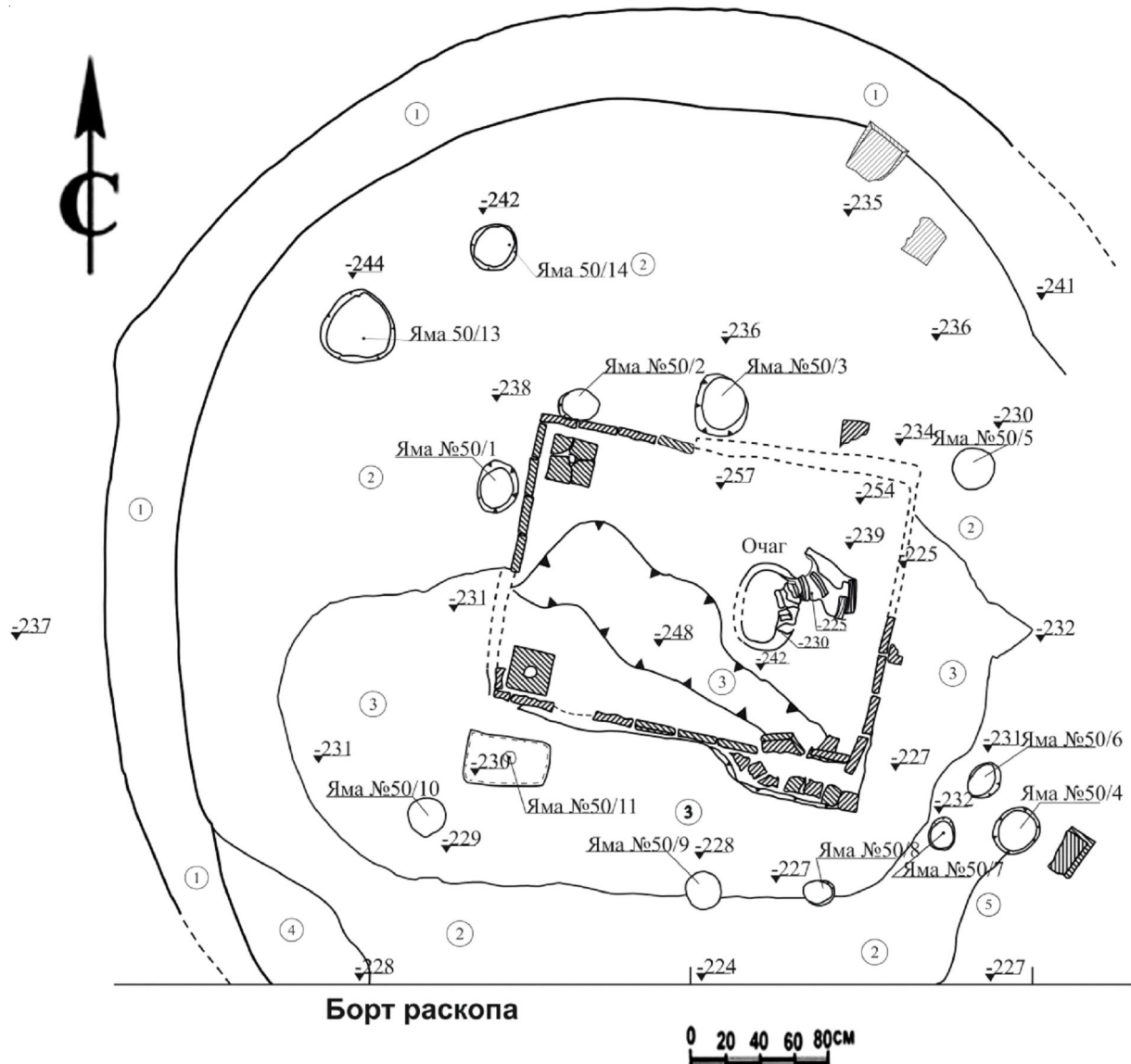

Рис. 5. Юртообразное сооружение № 50 (Раскоп № 2, 2017).

Ситуация на момент обнаружения. Раскопки Е.М. Болдыревой:

- Обозначения слоев: 1 – рыхлая серо-желтая пахта с примесью углей; 2 – рыхлая серая супесь с золой, углями, обломками кирпича, костями животных и керамикой; 3 – горелый рыхлый пестрый турлук; 4 – твердый коричневый суглинок с примесью углей, обожженной глины, с костями животных и керамикой; 5 – твердая желто-коричневая пахта с углями и кирпичной крошкой

Fig. 5. Yurta-shaped dwelling No. 50 (Excavation No. 2, 2017). The situation at the moment of detection.

Excavations by E.M. Boldyreva:

- Layer designations: 1 – loose gray-yellow clay with an admixture of coals; 2 – loose gray sandy loam with ash, coals, brick fragments, animal bones and ceramics; 3 – burnt loose mottled clay plaster; 4 – solid brown loam with a mixture of coal, burnt clay, animal bones and ceramics; 5 – hard yellow-brown clay-mass with coals and brick crumbs

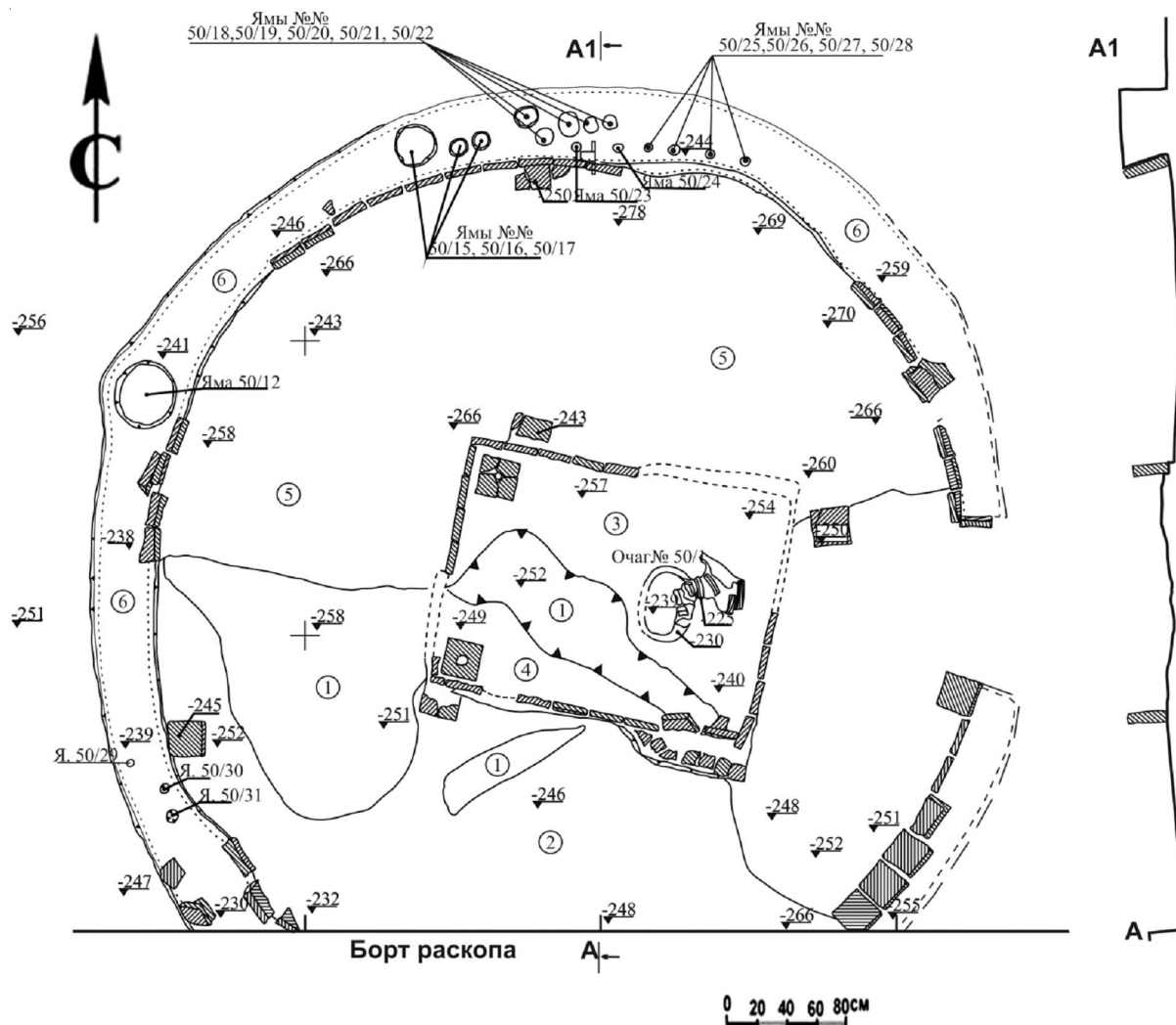

Рис. 6. Юртообразное сооружение № 50 (Раскоп № 2, 2017). Ситуация после полной расчистки сооружения.
Раскопки Е.М. Болдыревой:

- Обозначения слоев: 1 – горелый рыхлый красно-желтый турлук с примесью обожженной глины;
 2 – твердый коричневый суглинок с примесью углей, обожженной глины, костями животных и керамикой;
 3 – твердый серо-коричневый суглинок с золой; 4 – пахса средней плотности желтого цвета;
 5 – твердый слоистый серо-коричневый суглинок с золой, углями, обожженной глиной и керамикой;
 6 – рыхлая серо-желтая пахса с примесью углей

Fig. 6. Yurta-shaped building No. 50 (Excavation No. 2, 2017). The situation after the complete clearing of the structure.
Excavations by E.M. Boldyreva:

- Layer designations: 1 – burnt loose red-yellow clay plaster with an admixture of burnt clay;
 2 – solid brown loam with an admixture of coals, burnt clay, animal bones and ceramics;
 3 – solid gray-brown loam with ash; 4 – medium-density yellow clay-mass;
 5 – solid layered gray-brown loam with ash, coals, burnt clay and ceramics;
 6 – loose gray-yellow clay-mass with an admixture of coals

Рис. 7. Сооружение № 50. Фото с северо-востока
Fig. 7. Structure No. 50. Photo from the North-East

Рис. 8. Сооружение № 50. Фото с севера
Fig. 8. Structure No. 50. Photo from the North

Рис. 9. Казахское юртообразное жилище *шошала* (по О.Б. Наумовой)
Fig. 9. Kazakh Yurta-shaped dwelling *shoshala* (after O.B. Naumova)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ал-Гарнати, Абу Хамид, 2010. Сочинения. М. : Директ-Медиа. 184 с.
- Бикинеев Э. Р., 2004. Астргалы как принадлежности для игр и обрядов // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки : материалы Всерос. науч. конф. Астрахань : ИД «Астраханский университет». С. 49–53.
- Болдырева Е. М., 2017. Отчет об археологических исследованиях Поволжского отряда Средневековой археологической экспедиции Исторического музея в Камызякском районе Астраханской области в 2017 году. Городище Самосделка. Раскоп № 2. Участок № 3 // Архив ИА РАН : в 2 т. Т. 1 – 182 с. ; Т. 2 – 192 с.
- Васильев Д. В., 2015. Город и область Саксин в свете новых данных археологии // Поволжская археология. № 2 (12). С. 189–267.
- Васильев Д. В., 2018. Об археологических исследованиях в окрестностях села Самосделка в 2018 году // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки : материалы XIV Всерос. науч. конф. (г. Астрахань, 17 мая 2018 г.). Астрахань : ИД «Астраханский университет». С. 27–29.
- Васильев Д. В., Ермилов С. В., 2011. Юртообразные жилища Самосдельского городища // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации : сб. науч. ст. Астрахань : Издатель Сорокин Роман Васильевич. С. 48–59.
- Васильев Д. В., Зиливинская Э. Д., 2011. К вопросу об интерпретации Самосдельского городища на разных этапах его существования // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации : сб. науч. ст. Астрахань : Издатель Сорокин Роман Васильевич. С. 158–166.
- Егоров В. Л., 1970. Жилища Нового Сарая // Поволжье в средние века. М. : Наука. С. 172–193.
- Зиливинская Э. Д., 1994. Жилые постройки Сарая по материалам раскопок 1984 года // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола : Изд-во МарГУ. С. 114–120.
- Зиливинская Э. Д., 2011. Раскоп № 1 // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации : сб. науч. ст. Астрахань : Издатель Сорокин Роман Васильевич. С. 13–35.
- Зиливинская Э. Д., 2012. Структура золотоордынских городов во времена хана Узбека // Ислам и власть в Золотой Орде. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани. С. 154–178.
- Зиливинская Э. Д., Васильев Д. В., 2008. О вероятной локализации города Итиля на Самосдельском городище в дельте Волги // Труды II (XVIII) Всероссийского Археологического съезда в Суздале 2008 г. Т. II. М. : ИА РАН. С. 224–226.
- Мартынова Е. В., 2020. «Брошенные» захоронения XI–XIII вв. на Самосдельском городище // LII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, 5–9 февраля 2020 г.) : материалы Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов, молодых ученых. Пермь : Издат. центр Перм. гос. нац. исслед. ун-та. С. 281–283.
- Наумова О. Б., 2000. Развитие жилища у казахов в процессе их перехода на землю (конец XIX – начало XX в.) // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. М. : Наука. С. 123–145.
- Рудаков В. Г., 2007. Селитренное городище: хронология и топография : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 25 с.
- Степи Евразии ... , 1981. Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М. : ИА АН СССР : Наука. 303 с.
- Федоров-Давыдов Г. А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М. : Изд-во МГУ. 232 с.
- Флеров В. С., 1996. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М. : ИА РАН. 100 с.

REFERENCES

- Al-Garnati, Abu Hamid, 2010. *Sochineniya* [Writings]. Moscow, Direkt-Media Publ. 184 p.
- Bikineyev E.R., 2004. Astragalus as accessories for games and rituals. *Perekrestki istorii. Aktual'nyye problemy istoricheskoy nauki: materialy Vseros. nauch. konf.* [The Crossroads of History. Actual Problems of Historical Science. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference]. Astrakhan, Astrakhan University, pp. 49-53.
- Boldyreva E.M., 2017. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh Povolzhskogo otryada Srednevekovoy arkheologicheskoy ekspeditsii Istoricheskogo muzeya v Kamyzyakskom rayone Astrakhanskoj oblasti v

- 2017 godu. Gorodishche Samosdelka. Raskop № 2. Uchastok № 3 [Report on the Archaeological Research of the Volga Region Detachment of the Medieval Archaeological Expedition of the Historical Museum in the Kamyzyaksky District of the Astrakhan Region in 2017. Samosdelka Hillfort. Excavation no. 2. The plot no. 3]. *Arkhiv IA RAN*, vol. 1. 182 p. ; vol. 2. 192 p.
- Vasilyev D.V., 2015. Gorod i oblast' Saksin v svete novykh dannykh arkheologii [New data on the city and the environs of Saksin]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 2 (12), pp. 189-267.
- Vasilyev D.V., 2018. Ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v okrestnostyakh sela Samosdelka v 2018 godu [On Archaeological Research in the Vicinity of the Village of Samosdelka in 2018]. *Perekrestki istorii. Aktual'nyye problemy istoricheskoy nauki: materialy XIV Vseros. nauch. konf. (g. Astrakhan', 17 maya 2018 g.)* [The Crossroads of History. Actual Problems of Historical Science. Proceeding of the XIV All-Russian Scientific Conference (Astrakhan, May 17, 2018)]. Astrakhan, Astrakhan University, pp. 27-29.
- Vasilyev D.V., Ermilov S.V., 2011. Yurtoobraznyye zhilishcha Samosdel'skogo gorodishcha [Yurta-shaped Dwellings of the Samosdelka Hillfort]. *Samosdel'skoye gorodishche: voprosy izucheniya i interpretatsii: sb. nauch. st.* [Samosdelka Hillfort: Questions of Study and Interpretation. Collection of Scientific Articles]. Astrakhan, Sorokin Roman Vasilyevich Publ., pp. 48-59.
- Vasilyev D.V., Zilivinskaya E.D., 2011. K voprosu ob interpretatsii Samosdel'skogo gorodishcha na raznykh etapakh ego sushchestvovaniya [The Question of Interpretation of Samosdelka Hillfort at Different Stages of its Existence]. *Samosdel'skoye gorodishche: voprosy izucheniya i interpretatsii: sb. nauch. st.* [Samosdelka Hillfort: Questions of Study and Interpretation. Collection of Scientific Articles]. Astrakhan, Sorokin Roman Vasil'evich Publ., pp. 158-166.
- Egorov V.L., 1970. Zhilishcha Novogo Saraya [Novyy Saray dwellings]. *Povolzh'e v sredniye veka* [The Volga Region at the Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., pp. 172-193.
- Zilivinskaya E.D., 1994. Zhilye postroyki Saraya po materialam raskopok 1984 goda [Residential Buildings of the Saray Based on the Materials of the Excavations of 1984]. *Istoriko-arkheologicheskoye izucheniye Povolzh'ya* [Historical and Archaeological Study of the Volga Region]. Yoshkar-Ola, MarSU, pp. 114-120.
- Zilivinskaya E.D., 2011. Raskop № 1 [Excavation no. 1]. *Samosdel'skoye gorodishche: voprosy izucheniya i interpretatsii: sb. nauch. st.* [Samosdelka Hillfort: Questions of Study and Interpretation. Collection of Scientific Articles]. Astrakhan, Sorokin Roman Vasil'evich Publ., pp. 13-35.
- Zilivinskaya E.D., 2012. Struktura zolotoordynskikh gorodov vo vremena khana Uzbeka [The Structure of the Golden Horde Cities at the Times of Uzbek Khan]. *Islam i vlast' v Zolotoy Orde* [Islam and Power in the Golden Horde]. Kazan, Institute of History named after Sh. Mardzhani, pp. 154-178.
- Zilivinskaya E.D., Vasilyev D.V., 2008. O veroyatnoy lokalizatsii goroda Itilya na Samosdel'skom gorodishche v del'te Volgi [On the Probable Localization of the City of Itil on the Samosdelka Hillfort in the Volga Delta]. *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo Arkheologicheskogo s'ezda v Suzdale 2008 g.* [Proceedings of the II (XVIII) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal 2008], vol. II. Moscow, IA RAS, pp. 224-226.
- Martynova E.V., 2020. «Broshennyye» zakhroneniya XI–XIII vv. na Samosdel'skom gorodishche [“Abandoned” Burials of the XI-XIII Centuries on Samosdelka Hillfort]. *LII Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya konferentsiya studentov i molodykh uchenykh (UPASK. 5–9 fevralya 2020 g.): materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. studentov, aspirantov, molodykh uchenykh* [LII Ural-Volga Region Archaeological Conference of Students and Young Scientists (UPASK, February 5-9, 2020): Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduates, and Young scientists]. Perm, PSU, pp. 281-283.
- Naumova O.B., 2000. Razvitiye zhilishcha u kazakhov v protsesse ikh perekhoda na zemlyu (konets XIX – nachalo XX v.) [Development of Kazakh's Housing in the Process of their Cedentarization (late XIX - early XX centuries)]. *Kochevoye zhilishche narodov Sredney Azii i Kazakhstana* [Nomadic Dwelling of the Peoples of Central Asia and Kazakhstan]. Moscow, Nauka Publ., pp. 123-145.
- Rudakov V.G., 2007. *Selitrennoye gorodishche: khronologiya i topografiya: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Selitrennoe Hillfort: Chronology and Topography. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow, 25 p.
- Stepi Evrazii, 1981. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya. Arkheologiya SSSR* [Steppes of Eurasia in the middle ages. Archaeology of the USSR]. Moscow, Institute of Archaeology RAS, Nauka Publ. 303 p.
- Fedorov-Davydov G.A., 1994. *Zolotoordynskiye goroda Povolzh'ya* [Golden Horde's Cities of Volga Region]. Moscow, MSU. 232 p.
- Flerov V.S., 1996. *Rannesrednevekovyye yurtoobraznyye zhilishcha Vostochnoy Evropy* [Early Medieval Yurta-Shaped Dwellings of Eastern Europe]. Moscow, IA RAS. 100 p.

Information About the Authors

Ekaterina M. Boldyreva, Candidate of Sciences (History), Researcher, Department of Archaeological Monuments, State Historical Museum, Red Square, 1, 125009 Moscow, Russian Federation, embold@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2190-4490>

Dmitriy V. Vasilyev, Candidate of Sciences (History), Head of School “Archaeology of Low Volga Region”, Astrakhan State University, Tatischev St., 20a, 414056 Astrakhan, Russian Federation, hvdv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2346-8856>

Emma D. Zilivinskaya, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher of the Department of Physical Anthropology, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninsky, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, eziliv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3485-0359>

Информация об авторах

Екатерина Михайловна Болдырева, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологических памятников, Государственный исторический музей, Красная Площадь, 1, 125009 г. Москва, Российская Федерация, embold@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2190-4490>

Дмитрий Викторович Васильев, кандидат исторических наук, руководитель Школы «Археология Нижнего Поволжья», Астраханский государственный университет, ул. Татищева, 20а, 414056 г. Астрахань, Российская Федерация, hvdv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2346-8856>

Эмма Давидовна Зиливинская, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, eziliv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3485-0359>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.13>

UDC 930.26
LBC 63.4(2)

Submitted: 19.03.2020
Accepted: 29.04.2020

**MIDDLE PALEOLITHIC SITE SUKHAYA MECHĚTKA:
THE RENEWAL OF COMPLEX INVESTIGATIONS¹**

Aleksander K. Otcherednoy

Institute for the History of Material Culture RAS, Saint Petersburg, Russian Federation

Stanislav O. Remizov

Historical, Ethnographic and Architectural Museum-Preserve «Old Sarepta», Volgograd, Russian Federation

Ksenia N. Stepanova

Institute for the History of Material Culture RAS, Saint Petersburg, Russian Federation

Maxim V. Eltsov

Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science RAS, Pushchino, Russian Federation

Ekaterina V. Voskresenskaya

Institute of Geography RAS, Moscow, Russian Federation

Leonid B. Vishnyatsky

Institute for the History of Material Culture RAS, Saint Petersburg, Russian Federation

Pavel E. Nehoroshev

Institute for the History of Material Culture RAS, Saint Petersburg, Russian Federation

Egor K. Blochin

Institute for the History of Material Culture RAS, Saint Petersburg, Russian Federation

Vadim V. Titov

Southern Scientific Center of the RAS, Rostov-on-Don, Russian Federation

Aleksander V. Kolesnik

Donetsk National University, Donetsk, Ukraine

Abstract. The Sukhaya MechĚtka site, located on the northern outskirts of Volgograd, has attracted the attention of Paleolithic researchers since its discovery in 1951 by geologists A.I. Koptev and M.N. Grishchenko. The materials of the site - a collection of stone products currently kept at the MAE RAS, and chronostratigraphic information - can be considered as perfect by standards of open Paleolithic complexes. To a large extent, the site acquired such a significance due to the presence of the only one perfectly preserved cultural layer, which lies in clear stratigraphic conditions. Being densely overlapped with thick deposits, the site was preserved so well that it remained unaffected

by the turbulent natural processes of the last glacial-interglacial macrocycle. Single-layer sites usually have a disadvantage comparing to multi-layer complexes in terms of the importance level of the tasks solved with their help. But the Sukhaya Mechëtka favorably differs from other sites by the measure of cultural layer being studied in the field and the potential for further studies. The stone assemblage and field documentation archives created by M.Z. Panichkina and S.N. Zamyatnin show a picture of the life of Middle Paleolithic hunters settlement taken at limited time interval. It is confirmed by preliminary results of planigraphic and technological analyzes performed with use of refitting. Sukhaya Mechëtka is a practically intact echo of an individual Neanderthal community's life, as far as it's possible for archaeological material of this age. However, the matter of the site's chronology, and the time period of Sukhaya Mechëtka layer formation being determined in particular, are not completely resolved. The representations of the middle of the last century based on geological observations (Mikulino) need to be verified. The C¹⁴ dating method showed obviously an inadequately young age. OSL dating results are expected to be gained in the future.

Key words: Middle Paleolithic, Late Pleistocene, Sukhaya Mechëtka, neanderthal, Micoquian, buried soils, Khazarian transgression of the Caspian Sea, Khvalynian transgression of the Caspian Sea.

Citation. Otcherednoy A.K., Remizov S.O., Stepanova K.N., Eltsov M.V., Voskresenskaya E.V., Vishnyatsky L.B., Nehoroshev P.E., Blochin E.K., Titov V.V., Kolesnik A.V., 2020. Middle Paleolithic Site Sukhaya Mechëtka: the Renewal of Complex Investigations. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, vol. 19, no. 1, pp. 230-253. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.13>

УДК 930.26
ББК 63.4(2)

Дата поступления статьи: 19.03.2020
Дата принятия статьи: 29.04.2020

СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК СУХАЯ МЕЧЁТКА: ВОЗОБНОВЛЕНИЕ КОМПЛЕКСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

Александр Константинович Очередной

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Станислав Олегович Ремизов

Историко-этнографический и архитектурный музей-заповедник «Старая Сарепта»,
г. Волгоград, Российская Федерация

Ксения Николаевна Степанова

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Максим Витальевич Ельцов

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН,
г. Пущино, Российская Федерация

Екатерина Владимировна Воскресенская

Институт географии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Леонид Борисович Вишняцкий

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Павел Евгеньевич Нехорошев

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Егор Константинович Блохин

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Вадим Владимирович Титов

Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Александр Викторович Колесник

Донецкий национальный университет, г. Донецк, Украина

Аннотация. Стоянка Сухая Мечётка, расположенная на северной окраине Волгограда, привлекает внимание исследователей палеолита со времени своего открытия в 1951 г. геологами А.И. Коптевым и М.Н. Грищенко. Материалы памятника – коллекция каменных изделий, хранящаяся в МАЭ РАН, и хроностратиграфическая информация – могут считаться эталонными для среднепалеолитических комплексов открытого типа. В немалой степени такое значение памятник приобрел вследствие наличия только одного прекрасно сохранившегося культурного слоя, залегающего в ясных стратиграфических условиях. За счет плотных перекрывающих отложений большой мощности памятник оказался законсервирован настолько хорошо, что остался не затронут бурными природными процессами последнего ледниково-межледникового макроцикла. Однослойные памятники обычно проигрывают многослойным комплексам по степени фундаментальности решаемых на них задач. Но Сухая Мечётка выгодно отличается от других стоянок степенью изученности культурного слоя в полевых условиях и тем потенциалом для дальнейшего изучения, который еще может быть реализован. Коллекции инвентаря и архивы полевой документации, созданные М.З. Паничкиной и С.Н. Замятниным, демонстрируют картину жизни поселения охотников среднего палеолита в течение ограниченного временного интервала, что подтверждается предварительными результатами планиграфического и технологического анализов с применением ремонтажа: Сухая Мечётка – это практически неизменный слепок жизни отдельного неандертальского сообщества, насколько это возможно для археологического материала такого возраста. Однако именно вопросы хронологии и времени формирования слоя Сухой Мечётки являются не вполне решенными. Представления середины прошлого века, основанные на геологических наблюдениях (Микулино), нуждаются в проверке, C^{14} метод датирования показал, очевидно, омоложенный возраст, в перспективе – получение ОСЛ дат.

Ключевые слова: средний палеолит, поздний плейстоцен, Сухая Мечётка, неандертальский человек, микок, погребенные почвы, хазарская трансгрессия Каспия, хвалынская трансгрессия Каспия.

Цитирование. Очередной А. К., Ремизов С. О., Степанова К. Н., Ельцов М. В., Воскресенская Е. В., Вишняцкий Л. Б., Нехорошев П. Е., Блохин Е. К., Титов В. В., Колесник А. В., 2020. Среднепалеолитический памятник Сухая Мечётка: возобновление комплексных исследований // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 1. С. 230–253. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.13>

Стоянка Сухая Мечётка является одним из важнейших памятников среднего палеолита Восточной Европы (рис. 1, I), в этом регионе с ним по значимости может быть сопоставлена, пожалуй, только Ильская стоянка. Не каждый из памятников Центральной и Восточной Европы сможет сравниться с этими стоянками по степени выразительности индустрий, культурных слоев и влиянию, оказанному на развитие палеолитоведения. Однако на этом сходство их судеб заканчивается. Если к раскопкам Ильской неоднократно возвращались разные поколения исследователей, то раскопки Сухой Мечётки были молниеносно организованы, проведены с привлечением крупных строительных организаций и не возобновлялись до сих пор. Если коллекции многослойной Ильской до сих пор не изучены целиком, и, кроме того, частично дестратифицированы, то коллекции единственного культурного слоя Сухой Мечётки были изданы уже через семь лет после завершения работ [Замятнин, 1961]. В общем история изучения па-

мятника складывалась удачно, что подробно представлено в монографии Н.Д. Праслова и Л.В. Кузнецовой, посвятивших изучению стоянки много лет [Праслов, Кузнецова, 2020]. Двухлетняя кампания раскопок в начале 50-х гг. прошлого века привлекла широкое внимание отечественных и зарубежных археологов, а отдельные части коллекций были несколько раз опубликованы в различных крупных обобщающих работах [Bosinski, 1967; Праслов, 1984; Кузнецова, 2000; 2006]. Сухая Мечётка была открыта во время геологических изысканий при строительстве Волжской ГЭС и изучена на широкой площади более чем в 650 м² за два года благодаря активной помощи руководства стройки, этим стоянка не отличается от десятков других палеолитических памятников, обнаруженных при спасательных работах в Сибири и Европейской части страны в 50–70-е гг. прошлого века. Однако расположение Сухой Мечётки на окраине крупного и активно развивающегося областного центра повлияло на включенность этой территории в

городскую застройку и хозяйственное освоение, и, как следствие, на степень доступности памятника для дальнейших работ.

Памятник расположен на правом берегу глубокой древней одноименной балки, прорезающей правый берег долины Волги на северной окраине Волгограда (микрорайон Спартановка – северная часть Тракторозаводского района города) (рис. 1,2, 2). Топография правого берега Волги здесь сильно усложнена – возвышенное правобережье изрезано глубокими субпараллельными балками, впадающими в Волгу в широтном простирании, заложение их относится к послехвалынскому времени и происходило оно, вероятно, по более древним, дохвалынским, балкам [Праслов, Кузнецова, 2020, с. 17]. В большинстве этих балок уже после открытия стоянки в Сухой Мечётке были зафиксированы палеолитические местонахождения, сырьем для которых в каждом случае служат местные выходы кремня и кварцита. Это позволяет считать северную оконечность города, а также все правобережье реки в Дубовском и Камышинском районах крайне перспективным регионом на Нижней Волге для поисков стратифицированных памятников различных эпох палеолита [Ремизов, 2019, с. 188, 189].

Балка Сухая Мечётка разрезает хвалынскую террасу на северной окраине Волгограда, которая тянется вдоль приводораздельных участков Приволжской возвышенности, сложенных в верхней части ергенинскими отложениями, почти до Мамаева Кургана (рис. 1,2). Долина балки хорошо выработана в рельефе (рис. 2,1, 5,1,2), ее ширина составляет в разных местах от 100 до 250 м. Строение балки по обоим бортам примерно одинаковое: снизу вверх последовательно выделяются толщи хазарских песков, ательских суглинков, включающих серию гидроморфных погребенных почв, и отложения хвалынской трансгрессии Каспия [Праслов, Кузнецова, 2020, с. 25]. Русло, выработанное в позднехвалынское время, разрезало и морские хвалынские отложения, и подстилающие их ательские отложения, в том числе и палеолитическую стоянку. Памятник приурочен к небольшому мысу, хорошо выраженному еще в 70-е гг. прошлого века и выступавшему в долину Сухой Мечётки менее чем в ста метрах к

востоку от железнодорожного моста на бетонных опорах (рис. 2, 3), который был возведен в непосредственной близости от памятника в начале 1950-х годов (рис. 4). К железнодорожному полотну подходит ул. Академика Богомольца, в конце которой располагается Пассажи́рское автотранспортное предприятие (ПАТП). Во время строительства ПАТП уровень дневной поверхности бровки правого борта балки в районе локализации памятника был дополнительно поднят насыпью. Вся правая часть памятника в 1980-е гг. была застроена многоярусным гаражным кооперативом (рис. 3, 4, 5,1,2). И лишь в 2010 г. между тыльным забором ПАТП и бровкой был поставлен памятный знак, информирующий о расположении в пределах данной территории памятника археологии федерального значения и предупреждающий об ответственности за несанкционированную хозяйственную деятельность. Однако ко времени установки знака площади, непосредственно примыкающие к изученной территории памятника Сухая Мечётка, уже подверглись значительному воздействию, и в той или иной степени оказались вовлечены в активную хозяйственную деятельность, сопровождавшую развитие города.

Основные этапы исследования памятника

Местонахождение каменных орудий, приуроченных к культурному слою в овраге, прорезающем правый борт балки Сухая Мечётка, было открыто геологами А.И. Коптевым и М.Н. Грищенко в августе 1951 года. Подъемный материал сразу же был отвезен в Костёнки, где был продемонстрирован С.Н. Замятнину и А.Н. Рогачеву, и в ноябре того же года С.Н. Замятнин вместе с аспирантом ИИМК А.А. Формозовым для проверки материалов А.И. Коптева и М.Н. Грищенко прибыли в Сталинград. Раскопки памятника были начаты в следующем 1952 г. и продолжены с перерывом на год в 1954 году. В первый же год были заложены два раскопа по обеим сторонам оврага, разделяющего памятник на две части. После окончания первого полевого сезона толща перекрывающих отложений была разрыхлена при помощи двух направленных взрывов. В 1954 г. изучение

культурного слоя было продолжено уже на более широкой площади – в итоге было вскрыто около 650 м² по обеим сторонам оврага. Материалы этих исследований, которые до сих пор остаются единственными масштабными работами на памятнике, были опубликованы в 1961 г. в 82-м выпуске КСИА [Замятнин, 1961, с. 5–37; Чигурьева, Хвалина, 1961, с. 37–42; Громов, 1961, с. 42–48]. Строительство опор железнодорожного моста велось параллельно с раскопками.

Через пятнадцать лет после завершения работ С.Н. Замятниным, в 1969 г., Н.Д. Праслов для уточнения датировки памятника предпринял попытку вскрытия одной из стенок первых раскопов. Организовать работы на памятнике сразу не удалось, и повторная попытка была предпринята Н.Д. Прасловым в 1979 г., когда был специально организован Волгоградский палеолитический отряд, основной целью работ которого было комплексное изучение разрезов Сухой Мечётки. Участниками этих работ были заложены 6 разрезов по периметру предполагаемых площадей, вскрытых раскопами С.Н. Замятнина. Все разрезы были описаны, были отобраны образцы на различные виды анализов, в частности, образцы для установления характеристик погребенных почв, полная колонка образцов для палинологического анализа [Праслов, Кузнецова, 2020, с. 25, 26]. Результаты этих работ оставались неопубликованными в течение почти сорока лет.

В 1974 г. памятник Сухая Мечётка был поставлен на охрану постановлением Совета Министров РСФСР № 624 от 04.12.1974 года. Тем не менее, несмотря на документальное подтверждение наличия охранной зоны на площади стоянки, выявленной работами С.Н. Замятнина и Н.Д. Праслова, в начале 1980-х гг. на правом борту балки было начато строительство многоуровневого гаражного кооператива, занявшего, в частности, всю правую часть памятника (рис. 3, 4, 5, 1, 2). При строительстве гаражей рельеф правой части небольшого мыса, на котором был локализован памятник, претерпел значительные изменения. Кроме того, при выравнивании площадки под строительство ПАТП, расположенного по ул. Академика Богомольца, оказался полностью засыпанным овраг, разделявший памятник на

правую и левую части (рис. 3). Выравнивание площадок для строительства ПАТП и гаражного кооператива привело к тому, что те участки памятника, которые, по мнению его первых исследователей, были перспективны для дальнейшего изучения культурного слоя стоянки, оказались перекрыты толщей привезенного грунта мощностью от двух до десяти и более метров. Таким образом, на протяжении сорока лет, фактически с момента открытия, рельеф местности на памятнике был подвергнут неоднократным масштабным изменениям. В 2010 г. при составлении нового паспорта на объект культурного наследия федерального значения «стоянка Сухая Мечётка (Волгоградская)» охранная зона вокруг предполагаемых внешних границ раскопов С.Н. Замятнина была расширена до 150 метров (рис. 4).

Основная причина возобновления работ на Сухой Мечётке состоит в том, что на протяжении шестидесяти лет памятник фактически был исключен из активного исследовательского процесса: данные, собранные экспедицией С.Н. Замятнина, нуждаются в уточнении на фоне активно развивающегося в последние десятилетия изучения хроностратиграфии разрезов с лесово-почвенными и морскими отложениями Каспийского бассейна в регионе Нижней Волги и Ахтубы (например: [Свиточ, 2008; 2015; Салтыков, 2011; Янина, 2012; Лаврушин и др., 2014; Янина и др., 2014; 2017; Бадюкова, 2015; Безродных и др., 2015]). Результаты работ экспедиции под руководством Н.Д. Праслова были опубликованы только в начале 2020 г., в рамках начала нового этапа исследования этой уникальной стоянки. Между тем памятник до сих пор является единственной в России среднепалеолитической стоянкой открытого типа, одновременно вскрытой на значительной площади. По данным С.Н. Замятнина, культурный слой памятника залегает *in situ*, на памятнике были выявлены следы хозяйственной активности в виде структуры, состоящей из пяти кострищ и нескольких зон различной деятельности. Кроме того, один из видов двусторонне обработанных орудий, обнаруженных в культурном слое памятника, после работ Г. Бозинского стал эпонимным для названия одного из наиболее ярких типов в категории асимметричных обушковых ножей (кайльмессеров) – *Wolgogradmesser* или нож волгоградского типа [Bosinski, 1967, S. 59,

60], отличающихся удлинённостью, сегментовидной формой и отсутствием протяжённого естественного обушка.

Таким образом, материалы памятника вызвали широкий резонанс в литературе по среднему палеолиту Европы. Итак, памятник выделяется по меньшей мере хорошей сохранностью культурного слоя, его распространением на значительной площади, многочисленным и выразительным каменным инвентарем, особенностями распределения различных зон активности, прослеженными на этапе раскопок.

Одной из причин возвращения к работе с материалами Сухой Мечётки является возобновление комплексного исследования среднепалеолитических памятников Русской равнины группой, состоящей из специалистов Отдела палеолита ИИМК РАН и Лаборатории эволюционной географии ИГ РАН. Для полноценного сравнительного анализа данных, полученных в течение последних лет на отдельных стратифицированных памятниках Восточной Европы, необходимо использование материалов синхронных памятников с близкими характеристиками условий залегания и степени сохранности, а также изученных при помощи единого набора методов. Начало этим работам было положено исследованиями группы стратифицированных памятников среднего палеолита на Верхней Десне (Хотылёво I и Бетовская группа памятников), и, кроме Сухой Мечётки, к работе привлечены многослойные памятники Бирючья Балка-2 и Рожок I, расположенные соответственно в нижнем течении Северского Донца и в береговом обрыве северного побережья Азовского моря (рис. 1, I). Возобновление исследований Сухой Мечётки (в рамках Нижневолжской экспедиции ИИМК РАН), таким образом, является одной из стадий реализации единого проекта по обновлению аналитических данных по стратифицированным среднепалеолитическим памятникам Русской равнины.

Современный этап исследования

Полевые работы на памятнике были возобновлены в 2014 г. – в первую очередь был снят топографический план участка балки, непосредственно примыкающего к памятнику, который учитывает все изменения релье-

фа местности, произошедшие за последние сорок лет (рис. 2, 3). Кроме того, на основании ортофотоснимка была создана трехмерная модель участка балки, на котором расположен памятник. На модель в дальнейшем может быть спроецирована вся имеющаяся информация о стратиграфии осадочных отложений в районе памятника, а также информация о строении участков, вскрытых при дальнейшем исследовании стоянки.

Для получения наиболее полной стратиграфической информации о четвертичных отложениях, подстилающих и перекрывающих культурный слой памятника, рядом с западной стенкой Раскопа I (Западного раскопа) С.Н. Замятина [Замятин, 1961, с. 9, рис. 2; Праслов, Кузнецова, 2020, с. 92, рис. 8], был заложен разрез, постепенно доведенный до современной бровки мыса (рис. 5, 2, 6, 1, 2, 7). Из-за значительной мощности отложений было принято решение сформировать полный разрез из отдельных ярусов – крупных врезок в правый борт балки в западной части мыса, к которому приурочен памятник. Всего было сформировано пять ярусов, пронумерованных римскими цифрами от I – заложенный от дневной поверхности – до V – наиболее глубокого, вскрывающего культурный слой и подстилающие его отложения. Вся хроностратиграфическая информация о памятнике базируется на изучении этого разреза (он обозначен как Разрез СМ 14-18) (рис. 6, I). Общая мощность отложений, вскрытых разрезом, составляет 26 м при общей мощности отложений мыса в 36 метров. Разрез не доведен до основания борта балки из-за массива отвалов 1952 и 1954 гг., для удаления которых необходимо использовать технику.

Окончательная интерпретация разреза – соотнесение различных выделенных толщ с хвалынскими, ательскими и хазарскими отложениями – будет проведена позднее. Однако предварительные данные свидетельствуют в пользу того, что хвалынские отложения, содержащие в значительном количестве *Dreissena polymorpha*, представлены в данном разрезе только в его кровле (рис. 7) (по всей видимости, литологические слои 5–9), ниже следует мощная пачка ательских суглинков (предположительно, литологические слои 13–29), которая подстилается толщей хазарских отложений

(вскрыта только их кровля, в которой выделены литологические слои 30–32). В нижней части ательской толщи выделяется серия погребенных почв и, вероятно, уровней эфемерного почвообразования (литологические слои 21, 23, 24, 25, 27). К наиболее выразительной почве (литологический слой 25) привязан культурный слой памятника.

Во время работ по углублению разреза ни в одном из литологических слоев артефакты обнаружены не были, однако в слоях 21, 23 и 32 были встречены фаунистические находки: мелкие фрагменты трубчатых костей (литологический слой 21), фрагмент трубчатой кости с эпифизом и несколько зубов, вероятно, принадлежащих северному оленю (литологический слой 23). При работах в нижней части Разреза СМ 14–18 была, в частности, обновлена и зачищена кровля песчаной толщи, ассоциируемой с хазарскими песками (литологические слои 30–32 по описанию 2018 г.). При углублении дна яруса V в литологическом слое 32 была обнаружена тазовая кость *Bison priscus* (определение В.В. Титова), залегающая в оглеенном сизом прослое ожелезненных песков (рис. 10, 1, 2). Находка залегает на 1,7 м ниже погребенной почвы, ассоциируемой с культурным слоем. Положение находки в пределах вскрытой площади – субгоризонтальное. В пятнадцати сантиметрах к В от тазовой кости был зафиксирован мелкий древесный уголек. Другие находки на вскрытой площади обнаружены не были. Учитывая неоднократные факты обнаружения фаунистических остатков (единичных костей) в отложениях, перекрывающих уровень культурного слоя Сухой Мечётки, данная находка также может быть расценена как единичная находка фауны.

Единственное изделие из кремня было обнаружено при зачистке восточной стенки разреза на уровне литологического слоя 25 (культурного слоя памятника), прорезавшего нижнюю часть склоновых рыхлых отложений, отождествляемых с отвалом Западного раскопа 1954 г. С.Н. Замятнина. Это небольшой фрагмент пластинчатого кремневого скола без проксимальной части с мелкой однорядной чешуйчатой ретушью по правому краю дорсальной поверхности (рис. 9). Цвет кремня (коричневато-бежевый с бурыми и коричневы-

ми прослоями) полностью соответствует характеристикам местного карбонового кремня из ергенинских песков, которые считаются источником кремневого сырья, использовавшегося обитателями стоянки Сухая Мечётка.

Морфологические характеристики дорсальной поверхности изделия свидетельствуют в пользу плоскостного принципа расщепления. Взаимное расположение негативов может также указывать на то, что этот пластинчатый отщеп являлся сколом второго скалывания («*enlèvement deux*», что предполагает леваллуазское расщепление). Даже беглый обзор его характеристик демонстрирует принадлежность обнаруженного орудия к среднему палеолиту. Поэтому, скорее всего, изделие было пропущено при разборке культурного слоя в начале 50-х годов.

С единственным культурным слоем Сухой Мечётки ассоциируется литологический слой 25 – это плотный темно-серый (местами черный) гумусированный суглинок с многочисленными включениями мелких и средних угольков (в том числе сохранивших структуру древесины) и золистыми линзами (имеющими форму пятен), а также вторичными карбонатными новообразованиями. Слой сильно нарушен червеходами, по которым в него затащен материал из вмещающих слоев, и также материал, слагающий слой, проникает в нижележащий. Мощность литологического слоя на вскрытом участке составляет до 20 см.

Поверхность этого суглинка была расчищена в прирезке площадью 6 м², расположенной к В от основного разреза (рис. 8). На поверхности слоя были обнаружены золистые скопления в виде окрашенных древесным углем линз. Наиболее крупные из угольков, около 1 см, были отобраны для вероятного получения AMS дат. На всей вскрытой площади золистость концентрировалась в пятна диаметром от 10–15 до 40 см. Изделий из камня и фаунистических остатков обнаружено не было, за исключением единственного мельчайшего фрагмента неопределимой кости. Принадлежность этих скоплений к культурному слою, изученному С.Н. Замятниным, несомненна. В пользу этого свидетельствуют следующие факты: 1) литологические характеристики слоя 25 – структура погребенной

почвы, ее цвет и мощность на данном участке, полностью отвечающая описанию С.Н. Замятина погребенной почвы с культурным слоем; 2) насыщенность литологического слоя мелкими угольками и золистостью; 3) обнаружение единственного неопределимого фрагмента кости именно на поверхности этой погребенной почвы, что соответствует описанию положения находок С.Н. Замятинным. Первые два пункта также полностью соответствуют описаниям культурного слоя Сухой Мечётки в западной части стоянки (Раскопе I), оставленным С.Н. Замятинным [Замятин, 1961, с. 8, 9] и Н.Д. Прасловым [Праслов, 1984, с. 107; Праслов, Кузнецова, 2020, с. 28, 29]. Косвенными свидетельствами могут считаться обнаружение участков склона, отождествляемых с отвалами западного раскопа С.Н. Замятина, а также обнаружение пластинчатого скола с ретушью в отвале 1954 года.

По образцам гумуса из погребенной почвы, вмещающей культурный слой, к настоящему времени получены две радиоуглеродные даты: $34\ 700 \pm 900$ (ГИН-15608) и $39\ 500 \pm 800$ (ГИН-15198a) [Очередной и др., 2018, с. 78; Otcherednoy et al., 2019, p. 314; Вишняцкий, Нехорошев, Очередной, 2019, с. 79, 80]. Полученные даты, видимо, не отражают реальный возраст памятника и являются значительно омоложенными. Рассматривать их как доказательство позднего возраста Сухой Мечётки не стоит. Работа по получению серий хронометрических данных продолжается – из разреза были отобраны также образцы для ОСЛ датирования, результаты которого ожидаются в ближайшее время.

Углисто-золистые скопления, обнаруженные на вскрытом участке литологического слоя 25, могут быть связаны как с антропогенным фактором, так и с насыщением палеопочвы древесным углем в результате естественных процессов. Однако такие скопления, обнаруженные на площади прирезки 2015 г., распределены по вскрытому участку неравномерно – они сконцентрированы в восточной части прирезки и фактически уходят далее на восток к площадям, вскрытым западным раскопом С.Н. Замятина в 1954 году. Этот факт свидетельствует в пользу принадлежности углисто-золистых скоплений к участкам культурного слоя Сухой Мечётки, который был

также неравномерно насыщен подобными скоплениями. По свидетельству С.Н. Замятина, такие скопления были связаны с пятнами обнаруженной им линии очагов, в таком случае можно предполагать, что скопления 2015 г. как-то связаны с объектами, изученными ранее.

Таким образом, в разрезе был обнаружен и разобран участок нижней погребенной почвы Сухой Мечётки. Факт принадлежности этого участка к культурному слою памятника ясен, а отсутствие находок каменных изделий и фаунистических остатков свидетельствует лишь в пользу того, что разрез и прирезка вскрыли западную периферийную часть стоянки. Согласно плану распространения находок, впервые опубликованным М.З. Паничкиной в КСИА № 82, плотность находок падает в западной части площади, вскрытой в 1954 году. В восточной части памятника культурный слой, по мнению С.Н. Замятина, также был выбран полностью. Единственным перспективным направлением для дальнейших исследований культурного слоя памятника является вскрытие новых площадей к югу от участков, вскрытых в 1954 году. Однако это связано с необходимостью привлечения техники для удаления 22-метровой толщи перекрывающих отложений. Проведение подготовительных мероприятий такого масштаба вполне возможно, но при планировании любых крупных работ на памятнике необходимо учитывать, что в непосредственной близости от стоянки находятся объекты городской инфраструктуры (участок двухколейной электрифицированной дороги, связывающей Российскую Федерацию с регионами Центральной Азии, действующий железнодорожный мост, ПАТП, гаражный кооператив), и провести предварительное согласование предполагаемых мероприятий с соответствующими ведомствами.

Перспективы исследований

Внимание к памятнику, как ключевому объекту для изучения не только культурных особенностей среднего палеолита Европы, но и важному, а в перспективе и опорному геоархеологическому комплексу для хроностратиграфических реконструкций различных

этапов трансгрессий Каспия и экологических изменений на протяжении последнего ледниково-межледникового макроцикла в юго-восточных регионах Восточно-Европейской равнины, должно быть поддержано его скоординированным междисциплинарным изучением различными группами исследователей. В августе 2018 г. Разрез СМ 14-18 был продемонстрирован участникам Международной конференции – полевого семинара Loessfest, которая периодически проходит в различных областях Европы и Азии и посвящена изучению лессово-почвенных серий различных регионов континента. Вместе с несколькими геологическими разрезами Ахтубы, Сухая Мечётка стала объектом для демонстрации участникам семинара [Kurbanov et al., 2018], что может послужить возвращению памятника в научный оборот на современном уровне.

Следующие стадии изучения Сухой Мечётки (рассчитанные на первую половину 2020-х гг.) будут связаны с получением новых аналитических данных. Параллельно проводится изучение коллекции Сухой Мечётки, находящейся на постоянном хранении в МАЭ РАН. Полевые работы на памятнике должны быть продолжены и будут связаны с расширением площади изучения различных литоло-

гических слоев в пределах остатков мыса, на котором расположена стоянка.

Благодарности

Коллектив авторов выражает признательность коллегам и жителям Волгограда, без помощи которых работы были бы невозможны – М.В. Кривошееву (ВолГУ, г. Волгоград), А.С. Лапшину (ВГСПУ, г. Волгоград), Д.Е. Жукову (ВолГУ, г. Волгоград), М.А. Стрельникову (ВолГУ, г. Волгоград), Г.О. Кидиной (г. Волгоград). Мы также благодарны коллегам, оказавшим помощь в работах по подготовке и интерпретации разреза на Сухой Мечётке, И.А. Идрисову (Институт геологии Дагестанского научного центра РАН, г. Махачкала), В.А. Бурлаку (ИА АН Молдавии, г. Кишинев) и А.М. Киселевой (ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург).

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0001.

The research was carried out within the Fundamental Research of State Academies of Science on the theme of state assignment no. 0184-2019-0001.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

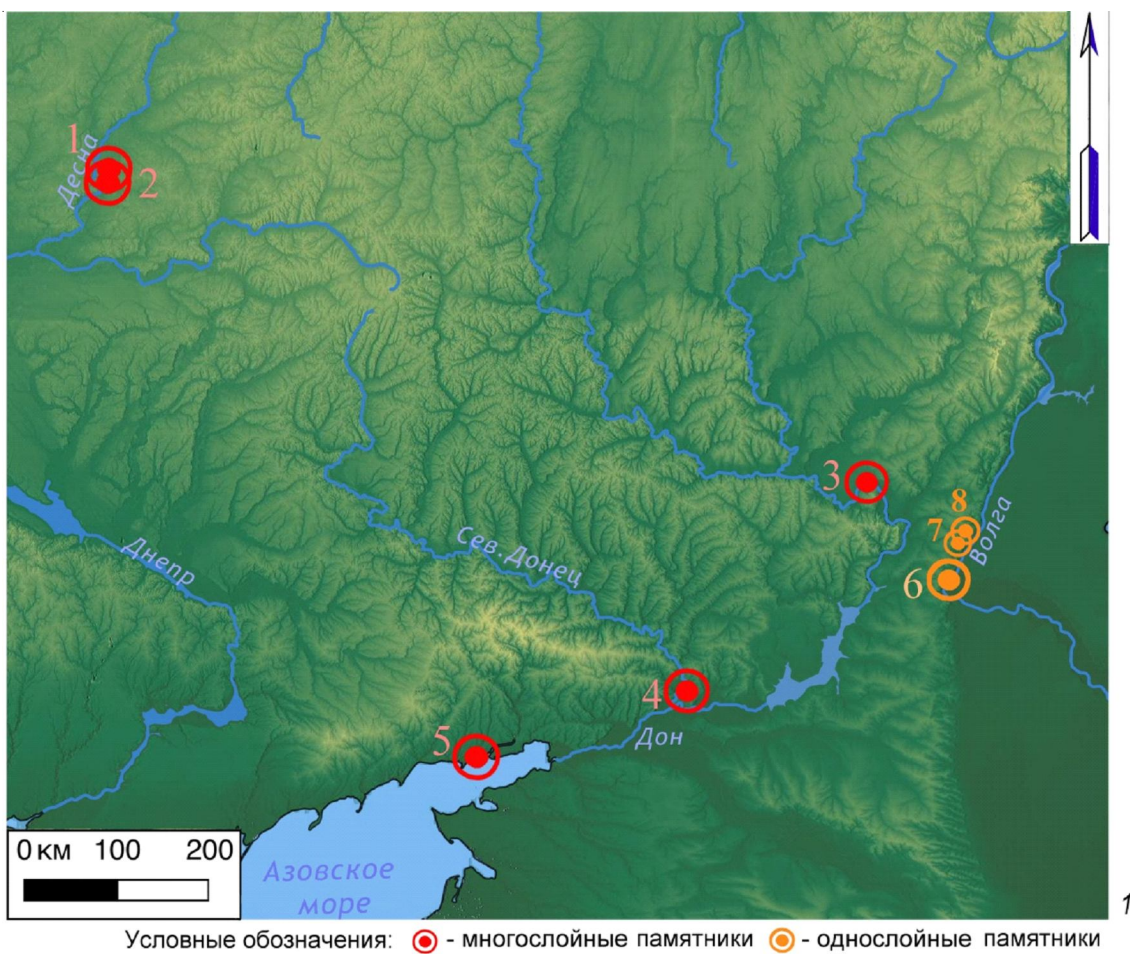

Рис. 1. Отдельные стратифицированные среднепалеолитические памятники Восточной Европы, расположенные на Верхней Десне (1 – Бетово; 2 – Хотылёво I); Среднем Дону (3 – Шлях); Нижнем Дону (4 – Бирючья Балка-2); Северном Приазовье (5 – Рожок I); Нижней Волге (6 – Сухая Мечётка; 7 – Заикино Пепелище; 8 – Челюскинец)

Fig. 1. Single stratified Middle Paleolithic sites of Eastern Europe located on the Upper Desna (1 – Betovo; 2 – Khotylevo I); Middle Don (3 – Shlyah); Lower Don (4 – Biryuchaya Balka-2), Northern Azov Sea littoral (5 – Rojok I); Lower Volga (6 – Sukhaya Mechëtka; 7 – Zaikino Pepelistche; 8 – Chelyuskinets)

Рис. 1. Окончание:

2 – место расположения памятника Сухая Мечётка на северной окраине г. Волгограда (микрорайон Спартановка Тракторозаводского района)

Fig. 1. End:

2 – location of the site Sukhaya Mechëtka on the northern outskirts of Volgograd (the Traktorozavodsky district)

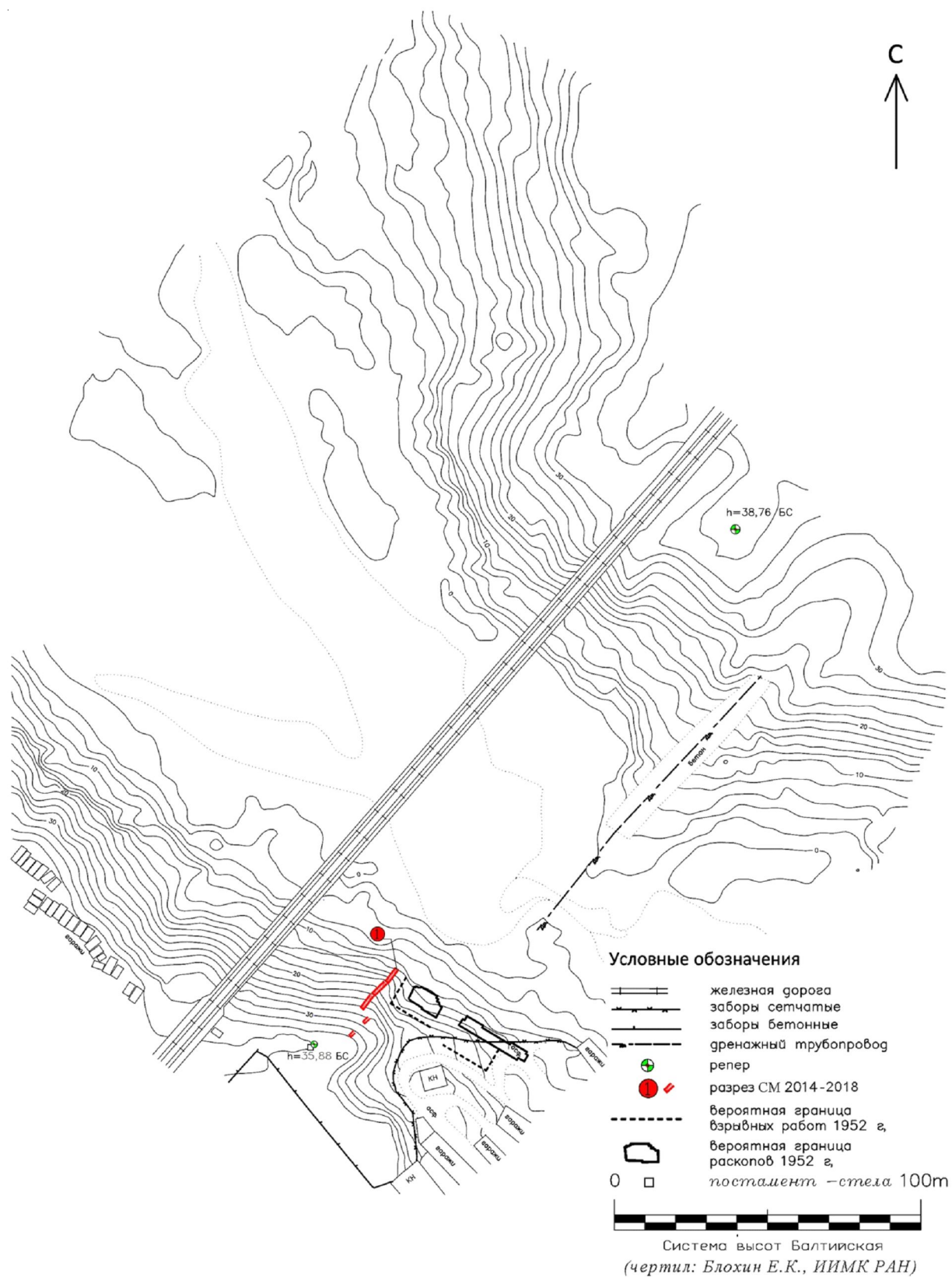

Рис. 2. Место расположения памятника Сухая Мечётка на северной окраине г. Волгограда (микрорайон Спартановка Тракторозаводского района)

Fig. 2. Location of the site Sukhaya Mechëtka on the northern outskirts of Volgograd (the Traktorozavodsky district)

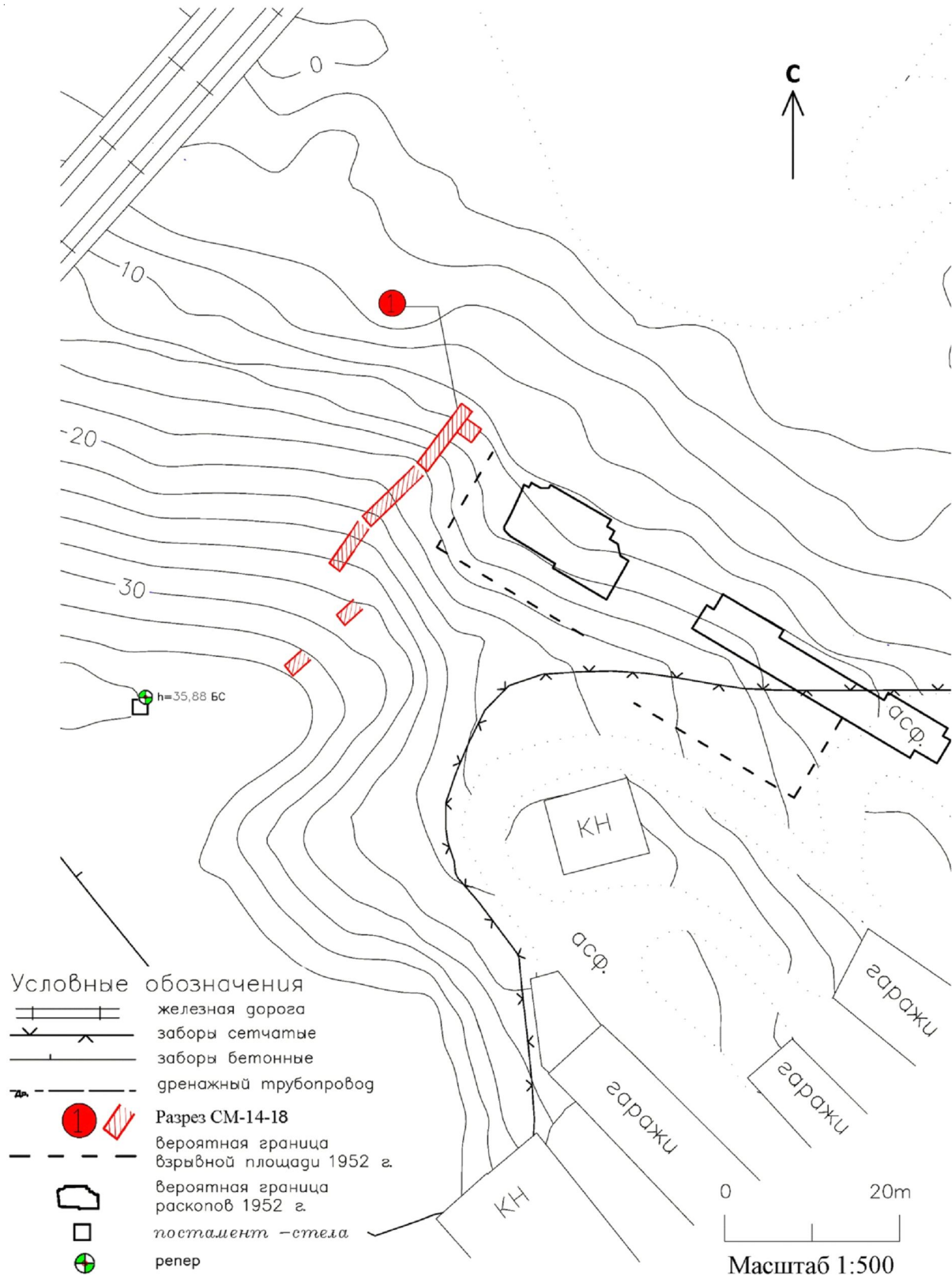

Рис. 3. Сухая Мечётка. Расположение разреза СМ 14-18, прирезки 2015 г. и вероятное расположение площадей памятника, вскрытых раскопами 1952 и 1954 годов. Масштаб 1:500 (чертеж Е.К. Блохина)

Fig. 3. Sukhaya Mechëtka. The location of the SM 14-18 section, 2015 Trench, and likely location of the site's areas, excavated by the trenches of 1952 and 1954. Scale 1:500 (drawing by E.K. Blochin)

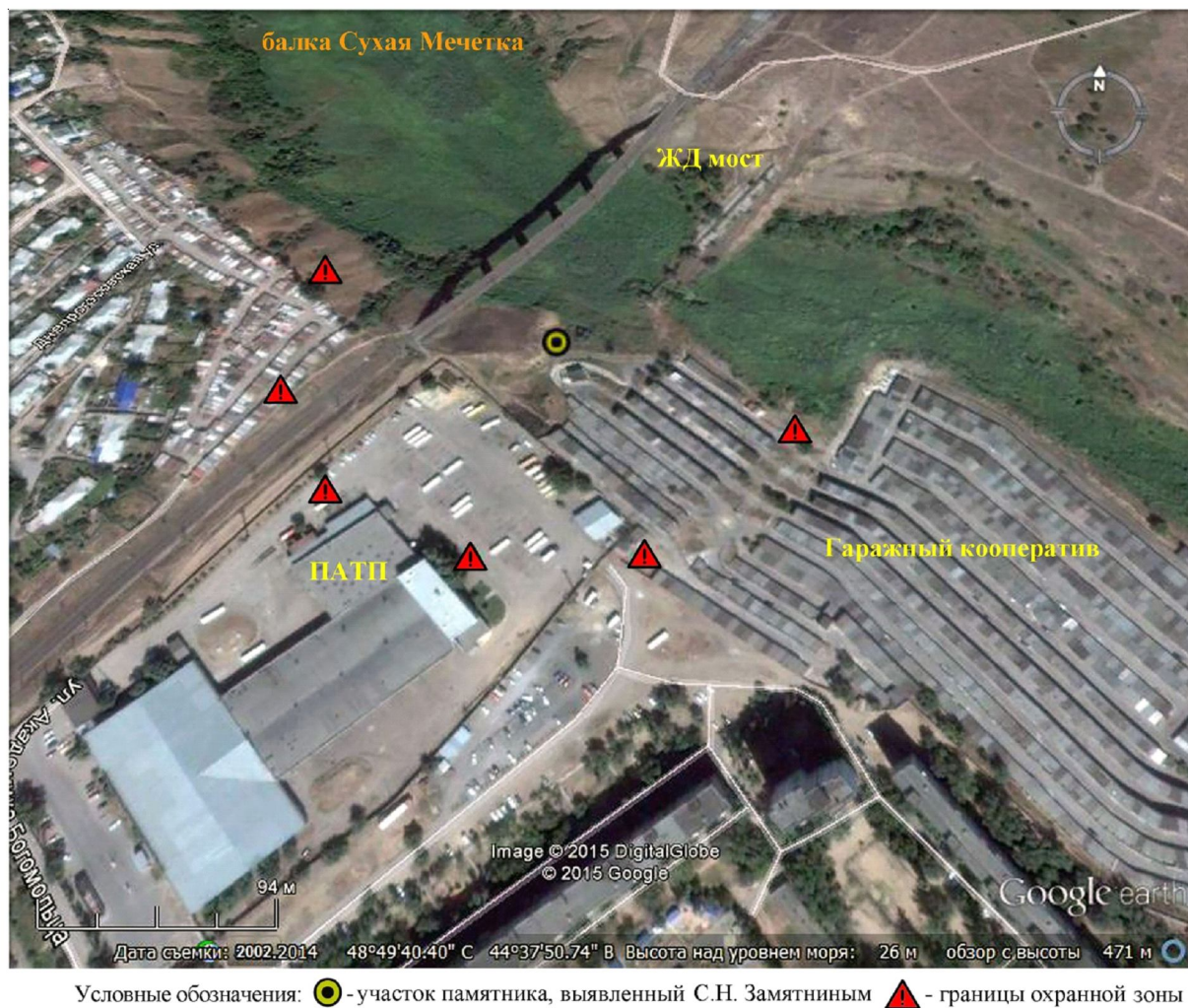

Рис. 4. Сухая Мечётка. Место расположения памятника Сухая Мечётка на северной окраине г. Волгограда (северная граница микрорайона Спартановка Тракторозаводского района).
Современный вид памятника и границы охранной зоны, установленные в 2010 году

Fig. 4. Sukhaya Mechotka. The location of the site Sukhaya Mechotka on the northern outskirts of Volgograd.
The modern view of the site area and the boundaries of the protected zone established in 2010

Рис. 5. Сухая Мечётка. Вид на правый борг балки Сухая Мечётка:

1 – современное состояние участка правого борга балки, в пределах которой локализован памятник, вид с севера;
2 – участок локализации памятника и гаражный кооператив, занимающий восточную часть стоянки, вид с северо-запада (фото С.О. Ремизова и А.К. Очередного)

Fig. 5. Sukhaya Mechëtka. View of the right slope of the ravine Sukhaya Mechëtka:

1, 2 – the garage cooperative occupied the eastern part of the site (photos by S.O. Remizov and A.K. Otcherednoy)

Рис. 6. Сухая Мечётка. Разрез СМ 14-18. Строение Разреза, разделенного на четыре отдельных яруса, и нижний ярус Разреза (Ярус V) с обозначением отдельных литологических слоев согласно номенклатуре описания 2018 года:

1 – Разрез СМ 14-18, вид с севера, с противоположного борта балки; 2 – Ярус V Разреза СМ 14-18 (фото С.О. Ремизова и А.К. Очередного)

Fig. 6. Sukhaya Mechotka. The Section SM 14-18. The structure of the Section, divided into four separate storeys, and the lower layer of the Section (Storey V) with the designation of lithological layers according to the nomenclature of the description of 2018:

1 – Section SM 14-18, view from the north, from the opposite side of the ravine; 2 – Storey V of the Section SM 14-18 (photos by S.O. Remizov and A.K. Otcherednoy)

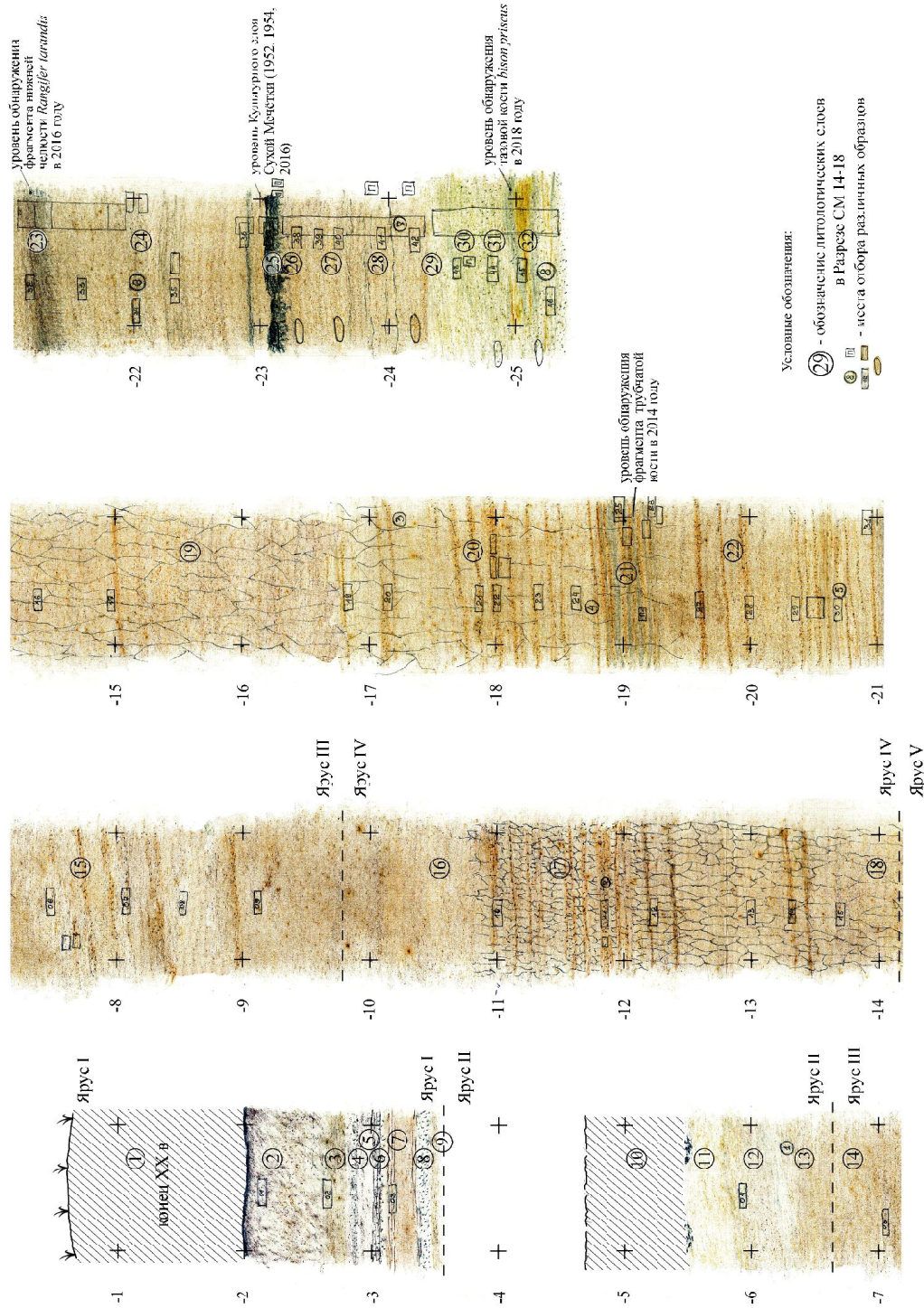

Рис. 7. Сухая Мечётка. Схема Разреза СМ 14-18 с обозначением отдельных литологических слоев согласно номенклатуре описания 2018 года (рисунок А.К. Очередного)

Fig. 7. Sukhaya Mechëtka. The scheme of the Section SM 14-18 with the designation of lithological layers, according to the nomenclature of the description of 2018 (drawing by A.K. Otcherednoy)

Рис. 8. Сухая Мечётка. Поверхность нижней погребенной почвы (литологический слой 25) на площади прирезки и золисто-углистые скопления (фото А.К. Очередного)

Fig. 8. Sukhaya Mechëtka. The surface of the lower buried soil (lithological layer 25) in the 2015 Trench and coals accumulation areas (photo by A.K. Otcherednoy)

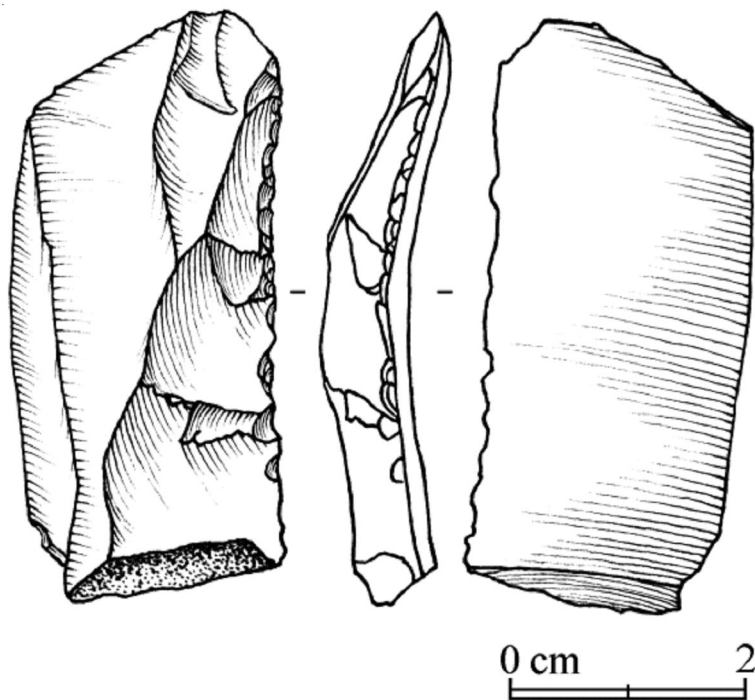

Рис. 9. Сухая Мечётка. Скол «второго снятия» (enlèvement deux) с ретушью из вскрытого отвала Раскопа I 1954 г. рядом с Разрезом СМ 14-18 (рисунок А.К. Очередного)

Fig. 9. Sukhaya Mechëtka. Enlèvement deux flake with retouch from the dump of 1954 excavation company (drawing by A.K. Otcherednoy)

Рис. 10. Сухая Мечётка. Разрез СМ 14-18. Положение тазовой кости бизона (*bison priscus*) в оглеенном сизом прослое ожезненных песков (литологический слой 32) (фото А.К. Очередного)

Fig. 10. Sukhaya Mechëtka. The Section SM 14-18. The position of the pelvic bone of a bison (*bison priscus*) in a gleyed sands (lithological layer 32) (photo by A.K. Otcherednoy)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадюкова Е. Н., 2015. История колебаний уровня Каспийского моря в плейстоцене (была ли великая Хвалынская трансгрессия?) // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. № 74. С. 111–120.
- Безродных Ю. П., Сорокин В. М., Янина Т. А., 2015. Об ательской регрессии Каспийского моря // Вестник Московского университета. Серия 5, География. № 2. С. 77–85.
- Вишняцкий Л. Б., Нехорошев П. Е., Очередной А. К., 2019. Новые данные по хронологии среднего палеолита Восточной Европы (по результатам полевых исследований ИИМК РАН 1998–2018 гг.) // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий : (К 100-летию создания российской академической археологии). СПб. : Петербургское Востоковедение. С. 69–82.
- Громов В. И., 1961. Геологический возраст Сталинградской стоянки // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 82. С. 42–48.
- Замятнин С. Н., 1961. Сталинградская палеолитическая стоянка // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 82. С. 5–37.
- Кузнецова Л. В., 2000. Палеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара : Изд-во Самар. науч. центра РАН. С. 5–80.
- Кузнецова Л. В., 2006. Сухая Мечётка // Археология Нижнего Поволжья. Т. 1. Каменный век. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во. С. 18–22.
- Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А., Тудрин А., Шали Ф., Антипов М. П., Кураленко Н. П., Курина Е. Е., Тухолка П., 2014. Каспий: гидрологические события позднего квартала // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. № 73. С. 19–51.
- Очередной А. К., Воскресенская Е. В., Степанова К. Н., Вишняцкий Л. Б., Нехорошев П. Е., Ларионова А. В., Зарецкая Н. Е., Блохин Е. К., Колесник А. В., 2018. Комплексные геоархеологические исследования среднепалеолитических памятников Русской равнины // Записки Института истории материальной культуры. № 17. С. 74–84. DOI: 10.31600/2310-6557-2018-17-74-83.
- Праслов Н. Д., 1984. Ранний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. Археология СССР. Т. 1. М. : Наука. С. 94–134.
- Праслов Н. Д., Кузнецова Л. В., 2020. Палеолитическое поселение Сухая Мечётка (по материалам раскопок С. Н. Замятнина). СПб. : Невская книжная типография. 144 с.
- Ремизов С. О., 2019. Исследование памятников палеолита и мезолита в бассейне Волги на территории Волгоградской области // Записки Института истории материальной культуры. № 20. С. 174–191. DOI: 10.31600/2310-6557-2019-20-174-191.
- Свиточ А. А., 2008. Хвалынская трансгрессия Каспия и Новозвксинский водоем Черного моря // Водные ресурсы. Т. 35, № 2. С. 175–180.
- Свиточ А. А., 2015. Палеогеография Большого Каспия // Вестник Московского университета. Серия 5, География. № 4. С. 69–80.
- Салтыков В. Ф., 2011. Стратиграфическая схема плейстоцена Североприкаспийской провинции // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. № 71. С. 95–111.
- Чигуряева А. А., Хвалина Н. Я., 1961. О характере растительности в районе Сталинграда в эпоху среднего палеолита // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 82. С. 37–41.
- Янина Т. А., 2012. Неоплейстоцен Понто-Каспия: биостратиграфия, палеогеография, корреляция. М. : Географический факультет МГУ. 264 с.
- Янина Т. А., Сорокин В. М., Безродных Ю. П., Романюк Б. Ф., 2014. Гирканский этап в плейстоценовой истории Каспийского моря // Вестник Московского университета. Серия 5, География. № 3. С. 3–9.
- Янина Т. А., Свиточ А. А., Курбанов Р. Н., Мюррей А. С., Ткач Н. Т., Сычев Н. В., 2017. Опыт датирования плейстоценовых отложений Нижнего Поволжья методом оптически стимулированной люминесценции // Вестник Московского университета. Серия 5, География. № 1. С. 20–28.
- Bosinski G., 1967. Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa. Fundamenta. A/4. Köln : Verlag Böhlau. 205 S.
- Kurbanov R., Yanina T., Murray A., Belyaev V., Solodovnikov D., Rogov V., Streleskaya I., Otcherednoy A., Makeev A., Lebedeva M., Rusakov A., Taratunina N., Semikolennykh D., Yarovaya S., 2018. Field trip guide Loessfest

2018 “Diversity of loess: properties, stratigraphy, origin and regional features” September 23–29, 2018, Volgograd, Russia. Volgograd: VolGU. 64 p.

Otcherednoy A. K., Voskresenskaya E. V., Stepanova K. N., Vishnyatskiy L. B., Nekhoroshev P. E., Kolesnik A. V., Zaretskaya N. E., Larionova A. V., Blochin E. K., 2019. Etudes géoarchéologiques pluridisciplinaires des sites du paléolithique moyen de la Plaine Russe // *L'Anthropologie*. Vol. 123, № 2. P. 310–318. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.anthro.2019.06.005>.

REFERENCES

- Badyukova E.N., 2015. Istoriya kolebaniy urovnya Kaspiyskogo morya v pleystotsene (byla li velikaya Khvalynskaya transgressiya?) [The History of the Caspian Sea Level Fluctuations in the Pleistocene (Did the Great Khvalynian Transgression Really Exist?)]. *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda* [Bulletin of the Commission for Study of the Quaternary], no. 74, pp. 111-120.
- Bezrodnikh Yu.P., Sorokin V.M., Yanina T.A., 2015. Ob atel'skoy regressii Kaspiyskogo morya [About the Atelian Regression of the Caspian Sea]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya* [Moscow University Bulletin. Series 5. Geography], no. 2, pp. 77-85.
- Vishnyatskiy L.B., Nekhoroshev P.E., Ocherednoy A.K., 2019. Novyye dannyye po khronologii srednego paleolita Vostochnoy Evropy (po rezul'tatam polevykh issledovaniy IIMK RAN 1998–2018 gg.) [New Data on the Chronology of the Middle Paleolithic of Eastern Europe (Based on the Results of Fieldwork of the Institute for the Material Culture History in 1998 to 2018)]. *Proshloye chelovechestva v trudakh peterburgskikh arkheologov na rubezhe tysyacheletiy: (K 100-letiyu sozdaniya rossiyskoy akademicheskoy arkheologii)* [The Past of Humankind as Seen by the Petersburg Archaeologists at the Dawn of the Millennium (to the Centennial of the Russian Academic Archaeology)]. Saint Petersburg, Peterburgskoye Vostokovedeniye Publ., pp. 69-82.
- Gromov V.I., 1961. Geologicheskiy vozrast Stalingradskoy stoyanki [Geological Age of the Site Stalingradskaya]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications from the Institute of Archeology], vol. 82, pp. 42-48.
- Zamyatnin S.N., 1961. Stalingradskaya paleoliticheskaya stoyanka [Stalingradskaya Palaeolithic site]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications from the Institute of Archeology], vol. 82, pp. 5-37.
- Kuznetsova L.V., 2000. Paleolit [The Palaeolithic Period]. *Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneyshikh vremen do nashikh dney. Kamennyy vek* [The History of Samara Volga Region from the Ancient Times to the Present Day]. Samara, Samara Scientific Center RAS, pp. 5-80.
- Kuznetsova L.V., 2006. Sukhaya Mechëtka [The Site of Suhaya Mechëtka]. *Arkheologiya Nizhnego Povolzh'ya. T. 1. Kamennyy vek* [The Archaeology of Lower Don Basin. Vol. 1. The Stone Age]. Volgograd, Volgogr. nauch. izd-vo Publ., pp. 18-22.
- Lavrushin Yu.A., Spiridonova E.A., Tudrin A., Shali F., Antipov M.P., Kuralenko N.P., Kurina E.E., Tukholka P., 2014. Kaspiy: gidrologicheskiye sobytiya pozdnego kvartera [The Caspian Sea: hydrological events of the late Quaternary]. *Byulleten Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda* [Bulletin of the Commission for Study of the Quaternary], no. 73, pp. 19-51.
- Ocherednoy A.K., Voskresenskaya E.V., Stepanova K.N., Vishnyatskiy L.B., Nekhoroshev P.E., Larionova A.V., Zaretskaya N.E., Blokhin E.K., Kolesnik A.V., 2018. Kompleksnyye geoarkheologicheskiye issledovaniya srednepaleoliticheskikh pamyatnikov Russkoy ravniny [Complex Geoarchaeological Studies of the Middle Paleolithic Sites in the Russian Plain]. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury* [Transactions of the Institute for the History of Material Culture], no. 17, pp. 74-84. DOI: <https://doi.org/10.31600/2310-6557-2018-17-74-83>.
- Praslov N.D., 1984. Ranniy paleolit Russkoy ravniny i Kryma [Early Palaeolithic of Russian Plain and Crimea]. *Paleolit SSSR. Arkheologiya SSSR* [Palaeolithic of USSR. Archaeology of USSR], vol. 1. Moscow, Nauka Publ., pp. 94-134.
- Praslov N.D., Kuznetsova L.V., 2020. *Paleoliticheskoye poseleniye Sukhaya Mechëtka (po materialam raskopok S.N. Zamyatnina)* [Sukhaya Mechëtka, a Paleolithic Site (on the Data of S.N. Zamyatnin's Excavations)]. Saint Petersburg, Nevskaya knizhnaya tipografiya Publ. 144 p. (in Russian).
- Remizov S.O., 2019. Issledovaniye pamyatnikov paleolita i mezolita v basseyne Volgi na territorii Volgogradskoy oblasti [Paleolithic and Mesolithic Sites in the Volga Basin on the Territory of Volgograd Oblast]. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury* [Transactions of the Institute for the History of Material Culture], no. 20, pp. 174-191. DOI: <https://doi.org/10.31600/2310-6557-2019-20-174-191>.

- Svitoch A.A., 2008. Khvalynskaya transgressiya Kaspiya i Novoevksinskiy vodoyem Chernogo morya [Khvalynsk Transgression of the Caspian Sea and Novoevksinsky Reservoir of the Black Sea]. *Vodnyye resursy* [Water Resources], vol. 35, no. 2, pp. 175-180.
- Svitoch A.A., 2015. Paleogeografiya Bol'shogo Kaspiya [Paleogeography of the Greater Caspian Sea]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya* [Moscow University Bulletin. Series 5. Geography], no. 4, pp. 69-80.
- Saltykov V.F. 2011. Stratigraficheskaya skhema pleystotsena Severoprikaspiyskoy provintsii [Stratigraphic Diagram of the Pleistocene of the North Caspian Province]. *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda* [Bulletin of the Commission for Study of the Quaternary], no. 71, pp. 95-111.
- Chigurayeva A.A., Khvalina N.Ya., 1961. O kharaktere rastitel'nosti v rayone Stalingrada v epokhu srednego paleolita [On the Characteristic of Vegetation in the Stalingrad Region During the Middle Palaeolithic]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkeologii* [Brief Communications from the Institute of Archeology], vol. 82, pp. 37-41.
- Yanina T.A., 2012. *Neopleystotsen Ponto-Kaspiya: biostratigrafiya, paleogeografiya, korrelyatsiya* [Neopleistocene of the Ponto-Caspian: Stratigraphy, Paleogeography, Correlation]. Moscow, Faculty of Geography, Moscow State University. 264 p.
- Yanina T.A., Sorokin V.M., Bezrodnykh Yu.P., Romanyuk B.F., 2014. Girkanskiy etap v pleystotsenovoy istorii Kaspiyskogo morya [The Girkan Stage in the Pleistocene History of the Caspian Sea]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya* [Moscow University Bulletin. Series 5. Geography], no. 3, pp. 3-9.
- Yanina T.A., Svitoch A.A., Kurbanov R.N., Myurrey A.S., Tkach N.T., Sychev N.V., 2017. Opyt datirovaniya pleystotsenovykh otlozheniy Nizhnego Povolzhia metodom opticheski stimulirovannoy lyuminestsentsii [Paleogeographic Analysis of the Results of Optically Stimulated Luminescence Dating of Pleistocene Deposits of the Lower Volga Area]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya* [Moscow University Bulletin. Series 5. Geography], no. 1, pp. 20-28.
- Bosinski G., 1967. *Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa. Fundamenta. A/4*. Köln, Verlag Böhlau. 205 S.
- Kurbanov R., Yanina T., Murray A., Belyaev V., Solodovnikov D., Rogov V., Streleskaya I., Otcherednoy A., Makeev A., Lebedeva M., Rusakov A., Taratunina N., Semikolennykh D., Yarovaya S., 2018. *Field Trip Guide Loessfest 2018 "Diversity of Loess: Properties, Stratigraphy, Origin and Regional Features" September 23-29, 2018, Volgograd, Russia*. Volgograd, VolGU. 64 p.
- Otcherednoy A.K., Voskresenskaya E.V., Stepanova K.N., Vishnyatsky L.B., Nehoroshev P.E., Kolesnik A.V., Zaretskaya N.E., Larionova A.V., Blochin E.K., 2019. Etudes géoarchéologiques pluridisciplinaires des sites du paléolithique moyen de la Plaine Russe, *L'Anthropologie*, vol. 123, no. 2, pp. 310-318. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.anthro.2019.06.005>.

Information About the Authors

Aleksander K. Otcherednoy, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Paleolithic Department, Institute for the History of Material Culture RAS, Dvortsovaya emb., 18, 191186 Saint Petersburg, Russian Federation, mr_next@rambler.ru, a.otcherednoy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7616-5686>

Stanislav O. Remizov, Historical, Ethnographic and Architectural Museum-Preserve "Old Sarepta", Volgograd, Russian Federation, Izobilnaya St., 10, 400026 Volgograd, Russian Federation, paleostas@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9892-8058>

Ksenia N. Stepanova, Candidate of Sciences (History), Researcher, Paleolithic Department, Institute for the History of Material Culture RAS, Dvortsovaya emb., 18, 191186 Saint Petersburg, Russian Federation, ksstepan@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2814-2639>

Maxim V. Eltsov, Candidate of Sciences (Biology), Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science RAS, Institutskaya St., 2, 142290 Pushchino, Russian Federation, m.v.eltsov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7886-8131>

Ekaterina V. Voskresenskaya, Researcher, Quaternary paleogeography Department, Institute of geography RAS, Khvostov pereulok, 29, 119017 Moscow, Russian Federation, kavosk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1874-2697>

Leonid B. Vishnyatsky, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Paleolithic Department, Institute for the History of Material Culture RAS, Dvortsovaya emb., 18, 191186 Saint Petersburg, Russian Federation, lvishn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3069-5715>

Pavel E. Nehoroshev, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Paleolithic Department, Institute for the History of Material Culture RAS, Dvortsovaya emb., 18, 191186 Saint Petersburg, Russian Federation, paleolithic@narod.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6634-9211>

Egor K. Blochin, Researcher, Rescue archeology Department, Institute for the History of Material Culture RAS, Dvortsovaya emb., 18, 191186 Saint Petersburg, Russian Federation, jegor.blochin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8190-7741>

Vadim V. Titov, Candidate of Sciences (Biology), Leading Researcher, Southern Scientific Center of the RAS, Prosp. Chekhova, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, vvtitov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5938-5775>

Aleksander V. Kolesnik, Doctor of Sciences (History), Professor, Head Department of Historiography, Source Studies, Archeology and Methods of Teaching History, Donetsk National University, Universitetskaya St., 24, 283001 Donetsk, Ukraine, akolesnik2007@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4933-8438>

Информация об авторах

Александр Константинович Очередной, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Отдел палеолита, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая набережная, 18, 191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, mr_next@rambler.ru, a.otcherednoy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7616-5686>

Станислав Олегович Ремизов, научный сотрудник, Историко-этнографический и архитектурный музей-заповедник «Старая Сарепта», ул. Изобильная, 10, 400026 г. Волгоград, Российская Федерация, paleostas@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9892-8058>

Ксения Николаевна Степанова, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Отдел палеолита, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая набережная, 18, 191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ksstepan@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2814-2639>

Максим Витальевич Ельцов, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория археологического почвоведения, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, ул. Институтская, 2, 142290 г. Пушкино, Российская Федерация, m.v.eltsov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7886-8131>

Екатерина Владимировна Воскресенская, научный сотрудник, Отдел палеогеографии четвертичного периода, Институт географии РАН, Старомонетный пер., 29, 119017 г. Москва, Российская Федерация, kavosk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1874-2697>

Леонид Борисович Вишняцкий, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Отдел палеолита, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая набережная, 18, 191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, lvishn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3069-5715>

Павел Евгеньевич Нехорошев, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Отдел палеолита, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая набережная, 18, 191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, paleolithic@narod.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6634-9211>

Егор Константинович Блохин, научный сотрудник, Отдел охранной археологии, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая набережная, 18, 191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, jegor.blochin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8190-7741>

Вадим Владимирович Титов, кандидат биологических наук, главный научный сотрудник, Лаборатория палеогеографии, Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, vvtitov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5938-5775>

Александр Викторович Колесник, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историографии, источниковедения, археологии и методики преподавания истории, Донецкий национальный университет, ул. Университетская, 24, 283001 г. Донецк, Украина, akolesnik2007@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4933-8438>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.14>

UDC 57254:9023(470.56)
LBC 28.71:63.4(235.55)

Submitted: 26.12.2019
Accepted: 29.04.2020

CRANIOLOGICAL MATERIALS OF THE LATE BRONZE AGE FROM THE BEREZOVSKY V KURGAN CEMETERY IN THE TRANS URALS¹

Aleksey I. Nechvaloda

Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation

Abstract. This paper is dedicated to discussion of craniological materials obtained from Berezovsky 5 burial mound in the southern Trans-Urals during archaeological excavations in 1994. The mound necropolis dates back to the Late Bronze Age (14th to 13th cc. BC) and relates to the Kozhumberdy stage in the Alakul development line of the Andronovo cultural community. Three researched skulls, two of them male and one female, originate from mound 6 of this burial site. The dental system of a young woman has undergone severe wear as a result of work activity. The craniological research of the female skull using Heincke formula made it possible to tentatively judge about its morphological affinity to skulls from the Laimberdy burial site and a combined skull set of the Akakul culture from the Trans-Urals. Basing on the female skull we have performed a graphic reconstruction of her appearance full face. The female skull shows some Mongoloid traits. Two male skulls failed to preserve their facial skeletons, except for braincases. The indicators of facial skeleton flattening at the orbital level can also testify to the presence of the Mongoloid component in their craniological type.

Key words: Late bronze, Alakul culture, combatancy type, anthropology, graphic the face of the skull, craniology, the Geynke formula.

Citation. Nechvaloda A.I., 2020. Craniological Materials of the Late Bronze Age from the Berezovsky V Kurgan Cemetery in the Trans Urals. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, vol. 19, no. 1, pp. 254-267. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.14>

УДК 57254:9023(470.56)
ББК 28.71:63.4(235.55)

Дата поступления статьи: 26.12.2019
Дата принятия статьи: 29.04.2020

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ИЗ БЕРЕЗОВСКОГО V КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА В ЗАУРАЛЬЕ¹

Алексей Иванович Нечвалода

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, г. Уфа, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена обсуждению краниологических материалов позднебронзового века из курганного могильника Березовский V в южном Зауралье, полученных в ходе раскопок 1994 года. Курганный некрополь датируется эпохой поздней бронзы XIV–XIII вв. до н.э. и относится к кожумбердынскому этапу алакульской линии развития андроновской культурной общности. Три исследованных черепа (два мужских и один женский) происходят из кург. 6 данного могильника. Зубная система молодой женщины подверглась сильному изнашиванию в результате использования в трудовой деятельности. Краниологическое исследование женского черепа с использованием формулы Гейнке позволило ориентировочно судить о его морфологической близости к черепам из могильника Лаимберды и к сборной серии черепов алакульской культуры из Зауралья. По черепу женщины была выполнена графическая реконструкция внешнего облика в норме анфас. Женский череп имеет налет монголоидности. Два мужских черепа не имели лицевого скелета, сохранилась только мозговая коробка. Показатели уплощенности лицевого скелета на орбитальном уровне также могут свидетельствовать о присутствии в их краниологическом типе монголоидного компонента.

Ключевые слова: поздняя бронза, алакульская культура, кожумбердынский тип, палеоантропология, графическая лица по черепу, краниология, формула Гейнке.

Цитирование. Нечвалода А. И., 2020. Краниологические материалы эпохи поздней бронзы из Березовского V курганного могильника в Зауралье // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 1. С. 254–267. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.14>

Введение

Антропологические материалы были получены в результате археологических исследований, проведенных в 1994 г. экспедиционным отрядом Национального музея Республики Башкортостан в Кваркенском районе Оренбургской области. Березовский V курганный некрополь представляет собой десять курганов на левом берегу р. Урал, на первой надпойменной террасе. Всего было раскопано 3 курганных насыпи. Рассматриваемые ниже материалы происходят из 3 погребений кургана 6. Авторы раскопок отмечают, что в материалах Березовского могильника – как в погребальном обряде, так и в керамике – прослеживается сочетание алакульских, федоровских и отчасти срубных традиций. Учитывая синкретический характер артефактов могильника, относят его к кожумбердынскому этапу алакульской линии развития андроновской культурной общности и датируют XIV–XIII вв. до н.э. [Федоров, Рафикова, 1996, с. 49–71].

Методы

Исследование черепа проводилось по методике, предложенной Р. Мартином [Martin, 1914], принятой в отечественной антропологии в модификации В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеца [Алексеев, Дебец, 1964]. Возраст устанавливался по степени облитерации швов черепа эктокрана [Алексеев, Дебец, 1964; Mendl, Lovejoy, 1985]. Выраженность (экспрессия) признаков полового диморфизма на черепе оценивалась с помощью балловых характеристик [Nemeskéri et al., 1960].

Основополагающие принципы восстановления лица по черепу, используемые нами в данной работе, разработаны в трудах Кольмана и Бехли [Kollmann, Buchly, 1898], М.М. Герасимова [Герасимов, 1949; 1955], а также его учеников и последователей в России [Лебединская, 1998; Никитин, 2009] и за рубежом [Prag, Neave, 1997; Taylor, 2000; Taylor, Angel, 1998; Wilkinson, 2004].

Сравнительная легкость выполнения графики (относительно работы над объемным вариантом восстановления внешности) привела к тому, что в традиции российской палеоантропологической науки серия графических реконструкций (опять-таки в основном в профильной норме) выполнялась по серии черепов из отдельного некрополя или группы могильников.

В антропологической науке серия графических антропологических реконструкций, выполненных в основном в профильной норме, позволяет перекинуть «мостик» от краниометрических характеристик серии к характеристике условно «живого» населения той или иной эпохи.

Сошлемся в данном контексте на ставшие уже классикой исследования в этой области Г.В. Лебединской [Лебединская, 1997]. В нашем арсенале также есть опыт создания галереи графических реконструкций по серии черепов [Нечвалода, 2010; 2015].

Применяя такой подход, исследователи понимают, что, как пишет Г.В. Лебединская: «Расодиагностические черты не наследуются комплексом, в связи с чем индивидуальное описание не может дать полного представления о принадлежности того или иного индивидуума к территориальному антропологическому типу или группе антропологических типов, которые сравнительно легко диагностируются для группы в среднем» [Лебединская, 1997, с. 22].

Графическая реконструкция внешности в норме анфас долгое время была и остается до сих пор прерогативой криминалистов, занимающихся идентификацией личности по скелетированным останкам.

Результаты антропологической экспертизы

Кург. 6, погр. 3. В свертке из крафт-бумаги находились кости мозговой коробки и фрагменты лицевого черепа, нижняя челюсть, отдельные зубы верхней и нижней челюстей. В процессе выполнения реставрации черепа удалось восстановить черепную коробку и

собрать лицевой скелет. Сохранившиеся зубы были вставлены в соответствующие зубные альвеолы верхней и нижней челюстей и закреплены поливинилацетатной эмульсией. Зубная формула приобрела следующий вид. Череп принадлежал индивиду женского пола юношеского возраста (рис. 1). Присутствие третьих моляров на нижней челюсти в сочетании с незакрытым основно-затылочным синостозом дает нам возможность более точного определения возраста – 16–17 лет.

Проведенное палеопатологическое исследование зубочелюстного аппарата показало его сильную изношенность, не соответствующую диагностированному биологическому возрасту. Сохранившиеся резцы и клык на правой стороне нижней челюсти сточены до плащевое дентина. На нижней челюсти в области M_1 справа и слева зафиксированы следы расплавления костной ткани альвеолярной области нижней челюсти, вызванного одонтогенным остеомиелитом (рис. 2, 1, 2).

По мнению Г.А. Кошкина [Кошкин, 1971], изучавшего изнашивание зубов в популяциях тагарской культуры Южной Сибири, основными триггерами данного процесса являются характер прикуса, особенности питания и участие зубов в трудовых процессах.

По его наблюдениям сильная стертость зубов была заметно выражена даже в постоянных зубах юношеского возраста. Им отмечалась стертость шестых зубов, когда седьмые находились в стадии прорезывания. В некоторых случаях им обнаружена почти полная стертость коронок зубов.

Наблюдаемый нами случай, зафиксированный на Зауральском материале эпохи поздней бронзы, относится к категории патологической стираемости и изношенности зубов в ювенильном возрасте.

Черепная коробка по соотношению продольного и поперечного диаметров мезокранная (табл. 1). По высотно-продольному указателю – ортокранная, по высотно-поперечному – акрокранная. В вертикальной норме имеет овоидную форму. Основание черепа среднеширокое и короткое. Затылок среднеширокий. Рельеф затылочной кости в области прикрепления мышц шеи не выражен, затылочный бугор отсутствует. Сосцевидный отросток слабо развит.

Лоб среднеширокий. Надпереносье и надбровные дуги имеют слабое развитие, что соотносится с ювенильным возрастом.

Скуловой диаметр был реконструирован по данным измерения на правой стороне черепа. Он составил весьма малую величину (124.0). Верхняя высота лица средняя (65.0). По пропорциям висцеральный скелет средний (мезопрозоп-мезен).

Измерение назомаллярного угла показало уплощенность лица на орбитальном уровне: 146.3° – величина, характерная для популяций монголоидного круга (свыше 138° – монголоидность). Клыковая ямка средней глубины. Скуловая кость неширокая, грацильного строения. Высота и ширина носа средняя, по соотношению размеров наблюдается мезориния. Высоту и ширину переносья измерить не удалось в связи с постмортальными разрушениями области точки дакрион. Визуально переносье неширокое и невысокое. От носовых костей сохранилась только область корня носа на треть их длины. Учитывая морфологические особенности носового отростка верхней челюсти, сохранившегося с правой стороны, носовые кости были смоделированы с помощью твердого скульптурного пластилина по всей своей длине. Это позволило нам вычислить тригонометрическим способом угол выступания носа, который составил среднюю величину – 24.0° . Нижний край грушевидной апертуры притуплен, передненосовая ость разрушена, но, судя по морфологическим особенностям данной области черепа, имела слабое или среднее развитие.

Орбиты очень широкие и высокие. По указателю – мезоконхные. Угловая ширина нижней челюсти большая, со среднеразвитым макрорельефом в области гонионов. Высота симфиза, тела и толщина нижней челюсти в категории малых величин.

Для поиска ближайших аналогий физическому типу индивида из погр. 3 было выполнено сопоставление описанного черепа, краниометрические параметры которого с помощью коэффициентов полового диморфизма [Алексеев, Дебец, 1964] были переведены в «мужские» (табл. 1; столбец 2), с использованием формулы Гейнке. Сопоставление проводилось по одиннадцати линейным признакам (№ по Мартину – M1, M8, M9, M45, M; 8,

M51, M52, M54, M55, M77, M75₍₁₎ и пяти указателям: продольно-поперечному M1/M8; скуловому M48/M45; носовому M54/M55; орбитальному M52/M51; лобно-поперечному M9/M8. В качестве сравнительных были привлечены серии: сборная серия черепов срубно-алакульского типа, черепа алакульской культуры из Зауралья [Китов, 2011], материалы из могильника алакульцев Западного Казахстана Тасты-Бутак [Алексеев, Гохман, 1984], могильника Лаимберды в башкирском Зауралье [Нечвалода, 2016], черепа срубников Башкирии (суммарные данные) [Юсупов, 1989], черепа срубников лесостепного Поволжья [Шевченко, 1986].

В результате сравнения череп из погр. 3 кург. 6 могильника Березовка V оказался морфологически более близок черепам, составившим серию из могильника Лаимберды (рис. 3), и суммарной серии алакульцев Зауралья. Могильник эпохи поздней бронзы Лаимберды находится в Башкирском Зауралье (Баймакский район РБ). На одноименном поселении была во множестве обнаружена керамика срубно-алакульского облика, что позволило специалистам отнести данный памятник к синкретическим памятникам срубно-алакульского типа. Наиболее отдаленная – серия из Тасты-Бутока.

По черепу была выполнена графическая реконструкция внешнего облика в норме анфас. Утраченные части левой половины черепа были смоделированы графически (рис. 4)

Кург. 6, погр. 1, скелет 2. Погр. 1 в данном кургане является парным и потому вызывает закономерный неподдельный интерес в контексте неодновременных парных захоронений на широких пространствах от Южного Урала до Средней Азии, чему была посвящена отдельная публикация Я.В. Рафиковой [Рафикова, 2017]. Данная погребальная практика рассматривается многими исследователями как захоронения равноправных супругов.

К сожалению, в краниологических фондах отдела этнологии сохранился лишь неполный череп – мозговая коробка, которая также подверглась частичной реставрации, скуловые кости, крупный фрагмент левой верхней челюсти, нижняя челюсть.

Судя по развитию макрорельефа нейрокраниума, в частности затылочной кости, где

фиксируется хорошее развитие верхних выйных линий и затылочного бугра (4 балла); височной кости – предельное развитие сосцевидного отростка (3 балла), а также надсосцевидного рельефа, наконец, лобной кости, где мы наблюдаем хорошее развитие области глабеллы (5 баллов), череп принадлежит индивиду мужского пола (рис. 5).

Состояние швов черепа и зубов, практически все из которых находились в альвеолах и имели небольшие следы стертости жевательной поверхности, позволяет нам говорить о возмужалом возрасте мужчины (20–25 лет; *adultus*).

При этом молодой мужчина, захороненный в парном погребении, обладал отменным здоровьем, судя по состоянию зубочелюстного аппарата. Все зубы нижней челюсти, полностью сохранившиеся, крепко сидят в зубных альвеолах, только на некоторых зубах (M₁, M₂ справа) обнаружены небольшие следы отложения зубного камня.

На нижней челюсти справа зафиксировано явление гипердонтии – дополнительный, хорошо развитый моляр на месте второго премоляра (рис. 6).

В вертикальной норме череп ромбоидной формы. Во фронтальной норме свод черепа крышевидный, с сильно развитыми теменными буграми. Лобная кость несет на себе следы зарастания *sutura metopica* в виде несильно выраженного сагиттального валика.

По соотношению диаметров черепной коробки череп мезокранный (76.2) при большом поперечном и очень большом продольном диаметрах. По высотно-продольному указателю – ортокран, по высотно-поперечному – метриокран, то есть обладатель средневысокой мозговой коробки при среднем высотном диаметре черепа. Лоб среднеширокий. По лобно-поперечному указателю – стенометоп (узколобый) (табл. 2). Особо стоит отметить уплощенность лицевого скелета на орбитальном уровне (142.5°).

Средний модуль ряда нижних моляров (m сог M 1-2) составил величину 10.2. Из одонтоскопических признаков фиксируются узоры Y 4 на M₁ и +4 на M₂.

Кург. 6, погр. 5. Череп принадлежал зрелому мужчине (40–50 лет) судя по состоянию

зубочелюстного аппарата нижней челюсти и сохранившихся фрагментов левой и правой верхней челюсти и степени облитерации швов эктокрана (рис. 7). Череп средней массивности с ярко выраженным макрорельефом затылочной кости (затылочный бугор имеет предельное развитие – 5 баллов, а также предельное развитие верхних выйных линий). Сосцевидный отросток – 3 балла. По черепному указателю долихокран (73.0). По соотношению продольного и высотного (M17) диаметров ортокран, поперечного и высотного – метриокран. Таким образом, свод черепа умеренно высокий при малом высотном диаметре. По лобно-поперечному указателю наблюдается эуриметопия – широколобость. Лицевой скелет сильно уплощен на орбитальном уровне, о чем свидетельствует величина назомаллярного угла (150.0°).

Заключение

1. Стертость зубов молодой женщины, захороненной в погр. 3 кург. 6 Березовского V, не соответствует ее биологическому возрасту, диагностированному по черепу, прежде всего потому, что это не закрытый затылочно-основной синхондроз, швы черепа без следов облитерации. Зубочелюстной аппарат женщины носит следы сильнейшей изношенности зубов, вероятно, в результате их участия в трудовой деятельности.

2. В краниологическом типе женщины выявляется монголоидный компонент. Это уплощенность области переносья, высокие орбиты, слабо выступающий нос, уплощенность лица на орбитальном уровне.

3. Поиск ближайших аналогий физическому типу населения, погребенному в кург. 6 Березовского V могильника с помощью метода Гейнке, несмотря на всю условность процедуры с переводом женского черепа в «мужской» с помощью коэффициентов полового диморфизма, позволяют судить о его морфологической близости к черепам из синкретического срубно-алакулского могильника Лаимберды в Башкирском Зауралье и объединенной серии черепов алакульской культуры из Зауралья.

4. На черепах мужчин из этого могильника назомаллярный угол имеет большие значения, что дает возможность судить о присутствии монголоидного компонента в физическом типе погребенных в кург. 6 Березовского V могильника.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена при поддержке подпрограммы «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде» (I.25) проект № 255 «Парные разнополые погребения эпохи бронзы от Урала до Индостана как источник по реконструкции семейно-брачной и социальной структуры» в рамках объединенной программы Президиума РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России».

This paper was supported by the Subprogram “Material and Spiritual Artifacts in Modern Information Medium” (I.25), project no. 255 “Bronze Age Burials of Different-Gender Couples from the Urals to Hindustan as a Source of Reconstructing Family-Marriage and Social Structure”, in terms of the RAS Presidium’s Joint Program “Social and Humanitarian Aspects of Sustainable Development and Ensuring the Strategic Breakthrough of Russia”.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рис. 1. Череп женщины из кург. 6, погр. 3 в фациальной и боковой нормах:

1 – фациальная норма; 2 – боковая норма

Fig. 1. Skull of a woman from the mound 6, burial 3 in the facial and lateral norms:

1 – facial norm; 2 – lateral norm

Рис. 2. Состояние зубочелюстного аппарата молодой женщины из кург. 6, погр. 3.

Сильная степень стертости и изношенности зубов в результате их участия в трудовой деятельности:

1 – нижняя челюсть; 2 – верхняя челюсть

Fig. 2. State of the dental apparatus of a young woman from the mound 6, burial 3.

Strong degree of wear and tear of teeth as a result of participation in labor activity:

1 – mandibula; 2 – maxilla

Таблица 1. Некоторые индивидуальные краниометрические параметры и индексы женского черепа из кург. 6, погр. 3 Березовского V курганного могильника

Table 1. Some individual craniometrics parameters and indices of the female skull from Berezovsky V kurgan cemetery, kurgan 6, burial 3

No Martin	Признак	Значение признака	Значение признака Ж? М
1	Продольный диаметр	173.0	181.4
5	Длина основания черепа	100.0	–
8	Поперечный диаметр	135.0	139.9
9	Наименьшая ширина лба	94.0	97.0
10	Наибольшая ширина лба	–	–
11	Ширина основания черепа	121.0	–
12	Ширина затылка	105.0	–
17	Высотный диаметр от <i>ba</i>	135.0	–
38	Емкость черепа/см ³	1303.8	–
40	Длина основания лица	92.0	–
43	Средняя ширина лица	–	–
45	Скуловой диаметр	124.0 (?)	132.9
47	Полная высота лица	109.0	–
48	Верхняя высота лица	65.0	69.9
51	Ширина орбиты от <i>mf</i>	44.0 (d)	45,8
52	Высота орбиты	36.0 (d)	36.2
54	Ширина носа	25.0 (?)	26.0
55	Высота носа	49.0	52.0
65	Мыщелковая ширина <i>mandibula</i>	–	–
66	Угловая ширина <i>mandibula</i>	100.0	–
69	Высота симфиза <i>mandibula</i>	28.0	–
75(1) *	Угол выступания носа	24.2 *	28.2
77	Назомулярный угол	146.3	146.3
<Zm	Зигмаксиллярный угол	–	–
SS	Симотическая высота	3.7	–
SC	Симотическая ширина	6.0	–
<S	Симотический угол	78.0	–
DS	Дакриальная высота	–	–
DC	Дакриальная ширина	–	–
<D	Дакриальный угол	–	–
S	Высота изгиба скуловой кости по Wo	8.0	–
C	Ширина скуловой кости по Wo	50.0	–
	Указатель	Значение указателя	
1:8	Продольно-поперечный	78.0	77,1
17:1	Высотно-продольный	78.0	–
17:8	Высотно-поперечный	100.0	–
9:8	Лобно-поперечный	54.3	69,3
9:45	Лобно-скуловой	75.8	–
40:5	Выступания лица	92.0	–
48:45	Верхний лицевой	52.4	52,6
48:47	Лицевой	87.9	–
52:51	Орбитный	81.8	79.0
54:55	Носовой	51.0	50.0
SS:SC	Симотический	61.6	–
DS:DC	Дакриальный	–	–
S:C	Изгиба скуловой кости	16.0	–

Примечание. * Угол выступания носа вычислен тригонометрически.

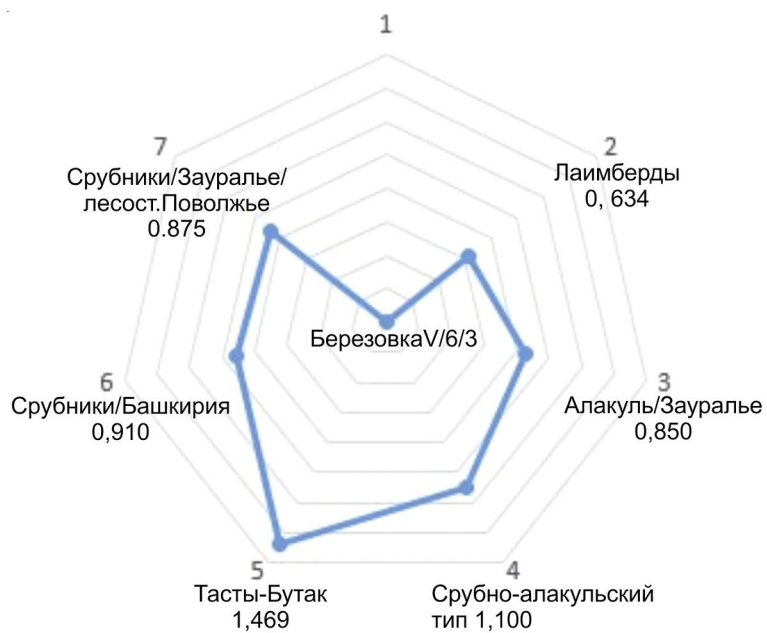

Рис. 3. График, демонстрирующий результат сопоставления серий по формуле Гейнке
Fig. 3. The graph that shows the result of comparing the series according to the Heinke formula

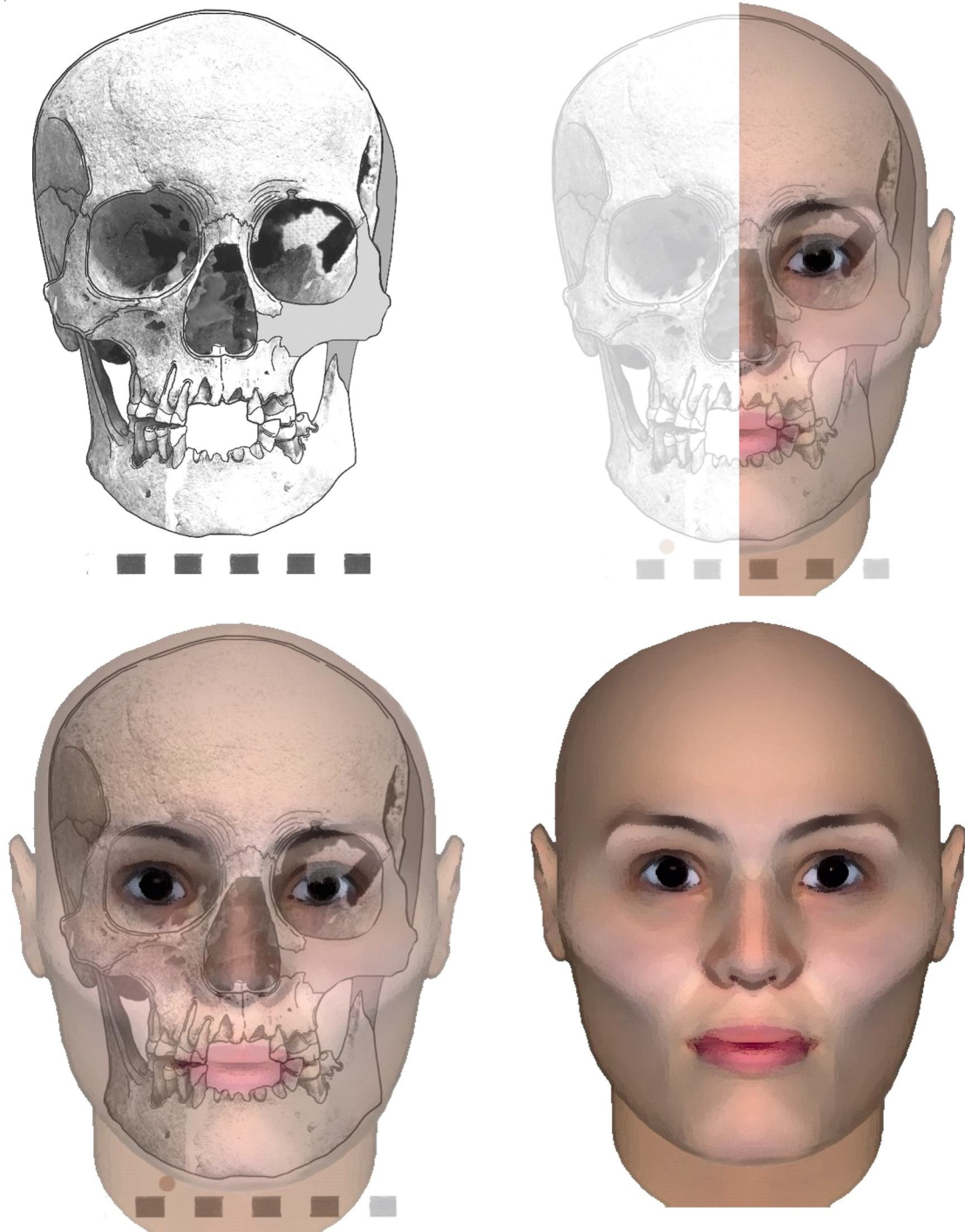

Рис. 4. Этапы графической реконструкции лица по черепу женщины из кург. 6, погр. 3
Fig. 4. Stages of graphic reconstruction of the face on the skull of a woman from barrow 6, burial 3

Рис. 5. Череп молодого мужчины из кург. 6, погр. 1, скелет 2:
1 – боковая норма; 2 – вертикальная норма; 3 – затылочная норма

Fig. 5. Skull of a young man from mound 6, burial 1, skeleton 2:
1 – lateral norm; 2 – vertical norm; 3 – occipital norm

Рис. 6. Нижняя челюсть мужчины из погр. 1 с явлением гипердонтии:
дополнительный коренной зуб указан стрелкой

Fig. 6. The mandibular of a man from burial 1 with the phenomenon of hyperdontia:
an additional molar is indicated by an arrow

Таблица 2. Некоторые индивидуальные краниометрические параметры и индексы мужских черепов из Березовского курганного могильника

Table 2. Some individual craniometrics parameters and indices of the male skull from Berezovsky V kurgan cemetery, kurgan 3

No Martin	Признак	Кург. 6 / погр. 1 / скелет 2	Кург. 6 / погр. 5
1	Продольный диаметр	194.0	182.0
5	Длина основания черепа	111.0	100.0
8	Поперечный диаметр	148.0	133.0
9	Наименьшая ширина лба	95.0	96.0
10	Наибольшая ширина лба	121.0	110.0
11	Ширина основания черепа	120.0	126.0
12	Ширина затылка	120.0	112.0
17	Высотный диаметр от <i>ba</i>	139.0	129.0
77	Назональный угол	142.5	150.0
8:1	Продольно-поперечный	76.2	73.0
17:1	Высотно-продольный	71.6	70.8
17:8	Высотно-поперечный	93.9	96.9
9:8	Лобно-поперечный	64.2	72.2
9:10	Лобный	78.5	87.2

Рис. 7. Череп мужчины из кург. 6, погр. 5:

1 – боковая норма; 2 – затылочная норма

Fig. 7. Skull of a man from the mound 6, burial 5:

1 – lateral norm; 2 – occipital norm

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В. П., Гохман И. И., 1984. Антропология Азиатской части СССР. М. : Наука. 208 с.
- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф., 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М. : Наука. 128 с.
- Герасимов М. М., 1949. Основы восстановления лица по черепу. М. : Советская наука. 187 с.
- Герасимов М. М., 1955. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек) // Труды института этнографии АН СССР. Новая Серия. Т. XXXVIII. М. : Изд-во АН СССР. 585 с.
- Китов Е. П., 2011. Палеоантропология населения Южного Урала эпохи бронзы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 26 с.
- Кошкин Г. А., 1971. Состояние зубов и челюстей древних жителей Южной Сибири (Тагарская. культура VII–II вв. до н. э.) : автореф. дис. ... канд. мед. наук. Казань. 23 с.
- Лебединская Г. В., 1997. Антропологическая реконструкция внешнего облика людей, оставивших могильники Сахтыш, Ивановское, Ловцы и озеро Ловецкое // Неолит лесной полосы Восточной Европы (Антропология Сахтышских стоянок). М. : Науч. мир. С. 22–26.
- Лебединская Г. В., 1998. Реконструкция лица по черепу. М. : Старый Сад. 125 с.
- Нечвалода А. И., 2010. Графическая реконструкция внешнего облика людей по краниологическим материалам энеолитических могильников Хвалынский I, Хвалынский II, Хлопков бугор // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследование материалов. Самара : СРОО ИЭКА “Поволжье”. С. 518–563.
- Нечвалода А. И., 2015. Лицом к Лицу. Альбом скульптурных и графических антропологических реконструкций. М. : Старый Сад. 115 с.
- Нечвалода А. И., 2016. К антропологии населения эпохи бронзы Башкирского Зауралья: черепа из курганного могильника Лаимберды // Историко-культурные процессы на Южном Урале: проблемы изучения и сохранения культурного наследия : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения Н.Г. Ругто. Уфа : Диалог. С. 174–190.
- Никитин С. А., 2009. Пластическая реконструкция портрета по черепу // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском соборе Московского Кремля. Т. 1. М. : Московский Кремль. С. 137–167.
- Рафикова Я. В., 2017. Погребение 1 кургана 6 Березовского V могильника в контексте неодновременных парных погребений эпохи поздней бронзы Южного Урала и Средней Азии // Развитие гуманитарной науки в регионах России : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. С. 337–339.
- Федоров В. У., Рафикова Я. В., 1996. Березовский V курганный могильник в Зауралье // Башкирский край. Вып. 6. Уфа : Литера. С. 49–71.
- Шевченко А. В., 1986. Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л. : Наука. С. 121–216.
- Юсупов Р. М., 1989. Антропология населения срубной культуры Южного Приуралья // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Урала и Нижнего Поволжья. Уфа : БНЦ УрО АН СССР. С. 127–138.
- Martin R., 1914. Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung mit besonderer Berücksichtigung der anthropologischen Methoden für Studierende Ärzte und Forschungsreisende. Jena : Gustav Fischer. 1181 S.
- Meindl R. S., Lovejoy C. O., 1985. Ectocranial Suture Closure: a Revised Method for the Determination of Skeletal Age at Death Based on the Lateral-Anterior Sutures // American Journal of Physical Anthropology. № 68. P. 57–66.
- Kollmann J., Buchly W., 1898. Die Persistenz der Rassen und die Rekonstruktion der Physiognomie prahistorischer Schadel // Archives für Anthropologie. № 25. P. 329–359.
- Nemeskéri J., Harsányi L., Acsádi Gy., 1960. Methodenzur Diagnose des Lebensalters von Skelettfunden // Anthropologischer Anzeiger. № 24. P. 103–115.
- Prag J., Neave R., 1997. Making Faces: Using Forensic and Archaeological Evidence. L. : British Museum. 256 p.
- Taylor K. T., 2000. Forensic Art and Illustration. Boca Raton : CRC Press. 580 p.
- Taylor R. G., Angel C., 1998. Facial Reconstruction and Approximation // J.G. Clement, D.L. Ranson (Eds). Craniofacial Identification in Forensic Medicine. L. : Arnold. P. 177–185.
- Wilkinson C., 2004. Forensic Facial Reconstruction. Cambridge : Cambridge University Press. 292 p.

REFERENCES

- Alekseev V.P., Gohman I.I., 1984. *Antropologiya Aziatskoy chasti SSSR* [Anthropology of the Asian Part of the USSR]. Moscow, Nauka Publ. 208 p.
- Alekseev V.P., Debets G.F., 1964. *Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranio-metry. Methods of Anthropological Research]. Moscow, Nauka Publ. 128 p.
- Gerasimov M.M., 1949. *Osnovy vosstanovleniya litsa po cherepu* [Basics of Facial Reconstruction on the Skull]. Moscow, Sovetskaya nauka Publ. 187 p.
- Gerasimov M.M., 1955. *Vosstanovlenie litsa po cherepu (sovremennyy i iskopaemyy chelovek)* [Restoration of the Face by the Skull (Modern and Fossil Man)]. Trudy instituta etnographii AN SSSR. Novaya Seriya, vol. XXXVIII. Moscow, Academy of Sciences of the USSR. 585 p.
- Kitov E.P., 2011. *Paleoantropologiya naseleniya Yuzhnogo Urala epohi bronzy: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Paleoanthropology of the Population of the Southern Urals of the Bronze Age. Cand. hist. sci. abs. diss.] Moscow. 26 p.
- Koshkin G.A., 1971. *Sostoyanie zubov i chelyustey drevnih zhiteley Yuzhnoy Sibiri (Tagarskaya kul'tura VII-II vv. do n. e.): avtoref. dis. ... kand. med. nauk* [The Condition of the Teeth and Jaws of the Ancient Inhabitants of Southern Siberia (Tagar Culture of the VII-II Centuries BC). Cand. med. sci. abs. diss.] Kazan'. 23 p.
- Lebedinskaya G.V., 1997. Antropologicheskaya rekonstruktsiya vneshnego oblika lyudey, ostavivshih mogil'niki Sahtysh, Ivanovskoe, Lovtsy i ozero Lovetskoe [Anthropological Reconstruction of the External Appearance of People who Left the Cemeteries of Sakhtysh, Ivanovskoye, Lovtsy and Lake Lovetskoye]. *Neolit lesnoy polosy Vostochnoy Evropy: (Antropologiya Sahtyshskikh stoyanok)* [Neolithic Forest Zone of Eastern Europe: (Anthropology of Sakhtysh Sites)]. Moscow, Nauchniy mir Publ., pp. 22-26.
- Lebedinskaya G.V., 1998. *Rekonstruktsiya litsa po cherepu* [Reconstruction of the Face on the Skull]. Moscow, Staryy Sad Publ. 125 p.
- Nechvaloda A.I., 2010. Graficheskaya rekonstruktsiya vneshnego oblika lyudey po kraniologicheskim materialam eneoliticheskikh mogil'nikov Hvalynsk I, Hvalynsk II, Hlopkov bugor [Graphic Reconstruction of the External Appearance of People on Craniological Materials of the Eneolithic Cemeteries of Khvalynsk I, Khvalynsk II, Khlopkov Bugor]. *Hvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i hvalynskaya eneoliticheskaya kul'tura. Issledovanie materialov* [Khvalynsk Eneolithic Cemeteries and Khvalynsk Eneolithic Culture. Material Research]. Samara, SRPO HECA «Povolzje», pp. 518-563.
- Nechvaloda A.I., 2015. *Litsom k Litsu. Al'bom skul'pturnyh i graficheskikh antropologicheskikh rekonstruktsiy*. [Face-to-Face. Album of Sculptural and Graphic Anthropological Reconstructions]. Moscow, Staryy Sad Publ. 115 p.
- Nechvaloda A.I., 2016. K antropologii naseleniya epohi bronzy Bashkirskogo Zaural'ya: cherepa iz kurgannogo mogil'nika Laimberdy [Anthropology of the Population of the Bronze Age Bashkir Trans-Urals Region: the Skull of Kurgan Cemetery Laimberdy]. *Istoriko-kul'turnye protsessy na Yuzhnom Urale: problemy izucheniya i sohraneniya kul'turnogo naslediya: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 70-letiyu so dnya rozhdeniya N.G. Rutto* [Historical-Cultural Processes in the South Urals: Problems of Study and Conservation of Cultural Heritage. Materials of All-Russian Scientific-Practical Conference Dedicated to the 70th anniversary from the Birthday N. G. Rutto]. Ufa, Dialog Publ., pp. 174-190.
- Nikitin S.A., 2009. Plasticheskaya rekonstruktsiya portreta po cherepu [Plastic Reconstruction of the Portrait on the Skull]. *Nekropol' russkikh velikih knyagin' i tsarits v Voznesenskom sobore Moskovskogo Kremlya* [Necropolis of Russian Grand Duchesses and Tsarinas in the Voznesenskiy Cathedral of the Moscow Kremlin], vol. 1. Moscow, Moscow Kremlin, pp. 137-167.
- Rafikova Ya.V., 2017. Pogrebenie 1 kurgana 6 Berezovskogo V mogil'nika v kontekste neodnoremennykh parnykh pogrebeniy epohi pozdney bronzy Yuzhnogo Urala i Sredney Azii [Burial 1, Kurgan 6 of Berezovskiy V Cemetery in the Context of the Duality of Paired Burials of the Late Bronze Age of the Southern Urals and Central Asia]. *Razvitiye gumanitarnoy nauki v regionah Rossii: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 85-letiyu Federal'nogo gosudarstvennogo byudzhethnogo uchrezhdeniya nauki Institut istorii, yazyka i literatury Ufimskogo nauchnogo centra RAN* [The Development of the Humanities in the Russian Regions. Materials of the International Scientific Conference Devoted to 85 Anniversary of Federal State Budget Institution of Science Institute of History, Language and Literature of Ufa Scientific Center RAS]. Ufa, IHLL USC RAS, pp. 337-339.

- Fedorov V.U., Rafikova Y.V., 1996. Berezovskiy V kurgannyi mogil'nik v Zaural'e [Berezovskiy V Kurgan Cemetery in the Trans-Urals]. *Bashkirskiy kray* [Bashkir Region], iss. 6. Ufa, Litera Publ., pp. 49-71.
- Shevchenko A.V., 1986. Antropologiya naseleniya yuzhnorusskikh stepey v epohu bronzy [Anthropology of the Population of the South Russian Steppes in the Bronze Age]. *Antropologiya sovremennogo i drevnego naseleniya Evropeyskoy chasti SSSR* [Anthropology of the Modern and Ancient Population of the European Part of the USSR]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 121-216.
- Yusupov R. M., 1989. Antropologiya naseleniya srubnoy kul'tury Yuzhnogo Priural'ya [Anthropology of the Population of the Srubnaya Culture of the Southern Urals]. *Materialy po epohe bronzy i rannego zheleza Yuzhnogo Urala i Nizhnego Povolzh'ya* [Materials on the Bronze Age and Early Iron of the Southern Urals and the Lower Volga Region]. Ufa, BSC YuD AS USSR, pp. 127-138.
- Martin R., 1914. *Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung mit besonderer Berücksichtigung der anthropologischen Methoden für Studierende Ärzte und Forschungsreisende*. Jena, Gustav Fischer. 1181 S.
- Meindl R.S., Lovejoy C.O., 1985. Ectocranial Suture Closure: a Revised Method for the Determination of Skeletal Age at Death Based on the Lateral-Anterior Sutures. *American Journal of Physical Anthropology*, no. 68, pp. 57-66.
- Kollann J., Buchly W., 1898. Die Persistenz der Rassen und die Rekonstruktion der Physiognomie prahistorischer Schadel. *Archives fur Anthropologie*, no. 25, pp 329-359.
- Nemeskéri J., Harsányi L., 1960. Acsádi Gy. Methodenzur Diagnose des Lebensalters von Skelettfunden. *Anthropologischer Anzeiger*, no. 24, pp. 103-115.
- Prag J., Neave R., 1997. *Making Faces: Using Forensic and Archaeological Evidence*. London, British Museum. 256 p.
- Taylor K.T., 2000. *Forensic Art and Illustration*. Boca Raton, CRC Press. 580 p.
- Taylor R.G., Angel C., 1998. Facial Reconstruction and Approximation. *J.G. Clement, D.L. Ranson (Eds). Craniofacial Identification in Forensic Medicine*. London, Arnold, pp. 177-185.
- Wilkinson C., 2004. *Forensic Facial Reconstruction*. Cambridge, Cambridge University Press. 292 p.

Information About the Author

Aleksey I. Nechvaloda, Researcher of Department of Ethnology, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Oktyabrya, 71, 450054 Ufa, Russian Federation, striwolf@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9904-7284>

Информация об авторе

Алексей Иванович Нечвалода, научный сотрудник отдела этнологии Института истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, просп. Октября, 71, 450054 г. Уфа, Российская Федерация, striwolf@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9904-7284>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.15>

UDC 902(574.3)
LBC 63.48(5Қаз)

Submitted: 16.03.2020
Accepted: 29.04.2020

TASMOLA KURGANS IN AIYRTAS VALLEY IN CENTRAL KAZAKHSTAN

Arman Z. Beisenov

Research Center for the History and Archeology of Begazy-Tasmola, Almaty, Republic of Kazakhstan

Darkhan T. Shashenov

Karaganda Regional Museum of Local History, Karaganda, Republic of Kazakhstan

Abstract. The report introduces study materials of new kurgans dating back to the early Iron Age of Central Kazakhstan. Monuments are located in the eastern part of the Karaganda region. Geographically, this territory is part of the Kazakh Upland's eastern region. In three cemeteries located at the area of Mount Aiyrtas, 8 kurgans were excavated. Mounds of 5–13 m in diameter and 0.2–1.2 m tall are built of earth and stone. Each mound contains one grave. Dead bodies are placed head to the northwest. Despite the fact the kurgans were heavily robbed, the data about the funeral rite demonstrate important aspects of the of the ancient population culture of this region, as well as the found objects do. According to archaeological data, the monuments belong to the Tasmola culture of the Saka tribes time period. The materials obtained indicate that representatives of the ordinary population are buried at the studied sites. Monuments are dating back to VII–V centuries BC. The study of monuments left by the lower class is a poorly researched aspect of tasmol culture's population, so it is very important. The data accumulated by now have been obtained from burials being widely scattered over a large area. Studying small mounds in places of their accumulation is more promising, though. One of such places is Aiyrtas valley, where large number of small mounds is located, as parts of nearby cemeteries. There are still some unexcavated kurgans in Aiyrtas-2 kurgan cemetery remaining. As it is known, a complete study of burial grounds makes it possible to draw more substantiated conclusions about the social structure of ancient society. There are other burial grounds in the area, including elite kurgans.

Key words: Central Kazakhstan, Tasmola culture, barrow, kurgan, funeral rite.

Citation. Beisenov A.Z., Shashenov D.T., 2020. Tasmola Kurgans in Aiyrtas Valley in Central Kazakhstan. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, vol. 19, no. 1, pp. 268-284. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.15>

УДК 902(574.3)
ББК 63.48(5Қаз)

Дата поступления статьи: 16.03.2020
Дата принятия статьи: 29.04.2020

ТАСМОЛИНСКИЕ КУРГАНЫ В УРОЧИЩЕ АЙЫРТАС В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ

Арман Зияденович Бейсенов

Научно-исследовательский центр истории и археологии Бегазы-Тасмола, г. Алматы, Республика Казахстан

Дархан Тастемирович Шашенов

Карагандинский областной историко-краеведческий музей, г. Караганда, Республика Казахстан

Аннотация. В сообщении вводятся в научный оборот материалы изучения новых курганных захоронений раннего железного века из Центрального Казахстана. Памятники находятся на территории восточной части Карагандинской области. В географическом отношении она входит в черту восточного крыла Казахского мелкосопочника. В районе горы Айыртас в составе трех могильников было раскопано всего 8 курганов. Насыпи диаметром 5–13 м и высотой 0,2–1,2 м сооружены из земли и камня. Каждая насыпь содержит одну

могилу. Умершие люди были уложены головой на северо-запад. Курганы сильно ограблены, тем не менее данные погребального обряда, а также найденные вещи демонстрируют важные стороны культуры древнего населения этого региона. Судя по археологическим данным, памятники относятся к тасмолинской культуре сакского времени. Полученные материалы позволяют считать, что изученные захоронения оставлены представителями рядового населения. Дата памятников – VII–V вв. до н.э. Актуальность исследования памятников низших слоев населения тасмолинской культуры обусловлена их малоизученностью. Накопленные к настоящему времени данные были получены из захоронений, которые сильно разбросаны на большой территории. Более перспективным является изучение малых насыпей в районах их концентрации. Одним из таких пунктов является долина Айыртас, где имеется значительное число малых насыпей в составе близлежащих могильников. В могильнике Айыртас-2 имеются еще не раскопанные курганы. Как известно, полное исследование могильников дает возможность получения более обоснованных выводов по социальному строю древнего общества. Также в данном округе расположены и другие могильники, в том числе и группы из элитных курганов.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, тасмолинская культура, курган, могильник, погребальный обряд.

Цитирование. Бейсенов А. З., Шашенов Д. Т., 2020. Тасмолинские курганы в урочище Айыртас в Центральном Казахстане // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 1. С. 268–284. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.15>

Введение

Гора Айыртас, в районе которой проводились археологические исследования, находится на территории Каркаралинского района Карагандинской области. «Айыр» на казахском языке означает нечто раздвоенное, расходящееся (например, вилы). Для каменистого ландшафта Казахского мелкосопочника, изобилующего весьма разными поднятиями в рельефе, это выражение часто указывает на возвышенность, которая имеет посередине некую седловинку или же несколько таковых. Айыртас – буквально «раздвоенный камень», то есть гора, имеющая таковой облик при взгляде со стороны.

Возвышенность вытянута с северо-запада на юго-восток, общей длиной около 8 км. Северо-западная часть хребта более занижена. Наиболее высокая точка расположена в юго-восточной части хребта, абсолютная высота ее – 1 009 м (по данным топокарты, квадрат М43-XXIII). Возвышенность характеризуется, особенно в высокой части, довольно крутыми склонами, густо изрезанными балками. Хорошо просматриваются многочисленные выходы коренных пород. Карбоновые породы, из которых сложены горы, перекрыты элювиально-делювиальными отложениями. Каштановые почвы покрыты разнотравной степной растительностью, где преобладают полынно-типчаковые сообщества. Много здесь зарослей степной караганы [Ка-

раганда ... , 1986, с. 92]. Преимущественно с северной, северо-восточной, а также восточной стороны горы расположены значительные равнинные пространства. С запада и юга рельеф более холмисто-гористый. Всю эту местность запада, севера и востока окаймляют русла степных рек. Это довольно известная и значимая для ландшафта востока Казахского мелкосопочника р. Тундик, протекающая к западу от горы Айыртас в северо-восточном направлении, а также река Айгыржал, текущая с юго-востока и впадающая в р. Тундик, являясь ее правым притоком. По отношению к р. Тундик рассматриваемая округа входит в районы ее верхнего течения.

В долине Айыртас начиная с 2007 г. осуществлялись кратковременные разведочные поездки, хотя о полном осмотре всей местности нельзя сказать. В 2014, 2019 гг. археологической экспедицией Карагандинского областного историко-краеведческого музея здесь были исследованы курганы раннего железного века в составе трех могильников – Айыртас-1, Айыртас-2 и Естек¹, материалы которых приводятся в данной публикации. Изученные памятники относятся к тасмолинской культуре Центрального Казахстана [Beisenov et al., 2016].

Два черепа из ранее вскрытых курганов из могильников Айыртас-1 и Естек были изучены антропологами и опубликованы [Бейсенов и др., 2015]. В настоящее время, после работ 2019 г., подготовлены новые палеоант-

ропологические материалы из вновь раскопанных курганов, в том числе три полных скелета, включая черепа, а также отобраны образцы для выполнения радиоуглеродного анализа. Планируется продолжение исследований.

Материалы

Три изученных могильника находятся к востоку, северо-востоку и югу от горы Айыртас. В северо-западной части хребта, на восточном склоне расположена одноименная действующая зимовка (ферма), возле которой базировался экспедиционный лагерь в полевых сезонах 2014 и 2019 годов. На расстоянии 2 км восточнее от этой зимовки находится могильник Айыртас-1. В 7 км к северо-востоку от зимовки расположен могильник Айыртас-2. Третий могильник – Естек, находится к югу от хребта, в непосредственной близости от одноименной зимовки. Расстояние от зимовки Айыртас до этого пункта 8 км (рис. 1, 1).

Всего в трех могильниках к настоящему моменту раскопаны восемь курганов. Айыртас-1 и Естек, состоящие каждый из двух курганов, исследованы полностью. Из девяти курганов могильника Айыртас-2 раскопкам подверглись четыре. Основные данные погребального обряда исследованных памятников показаны в таблице 1.

Изученные памятники обладают целым рядом общих свойств. Их суть в следующем.

Насыпи имеют округлую форму и смешанное, каменно-земляное, содержание. Под каждой насыпью находится одна могила, что в принципе характерно для тасмолинской культуры. Тип могил – грунтовая яма. Все они не имеют перекрытий. Их глубина небольшая, около 1 м, лишь в одном случае, в кург. 2 могильника Естек, достигает 1,4 м. В шести случаях могилы ориентированы по линии СЗ–ЮВ. В кург. 5 могильника Айыртас-2 могила ориентирована по линии ЮЗ–СВ. Могила кург. 1 могильника Естек имеет ориентировку по линии З–В. Положение костяка определено в шести случаях – вытянуто, на спине. Ориентировка погребенных определена также в шести случаях. За исключением кург. 5 могильника Айыртас-2, где выявлена северо-восточная ориентировка костяка, в пяти кур-

ганах умерших укладывали головой на СЗ. В двух остальных курганах, где ориентировка костяка не определена, могилы длинной осью ориентированы по линиям СЗ–ЮВ (кург. 2 могильника Айыртас-1), З–В (кург. 1 могильника Естек). Наиболее вероятной для этих курганов является северо-западная и западная ориентировка умерших.

В заполнении могил камни находятся в верхнем слое – преимущественно до глубины 15–25 см от уровня древней поверхности. Ниже залегает грунтовый слой, в который попали разноразмерные камни в процессе ограбления могилы. В ходе раскопок вокруг могил зафиксированы небрежно сложенные каменные набросы, поверх которых залегают слои смешанного, каменно-земляного состава.

Судя по убедительным признакам, ограблены пять курганов из восьми. Тем не менее их общий характер в целом улавливается. На относительно ровной, слегка подчищенной поверхности выкапывали могилу, которую потом заполняли вынутым материковым грунтом. Затем на засыпанную могилу укладывался каменный слой – наброс округло-овальный в плане формы, внешние контуры которого выходили за пределы погребальной камеры со всех сторон. В процессе оседания грунта внутри могилы камни этого наброса, также оседая, занимали верхний слой заполнения. Вместе с тем в некоторых случаях камни в могилу, возможно, укладывались уже в ходе заполнения. Об этом свидетельствуют особенности заполнения могилы в кург. 2 могильника Естек, где зафиксирована наибольшая глубина захоронения. Здесь удалось заметить, что грабители проникли в могилу со стороны изголовья, вскрыв при этом значительную площадь погребальной камеры. Нетронутым остался сектор заполнения в юго-восточном углу, где в момент раскопок хорошо фиксировался довольно плотный верхний каменный слой, мощностью до 35 см. На невысокий каменный холмик над могилой в дальнейшем набрасывали землю попеременно с камнем. Крепида выявлена в двух курганах среди раскопанной серии: на кург. 1 могильника Айыртас, который имеет, кстати, наибольшие размеры насыпи, и кург. 2 могильника Естек. Ограды и рвы на исследованных курганах отсутствуют.

Среди неисследованных памятников могильника Айыртас-2 крепиды насыпи, а также ограда и ров фиксируются на кургане 4. Это наибольший по своим параметрам курган во всех трех могильниках. Его исследование намечено на ближайшие годы.

В ходе ограбления заметно пострадали насыпи. Некоторая практика исследования подобных курганов в Центральном Казахстане позволяет предположить, что вскрывали курганы еще в древности. В ходе поздних ограблений, как, например, в результате деятельности «бугровщиков», обычно вскрывали значительную площадь в центре насыпи, открывали всю могилу. На других курганах имеются интенсивные следы выборки камней – на кург. 2 могильника Айыртас-1 и особенно на кург. 9 могильника Айыртас-2.

Могильник Айыртас-1, исследованный в 2014 г., состоит из двух курганов, расположенных по линии север-юг.

Курган 1. Северный в группе, является самым крупным среди всех изученных объектов. Округлой формы крепиды из довольно крупных, длиной до 35 см, обломков плитняка проложена вплотную к насыпи, некоторые секторы ее просматривались еще до раскопок. В заполнении могилы с глубины 0,4 м от уровня древней поверхности были найдены череп и другие кости от человеческого скелета, в том числе одна бедренная кость, целые и фрагментированные ребра, спинные позвонки, мелкие кости кистей рук. Череп лежал затылочной частью вверх в центральной части могилы, на 0,35 м выше дна. На дне могилы расчищены одна бедренная кость, четыре позвонка, лежащие в анатомическом порядке. По этим костям ориентировка погребенного определяется достаточно ясно – головой на СЗ. В юго-восточной части могилы, на уровне 25–30 см выше дна, найдены два однотипных кольца, свернутые из полосы золотого листа (рис. 2,1); бронзовый черешковый трехлопастной наконечник стрелы (рис. 2,2); фрагмент, по-видимому, чумбура, сплетенного из овечьей пряжи (рис. 2,3). Размеры колец: диаметр 1,9 см, ширина полосы 0,9 см, толщина полосы около 1,5 мм. Общая длина наконечника 5 см, боевой головки 2,3 см, черешка, соответственно, 2,7 см. Нижняя часть округлого у основания черешка уплощена. Диаметр основания 4 мм,

ширина плоского конца 6 мм. Край одной лопасти поврежден, возможно при ограблении захоронения. Для территории всего Казахстана и за его пределами подобные наконечники характерны для раннесакской эпохи. Аркан из сплетенной пряжи диаметром около 6–7 мм при сохранившейся длине около 5 см мог также служить поясом для штанов, как в этнографическое время, или использоваться таким же образом для верхней одежды.

На расстоянии 6 м к юго-западу от рассмотренного кургана находится каменная выкладка диаметром около 3 м при высоте 0,1 метра. Камни небольших размеров уложены плотно, покрывая всю площадь сооружения. Раскопки не выявили каких-либо ям, пьтен, находок.

Курган 2. Верх насыпи сильно потревожен, зафиксированная при раскопках высота вряд ли является первоначальной. Вся поверхность насыпи густо проросла кустарником, центральная часть занижена в результате ограбления. В заполнении могилы найдены череп и отдельные разрозненные кости от человеческого скелета. Находок нет.

Могильник Айыртас-2 исследовался в 2019 году. Он включает в себя (рис. 1,2) всего девять курганов, расположенных цепочкой по линии ЮЗ–СВ. Центральное место в цепочке занимает неисследованный кург. 4. Диаметр каменно-земляной насыпи 20 м, высота 0,9 метра. Просматриваются участки крепиды из крупных плит. На расстоянии 1 м от полы насыпи вкруговую устроена ограда из плашмя уложенных крупных плит. Диаметр ограды 22 метра. Еще далее, на расстоянии 0,5–0,6 м, находится ров, сильно оплывший. Наибольшая ширина рва на современной дневной поверхности свыше 2 метров. Наибольшая глубина – в северо-западном секторе – 0,3 метра. Таким образом, этот памятник имеет все основные признаки, более характерные для курганов раннего этапа тасмолинской культуры: крепиду, ограду и ров.

Планиграфия Айыртас-2 показывает, что основу ансамбля составляют насыпи, образующие более правильную линию в цепочке, тогда как кург. 5 и 6 сооружены вне цепочки. Определение хронологии этих двух объектов затруднено ввиду отсутствия более или менее надежно датированных вещей. На этом

могильнике всего раскопано четыре захоронения в кург. 5, 6, 8 и 9.

На дне могильной ямы кург. 5 находился скелет человека (табл. 1), кости в анатомическом порядке, череп слегка повернут вправо. Ниже правой кисти найдены многочисленные, расположенные бессистемно, фрагменты от железных изделий. Относительно крупными оказались свыше 10 фрагментов, остальные представляли собой мелкие расслоившиеся куски корродированного металла, лежавшие в слое коричневой трухи. Сохранившиеся крупные фрагменты имеют клиновидное сечение. По-видимому, в могилу были положены два крупных ножа (рис. 2,4,5). Предполагаемая длина первого около 30 см, наибольшая ширина фрагментов 2,5 см, толщина 0,9 см. Второй, возможно, имел длину свыше 20 см, наибольшая ширина фрагментов около 2 см, толщина 0,7 см. В районе правого локтя, на 5 см выше дна могилы найдено полое изделие, свернутое из бронзового листа (рис. 3,4). Один конец предмета заужен. Диаметр широкого конца 9 мм, узкого – 6 мм. Внутренние диаметры, соответственно, – 6 и 3 мм. Толщина листа около 1,5 мм. Функция предмета неясна. Это единственный курган среди изученной серии, где умерший уложен головой на СВ. Такая ориентировка костяка в целом не характерна для тасмолинской культуры.

Курган 6 сильно ограблен. В могиле, на глубине 0,9 м, расчищена лопатка лошади, лежавшая поперек длинной оси ямы. Ниже на 0,3 м, на дне могилы, в непо потревоженном виде сохранились лишь обе берцовые кости погребенного. Судя по размерам костей, это захоронение подростка. Находок нет.

Насыпь кург. 8 сохранилась лучше, чем все другие изученные памятники. Она имеет вид низкого усеченного конуса, камни, более крупные, чем в остальных насыпях, уложены довольно плотно. На дне могилы найден полный скелет человека. Вещей нет.

Курган 9, напротив, представляет собой сооружение, наименее сохранившееся среди всех курганов трех могильников. Вокруг него зафиксировано 10 каменных могил казахского времени, вероятно XIX–XX вв. (рис. 1,2). Несомненно, верхний слой каменной насыпи кургана был разобран для строительства этих

могил. При разборке камней насыпи в северо-восточном секторе найдена каменная зернотерка (рис. 2,6). Изделие длиной 40 см, шириной 13 см и толщиной 7 см, выполненное из сиенита, было положено на древний горизонт рабочей поверхностью вверх, на расстоянии 0,7 м от края насыпи. На дне могилы находился полный скелет человека. Возле правого локтя умершего найдены многочисленные мелкие и лежавшие бессистемно фрагменты от железного изделия. Свыше 10 из них относительно определяемы в качестве фрагментов крупного ножа или кинжала. Предполагаемая длина предмета – свыше 20 сантиметров. Сечение фрагментов клиновидное или же уплощенно-овальное. Лишь два фрагмента соединяются между собой, составляя одну часть предмета длиной 6,4 см, шириной 1,8 см, толщиной около 0,9 см (рис. 3,3). Еще один фрагмент представляет собой не полностью сохранившееся кольцо (рис. 3,2). Диаметр около 4,5–5 сантиметров. Предположительно, в могилу был положен железный кинжал с навершием, оформленным в виде широкого кольца. На правой тазовой кости скелета находился каменный кайрак-точило (рис. 3,1) хорошей сохранности, на котором была низкая бронзовая ворворка (рис. 3,5). Длина точила 13,2 см, ширина 2,5 см, толщина 1,4 см, выполнено из мелкозернистого песчаника². Диаметр отверстия для подвешивания: на лицевой стороне 1,1 см, на тыльной – 0,5 см. Диаметр основания ворворки 1,6 см, высота – 0,5 см. Оба изделия находились в непо потревоженном виде. Кайрак находился в «рабочем» положении, то есть отверстием вверх, в сторону пояса умершего. Бронзовое изделие, служившее деталью крепления точила к поясу, лежало прямо на отверстии для подвешивания.

Насыпи обоих курганов могильника Естек значительно повреждены. В сильно ограбленной могиле кург. 1, преимущественно в нижней части заполнения, найдены отдельные разрозненные кости человеческого скелета. Вещей нет. На расстоянии 8 м восточнее кургана находится жертвенник, имеющий вид сплошной каменной вымостки округлой формы. Его диаметр 6 м, высота 0,1 м. Объект совершенно аналогичен исследованному жертвеннику близ кург. 1 могильника Айыртас-1. Раскопки не выявили каких-либо

ям, пятен, следов человеческого захоронения, находок.

В кург. 2, в центре насыпи, на 15 см ниже современной поверхности, в заполнении грабительской воронки найдены пять фрагментов круглого бронзового зеркала с петелькой на тыльной стороне (рис. 3,6). Диск диаметром 8,5 см не имеет бортика, толщина 2 мм, размеры полукруглой петельки: длина 1,9 мм, высота 9 мм, ширина 6 мм, толщина 3 мм. На такой же глубине, на расстоянии 1 м восточнее обнаружен один фрагмент керамики (рис. 3,7). В заполнении могилы на разных уровнях найдены 10 каменных бус (рис. 3,8–17). Сведения о них приведены в таблице 2. От человеческого скелета сохранились череп, найденный в северо-западной части могилы, на 20 см выше дна, затем лежавшие на дне в анатомическом порядке кости обеих ног, а также немногочисленные разрозненные кости и их фрагменты, расположенные беспорядочно.

Керамика представлена фрагментом шейки сосуда, изготовленного с помощью гончарного круга. Венчик плоский, отогнутый наружу, ниже расположен сформованный валик, треугольный в разрезе. На переходе от короткой шейки к тулову прочерчена горизонтальная линия с двумя волнистыми линиями под ней. Толщина стенок 0,7–0,8 см. Исходное сырье – сильноожезненная среднепластичная глина с естественной примесью кварцевого песка; формовочная масса состоит из глины без искусственных минеральных добавок. Сосуд обжигался в окислительной среде при температуре не менее 900 °С, после чего подвергался чернению с кратковременной выдержкой в восстановительной атмосфере. В результате обе поверхности получили черную окраску³.

Согласно полученным данным, все изученные курганы являются местами захоронения предшественников рядового населения. Хотя полное обследование всей округи еще предстоит, тем не менее известно, что здесь имеются и крупные курганы. На расстоянии 12 км к востоку от горы Айыртас находится гора Борили (каз. «волчья») с абсолютной высотой 958 м, у подножия которой расположен элитный могильник тасмолинской культуры. Центральную часть этого небольшого могиль-

ника, открытого А.З. Бейсеновым в 2007 г., составляют курганы высотой 3–4 метра.

В округе есть казахские мазары и простые захоронения: как глинобитные, так и каменные. Также в ходе кратковременных маршрутов были обнаружены и осмотрены остатки ряда казахских зимовок. В 10 км севернее Айыртаса находится гора под названием Ешкиолмес (каз. «не погибнут и козы»), с абсолютной высотой 1034 м. Такое название в старину казахи присваивали урочищам, которые считались особо удобными благодаря отсутствию в зимнее время большого снега. Обычно местные казахские названия неплохо подтверждают особенности расселения скотоводческих общин. Так, архивные данные показали, что в урочище Ешкиолмес находилось зимнее кочевье многолюдного семейства Кусбека Таукина (Букейханова), человека богатого и влиятельного, в середине XIX в. занимавшего в два срока должность старшего султана (Ага-султан) Каркаралинского внешнего округа Западно-Сибирского подчинения [История Каркаралы..., 2009, с. 88]. Изучаемый район будет интересен и для этноархеологических исследований. Отдельной темой можно ставить вопрос о необходимости поиска здесь поселений сакского времени.

Обсуждение материалов

Среди изученной группы памятников раннюю дату дает кург. 1 в могильнике Айыртас-1, где уцелел бронзовый наконечник стрелы. Черешковые трехлопастные наконечники стрел данного типа в Казахстане известны по меньшей мере с эпохи поздней бронзы. Как показывают материалы археологических исследований, они бытовали в среде населения бегазы-дандыбаевской культуры, оставившего могильник Бегазы в Центральном Казахстане [Маргулан, 1979, с. 85, рис. 55,10]. Для памятников раннесакского времени Казахстана исходной территорией распространения бронзовых трехлопастных черешковых наконечников, возможно, следует считать территорию Центрального Казахстана. В начале раннесакской эпохи, в период VIII–VII вв. до н.э., такие наконечники получают распространение в разных регионах Казахстана [Хабдулина, 2017]. Учитывая особенности погребального

сооружения, погребального обряда в целом, кург. 1, по-видимому, нужно датировать финалом раннесакского времени, в рамках периода VII–VI вв. до н.э. Золотые кольца из этого кургана не имеют аналогов среди имеющихся данных по тасмолинской культуре. Захоронение сильно ограблено, и это не дает возможности связать эти предметы с определенной областью в положении умершего, функция их не ясна. Данные изучения черепа показали, что в кург. 1 могильника Айыртас-1 захоронен мужчина в возрасте 45–55 лет [Бейсенов и др., 2015, с. 27–28, рис. 11].

Все остальные материалы из курганов долины Айыртаса не дают какую-либо узкую дату в рамках существования тасмолинской культуры и предварительно датируются периодом VII–V вв. до н.э.

Железные изделия, в том числе ножи, распространяются в Центральном Казахстане начиная еще с VII в. до н.э. [Кадырбаев, 1966], а скорее в период VIII–VII вв. до н.э. Бытуют они в течение всего времени существования тасмолинской культуры. Согласно общей тенденции распространения изделий из этого металла в сакском мире Казахстана в раннесакское время они еще редки, но в последующий период их количество увеличивается. Выше было высказано предположение о кинжале с кольцевым навершием в кургане 9 могильника Айыртас-2. Определенности здесь, конечно, быть не может. Следует лишь учесть, что в таком случае для этого захоронения VII в. до н.э. надо исключить, так как таковые изделия в памятниках сакского круга, а надо сказать и в других сопредельных регионах, появляются не раньше периода VI–V вв. до н.э.

Возможно, так же обстоит ситуация и с кург. 2 из могильника Естек, где, согласно данным антропологического исследования, была погребена женщина в возрасте 18–25 лет [Бейсенов и др., 2015, с. 45–46, рис. 32]. Помимо 10 штук бусин здесь найдено круглое бронзовое зеркало без бортика, с петелькой на тыльной стороне. Изделие представлено в пяти фрагментах: оно было положено разбитым, как это практиковалось в древности, или же это результат действия грабителей – судить трудно. Когда-то бортику зеркал приписывали исключительный хронологический признак, уве-

ренно относя его ко второму и последующим этапам сакских культур. Сейчас это не вполне однозначно. Зеркала без бортика, имеющие традиционную петельку на обороте, но несколько уменьшенные, могли появиться и концу раннесакского времени. В этом случае для даты этого кургана также наиболее вероятным будет период не ранее VI в. до н.э. или же конца VII – VI в. до н.э. Фрагмент круговой керамики, найденный в насыпи этого кургана, не входит в предметный комплекс тасмолинской культуры. О дате этого единственного фрагмента судить невозможно, не исключено, что он имеет позднее происхождение.

Каменные зернотерки и их обломки находят повсеместно в памятниках сакского мира Казахстана. В рамках тасмолинской культуры они найдены в насыпях двух курганов и в жертвеннике могильника Нуркен-2 [Бейсенов, 2016], в курганах могильников Акбеит, Назар-2. Помимо этих пяти случаев, касающихся новых исследований в Центральном Казахстане, еще в ранние периоды работ М.К. Кадырбаев нашел зернотерку овальной формы размерами 36 × 24 × 5 см в кургане с «усами» 1 могильника Кийксу. Комплекс состоит из западной, «центральной» насыпи и восточного «малого» кургана, от которого отходят две каменные гряды. Предмет, названный исследователем зернотеркой, был найден в западном кургане, «у верхнего края могильной ямы». Рисунок, приведенный в работе М.К. Кадырбаева [Кадырбаев, 1959, с. 164–165, рис. 1а], напоминает также и плоский каменный жертвенник, хотя обращают на себя внимание его более крупные размеры, чем для обычных экземпляров, которые находят в могилах тасмолинского населения. Более узкая дата Кийксу не определена из-за отсутствия других находок. Курганы с каменными зернотерками в могильниках Нуркен-2, Акбеит, Назар-2 относятся к раннесакскому времени, но, как показывают данные, зернотерки в Центральном Казахстане укладывались также и в насыпи более поздних этапов. Так, в кург. 3 могильника Карамола каменная зернотерка длиной 42 см, шириной 17,8 см, высотой 5,7 см находилась рабочей частью вверх на восточной периферии нижней каменной насыпи. Эту часть наземного сооружения сверху покрывала земляная насыпь, на восточной пе-

риферии которой находились два сосуда, положенные, как и зернотерка, на древнюю поверхность [Бейсенов, 2014]. В качестве даты изученных курганов карамолинского могильника предложен период IV–III вв. до н.э. А.З. Бейсенов не относит курганы на могильнике Карамола к тасмолинской культуре и, в свою очередь, им было высказано мнение об отнесении их к отдельному типу захоронений сакского круга [Бейсенов, 2014, с. 77]. Это положение показывает, что оставление каменных зернотерок в насыпях курганов, по-видимому, является общей сакской традицией, бытовавшей на большой территории в течение довольно длительного времени. Одним словом, каменная зернотерка в нашем кургане не дает возможности определить узкую дату. На это указывают и материалы соседних регионов, в том числе Саяно-Алтая.

Зернотерки на Саяно-Алтае находят повсеместно в погребальных сооружениях. Две зернотерки обнаружены в кург. 7 могильника Аргалыкты-ХIII в Туве [Савинов, 1994]. С этим курганом, относящимся к памятникам шанчигского типа (финал эпохи бронзы, предскифское время) [Кызласов, 1977; Савинов, 2002], связан также олений камень общевразийского типа. Курган 1 могильника Ак-Даг I, где найдены зернотерка и курант [Тетерин, Митько, 2014], относится алдыбельской культуре раннескифского времени. В Горном Алтае зернотерки были найдены и в раннескифских курганах, как, например, на могильниках Карбан-1, Кызык-Телань-1, Кор-Кобы-1, Семисарт-1 и в курганах пазырыкского времени [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 58]. Ситуация с зернотерками дополняется также и фактами находок каменных жерновов ручной мельницы, которых в скифо-сакское время тоже оставляли в насыпях курганов [Молодин, Боровский, 1994; Наглер, 2000].

Предложенная для изученных памятников хронология, надо надеяться, будет уточнена в ходе предстоящих исследований. Помимо раскопок оставшихся курганов, планируется проведение серии радиоуглеродных анализов. Особо актуально это для кург. 5 могильника Айыртас-2, находящегося вне основной линии цепочки. Рядом расположенный кург. 6 (рис. 2) содержал захоронение с северо-западной ориентировкой, характерной для

тасмолинской культуры. Курган 5, имевший диаметр всего 5 м и высоту 0,2 м, показал северо-восточную ориентировку костяка, нехарактерную для этой культуры. Плохо сохранившиеся фрагменты железных ножей и бронзовое изделие не дали основания для какой-либо узкой даты. Северо-восточная ориентировка умершего характерна для погребений коргантасского типа. Дата основной массы этих памятников IV–II вв. до н.э., предполагается, что нижняя ее граница может быть удревнена (подробнее о коргантасском типе см.: [Бейсенов, 1995; 2017; Китов, Бейсенов, 2015; Бейсенов, Дуйсенбай, 2015а; 2015б; Шульга, 2015]). Особенности погребального сооружения, тип могилы кургана 5 близки к аналогичным элементам остальных изученных объектов. Кроме того, здесь отсутствует важная деталь обряда коргантасского населения – внутримогильный головной жертвенник с черепами и костями ног домашних животных. В целом кург. 5, возможно, отражает процессы смешения ранних коргантассцев с местными тасмолинскими племенами или же относится к более поздним периодам.

Выводы

Как показывают природные особенности урочища Айыртас и прилегающих к нему местностей, данные памятников (как раскопанных, так и еще неизученных), а также материалы этнографической современности, представляемый район является перспективным для научных исследований. Здесь издревле имеются хорошие условия для жизни степных скотоводов. Горная возвышенность, при которой находятся удобные равнины, наличие близкорасположенных водотоков в виде рек или же крупных родников – вот основные слагаемые этого удобства для районов востока Казахского мелкосопочника. Некоторая практика работы в этом регионе показала, что на протяжении длительного времени это свойство мелкосопочника определяло основные тенденции расселения скотоводческих общин как в древности, так и в этнографическое время. Изученные здесь в течение двух полевых сезонов восемь курганов датируются в рамках периода VII–V вв. до н.э. Более узкую дату имеет лишь один памятник, а именно

кург. 1 могильника Айыртас, который может быть отнесен VII–VI вв. до н.э.

Исследование рядовых курганов тасмолинской культуры обусловлено актуальностью, которая создает особую специфику в разработке тасмолинской проблематики. Изученные в период конца 1940-х – 1950-х гг. А.Х. Маргуланом и М.К. Кадырбаевым рядовые курганы представляли собой разрозненные памятники из разных могильников, расположенных достаточно далеко друг от друга [Кадырбаев, 1958; 1959]. Затем в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в могильниках на побережье р. Шидерты были открыты погребения воинской элиты, которые сопровождалась также и более простыми захоронениями [Кадырбаев, 1966]. Открытые в современную эпоху могильники Талды-2, Карашоки, Назар-2, Шерубай относятся к родоплеменной элите. В Центральном Казахстане эпизодически изучаются одиночные курганы небольших размеров, бескурганые захоронения [Ткачев, Волошин, 2011; Кукушкин, Ломан, 2013], которые пока не дают достаточного объема источников для исследования вопросов, связанных с рядовыми членами общества. Кажущиеся малочисленность и «неуловимость» погребальных сооружений рядового населения тасмолинской культуры связаны с общими особенностями расселения племен этого сообщества. Для этой культуры, занимавшей огромные холмисто-степные пространства Казахского мелкосопочника, характерны: небольшие могильники, часто представленные группами всего из нескольких насыпей; обилие одиночных курганов, чему в принципе соответствует и характер

распространения небольших по площади поселений-зимников [Бейсенов и др., 2017]. На фоне эпизодических раскопок сильно разрозненных памятников или вскрытия единичных насыпей из разных могильников однозначно актуальным будет исследование интересующих нас малых курганов в районах той или иной их концентрации. Все три представленные в настоящем сообщении группы находятся неподалеку друг от друга. Все изученные курганы демонстрируют явную близость в элементах погребального сооружения, могил, ориентировке костяков. Обращает внимание наличие небольших жертвенников [Бейсенов, 2015], устраиваемых вблизи кургана, которые характерны также для могильников и одиночных курганов элиты.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В старину казахи естеками называли башкир. Значительная часть современных ферм восходит к старым казахским зимовкам. Возможно, когда-то здесь жил человек с таким именем. Известно, что в XVIII столетии, особом в истории башкирского народа, отдельные башкирские общины уходили в казахскую степь. Возможна и другая интерпретация. В казахской традиции нередко давались мальчикам имена соседних народов, напр., Узбекали, Кыргызбай, Ногай, Урусхан и др. Точно так же у узбеков и кыргызов в старину бытовало мужское имя Казакбай.

² Определение материала зернотерки и точила выполнено д.т.н. В.С. Портновым (Караганда, Казахстан).

³ Определение выполнено к.и.н. В.Г. Ломаном (Караганда, Казахстан).

ИЛЛЮСТРАЦИИ

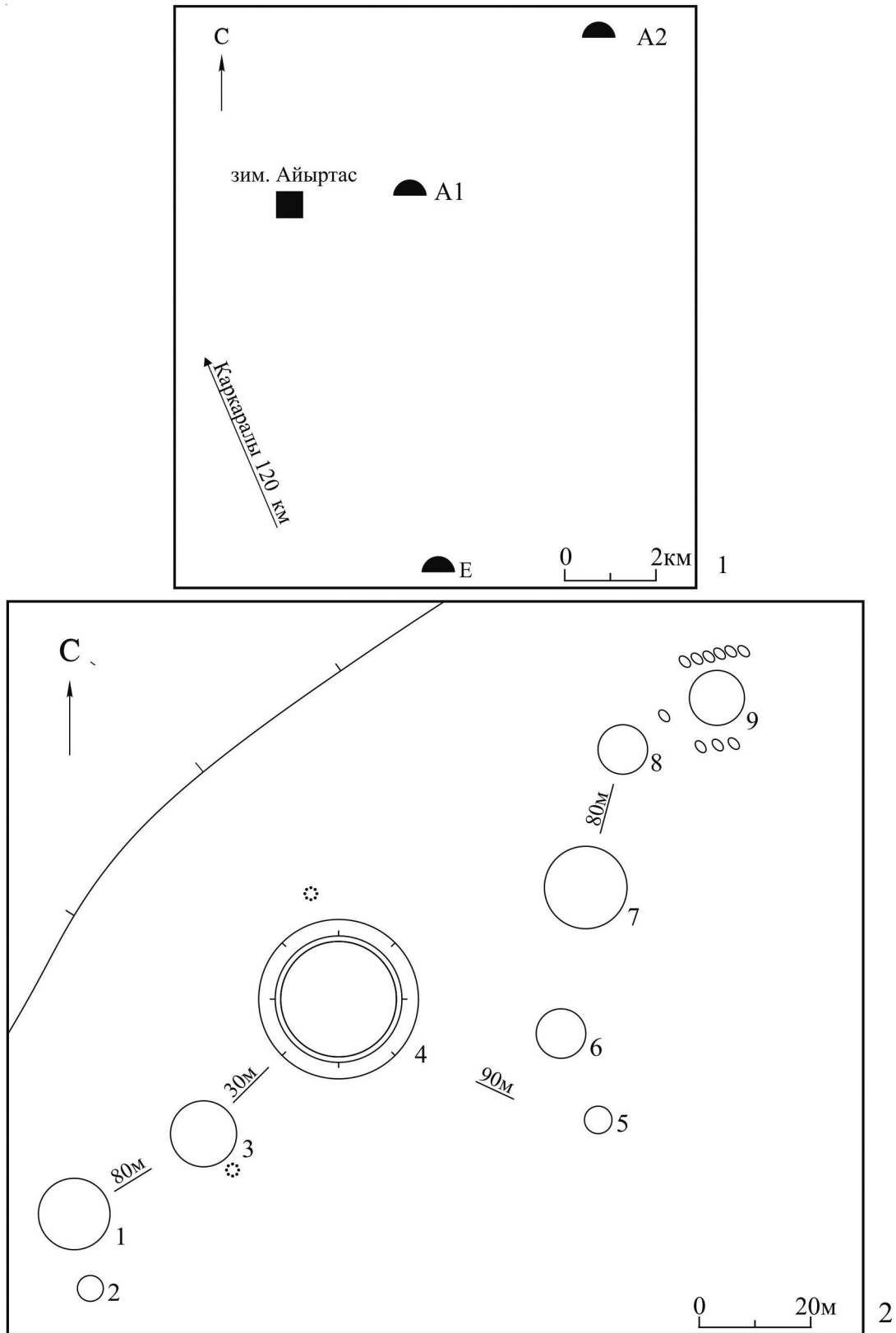

Рис. 1. Расположение могильников Айыртас-1, Айыртас-2 и Естек (1) и план могильника Айыртас-2 (2)

Fig. 1. Location of Aiyrtaş-1, Aiyrtaş-2 and Estek kurgan cemeteries (1) and the Plan of Aiyrtaş-2 kurgan cemetery (2)

Таблица 1. Данные погребального обряда раскопанных курганов могильников Айыртас (А1), Айыртас-2 (А2) и Естек (Е), Центральный Казахстан

Table 1. The data of the funeral rite of the excavated mounds of the burial sites Aiyrtas (A1), Aiyrtas-2 (A2) and Estek (E), Central Kazakhstan

Могильник, курган	Диаметр насыпи, м	Высота насыпи, м	Размеры могилы, м	Глубина могилы, м	Ориентировка могилы	Ориентировка погребенного	Положение погребенного
А1, к. 1	13	0,8	2,6 × 2,1	1,1	СЗ-ЮВ	СЗ	Вытянуто на спине
А1, к. 2	8	0,3?	1,8 × 1,3	0,8	СЗ-ЮВ	–	–
А2, к. 5	5	0,2	2,1 × 1,3	0,9	СВ-ЮЗ	СВ	Вытянуто на спине
А2, к. 6	9	0,5	1,5 × 1	1,2	СЗ-ЮВ	СЗ	Вытянуто на спине
А2, к. 8	9	1,2	2,3 × 1,1	1,1	СЗ-ЮВ	СЗ	Вытянуто на спине
А2, к. 9	10	–	2,5 × 1,7	0,7	СЗ-ЮВ	СЗ	Вытянуто на спине
Е, к. 1	10	0,3	2,5 × 1,3	1	З-В	–	–
Е, к. 2	11	0,3	2,2 × 1,5	1,4	СЗ-ЮВ	СЗ	Вытянуто на спине

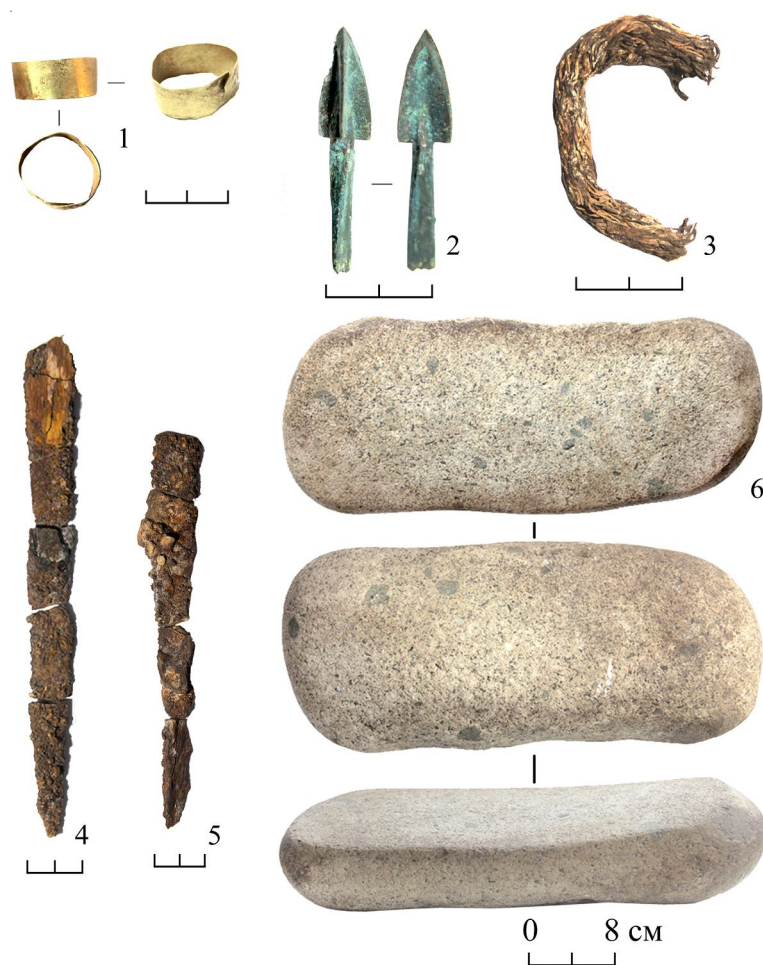

Рис. 2. Находки из погребений:

1 – золотое кольцо; 2 – бронзовый наконечник стрелы; 3 – фрагмент шерстяного аркана;

4, 5 – железные ножи; 6 – каменная зернотерка

(1–3 – могильник Айыртас-1, кург. 1; 4–5 – могильник Айыртас-2, кург. 5; 6 – могильник Айыртас-2, кург. 9)

Fig. 2. Finds from burials:

1 – a gold ring; 2 – bronze arrowhead; 3 – a fragment of wool rope;

4, 5 – iron knives; 6 – stone tool for grinding grain

(1–3 – Aiyrtas-1 kurgan cemetery, kurgan 1; 4–5 – Aiyrtas-2 kurgan cemetery, kurgan 5;

6 – Aiyrtas-2 kurgan cemetery, kurgan 9)

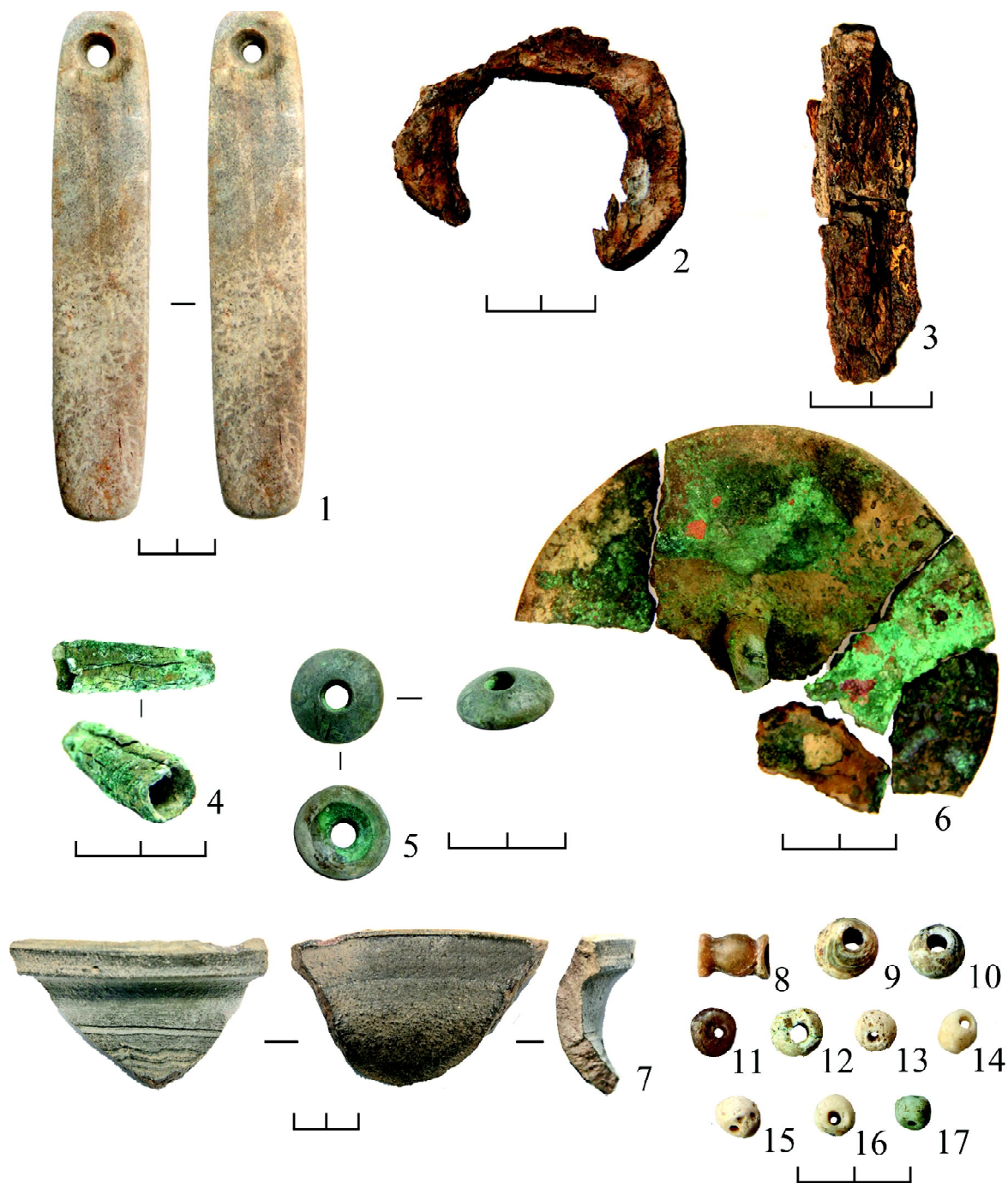

Рис. 3. Находки из погребений:

1 – каменное точило; 2 – железное кольцо; 3 – фрагмент железного кинжала; 4 – бронзовое изделие;
5 – бронзовая ворворка; 6 – бронзовое зеркало; 7 – фрагмент керамики; 8–17 – каменные бусы
(1–3, 5 – могильник Айыртас-2, кург. 9; 4 – могильник Айыртас-2, кург. 5; 6–17 – могильник Естек, кург. 2)

Fig. 3. Finds from burials:

1 – stone sharpener; 2 – iron ring; 3 – fragment of iron dagger;
4 – bronze product; 5 – bronze detail; 6 – bronze mirror; 7 – fragment of ceramics; 8–17 – stone beads
(1–3, 5 – Aiyrtas-2 kurgan cemetery, kurgan 9; 4 – Aiyrtas-2 kurgan cemetery, kurgan 5;
6–17 – Estek kurgan cemetery, kurgan 2)

Таблица 2. Бусы из кург. 2 могильника Естек, Центральный Казахстан (д.т.н. В.С.Портнов, Карагандинский политехнический университет, г. Караганда, Казахстан)

Table 2. Beads from the mound 2 of Estek burial ground, Central Kazakhstan (Doctor of Technical Sciences V.S. Portnov, Karaganda Polytechnic University, Karaganda, Kazakhstan)

Материал	Количество, форма, размеры бусинок, рисунок
Опал	2, коричневая, бочковидная, длина 13 мм, диаметр в середине 8 мм, диаметр отверстия 3 мм (рис. 3,8)
Ракушечник	2, светло-коричневая, округлая, диаметр 13 мм, диаметр отверстия 4 мм (рис. 3,9)
Ракушечник	светло-коричневых, синеватых оттенков, округлая, диаметр 10 мм, диаметр отверстия 4 мм (рис. 3,10)
Опал (коричневый)	коричневая, формы, плоская округлая, диаметр 9 мм, толщина 5 мм, диаметр отверстия 2 мм (рис. 3,11)
Мергель (зеленый)	1, светло-синих оттенков, округлая, диаметр 6 мм, диаметр отверстия 2 мм (рис. 3,17)
Известняк	5, светлая, округлая, диаметр 10 мм, диаметр отверстия 4 мм (рис. 3,12)
Известняк	светлая, округлая, диаметр 8 мм, диаметр отверстия 2 мм (рис. 3,13)
Известняк	светлая, округлая, диаметр 7 мм, диаметр отверстия 3 мм (рис. 3,14)
Известняк	светлая, округлая, диаметр 8 мм, диаметр отверстия 2 мм (рис. 3,15)
Известняк	светлая, плоская округлая, диаметр 8 мм, толщина 5 мм, диаметр отверстия 2 мм (рис. 3,16)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бейсенов А. З., 1995. К вопросу о выделении памятников коргантасского типа в Восточной Сарыарке (вторая половина – конец I тысячелетия до н.э.) // Этнокультурные процессы на территории Казахстана (древность, средневековье, современность). Алматы : Санат. С. 55–61.
- Бейсенов А. З., 2014. О памятниках карамолинского типа в Восточной Сарыарке (вторая половина I тыс. до н.э.) // Вестник Новосибирского государственного университета. История. Филология. Т. 13, вып. 7. С. 68–79.
- Бейсенов А. З., 2015. Околокурганые жертвенники как разновидность памятников тасмолинской культуры // Вестник Томского государственного университета. История. № 4 (36). С. 96–104. DOI: <https://doi.org/10.17223/19988613/36/16>.
- Бейсенов А. З., 2016. Дромосные курганы сакской эпохи на реке Жарлы (Центральный Казахстан) // Самарский научный вестник. № 3 (16). С. 77–86.
- Бейсенов А. З., 2017. Коргантасские погребения в Центральном Казахстане // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии : материалы II Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию д.и.н., проф. П. Б. Коновалова (г. Улан-Удэ, 4–6 декабря 2017 г.). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. С. 103–108.
- Бейсенов А. З., Дуйсенбай Д. Б., 2015а. Исследование нового памятника коргантасского времени на могильнике Байке-2 (Центральный Казахстан) // Археология Западной Сибири и Алтай: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул : Изд-во АГУ. С. 298–301.
- Бейсенов А. З., Дуйсенбай Д. Б., 2015б. Исследования на могильнике Байке-2 // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии : сб. науч. ст., посвящ. памяти археолога К.А. Акишева. Алматы : НИЦИА «Бегазы-Тасмола». С. 71–76.
- Бейсенов А. З., Исагулова А. О., Китов Е. П., Китова А. О., 2015. Население Центрального Казахстана в I тыс. до н.э. Алматы : Институт археологии. 188 с.
- Бейсенов А. З., Шульга П. И., Ломан В. Г., 2017. Поселения сакской эпохи. Алматы : НИЦИА «Бегазы-Тасмола». 208 с.
- Кадырбаев М. К., 1958. О некоторых памятниках ранних кочевников Центрального Казахстана // Известия АН КазССР. История, археология и этнография. Вып. 1 (6). С. 95–104.
- Кадырбаев М. К., 1959. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды Института ИАЭ АН КазССР : в 15 т. Т. 7. Алма-Ата : Наука. С. 162–203.
- Кадырбаев М. К., 1966. Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата : Наука. С. 303–433.
- Караганда. Карагандинская область : энциклопедия, 1986. Алма-Ата : Казахская советская энциклопедия. 608 с., илл. 713, карт 15.
- Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А., 1997. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть I. Культура населения в раннескифское время. Барнаул : АГУ. 232 с.
- Китов Е. П., Бейсенов А. З., 2015. Первые краниологические данные памятников коргантасского типа Центрального Казахстана // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 64. № 14 (369). С. 16–28.
- Кызласов Л. Р., 1977. Уюкский курган Аржан и вопрос происхождения сакской культуры // Советская археология. № 2. С. 69–86.
- Кукушкин И. А., Ломан В. Г., 2013. Курган Борлы // Археологические исследования степной Евразии : сб. науч. ст. Караганда : TENGRI Ltd. С. 192–195.
- История Каркаралы в документах и материалах. Т. 2. Каркаралинский внешний округ, 2009. Алматы : Институт археологии им. А.Х. Маргулана : НИЦИА «Бегазы-Тасмола». 508 с.
- Маргулан А. Х., 1979. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата : Наука. 335 с.
- Молодин В. И., Бородовский А. П. 1994. Каменные ручные жернова в древней погребальной обрядности Западной Сибири // Altaica. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН. С. 72–79.
- Наглер А., 2000. О жерновах в погребальных памятниках степей Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (2). С. 107–111.
- Савинов Д. Г., 1994. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб. : Изд-во СПбГУ. 208 с.

- Савинов Д. Г., 2002. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб. : СПбГУ. 204 с.
- Тетерин Ю. В., Митько О. А., 2014. Курганы раннескифского времени могильника Ак-Даг I в Тыве // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 13, вып. 5. С. 135–145.
- Ткачев А. А., Волошин В. С., 2011. Одиночные захоронения раннего железного века бассейна р. Нуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 1 (14). С. 80–86.
- Хабдулина М. К., 2017. Итоги изучения улубай-тасмолинской культуры Северной Сарыарки // Казахстан в сакскую эпоху. Алматы : Институт археологии : НИЦ истории и археологии Бегазы-Тасмола. С. 35–58.
- Шульга П. И., 2015. О захоронениях коргантасского типа // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Алматы : НИЦИА «Бегазы-Тасмола». С. 405–418.
- Beisenov A. Z., Svyatko S. V., Kassenalin A. E., Zhambulov K. A., Duisenbai D., Reimer P. J., 2016. First Radiocarbon Chronology for the Early Iron Age Sites of Central Kazakhstan (Tasmola Culture and Korgantas Period) // Radiocarbon. Vol. 58, iss. 1. P. 179–191. DOI: <https://doi.org/10.1017/RDC.2015.18>.

REFERENCES

- Beisenov A.Z., 1995. К вопросу о выделении памятников коргантасского типа в Восточной Сарыарке (второй половине – конец I тысячелетия до н.э.) [On the Issue of Identifying Korgantas-Type Monuments in East Saryarka (the Second Half - the End of the 1st Millennium BC)]. *Etnokulturnye protsessy na territorii Kasahstana (drevnost, srednevekovie, sovremennost)* [Ethnocultural Processes on the Territory of Kazakhstan (Antiquity, the Middle Ages, Modernity)]. Almaty, Sanat Publ., pp. 55-61.
- Beisenov A.Z., 2014. О памятниках карамольского типа в Восточной Сарыарке (второй половине I тыс. до н.э.) [About Sites of Karamola Type in Eastern Saryarka (Second Half of I Millennium BC)]. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Istoriya. Philologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology], vol. 13, iss. 7, pp. 68-79.
- Beisenov A.Z., 2015. Okolokurgannye dhertvenniki kak rasnovidnosn't pamiatnikov tasmolinskoj kultury [Sacrificial Constructions Near Kurgans as Type of Tasmola Culture Monuments]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History], no. 4 (36), pp. 96-104. DOI: <https://doi.org/10.17223/19988613/36/16>.
- Beisenov A.Z., 2016. Dromosnye kurgany na reke Jarly (Tsentralnyi Kasakhstan) [Dromos Kurgans of the Saka Time on the Zharly River (Central Kazakhstan)]. *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara Journal of Science], no. 3 (16), pp. 77-86.
- Beisenov A.Z., 2017. Korgantasskie pogrebeniya v Central'nom Kazahstane [Korgantas Burials in Central Kazakhstan]. *Aktual'nye voprosy arheologii i etnologii Central'noy Azii: materialy II Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 80-letiyu d.i.n., prof. P.B. Konovalova (g. Ulan-Ude, 4-6 dekabrya 2017 g.)* [Actual Issues of Archeology and Ethnology of Central Asia. Materials of the II International Scientific Conference Dedicated to the 80th Anniversary of Doctor of Historical Sciences, prof. P.B. Konovalov (Ulan-Ude, December 4-6, 2017)]. Ulan-Ude, BSC SB RAS, pp. 103-108.
- Beisenov A.Z., Duisenbay D.B., 2015a. Issledovanie novogo pamiatnika korgantasskogo vremeni na mogil'nike Bayke-2 (Central'nyy Kazahstan) [Investigation of the New Korgantas Time Monument at the Baike-2 Burial Ground (Central Kazakhstan)]. *Arheologiya Zapadnoy Sibiri i Altaya: opyt mezhdisciplinarnykh issledovaniy* [Archeology of Western Siberia and Altai: Experience of Interdisciplinary Research]. Barnaul, Altai State University, pp. 298-301.
- Beisenov A.Z., Duisenbay D.B., 2015b. Issledovaniya na mogil'nike Bayke-2 [Studies at the Baike-2 Burial Ground]. *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya etnosociokul'turnykh processov Stepnoy Evrazii: sb. nauch. st., posvyashch. pamyati arheologa K.A. Akisheva* [Saka Culture of Saryarka in the Context of the Study of Ethnosocial and Cultural Processes of Steppe Eurasia. Collection of Scientific Articles Dedicated to the Memory of Archaeologist K.A. Akishev]. Almaty, NICIA «Begazy-Tasmola», pp. 71-76.
- Beisenov A.Z., Ismagulova A.O., Kitov E.P., Kitova A.O., 2015. Naselenie Central'nogo Kazahstana v I tys. do n.e. [The Population of Central Kazakhstan in I Millennium BC]. Almaty, Institute of Archeology. 188 p.
- Beisenov A.Z., Shulga P.I., Loman V.G., 2017. *Poseleniya saks koy epohi* [Settlements of the Saka Era]. Almaty, NICIA «Begazy-Tasmola». 208 p.

- Kadyrbaev M. K., 1958. O nekotorykh pamyatnikah rannih kochevnikov Central'nogo Kazakhstana [About Some Monuments of the Early Nomads of Central Kazakhstan]. *Izvestiya AN KazSS. Istoriya, arheologiya i etnografiya* [News of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. History, Archeology and Ethnography], iss. 1 (6), pp. 95-104.
- Kadyrbaev M.K., 1959. Pamyatniki rannih kochevnikov Central'nogo Kazakhstana [Monuments of the Early Nomads of Central Kazakhstan]. *Trudy Instituta IAE ANKazSSR: v 15 t.* [Proceedings of the Institute of IAE of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. In 15 vols.]. Alma-Ata, Nauka Publ., vol. 7, pp. 162-203.
- Kadyrbaev M.K., 1966. Pamyatniki tasmolinskoy kul'tury [Monuments of Tasmola Culture]. *Drevnyaya kul'tura Central'nogo Kazakhstana* [The Ancient Culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata, Nauka Publ., pp. 303-433.
- Karaganda. *Karagandinskaya oblast': Enciklopediya* [Karaganda. Karaganda Region: Encyclopedia], 1986. Alma-Ata, Ch. ed. Kazakh Soviet Encyclopedia. 608 p., Ill. 713, cards 15.
- Kiryushin Yu.F., Tishkin A.A., 1997. *Skifskaya epoha Gornogo Altaya. Chast' I. Kul'tura naseleniya v ranneskifskoe vremya* [Scythian Era of Mountain Altai. Part I. Culture of the Population in the Early Scythian Time]. Barnaul, Altai State University. 232 p.
- Kitov E.P., Beisenov A.Z., 2015. Pervye kraniologicheskie dannye pamyatnikov korgantasskogo tipa Central'nogo Kazakhstana [The First Craniological Data of the Korgantas-Type Monuments of Central Kazakhstan]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], no. 14 (369), history, iss. 64, pp. 16–28.
- Kyzlasov L. R., 1977. Uyukskiy kurgan Arzhan i vopros proiskhozhdeniya sakskey kul'tury [Uyuk Barrow Arzhan and the Issue of the Origin of Saki Culture]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archeology], no. 2, pp. 69-86.
- Kukushkin I.A., Loman V.G., 2013. Kurgan Borly [Borly Barrow]. *Arheologicheskie issledovaniya stepnoy Evrazii: sb. nauch. st.* [Archaeological Studies of Steppe Eurasia. Collection of Scientific Articles]. Karaganda, TENGRI Ltd Publ., pp. 192-195.
- Istoriya Karkaraly v dokumentah i materialah. T. 2. Karkaralinskiy vneshniy okrug* [History of Karkaraly in Documents and Materials. Volume 2. Karkaraly External District], 2009. Almaty, Institute of Archeology named after A.Kh. Margulan; NICIA «Begazy-Tasmola». 508 p.
- Margulan A.Kh., 1979. *Begazy-dandybaevskaya kul'tura Central'nogo Kazakhstana* [Begazy-Dandybaev Culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata, Nauka Publ. 335 p.
- Molodin V.I., Borodovsky A.P., 1994. Kamennye ruchnye zhernova v drevney pogrebal'noy obryadnosti Zapadnoy Sibiri [Stone Hand Millstones in the Ancient Funeral Ritual of Western Siberia]. *Altaica*. Novosibirsk, IAET SB RAS, pp. 72-79.
- Nagler A., 2000. O zhernovakh v pogrebal'nykh pamyatnikakh stepey Evrazii [About Millstones in Burial Monuments of the Steppes of Eurasia]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], no. 2 (2), pp. 107-111.
- Savinov D.G., 1994. *Olennye kamni v kul'ture kochevnikov Evrazii* [Deer stones in the culture of the nomads of Eurasia]. Saint Petersburg, Saint Petersburg University. 208 p.
- Savinov D.G., 2002. Rannie kochevniki Verhnego Eniseya. Arheologicheskie kul'tury i kul'turogenез [Early Nomads of the Upper Yenisei. Archaeological Cultures and Cultural Censis]. Saint Petersburg, Saint Petersburg University. 204 p.
- Teterin Yu.V., Mitko O.A., 2014. Kurgany ranneskifskogo vremeni mogil'nika Ak-Dag I v Tyve [Early Scythian Mounds of the Ak-Dag I Burial Ground in Tyva]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology], vol. 13, iss. 5, pp. 135-145.
- Tkachev A.A., Voloshin V.S., 2011. Odinochnye zahoroneniya rannego zheleznogo veka basseyna r. Nury [Single Burials of the Early Iron Age of the River Basin Nury]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], no. 1 (14), pp. 80-86.
- Khabdulina M.K., 2017. Itogi izucheniya ulubay-tasmolinskoy kul'tury Severnoy Saryarki [The Results of the Study of the Ulubay-Tasmolinskaya Culture of the Northern Saryarka]. *Kazakhstan v sakskeyu epokhu* [Kazakhstan in the Saka Era]. Almaty, Institute of Archeology; NICIA «Begazy-Tasmola», pp. 35-58.
- Shulga P.I., 2015. O zakhoroneniya korgantasskogo tipa [On the Korgantas Type Graves]. *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya etnosociokul'turnykh processov stepnoy Evrazii* [Saka Culture of Saryarka

in the Context of the Study of Ethnosocial and Cultural Processes of Steppe Eurasia]. Almaty, NICIA «Begazy-Tasmola», pp. 405-418.

Beisenov A.Z., Svyatko S.V., Kassenalin A.E., Zhambulatov K.A., Duisenbai D., Reimer P.J., 2016. First Radiocarbon Chronology for the Early Iron Age Sites of Central Kazakhstan (Tasmola Culture and Korgantas Period), *Radiocarbon*, vol. 58, iss. 1, pp. 179-191. DOI: <https://doi.org/10.1017/RDC.2015.18>.

Information About the Authors

Arman Z. Beisenov, Candidate of Sciences (History), Director, Research Center for the History and Archeology of Begazy-Tasmola, Zhambul St., bld. 175, kv. 61, 050008 Almaty, Republic of Kazakhstan, azbeisenov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2524-264X>

Darkhan T. Shashenov, Master of Sciences (Human), Senior Researcher, Department of General History, Archeology and Ethnography, Karaganda Regional Museum of Local History, Erubaev St., 38, 100008 Karaganda, Republic of Kazakhstan, darkhan_57@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4791-4673>

Информация об авторах

Арман Зияденович Бейсенов, кандидат исторических наук, директор, Научно-исследовательский центр истории и археологии Бегазы-Тасмола, ул. Жамбула, д. 175, кв. 61, 050008 г. Алматы, Республика Казахстан, azbeisenov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2524-264X>

Дархан Тастемирович Шашенов, магистр гуманитарных наук, старший научный сотрудник отдела общей истории, археологии и этнографии, Карагандинский областной историко-краеведческий музей, ул. Ерубаева, 38, 100008 г. Караганда, Республика Казахстан, darkhan_57@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4791-4673>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.16>

UDC 631.48:930.26
LBC 40.3

Submitted: 19.03.2020
Accepted: 29.04.2020

PEDOARCHEOLOGICAL RESEARCH OF THE ZHAYYK-1 KURGAN¹

Maxim V. Eltsov

Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science of the Russian Academy of Sciences,
Pushchino, Russian Federation

Abstract. The article reveals the results of pedoarchaeological research of the Zhayyk-kurgan. The research is based on the pedoarchaeological method in the study of historical monuments as a part of natural. The essence of this method is a joint study of modern soils and ancient paleosols of different age archaeological monuments. The obtained data allowed us to clarify the construction features of the archaeological monument's ground mound, as well as to suggest the time of its building. Natural conditions in this period (probably 5th century BC) were generally similar to modern ones, the area was dominated by steppe landscapes with dark chestnut soils. The central part of the kurgan was built of soil blocks, which are cut out upper humus horizons of the soil in their natural composition. The inner mound of the monument is surrounded by a circular moat about 80 cm deep. In the central part of the mound, there are traces of burning in the form of burnt and melted blocks, pieces of soil colored brick and dark pink, charred fragments of wood. The internal structure made of blocks is covered with an embankment of yellow-gray loose humus loam, which is a layer of soil lying under the humus horizon in the areas of building blocks preparation, and this material also fills the ring moat. The embankment that overlaps the primary structure, in turn, is covered with a massive gray-brown top-up that forms the appearance of the monument. It is possible to point out three stages of the kurgan construction: the moment of building a block structure with a ring moat; the stage of building the first mound, and then covering the entire structure with the mound of the last burial.

Key words: archaeological soil science, paleosols, early iron age, Sauromatian culture, humus blocks.

Citation. Eltsov M.V., 2020. Pedoarchaeological Research of the Zhayyk-1 Kurgan. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, vol. 19, no. 1, pp. 285-293. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.16>

УДК 631.48:930.26
ББК 40.3

Дата поступления статьи: 19.03.2020
Дата принятия статьи: 29.04.2020

ПОЧВЕННО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНА ЖАЙЫК-1¹

Максим Витальевич Ельцов

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН,
г. Пушкино, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена результатам почвенно-археологических исследований кург. Жайык-1. В основу исследования положен почвенно-археологический метод в изучении памятников истории как памятников природы. Суть данного метода состоит в совместном изучении современных почв и древних палеопочв разновозрастных археологических памятников. Полученные сведения позволили уточнить конструкционные особенности насыпи археологического памятника, а также сделать предположения о времени его создания. Природные условия в этот период – вероятно, V в. до н.э. – в целом были аналогичны современным, в районе господствовали степные ландшафты с темно-каштановыми почвами. Центральная часть кургана была сложена из грунтовых блоков, представляющих собой вырезанные верхние гумусовые горизонты почвы в естественном сложении. Внутренняя насыпь памятника окружена кольцевым рвом глубиной около 80 см. В центральной части кургана присутствуют следы горения в виде обожженных и оплавленных блоков, кусков грунта кирпичного и темно-розового цветов, обугленные фрагменты древесины. Сложенная из блоков внутренняя конструкция перекрыта насыпью из желто-серого рыхлого гумусированного суплинка, представляющего собой слой грунта, залегающего под гумусовым горизонтом на участках заготовки строительных блоков, причем

этим материалом также заполнен и кольцевой ров. Насыпь, перекрывающая первичное сооружение, в свою очередь, перекрыта мощной серо-бурой досыпкой, формирующей внешний вид памятника. Можно выделить три стадии постройки кургана: момент создания блочной конструкции с кольцевым рвом; этап создания первой насыпи; последующее перекрытие всей конструкции насыпью последнего захоронения.

Ключевые слова: археологическое почвоведение, палеопочвы, ранний железный век, савроматы, гумусовые блоки.

Цитирование. Ельцов М. В., 2020. Почвенно-археологические исследования кургана Жайык-1 // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 1. С. 285–293. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.16>

Введение

Интеграция археологии с науками естественного направления является отражением общей тенденции развития современного научного знания. В основу настоящего исследования положен почвенно-археологический метод в изучении памятников истории как памятников природы. Суть метода состоит в сопряженном анализе современных и древних погребенных почв разновозрастных археологических памятников, время сооружения которых определяется методами археологии [Демкин, 1997, с. 19].

Почва является совокупным сочетанием всех элементов природной среды (климата, почвообразующей породы, рельефа, растительного и животного мира и др.). Таким образом, каждой природной зоне соответствует свой облик зональной почвы. Современная теория эволюции почв основана на представлении о саморазвитии почв и ландшафтов до состояния динамического равновесия или квазиравновесного состояния с условиями окружающей среды [Таргульян, Александровский, 1976, с. 23]. Развитие почв во времени осуществляется параллельно с изменением факторов почвообразования либо, в силу известной инерционности почвы, под влиянием изменений условий среды в прошлом [Роде, 1984, с. 57; Геннадиев, 1990, с. 12]. Сравнительное изучение почв разновозрастных археологических памятников между собой и с современными почвами позволяет реконструировать изменение палеоэкологических условий во времени.

Были проведены почвенно-археологические исследования кургана Жайык-1, административно расположенного на территории г. Уральска Республики Казахстан. Археологический памятник приурочен к правому высокому берегу р. Урал (Западный Сырт, под-

ножье Свистун-горы). Абсолютная высота поверхности составляет 90–95 м. В природном отношении участок исследований относится к зоне сухих степей с типчаково-тонконоговильной растительностью. Климат континентальный. Среднегодовая температура воздуха составляет примерно +6 °С, количество атмосферных осадков около 350 мм в год. Раскопки проводились археологической экспедицией Западно-Казахстанского центра истории и археологии (руководитель экспедиции – научный сотрудник Я.А. Лукпанова). Аналитические лабораторные работы выполнялись по общепринятым методикам [Аринушкина, 1970; Procedures ... , 1995].

Строение и свойства почвенно-грунтовой толщи кургана Жайык-1

Археологический памятник представляет собой курган высотой в центральной части около 4 м и диаметром насыпи более 40 метров. Курган имеет сложное строение, в значительной мере нарушен грабительскими ямами и перерыт землероями. Время начала сооружения памятника носит дискуссионный характер: в целом, по археологическим данным, относится к савромато-раннесарматскому времени раннего железного века (V–III вв. до н.э.). Центральная часть кургана была сложена из грунтовых блоков, представляющих собой вырезанные верхние гумусовые горизонты почвы в естественном сложении (рис. 1). По периферии внутренняя насыпь окружена кольцевым рвом глубиной около 80 см. В центральной части кургана присутствуют следы горения в виде обожженных и оплавленных блоков, кусков грунта кирпичного и темно-розового цветов, обугленные фрагменты древесины. Сложенная из блоков внутренняя конструкция перекрыта насыпью из желто-серо-

го рыхлого гумусированного суглинка, представляющего собой слой грунта, залегающего под гумусовым горизонтом на участках заготовки строительных блоков, причем этим материалом также заполнен и кольцевой ров. Насыпь, перекрывающая первичное сооружение, в свою очередь, перекрыта мощной серо-бурой досыпкой, формирующей внешний вид памятника. В южной части кургана под центральной бровкой прослеживаются следы делювиального сноса материала внутренней конструкции. Возможно, что строение из блоков возводилось этапами и какое-то время находилось без перекрытия, что привело к его частичному разрушению (оплыванию).

Почвенный разрез для изучения погребенной почвы (Ж-1-19) был заложен под центральной частью восточной бровки (восточный фас). Было проведено полевое описание морфологических свойств почвы, выполнены измерения магнитной восприимчивости капаметром КТ-5 (МВ). Данные по химическим и физико-химическим свойствам погребенной почвы представлены в таблице 1. Профиль «насыпь-погребенная почва» имеет следующее строение: гор. $A_{\text{кург}}$ (0–10 см, гумусовый горизонт почвы внешней насыпи, серо-коричневый легкий суглинок, плитчато-комковато-порошистая структура, уплотнен, сухой; граница ровная; переход заметный по цвету и структуре, МВ 95×10^{-6} единиц СИ); гор. $B_{\text{кург}}$ (10–38 см, серо-бурый легкий суглинок, неоднородный, структура глыбистая, материал внешней насыпи, границы и переходы резкие, МВ 105×10^{-6} единиц СИ); гор. $A'_{\text{кург}}$ (гумусовый горизонт досыпки внутренней конструкции, белесо-желто-серый легкий суглинок плитчато-порошистой структуры, плотный, сухой, граница ровная, переход заметный по цвету и структуре, МВ 121×10^{-6} единиц СИ); гор. $B'_{\text{кург}}$ (48–56 см, серо-желтый легкий суглинок глыбистой структуры, сухой, плотный, граница ровная, переход резкий, МВ 117×10^{-6} единиц СИ); гор. $B''_{\text{кург}}$ (56–141 см, уплотнен, сухой, конструкция из гумусовых блоков, сильно нарушена землероями, граница ровная, переход резкий, встречаются диагенетические карбонаты, МВ 102×10^{-6} единиц СИ); гор. А (141–151 см, верхний горизонт погребенной почвы, белесо-серо-коричневый легкий суглинок плитчато-комко-

вато-порошистой структуры, сухой, плотный, встречается диагенетический карбонатный налет, граница ровная, переход ясный по цвету и структуре); гор. В (151–166 см, серо-коричневый легкий суглинок; структура призмовидная, непрочная, грани неровные, встречаются гумусированные зоны, граница с затеками, переход заметный); гор. В2са (166–181 см, желто-коричневый легкий суглинок, структура призмовидная, грани неровные, затеки гумуса, граница ровная, переход ясный по цвету и появлению карбонатной пропитки); гор. ВС'са (181–193 см, коричнево-желтый легкий суглинок, структура ореховато-призмовидная, карбонатная пропитка при подсыхании, граница ровная, переход ясный по формам выделения карбонатов); гор. ВС''са (193–246 см, темно-желто-бурый легкий суглинок, структура непрочная ореховатая, размер отдельностей около 2 см, грани неровные, слабо отмыты с глинистыми кутанами, свежий, плотный; горизонт аккумуляции карбонатов в виде хорошо оформленной белоглазки размером около 1 см, граница неровная с редким проникновением белоглазки в нижележащий горизонт по корням растений); гор. Сса (246–330 см, темно-желто-бурый лессовидный легкий суглинок, глыбистый, влажный, встречаются гумусовые пленки по граням и трещинам). Погребенная почва бурно вскипает от HCl (с горизонта В2са). Гумусовый горизонт внешней насыпи вскипает слабо, внутренняя досыпка и конструкция из блоков не кипят.

Профиль погребенной почвы сильно перерит землероями. Почва в целом имеет среднесуглинистый гранулометрический состав, небольшое облегчение наблюдается в верхнем горизонте. Гумусовый горизонт текстурно-дифференцирован, но морфологически солонцеватость выражена слабо. Количество ила в горизонте В1 по сравнению с А1 больше в 2 раза. Накопление глинистых частиц происходит в горизонтах В2са и ВСа. Содержание гумуса в гумусовом горизонте составляет 0,6–0,65 %. Магнитная восприимчивость максимальна в горизонте А1 (117×10^{-5} единиц СИ). Почва вскипает с глубины 25 см, реакция среды вниз по профилю уменьшается от нейтральной до слабощелочной. Аккумуляция CaCO_3 в виде белоглазки происходит в горизонте ВС'са (9,6 %). Профиль почвы

промыт от ЛРС и гипса. Погребенная почва диагностирована как темно-каштановая глуккозасоленная (КЗ^{г3}).

Строение профиля и свойства современной почвы

Разрез фоновой современной почвы (Ж-2-19) был заложен на залежном поле в 150 м к юго-востоку от кургана. Было проведено полевое описание морфологических свойств горизонтов почвенного разреза, выполнены полевые измерения магнитной восприимчивости. Химические и физико-химические свойства почвы представлены в таблице 2. Следует отметить, что почвенный покров района исследований полностью распашан, целинных степных участков практически не осталось. Растительный покров территории представлен, главным образом, полынными группировками с разнотравьем, встречаются отдельные куртины злаковых (*Stipa capillata* L., *Festuca sulcata* и др.). Общее проективное покрытие составляет 50–70 %.

Современная почва имеет следующее строение профиля: гор. А (0–10 см, частично восстановившийся верхний гумусовый горизонт, темно-коричнево-бурый легкий суглинок плитчато-комковатой структуры, уплотнен, влажноват; пронизан корнями, граница ровная, переход ясный по цвету и структуре); гор. В_{пах} (10–35 см, коричнево-бурый легкий суглинок, структура призмовидно-глыбистая, размер отдельностей 1–2 см, сухой, уплотнен; много корней, граница ровная, переход резкий по цвету и структуре); гор. В2са (белесо-темно-желто-бурый легкий суглинок, структура призмовидно-ореховатая, грани неровные, плотный, сухой, затеки гумуса по трещинам, карбонатная пропитка при подсыхании; граница ровная, переход ясный по формам выделения карбонатов); гор. ВСса (50–110 см, темно-желто-бурый легкий суглинок, призмовидно-ореховатая структура, грани неровные, слабо отмыты с глинистыми кутанами, встречаются затеки и пленки гумуса, аккумуляция карбонатов в виде четко оформленной белоглазки размером около 2 см, сухой, плотный, граница неровная с редким проникновением белоглазки в нижележащий горизонт по корням растений); гор. С (110–180 см, темно-желто-бурый лессовидный

легкий суглинок глыбистой структуры, влажный, плотный). Почва бурно вскипает от HCl (10 %) с гор. В2са. Профиль разбит трещинами на глубину около 1 м, до глубины 60 см встречаются крупные корни травянистой растительности.

Современная каштановая почва имеет среднесуглинистый гранулометрический состав, небольшое облегчение наблюдается с глубиной. Содержание гумуса не превышает 2 % в пахотном горизонте и резко снижается до 0,18 % в горизонте В2. Величина магнитной восприимчивости максимально в горизонте В_{пах}, ниже ее значение составляет 47–62 $\times 10^{-6}$ единиц СИ. Для профиля в целом характерна слабощелочная реакция (рН изменяется от 8,3 до 8,7). Вскипание от 10 % HCl выражено с глубины 35 см. Содержание CaCO₃ максимально в горизонте ВСса, пахотный горизонт выщелочен от карбонатов, в материнской породе содержание карбонатов составляет 7,4 %. Накопление ЛРС и гипса в почве не отмечено. Современная почва диагностирована как темно-каштановая глуккозасоленная (КЗ^{г3}).

Почвенно-климатические условия и время сооружения кургана Жайык-1

Рассмотрим свойства современной и погребенной почв кург. Жайык-1 (табл. 1–3). Основными характеристиками степных почв являются особенности гумусового и карбонатных профилей (мощности горизонтов, глубина вскипания, формы выделения новообразований карбонатов, содержание органического углерода, CaCO₃ и др.), а также распределения по профилю легкорастворимых солей и гипса.

Погребенная и современная почвы диагностированы как темно-каштановые глуккозасоленные (КЗ^{г3}). Для них характерны хорошо выраженные гумусовые горизонты мощностью до 35 см, мощность гумусового горизонта современной почвы увеличена за счет припашки материала нижнего слоя. Величина магнитной восприимчивости в верхних горизонтах не превышает 114–117 и уменьшается к породе до 44–47 $\times 10^{-6}$ единиц СИ. Горизонты аккумуляции карбонатов приурочены к средней части профиля и имеют призмовид-

но-ореховатую структуру, новообразования представлены в виде хорошо оформленной белоглазки размером 1–2 см. Гумусовые горизонты промыты от карбонатов, почвы вскипают с глубины 25 см (гор. В2 са). Профили почв выщелочены от ЛРС и гипса. В погребенной почве в верхней части отмечается небольшое накопление диагенетических солей.

Таким образом, по сочетанию морфологических, магнитных, физико-химических и химических характеристик почвы имеют сходное строение профили. Это дает основание сделать заключение, что природные условия во время сооружения кург. Жайык-1 в целом были аналогичны современным, в районе господствовали степные ландшафты с темно-каштановыми почвами.

Основной реконструируемой характеристикой палеоклиматических условий по данным археологических исследований является годовая сумма атмосферных осадков. На примере нижневолжских степей статистическими расчетами установлена прямая корреляция между величинами магнитных характеристик современных почв и среднегодовым количеством атмосферных осадков [Maher et. al., 2002, p. 1573]. По результатам многолетних почвенно-археологических исследований показано, что в погребенных почвах зафиксировалось состояние магнитного материала, равновесное палеоклиматическим условиям на момент сооружения насыпи археологического памятника [Алексеев и др., 2002, с. 58]. На основе этих

данных были получены выводы об изменении атмосферной увлажненности Волго-Донского междуречья в эпоху раннего железного века [Демкин и др., 2012, рис. 1]. Учитывая то, что данные археологии определяют время сооружения кургана V–III вв. до н.э., и то, что за последние полвека в южной части степной зоны происходит направленное (примерно на 50 мм) увеличение годовых сумм осадков [Сажин, 1993, с. 44; Зайдельман и др., 1998; Тихонов, 2000, с. 56; Сиротенко и др., 2007, с. 36], время сооружения кургана предположительно можно датировать V веком до н.э. Этап сооружения внутренней конструкции кургана (блочная насыпь с перекрытием и кольцевым рвом) и момент создания основной внешней насыпи разделяет некоторый временной период (до нескольких сотен лет). За это время начал восстанавливаться почвенный покров на первой грунтовой насыпи.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена за счет средств гранта РФФИ 17-18-01406. Аналитический блок выполнен при поддержке РФФИ (грант 19-29-05178). Исследование проводилось в соответствии с Госзаданием 0191-2019-0046.

The work was supported by RSF (project no. 17-18-01406). The analytical block was completed supported by the RFBR (grant 19-29-05178). The research was carried out within with the state assignment 0191-2019-0046.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рис. 1. Конструкционные особенности строения кургана (фотография автора):

1 – сооружение из гумусовых блоков; 2 – первая насыпь; 3 – кольцевой ров; 4 – вторая насыпь

Fig. 1. Construction features of the kurgan structure. Photo by the author:

1 – construction of humus blocks; 2 – the first mound; 3 – ring moat; 4 – the second mound

Таблица 1. Свойства погребенной почвы кургана Жайык-1 (Ж-1-19)

Table 1. Properties of the buried soil of the Zhaiyk-1 kurgan (Zh-1-19)

Горизонт	Глубина (см)	Гумус (%)	рН водн.	CaCO ₃ (%)	CaSO ₄ (%)	Сумма солей (%)	МВ, n × 10 ⁻⁶ единиц СИ	Содержание фракций (%)	
								<0.001 мм	<0.01 мм
A1	0–10	0,65	6,9	0,6	0,0	0,44	117	9	21
B1	10–25	0,60	7,0	1,0	0,0	0,37	97	18	29
B2ca	25–40	0,44	8,1	5,7	0,0	0,37	79	21	38
BC ¹ ca	40–52		8,2	9,6	0,0	0,10	51	24	39
BC ² ca	52–105		8,5	4,2	0,1	0,10	44	15	24
Cca	105–170		8,0	5,1	0,1	0,10	45	15	35

Таблица 2. Свойства фоновой современной почвы кургана Жайык-1 (Ж-2-19)

Table 2. Properties of the modern soil of the Zhaiyk-1 kurgan (Zh-2-19)

Горизонт	Глубина (см)	Гумус (%)	рН водн.	CaCO ₃ (%)	CaSO ₄ (%)	Сумма солей (%)	МВ, n [×] 10 ⁻⁶ единиц СИ	Содержание фракций (%):	
								<0.001 мм	<0.01 мм
Апах	0–10	1,96	8,3	0,3	0,0	0,07	97	16	32
Впах	10–35	0,18	8,6	1,1	0,0	0,05	114	18	31
В2са	35–55		8,7	8,1	0,0	0,05	62	14	21
В3са	55–110		8,6	8,7	0,0	0,05	45	17	38
С	110–180		8,0	7,4	0,1	0,11	47	15	24

Таблица 3. Морфологические и магнитные свойства почв кургана Жайык-1

Table 3. Morphological and magnetic properties of soils of Zhaiyk-1 kurgan

Показатели	Разрез, время	
	Ж-1-19, РЖВ	Ж-2-19, фон
Мощность гумусового горизонта:		
А	10	10
А+В, см	25	25
Магнитная восприимчивость:		
гор. А	117	97
гор. В1, n [×] 10 ⁻⁶ единиц СИ	97	114
Глубина вскипания, см	25	25
Глубина залегания аккумуляции карбонатов (гор. В3са), см	52	50
Мощность горизонта В3са	53	60
Новообразования карбонатов	Белоглазка	Белоглазка
Средний размер белоглазки, мм	10	10-20
Почва	КЗ ^{ГЗ}	КЗ ^{ГЗ}

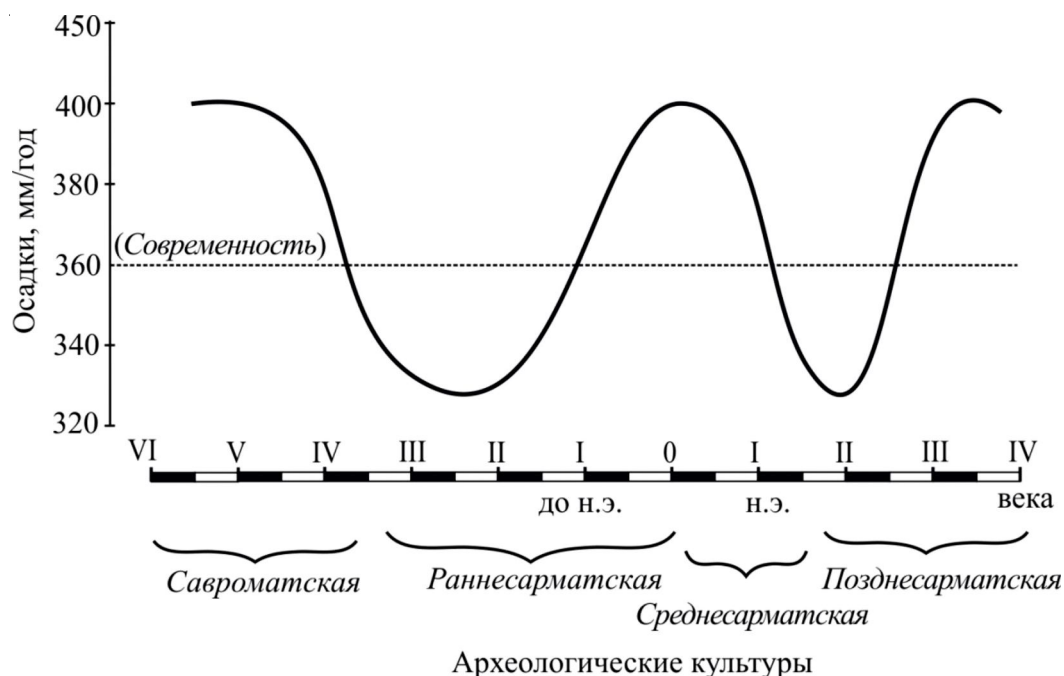

Рис. 2. Реконструкция динамики количества атмосферных осадков в сухостепной зоне Волго-Донского междуречья в савромато-сарматскую эпоху (по: [Демкин и др., 2012])

Fig. 2. Reconstruction of the dynamics of precipitation in the dry- steppe zone of the Volga-Don interfluve in the Sauromatian-Sarmatian epoch (after: [Demkin et al., 2012])

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А. О., Алексеева Т. В., Заварзина Д. Г., 2002. Роль железо-редуцирующих бактерий в формировании почвенного магнетита // Органическая минералогия : материалы I Российского совещания по органической минералогии. СПб. С. 55–59.
- Аринушкина Е. В., 1970. Руководство по химическому анализу почв. М. : Изд-во МГУ. 490 с.
- Геннадиев А. Н., 1990. Почвы и время: модели развития. М. : Изд-во МГУ. 232 с.
- Демкин В. А., 1997. Почвоведение и археология. Пушкино : ОНТИ НЦБИ АН СССР. 213 с.
- Демкин В. А., Скрипкин А. С., Ельцов М. В., Золотарева Б. Н., Демкина Т. С., Хомутова Т. Э., Кузнецова Т. В., Удальцов С. Н., Каширская Н. Н., Плеханова Л. Н., 2012. Природная среда волго-уральских степей в савромато-сарматскую эпоху (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). Пушкино : ИФХиБПП РАН. 216 с.
- Зайдельман Ф. Р., Тюльпанов В. И., Ангелов Е. Н., Давыдов А. И., 1998. Почвы мочарных ландшафтов – формирование, агроэкология и мелиорация. М. : Изд-во МГУ. 180 с.
- Роде А. А., 1984. Генезис почв и современные процессы почвообразования. М. : Наука. 130 с.
- Сажин А. Н., 1993. Природно-климатический потенциал Волгоградской области. Научное исследование природно-климатических ресурсов области за 100-летний период. Волгоград : Изд-во Волгоградского сельскохозяйственного института. 86 с.
- Сиротенко О. Д., Груза Г. В., Ранькова Э. Я., Абашина Е. В., Павлова В. Н., 2007. Современные климатические изменения теплообеспеченности, увлажненности и продуктивности агроферы России // Метеорология и гидрология. № 8. С. 34–38.
- Таргульян В. О., Александровский А. Л., 1976. Эволюция почв в голоцене: (Проблемы, факты, гипотезы) // История биогеоценозов СССР в голоцене. М. : Наука. 123 с.
- Тихонов В. Е., 2000. Ритмичность метеорологических факторов и биоклиматический потенциал в степной зоне Урала // Вопросы степеведения. Оренбург : Оренбургская губерния. С. 54–58.
- Maher B. A., Alekseev A. O., Alekseeva T. V., 2002. Climate Dependence of Soil Magnetism Across the Russian Steppe: Significance for Use of Soil Magnetism as a Paleoclimatic Proxy // Quaternary Science Reviews. Vol. 21. P. 1571–1576.
- Procedures for Soil Analysis, 1995. Wageningen : International Soil Reference and Information Center. 364 p.

REFERENCES

- Alekseev A.O., Alekseeva T.V., Zavarzina D.G., 2002. Rol' zhelezo-redutsiruyuschih bakteriy v formirovanii pochvennogo magnetita [Iron-reducing Bacteria Role in the Formation of Soil Magnetite]. *Organicheskaya mineralogiya: materialy I Rossiyskogo soveshaniya poorganicheskoy mineralogii* [Organic Mineralogy. Proceedings of the First Russian Conference on Organic Mineralogy]. Saint Petersburg, pp. 55-59.
- Arinushkina E.V., 1970. *Rukovodstvo po khimicheskomu analizu pochv* [Guide to Chemical Analysis of Soils]. Moscow, MSU. 490 p.
- Gennadiev A.N., 1990. *Pochvy i vremya: modeli razvitiya* [Soil and Time: Models of Development]. Moscow, MSU. 232 p.
- Demkin V.A., 1997. *Pochvovedenie i arkheologiya* [Soil Science and Archaeology]. Pushchino, DSTI BRC USSR AS. 213 p.
- Demkin V.A., Skripkin A.S., Eltsov M.V., Zolotareva B.N., Demkina T.S., Khomutova T.E., Kuznetszova T.V., Udal'tsov S.N., Kashirskaya N.N., Plekhanova L.N., 2012. *Prirodnaya sreda volgo-ural'skih stepey v savromato-sarmatskuyu epohu (VI v. do n.e. – IV v. n.e.)* [Natural Environment of the Volga-Ural Steppes in the Sauromatic-Sarmatian Epoch (VI century BC - IV century AD)]. Pushchino, IPBPSS. 216 p.
- Zaydel'man F.R., Tyul'panov V.I., Angelov E.N., Davydov A.I., 1998. *Pochvy mocharnyh landshaftov – formirovanie, agroekologiya i melioratsiya* [Soils of Moist Landscapes- Formation, Agroecology and Melioration]. Moscow, MSU. 180 p.
- Rode A.A., 1984. *Genезis pochv i sovremennye processy pochvoobrazovaniya* [Genesis of Soils and Modern Processes of Soil Formation]. Moscow, Nauka Publ. 130 p.

- Sazhin A.N., 1993. *Prirodno-klimaticheskij potentsial Volgogradskoy oblasti. Nauchnoe issledovanie prirodno-klimaticheskikh resursov oblasti za 100-letniy period* [Natural and Climatic Potential of the Volgograd Region. Scientific Research of Natural and Climatic Resources of the Region Over a 100-Year Period]. Volgograd, Volgograd Agricultural Institute. 86 p.
- Sirotenko O.D., Gruza G.V., Ran'kova E.Ya., Abashina E.V., Pavlova V.N., 2007. *Sovremennye klimaticheskie izmeneniya teploobespechennosti, uvlazhnennosti i produktivnosti agrosfery Rossii* [Modern Climate Changes of Heat Supply, Humidity and Productivity of the Russian Agro-Sphere]. *Meteorologiya i gidrologiya* [Meteorology and Hydrology], no. 8, pp. 34-38.
- Targul'yan V.O., Aleksandrovskiy A.L., 1976. *Evolyutsiya pochv v golotsene: (Problemy, fakty, gipotezy)* [Evolution of Soils in the Holocene: (Problems, Facts, Hypotheses)]. *Istoriya biogeotsenozov SSSR v golotsene* [History of Biogeocenoses of the USSR in the Holocene]. Moscow, Nauka Publ. 123 p.
- Tikhonov V.E., 2000. *Ritmichnost' meteorologicheskikh faktorov i bioklimaticheskij potentsial v stepnoy zony Urala* [Rhythmicity of Meteorological Factors and Bioclimatic Potential in the Steppe Zone of the Urals]. *Voprosy stepovedeniya* [Questions of Steppe Studies]. Orenburg, Orenburgskaya guberniya Publ., pp. 54-58.
- Maher B.A., Alekseev A.O., Alekseeva T.V., 2002. Climate Dependence of Soil Magnetism Across the Russian Steppe: Significance for Use of Soil Magnetism as a Paleoclimatic Proxy. *Quaternary Science Reviews*, vol. 21, pp. 1571-1576.
- Procedures for Soil Analysis*, 1995. Wageningen, International Soil Reference and Information Center. 364 p.

Information About the Author

Maxim V. Eltsov, Candidate of Sciences (Biology), Senior Researcher, Laboratory of Archaeological Soil Science, Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science of the Russian Academy of Sciences, Institutskaya St., 2, 142290 Pushchino, Russian Federation, m.v.eltsov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7886-8131>

Информация об авторе

Максим Витальевич Ельцов, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории археологического почвоведения, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, ул. Институтская, 2, 142290 г. Пушкино, Российская Федерация, m.v.eltsov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7886-8131>

Миссия журнала «Нижеволжский археологический вестник» – создание благоприятных условий для научного общения, популяризации и обмена новейшими достижениями в области археологии евразийских степей и сопредельных территорий; обогащение науки новыми археологическими источниками; ознакомление широкого круга исследователей с новациями и достижениями в области теории и практики современной археологии.

Редакционная политика журнала направлена на популяризацию исторических знаний и оперативный обмен новейшими разработками в евразийской степной археологии между отечественными и зарубежными учеными и заинтересованными читателями. Степи Евразии являются важнейшим регионом, история которого непосредственно влияла на процессы культурогенеза и этногенеза как в древности, так и в средневековье, связывая цивилизации Востока и Запада. Археологические исследования на данной территории остаются ценным источником реконструкции многих исторических процессов и важным фактором для понимания современных процессов мировой интеграции в Евразийском регионе.

Журнал приветствует естественнонаучные исследования в области археологии и исторических реконструкций.

С целью обеспечения высокого качества публикуемых материалов рецензентами выступают ведущие российские и зарубежные специалисты в различных областях знаний и периодах истории. Публикация полевых исследований допускается при наличии в статье глубокого анализа материалов с учетом достижений мировой науки.

Цели журнала – освещение и обсуждение актуальных теоретических и практических проблем археологии, использование естественнонаучных методов в области археологии евразийских степей и сопредельных территорий; информирование научной общественности о достижениях в области полевой и теоретической археологии в древности и средневековье.

Задачи журнала:

- публикация аналитических научных статей, рецензий и критических обзоров;
 - оперативное введение в научный оборот результатов полевых археологических исследований;
 - организация дискуссий по наиболее актуальным проблемам археологии евразийских степей и сопредельных территорий;
 - развитие научных контактов между специалистами в области археологии и естественнонаучных дисциплин;
 - обзор прошедших и анонс предстоящих научных мероприятий по археологии и междисциплинарным исследованиям;
 - поддержание высокого уровня научных публикаций.
-
-

The mission of *The Lower Volga Archaeological Bulletin* is to create favorable conditions for scientific communication, promoting and exchanging the latest achievements in the Archaeology of Eurasian steppes and adjacent territories; to enrich the science with new archaeological sources; to present the most recent advances and innovations in the contemporary Archaeology to a wide range of researchers.

The aim of the journal is to cover and discuss current research issues related to Archaeology and scientific methods applied to the Archaeology of Eurasian steppes and adjacent territories; to inform the scientific community on the achievements of field and theoretical Archaeology in ancient times and the Middle Ages.

The editorial policy of the journal is aimed at the historical knowledge popularization and rapid exchange of the latest developments in the Eurasian steppe Archaeology between Russian and foreign scholars. The Eurasian steppes are a very important region. Its history had a direct impact on the processes of culture-genesis and ethnogenesis both in ancient times and in the Middle Ages and connected Eastern and Western civilizations. Archaeological research in this territory remains a valuable source of reconstructing many historical processes and a key factor for understanding modern world integration processes in the Eurasian region.

The journal welcomes natural scientific research applied to Archaeology and historical reconstructions.

To ensure the high quality of published materials the international team of leading experts in various disciplines, fields and historical periods provide their reviews. We publish field studies only if the article contains the in-depth analysis of materials and takes into account the achievements of the world science.

The objectives of the journal are to:

- publish research papers, reviews and critical notes;
 - present research findings to end users in the most useful way;
 - create a platform for discussing challenges related to the Archaeology of the Eurasian steppes and adjacent territories;
 - develop scientific contacts between experts in Archaeology and Natural Sciences;
 - review the past scientific events in Archaeology and interdisciplinary studies and announce the future ones;
 - maintain the high level of academic publications.
-

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «НИЖНЕВОЛЖСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»

1. Редакционная коллегия журнала «Нижеволжский археологический вестник» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (nav@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции nav@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Нижеволжский археологический вестник».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://nav.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *THE LOWER VOLGA ARCHAEOLOGICAL BULLETIN*

1. The Editorial Staff of *The Lower Volga Archaeological Bulletin* publishes only original articles.
 2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.
 3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.
 4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.
 5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.
 6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.
 7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.
 8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.
 9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail nav@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.
 10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.
- Submitting an article** and cover documents via the indicated e-mail nav@volsu.ru, the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *The Lower Volga Archaeological Bulletin* print periodical.
- The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.
- The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.
- The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://nav.jvolsu.com/index.php/en> (section "For Author").
